Посвящается
XXXVII Международному
конгрессу востоковедов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

В.Г. РАСТЯННИКОВ
И.В. ДЕРЮГИНА

МОДЕЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РОСТА

в XX веке

Индия, Япония, США
Россия, Узбекистан, Казахстан

МОСКВА
ИВ РАН
2004

ББК 65.32+65.011.3
Р24

Рецензенты
доктор экономических наук Г.К. ШИРОКОВ
доктор экономических наук В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ
кандидат экономических наук А.В. АКИМОВ

Р24 Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М.: Институт востоковедения РАН. 2004. — 640 стр.

ISBN 5–89282–240–0

Книга посвящена исследованию фундаментальных проблем сельскохозяйственного роста в его долгосрочной ретроспективе — от конца XIX в. до начала XXI в., в фокусе исследования — процессы изменений в механизмах роста в аграрных секторах Индии, Японии, США, России, Узбекистана, Казахстана. Даны сопоставимые оценки моделей роста. По единой методике описываются изменения параметров технико-экономической структуры сельского хозяйства отобранных стран, на этом фоне авторы характеризуют процессы смены исторических ступеней развития аграрных секторов — традиционной, мануфактурной, индустриальной, информационной; авторы отслеживают качественные особенности и этапы движения аграрных секторов данных стран к рынку; особое внимание уделено анализу долговременных последствий влияния на сельскохозяйственный рост механизмов внеэкономического принуждения (на примере аграрного хозяйства России); исследована по странам циклическая неравномерность экономического роста в агросфере в ретроспективе, охватывающей период двух «кондратьевских» больших циклов (от конца XIX в. до конца XX в.). Работа содержит обширный статистический материал, почерпнутый из оригинальных национальных источников; широко применяется метод графического отображения изучаемых процессов. Пересматривается ряд устоявшихся оценок экономического роста в аграрном секторе.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся сложными, «сквозными» проблемами сельскохозяйственного роста в странах Востока и Запада в период от конца XIX до начала XXI столетия, для всех лиц, интересующихся вопросами экономической истории России.

ББК 65.32+65.011.3

ISBN 5–89282–240–0

© Институт востоковедения РАН, 2004
© В.Г. Растянников, И.В. Дерюгина, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРОВ 16

Раздел первый

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РОСТА

Глава I. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ЗЕРКАЛЕ ДИНАМИКИ ИЗДЕРЖЕК ПРОИЗВОДСТВА..... 24

1. *Современный экономический рост: две его исходные модели в агросфере*..... 25
2. *Краткий обзор страновых «пакетов» статистических сведений об издержках производства в сельском хозяйстве*..... 34
3. *Современный экономический рост в агросфере. Обзор по странам*..... 40

Страны с рыночной экономикой

США..... 40
Япония..... 62
Индия..... 77

Страны с нерыночной (с 90-х годов XX века — с переходной к рыночной) экономикой

Россия..... 91
Узбекистан..... 114

Краткое резюме. Различия в технико-экономических моделях экономического роста в агросфере и эффективность производства..... 125

Раздел второй

РЫНОК, ПСЕВДОРЫНОК И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РОСТ

Глава II. МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ. XX ВЕК. СТРАНЫ С РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ: США, ЯПОНИЯ, ИНДИЯ… 130

1. *США: классический («эталонный») тип развития рыночных отношений в агросфере*…… 135
2. *Япония: «парниковый» рынок для мелкого хозяйства агросферы*…… 149
3. *Индия: модель «угасающего» товарного производства в аграрном секторе*……. 177

Вместо заключения. Общее и особенное в рыночных моделях товарного производства аграрного сектора… 199

Глава III. МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ. XX ВЕК (продолжение). ТЕНДЕНЦИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ *versus* ВЛАСТЬ: РОССИЯ……... 208

1. *Маргинализация хозяйства аграрного сектора и ее долговременные последствия (10–20-е годы)*…… 210
2. *Колхозы и Власть*…….. 229
3. *Тренды товарного производства в сельском хозяйстве (30–80-е годы)*…….. 274
4. *Аграрная экономика на пути к рынку: приливы и отливы в становлении товарного производства (90-е годы)* 279
5. *Исторические изменения в составе экономических агентов аграрного сектора*……... 294

Эндогенные экономические агенты…… 294
Экзогенные экономические агенты…… 318
Частные дополнения к характеристикам общественно-экономических укладов, формирующихся в аграрном секторе современной России…… 331

Глава IV. «ВСТРОЕННЫЕ ДЕПРЕССОРЫ» ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ПРИ РЕЖИМЕ КРАТОКРАТИИ: РОССИЯ…… 340

1. *Пролог: образование внерыночного механизма неэквивалентного обмена (рубеж 20–30-х годов)*……. 345
2. *От беспредела неэквивалентности к «нормализован-*

ной» экспроприации колхозного продукта (50-е – начало 60-х годов)…….……..…….. 351
3. *Затратность и субсидии, или как спрятать голову в песок (60-е – начало 90-х годов)*…….……... 358
4. *«Социалистические» парадоксы сельскохозяйственного роста*…… 372
5. *Аграрная экономика на пути к рынку: болевые точки роста к началу XXI века*…….……..….. 384

Раздел третий

ЦИКЛИЧЕСКАЯ НЕРАВНОМЕРНОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РОСТА

Введение…… 402

Глава V. ВТОРОЙ «БОЛЬШОЙ ЦИКЛ» XX ВЕКА В АГРОСФЕРЕ..…….……..…… 405

1. *Методика исследования «больших циклов» в хозяйстве агросферы*.....…..... 405
2. *Особенности циклически–волновой динамики хозяйства агросферы по странам. Продуктивность земледелия, производительность труда*…… 417
Страны зоны «землесберегающих» технологий
Япония…… 417
Индия……. 437
Узбекистан……..…….. 442
Страны зоны «трудосберегающих» технологий
США…… 445
Россия…… 447
Казахстан……. 449
3. *Особенности циклически–волновой динамики хозяйства агросферы по странам (продолжение). Товарный (и псевдотоварный) продукт*…….. 455
Страны зоны «землесберегающих» технологий
Япония…… 458
Индия……. 469
Страны зоны «трудосберегающих» технологий
США…… 471
Россия……. 473
Казахстан…….. 477
4. *Макроэкономические результаты второго «большого цикла» в хозяйстве агросферы. Взгляд «с птичьего полета»* 481

5. *Макроэкономические результаты второго «большого цикла» в хозяйстве агросферы (продолжение). Соревновательная динамика аграрных секторов США и СССР/России: итоги к началу XXI века*……..…… 490

Г л а в а VI. ПЕРВЫЙ «БОЛЬШОЙ ЦИКЛ» XX ВЕКА В АГРОСФЕРЕ ……. 503

1. *Кратко об особенностях первого «большого цикла» и методике его исследования*.....….....…….. 503

2. *Неравномерность циклически–волновой динамики в аграрном секторе в конце XIX – первой половине XX века. Страновые модели цикла в контексте динамики мирохозяйственных связей*..... 510

3. *Некоторые выводы из анализа волновой динамики первого «большого цикла»* ……..…….….. 535

П о с л е с л о в и е. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦИКЛ В ЦИКЛИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В XX ВЕКЕ……...……. 541

ПРИЛОЖЕНИЕ.....…….. 546

1. *Статистические таблицы*…….. 546
2. *Индия: земельная реформа (середина – конец XX века)* 588
3. *Аграрный сектор Казахстана: трудности роста в переходной экономике к началу XXI века*……..… 608

SUMMARY…….. 634

Перечень статистических таблиц

Г л а в а I

№№	*Название*	*Стр.*
I-1	Структура издержек производства в сельском хозяйстве США, 1929 – 2000 гг……..….....	42
I-2	Обеспеченность американских фермеров тракторами накануне и в начальный период перехода к индустриальному типу роста в хозяйстве агросферы, 1920–1945 гг…….....	46
I-3	Структура издержек производства в сельском хозяйстве Японии, 1950–2000 гг…….....……...	64
I-4	Динамика валового и чистого сельскохозяйственного продукта Японии в 1950–2000 гг……...	72
I-5	Структура материальных затрат в сельском хозяйстве Индии, 1950/51–1995/96 гг.....……..	84
I-6	Индия, Япония: эффективность сельскохозяйственного труда	

	в макроэкономическом измерении, 1950/51–2000/01 гг.…	89
I-7	Структура издержек производства в сельском хозяйстве СССР в 1923/24 году.....……	96
I-8	Структура издержек производства в общественном секторе сельского хозяйства СССР, 1970–1987 гг.....…	100
I-9	Структура издержек производства в сельском хозяйстве РСФСР/России, 1970–2001 гг.....……...	102
I-10	Структура производственных основных фондов в общественном секторе сельского хозяйства СССР, 1923/24–1990 гг…….	104
I-11	Структура сельскохозяйственных производственных основных фондов в РСФСР/России, 1964–2000 гг.....……	106
I-12	Структура издержек производства в общественном секторе сельского хозяйства Узбекистана, 1965–1987 гг.....	116
I-13	Структура сельскохозяйственных производственных основных фондов в Узбекистане, 1964–1990 гг.....…….	118
I-14	Узбекистан: эффективность сельскохозяйственного труда в макроэкономическом измерении, 1980–1998 гг.....….....	122

Г л а в а I I

№№	*Название*	*Стр.*
II-1	США: удельный вес денежных расходов в совокупных производственных расходах аграрного сектора, 1910–1969 гг…..	141
II-2	Изменения в концентрации производства в аграрном секторе США, 1959–1997 гг……...	148
II-3	Крестьянское (фермерское) хозяйство Японии: товарообменные отношения во второй половине 50-х годов XX в…..	151
II-4	Япония: удельный вес денежных расходов в текущих производственных расходах в отдельных отраслях сельского хозяйства, 1954–1998 гг……..	163
II-5	Сельское хозяйство Японии: изменения в отраслевой производительности труда, товарности и удельном весе денежных расходов в текущих производственных расходах, 1959–1998 гг……..	165
II-6	Индия: товарность пшеницепроизводящего хозяйства в сопоставлении с численным составом семьи, приходящимся на одно хозяйство, по штатам, 1973/74 г.……	184
II-7	Индия, штат Западная Бенгалия: динамика «внешней» товарности рисопроизводящего хозяйства, 1954/55–1991/92 гг…..	190
II-8	Индия, штаты Бихар и Мадхья Прадеш: динамика «внешней» товарности пшеницепроизводящего хозяйства, 1954/55–1991/92 гг ……...	193
II-9	Индия, район Пенджаб – Хариана: динамика «внешней» товарности пшеницепроизводящего хозяйства и его роль в формировании общеиндийского рынка пшеницы, 1955/56–1991/92 гг……..……	194

II-10 Индия, район Пенджаб – Хариана: динамика «внешней» товарности рисопроизводящего хозяйства и его роль в формировании общеиндийского рынка риса, 1938/39–1991/92 гг ……. 196

Глава III

№№ *Название* *Стр.*
III-1 Народное хозяйство СССР: межотраслевые отношения по потреблению на раннем этапе НЭПа……. 212
III-2 Россия: распределение посевной площади по группам крестьянских хозяйств, 1917–1925 гг……...…… 218
III-3 Россия: потребление товарного зерна вне аграрного сектора, 1840-е–1925 гг…..…… 228
III-4 Семья колхозника СССР: доход от личного подсобного хозяйства *versus* доход от общественного хозяйства колхоза, 1940–1950 гг……..… 251
III-5 СССР/Россия: изменение удельного веса продукции животноводства в валовом и товарном сельскохозяйственном продукте, 1923/24–2000 гг…….…… 284
III-6 Сельскохозяйственные предприятия России: каналы реализации зерна, 90-е годы XX в……..…… 291
III-7 Россия/СССР: изменение состава экономических агентов в зерновом хозяйстве и их роли на зерновом рынке, 10–30-е годы XX века…… 296
III-8 СССР: удельный вес валовой и товарной продукции личных подсобных хозяйств населения в валовой и товарной продукции сельского хозяйства, 1940–1985 гг……..…….. 304
III-9 Россия: сравнительные характеристики хозяйств аграрного сектора, середина 80-х годов XX в. – начало XXI в…… 310
III-10 Россия: сельскохозяйственные предприятия по формам собственности *de jure*, 90-е годы XX в…...…… 312
III-11 Россия: изменение роли хозяйств различных категорий в производстве и рыночной реализации сельскохозяйственной продукции, 1985–2000 гг…..……..… 314

Глава IV

№№ *Название* *Стр.*
IV-1 СССР: коэффициент эквивалентности стоимостного обмена между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой (A) и сельским хозяйством и государством в целом (B) на рубеже 20–30-х годов XX века……..…… 350
IV-2 СССР: индекс средних государственных заготовительно-закупочных цен на сельскохозяйственные продукты, заготовляемые в колхозах, у колхозников, рабочих и служащих, 50-е годы XX века……..…. 353

IV-3 СССР: динамика государственных закупочных цен и себестоимости продукции сельского хозяйства, 80-е годы XX века…… 368
IV-4 Динамика условной нормы прибыли в промышленности и в сельском хозяйстве России, 1970–2000 гг…… 381

Глава V

№№ *Название* *Стр.*
V-1 Динамика урожайности и производительности труда в хозяйстве агросферы при различных технологических способах производства, XX век 418
V-2 Изменение товарности хозяйства агросферы при различных технологических способах производства, XX век……... 459
V-3 США, Россия/СССР/Россия: сравнительная динамика изменений стоимости валовой сельскохозяйственной продукции на гектар, 1880–2000 гг……. 492
V-4 Аграрные секторы США, СССР/России: итоги экономического соревнования, 1965–1999 гг…… 499
V-5 Аграрный сектор РСФСР/России: изменения некоторых основных показателей роста, 1965–1999 гг…….. 501

Глава VI

№№ *Название* *Стр.*
VI-1 Индия, Пакистан: пшеницепроизводящее хозяйство Пенджаба, факторы динамики первого «большого цикла» XX века …….. 511
VI-2 Япония и Тайвань: изменения параметров рисопроизводящего хозяйства, 1895–1935 годы.....……. 524
VI-3 США: динамика экспорта основных сельскохозяйственных культур в конце XIX – первой трети XX века.....…… 530
VI-4 Россия/СССР: производство и вывоз зерна за рубеж, 1896–1930 гг…….. 533
VI-5 Экстремумы первого «большого цикла» XX века…….. 538

Приложение
Статистические таблицы

№№ *Название* *Стр.*
СП-1А Сведения об урожайности основных сельскохозяйственных культур по странам, 1870–2000 гг. .....……. 546
СП-1Б Россия: урожайность зерновых хлебов в 1795–1915 гг…… 561
СП-2 Индия: динамика урожайности и производительности труда в хлопководстве, конец XIX – конец XX вв…..…… 563
СП-3 США, Россия/СССР/Россия: стоимость валовой сельскохозяйственной продукции, 1880–2000 гг……..….. 565

СП-4	Структура издержек производства в сельском хозяйстве США, 1929–2000 гг. (по данным официальной статистики)	569
СП-5	США: динамика показателей товарности сельского хозяйства в XX веке……..…….	571
СП-6	США: удельный вес выручки от продаж сельскохозяйственной продукции в валовом сельскохозяйственном (фермерском) доходе, 1910–2000 гг. (по данным официальной статистики)……	573
СП-7	Япония: удельный вес товарной продукции в (условно) валовом сельскохозяйственном продукте и в валовом сборе риса, 1911–1998 гг……..	574
СП-8	Индия: поступления зерна на оптовые сборные рынки, 30–90-е годы XX века…….	575
СП-9	Россия/СССР/Россия: удельный вес товарной продукции и государственных заготовок (и/или закупок) зерна в валовом сборе зерновых, 1840–2000 гг……..	577
СП-10	Россия/СССР: удельный вес товарной продукции в валовой продукции сельского хозяйства, 1909–1990 гг……...	584
СП-11	Казахстан: удельный вес государственных заготовок зерна в валовом сборе зерновых, 1916–1998 гг……...	587

Перечень графических рисунков:

Г л а в а I .

№№	*Название*	*Стр.*
I-1	США: динамика издержек производства в сельском хозяйстве, 1929–2000 гг……...……	50
I-2	США: динамика изменений выхода сельскохозяйственной продукции на единицу производственных затрат в XX веке	59
I-3	Япония: динамика удельного веса затрат на производственный потенциал при ЗТСП и удельного веса амортизации основного капитала, 1950–2000 гг……	67
I-4	Япония: динамика валового и чистого сельскохозяйственного продукта, 1880–2000 гг.....….....	70
I-5	Япония: индекс изменения валового сельскохозяйственного продукта и совокупных энергетических затрат на сельскохозяйственное производство, 1990–2000 гг…….	77
I-6	Индия: динамика удельного веса затрат на производственный потенциал при ЗТСП и удельного веса амортизации основного капитала, 1950–2000 гг...……	86
I-7	Узбекистан: динамика валовой сельскохозяйственной продукции и динамика коэффициента эффективности труда в сельском хозяйстве, 1980–1998 гг…….....……	120

Глава II.

№№	Название	Стр.
II-1	США: удельный вес денежной выручки в валовом сельскохозяйственном продукте (валовом доходе ферм), 1910–2000 гг.	136
II-2	США: удельный вес денежной выручки в валовом продукте сельского хозяйства и пропорции денежных затрат во всех производственных затратах, 1910–2000 гг.....……..	142
II-3	Япония: удельный вес товарной продукции в валовом производстве риса, 1911–1992 гг.……...	152
II-4	Япония: удельный вес денежной выручки от продаж сельскохозяйственной продукции в стоимости условно валового сельскохозяйственного продукта, 1958–1998 гг.....…..	160
II-5	Индия: долговременные изменения внедеревенской товарности зернового производства, 1933/34–1991/92 гг……	183
II-6	Индия: удельный вес земельной площади под хозяйствами с землепользованием до 2 га и более 10 га, 1960–2031 гг.….	188

Глава III

№№	Название	Стр.
III-1	СССР/Россия: удельный вес товарной продукции и государственных заготовок (закупок) зерна в валовом сборе зерновых, 1910–2000 гг.……	275
III-2	СССР/Россия: динамика удельного веса товарного продукта в валовой продукции сельского хозяйства, 1910–2000 гг.	279
III-3	Россия: динамика цен на зерно и удельного веса товарной продукции в валовом сборе зерновых, 1992–2000 гг…..……	288

Глава IV.

№№	Название	Стр.
IV-1	СССР: отношение эффективности производства в общественном секторе сельского хозяйства к эффективности производства в ЛПХ, 1940–1990 гг.……..…	375
IV-2	СССР/Россия: удельный вес товарной продукции и государственных заготовок (закупок) зерна в валовом сборе зерновых, 1960–2000 гг…….	384
IV-3	СССР/Россия: динамика чистого прироста основных фондов в сельском хозяйстве, 1970–2000 гг……...……	394

Глава V.

№№	Название	Стр.
V-1	Япония: рисопроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда. …….....	423
V-2	Япония: пшеницепроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда. ……..….	424
V-3	Индия: сельское хозяйство. Динамика урожайности зерновых культур и инвестиционных затрат……..……..	425
V-4	Индия: рисопроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда. …….....	426

V-5	Индия (Пенджаб): пшеницепроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда…….	427
V-6	Пакистан: пшеницепроизводящее хозяйство. Динамика урожайности……..…	428
V-7	Узбекистан: хлопкопроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда…….……	429
V-8	Узбекистан: зернопроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда……..…	430
V-9	США: пшеницепроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда……..…	431
V-10	США: кукурузопроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда……..…	432
V-11	США: хлопкопроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда……..	433
V-12	Россия/СССР/Россия: зернопроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда…….……	434
V-13	Казахстан: зернопроизводящее хозяйство. Динамика урожайности и производительности труда…….……	435
V-14	США, Россия, Узбекистан: сельское хозяйство. Динамика производительности труда ……	452
V-15	Япония: рисопроизводящее хозяйство. Динамика удельного веса товарного продукта…….……	460
V-16	Япония: сельское хозяйство. Динамика удельного веса товарного продукта…….……	461
V-17	Индия: рисопроизводящее хозяйство. Динамика удельного веса товарного продукта…….....	462
V-18	Индия: пшеницепроизводящее хозяйство. Динамика удельного веса товарного продукта…….....	463
V-19	США: сельское хозяйство. Динамика удельного веса товарного продукта…….	464
V-20	Россия/СССР/Россия: зернопроизводящее хозяйство. Динамика удельного веса товарного продукта……	465
V-21	Россия/СССР/Россия: сельское хозяйство. Динамика удельного веса товарного продукта……	466
V-22	Казахстан: зернопроизводящее хозяйство. Динамика удельного веса заготовок (товарного выхода) зерна……	467
V-23	США: валовая сельскохозяйственная продукция на гектар уборочной площади……	493
V-24	Россия/СССР/Россия: валовая сельскохозяйственная продукция на гектар посевной площади…….	497
V-25	США, Россия/СССР/Россия: тренды сельскохозяйственного роста по показателю производства валовой продукции на гектар…….……..	498

Глава VI.

№№	Название	Стр.
VI-1	Япония: сельское хозяйство. Динамика урожайности риса и чистого продукта в расчете на гектар. Физические величины, 1880–2000 гг……	507
VI-2	Япония: сельское хозяйство. Динамика урожайности риса и чистого продукта в расчете на гектар. Циклические изменения, 1880–2000 гг……..	507
VI-3	Индия. Динамика урожайности зерновых. Первый цикл XX века ……..	513
VI-4	Индия. Динамика урожайности риса. Первый цикл XX века……	513
VI-5	Индия (Пенджаб). Динамика урожайности пшеницы. Первый цикл XX века…….....	513
VI-6	Пакистан. Динамика урожайности пшеницы. Первый цикл XX века…….…….	514
VI-7	Япония. Динамика урожайности риса. Первый цикл XX века……..	514
VI-8	Узбекистан. Динамика урожайности хлопчатника. Первый цикл XX века…….....…….....	514
VI-9	Узбекистан. Динамика урожайности зерновых. Первый цикл XX века…….…….....	515
VI-10	США. Динамика урожайности пшеницы. Первый цикл XX века…….....……	515
VI-11	США. Динамика урожайности кукурузы. Первый цикл XX века…….....……	515
VI-12	США. Динамика урожайности хлопчатника. Первый цикл XX века…….....…….....	516
VI-13	Россия/СССР. Динамика урожайности зерновых. Первый цикл XX века…….....……....	516

ОТ АВТОРОВ

Этой книгой мы завершаем цикл исследований по проблемам сельскохозяйственного роста, опубликованных ранее[1]. В фокусе внимания авторов — экономическая динамика аграрных секторов шести стран — Индии, Японии, США, России, Узбекистана, Казахстана (по некоторым специфическим аспектам роста были даны также оценки по аграрному сектору Пакистана). Временные рамки исследования охватывают исторический период от конца XIX века до начала XXI века.

Представляя читателю эту книгу, авторы считали бы уместным кратко упомянуть о некоторых использованных ими подходах к исследованию проблем роста в столь специфической области экономической деятельности, какой является аграрная экономика, и очертить контуры работы.

Авторы стремились, насколько это было в их возможностях, обосновать представление об экономическом росте в аграрном комплексе мирового хозяйства как о целостном потоке, разноукладном по технологическим и экономическим (а также социальным) характеристикам, неравномерном по мощи своего течения в различные исторические периоды, потоке, национально-особенные проявления которого, рассматриваемые во взаимосвязи, позволяют устанавливать типологические различающиеся общности — модели сельскохозяйственного роста; в их числе и такие, вектор движения которых направлен в сторону, противоположную от основного направления исторического процесса. (Эпоха, названная «социалистической» и растянувшаяся на шесть с лишним десятилетий— с 1929 г. по 1991 г. — в аграрной истории стран постсоветского мира, и обозначила феномен такого рода, грандиозного по историческим меркам, «отката». Отметим, что речь идет здесь вовсе не о сокращении физических объемов производства, хотя и эти явления неоднократно имели место в различные периоды российской истории конца XIX – начала XXI веков, например, в 90-х годах XX века; речь идет здесь об особом типе взаимодействия законов роста, при котором последнее представляется *аномалией* по отношению к *естественной* форме их взаимодействия, т.е. форме, детерминируемой правилами рыночной экономики, находящейся не в разрушительной

---

[1] *Растянников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. [Подготовлено при участии И.В. Дерюгиной.] М.: [«Институт востоковедения РАН»], 1996. 168 с.; *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* «Большие циклы» в агросфере. XX век. М.: «Институт востоковедения РАН», 1997. 62 с.; *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. Опыт сравнительно–исторического исследования. М.: ИВ РАН, 1999. 331 с.

конфронтации с государством, а в укрепляющем ее, эту экономику, союзе с ним.)

Исследовать экономический рост в агросфере как процесс, органичный в контексте общемирового развития, но в то же время множественный в «лицах» (национально-особенных проявлениях), и призвана настоящая работа. Насколько исполнение этого замысла удалось авторам — судить читателю.

Исследование проведено по трем срезам процесса сельскохозяйственного роста. Вначале мы стремились изучить изменения в *организации технико-экономической структуры* сельского хозяйства отобранных стран. Эти изменения оценивались в двух ракурсах: а) по главенствующему типу соотношения двух основных (исходных) факторов производства в сельском хозяйстве (живой труд, земля); б) по характеру динамики составляющих структуры издержек производства. По данным показателям в их взаимосвязи были оценены — с привлечением, кроме статистического, другого документального материала и специальных исследований — *исторические ступени* развития аграрных секторов отобранных стран — традиционной, мануфактурной, индустриальной, информационной (анализом были затронуты временные рамки данной ступени в целом, переходные периоды, отражающие процесс движения хозяйства от одной ступени к другой, признаки данной ступени развития по странам, ее исторические особенности в данной стране). Такой подход облегчил процесс «освоения» понятия «современный экономический рост» применительно к агросфере и позволил характеризовать динамику последнего по странам.

Достойно упоминания то, что именно единообразно, по единому «лекалу» (стандарту) разработанные и составленные статистические данные об издержках и их долговременных изменениях позволяют проводить широкие межстрановые сравнения, выявлять в процессах экономического роста *переломные точки стадиальных изменений*.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Хотя столь популярное ныне в экономической науке понятие «глобализация» не упоминается на страницах этой книги, авторы постоянно его «держат в уме». Тем более, что «деятельность субъектов мирового хозяйства стала приобретать *независимый от национального государства* характер и начала развиваться по *собственным законам* (курсив наш. — *Авт.*), оказывая огромное влияние на национальные государства. В этом, видимо, — основное отличие глобализации от международного разделения труда»[2]. Трансформирующее влияние процессов глобали-

[2] К такому важному выводу приходит в результате своих исследований проблем глобализации российский обществовед Г.К. Широков (см.: *Широков Г.К.* Глоба-

зации проявляется в *агросфере* пока скорее рефлекторно, как отражение динамики сил, творящих новую (информационную) мировую реальность, в несельскохозяйственных секторах экономики. Исключение составляет могущественная «горстка» высокоразвитых стран Северной Америки и Европы. Есть исключения и из стран «третьего мира». Так, в аграрных секторах ряда развивающихся стран, сельское хозяйство которых уже в значительной степени интегрировалось в систему мирового хозяйства, глобализация уже эффективно ткет свою сеть. Здесь поступь глобализации проявляется как процесс «отщипывания» «кусочков» национальных экономических пространств, охватываемых различными формами сельскохозяйственной деятельности, и формирования из этих «кусочков» (точнее — расширения за счет их) благодаря деятельности транснационального монополистического капитала действительно общемирового, единого аграрного экономического пространства, в пределах которого стираются национальные ограничительные барьеры; а «ареной деятельности экономических агентов становится весь мир, что и составляет … самую суть глобализации»[3]. Все это, очевидно, означает, что проблема *сравнительных* издержек обретает с процессами глобализации как бы второе дыхание.

В этом смысле исследование ориентировано на перспективу, позволяя лучше понять, с какими проблемами аграрная зона экономического пространства менее развитого мира столкнется уже в ближайшем будущем, втягиваясь в универсализирующее горнило процессов глобализации.

Другой срез — процессы *движения сельского хозяйства к рынку* и их воздействие на экономический рост. Тема эта, конечно, весьма широкая. В ее рамках следующие два момента занимали особенно большое внимание авторов. Во-первых, это — процессы меж- и внутриотраслевого общественного разделения труда (ОРТ) и развивающегося на их основе товарного производства в аграрном секторе. Лейтмотив данной линии анализа можно было бы выразить следующими словами Э. Дюркгейма: «…наиболее поразительное следствие разделения труда состоит не в том, что оно увеличивает производительность разделенных функций, но в том, что оно делает их солидарными (взаимозависимыми, кооперированными. — *Авт*.). Роль его во всех этих случаях не просто в том, чтобы украшать или улучшать су-

---

лизация: возможности и пределы, в: *Он же*. Восток: панорама новейшего времени. Избранные научные труды. М.: ИВ РАН, 2003, с.524).

[3] Это лаконичное, точное по смыслу высказывание принадлежит российскому японоведу И.Л. Тимониной (см.: *Тимонина И.Л*. Япония в мировом экономическом сообществе: вызовы глобализации, в: Япония и современный мировой порядок. Отв. ред. А.Е. Жуков, И.Л. Лебедева. М.: «Восточная литература» РАН, 2002, с. 99–100).

ществование общества, но в том, чтобы сделать возможными общества, которые без него не существовали бы»[4]. (В этой емкой формуле не хватает разве только предполагаемого ею и скрытого в ней понятия — «обмен».)

В работе описан ряд типологических моделей товарного производства в аграрном секторе стран рыночной экономики: модель «эталонного» развития товарного производства — на примере аграрного сектора США; модель «парникового» товарного хозяйства, базирующегося на поистине беспредельной поддержке государства — на примере агросферы Японии; модель «угасающего» (функционально) товарного производства — производства, все более болезненно испытывающего гнет земельно-демографического комплекса — на примере аграрного сектора Индии.

Во-вторых, это — вторжение в процесс распределения и обмена в агросфере механизмов внеэкономического принуждения, действие которых, как показывает исторический опыт XX века, деформирует *естественный* процесс экономического роста на всей его глубине, подавляя потенциальные выгоды и преимущества, обеспечиваемые общественным разделением труда, разрушает условия бытия и производительную потенцию человеческого фактора производства. Именно поэтому столь большое внимание уделяется в работе исследованию качественных особенностей экономического роста в аграрном секторе России со времени Октябрьского переворота 1917 года.

Конечно, первостепенное место здесь занимает проблема — что собой представлял как целостный социально-экономический феномен «общественный сектор» сельского хозяйства, выполнявший роль станового хребта российской агросферы на протяжении более шести десятилетий. Тот именно сектор, который в изобилии, как *perpetuum mobile* воспроизводил внутри себя натуральные формы хозяйственных отношений, препятствовал созданию *целостной эффективной хозяйственной системы*, адекватным условием бытия которой является *рыночная* среда; наконец, исправно, десятилетиями, безвозмездно выдавал «на гора□» часть своего продукта, за счет и в ущерб интересов воспроизводства фонда жизненных средств его работников и членов их семей. Вопрос о мощи влияния внеэкономических инструментов принуждения в аграрном секторе России представлялся авторам настолько важным, что они сочли полезным включить в работу специальное эссе «Колхозы и Власть» при сталинщине и даже особую главу, посвященную органичным («встроенным») «депрессорам» экономического роста — неэквивалентности обмена и затратности производства, этим вечным «спутникам» «социалистической» формы аграрной экономики советского образца.

---

[4] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: «Наука», 1991, с. 62.

Зловещим итогом действия механизмов внеэкономического принуждения (в совокупности всех особых форм их бытия) было образование на территории бывш. СССР *экономически нежизнеспособной* аграрной системы, каковая нежизнеспособность особенно остро проявила себя в 80-х годах XX века и оказалась, очевидно, одной из глубинных экономических причин распада великого государства. В работе устанавливается преемственная связь между глубоким аграрным кризисом, с сокрушительной силой поразившим бывш. СССР к концу периода его существования, и болевыми точками сельскохозяйственного роста в постсоветской России.

Наконец, в исследовании предпринимается попытка оценить по странам, с возможной полнотой, в единообразных величинах, по одним и тем же параметрам, *неравномерность* экономического роста в агросфере в долговременной ретроспективе — от конца XIX в. до начала XXI в. Авторы при этом исходили из того, что неравномерность развития и, соответственно, дисперсность различных (национально-особенных) ветвей мирового аграрного комплекса в этот период мировой истории резко усилилась. Данная неравномерность проявлялась как во *временном* диапазоне процесса экономического роста (временно□е сжатие или, напротив, относительное увеличение временно□й протяженности отдельных фаз роста), так и на охватываемом им *пространстве* (углубление в ходе экономической динамики межстрановых различий в количественных и качественных характеристиках роста). Универсально общее выражение данная неравномерность как явление общемирового порядка находит, помимо прочего, в изменениях *циклически–волновой динамики* хозяйства агросферы.

В исследовании циклической волны была использована разработанная Н.Д. Кондратьевым и адаптированная авторами к особенностям хозяйства агросферы методика анализа «больших циклов». В итоге наших изысканий были выявлены два «больших цикла», пережитых аграрными секторами отобранных стран в означенный период исторического времени, и охарактеризованы как универсально общие (т.е. вызванные процессами общемирового порядка), так и национально-особенные черты их проявления. При этом специально оценены — применительно к первому «большому циклу» — роль в его динамике степени и характера интегрированности аграрных секторов данной группы стран в систему мирового рынка, применительно ко второму «большому циклу» — влияние на экономический рост в агросфере НТР, в частности на информационной ступени ее развития.

Одной из задач «циклического» раздела работы было — рассмотреть внутреннее «строение» циклической волны и оценить ее по совокупности особенных признаков (параметров). Мы исследовали волновую динамику в ракурсе долговременных изменений по странам таких ее составляющих, как фактор продуктивности использованных

ресурсов (земли), фактор производительности труда, фактор товарности производства. Такой многоплановый подход, как мы полагаем, помогает точнее выявлять как собственно границы цикла и его отдельных фаз, так и те моменты в динамике национально-особенных волн, которые характеризуют их как особые (частные) проявления общемировой циклической волны. (Речь идет, напомним, о «больших циклах» по версии Н.Д. Кондратьева.) А это позволяет соответственно с большей полнотой интерпретировать феномен неравномерности сельскохозяйственного роста.

И еще. При описании циклически–волновой динамики, мы применили метод инверсии: более «контрастный», второй «большой цикл» XX века (рубеж 40–50-х годов – конец 90-х годов XX века) мы представили раньше, чем первый (конец XIX в. – середина XX в.). Смысл инверсии в том, чтобы на фоне теоретического и прикладного анализа второго «большого цикла» XX века более ярко оттенить ряд существенных характеристик циклической волны конца XIX века – середины XX века, — периода, заметно беднее обеспеченного статистическим материалом.

В рамках циклически–волнового видения экономического процесса авторами на базе сопоставимого статистического материала были исследованы и оценены результаты исторического соревнования аграрных секторов бывш. СССР и США, приходящегося на период 30–80-х годов XX века.

Несколько слов необходимо сказать о статистической базе исследования, которая выполняет функцию несущей конструкции. Один из ограничителей нашего анализа состоял в том, что статистический материал, относящийся к периоду, охваченному настоящим исследованием, разработан с различной степенью полноты и, соответственно, насыщенности информацией. Чем ближе мы подходим к рубежу XX – XXI веков, тем, естественно, выше степень детализации этого материала, его информативной емкости. И это обстоятельство неизбежно накладывает отпечаток на объемность создаваемой картины сельскохозяйственной динамики в целом. Так, представить корректный ряд данных по издержкам производства нам удалось по странам только за последние 50–75 лет (по государствам же, возникшим после распада СССР, такая статистика за советский период их истории вообще имеется лишь за отдельные годы), а характеризовать волновую динамику «большого цикла» конца XIX – середины XX в.в. нам пришлось по данным о погодовых изменениях только одного параметра — фактора продуктивности (урожайности) за этот период.

Кроме того, отобранные для исследования страны длительное время развивались по разным социально-экономическим алгоритмам. Соответственно разнокачественной (по набору страновых данных) выглядит и мозаика статистических данных, отразившая этот фено-

мен. В частности, в странах, возникших в результате распада СССР, в течение большей части периода их существования в составе советского государства — практически с 30-х годов XX в. — категории рыночного хозяйства использовались в весьма урезанном виде, а по ряду важнейших позиций не использовались вовсе. Лишь с 90-х годов XX в. в данной группе стран, прежде всего в России и Казахстане, произошел переход на международную систему экономико-статистических показателей, т.е. показателей, фиксирующих динамику рыночного хозяйства и позволяющих производить корректные сравнения процессов роста в этих странах с аналогичными процессами в других странах мира. При этом была осуществлена переоценка ряда существенно важных показателей, частично заполнены «лакуны» в составе недостающих статистических сведений, уходящие вглубь «советских» десятилетий, — как правило, до начала 70-х годов XX века.

Для целей исследования была проведена системная обработка имевшегося в распоряжении авторов массива статистических данных по экономической истории аграрных секторов отобранных стран, причем по ряду показателей — за более чем *вековой* период (с последней трети XIX в. до начала XXI в.). Это позволило создать математически унифицированную статистическую базу[5] для проведения корректного сравнительного анализа временны□х изменений параметров сельскохозяйственного роста (соответственно — научного истолкования данных изменений) и межстрановых сопоставлений идентичных экономических процессов. Построенная по единообразным правилам, данная статистическая база была использована в этой работе, как и в предыдущей нашей книге (см. прим.1), для решения двух задач: во-первых, для составления статистического «портрета» изменений в различных аграрных объектах (отрасль хозяйства, урожайность, производительность труда, макроотраслевая эффективность аграрной экономики, сельскохозяйственный продукт, товарность и др.) на *протяженном отрезке исторического времени* в рамках *дан-*

[5] Встречавшиеся на этом пути «подводные течения» сводились к следующему. Так, проведение сравнительного анализа издержек производства требовало изучения национальных методик расчетов валового и чистого сельскохозяйственного продукта, оценки структуры производственных затрат в различных странах в единой системе категорий; построению долговременных (иногда до 100-лет) рядов стоимостных показателей должен был предшествовать поиск ценовых дефляторов и совмещение их значений по различным временным периодам; межстрановые сопоставления невозможно было провести без изучения динамики обменного курса валют или — лучше — паритета их покупательной способности (ППС). Все это наталкивалось на тот факт, что даже по одной стране в течение столетнего периода наблюдалась неоднократная смена измерительных единиц, которые в целях сравнительного анализа необходимо было представить в единообразных величинах.

ной страны; и, во-вторых, для сравнения *одних и тех же* аграрных объектов в различных странах в *данный* период исторического времени. Такие задачи решались с использованием современных компьютерных технологий.

Отметим также, что, как и в изданной ранее (1999 г.; см. прим.1) «Сельскохозяйственной динамике», мы широко прибегали к методу графического отображения изменений в исследуемых объектах. При этом, как правило, графические рисунки, помимо их предназначения — служить иллюстративным подспорьем аналитического материала, выполняют в работе функцию самостоятельных «точек опоры» в научной интерпретации экономической динамики.

* * *

Авторы выражают сердечную благодарность и признательность своим коллегам и друзьям Г.К. Широкову, О.В. Малярову, А.В. Акимову, А.М. Горячевой, И.С. Дьяковой, В.Альб. Мельянцеву, А.М. Петрову, чьи критические замечания и ценные советы оказали большую помощь при подготовке рукописи этой книги к изданию.

Раздел первый

ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РОСТА

Глава I

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ЗЕРКАЛЕ ДИНАМИКИ ИЗДЕРЖЕК ПРОИЗВОДСТВА

В настоящей главе мы рассмотрим смену стадий экономического роста в хозяйстве агросферы, проанализируем комплекс сопутствующих этой смене изменений в режиме, структурных составляющих роста, выделим некоторые его существенные последствия — *pro et contra* — ярко обозначившиеся к концу XX века. При этом мы будем широко использовать имеющийся в нашем распоряжении «пакет» статистических данных по издержкам сельскохозяйственного производства. Конечно, по ходу анализа такого рода данные будут по мере необходимости дополняться другими («смежными») статистическими сведениями, в том числе характеризующими поле действия рыночных отношений. Наше исследование будет охватывать период с 20-х годов XX века — по странам зоны распространения «трудосберегающего» технологического способа производства (ТСП) (такую зону в главе представляют США, бывш. СССР, Россия) и с 50-х годов — по странам зоны «землесберегающего» ТСП (Япония, Индия, Узбекистан; последний с 60-х годов) (об этих понятиях см. ниже). Несовпадающие временные границы объектов исследования обусловлены информационными ограничителями (фактом наличия – неналичия необходимой статистики), но, как убедимся ниже, эти статистические изъяны все-таки не помешают движению к задуманной цели.

Мы сосредоточим наше внимание на нескольких важных, стратегических направлениях экономической динамики в агросфере. К таким, как мы полагаем, основываясь на обработанных нами рядах статистических данных, можно было бы отнести следующие три направления: 1) смена стадий сельскохозяйственного роста, определяемая сменой господствующих систем производительных сил (и соответствующих им экономических отношений), при этом оказывается

возможным выделить в ряде случаев «точки (технологического) перелома», по которым можно фиксировать качественные различия между сменяющимися стадиями; 2) динамика двух основных типов технологического развития («землесберегающего» и «трудосберегающего»), в ходе которой формируются две обособленные по структуре воспроизводственных потоков технологические модели сельскохозяйственного роста; 3) интеграция воспроизводственного процесса в агросфере в общенациональный процесс воспроизводства народного хозяйства, то есть превращение аграрной экономики в органический («встроенный») сегмент всего народного хозяйства. Наконец, существенно важный задачей этой главы является выявление, насколько это возможно на базе доступных нам данных, различий в механизме экономического роста, обусловленных влиянием на хозяйство агросферы рыночных отношений (рыночной среды), с одной стороны, и нерыночных (в том числе псевдотоварных) отношений, с другой.

1. *Современный экономический рост: две его исходные модели в агросфере.*

В настоящей работе мы широко будем пользоваться понятием *современный экономический рост*. Исследователи как российские, так и западные[1], стартовый период этого процесса связывают с началом промышленного переворота, не только вызвавшего резкое ускорение самого процесса роста, но и радикально изменившего весь его механизм. Что касается сельского хозяйства, здесь основания для отнесения сельскохозяйственного роста к типу современного не столь однозначны. Дело не только в том, что индустриальный переворот происходит в агросфере, как правило, с заметным (бывает, даже вековым) лагом по отношению к перевороту во «вторичной» сфере экономики, но и в том, что вследствие специфической неоднородности ее (агросферы) хозяйства (многоукладность, в частности, наличие крупнейших пластов традиционной экономики, различных форм внеэкономического принуждения производителя, сплошь и рядом не исчезнувших до наших дней, и др.) индустриальный переворот в высшей степени разновременно охватывает различные участки экономического пространства, занимаемого данным хозяйством, разновременно изменяет

[1] См., например, *Мельянцев В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996; *Gregory P.R.* Russian National Income, 1885–1913. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

базисные параметры роста, разновременно преобразует различные звенья хозяйственной системы, и тем самым на исторически длительные периоды усугубляет деформированное бытие последней. Поэтому идентификация явлений, свидетельствующих о возможности соотнесения экономической динамики в агросфере с категорией «современный экономический рост», представляет определенные трудности, в особенности в части, касающейся исторических корней (начальных ступеней) этого процесса.

Мы хотели бы обратить внимание в связи с такого рода затруднениями на следующие два обстоятельства. Во-первых, на становление такой стадии общественного разделения труда, при которой хозяйство агросферы начинает интегрироваться методами *экономических* отношений (в противоположность внеэкономическим методам) в общенациональный воспроизводственный процесс, предполагающий развитие товарного (рыночного) обмена между секторами национального хозяйства, одним из которых является хозяйство агросферы.

А это обстоятельство выдвигает на передний план анализа необходимость (полезность) оценки движения сельского хозяйства по пути мануфактурного разделения труда как органического звена общенационального разделения труда и вместе с тем как «преддверия» собственно индустриального переворота в агросфере. Именно поэтому мы отводим значительное, как нам думается, место обзору мануфактурной стадии труда в хозяйстве агросферы — первой (специфической) ступени в становлении закономерностей современного экономического роста, при этом мы исходим из представления, что последний впоследствии обретает в сельском хозяйстве адекватное ему основание, в ходе перехода аграрной экономики к главенству индустриальных средств производства. В результате чего и происходит «смычка» воспроизводственных процессов в промышленности и сельском хозяйстве.

Процесс индустриализации, как мы убедимся ниже, происходит в различных группах стран по двум основным направлениям — в зависимости от исходной технологической организации производительных сил в агросфере. Каковы же эти направления?

Известные ученые–аграрники, японец Ю. Хаями и американец В.У. Раттан, обобщившие большой предшествующий опыт научной разработки многообразных вопросов о путях технологических преобразований в сельском хозяйстве (последний аккумулирован в сформулированной ими в начале 70-х годов теории «альтернативных путей технологического развития»), охарактеризовали данные пути как

«"землесберегающий" и "трудосберегающий" методы (*"land-saving" and "labour-saving" techniques*)»[2]. (Эти понятия впоследствии были широко приняты в мировой науке, исследующей проблемы сельскохозяйственного роста.)

В основе различий между этими двумя типами технологического развития лежат разные исходные варианты технологического способа производства (ТСП), характеризующиеся «альтернативными пропорциями в соотношении ресурсов труда и земли»[3].

Один из них — тот, основанием которого исторически была технология, экономящая природные ресурсы производства; на своей исходной стадии «землесберегающая» технология отражала такую технологическую организацию производства в земледелии, при которой не сбережение труда (ресурса производства, находящегося в максимуме), а сбережение земли (ресурса производства, находящегося в минимуме) образовывало детерминантные параметры экономического роста в агросфере.

Как базис технологической трансформации сельского хозяйства «землесберегающая» технология (которая, по мнению Ю. Хаями и В.У. Раттана, может быть также идентифицирована как «биологическая технология») «предназначена для того, чтобы способствовать замещению ресурса земли ресурсом рабочей силы (труда) и/или материальными ресурсами индустриального происхождения». Такая цель достигается многообразными способами, в частности, «путем неоднократного включения в производственный цикл фактора почвенного плодородия при использовании более трудоемких консервирующих систем (производства); путем применения минеральных удобрений; посредством освоения новых методов обработки земли, новых систем управления, путем потребления средств производства (например, инсектицидов), позволяющих собирать оптимальный урожай»[4]. Хотя и при таком варианте развития может иметь место внедрение механических орудий, сберегающих труд, но главной целью механических средств труда остается повышение продуктивности земли.

Другой, «трудосберегающий», вариант технологического развития — тот, по пути которого прошли западноевропейские и североамериканские страны и страны Океании со времен промышленной революции и пыталась идти Россия в составе СССР при господстве коммунистического порядка. При рыночной системе хозяйства определяющей целью использования трудосберегающих средств произ

---

[2] *Hayami Yujiro* and *Ruttan Vernon W*. Agricultural Development: An International Perspective. L.: The John Hopkins Press, 1971, c.44.

[3] Там же, с.69

[4] Там же.

водства в рамках данного варианта развития является в первую очередь экономия труда (то есть возмещение ресурса производства, находящегося в минимуме); «основной результат ("гонки за снижением издержек на труд". — *Авт.*) выступает как рост производительности труда, то есть выхода продукта на работника или на час затрат труда»[5]. Фактор же продуктивности производства выступает как основная, наряду с производительностью труда, цель экономического роста зачастую на более позднем историческом этапе, причем наиболее активно, как показывает исторический опыт,—с развитием научно–технической революции в сельском хозяйстве (то есть практически с 50–60-х годов). (Конечно, достижения науки, способствовавшие росту продуктивности земли, использовались в сельскохозяйственной практике еще задолго до НТР; при их скромных результатах, если последние оценивать по стандартам достижений НТР во второй половине XX века, они принципиально не нарушали общих закономерностей экономического роста, происходившего в рамках «трудосберегающего» варианта [6].)

---

[5] Там же, с.47.

[6] В сжатом виде различия между двумя типами технологического развития агросферы Ю. Хаями и В. Раттан формулируют следующим образом: «Эти пути, представляющие, по-видимому, особые варианты процесса сельскохозяйственного роста в длительном историческом времени, различаются альтернативными пропорциями в соотношении ресурсов труда и земли. /…/ В Азии земля — основной фактор, ограничивающий рост массы продукта; напротив, на пространствах новых континентов земного шара функцию наиболее важного ограничителя выполняет малоэластичное предложение труда. Для того, чтобы ослабить ограничения, генерируемые либо малой площадью земли, либо недостаточным количеством труда, фермеры стремятся или осуществлять экономию в использовании ограничивающего фактора роста, или замещать его производственными ресурсами, созданными человеком, такими, например, как искусственные удобрения, если ограничивающим фактором является недостаток земли, или тракторы, если таковым выступает недостаток труда. Модель роста, которой следуют страны на новых континентах Земли, отражает, по-видимому, процесс смягчения ограничений, налагаемых фактором труда, а модель, которую предлагают страны Азии, выражает процесс ослабления ограничений, обусловленных фактором земли» (см.: *Hayami Yu.* and *Ruttan V.W.* Agricultural Development: An International Perspective, с.69).

В разработке широкого спектра вопросов о технологических моделях сельскохозяйственного роста активное участие принимали российские ученые, в том числе: А.В. Чаянов, А.П. Демидов (см. ниже), Е.Е. Яшнов (20–30-е годы XX века); в наше время (80–90-е годы XX века) теорией путей и оценкой опыта технологического развития хозяйства агросферы занимались А.С. Мугрузин (см., например: *Он же*. Е.Е. Яшнов об особенностях хозяйственного строя и истории Китая, в: *Народы Азии и Африки*. 1984, № 3, с.154–166), Ю.Г. Александров, Б.И. Славный (см., например: *Они же*. Капитализм и трудовые ресурсы стран Востока, в: *Азия и Африка сегодня*. 1985. № 10, с.20–25), а также авторы этих строк (см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН, 1999, с.12–28, 56–66, 158–163 и др.).

Ареал стран с исходным «землесберегающим» типом ТСП в настоящей работе представляют Япония, Индия, Узбекистан, а ареал стран с «трудосберегающим» типом ТСП — США, СССР/Россия, Казахстан (см. гл. V).

В современный период, под прямым воздействием НТР, мы наблюдаем изменения внутри как первого варианта технологических преобразований, так и второго, — изменения, обусловленные освоением информационных технологий. Последние положили начало становлению в агросфере качественно нового этапа технологического развития ее хозяйства, этапа, получившего название наукоемкого.

Наукоемкий этап отличается от других технологических этапов эволюции сельского хозяйства, помимо прочего, тем, что при нем качественно изменяется механизм создания и включения в производство соответствующих ему технологий. Наука выступает здесь автономной силой, независимой от материального производства, как его особая предпосылка, предшествующая ему самостоятельная ступень человеческой деятельности. Разработанная вне пределов производства, «наукоемкая» технология обычно есть такой продукт, максимальная экономическая эффективность которого обусловлена «пакетной» целостностью его потребления. Наукоемкий этап характеризуется наибольшей (по сравнению с типичной для предшествующих ступеней ТСП) экономией всех ресурсов производства — как природных (земля, вода и др.), так и созданных трудом человека, — экономией, осуществляемой на качественно новых принципах (подробнее об этом см. ниже раздел «США»).

Каждая особая исходная ступень ТСП задает свой собственный алгоритм процессам становления в аграрном секторе модели экономического роста современного типа, определяя ряд его базисных параметров. Специфическими трудностями отличается анализ перехода аграрной экономики на рельсы современного экономического роста при исходном «землесберегающем» ТСП. Без преувеличения можно утверждать, что, не поняв механизма его реализации, невозможно понять фундаментальные принципы формирования модели *современного* экономического роста в агросфере типологически родственных (по характеру сельскохозяйственного ТСП) стран.

Один из признанных теоретиков «землесберегающей» модели аграрного развития японский исследователь С. Тобата на примере Японии, страны, характеризующейся господством «землесберегающих» технологий в классических («эталонных») формах их проявления, выделяет следующие два исторически сформировавшихся «до-

минантных фактора» сельскохозяйственного роста: это — «дефицит земли и чрезмерно большой избыток труда». Именно эта диспропорция определяла основную черту *исходного* сельскохозяйственного ТСП: в производственном процессе на земле «основной упор делался на экономию земли, а не на экономию труда». В результате в агросфере Японии сформировался и особый тип (мельчайшего) производителя: по словам Тобата, «японский фермер изобретателен по части экономии земли, но он — настоящий ребенок в том, что касается приспособлений, экономящих труд»[7]. (Напомним — речь идет о периоде конца 50-х годов XX века.)

Критерии экономической выгоды в такой хозяйственной системе всецело определялись порядками своего рода «Параллельного мира», отторгающего законы рыночной экономики. Японские исследователи начала XX века свидетельствовали: «Анализ сложившихся условий производства показывает, что в большинстве дистриктов страны сельское хозяйство, требующее применения огромных масс труда, совсем необязательно является неприбыльным; напротив, считается довольно прибыльным делом возделывать такие культуры, выращивание которых позволяет и увеличивать выход продукта, и улучшать его качество — в полном соответствии с количеством используемого в производстве труда»[8]. То есть точкой отсчета при определении экономической выгоды при данной хозяйственной системе была *«голая» величина создаваемого продукта, а не величина издержек по его производству*, определяемая посредством действия механизма рынка и его цен. Иначе говоря, экономия труда вовсе не была Синей Птицей, к овладению которой была бы устремлена хоть какая-то часть производительной энергии сельского производителя. Напротив, чем более трудоемкой была та или иная культура, тем больше она обретала черты «всеобщего любимца японского фермера»[9], безотносительно к величине затрат труда на ее возделывание, то есть в конечном счете к издержкам ее производства.

Логика хозяйственного поведения мелкого (мельчайшего) земледельца в Японии вытекала из того, что в условиях неимоверной земельной тесноты, при отсутствии возможностей роста обрабатываемой земельной площади в стране, «*фермеры не имели перспектив на увеличение своих хозяйств* (выделено нами. — *Авт.*). Они не знали, что это такое — экономика масштаба, но считали, что мелкота их хозяйств предопределена судьбой и воспринималась ими как данность»[10].

---

[7] *Tobata Seiichi*. An Introduction to Agriculture of Japan. Tokyo: Agriculture, Forestry and Fisheries Productivity Conference, 1958, c. 29.

[8] Outlines of Agriculture in Japan. Tokyo: Department of Agriculture and Commerce, 1910, c. 33.

[9] *Tobata S*. An Introduction to Agriculture of Japan, c. 30.

[10] Там же, с.35.

Поэтому «землесберегающая» технологическая система производства должна была определить генеральное направление технологического прогресса; по характеристике Тобата «он заключался в интенсификации обработки земли посредством использования живого труда, применения удобрений, в развитии селекционного дела...» Но данная технология вовсе не предполагала адекватного роста производительности труда. Наоборот, «технология, какую мы имели в сельском хозяйстве Японии, была совсем *безразлична к экономике масштаба* (выделено нами. — *Авт*.)»[11].

Аналогичные закономерности в проявлениях «землесберегающего» ТСП установил на примере динамики хлопкового хозяйства дореволюционного Туркестана русский ученый А.П. Демидов, первый из известных нам на сегодняшний день ученых, занимавшихся изучением «полярно» различающихся *земледельческих* ТСП. Формулируя логику зависимостей элементов производственной деятельности при «землесберегающем» ТСП, он составил такую «цепь»[12]: недостаток земли при избытке труда — перенасыщенное рабочей силой парцеллярное хозяйство, через которое «красной нитью проходит его высокая способность к поглощению человеческого труда»[13], — приоритет сельскохозяйственной культуры, требующей наибольших затрат труда на единицу земельной площади — вытекающая отсюда интенсификация производства, подчиняющаяся закону: чем меньше земельный участок, тем выше интенсивность трудовых затрат на нем — конечный результат: максимально возможный (при данных технологических условиях) валовой продукт (валовой доход), получаемый с единицы земельной площади (в чем и находит адекватное выражение экономическая рациональность данной земледельческой системы), который оказывается, однако, весьма низким в расчете на единицу рабочей силы, занятой его созданием (бедность, нищета как определяющая черта бытия подавляющей части земледельческого населения); наконец, парцеллярность как экономический фактор утверждения монокультуры «снизу».

Итак, исходная модель «землесберегающего» ТСП, описанная С. Тобата и А.П. Демидовым, отличается от исходной модели «трудосберегающего» ТСП природой зависимости ее определяющих составляющих (земельная площадь, рабочая сила). Эти зависимости по направленности своих векторов прямо противоположны: при «землесберегающем» ТСП не размер имеющейся земельной площади, если сказать словами А.В. Чаянова, «приспосабливается» к количеству имеющейся рабочей силы, а наоборот, рабочая

---

[11] Там же.

[12] Подробнее см.: *Демидов А.П.* Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана. М.: Высший Совет Народного Хозяйства,1922, с.78–84.

[13] Там же, с.16.

сила «приспосабливается» к размеру земельной площади[14]. Соответственно исходной «землесберегающей» модели соответствует система хозяйства, хотя, возможно, и сравнительно продуктивного, зачастую — лишь в потенции (то есть предполагающего относительно высокий выход продукта на единицу используемых земельных ресурсов), но экономически крайне неэффективного, хозяйства с маргинальной производительностью труда (то есть предполагающего непомерно большие, немереные затраты труда на единицу продукта).

При «трудосберегающей» модели технологического способа производства мы наблюдаем зеркально противоположный тип зависимостей ее базисных составляющих: здесь уже не количество наличной рабочей силы «приспосабливается» к размеру имеющейся земельной площади, а наоборот, земельная площадь «приспосабливается» к имеющейся рабочей силе.

«Классический» путь становления «трудосберегающей» модели технологического прогресса в сельском хозяйстве от самых ее истоков демонстрируют, конечно, США. По характеристике видного марксиста К. Каутского, относящейся к 90-м годам XIX века, «неизмеримые пространства плодоносной земли здесь свободны от чьего бы то ни было владения, ибо ее первоначальные властители, малочисленное первобытное население, искореняется или оттесняется на небольшие территории. Здесь еще не существует монополии на землю единичных лиц, нет еще земельной ренты; земля не имеет еще ценности. /…/ Поэтому при одинаковом приложении капитала и одинаковой величине земельной площади сельский хозяин в колонии может достичь гораздо более высокой ступени сельскохозяйственной культуры, чем в Европе. /…/ Еще одно обстоятельство способствует здесь развитию сельскохозяйственной культуры. Почва еще не истощена, еще совершенно девственна. Она не требует никакого удобрения и никакого плодосмена, и много лет подряд дает всегда богатый урожай одних и тех же продуктов. Земледельцу не нужно поэтому ни покупать удобрения, ни производить его самому; он может вполне ограничиться возделыванием одного продукта, напр., пшеницы, и он делает это тем скорее, чем более развит обмен, чем более он производит только товары и не нуждается более в производстве для собственного потребления. Эта односторонность производства дает ему возможность делать необыкновенные сбережения в рабочей силе и в средствах производства. /…/ Для объяснения высокого развития техники в американском сельском хозяйстве обыкновенно указывают на недостаток в рабочих руках и на высокую заработную плату, вызывающие переход к машинному труду. Но этот момент без двух других, только что подчеркнутых моментов, вряд ли мог бы

[14] *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства, в: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: «Экономика», 1989, с.229, 230.

в такой мере оказать свое действие, как это имеет место в действительности. /…/ От данного числа рабочих зависит не процветание сельского хозяйства, а только способ его ведения. Где меньше рабочих, там хозяйство ведется экстенсивнее, там по возможности больше человеческого труда заменяется машинами и пр.»[15].

Что касается России, концептуализация модели «трудосберегающей» потенции роста принадлежит А.В. Чаянову, который, в частности, детально обосновал положение, «что связь между размером семьи и размером земледельческого хозяйства следует скорее понимать как зависимость площади землепользования от размеров семьи, чем наоборот». Ученый поясняет: «… подгонка землепользования к размеру и составу семьи может делаться не только общинными переделами, но с еще большим успехом и краткосрочными арендами. В странах с режимом частной собственности на землю формой такого регулирования землепользования может быть купля–продажа (земли. — *Авт*.)» [16].

В результате исследования А.В. Чаянов приходит к выводу, что «крестьянское хозяйство, взятое на протяжении десятилетий, в условиях, аналогичных русской действительности, постоянно меняет свой объем, следуя *фазам развития семьи*, и дает пульсирующую кривую своих элементов (выделено нами. — *Авт*.)»[17]. Иначе говоря, в странах типа России (т.е. располагающих избыточными ресурсами земли по отношению к имеющейся рабочей силе) «трудосберегающая» потенция *изначально была заложена в технологической организации хозяйства трудовой крестьянской семьи*. Именно эта потенция в ходе социально-экономического и индустриального процесса в агросфере реализуется в полноценный «трудосберегающий» ТСП, на основе которого вырастает здание «*economy of scale*».

Справедливости ради надо отметить и то, что в трудовом крестьянском хозяйстве в странах типа России, по А.В. Чаянову, наличествует и зародыш «землесберегающей» потенции ТСП. Действительно, как установил ученый, при невозможности рационально (то есть с минимально приемлемой отдачей) использовать имеющийся в семье избыток труда, «для крестьянского хозяйства оказывается выгодным нарушать оптимальное сочетание производственных элементов своего хозяйства и форсировать его трудоинтенсивность далеко за оптимальные пределы /…/ Эта форсация трудоинтенсивности, покупающая повышение годового дохода ценою понижения оплаты единицы труда, достигается интенсификацией приемов обработки, или использованием более трудоемких культур и занятий»[18].

---

[15] *Каутский К.* Аграрный вопрос. Киев: «Пролетарий», 1923, с. 172.
[16] *Чаянов А.В*. Организация крестьянского хозяйства, с.229.
[17] Там же, с.230.
[18] Там же, с.278.

То есть теми же способами, которые были выделены А.П. Демидовым и С. Тобата при описании работы экономического механизма, основывающегося на «землесберегающем» ТСП.

Как было доказано всем ходом исторического процесса, в зоне стран с обширными природными (в том числе — земельными) ресурсами — типа России — именно «трудосберегающая» потенция ТСП крестьянского хозяйства оказалась доминантным фактором исторической динамики хозяйства агросферы.

Мы рассмотрим обе упомянутые, полярно противоположные по исходным базисным составляющим, модели экономического роста сквозь призму долгосрочной (50–70-ти летней) динамики издержек производства (и ряда других, «смежных», элементов экономического процесса) в сельском хозяйстве типологически различающихся стран — стран с рыночной экономикой — США, Японии, Индии, с одной стороны, и стран в недавнем прошлом с нерыночной экономикой, переживших многолетнее господство режима «власти насилия» (подробнее см. гл. III, §2) и исторически совсем недавно — лишь с 90-х годов XX века вступивших на путь развития рыночного хозяйства, — России, Узбекистана, с другой.

2. *Краткий обзор страновых «пакетов» статистических сведений об издержках производства в сельском хозяйстве.*

При попытках выработать единую методику для проведения сравнительно–типологического анализа на основе динамики издержек производства мы столкнулись с тем фактом, что разработка сводов статистических данных соответствующими службами рассматриваемых стран имеет существенные различия. Так, статистические службы США и Индии агрегируют данные об издержках (затратах) до уровня, охватывающего целиком всю отрасль сельского хозяйства, аналогичные службы СССР (и составлявших его республик) приводили сводные данные по организационным формам хозяйства (колхозы, совхозы и др.), существовавшим в агросфере бывш. СССР, а современной России — только по ее сельскохозяйственным предприятиям (причем без различения их особых форм), в Японии же за единицу статистического наблюдения принимаются хозяйственные единицы, средневзвешенные данные по которым и указываются в источниках.

В США и Японии в совокупные издержки производства включаются затраты на живой труд, но только наемный, в СССР/России,

Узбекистане — затраты на весь используемый живой труд, причем со страховыми и иными начислениями, по Индии же в сводных таблицах сельскохозяйственных издержек национальное статистическое ведомство показывает только материальные затраты. В обследованиях по сельскому хозяйству США практически все финансовые выплаты (как-то налоги, платежи по земельной ренте, выплаты процентов на заемный капитал и др.) включены в издержки производства, в Японии же из таких затрат в издержках производства учитываются только платежи по земельной ренте.

Существенные трудности при проведении анализа по бывш. СССР (и входившим в него республикам) возникли из-за того, что статистические данные об издержках производства в сельском хозяйстве чрезвычайно скудны. Таковые вообще можно было обнаружить только за несколько лет, притом с большими перерывами (авторам были доступны такие данные за 1923/24, 1970, 1986, 1987 гг.), в то время как по США, Японии, Индии имеются в наличии погодовые данные за весь исследуемый период. Частично пробелы в статистических данных по бывш. СССР помогают восполнить сведения о производственных основных фондах, используемых в сельском хозяйстве (см. табл. I-10, I-11), хотя их оценка составлена на основе «непорочной» балансовой стоимости, что создает новый круг сложностей при сопоставлении динамики показателей стоимости основных фондов с динамикой имеющегося набора показателей издержек производства. Только со времени становления самостоятельного российского государства статистическое ведомство стало публиковать погодовые данные об издержках производства в сельском хозяйстве (данный статистический ряд открывается сводом показателей сельскохозяйственных издержек за 1990 г.; см. табл. I-9).

При расчетах пропорций издержек производства (см. таблицы в гл. I) мы старались учесть межстрановые различия в исходных данных и, по возможности, привести последние к «единому знаменателю». Практически во всех странах (кроме — частично — Индии, за период 1950–1960 гг.) затраты на производство сельскохозяйственной продукции приводятся в текущих ценах, такими данными при исчислении указанных пропорций мы и пользовались.

Особое внимание было уделено оценке показателя совокупных затрат на живой труд (то есть наемных и семейных работников) по США и Японии. Так, для Японии такой расчет был осуществлен по показателям выплаченного фонда заработной платы наемных работников и удельного веса таких работников в общем числе занятых в сельском хозяйстве. При этом предположено, что все работники агросферы Японии получали одинаковую зарплату (трудовой доход) за равный труд в сельском хозяйстве; применение такого метода расчета

стало возможным потому, что в статистических источниках по Японии приводятся данные об общем количестве рабочего времени (в часах), затраченном на работы в сельском хозяйстве как наемными, так и семейными работниками.

Для расчетов доли совокупных затрат на живой труд по США была использована та же методика, но с небольшими изменениями. В доступных авторам публикациях статистических ведомств США отсутствуют какие-либо сравнительные данные о количестве реального рабочего времени, затраченного на сельскохозяйственное производство наемными и (отдельно) семейными работниками (имеются в наличии только выборочные оценки совокупных затрат рабочего времени, выраженные в часах). Поэтому (тогда, когда это было возможно) для расчетов совокупных затрат на живой труд мы пользовались показателями соотношения долей наемных работников и семейных (данные об их численности статистикой США приводятся) и данными о фонде оплаты наемных работников (включая работающих по контракту), занятых в производстве сельскохозяйственной продукции, при этом, как и по Японии, допускалось, что обе категории работников оплачивались одинаково (остаток от распределяемого дохода формировал фермерскую прибыль — см. прим. 1 к табл. I-1). В отношении же тех лет, когда по данной методике невозможно было определить объемы затрат на семейный труд — вследствие существенного сокращения, из-за неблагоприятной рыночной конъюнктуры, величины распределяемого дохода текущего года — авторы предполагали, что оплата семейного труда поглощала весь такой доход (что, между прочим, означало, что годовой цикл воспроизводства был осуществлен или с убытками, или — в лучшем случае — с нулевым показателем прибыли) (подробнее см. прим. 1 к табл. I-1).

Второй трудностью при расчетах структуры издержек в сельском хозяйстве США являлось то, что американская статистика не полностью учитывает произведенный на фермах продукт и потребленный на них же *in natura* (т. е. продукт, не прошедший стадию рыночного обмена). В первую очередь это касалось кормов, низведение стоимости которых к стоимости лишь товарной («покупной») их части затрудняло определение структуры издержек, особенно на ранних этапах анализируемого периода, когда сельское хозяйство США переживало еще мануфактурную стадию развития, на которой основную часть потребляемой на фермах энергии обеспечивали естественные ее источники (рабочая сила и тягловый скот). (О методике определения данного натурального компонента фонда производительного потребления и о его динамике будет рассказано подробнее во второй главе.)

В связи с этим мы приводим две таблицы, посвященные структуре издержек производства в сельском хозяйстве США. В одной из них, которая включена в основной текст главы, учитываются расходы на натуральное внутрихозяйственное потребление, в частности его кормовую составляющую — см. табл. I-1 (такие расходы были установлены на базе точных данных или оценены на базе косвенных; см. табл. СП-5), а другая основывается на данных, составленных по методике официальной статистики, и учитывает расходы только на покупные корма — см. табл. СП-4.)

Аналогичную реконструкцию свода показателей по сельскохозяйственным издержкам осуществить для Индии нам не удалось (по этой стране мы приводим показатели лишь по материальным затратам в сельском хозяйстве).

Несколько слов нужно сказать о степени точности отражения экономического процесса посредством предлагаемой системы показателей издержек производства.

Приведенные в таблицах по структуре издержек показатели, отражающие пропорции воспроизводственных затрат (см. соответствующие таблицы в гл. I), рассчитаны (в соответствии с исходными данными источников), как отмечалось выше, в национальных (притом — текущих) ценах. Между тем эти цены в ряде случаев не отражали адекватно те, которые складывались на рынке. В результате пропорции издержек претерпевали определенные искажения. В частности, можно выделить следующие направления деформаций в системе цен, принятых статистическими ведомствами для обозначения значений издержек.

В некоторых странах (бывш. СССР, Россия, Узбекистан) вплоть до 90-х годов цены искажались под влиянием механизмов неэквивалентного обмена между сельским хозяйством и другими секторами экономики, с одной стороны, и использования в оценках стоимостных параметров сельскохозяйственного роста (как и роста в других секторах экономики) категории данных, исчисленных по «директивно–плановым» и иным нерыночным, расчетным ценам, с другой.

О масштабах такого рода искажений можно судить при сравнении показателей по России за 1990 и 1993–2001 гг., когда на смену «социалистическим» методам определения затрат на производство стали приходить рыночные цены. В самом деле, в 1990 г. в России затраты на используемый семенной материал составляли $^1/_4$ часть затрат на корма, потребляемые в животноводстве, но в 1993–1995 гг., когда рынок осуществил определенное выравнивание пропорций производственных затрат, затраты на семенной материал стали составлять лишь $^1/_8$ – $^1/_{10}$ часть издержек на корма, а к началу XXI века рынок повысил долю расходов на семенной материал до прежнего уровня — 1/4 доли расходов на корма; под влиянием ценовой конъюнктуры существенно изменились и пропорции затрат на потребляемую

энергию (одновременно с повышательным движением внутренних цен на горючие материалы — в сторону мировых ценовых стандартов): в 1993–1995 гг. удельный вес таких затрат был в четыре раза больше, чем в 1990 г., а к началу XXI века он увеличился в пять раз (см. табл. I-9), хотя реальное потребление энергии в сельском хозяйстве существенно сократилось.

Более того, как показывает пример России, в странах, возникших после распада СССР, существенно заниженной оказалась доля затрат, приходящаяся на оплату живого труда, который к тому же вплоть до середины 60-х годов и позднее (хотя и в сглаженной форме) оплачивался фактически по «остаточному принципу» (см. гл. III, §2). Так, с 1993 г. под влиянием начавшегося высвобождения колхозно-совхозных производителей из петли директивных цен (на фоне сокращения валового продукта сельского хозяйства) резко взмыл вверх показатель удельного веса издержек на оплату живого труда в сельском хозяйстве (до 36%; см. табл. I-9), который (показатель) в последующие годы снизился до значений, реально обусловленных закономерностями «трудосберегающего» технологического способа производства (об этом подробнее будет рассказано ниже).

Вода, например, в Узбекистане на протяжении 70–80-х годов XX века, да и в начале 90-х годов вообще предоставлялась производителям бесплатно. Только в 90-х годах XX века начинают активно дискутироваться в Узбекистане вопросы о взимании платы за пользование водными ресурсами сельскими производителями. А так как определение структуры издержек происходит на базе свидетельств самих экономических агентов: колхозов, совхозов, фермеров и др., то естественно, что затраты по этой статье выпадают из учетного процесса. Индия избежала этой болезни потому, что материальные издержки производства представлены показателями макростатистики, то есть отражают структуру затрат в целом по всей сельскохозяйственной отрасли (соответственно — и ирригационные расходы), хотя, следует заметить, что в 80–90-х годах XX века в Индии были районы, например, штат Пенджаб, сельскохозяйственные производители которых *in corpora* «уклонялись» от уплаты взносов за воду, обеспечивавшуюся государственными ирригационными системами.

Оценки производственных затрат в странах с бестоварной экономикой, с одной стороны, и странах с рыночной экономикой, с другой, различаются и по методике учета затрат на основные фонды

(основной капитал). В бывш. СССР основные фонды оценивались по балансовой стоимости; практикой расчетно–«директивного» определения пропорций ежегодного износа основных средств объяснялась и нередко заниженная оценка размеров амортизационных списаний — в тех случаях, когда они все-таки имели место; в то время как в странах с рыночной экономикой (США, Япония, Индия) размеры амортизации определялись и определяются ныне путем учета имеющегося в наличии и используемого в производстве основного капитала посредством его оценки через механизм рыночных цен. Это создает возможность гораздо точнее определить истинную долю амортизации в издержках. По пути, проторенному рынком, стремится следовать в развитии фонда статистических данных об издержках (в частности, касающихся сельскохозяйственной деятельности) и нынешняя Россия, статистическое ведомство которой с 90-х годов прошлого века стало постепенно переходить к современным методам организации статистических наблюдений в области динамики основного капитала, используемого в производственном процессе[19].

В некоторых странах с рыночной экономикой (как, например, в Японии) в структуре производственных издержек находят отражение показатели удельного веса затрат по оплате живого труда, заметно отклоняющиеся от истинных (или, точнее, реально допустимых); происходит это из-за взвинчивания доходов сельских производителей через механизм поддержки сельскохозяйственных цен (посредством государственных субсидий), которые поднялись и удерживаются на уровне, во много раз превышающем мировые цены; в итоге учтенный нами при расчетах издержек фонд оплаты живого труда включает собственно заработную плату (трудовой доход), обусловленный достигнутым уровнем развития сельского хозяйства, и «надбавку» к ней, выплачиваемую из суммы обильных государственных субсидий, поступающих в сферу сельского хозяйства. Явления искажения цен мы наблюдаем и в Индии, где субсидии распространяются на ряд видов производственных издержек или даже направляются непосредственно в фонд потребления некоторых групп сельских трудящихся. Субсидиальные «подпорки» производства характерны и для сельского хозяйства США (см. гл. IV, §3). Они играли значительную (в 80-х годах XX века — определяющую) роль в воспроизводственных механизмах аграрного сектора бывш. СССР, выполняют функцию «подпорок», хотя с существенно меньшей эффективностью, в сельском хозяйстве современной России (подробнее см. гл. IV, §§3,5)

[19] См.: Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 22–26.

3. *Современный экономический рост в агросфере. Обзор по странам.*

Страны с рыночной экономикой

США. В отличие от рассматриваемых в этой работе стран США к началу Великой депрессии (1929 г.), периоду, охватываемому нашим анализом, уже развивали свое сельское хозяйство в русле современной модели экономического роста, но пока на базисе мануфактурной организации труда. К концу периода мануфактурного бытия сельского хозяйства американский фермер реализовывал на рынке, по нашим расчетам, около 2/3 произведенной им продукции (1920–1939 гг.), а по статистическим данным Департамента сельского хозяйства США (не учитывавшим, однако, ряд составляющих фермерского продукта) — даже 85–86% данной продукции[20] (вопроса об этих «разночтениях» мы подробно коснемся в главе II, §1).

Иначе говоря, главным социальным агентом экономического роста в США было фермерское (в том числе капиталистическое) хозяйство, уже *органически интегрированное* в национальную экономику. Что, по нашему представлению, предопределило в дальнейшем значительно более быстрый, более интенсивный переход агросферы США к собственно индустриальной стадии сельскохозяйственного роста (см. ниже).

То, что на раннем этапе рассматриваемого нами периода сельское хозяйство США находилось на мануфактурной стадии развития, убедительно доказывается приведенными в таблицах I-1 и СП-4 данными[21]. До середины 40-х годов мы наблюдаем относительную устойчивость показателей затрат на продукт, полученный от отраслей современной промышленности — химической и энергетической — около 3%, при этом на рубеже 20–30-х годов на долю энергии из ископаемого топлива и электроэнергии, приходилось лишь 0,3% общей суммы издержек, или менее 0,5% всего производительного потребления в сельском хозяйстве, и лишь 0,9% (1,5%) — в середине 40-х годов (см. табл. I-1). Фонд же оплаты живого труда (семейных и наемных рабо-

---

[20] См. табл. СП-5 и табл. СП-6.

[21] Таблица СП-4 составлена по показателям официальной статистики, которые учитывают затраты только на покупные корма, в то время как данные в таблице I-1, рассчитанные авторами, учитывают массу всех кормов, как произведенных и потребленных *in natura* внутри хозяйства, так и закупленных на рынке (методика расчетов и обоснование пропорций распределения кормов, потребленных *in natura* и закупленных на рынке, подробно описана в гл. II, §1).

чих) достигал *двух пятых общей величины издержек*. Можно обоснованно утверждать, что в совокупной мощи источников энергии (мускульная сила людей и тяглового скота, энергия промышленного происхождения), если судить по структуре энергетических издержек (включая сюда и невычлененную долю расходов, приходящуюся на фуражный фонд тяглового скота), природная энергетическая составляющая еще намного преобладала над ее промышленным «визави».

Также можно утверждать, что мануфактуру аграрного сектора США на ее завершающей стадии отличала высокая степень стабильности, что, в частности, убедительно подтверждается малой мобильностью показателей производительности труда, относящихся к этому периоду. Производительность труда в сельском хозяйстве США характеризовалась в этот период следующими данными (для сравнения приводим также показатели производительности труда, характерные для более ранних исторических периодов, а также тот, который действовал в [условно] последние годы «первой волны» сельскохозяйственной индустриализации, завершают же этот ряд показатели, свойственные уже эпохе второй технологической (информационной) революции, — за 1982–1986 и 2000 гг. — период активного перехода агросферы страны на наукоемкую стадию роста)[22]:

Выработка продукта на час затрат труда:

Год / период	*1800*	*1900*	*1910-1914*	*1920-1924*	*1930-1934*	*1935-1939*	*1940-1944*	*1955*	*1982-1986*	*2000*
Вся продукция (1960=100)			*21*	*23*	*25*	*31*	*36*	*68*	*383*	*498*[1]
пшеница, кг	*7,8*[2]	*18,4*[2]	*26*	*26*	*34*	*40*	*59*	*101*	*389*	*900*[2]
кукуруза, кг			*22*	*25*	*26*	*25*	*38*	*80*	*907*	

[1] *1999 г.*

[2] *Зерно (без различения его видов).*

[22] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН, 1999, Приложение 1, табл. I-11. Показатель индекса за 1999 г. рассчитан по: Statistical Abstract of the United States 2002, с. 526 (см.: www.census.gov). Показатели за 1800, 1900, 2000 годы приводятся по данным работы: *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустральное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: «Логос», 2000, с. 62–63.

Структура издержек производства в сельском

Вид издержек / затрат	1929	1940	1945	1950	1955	1960
Все издержки / затраты	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Затраты на оплату живого труда[1]	**39,4**	**40,6**	**39,7**	**32,6**	**28,7**	**21,3**
Производственные затраты[2]	**60,6**	**59,4**	**60,3**	**67,4**	**71,3**	**78,7**
в том числе:						
Из продукта сельского хозяйства:	*31,6*	*34,2*	*37,4*	*36,9*	*36,4*	*41,3*
семенной материал	–	1,2	1,5	1,5	1,5	1,2
корма[3]	31,6	29,8	32,3	29,8	30,8	34,0
скот	–	3,2	3,6	5,6	4,1	6,1
Из продукта промышленности (химической и энергетической отраслей):	*2,1*	*2,8*	*3,2*	*4,0*	*4,8*	*5,1*
удобрения	1,8	2,1	2,3	2,9	3,3	3,2
пестициды и др. средства защиты	–	–	–	–	–	–
горючие материалы[4]	0,3	0,7	0,9	1,1	1,5	1,9
электроэнергия	–	–	–	–	–	–
Основной капитал:	*9,3*	*11,3*	*10,5*	*15,9*	*19,0*	*19,9*
амортизация	4,3	5,0	4,7	7,7	9,9	10,3
текущий ремонт и содержание средств производства[5]	5,0	6,3	5,8	8,2	9,1	9,6
Работы и услуги по контрактам[6]	*1,5*	*5,5*	*3,4*	*4,5*	*5,3*	*6,4*
Выплаты процентов	*4,6*					
Прочие затраты (включая платежи по земельной ренте и налогам)	*11,5*	*5,6*	*5,8*	*6,1*	*5,8*	*6,0*

* *Составлено и подсчитано по*: Statistical Abstract of the United States 1939. Wash.: US Bureau of the Census. 1939, c.631, 632, 633, 642; do.do. 1946, c.609; do.do. 1947, c.592; do.do. 1948, c.619; do.do. 1960, c.632; do.do. 1968, c. 226, 606; do.do. 1977, c. 399; do.do. 1980, c. 406, 699; do.do. 1990, c.647; do.do. 1993, c. 652,; do.do. 2002, c. 521, 526, 531, 400 (см.: www.census.gov). Все расчеты осуществлены в текущих ценах.

[1] Показатель включает оплату всего живого труда (наемного и семейного). При этом было предположено, что семейные работники оплачивались по ставкам наемных рабочих, и каждый из них затрачивал то же количество времени, что и последние. Это позволило рассчитать совокупные расходы на труд наемных и

Таблица I-1

хозяйстве США, 1929 – 2000 гг. *, %

1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	1998	2000
100	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
22,8	**21,9**	**18,5**	**14,0**	**16,3**	**22,3**	**22,6**	**21,8**	**23,6**
77,2	**78,1**	**81,6**	**86,0**	**83,7**	**77,7**	**77,4**	**78,2**	**76,4**
34,5	*33,2*	*26,9*	*24,5*	*19,8*	*21,8*	*20,3*	*20,4*	*20,6*
1,5	1,6	2,5	2,2	2,2	2,5	2,7	3,3	3,2
27,0	24,4	19,0	15,0	11,4	11,3	11,6	11,4	10,6
6,0	7,2	5,4	7,3	6,2	8,1	6,1	5,7	6,8
6,6	*9,0*	*13,6*	*15,3*	*13,7*	*12,2*	*12,8*	*12,8*	*12,4*
4,1	4,0	7,0	6,5	5,1	4,5	4,9	4,8	4,3
–	1,7	2,1	2,4	2,9	3,0	3,7	4,1	3,7
2,5	3,0	3,8	5,4	4,4	3,3	4,2	3,9	4,4
–	0,3	0,7	1,0	1,3	1,3	–	–	–
18,6	*18,9*	*22,4*	*19,6*	*17,4*	*14,9*	*13,9*	*13,8*	*13,6*
10,5	11,3	13,8	14,7	13,1	10,1	9,3	9,1	8,9
8,1	7,6	8,6	4,9	4,3	4,8	4,6	4,7	4,7
9,7 {	*6,1*	*6,1*	*8,6*	*12,1*	*12,5*	*15,7*	*16,1*	*15,1*
	3,0	*3,8*	*11,1*	*12,5*	*7,4*	*6,1*	*6,1*	*6,1*
7,8	*7,9*	*8,8*	*6,9*	*8,2*	*8,9*	*8,6*	*9,0*	*8,6*

семейных работников: они были определены (для всего периода, кроме 1980, 1998 гг.) по показателю отношения численности наемных работников к общему числу занятых на фермах; прибыль оценивалась как остаток распределяемого чистого дохода (за вычетом затрат на оплату семейного труда) по отношению ко всем материальным затратам, осуществленным фермером на производство в текущем году. Для 1980, 1998 и 2000 гг. (периодов, когда в связи с кризисом или иными экономическими трудностями прибыль практически равнялась нулю) было предположено, что весь распределяемый доход расходовался на оплату семейных работников (причем в 1980 г. для того, чтобы оплатить семейный труд по ставкам наемных работников, не хватило суммы, составлявшей примерно 26% распреде ляемого дохода, а в 1998 г. — 20%). Ниже приводятся данные, на основе которых проводились расчеты совокупных затрат на труд:

(Продолжение прим. 1 к таблице I-1)

Показатель / Год	*1929*	*1940*	*1945**	*1950*	*1955*	*1960*	*1965*	*1970*
Отношение численности наемных рабочих ко всем занятым, %	*16,3*	*18,1*	*20,5*	*23,1*	*25,3*	*32,6*	*32,5*	*33,3*
Доля затрат на наемный труд во всех затратах на труд, %	*16,3*	*18,1*	*20,5*	*23,1*	*25,3*	*32,6*	*32,5*	*33,3*
Возможная прибыль, %	*9,8*	*9*	*15,8*	*11*	*5,9*	*11,4*	*4,9*	*5,2*

Показатель / Год	*1975*	*1980*	*1985*	*1990*	*1995*	*1998*	*2000*
Отношение численности наемных рабочих ко всем занятым, %	*37,9*	*35,2*	*35,2*	*30,8*	*30,6*	*31,4*	*31,6*
Доля затрат на наемный труд во всех затратах на труд, %	*37,9*	*40,6*	*35,2*	*30,8*	*30,6*	*35,3*	*31,6*
Возможная прибыль, %	*7,1*	*0*	*7*	*5,6*	*1,8*	*0*	*0*

** Для 1945 г. авторы не имели в наличии показателей численности всех наемных работников. (Было известно лишь, что в 1944 г. 54,3% всех ферм использовали наемный труд, а 7,8% ферм нанимали постоянных работников, которые составили 8,9% всех занятых на фермах.) Авторы предположили, что рост удельного веса наемного труда в совокупных затратах труда изменялся равномерно с 1940 по 1950 гг., увеличиваясь примерно на 2,5% в год, и достиг 20,5% в 1945 г.*

[2] Затраты на наемный труд (*contract, hired labor expenses*) изъяты из данного раздела и включены в раздел «затраты на оплату живого труда».

[3] Показатель расходов на корма учитывает стоимость кормов, произведенных и потребленных на ферме *in natura*. Оценка затрат на все потребленные на ферме корма осуществлялась по величине стоимости закупленных кормов и рассчитанной авторами доли затрат на такие корма во всех затратах на корма (см. табл. СП-5, колонка 3; гл. II прим. 13).

[4] В показатель за 1929г. и 1995–2000 гг. входят также расходы на электроэнергию.

[5] Текущий ремонт и содержание хозяйственных строений, машин и механизмов.

[6] Данная статья до 1970 г. обозначает «прочие расходы»: так, в 1929 г. в ней учитываются расходы на семенной материал, страхование, джинирование хлопка, приобретение подсобных материалов и различные текущие расходы; с 1940 по 1966 гг. данные расходы (за вычетом затрат на семенной материал) объединены с затратами на электроэнергию, пестициды и выплату процентов на заемный капитал; а с 1970 г. данный показатель включает расходы на аренду машин и их обслуживание (*custom work*), затраты на хранение и транспортировку продукции, а также различные текущие расходы по обслуживанию процесса производства.

Имеющаяся в нашем распоряжении статистика позволяет идентифицировать завершающий этап мануфактурного бытия сельского хозяйства США примерно концом 30-х — серединой 40-х годов, при этом характерной чертой данного этапа было то, что в отдельных звеньях собственно мануфактурного разделения труда частичные работники, включая тех, которые уже использовали машинную технику, приводимую в движение энергией из характерных для мануфактуры естественных ее источников (в данном случае это был, как упоминалось, рабочий скот), стали заменяться машинами, оснащенными механическим двигателем[23].

Отметим попутно: в экономической теории К. Маркса «омашинивающаяся» мануфактура отнесена к *зрелой форме* мануфактурного производства: «Самостоятельно, как *наиболее развитая* [для определенной исторической эпохи] форма капиталистического способа производства мануфактура предшествует изобретению собственно системы машин, хотя она уже применяет машины, вообще — основной капитал»[24]. Для данной ступени мануфактурного производства, как следует из данных за 1929–1950 годы табл. I-1 (см. также табл. СП-4), расходы на *текущее* потребление средств труда (в форме их ремонта и содержания) пока превышают затраты в форме *износа* этих средств труда (амортизация основного капитала). И это — закономерно: овеществленный в современных (по сравнению с предшествующими видами) средствах труда (в том числе — материализованный в самодвижущихся машинах) труд пока уступает по стоимости средствам труда, воплощенным в

[23] Зачатки мануфактуры, использующей сложные орудия труда, возникли в аграрном секторе США, по-видимому, в весьма отдаленные времена — еще в 30–40-е годы XIX века, когда, по свидетельству некоторых исследователей, «наличие свободных земель и отток населения на запад порождали тенденцию к замене ручного труда машинами. Фермеры начали использовать минеральные удобрения и машинную технику: сенокосилки, жатки, вращающиеся грабли, молотилки, паровой трактор. По количеству и разнообразию сельскохозяйственных машин США в 1850 г. занимали ведущее место в мире» (Земельный вопрос. Под ред. Е.С. Строева. М.: «Колос», 1999, с.352). До официальной даты изобретения (патентования) универсального двигателя внутреннего сгорания (дизеля) (1892 г.) оставалось еще пять десятилетий. А еще полвека спустя (в 40-е годы XX века) массовое внедрение этого изобретения в хозяйственную практику позволит начать индустриальный переворот в земледелии США, Можно предположить, что мануфактурная форма организации земледельческого труда, при которой в той или иной степени в сельском хозяйстве использовалась сложная техника, вытеснявшая из ряда производственных операций ручной труд, просуществовала в США, по-видимому, около столетия.

[24] *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1863 годов, в: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т.47, с.330.

массиве более «дешевого», менее производительного, быстрее изнашиваемого живого и мертвого (в том числе традиционного) инвентаря. В аграрном секторе США преобладание первого над вторым стало отмечаться — при нарастающем разрыве между обоими видами потребления основного капитала — лишь с середины 50-х годов (см. табл. I-1), с усиливавшемся накоплением на фермах «дорогого» (высокопроизводительного) механического оборудования.

Первой и самой массовой такой машиной, обосновавшейся в американском земледелии и революционизировавшей процесс производства, был дизельный трактор. Так, за период 1920–1940 гг. удельный вес ферм, применявших тракторы, увеличился с 3,6% до 23,1% общего числа ферм; за период же войны, к 1945 г., этот показатель вырос еще больше — до 34,2%; но лишь в первой половине 40-х годов в США обозначился процесс (пока весьма скромный по своим масштабам) *концентрации* сельскохозяйственного тракторного парка на крупных фермах. Если в 1940 г. из каждых 10 ферм, владевших тракторами, лишь одна ферма имела две такие машины, то в 1945 г. таких ферм насчитывалось уже две (подробнее см. табл. I-2).

Таблица I-2

Обеспеченность американских фермеров тракторами накануне и в начальный период перехода к индустриальному типу роста в хозяйстве агросферы, 1920–1945 гг.*

Показатель\ \ Год	1920	1925	1930	1940	1945
Число ферм, имеющих тракторы, *тыс. штук*	229	474	852	1410	2003
удельный вес в общем числе ферм, %	*3,6*	*7,4*	*13,5*	*23,1*	*34,2*
На одну ферму, имеющую тракторы, приходится тракторов, *штук*	1,07	1,07	1,08	1,10	1,18

* *Составлено и подсчитано по*: Statistical Abstract of United States. Wash.: US Bureau of the Census. Выпуски за 1928 (с.602,603); 1930 (с.648); 1939 (с.605,633,635); 1946 (с. 618); 1950 (с.569,596); 1956 (с.644); 1962 (с.528).

Столь замедленные темпы концентрации тракторного парка (т.е. дорогостоящих машин) имели свои причины. Как установила американская исследовательница С. Кларк, в кукурузном поясе США (штаты Иллинойс, Индиана, Миссури, Айова, Огайо) уже к 1929 г. почти четверть фермеров обза-

велась тракторами, но вместе с тем фермеры не отказывались и от использования лошадей в качестве тягловой силы. Владельцы хозяйств предпочитали лишь частично замещать своих рабочих лошадей (обычно одну, две упряжки) трактором, а не выдавливать их с фермы полностью. Тем самым фермеры создавали в своих хозяйствах этакий смешанный «пакет» энергетических ресурсов. Кларк разъясняет, что до середины 30-х годов (а фактически много позже) фермеры придерживались «стратегии сбережения своей наличности и защиты своих денежных потоков». Такая стратегия основывалась на том, что «многие производственные расходы покрывались за счет ресурсов их (фермеров. — *Авт.*) хозяйств.

Фермеры сами обеспечивали себя рабочей силой, на фермах же выращивали, кормили и пасли лошадей; и до тех пор пока фермеры опирались на собственные ресурсы, они снижали риск денежных потерь, которые последовали бы за крахом цен»[25]. (Напомним, что Великая депрессия первой половины 30-х годов нанесла сильнейший удар по фермерскому хозяйству США. В кукурузном поясе в разгар кризиса, в 1932–1933 гг., фермеры не останавливались перед «актами насилия», открыто «угрожали подвергнуть суду Линча судей и банкиров»[26].) Такая стратегия, продолжает Кларк, «была для фермеров важнейшим источником безопасности», но «она же имела и свою (отрицательную) цену, поощряя фермеров оценивать новую технологию в понятиях денежных расходов, необходимых на ее приобретение, а не в понятиях эффекта, достигаемого в трудосбережении». В результате в сознании фермеров трактор выглядел «более дорогим орудием, чем упряжка лошадей»[27]. Исправил положение «Новый курс» Ф. Рузвельта, отлившийся в аграрном секторе в политику институционально–ценового регулирования связей фермерского хозяйства с рынком, которая обеспечила достаточно прочные *гарантии* покрытия «всех или почти всех издержек производства» на фермах[28]. Тем самым «в основном был устранен конфликт между безопасностью и производительностью». Этот курс, по оценке автора, и открыл путь фермерским инвестициям в «эффективную машинную технику»[29], результаты которых, как

---

[25] *Clarke S.* New Deal Regulation and the Revolution in American Farm Productivity: A Case Study of the Diffusion of the Tractor in Corn Belt, 1920–1940, in: *The Journal of the Economic History*. 1991. Vol. 51, No.1, c.102,106,107.

[26] Там же, с.115.

[27] Там же, с.108.

[28] Там же, с. 116. Подробнее см.: Аграрный сектор США в конце XX века. Под ред. Б.А. Чернякова. М., 1997, с.34–38; *Андреева Н.М.* Сельское хозяйство США (технологии, организация, аграрная политика). М.: «Наука», 1993, с.124–125.

[29] *Clarke S.* New Deal Regulation and the Revolution in American Farm Productivity, с.120.

мы видели, начали сказываться в кукурузопроизводящей отрасли земледелия в первой половине 40-х годов.

Подлинный переход американской агросферы к индустриальной стадии роста, сначала в ее «грубой», т.е. ресурсо– и материалоемкой, форме, начался на рубеже 40–50-х годов. И, действительно, именно с этого времени пришли в активное движение основные индикаторы такого перехода (показатели затрат на живой труд, энергию и основной капитал, в частности, представленный машинами и механизмами; см. табл. I-1). Характерная особенность данной стадии — возникновение (разновременное по отраслям) *системы машин* в аграрном секторе хозяйства.

Выделяя эту ступень сельскохозяйственной индустриализации как особый ее этап, А.А. Манукян отмечает: «Речь идет о новой, более высокой ступени механизации (в странах—лидерах индустриальных преобразований в агросфере в то время — США и Канаде. — *Авт.*), о переходе или завершении перехода сельского хозяйства из мануфактурной в новую, машинную стадию производства, характеризующуюся комплексной механизацией сельскохозяйственного производства»[30]. Автор обратил внимание и на техническую сторону процесса формирования системы машин, характерную для того (50-е годы) времени: «… если появление трактора означало первую ступень механизации земледелия, то создание системы навесных орудий означало вторую, высшую ступень. Техническая революция в сельском хозяйстве завершается только с переходом от прицепного к навесному тракторному инвентарю, обеспечившему непосредственное соединение рабочей машины с двигателем, только с созданием системы разнообразных рабочих машин и с базирующейся на этой системе машин комплексной механизацией всех ступеней сельскохозяйственного производства»[31]. Уместно здесь, однако, сделать одно уточнение.

Если судить с «высот» информационного богатства, доступного исследователю сегодня (начало XXI века), может вызывать определенные сомнения периодизация индустриализации сельского хозяйства, предложенная автором; он выделяет «в истории сельского хозяйства США (и Канады) … два отдельных этапа механизации — тракторизация (1920–1940 гг.) и комплексная механизация (1940–1954 гг.)»[32]. Как свидетельствуют, например,

---

[30] *Манукян А.А.* Проблемы послевоенного развития экономики капиталистических стран. М.: «Экономика», 1966, с.68.

[31] Там же, с.71.

[32] Там же, с.68.

данные о динамике производительности труда, приведенные выше[33], «тракторизация» до начала 40-х годов, очевидно, едва затронула лишь отдельные отрасли американского земледелия, вызвав здесь небольшое повышение производительности труда, в ряде других отраслей последняя еще не утратила характерные для мануфактуры (в зрелой фазе ее развития) параметры, более того, в течение десятилетий она удерживалась на однажды достигнутой высоте (типична кукурузопроизводящая отрасль, характеризовавшаяся до 1940 г. абсолютно застойным уровнем почасовой производительности труда; см. выше). Поэтому вряд ли можно в данном случае говорить об особом этапе механизации. (Ниже мы приведем другие аргументы, подкрепленные статистическими данными, в пользу представления о мануфактурном бытии сельского хозяйства США, по меньшей мере, до начала 40-х годов.) Вместе с тем те же данные говорят о том, что период «комплексной механизации» в США простирался много дальше очерченных автором временных рубежей (1954 г.), за которыми данный процесс продолжал охватывать еще не освоенное им пространство агросферы.

«Грубая» индустриализация, как свидетельствуют показатели издержек, шла в сельском хозяйстве США двумя волнами: первая волна приходится на период с середины 40-х до середины 50-х годов[34], вторая — на период с середины 60-х годов до конца 70-х (1980 г.). Оба периода отличаются интенсивными процессами сокращения роли живого труда в сельскохозяйственном производстве, будучи отмечены падением удельного веса затрат на оплату труда — в 1,6 раза и 2 раза соответственно (см. табл. I-1). (В действительности, однако, реальное падение удельного веса таких затрат в период второй волны «грубой» индустриализации было, по-видимому, несколько меньшим — вследствие того, что в этот период стала постепенно увеличиваться доля затрат на «работы и услуги по контрактам», которые включают, помимо прочего, расходы на оплату труда наемных рабочих; см. табл. I-1. См. ниже.)

Динамика изменения структурных слагаемых издержек производства на индустриальной стадии роста отличается в агросфере США большой неравномерностью. Или, если сказать иначе, в ходе экономического роста в агросфере приоритетные объекты роста (приоритетные по отношению к другим) постоянно изменяются;

---

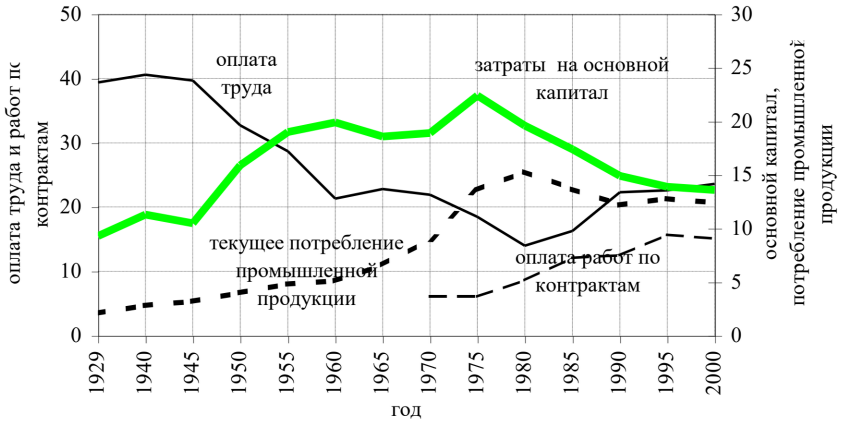
[33] Более подробно см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с.210,211; Changes in Farm Production and Efficiency. A Summary Report 1970. Statistical Bulletin No.233. Wash.: US Department of Agriculture, 1970; Statistical Abstract of the United States 1965. Wash.: US Bureau of the Census, 1965, с.646.

[34] Например, только за период с 1940-44 г. по 1954 г. тракторный парк в сельском хозяйстве увеличился с 1,8 млн. единиц до 4,2 млн., или в 2,3 раза (см.: Changes in Farm Production and Efficiency. A Summary Report 1970, с.11).

каждый раз ими становятся объекты, преимущественное развитие которых инициируется интересами общества и непосредственно стимулируется рынком. В частности, процесс такого неравномерного роста захватывает отдельные отрасли, которые на том или ином историческом этапе приобретают приоритетное значение в агросфере. Так, в 60–70-х годах, если судить по динамике изменений удельного веса затрат на покупные корма, такой приоритетной отраслью стало животноводство (см. табл. СП-4). Существенный упор на стадии «грубой» индустриализации был сделан (к середине 70-х годов) и на интенсификацию производства в растениеводстве (см. динамику изменений затрат на минеральные удобрения в табл. I-1). Неравномерностью отличалась и динамика ряда других групп издержек (см., например, динамику показателей амортизации основного капитала в табл. I-1; см. также рис. I-1).

Рис. I-1

США: динамика издержек производства в сельском хозяйстве, 1929–2000 гг., %



В странах с рыночной экономикой обращает на себя внимание статья производственных расходов, обозначенная как «работы и услуги по контрактам», особенно стремительно доля таких расходов растет в США — с 1980 г. (см. табл. I-1; см. также рис. I-1). Ее рост, хотя и более медленный, мы наблюдаем также в Японии, а с конца 80-х годов появление данной статьи издержек отмечается в России, СССР, а также в возникших после распада последнего государствах (например, в Узбекистане). При этом в России данная доля издержек стала

активно набирать «вес» с 1990 г. (см. табл. I-9). Увеличение доли таких расходов отслеживается и в Индии в период с середины 60-х до середины 70-х годов (см. табл. I-5).

Данный феномен означает, что агросфера, особенно в странах, на сельское хозяйство которых мощное влияние оказывает НТР (в нашем случае это прежде всего США), все активнее переходит к *стадиально новому уровню общественного разделения труда*.

Суть данного процесса состоит в том, что от прежде единого комплекса внутрихозяйственного (технического) разделения труда отщепляются отдельные производственные функции, которые материализуются в систему обособленных, частичных работ, становящихся звеньями новой ступени общественного разделения труда (ОРТ). Эти обособившиеся работы, как правило, выносятся за пределы самой производственной единицы (хозяйства) и обретают самостоятельное бытие[35]. Или, говоря иначе, «внешние» (для хозяйства) агенты экономической деятельности (государство, частные предприниматели и их агенты, работники физического труда) выполняют все больший объем работ, связанных с воспроизводственным процессом в хозяйстве, по особым (временным) соглашениям (контрактам) с владельцем фермы (см. табл. I-1), обеспечивая, помимо экономии издержек производства, рост производительности труда. (Американская статистика выделяет такие, например, виды «услуг со стороны», как предоставление в аренду машин, выполнение различных работ на заказ, маркетинг; к ним могут относиться транспортировка и хранение продукции и другие работы.)

В сельскохозяйственной переписи 1997 г. выделена группа ферм, реализующая часть своего товарного продукта самостоятельно среди физических лиц для их личного потребления, т.е. работающая на свободный (не регулируемый государством) рынок. В 1997 г. удельный вес таких ферм составлял 4,9%, а проданная ими для указанных целей продукция достигала … 0,28% от общей величины выручки американских фермеров от продажи сельскохозяйственной продукции[36]. Иначе говоря, к концу XX века в США почти вся товарная сельскохозяйственная продукция поступала от производителей на рынок по организованным (регулируемым государством и различными корпоративными объединениями) каналам сбыта. Об одном из них, однако, следует сказать особо. В аграрном секторе США к концу XX века весьма

---

[35] Подробнее см.: *Мартынов В.А.* Сельское хозяйство США и его проблемы (Научно–техническая революция и аграрные отношения). М.: «Мысль», 1971, с.21,22,132–136; Капитализм на Востоке во второй половине XX-го века. М.: «Восточная литература» РАН, 1995, гл. V, § 1 [*В.Г. Растянников*].

[36] 1997 Census of Agriculture — United States Data. June 2000. Wash.: US Department of Agriculture, с.98 (см.: www.nass.usda.gov/census)

распространенными оказались контрактные сделки, по которым фермер заключает с «покупателем» «устное или письменное соглашение» о продаже ему, «покупателю», товарной части своего урожая — *до* уборки последнего или в период *до* самостоятельного выхода фермера на рынок, при этом оговариваются как сумма предоплаты, так и объем поставок данного продукта контрактору. Но с момента сделки *собственность* на реализуемый продукт переходит к *контрактору*. В 1997 году по таким контрактам было продано фермерами 31%, а в 2000 году, очевидно, в связи с ухудшением конъюнктуры в сельском хозяйстве США, — уже 37% общей массы произведенной ими в эти годы сельскохозяйственной продукции[37]. Вряд ли нужно специально объяснять, что по меньшей мере часть «устных соглашений» могла отражать существовавшее в реальной жизни состояние «полуэкспроприации» сельскохозяйственного производителя, попавшего в неформальные финансовые тиски к «покупателю» (подробнее см. гл. IV, §§ 2,5).

Для данного этапа развития сельского хозяйства США характерно также формирование новых, отвечающих реалиям НТР и новому общественному разделению труда, форм организации наемного труда (работы по контрактам), занятого в агросфере. Так, в агросфере США появляются высокоспециализированные группы («команды») рабочих во главе с менеджером, привлекаемые владельцем фермы на определенный срок для выполнения особых сельскохозяйственных операций и других работ[38]. (На долю контрактных рабочих, занятых на работах для заказчика, приходилось в аграрном секторе хозяйства США в 1980г. 10,7%; в 1985 г. — 15,0; в 1990 г. — 11,3; в 1995 г. — 12,3; в 1997 г. — 16,6% всех затрат на наемный труд, используемый в фермерском производстве[39].)

В результате поле экономической деятельности собственно сельскохозяйственного производителя (фермера) на земле подобно шагреневой коже сжимается. Все большую роль в выполнении сельскохозяйственных работ начинают играть внесельскохозяйственные экономические комплексы, осуществляющие свою деятельность в фермерском хозяйстве на фоне продолжающегося сокращения самодеятельного населения агросферы. Так, за период 1975–1997 гг. число работни-

---

[37] Statistical Abstract of the United States 1999, c. 683, tabl. 1117; do. do. 2002, c. 525, tabl. 799 (см.: www.census.gov).

[38] Такого рода новые формы организации труда были рассмотрены нами (на примере организации труда на современных плантациях и «контрактного фарминга» в странах Юго-Восточной Азии) в: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., гл. VII, §§ 1,2.

[39] Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States 1997, c.670,671; 1997 Census of Agriculture — United States Data. June 2000, c.144.

ков, занятых в сельском хозяйстве США, уменьшилось более чем в полтора раза — с 4,3 млн. до 2,7 млн. человек[40].

В этом контексте следует оценивать и функциональную роль «внешних» для агросферы агентов экономического роста — государства и частного (монополистического и другого) капитала, организующих новую систему общественного разделения труда в агросфере, определяющих направления, темп и интенсивность этого процесса, развивающих в рамках новой системы общественного разделения труда как производительность труда, так и продуктивность производства. К отщепленным от собственно фермерского производства функциям относится, в частности, создание высокоэффективных технологических «пакетов», предусматривающих, помимо специфического вещественного наполнения «пакета» (высокоурожайный семенной материал и др.), также предоставление соответствующего «ноу–хау», оказание консалтинговых услуг, развитие новых, более эффективных форм организации интеллектуального и физического труда, имеющего отношение к экономической деятельности в агросфере, новых форм маркетинга и др.

В наиболее продвинувшихся в этом направлении странах (США — прежде всего) бурный процесс роста доли затрат на «работы и услуги по контрактам» становится «фирменным знаком» *ресурсосберегающей модели роста*, которая представляет собой выдающееся достижение НТР.

О становлении в агросфере США такой модели роста свидетельствует и то, что с начала 80-х годов в структуре сельскохозяйственных издержек в США происходит *сокращение доли затрат на основные средства производства* (см. рис. I-1), в особенности на активную часть основного капитала (машины и орудия труда); всего лишь за десятилетие (1980–1990 гг.) удельный вес издержек на амортизацию уменьшился на 31,3%, а к 2000 г. доля амортизации сократилась уже на 39,5% (см. табл. I-1). При этом эффективность орудий труда (становящихся все менее материалоемкими) возросла. Более того, с начала 80-х годов претерпевали сокращение удельный вес затрат на минеральные удобрения (при тех же ценах на единицу вещества они становятся более эффективными), и — особенно — на энергетические ресурсы (машинный парк, используемый в сельском хозяйстве, становится более экономичным). Но одновременно возрастает доля затрат на семенной материал и средства защиты растений (используемые в сельском хозяйстве сорта культур становятся более

[40] Agricultural Statistics 1998. Wash.: US Department of Agriculture. 1998, c. IX-17.

урожайными, требующими относительно больших затрат как на производство семенного материала, так и на средства их защиты)[41].

Широкую панораму движения сельского хозяйства США к наукоемкой стадии роста представила исследовательская группа Мемориального института Бэттела, подготовившая получивший широкий резонанс доклад о технологическом развитии сельского хозяйства страны к 2000 году[42]. Анализируя уже накопленный страной опыт в модернизации технологической основы сельскохозяйственного роста, группа выделила, среди прочих, следующие направления научно–технического прогресса в агросфере страны:

развитие производства при существенной экономии природных ресурсов; развитие как фактор сохранения окружающей среды (сюда относится, помимо прочего, политика консервации водных ресурсов, 80% которых в США потребляются именно в сельском хозяйстве; развитие новых систем и приемов ирригации, предусматривающих всесторонний контроль за использованием воды);

массовое применение новых средств и механизмов защиты растений при резком сокращении использования химикатов; адаптация состава применяемых удобрений к химическому составу почвы;

повсеместное внедрение экономичных многофункциональных сельскохозяйственных машин, работающих в режимах, оптимальных для данных сельскохозяйственных операций; при этом предусматривается завершение автоматизации многих операций (в частности вспашки земли и жатвы) на возделывании ряда сельскохозяйственных культур, а также резкое увеличение оснащения трудосберегающими орудиями ряда отраслей, производящих интенсивные культуры (в частности, особое внимание уделяется созданию тракторного парка, безопасного для окружающей среды);

резкое улучшение качества сельскохозяйственных растений (в том числе выведение новых их сортов) посредством развития биотехнологий (прежде всего — методом клонирования и генной инженерии);

---

[41] Н.М. Брагина следующим образом описывает изменения в технологическом облике сельскохозяйственного производства США на ранних этапах его перехода к новой модели экономического роста: «"Нулевая" обработка почвы (при которой совмещены три основных процесса — вспашка, проплуживание, посев) успешно стала вытеснять сверхмощную технику. В 1983 г. таким способом было засеяно около 1/4 американских полей. // Усилилась разработка и внедрение совершенно новой агротехники и соответствующих видов оборудования. К уже распространенному посеву по стерне прибавился "экономный пар". // Наиболее перспективной представляется "обработка по заказу" (то есть учитывающая конкретные особенности роста растений, свойств почвы, климатических условий), которая стимулирует применение менее мощной техники. // В США ... в последние годы в земледелии быстро распространяется тенденция к отказу от химических средств поддержания высоких урожаев. Это стало возможным в значительной степени благодаря успехам генной инженерии. // При использовании новых типов семян урожаи могут быть повышены на 20–30%» (*Брагина Н.М.* Сельское хозяйство, в: Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1983 г. и начало 1984 г. (МЭ и МО). М.: «Правда», 1984, с.66,67).

[42] См.: Agriculture 2000. A Look at the Future. A Study by Columbus Division, Battelle Memorial Institute. Columbus, 1985.

компьютеризация воспроизводственного механизма сельского хозяйства, становящаяся движущей силой всего технологического обновления фермерского хозяйства, силой, цементирующей данный процесс.

Действительно, создание разветвленной информационной сети обеспечивает доступ всех фермеров к новейшим достижениям НТР. Внедрение компьютеров в процесс фермерского производства стало главным фактором создания «суперурожайной» технологии. Практически «суперурожайная» технология выражается в создании информационно–управляющих систем, которые на основе данных о физико-химическом составе почвы, метеоусловиях района (как-то влажности, интенсивности солнечной энергии), биопотенциала сельскохозяйственных культур, состояния окружающей среды решают задачи оптимального выбора сорта сельскохозяйственных культур, времени проведения различных сельскохозяйственных операций, а также соответствующих агротехнических средств. В дальнейшем эти же системы используются для контроля за всем ходом вегетации культур; так, информация, поступающая с расположенных в поле датчиков на компьютер, позволяет управлять процессами орошения (капельная ирригация), регулировать количество вносимых удобрений и средств химической защиты растений, определять сроки сева, уборки и т.д.[43].

Все это является еще одним убедительным свидетельством прогрессирующего перехода сельского хозяйства США к ресурсосберегающим технологиям, массовому распространению которых на начальном этапе активно способствовали, помимо прочего, обильные кредиты, предоставленные из разнообразных источников фермерам. Не случайно в 1980–1985 гг. резко подскочили выплаты процентов на заемный капитал (см. табл. I-1) (который, впрочем, выполнял и другую функцию — помогал фермерам смягчить удары мирового экономического кризиса начала 80-х годов). Таким образом, мы наблюдаем в агросфере США усиливающийся переход ее хозяйства к использованию все более эффективных, экономичных технологий и соответствующих им высокоточных средств производства, что знаменует собою наступление *второй волны процесса технологических преобразований*, качественно отличной от первой, основанной на экспансии «грубых» (ресурсо– и материалоемких) орудий труда и соответствующих им технологий.

Экономически данный переход отражает факт, что в сельском хозяйстве США происходит *передислокация механизмов экономии*

---

[43] См.: Agriculture 2000, с. 50–53, 95–133; а также: *Дерюгина И.В.* Прогнозирование продовольственного обеспечения развивающихся стран. Канд. дисс. М.: ИВ АН СССР. 1990, с.62–65. О том, насколько объемно, с какой быстротой и интенсивностью реализуются отмеченные тенденции технологического развития сельского хозяйства США, заинтересованный читатель узнает из обстоятельного исследования, подготовленного авторским коллективом Института США и Канады РАН, см.: Аграрный сектор США в конце XX века. Под ред. Б.А. Чернякова. М., 1997.

труда с экономии живого труда при «грубой» механизации производственных операций в сельском хозяйстве *на экономию овеществленного труда* (и природных ресурсов производства), как раз и выражающую суть процесса ресурсосбережения, при постепенном перенесении центра тяжести в производственных затратах на затраты на научный труд и разработку наукоемких технологий. Именно последние ныне лежат в основе всего технологического прогресса в сельском хозяйстве США.

Переход к ресурсосбережению как доминирующему фактору экономии труда, по курьезному стечению обстоятельств, отразился и на базе статистического учета. Такой базисный параметр, как выход продукта на единицу затраченного на его производство рабочего времени (в оригинальных источниках данный параметр обозначен показателем затрат труда в часах на единицу произведенного продукта), достигший огромных значений в 80–90-х годах XX века, — см. выше — утратил для американских статистиков свою актуальность, и последние полностью изъяли этот показатель из свода статистических сведений о сельскохозяйственной динамике с конца 80-х годов. Наиболее быстрый рост производительности труда происходит в таких ведущих отраслях производства, как мясное животноводство и товарное зернопроизводство. И, в самом деле, по данным сельскохозяйственной переписи 1992 г., в этих двух основных отраслях затраты на наемный труд составляли менее 5% всех производственных издержек, против среднего показателя для всего сельского хозяйства в данном году — 9,2%[44]. Аналогичные данные приводит и сельскохозяйственная перепись 1997 г.: на наемный труд (включая труд по контрактам) приходилось в этом году в мясном животноводстве 4,7% общей суммы отраслевых издержек, а в зерновом производстве — 5,6%, при общенациональном показателе затрат фермерского хозяйства на наемный труд — 11,9%[45]. Для статистиков наиболее важное значение приобрел учет факторов, влияющих на процессы ресурсосбережения в агросфере, включая экономию ресурсов производства, дарованных Природой.

В итоге весь технологический облик сельского хозяйства США стал радикально изменяться. Основной результат этих изменений — «лавинообразный» (с середины 80-х годов) рост эффективности сельскохозяйственного производства, количественно выражаемый отношением величины выхода продукта (*output*) на единицу производственных затрат (*input*).

---

[44] Agriculture Fact Book 1996. Wash.: US Department of Agriculture, 1996, c.23; Statistical Abstract of the United States 1997, c.671.

[45] 1997 Census of Agriculture — United States Data. June 2000, c.142–145.

Сделаем небольшое отступление и расскажем о двух методах расчета коэффициента эффективности: первый — тот, который был применен в данной работе, и второй — тот, которым пользуется Министерство сельского хозяйства (МСХ) США для расчета коэффициента эффективности (*productivity index*), приводимого в американских статистических источниках. В данной работе для расчета коэффициента эффективности были использованы текущие погодовые значения стоимости конечного сельскохозяйственного продукта (*farm output*) и величины затрат на его производство (*production expenses*). Нами были исчислены индексы каждого показателя, причем за базу был принят период 1910–14 гг. Индекс эффективности был получен путем деления индекса стоимости конечного сельскохозяйственного продукта на индекс затрат на его производство. Динамика полученного показателя была скорректирована с учетом показателя паритета цен — отношения цен, по которым производитель реализовывал свою продукцию (*farm output*), к ценам, по которым он оплачивал издержки производства (*production expenses*) (это отношение цен приводится в источниках при базе 1910–14 гг.= 100)[46]. Таким образом, был составлен непрерывный (сплошной) ряд значений показателя коэффициента эффективности за весь рассматриваемый в работе период (с 1929 г. по 2001 г.).

Полученный результат выражает коэффициент *экономической* эффективности сельского хозяйства, в противоположность его *технологической* эффективности. О последней нужно сказать следующее: статистическое ведомство МСХ, насколько нам удалось установить, на рубеже 60–70-х годов стало рассчитывать коэффициент (индекс) эффективности сельскохозяйственного производства путем деления индекса стоимости конечного сельскохозяйственного продукта на агрегированный индекс совокупных производственных затрат в их физической субстанции. До этого временного рубежа статистики МСХ для измерения изменяющейся эффективности сельскохозяйственного производства использовали показатели (индексы), полученные путем деления индекса стоимости конечного сельскохозяйственного продукта (в долл.) на индекс совокупных затрат труда (в часах) на его производство (погодовые изменения эффективности фиксировались также динамическим рядом соответствующих показателей, выраженных физическими величинами, например, величиной выхода продукта данной отрасли в *кг*, приходящегося на один *час* затраченного рабочего времени, на единицу площади в *акрах*). Таким образом, на рубеже 60–70-х годов статистики МСХ распространили уже проверенный метод индексации производственных затрат *in natura* на все статьи производственных расходов. И это обстоятельство радикально изменило базу расчета индекса эффективности; как отмечалось выше, последний

[46] Рассчитано по: Statistical Abstract of the United States. Выпуски за 1948 г. (с.624); 1950 г. (с.582); 1960 г. (с.632); 1965 г. (с.632); 1968 г. (с.606); 1972 г. (с.596); 1977 г. (с.686,687); 1980 г. (с.699,701); 1990 г. (с.647); 1997 г. (с.671,674); 2000 г. (с.669,673,674); 2002 г. (с.521,525).

отныне стал определяться делением индекса стоимости конечного сельскохозяйственного продукта (*farm output*) на агрегированный индекс производственных затрат (*input*), которые индексировались в их *физическом виде* (все имеющие касательство к демонстрации индекса сельскохозяйственной эффективности статистические таблицы открываются примечанием: *input based on physical quantities of resources used in production*)[47].

Таким образом, коэффициент эффективности, исчисленный на основе *стоимостных (ценовых)* величин, неизбежно существенно отличается от аналогичного коэффициента, исчисленного на базе симбиоза, интегрирующего как *физические, натуральные величины* (затрат), так и *стоимостные* величины (выхода продукта). Этот последний коэффициент, как правило, дает благостную картину изменения эффективности в сторону постепенного роста (именно такую картину мы и получили при построении графика эффективности сельского хозяйства США в работе, опубликованной в 1997 г.[48]). Напротив, график, построенный на основании стоимостных величин (см. рис. I-2), неизбежно включает в качестве своего исходного элемента всю огромную гамму динамических изменений рыночных цен. В этом смысле график второго типа адекватно отражает изменения *экономической* эффективности, в то время как график первого типа отражает изменения в *технологической* эффективности. Показатель, который приведен в материалах МСХ США, как раз и представляет собой коэффициент *технологической* эффективности.

Ниже показан индекс отношения «конечный сельскохозяйственный продукт/затраты», рассчитанный нами на базе стоимостных величин (1910–1914 гг. = 100):

Год	*Индекс*	*Год*	*Индекс*	*Год*	*Индекс*	*Год*	*Индекс*
1930	*103,4*	*1960*	*99,2*	*1980*	*93,8*	*1995*	*151,1*
1935	*108,8*	*1965*	*104,0*	*1985*	*133,4*	*1996*	*174,5*
1940	*110,0*	*1970*	*98,6*	*1990*	*147,9*	*1997*	*177,2*
1944	*110,2*	*1971*	*106,2*	*1991*	*148,7*	*1998*	*181,2*
1945	*100,0*	*1972*	*111,0*	*1992*	*153,0*	*1999*	*208,1*
1950	*91,4*	*1974*	*91,0*	*1993*	*148,9*	*2000*	*198,5*
1955	*98,9*	*1979*	*91,4*	*1994*	*161,6*	*2001*	*188,7*[1]

[1]*Предварительная оценка*

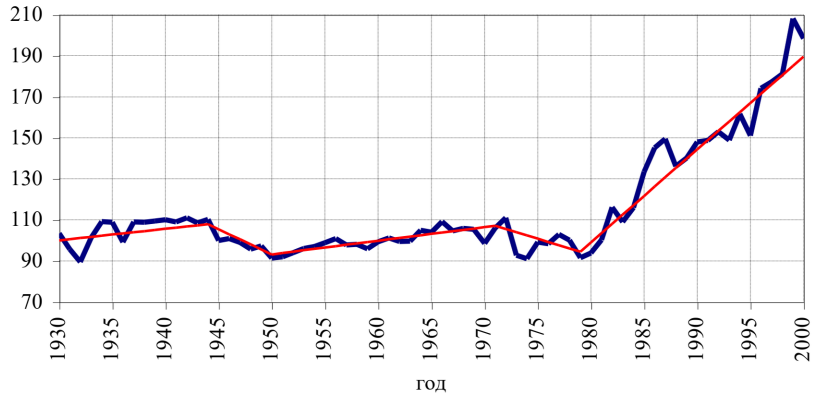
[47] См., например: Statistical Abstract of the United States. 1977, c.693, tabl.1174; do.do. 1980, c.708, tabl.1242; do.do. 1993, c.664, tabl.1118; Changes in Farm Production and Efficiency. A Summary Report 1970, c.16, tabl.21.

[48] См.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Экономический рост в хозяйстве агросферы. XX век. Опыт сравнительно–исторического анализа, в: Московское востоковедение. Очерки, исследования, разработки. М.: «Восточная литература» РАН, 1997, с.427.

Впечатляет историческая панорама движения агросферы США к такому результату. Если мы рассмотрим динамику эффективности производства в земледельческом хозяйстве США, выраженной отношением «продукт/затраты» (*output/input*), за более или менее протяженный отрезок исторического времени, например, за последние семь десятилетий XX века, то убедимся, что вектор изменений в экономической эффективности производства, подчиняясь процессам смены технологических стадий производительных сил по меньшей мере четыре раза за этот период изменял свое направление (см. рис. I-2)[49]. В нем, как в зеркале, отразился весь ход экономического роста в сельском хозяйстве США.

Рис. I-2

США: Динамика изменений выхода сельскохозяйственной продукции на единицу производственных затрат в XX веке.
Индексы: 1910–14=100



Наблюдаемый на графике рост эффективности производства в 1930–1944 гг. (0,5% в год) происходил пока на мануфактурной стадии развития агросферы (возможно, частично он стимулировался начавшимся применением в отдельных отраслях механических орудий труда), при этом положительная динамика в последние годы периода питалась во многом высокой рыночной конъюнктурой военных лет.

[49] Тренды были рассчитаны по методу наименьших квадратов отдельно для пяти периодов: 1930–1944 гг.; 1944–1950 гг.; 1950–1971 гг.; 1971–1979 гг.; 1979–1998 гг. Выделение периодов осуществлялось по результатам специального экспертного анализа переломных этапов в экономической динамике хозяйства агросферы США.

В послевоенное пятилетие рыночная конъюнктура заметно снизила свой накал, и это сразу обнажило кризис мануфактурной стадии бытия сельского хозяйства США (темп падения сельскохозяйственной эффективности в 1944–1950 гг. составлял 2,5% в год); данный кризис вместе с тем сыграл роль мощного импульса к переходу сельского хозяйства в индустриальную фазу роста на рубеже 40-х –50-х годов.

Переход к индустриальным технологиям в сельском хозяйстве США привел к многократному увеличению выхода продукта на работника (при резком — в 2,2 раза — сокращении общего числа работников, занятых в сельском хозяйстве: с 9,9 млн. человек в 1950 г. до 4,5 млн. в 1970 г.). При этом стала расти и эффективность сельскохозяйственной экономики, хотя и достаточно скромными темпами (0,7% в год за 1950–1971 гг.). Но индустриальная система, утвердившаяся в агросфере, предполагала столь большой объем затрат на факторы производительного потребления, что с начала 70-х годов она не могла больше обеспечить поступательного роста эффективности производства в сельском хозяйстве (по критерию отношения «выход продукта/затраты на его производство»).

В результате вектор эффективности изменил свое направление в сторону отрицательных ее значений (темп прироста эффективности в 1971–1979 гг. был равен (–) 1,6%): или, если сказать иначе — индустриальная система в ее сложившихся технологических параметрах (ресурсоемкие, «дорогостоящие» технологии) оказалась бессильной дать адекватный ответ на устойчивые изменения в экономической ситуации, вызванные «революцией цен» 70-х годов, экономическим кризисом начала 80-х годов (его «ростки» обозначились еще в конце 70-х годов), и соответственно поддержать установившийся стандарт эффективности фермерского производства. Что свидетельствовало о *начавшемся структурном кризисе* в хозяйстве агросферы, вызванном чрезмерно интенсивным использованием «тяжелых» индустриальных технологий при резко снизившемся пороге их окупаемости.

Свет в конце туннеля забрезжил в агросфере США с переходом фермерского хозяйства к новым, ресурсосберегающим технологиям, освоение которых заложило мощный фундамент сначала для восстановления, а с середины 80-х годов для спурта эффективности сельскохозяйственного производства. И, действительно, за период 1979–2001 гг., как мы можем наблюдать на рис. I-2, трендовая линейная функция резко взмывает вверх, показывая экспоненциальный темп прироста эффективности, равный 3,2% в год!

Конечно, выделение предложенных этапов (и их временных границ) в динамике эффективности сельскохозяйственного производства США — в зависимости от смены технологических стадий производительных сил — это лишь один из возможных методов идентификации переломных эпох в процессе экономического роста в агросфере страны со времени Великой депрессии 30-х годов. (При этом, конечно, предполагается, что процесс такой смены реализуется на основе и при помощи политики государственного регулирования [включая избирательное, по годам, субсидирование фермерского хозяйства, другие элементы ориентированной на фермерское хозяйство политики], направленной на создание по возможности наиболее благоприятной *рыночной* среды для сельскохозяйственного производителя.)

Авторы работы «Аграрный сектор США» выделяют на временном отрезке 1948–1993 гг. девять периодов, различающихся заметными изменениями коэффициента эффективности (в его трактовке, принятой МСХ США), обращая особое внимание на то, что по «последним исследованиям», «практически весь рост эффективности в сельском хозяйстве страны был получен за счет роста производительности ресурсов», при этом «в сельском хозяйстве отмечен устойчивый … среднегодовой показатель роста эффективности», заметно превышающий таковой в промышленности (1,8% в год за период 1948–1993 гг., против 1,3%)[50].

Переход к «высокоточной» индустриализации, предполагающий *ресурсосбережение как стратегическую линию в достижении максимальной эффективности сельскохозяйственного производства*, воплощал новую ступень общественного разделения труда, на которой существенно изменяются функциональные характеристики фермерского хозяйства. При вертикальном типе общественного разделения труда, предполагающем главенство «внешнего» капитала (ТНК и др.), фермер наряду с этим «внешним» капиталом (производство и поставки «пакетов» непрерывно изменяющихся технологий и их отдельных компонентов и др.) становится частичным работником, который в отличие от частичного работника изжившей себя мануфактуры, — основанной на ручном труде (хотя и с включением в отдельные звенья разделения труда машин), перемещается на технологически более высокий «этаж» эволюционной «лестницы», выполняет все меньшее число производственных функций, приобретая при этом качества «индустриального придатка» к информационным системам, складывающимся за пределами его хозяйства и детерминирующим развитие последнего. Но он сохраняет свою собственность, реализуя ее в своих интересах (хотя распределение прибавочного продукта при такой системе взаимосвязей, естественно, остается объектом острого противостояния между участвующими в этом процессе сторонами).

[50] См.: Аграрный сектор США в конце XX века, с.23–25.

Словом, в своем адекватном виде это — сельскохозяйственный производитель, выполняющий функцию высокотехнологичного частичного работника эпохи информационной революции, *bona fide* субъект отношений собственности (пока и поскольку последняя не отчуждена от него корпоративным, банковским или иным специализированным крупным капиталом).

В целом формируется тенденция к превращению фермерского хозяйства США в «высокотехнологичный индустриальный придаток», выполняющий функцию частичного работника по отношению к «внешнему» для данного хозяйства капиталу, монополизирующему и осуществляющему функцию продвижения достижений НТР в аграрную экономику и организующему производственный процесс в рамках экономически и технологически наиболее эффективной его модели. И, очевидно, не в последнюю очередь именно с этой, второй, наукоемкой ступенью сельскохозяйственной индустриализации связано относительное повышение значимости фактора оплаты труда занятых в производстве работников. Действительно, если до конца 70-х годов мы наблюдаем тенденцию к сокращению, хотя и с остановками по периодам, доли оплаты труда в общей структуре издержек производства, то с переходом сельского хозяйства США на наукоемкую (условно — информационную) стадию роста она, эта доля, заметно увеличивается (см. табл. I-1, а также рис. I-1), при существенном сокращении численности участвующих в производстве работников (см. данные, приведенные выше), что, соответственно, в данный особой сфере производственных отношений отражает факт: личностный фактор становится ведущим движителем экономического прогресса в агросфере США.

* * *

ЯПОНИЯ. Мощные импульсы к переходу к современной модели экономического роста сельское хозяйство Японии получило на рубеже 40–50-х годов, одновременно с весьма радикальной аграрной реформой, которая до самого основания перестроила аграрный строй страны. Реформа вызвала к жизни нового экономического агента — мелкого и мельчайшего *собственника* как массовый феномен, который оказал огромное влияние на характер экономического роста в агросфере страны. (Именно отсюда ведут свое происхождение все те парадоксы, мнимые и действительные, которые мы наблюдаем в сельскохозяйственной динамике в послевоенной Японии; о них будет сказано ниже.)

Аграрная реформа помогла создать новый социальный базис в лице *свободного* производителя — мелкого и мельчайшего крестьянства, представлявшего мелкотоварное (по сути полунатуральное) хозяйство с доминированием потребительских тенденций, — для ману-

фактурной формы разделения труда, которая складывалась в Японии задолго до самой аграрной реформы конца 40-х — начала 50-х годов.

Производственные единицы, относящиеся к такому типу хозяйства, все больше включались в макровоспроизводственный процесс в агросфере как представители частичных работ, причем государство брало на себя функцию организатора технического прогресса, включая разработку новых сельскохозяйственных технологий, организацию поставок в сельское хозяйство современных средств производства (в частности, минеральных удобрений) и др. О том, насколько быстро осовременивались сельскохозяйственные технологии в такой мануфактуре, может свидетельствовать, например, факт, что уже в 1950 г. почти половину всех удобрений, потребленных в сельском хозяйстве, последнее получило из сферы обрабатывающей промышленности, против $^1/_3$ — в 1945 г.[51].

Японскую агросферу этого периода можно считать примером классической рассеянной мануфактуры, причем такой, при которой человек как рабочая сила выполнял функцию главного энергетического движителя всего процесса производства. Можно напомнить, что в 1950 г. одна голова крупного рабочего или мясного скота приходилась на 1,95 хозяйства (против 2,4 хозяйства в 1903–1907 гг.). При этом 53,2% хозяйств вообще не держали никакого скота[52]. В эти годы на оплату живого труда приходилось от 67,3% до 55,5% всех издержек производства, а на затраты на потребление энергии промышленного происхождения — менее 1% их общей суммы, или около 2% всех материальных затрат (см. табл. I-3).

Экономический рост в сельском хозяйстве Японии в рамках его современной модели в целом происходил, как отмечалось, в русле «землесберегающего» ТСП, однако исторически этот процесс отличался заметной неравномерностью. Можно отследить по меньшей мере две волны, различающиеся характером детерминант роста. На первом этапе, примерно совпадающем с 50-ыми годами, более крупную роль в процессе роста играли слагаемые производственного потенциала «землесберегающего» ТСП, в совокупный показатель которого (обозначен аббревиатурой ЗТСП) мы включили показатели удельных весов затрат на удобрения, пестициды, семенной материал и ирригацию (см. табл. I-3).

---

[51] Japan Statistical Yearbook 1950. Tokyo, 1951, c.88; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1960. Tokyo: Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries, 1961, c.58.

[52] Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1960, c. 3, 37.

Структура издержек производства в сельском

Вид издержек / затрат	1950	1955	1960	1965	1970
Все издержки / затраты	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Затраты на оплату живого труда[3]	**67,3**	**55,5**	**51,4**	**49,0**	**49,3**
Материальные затраты[4]	**32,7**	**44,5**	**48,6**	**51,0**	**50,7**
в том числе:					
Из продукта сельского хозяйства:	*7,0*	*13,0*	*15,0*	*19,1*	*17,9*
семенной материал	1,8	2,2	1,9	1,9	2,0
корма	2,7	6,0	9,1	13,7	12,6
скот[5]	2,5	4,8	4,0	3,5	3,3
Из продукта промышленности (химической и энергетической отраслей):	*14,3*	*16,9*	*16,4*	*13,6*	*12,3*
удобрения	9,9	12,1	10,3	6,7	5,2
пестициды и другие средства защиты	0,7	1,4	1,8	2,2	2,3
горючие материалы и электроэнергия	0,8	0,9	1,3	1,8	1,8
прочие материалы[6]	2,9	2,5	3,0	2,9	3,0
Основной капитал:	*9,5*	*11,7*	*13,0*	*14,5*	*16,5*
амортизация и ремонт орудий труда[7]	5,6	6,9	8,6	10,1	12,0
содержание хозяйственных строений	3,9	4,8	4,4	4,4	4,5
Работы и услуги по контрактам	*0,9*	*1,6*	*2,4*	*2,3*	*2,3*
Ирригация и мелиорация	*0,7*	*0,9*	*1,3*	*1,1*	*1,2*
Прочие затраты (включая платежи по земельной ренте)	*0,3*	*0,4*	*0,5*	*0,4*	*0,5*

**Составлено и подсчитано по*: Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan. Tokyo. Выпуски за 1960 г. (с.58), 1962 г. (с.56), 1968 г. (с.33), 1971 г. (с.33), 1994 г. (с.13), 1996 г. (с.13), 1998 г. (с.13); The 69th Statistical Yearbooks of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan. 1992~'93. Tokyo. 1994, с.228-229; Statistical Research on the Farm Economy, in: Farm Economy Survey 2000 (см: www.maff.go.jp. 31.07.2001).

[1] Пропорции исчислены по значениям «старых статистических рядов» (сравнимы с данными 1950–1990 гг.).

[2] Здесь и далее приведены показатели, рассчитанные авторами по значениям «новых (статистических) рядов». Переход статистических служб Японии, ведающих аграрной статистикой, на «новые статистические ряды» был осуществлен в 1992 г. При разработке методики «новых рядов» поправочные коэффициенты были введены в основном в исчисление размеров амортизации: ежегодное списание стоимости износа орудий труда было заметно уменьшено.

[3] Показатели в графе — расчетные (в источнике отсутствуют данные о затратах на потребленный в производстве труд семейных работников). В качестве источника фонда оплаты труда семейных работников рассматривался «сельскохозяйственный доход» (*agricultural income*), который эквивалентен разнице между «валовым сельскохозяйственным доходом» (*agricultural gross income*) и расходами на сельскохозяйственное воспроизводство (*agricultural expenditure*). По методологии японской статистики категория «сельскохозяйственный доход» на стадии производства близка категории «чистый продукт» (подробнее см. гл. II, §2, «Япония»).

Таблица I-3

хозяйстве Японии, 1950 – 2000 гг. *, %

1975	1980	1985	1990	1991[1]	1991[2]	1995	1997	2000
100	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
46,9	**41,2**	**39,9**	**40,1**	**40,8**	**40,3**	**37,7**	**37,0**	**35,0**
53,1	**58,8**	**60,1**	**59,9**	**59,2**	**59,7**	**62,3**	**63,0**	**65,0**
17,2	*17,7*	*15,8*	*14,9*	*14,4*	*15,4*	*15,6*	*16,2*	*15,5*
2,0	2,2	2,4	2,7	2,8	3,3	3,7	3,8	4,2
12,6	12,1	10,4	9,0	8,4	8,9	8,5	9,2	8,0
2,6	3,4	3,0	3,2	3,2	3,2	3,4	3,2	3,3
14,7	*15,7*	*15,9*	*15,4*	*15,4*	*16,8*	*18,8*	*18,8*	*19,7*
5,8	5,6	5,5	5,0	5,0	5,3	5,7	5,7	5,9
3,2	3,5	3,8	4,0	3,9	4,4	4,9	4,8	5,1
2,0	2,6	2,6	2,4	2,3	3,0	3,9	4,0	4,3
3,7	4,0	4,0	4,0	4,2	4,1	4,3	4,3	4,4
15,4	*19,0*	*21,7*	*22,3*	*22,5*	*18,2*	*18,4*	*18,7*	*19,5*
11,8	15,4	17,9	17,9	18,2	13,5	13,6	13,8	14,1
3,6	3,6	3,8	4,3	4,3	4,7	4,8	4,9	5,4
3,8	*4,2*	*4,0*	*3,9*	*3,7*	*5,4*	*5,4*	*5,5*	*6,3*
1,2	*1,4*	*1,7*	*2,2*	*2,1*	*2,5*	*2,7*	*2,4*	*2,5*
0,8	*0,8*	*1,0*	*1,2*	*1,1*	*1,4*	*1,4*	*1,4*	*1,5*

Все исчисления в таблице касаются усредненного национального фермерского хозяйства.

[4] Динамика материальных издержек сопоставлялась по повторяющемуся в источниках кругу расходных статей. Из данного раздела изъяты затраты на оплату наемного труда (*wages*), они учтены в разделе «затраты на оплату живого труда». Однако в данный раздел включены платежи по земельной ренте, составлявшие 0,3–1,5 % на протяжение всего периода 1950–2000 гг.

[5] В графу «скот» включена стоимость амортизации поголовья скота, использованного в сельском хозяйстве в течение года, расходы по уходу, содержанию, искусственному оплодотворению животных, а также, по-видимому, стоимость приплода и чистого прироста скота. Сведений о стоимости потребленных органических удобрений японская статистика не приводит.

[6] В графу «прочие материалы» вошли сырье и промежуточные материалы, предназначенные для использования в сельском хозяйстве, включая защитные покрытия.

[7] Под видом амортизации в графу включены инвестиции в орудия труда, осуществленные в течение данного года, они практически полностью совпадают (с небольшими отклонениями: 6,2% — в 1990 г., 6,1% — в 2000 г.) с оценкой амортизационных отчислений данного года.

Но со времени интенсивной машинной индустриализации сельского хозяйства, стартовавшей на рубеже 60–70-х годов, в качестве преобладающих детерминант на передний план в механизмах роста выдвигаются индустриальные средства труда, в первую очередь представленные механическими орудиями и машинами, обеспечивающими рост производительности труда (см. табл. I-3)[53].

Изменения в соотношении затрат на фактор продуктивности, или потенциал «землесберегающего» ТСП (ЗТСП), с одной стороны, и фактор производительности труда (основной капитал, представленный орудиями труда), с другой, фиксировались с начала 50-х годов следующими показателями (*удельный вес в общей величине материальных затрат, %;* см. табл. I-3):

«старые статистические ряды»

Показатель/Год	*1950*	*1955*	*1960*	*1965*	*1970*	*1975*	*1980*	*1985*	*1990*	*1991*
Потенциал ЗТСП	*40,1*	*37,3*	*31,5*	*24,5*	*21,1*	*23,0*	*21,6*	*22,3*	*26,0*	*24,3*
Орудия труда	*17,1*	*15,5*	*17,7*	*19,8*	*24,3*	*22,2*	*26,2*	*29,9*	*29,9*	*30,7*

«новые статистические ряды»

Показатель/Год	*1991*	*1995*[1]	*1997*[1]	*2000*
Потенциал ЗТСП	*26,0*	*27,2(25,4)*	*26,5(24,5)*	*27,2*
Орудия труда	*22,6*	*21,8(28,1)*	*21,9(28,0)*	*21,7*

[1] *В скобках для сравнения приводятся значения показателя, рассчитанные по методике «старых статистических рядов».*

С середины 80-х годов XX века в экономическом росте сельского хозяйства Японии вновь повысилась роль фактора продуктивности, в то время как доля издержек, выпадающая на фактор орудий труда, после возможного (см. ниже) ее сокращения во второй половине 80-х годов, надежно законсервировалась в границах 22% совокупных материальных затрат (14% общих затрат) в 90-х годах XX века (об этом подробнее см. ниже). В результате к середине 90-х годов раствор ножниц между обоими факторами заметно стабилизировался,

[53] Отдельные попытки использовать машины в сельском хозяйстве избирательно предпринимались в Японии еще на заре эпохи Мейдзи (70-е годы XIX века). Тогда их импортировали из-за рубежа. Не обходилось без курьезов. Как свидетельствовали очевидцы, «фермер, обозрев импортные машины, заметил: «Эти машины можно применять в регионах, где имеются обширные площади земли, таких, как Хоккайдо, но в нашем регионе это выглядело бы так, как если на верблюда надели бы шкуру слона, чтобы использовать его на крохотном клочке земли». (цит. по: *Hayami Yu.* and *Ruttan V. W.* Agricultural Development: An International Perspective, с.154).

вновь при преобладании значимости фактора потенциала ЗТСП. Все эти изменения в общественно–целевых установках (приоритетных объектах) роста наглядно отражены на рис. I-3.

Можно сказать, что удельный вес затрат на потенциал «землесберегающего» ТСП изменялся в режиме «накатывающихся волн», в прямой зависимости от зигзагов, колебаний, «шатаний» агросферы Японии между двумя принципиально противоположными моделями ТСП. Соответственно в противоположном направлении изменялись показатели затрат на слагаемые фактора производительности труда.

Процесс индустриализации сельского хозяйства Японии, генерировавший новые формы общественного разделения труда, вызвал крупнейшие социально–экономические изменения в агросфере, одно из наиболее существенных среди них — *становление фермера — нового экономического типа сельскохозяйственного производителя*. Или, если сказать иначе, по существу речь шла о завершении перехода агросферы Японии к *новому типу мелкого хозяйства*.

Рис. I-3

ЯПОНИЯ: динамика удельного веса затрат на производственный потенциал при ЗТСП и удельного веса амортизации основного капитала, 1950–2000 гг., *%*

Этот тип — современное (достаточно хорошо оснащенное современными, высокопродуктивными технологиями) хозяйство в его бытии широкой совокупности семейно–фермерских производственных единиц; ведется оно почти исключительно силами семейных работников: так, в период интенсивного развития трудосберегающей

механизации, 1970–1990 гг., лишь 2,5–3% трудовых затрат в таком хозяйстве приходилось на долю заработной платы наемных рабочих, но в 1995–1997 гг. — уже 5,2%[54]. Однако существовать в условиях рыночных отношений такое хозяйство может лишь благодаря всесторонней финансовой, ценовой и иной поддержке со стороны государства.

Одновременно агросфера Японии все более активно втягивается в орбиту влияния НТР[55]. В частности, этот факт находит отражение в динамике структуры издержек производства. Так, все более интенсивно (особенно с начала 90-х годов XX в.) растут затраты на семенной материал и средства их защиты; весьма незначительные изменения со второй половины 70-х годов до конца 90-х претерпевает показатель удельного веса затрат на живой труд, причем — при существенном сокращении численности сельскохозяйственных работников (с 5,05 млн. в 1980 г. до 2,9 млн. в 2000 г., или на 42,6%)[56]. Постепенно, хотя и гораздо медленнее, чем, например, в земледелии США, стала увеличиваться доля затрат на «работы и услуги по контрактам» (см. табл. I-3), свидетельствуя, как отмечалось выше (см. раздел «США»), о становлении нового этапа общественного разделения труда: от прежде единого хозяйственного комплекса отпочковываются отдельные производственные функции, которые формируются в систему обособленных, частичных работ и обретают самостоятельное бытие.

Так же, как и в сельском хозяйстве США, в агросфере Японии ясно обозначились межотраслевые сдвиги в приоритетных отраслях роста. Пик приоритета отраслей растениеводства (особенно это касается рисопроизводства) приходится на 50-е годы, напротив, пик приоритета животноводческих отраслей (если судить по изменениям показателя удельного веса затрат на корма) падает на период с середины 60-х годов до конца 70-х. Но в отличие от США сельское хозяйство Японии еще долго не вступало на путь экономии материальных ресурсов, сохраняя относительно высокую материалоемкость. К этому (экономии) его побудила — парадокс! — «необузданная» механизация, которая к концу 80-х годов привела к перенасыщению хозяйства агросферы Японии сельскохозяйственной техникой, уменьшилось ее

---

[54] См.: Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1998, Tokyo, 1998, с. 11.

[55] Подробнее см.: *Маркарьян С.Б.* Научно–технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. М.: «Наука», 1987 (В этой работе автора оценку получили все основные направления НТП в сельском хозяйстве Японии, как они сложились к концу 80-х годов XX века.); *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, гл. I, § 2, «Япония».

[56] Asahi Shimbun Japan Almanac 2003. Tokyo, 2002, с.112.

производство, стали сокращаться поставки машин и других орудий труда в аграрный сектор[57]. (Отметим попутно: не только упомянутое выше изменение методики расчета амортизации, но и реальный процесс «сброса» избыточной сельскохозяйственной техники японскими фермерами нашли отражение в динамике показателей износа основного капитала в период 90-х годов XX века; см. табл. I-3.)

Какой же из ликов Януса скрывается за приведенными выше фактами о сельскохозяйственной динамике Японии?

Как мы видели ранее (см. табл. I-3), в издержках производства растет доля расходов на семенной материал, но, как показывают данные об изменениях урожайности, последняя в ряде основных отраслей растениеводства в течение полутора – двух с половиной десятилетий отличается признаками долговременного «плато» или, если сказать точнее, стагнационных колебаний (см. табл. СП-1А, V-1)[58]. И если при этом мы учтем, что в стране продолжает сокращаться площадь возделываемых земель (такие площади сократились с 5,8 млн. га в 1970 г. до 4,9 млн. га в 1998 г.[59]), то не должен вызывать удивление факт, что процесс роста валового сельскохозяйственного продукта Японии в его количественном выражении на многие десятилетия прочно вошел в режим «буксования на месте». (Отсюда видно, что относительный рост затрат на семенной материал позволял лишь компенсировать в определенной степени потери валового продукта, возникавшие в связи с сокращением площади возделываемых земель, но не обеспечивать его устойчивый рост на постоянной основе; см. табл. I-3.) За период 1967–1990 гг., т.е. на отрезке положительного роста, среднегодовой экспоненциальный темп прироста данного продукта (в ценах 1990 г.) составлял 0,05% (sic!), на отрезке отрицательной динамики тренда, в 1990–2000 гг., валовой сельскохозяйственный продукт уменьшался на 2,2% в год. Чистый же сельскохозяйственный продукт сокращался на протяжении всего рассматриваемого периода (33 года) — на 0,5% ежегодно, что привело к его уменьшению по сравнению с исходным периодом примерно на 18%. (Развернувшиеся «ножницы», отображающие тренды обоих процессов, см. на рис. I-4(а); см. также табл. I-4.)

При сложившихся ограничениях экономического роста, которые обусловлены доминированием мелкого хозяйства, не мог быть полностью реализован и такой ресурс роста, как формирование потенциально возможной при уже используемых технологиях «*экономи-*

---

[57] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика, с. 37.

[58] Подробнее см. также: там же, Приложение 1, табл. I-1.

[59] Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1998, c.9.

ки масштаба» и, соответственно, преимуществ крупного производства перед мелким[60].

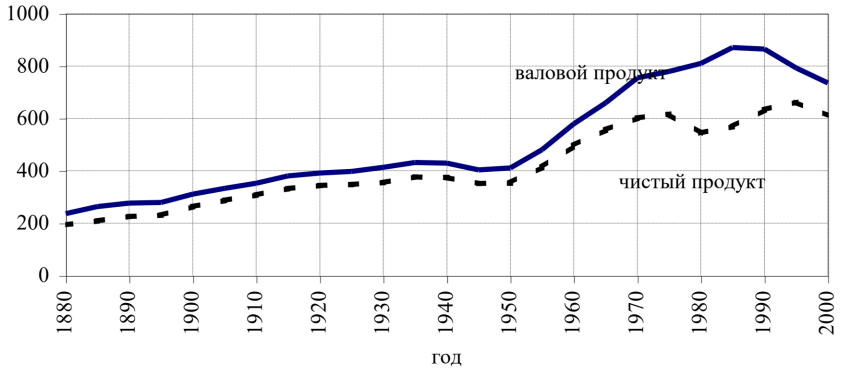
ЯПОНИЯ: Динамика валового и чистого сельскохозяйственного продукта, 1880–2000 гг.

Рис. I-4(а)

Физический объем (в сопоставимых ценах 1990 г.), *трлн. иен*

Рис. I-4(б)

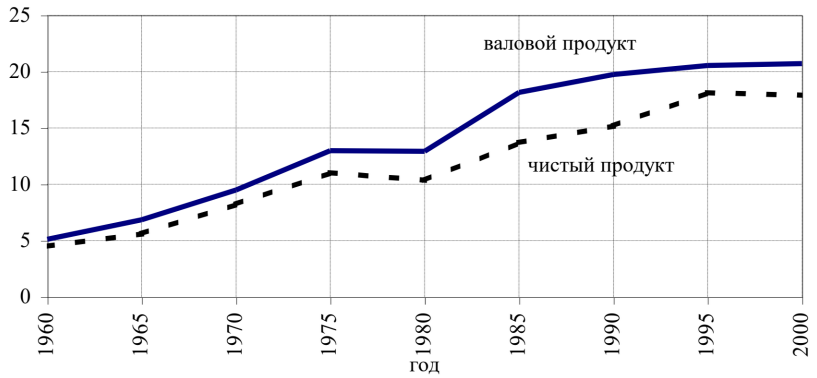
В расчете на гектар обрабатываемой площади
(в сопоставимых ценах 1934-1936 гг.), *иен/га*



[60] Подробнее см.: *Hayami Yu*. Japanese Agriculture under Siege. The Political Economy of Agricultural Policies. London: M. Macmillan, 1988, ch.4,5; *Маркарьян С.Б.* Аграрный сектор японской экономики. Основные проблемы 80-х годов. М.: «Наука», 1990, гл. III.

Рис. I-4(в)

В расчете на работника аграрного сектора
(в сопоставимых ценах 1990 г.), *млн. иен*



Рассчитано по: Рис. I-4(б) — *Hayami Yu., Yamada S, Akino M. et al*. The Agricultural Development of Japan. A Century's Perspective. Tokyo, 1991, с. 246 *[данные за 1880–1985 гг.]*; по данным табл. I-4 *[данные за 1990–2000 гг.]*. Рис. I-4(а) и I-4(в) — по данным табл. I-4, а также по данным о численности сельскохозяйственных работников за выделенные годы, см. ниже.

Примечание: Показатели таблицы I-4, на базе которых составлены графики, рассчитаны в сопоставимых ценах 1990 г., а аналогичные показатели в работе Hayami Yu. et al — в ценах 1934–1936 гг. Совмещение двух рядов данных проводилось по индексам изменений валового и чистого продукта с 1985г. до 2000 г., полученным на базе данных табл. I-4. А оказалось оно возможным потому, что при сравнении динамики индексов изменения валового и чистого продукта за период 1960–1985 гг., рассчитанных по двум методикам, расхождение составляло лишь 2%; такая ошибка вполне допустима при статистической обработке длинных рядов данных. Можно отметить, что номинальные цены изменились с 1934–1936 гг. по 1990 г. примерно в 1700 раз (получено из сравнения перекрестных данных за 1960–1985 гг., исчисленных с использованием индексов цен при базисах 1934–1936 гг.=100 и 1990 г.=100).

С начала 70-х годов, одновременно со сменой приоритетов экономического роста, процесс индустриализации сельского хозяйства Японии стал набирать темп. Действительно, в этом экономическом секторе с данного времени все больше углублялся — по меньшей мере, до начала 90-х годов — *динамический разрыв между величиной валового продукта, с одной стороны, и чистого продукта, с другой, в расчете на единицу возделываемой площади земли* (см. рис. I-4(б)).

Таблица I-4

Динамика валового и чистого сельскохозяйственного продукта Японии в 1950–2000 гг.*

(в сопоставимых ценах 1990 г.)

Год	Валовой продукт, *трлн.* ¥	Чистый продукт: всего, *трлн.* ¥	Чистый продукт: на гектар, *тыс.* ¥
1950	4,5[1]	4,0[1]	628[1]
1955	5,0	4,3	716
1960	6,1	5,4	894
1965	7,0	5,8	966
1970	7,6	6,4	1106
1975	7,3	6,1	1101
1980	7,0	5,3	970
1985	7,6	5,5	1014

Год	Валовой продукт, *трлн.* ¥	Чистый продукт: всего, *трлн.* ¥	Чистый продукт: на гектар, *тыс.* ¥
1990	7,7	5,9	1129
1995	6,8	6,0	1181
1996	6,9	5,7	1148
1997	6,6	5,5	1103
1998	5,9	5,2	1061
1999	6,1	5,1	1043
2000	6,0	5,2	1082

* *Составлено и подсчитано по*: Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry, and Fisheries, Japan. Tokyo: Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries of Japan. Выпуски за: 1960, 1962, 1965, 1968, 1971, 1991, 1994, 1995, 1996, 1998, 2001 [*расчет индекса цен*]; Commodity Price Indices in Rural Areas, 2000 [*индекс цен за 1999–2000 гг.*], in: Preliminary Statistical Report on Agriculture, Forestry, and Fisheries [2000] (см.: www.maff.go.jp. 27.04.2001); The Statistical Yearbooks of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries, Japan, выпуски за: 1975~'76(с. 416, 423), 1982~'83, 1986~'87 (с. 410,416), 1992~'93 (с. 399, 405), 1993~'94 (с. 419, 424). Tokyo; Japan Statistical Yearbooks 1998. Tokyo, 1998, с. 248; Japan Statistical Yearbook 2002, с.155; Japan Statistical Yearbook 2003, table 4.8 (см.: www.stat.go.jp); Asahi Shimbun Japan Almanac 1996. Tokyo, 1995, с. 126; Asahi Shimbun Japan Almanac 1997. Tokyo, 1996, с. 126.

Примечание: Показатели представлены в сопоставимых ценах 1990 г., расчет которых осуществлялся по индексу цен на все сельскохозяйственные продукты. Значения *чистого сельскохозяйственного продукта* с 1993 г. оценены по показателю *сельскохозяйственный доход*, который отличается от величины *чистого продукта* в меньшую сторону примерно на 18,8% (процентное отношение получено как средняя величина за 1989–1992 гг.). Подробный разбор этих категорий приведен в гл. II. Значения чистого продукта на гектар даны в расчете на единицу обрабатываемой площади.

[1] Средняя 1951–1952 гг.

Все более расширявшийся «зазор» между величиной валового продукта, с одной стороны, и чистого продукта, с другой, отражал возраставшие масштабы потребления основного капитала. В переводе на язык хозяйственной практики это, очевидно, означало, что для того, чтобы *получить один и тот же по величине чистый продукт*, *нужно было из года в год затрачивать все больше инвестиционных средств*.

В период наиболее активной механизации сельскохозяйственных операций, с 1970 г. по 1990 г., чистый продукт на гектар обрабатываемой площади (в ценах 1990 г.) в Японии прирастал ежегодно по экспоненте на 0,01% (то есть увеличился на 0,2% за двадцать лет) (см. рис. I-4(б)). В то же время глубина разрыва между величиной валового сельскохозяйственного продукта, производившегося на одном гектаре, и чистого продукта увеличивалась на 3,0% в год (на 80,6% за двадцать лет). Это означало, что для того, чтобы обеспечить воспроизводство одной и той же по величине единицы чистого продукта, в сельском хозяйстве нужно было затратить *основного капитала* в 1990 г. в 1,35 раза больше, чем в 1980 г., в 1,55 раза больше, чем в 1975 г., в 1,8 раза больше, чем в 1970 г.

Одновременно с этим явлением в агросфере Японии наблюдался процесс — в убывающей последовательности по десятилетиям — вытеснения из производства рабочей силы. Число работников, занятых в сельском хозяйстве, изменялось с 1960 г. следующим образом[61]:

Показатель / Год	*1960*	*1970*	*1980*	*1990*	*1994*	*1997*	*1999*	*2000*
Число работников, занятых в сельском хозяйстве								
млн. чел.	*12,0*	*8,1*	*5,1*	*3,9*	*3,4*	*3,1*	*3,0*	*2,9*
в % к 1960 г.	*100,0*	*67,5*	*42,2*	*32,5*	*28,3*	*26,3*	*24,8*	*24,1*
Удельный вес в общем числе работников, %	*26,8*	*15,9*	*9,1*	*6,2*	*5,2*	*4,8*	*4,6*	*4,5*

Накопление основного капитала, с одной стороны, и сокращение числа работников, с другой, свидетельствовало, конечно, о росте производительности труда в сельском хозяйстве Японии. Нужно, однако, обратить внимание на следующие особенности этого процесса.

---

[61] Asahi Shimbun Japan Almanac 1997. Tokyo, 1996, c.126; Asahi Shimbun Japan Almanac 2000. Tokyo, 1999, c.136; Asahi Shimbun Japan Almanac 2003. Tokyo, 2002, c.112.

Во-первых, он отличался крайней *неравномерностью* по периодам. В 1970–1990 гг. производительность прирастала по экспоненте ежегодно (в показателях прироста валового сельскохозяйственного продукта в сопоставимых — 1990 г. — ценах на одного работника) на 3,5% в год, а в 1990–2000 гг. — лишь на 0,05% (при среднем ежегодном темпе прироста за весь период 1970–2000 гг. — 2,3%); совокупное увеличение производительности труда за три десятилетия составило 99,3% (см. табл. I-4 и рис. I-4(в)). (Указанный спад в производительности труда, по-видимому, — один из опосредствованных результатов рецессии японского народного хозяйства в 90-х—начале 2000-х годов)

Во-вторых, рост затрат на основной капитал был в Японии *непомерно высоким* по сравнению с такими, весьма скромными, результатами роста производительности труда. При этом к исходу XX века фактор основного капитала (особенно его составляющей в виде «орудий труда») играл в издержках производства в «землесберегающей» аграрной системе Японии гораздо более значительную роль, чем в «трудосберегающей» системе США: на амортизацию основного капитала и прочие расходы, связанные с его содержанием, в аграрном секторе Японии в 90-х годах приходилось около 20% (14%) совокупной величины издержек, в то время как в США — лишь около 14% (9%) (ср. данные табл. I-3 и I-1). Более того, энерговооруженность сельского хозяйства Японии уже в начале 80-х годов далеко превзошла таковую в США. Например, в 1980 г. на гектар обрабатываемой площади в Японии приходилось 7,79 л.с. мощностей тракторной тяги; в США в то же время — 2,23 л.с. *всех* мощностей, обеспечиваемых первичными источниками энергии[62]. (Энергетическая составляющая издержек претерпевала процесс относительного усиления и в последующие годы. Поэтому мы и наблюдаем опережающий рост показателя удельного веса затрат на потребляемую энергию в Японии; в то время как в США в связи с переходом к новому поколению сельскохозяйственных технологий уже с начала 80-х годов сформировалась устойчивая тенденция к *сокращению* доли затрат на энергию в совокупных издержках хозяйства агросферы; см. табл. I-3 и I-1.). Нужно также иметь в виду, что сельское хозяйство Японии защищено от «внешних» влияний высоким протекционистским барьером.

---

[62] См.: *Hayami Yu.* The Roots of Agricultural Protectionism, in: The Political Economy of Agricultural Protection. East Asia in International Perspective. Ed. by Kim Anderson and Yujuro Hayami. Sidney, 1986, c.35; Statistical Abstract of the United States 1990, c. 560, 659. Более подробно динамику некоторых сопоставимых базисных параметров сельскохозяйственного роста США и Японии см. в работе: *Kawagoe Toshihiko, Otsuka Keijiro and Hayami Yujiro.* Induced Bias of Technical Change in Agriculture: The United States and Japan, 1880–1980, in: *Journal of Political Economy*. Vol. 94. 1986, No.3.

Например, внутренние (закупочные) цены на рис в 1992–1993 гг. на 567% превосходили мировые (импортные, c.i.f.) цены, против 50% — в 1955–1959 гг. Японский производитель риса получал за каждую единицу своей продукции больше, *в разы по годам*, по сравнению с производителями риса в США и Таиланде[63]:

	1992	1995	1998	2000
в США	6,9	9,4	7,8	14,7
в Таиланде	10,6	13,0	9,6	9,9

Высокую степень протекционистской защиты мы наблюдаем и в других отраслях сельского хозяйства.

В результате *рост производительности труда в сельском хозяйстве Японии* (в 1,82 раза за 1970–2000 гг., при практически нулевом — 0,1% в год — ее увеличении за весь период 90-х годов) *сопровождался ростом издержек производства на каждую единицу производимого продукта*. (Производительность труда здесь измеряется величиной чистого продукта, произведенного на одного занятого в сельском хозяйстве, о ее измерении в категории «валовой продукт/работник» см. выше.) Таков был поразительный парадокс технологической трансформации хозяйства агросферы Японии, ее индустриального роста на путях трудосберегающей механизации в условиях господства мелкого и мельчайшего хозяйства. Или, если сказать иначе, все это свидетельствовало о том, что в агросфере Японии происходило *гигантское омертвление основного капитала — лишь меньшая часть этого капитала, вложенного в современные высокопроизводительные средства труда, участвовала в действительном процессе производства* (то есть фактически широкое распространение получила *псевдомеханизация* сельского хозяйства).

Несмотря на все предпринимавшиеся попытки хозяйству агросферы Японии пока не удалось вырваться из тисков системы «землесберегающего» ТСП. Спурт трудосберегающей механизации обернулся *аномальной индустриализацией*, такой, при которой неимоверно «раздувшийся» комплекс индустриальных средств производства оказался не в состоянии способствовать достижению возникших общественно значимых (на данном этапе) целей (в рассматриваемом случае это — рост производительности труда, сокращение издержек производства и др.). Парадокс индустриализации такого типа состоял в том, что она вызвала рост и укрепление «затратной экономики», основы которой

[63] Asahi Shimbun Japan Almanac. Tokyo. Выпуски за 1994 (с.133), 1997 (с.133), 2000 (с.142), 2003 (с.118).

коренятся, помимо прочего, в субсидиальной политике японского государства (подробнее см. гл. II, §2). В итоге сельское хозяйство Японии к концу 90-х годов XX века так и не смогло вступить на этап *системного* освоения сельскохозяйственных технологий нового поколения — даже несмотря на значительные достижения в отдельных пунктах этого этапа; или, если сказать иначе, оно «вкатывалось» на эту ступень технологической «лестницы» «чересполосно», отдельными своими частями, обремененное комплексами мельчайшего хозяйства и его ограничителями. Так, сельское хозяйство Японии продолжало сохранять высокую энергоемкость, которая за 90-е годы XX века даже усилилась; причем на фоне падения и объемов потребления энергетических ресурсов, и объемов валового сельскохозяйственного производства. Вот как выглядела динамика индексов отмеченных показателей за период 1990–2000 гг. (индекс: 1989–1990 гг.=100)[64]:

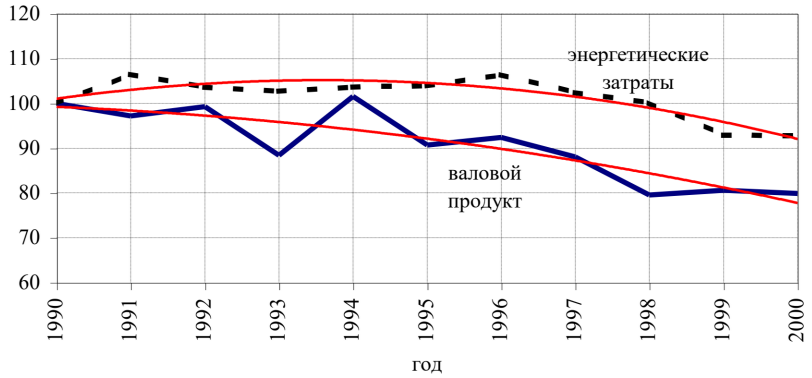
1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Индекс объема потребления энергии всех видов									
106,5	103,6	102,7	103,6	103,9	106,4	102,4	100,1	92,9	92,8
Индекс валового сельскохозяйственного продукта									
97,2	99,2	88,4	101,5	90,7	92,4	88,0	79,5	80,6	79,9

За период 1990–2000 гг. экспоненциальный темп падения валового сельскохозяйственного продукта (сельскохозяйственной части ВВП) составлял (–)2,2%; в год, а экспоненциальный темп сокращения энергетических затрат уменьшался ежегодно лишь на (–)0,7%; в результате разрыв между обоими показателями достиг (за 10 лет) 13%, увеличиваясь на 1,25% в год. (см. рис. I-5). (Уточним, однако: такой результат был достигнут фактически к 1995 г., а в последующие годы по существу лишь поддерживалось равновесие между обоими показателями, установившееся на этом «расточительном» уровне.)

[64] Подсчитано по: International Energy Agency (IEA). Energy Balances. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development. (World Resources Institute.) 2001 (показатель за 2000 г. рассчитан по индексу роста по отношению к 1997 г.); Табл. I-4.

Рис. I-5

ЯПОНИЯ: индекс изменения валового сельскохозяйственного продукта и совокупных энергетических затрат на сельскохозяйственное производство, 1990–2000 гг. Индекс: 1989–1991 = 100



Но вместе с тем в отдельных отраслях заметно выросла производительность труда (например, выход массы главной зерновой культуры — риса — на час затрат труда составлял в 2000 г. лишь 15,8 кг, против 2,8 кг — в 1960 г.; а во вторичной по значимости отрасли зернового хозяйства — пшеницепроизводящей — выход зерна на час затрат труда достиг в 2000 г. 67,7 кг, против 46,9 кг — в 1990 г. и 2,6 кг — в 1960 г.; см. табл. V-1); а в иных случаях — и отраслевая продуктивность (например, надои молока на корову увеличились в 2000 г. до 7598 л, против 6669 л — в 1990 г. и 5190 л — в 1980 г.)[65]. Но достижение целей данного этапа, при котором нормой становятся принципиально новые методы формирования и проявления экономической эффективности хозяйственной деятельности человека в агросфере, — пока отодвинутую в неопределенное(?) будущее.

* * *

ИНДИЯ. Хозяйство агросферы Индии могло ступить на стезю современного экономического роста лишь со времени освобождения

[65] См.: Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry, and Fisheries. Japan 2001 (см.: www.maff.go.jp).

страны от колониальной зависимости в 1947 г. В течение первой половины XX века объект нашего анализа официально описывался как «абсолютно стагнирующая экономика»[66], характеризовавшаяся в буквальном смысле слова хиреющим типом производства. За период с 1900 г. по 1950 г. темп роста сельского хозяйства Индии был менее 100,5% в год[67]. При этом среднегодовой прирост урожайности главной культуры — риса выражался отрицательной величиной (экспоненциальный прирост составлял (–)0,55%). Практически до середины 60-х годов Индия лишь «выправляла» вопиющие деформации, вызванные длительной деградацией ее аграрной экономики в колониальный период. Господствующим типом хозяйства было полунатуральное хозяйство, еще не вычленившееся до конца из общностей коллективистского типа (общинные, кастовые и иные аналогичные связи) и обремененное узами псевдотрадиционных («полуфеодальных») отношений.

Аграрная реформа, которая активно стала проводиться с первых же лет независимости, имела два крупных макропоследствия.

Во-первых, уничтожив многообразные земельные права иерархии «посредников»—рентополучателей, она существенно расширила слой *легитимных субъектов владельческого права на землю* (в лице как собственников земли, так и арендаторов с относительно прочно защищенными законом арендными держаниями). И тем самым утвердила *универсально однородную систему* владельческих прав (в том числе — прав собственности) на землю на всей территории Индии.

Во-вторых, в отличие от Японии, господствующий класс Индии заблокировал перераспределение земли в пользу неимущего и малоимущего населения деревни (подробнее об аграрной реформе в Индии см. Приложение 2); тем самым был сохранен («спасен») *потенциал современного экономического роста в агросфере Индии* (который, забегая вперед, отметим, был реализован в историческом ходе процесса роста в далеко неадекватной мере). В отличие от Японии, в Индии самую массовую социальную опору современной модели экономического роста образовывали группы сельскохозяйственных производителей, значительно возвышавшиеся над уровнем, который через четверть века Плановая комиссия Индии назовет «границей (линией, чертой) бедности» (*poverty line*); к таковым относились среднесостоятельные и зажиточные земледельцы, составлявшие меньшинство

[66] Report of the National Commission on Agriculture. 1976. Part XV. Agrarian Reforms. New Delhi, [б.г.], c.50.

[67] Там же.

производящего сельскохозяйственный продукт самодеятельного населения деревни. Резервуары же «бедности» вмещали наибольшую часть сельского населения.

Даже на рубеже 80–90-х годов удельный вес лиц, официально отнесенных к числу проживающих за «чертой бедности», устойчиво держался в пределах 40% сельского населения. В первые же годы независимости этот показатель был много выше. Даже в 1971-1972 гг. удельный вес лиц, живущих за «чертой бедности», в сельской Индии составлял, по оценке Международной организации труда, 74% (1979 г.), хотя Плановая комиссия оценивала удельный вес сельского населения, сосредоточенного в зоне «бедности» в 1973/74 г., «всего» в 54,1%[68].

Таким образом, в Индии, с самого начала ее независимого существования механизм роста должен был опираться на социальную базу, отличавшуюся глубокой неоднородностью групп сельскохозяйственных производителей — по их способности выступить агентами современного экономического роста. (Впоследствии такая неоднородность дала мощный импульс к росту поляризации социальной структуры общества по многим направлениям ее бытия. Но эта проблема — вне рамок настоящего исследования.)

Более позднее, чем в других странах, включение Индии в механизм современного роста объясняется и тем, что страна в стартовый период роста не располагала соответствующим потенциалом современных технологий, которые могли бы быть эффективно освоены экономическими агентами, воплощавшими тенденции современного экономического роста. Эти технологии вначале разрабатывались и поступали в Индию извне. (Впоследствии Индия с ее богатейшим генофондом растительного мира благодаря развитию биологической науки вышла в число мировых лидеров в разработке высокоурожайных сортов сельскохозяйственных растений, в частности, экспортируя их своим соседям.) В этом контексте нужно оценивать и роль «зеленой революции», стартовавшей в Индии во второй половине 60-х годов: «зеленая революция» явилась той силой, которая на десятилетия вперед предопределила тип (модель) перехода хозяйства агросферы страны на путь современного экономического роста[69].

---

[68] См.: Social Indicators of Development for India – I, in: *Economic and Political Weekly*. Mumbai. Vol.29. 1994, No.20, c.1233.

[69] За последние три десятилетия «зеленая революция» в различных ее аспектах (и как технологический процесс, и как социально–экономический, классообразовательный процесс, и как исторический этап аграрной эволюции, и как процесс интеграции местных аграрных экономик в мировое капиталистическое хозяйство и др.) была изучена столь подробно, что представляется излишним описывать ее на этих страницах. Причем «зеленая революция» в Индии, как правило, занимала одну из лидирующих позиций как объект исследования. Интересующегося читателя отсылаем к специальным исследованиям, к разработке проблем которых был причастен на протя-

Итак, исходная площадка экономического роста в рамках современной его модели находилась еще на начальных этапах своего становления; мануфактурную организацию труда пока можно было наблюдать лишь в отдельных (по существу — анклавных) районах: она охватывала главным образом районы производства высокотоварных культур. (Таковы, например, районы возделывания сахарного тростника в будущих штатах Махараштра и Уттар Прадеш, земляного ореха — в Гуджарате, хлопка — в Видарбхе, Гуджарате, Махараштре.)

То есть мануфактурный тип организации труда в агросфере проявлялся вначале преимущественно в форме развития потоварной специализации земледелия. (Отметим попутно — «зеленая революция» с первых же своих шагов широко раздвинула границы экономического пространства с такого рода разделением труда, ибо затронула самую массовую отрасль сельского хозяйства — зерновую.)

Три основные черты отличали технологическую организацию производительных сил в агросфере Индии в тот период: это — гигантское преобладание в производительном потреблении сельского хозяйства продукта самого сельского хозяйства; ничтожная роль в данном потреблении продукта современной промышленности; практически почти полное отсутствие в производительном потреблении энергии промышленного происхождения (минеральное топливо и др.) (см. табл. I-5); что адекватно соответствовало организации материально–вещественных производительных сил при традиционном хозяйстве.

Особо отметим то обстоятельство, что отсутствие в производительном потреблении энергии из промышленных источников есть «фирменный знак» воспроизводственного механизма в хозяйстве при системе натуральных производительных сил[70].

жении этих десятилетий один из авторов данных строк. См., например: Развивающиеся страны и «зеленая» революция. М.: «Наука», 1974 (отв. ред. *В.Г. Растянников*); *Александров Ю.Г.* «Зеленая революция» в развивающихся странах Азии: первые десять лет, в: Научно–технический прогресс и развивающиеся страны. М.: «Наука», 1976; Восток: продовольствие и развитие. М.: «Наука», 1986, гл. III [*В.Г. Растянников, И.Л. Соя-Серко*]; Из специальных работ, вышедших в свет в 90-х годах минувшего века, упомянем исследования: *Ковалев Е.В.* Развивающиеся страны: новые тенденции в развитии аграрной сферы. М.: «Наука», 1991; Капитализм на Востоке во второй половине XX в., гл. VIII [*В.Г. Растянников*]

[70] Разработка научных представлений о системах производительных сил в их процессуальных, структурных, функциональных, стадиальных и иных проявлениях, выполненная теоретиком–обществоведом В.В. Крыловым в начале 70-х годов (см.: *Крылов В.В.* Теория формаций. М.: «Восточная литература» РАН, 1997), по праву относится к лучшим достижениям творческой мысли российского обществоведения. Сформулированное автором емкое понятие «натуральная система производительных сил» открывает, помимо прочего, широкие возможности для выработки новых подходов к научной интерпретации закономерностей развития докапиталистических обществ.

В этом отношении поражает удивительное сходство базисных параметров издержек производства в сельском хозяйстве таких, казалось бы, полярно контрастных стран, как Индия и Россия, в стартовые периоды их перехода к модели современного экономической роста. Например, в Индии и России структура материальных затрат в сельском хозяйстве в такие периоды характеризовалась следующими сопоставимыми показателями (*удельный вес во всех материальных затратах, %*)[71]:

Вид производственных затрат	*Индия, 1950/51 г.*	*Россия, 1923/24 г.*
Продукт сельского хозяйства, в том числе:	*86,9*	*86,5*
семенной материал	*17,7*	*15,3*
корма	*60,3*	*49,1*
Продукт современной промышленности	*1,1*	*2,1*
Основные средства производства[1]	*9,0*	*11,3*
Минеральное топливо	*0,14*	*0,5*

[1] *Для России — орудия производства и строительные работы (в крестьянском хозяйстве); для Индии — амортизация «основного капитала», текущий ремонт орудий труда, содержание хозяйственных строений.*

Хотя данная тематика — за пределами поля нашего исследования, упомянем, однако, об одном положении формационной теории В.В. Крылова, близко касающемся объектов анализа в настоящей работе, — о критерии оценки эффективности труда при господстве натуральной системы производительных сил.

По В.В. Крылову, «система натуральных производительных сил», лежащая в основе всех классовых докапиталистических отношений, отличается «от индустриальной, научно–технической и прочих систем производительных сил тем, что в ней *естественные* (*природные*) производительные силы доминируют над *исторически приобретенными*. Эффективность общественного труда обусловлена здесь главным образом такими предметами труда, которые хотя и выступают в качестве факторов человеческого труда, но вопреки этой своей уже социальной функции сохраняют еще девственно–природный физический характер (естественное плодородие почвы, изобилие земных недр, лесов, вод, степей и т.п.). /.../ Искусственно созданные человеческим трудом орудия труда (например, пахотные инструменты, прирученные животные, ирригационные сооружения и т.п.) являются при докапиталистических способах производства всего лишь *средством* включения в социальный трудовой процесс всего того комплекса девственно–природных процессов, каковые и определяют собою здесь эффективность человеческого труда» (см. там же, с. 10).

[71] Составлено по данным: табл. I-5 настоящей работы; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под редакцией П.И. Попова. М., 1926 (Труды ЦСУ. Т. XXIX) [Репринтное воспроизведение издания 1926 года], М.: Госкомстат России, 1993, Ч. II, с.9,19,97,101, 111, 129.

Весьма близки были в обеих странах и уровни товарности сельскохозяйственного производства (подробнее см. гл. II, §2 и гл. III, §1). По сведениям авторов «Баланса народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года», в 1923/24 г. уровень товарности сельского хозяйства составлял (при исчислении массы поступающей в товарный обмен продукта по «ценам производства», или, если использовать термины экономической динамики, «факторным ценам») 29,6%, при этом растениеводство отпускало на рынок 20,1% своего продукта[72]. В Индии же, по оценке Резервного банка, в 1951/52 г. «земледелец» продавал «около 35% своего продукта»[73], а по расчетам видного индийского ученого Дхарма Нарайна, сельскохозяйственные производители реализовывали на рынке в 1950/51 г. 33,4% валового продукта земледелия[74]. (Различия между обеими структурами материальных затрат на производство сформировались много позже, в ходе технологического развития, характер и пропорции между параметрами которого определялись типом исходного ТСП, исторически сложившегося в агросфере каждой из рассматриваемых стран.)

К анализу изменений в структуре издержек в агросфере Индии мы теперь и переходим. Исторически, как, в частности, и в описываемое нами время, Индия развивалась в русле закономерностей «землесберегающего» ТСП. Об этом свидетельствует весь набор показателей издержек производства в их исторической динамике.

Обратим сначала внимание на изменение отраслевых параметров в производительном потреблении (к сожалению, по Индии мы не располагаем сводными данными о динамике издержек на живой труд в ее агросфере). За рассматриваемые четыре с половиной десятилетия, потребление сельскохозяйственного продукта в сельскохозяйственном воспроизводстве постепенно все более сокращалось, опустившись к середине 90-х годов до уровня 41% (то есть уменьшилось более чем вдвое; см. табл. I-5). Напротив, потребление продукта современной промышленности активно возрастало — с 1,1% в 1950/51 г. до 27,1% в 1995/96 г. Более того, существенно изменились в структуре издержек пропорции между ее отдельными элементами, которые (пропорции) в совокупности свидетельствовали о масштабах продвижения хозяйства индийской агросферы по пути современной модели экономического роста.

---

[72] Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года, с. 155, 173.

[73] Цит. по: *Растянников В.Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М.: «Наука», 1973, с. 109.

[74] *Narain Dharm.* Distribution of the Marketed Surplus of Agricultural Produce by Size-level of Holding in India. 1950-51. Bombay: «Asia Publishing House», 1961, с. 35.

В самом деле, как свидетельствуют данные табл. I-5, минеральные удобрения интенсивно заменяли органические, при этом весьма быстрыми темпами за период от начала 60-х годов до середины 80-х увеличивался удельный вес затрат на этот вид удобрений.

Существенно выросла относительная доля издержек на потребляемую в сельском хозяйстве энергию промышленного происхождения (почти до 6% в середине 90-х годов; см. табл. I-5), при этом заметно увеличилась доля затрат на электроэнергию, что является знаком интенсивного роста средств малой ирригации (в первую очередь потребляющей энергию такого рода).

Действительно, относительная доля затрат на ирригацию резко поднялась за рассматриваемый период — более чем в 6 раз (см. табл. I-5). В первую очередь не ростом трудосберегающих машин и механизмов, а развитием ирригации, прежде всего систем малой ирригации (насосы, двигатели, бетонные сооружения для распределения и хранения воды и др.), этого важнейшего фактора роста продуктивного земледелия, объясняется поступательная динамика показателя удельного веса издержек по статьям основного капитала (см. табл. I-5).

На представленном ниже графике (см. рис. I-6) углубляющийся динамический разрыв между показателями потенциала «землесберегающего» ТСП (ЗТСП)[75] и потенциала основного капитала характеризуется следующими величинами (*в % к величине материальных затрат;* см. табл. I-5):

Показатель / Год	*1950*	*1955*	*1960*	*1965*	*1970*	*1975*	*1980*	*1985*	*1990*	*1995*
Потенциал ЗТСП	*19,6*	*19,7*	*21,9*	*29,0*	*29,1*	*36,5*	*33,8*	*39,5*	*40,1*	*41,6*
Основной капитал	*9,0*	*11,1*	*15,4*	*16,4*	*18,0*	*18,9*	*16,7*	*19,3*	*20,0*	*22,8*

[75] При исчислении удельного веса потенциала ЗТСП в Индии учитывались, помимо расходных статей, указанных в разделе о Японии (удобрения, пестициды, семенной материал, ирригация), также издержки на горючие материалы и электроэнергию. В состав потенциала ЗТСП в Индии не включены затраты на органические удобрения, так как предполагается, что за их счет удовлетворяются потребности преимущественно традиционного земледелия, объем их потребления образует своего рода константу в рамках составляющих ЗТСП. Иными словами, в потенциал ЗТСП включаются элементы, *развивающие* последний в процессе их поступательной динамики. В этом смысле параметры потенциала ЗТСП Индии сопоставимы с аналогичными параметрами, рассчитанными для аграрного сектора Японии, в котором органические удобрения играют минимальную роль. Ниже приводятся данные о динамике потенциала ЗТСП Индии с включением в него показателя органических удобрений (*в % к величине материальных затрат*):

1950 г.	*1955 г.*	*1960 г.*	*1965 г.*	*1970 г.*	*1975 г.*	*1980 г.*	*1985 г.*	*1990 г.*	*1995 г.*
28,5	*27,6*	*31,0*	*35,4*	*33,6*	*40,7*	*37,4*	*42,9*	*44,0*	*45,4*

Структура материальных затрат в сельском

Вид издержек / затрат	1950/51	1955/56	1960/61
Все материальные затраты[1]	**100**	**100**	**100**
в том числе:			
Из продукта сельского хозяйства:	*86,9*	*84,5*	*76,5*
семенной материал	17,7	17,2	15,7
корма	60,3	59,4	51,6
органические удобрения	8,9	7,9	9,1
Из продукта промышленности (химической и энергетической отраслей):	*1,1*	*1,4*	*3,5*
удобрения[2]	0,9	1,1	2,4
пестициды и другие средства защиты	0,05	0,08	0,2
горючие материалы	0,09	0,15	0,6
электроэнергия	0,06	0,07	0,3
Основной капитал:	*9,0*	*11,1*	*15,4*
амортизация основного капитала[3]	7,1	9,3	11,6
текущий ремонт и содержание[4]	1,9	1,8	3,8
Ирригация[5]	*1,1*	*1,1*	*2,7*
Издержки маркетинга	*1,9*	*1,9*	*1,9*

* *Составлено и подсчитано по*: National Accounts Statistics. Disaggregated Statements 1950/51—1979/80. New Delhi: Govt. of India, 1992, p.28-29, 62-65; Agriculture in the National Accounts of India, in: *Indian Journal of Agricultural Economics.* Vol. 47. 1992, No.2, p.295; National Accounts Statistics. New Delhi: Govt. of India, 1998, p.149; Economic Survey 1990-91. Delhi: Govt. of India, 1991, p. 31; Indian Economic Survey 1996-97. Special Supplement No.2 of 1997 to JMJ BOOK INFO. Delhi, 1997, p.149; Economic Survey 1997-98. New Delhi: Govt. of India., 1998, p.121.

[1] При расчетах были использованы стоимостные значения затрат в текущих ценах (кроме периода 1950/51—1960/61 гг., который представлен в источнике только в ценах 1980/81 г.), причем все ряды затрат оценены по критериям «новой серии», принятой в 1988 г.

Таблица I-5

хозяйстве Индии, 1950/51 – 1995/96 гг.*, %

1970/71	1975/76	1980/81	1985/86	1990/91	1995/96
100	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
65,6	*53,1*	*55,2*	*45,8*	*44,7*	*41,0*
14,8	11,7	8,8	7,6	7,8	7,5
46,3	37,2	42,8	34,8	33,0	29,7
4,5	4,2	3,6	3,4	3,9	3,8
10,3	*20,4*	*20,0*	*25,7*	*25,4*	*27,1*
7,3	12,5	14,8	19,7	19,7	20,0
0,8	4,1	1,3	1,4	1,0	1,2
1,0	1,8	2,4	3,2	3,5	3,8
1,2	2,0	1,5	1,4	1,2	2,1
18,0	*18,9*	*16,7*	*19,3*	*20,0*	*22,8*
13,5	14,3	12,7	14,5	14,5	16,5
4,5	4,6	4,0	4,8	5,5	6,3
4,0	*4,4*	*5,0*	*6,2*	*6,9*	*7,0*
2,1	*3,2*	*3,1*	*3,0*	*3,0*	*3,1*

[2] В 1979/80—1995/96 гг. учтенная в настоящей графе стоимость удобрений включает также расходы на государственные субсидии.

[3] Хотя в источнике это специально не оговаривается, расходы на амортизацию основного капитала в значительной степени включают оцененный износ ирригационных сооружений.

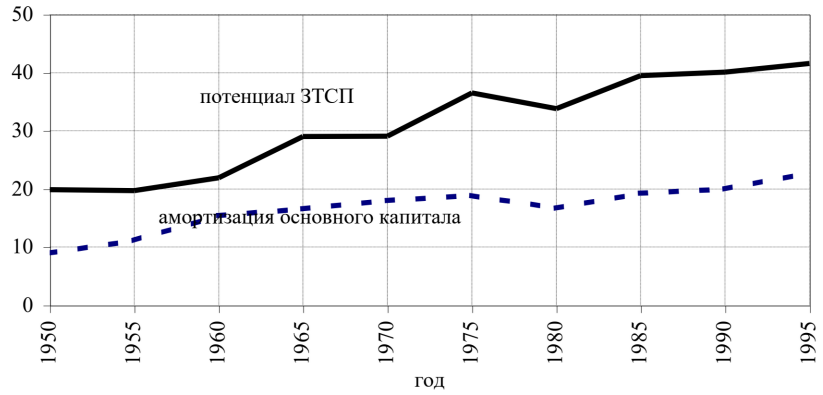
[4] Текущий ремонт и содержание объектов, относящихся к основному капиталу, и другие текущие расходы.

[5] Включены водные сборы и затраты на эксплуатацию ирригационных сооружений.

Таким образом, можно констатировать, что Индия, стартовый период перехода которой к современной модели экономического роста совпал с началом 50-х годов, демонстрирует правильную восходящую динамику удельного веса потенциала «землесберегающего» ТСП (хотя и в форме «ступенчатого» типа роста за полвека), причем интенсивность этой динамики существенно превосходит интенсивность динамики удельного веса амортизационных затрат на основной капитал (часть которых, кстати говоря, приходится на затраты на потенциал «землесберегающего» ТСП; таковы, например, расходы на амортизацию оборудования, используемого в малой ирригации).

Рис. I-6

ИНДИЯ: Динамика удельного веса затрат на производственный потенциал при ЗТСП и удельного веса амортизации основного капитала, 1950–2000 гг., %



Иначе говоря, Индия не изменяла стратегическому направлению экономического роста («землесберегающие» технологии оставались приоритетным инструментом роста в течение всей второй половины XX века), в противоположность, например, Японии, которая, как отмечалась ранее, продемонстрировала в 50-х годах большое преобладание удельного веса затрат на потенциал «землесберегающего» ТСП над удельным весом расходов по статьям амортизационных списаний, с конца 60-х до середины 80-х годов сделала «трудосберегающие» сельскохозяйственные технологии приоритетным фактором роста, и вновь стала возрождать приоритет фактора продуктивности с середины 80-х годов. Уместно, однако, отметить, что с середины 80-х

годов мы и в Индии можем наблюдать некоторые попытки к утверждению приоритетов «трудосберегающего» ТСП, эти попытки наглядно фиксируются фактом стабилизации глубины динамического разрыва между потенциалом «землесберегающего» ТСП и потенциалом основного капитала (см. рис. I-6).

Таким образом, если оценивать динамику хозяйства агросферы Индии стандартами структурных параметров воспроизводства, мы можем сделать вывод, что одним из важнейших изменений в механизме сельскохозяйственного роста страны было включение в процесс рыночного оборота (хотя и регламентируемого по ряду позиций государством) значительной части средств производства и при этом — практически всех средств производства индустриального типа.

Это означает, что индийское сельское хозяйство постепенно все более глубоко интегрируется — причем на качественно новом (индустриальном) уровне технологического развития — в воспроизводственный процесс национальной экономики, становясь ее органической частью. Об этом, как мы думаем, наглядно свидетельствует вся совокупность данных о полувековой динамике издержек сельскохозяйственного производства, представленных в табл. I-5. Однако этот процесс в высшей степени неравномерно, «клочьями», затрагивает различные участки аграрной экономики.

Экономический рост в агросфере не уменьшил, а углубил неоднородность технологической и социально–экономической структуры сельского общества. Во-первых, расширила ареал своего бытия рассеянная мануфактура — за счет распространения мануфактурной формы организации труда на новые территории сельской Индии (главным образом, районы поливного земледелия), с одной стороны; и вовлечения в сферу рыночного оборота все большей массы средств производства, притом — всех средств производства современного типа, с другой; однако за пределами поля влияния такой мануфактуры все еще остаются достаточно широкие сегменты аграрной экономики. Закономерен и результат: экономический рост привел к появлению «лоскутного одеяла» (с течением времени все более контрастного) применяемых в агросфере технологий.

Во-вторых, все более неоднородным становится состав агентов экономического роста (этот состав становится все более многослойным). Одна его ветвь концентрируется по преимуществу вокруг все более крепнущих средних и зажиточных хозяев (называемых в Индии «средние фермеры»), пласты которых все более неравномерно распределяются между различными регионами Индии. К данной ветви относятся также значительные массы мелких (по стандартам агросферы Индии) сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В то время как другая ветвь социального состава экономических агентов роста воплощает все более усиливающиеся тенденции натурально–потребительской экономики (обильно подпитываемые механизмами все еще распространенных отношений традиционного хозяйства), при сохранении обширных (охватывающих, как упоминалось, до 40% сельского населения) зон пауперизма. Только мощью натурально–потребительской ветви процесса сельскохозяйственного роста Индии можно объяснить тот факт, что несмотря на все достижения (во многих районах — весьма значительные) хозяйства ее агросферы на путях «зеленой революции» уровень «внешней» товарности[76] основных отраслей зернопроизводства — пшеничной и рисосеющей — не только не увеличился, но обнаружил тенденцию — с 80-х годов — к сокращению. Если в середине 50-х годов (1954/55 – 1956/57 гг.) на рынок направлялось 32,7% валового сбора пшеницы и 31,5% — риса, то на рубеже 80–90-х годов (1989/90 – 1991/92 гг.) эти показатели снизились до 28,1% и 30,3% соответственно[77] (подробнее см. гл. II, §3).

Формирование данных ветвей в эволюции социума индийской деревни отражало процесс дальнейшего углубления многоукладности экономической системы агросферы, при которой (многоукладности) в орбиту влияния современного экономического роста пока попадает лишь часть, хотя и все более значительная, но далеко не вся аграрная экономика.

Технологические преобразования аграрной экономики Индии в русле закономерностей «землесберегающего» ТСП, то есть модели роста, вызванной к жизни исторически сложившейся диспропорцией в рамках исходной системы самих производительных сил (имеющийся в изобилии живой труд при недостатке земельных ресурсов как объекта хозяйственной деятельности), предопределили нарастающее отставание экономической эффективности сельскохозяйственного труда по сравнению со средненациональным уровнем (стандартом) такой эффективности.

Действительно, если в исходный период (1950/51 г.) работу, выполняемую одним средненациональным работником, в хозяйстве агросферы могли выполнить лишь 1,4 работника, то ныне

---

[76] Речь идет о поставках товарного продукта на организованные (районные оптовые) рынки; на них реализуется практически вся масса зерна, поступающая в распределительный процесс за пределами собственно деревни.

[77] Показатели приводятся по данным Directorate of Economics and Statistics. Ministry of Agriculture. Government of India: Indian Agriculture in Brief. 7th ed. New Delhi, 1966, c.163; Indian Rice Statistics. New Delhi, 1956, c.23; Bulletin on Food Statistics 1992 and 1993. New Delhi, 1996, c.50.

Таблица I-6

Индия, Япония: эффективность сельскохозяйственного труда в макроэкономическом измерении, 1950-51—2000-01 гг. *, %

№	Показатель / Год	1950-51	1960-61	1970-71	1980-81	1987-88	1990-91	1993-94	1996-97	1998-99	2000-01
		И н д и я									
1.	Удельный вес занятых в сельском хозяйстве[1]	72,3	69,5	69,7	60,5	64,1	66,9	64,4	64,0	64,7	
2.	Удельный вес сельскохозяйственного продукта в ВВП[1]	51,2	48,5	45,8	39,6	31,6	32,9	30,3	29,4	26,8	
	Отношение 1:2	*1,41*	*1,43*	*1,52*	*1,53*	*2,03*	*2,03*	*2,13*	*2,18*	*2,41*	
		***Я п о н и я*[2]**									
1.	Удельный вес занятых в сельском хозяйстве		26,8	15,9	9,1		6,2	5,2	4,9	4,7	4,5
2.	Удельный вес сельскохозяйственного продукта в ВВП		9,0	4,2	2,4		1,8	1,6	1,3	1,1	1,0
	Отношение 1:2		*2,98*	*3,79*	*3,79*		*3,44*	*3,25*	*3,77*	*4,27*	*4,50*

* *Составлено и подсчитано по*: Indian Agriculture in Brief. 4th ed. New Delhi, 1958, c.14; do.do. 21st ed. 1987, c. 3, 5, 7; Economic Survey 1996-97. Delhi, 1998, c.155; Census of India 1991. State Profile 1991. India. New Delhi. 1998, c.136; *Thamarajakshi R.* Agriculture and Economic Reforms, in: *Economic and Political Weekly*. Vol. 34. 1999, No.33, c. 2294; Asahi Shimbun Japan Almanac 1997. Tokyo, 1996, c. 126; Asahi Shimbun Japan Almanac 2000. Tokyo, 1999, c. 136; Japan Statistical Yearbook 2002. Tokyo, 2002, c.155; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1999. Tokyo, 1999, c.75; do.do. 2000, c.75.

[1] Показатель включает также данные об охоте, лесоводстве, рыболовстве (примерно 1,5–2% по трем статьям в начале периода, около 9% — в конце его).

[2] По Японии показатели касаются следующих периодов (лет) соответственно: 1960 г., 1970 г., 1980 г., 1990 г., 1994 г., 1996 г., 1998 г., 2000 г.

(1998/99 г.) в таком хозяйстве на ее выполнение требуется труд уже 2,4 работника (см. табл. I-6); при этом, что не менее примечательно, коэффициент (отрицательной) эффективности сельскохозяйственного труда (он выражен отношением «доля занятых в сельском хозяйстве/доля ВВП, приходящаяся на сельскохозяйственный продукт») в Индии неотвратимо, поступью Командора, движется «вверх по лестнице, ведущей вниз» (см. табл. I-6). Уместно здесь сопоставить изменения коэффициента (отрицательной) эффективности, характерного для Индии, с динамикой соответствующего коэффициента в другой типичной стране зоны «землесберегающего» ТСП — Японии.

Означенный коэффициент характеризуется в Японии гораздо более крупными, чем в Индии, значениями (фиксирующими отрицательную динамику), которые в два раза превзошли уровень последней в исходный период (начало 60-х годов). Как следует из данных таблицы I-6, к началу 70-х годов Япония на период протяженностью в четверть века стабилизировала величину относительного отставания эффективности сельского хозяйства — в пределах 3,8 раза и, более того, в начале 90-х годов стала было даже «подтягивать» сельскохозяйственную производительность труда к средненациональному показателю.

Столь длительная стабилизация уровня отставания эффективности сельскохозяйственного труда в Японии в большой степени была результатом политики сельскохозяйственных субсидий, которая стимулировала «наращивание» («вздувание») стоимости сельскохозяйственного продукта. Вместе с тем в положительной динамике эффективности сельскохозяйственного труда в начале 90-х годов, возможно, отразились и некоторые успехи в области роста производительности труда в сельском хозяйстве, достигнутые на фоне надвигавшейся рецессии, особенно затронувшей промышленный сектор народного хозяйства Японии. Неоправданные «чудеса» в динамике коэффициента сельскохозяйственной эффективности длились, однако, недолго. Восстановление «правильных» рыночных соотношений между промышленностью и сельским хозяйством позволило к концу XX века вернуть определители данного коэффициента «на круги своя», и он немедленно взмыл — до значения 4,5.

В Индии же производительность труда в сельском хозяйстве на протяжении многих десятилетий отличается удивительным, почти повсеместным единообразием, сохраняясь на уровне вековых стандартов традиционного хозяйства (крохотные положительные изменения можно наблюдать лишь в относительно небольших районах, в которых активно применяются технологии «зеленой революции»).

В штатах рисопроизводящей зоны, например, выход продукции культуры риса на протяжении 30–90-х годов XX века колебался (в эквиваленте очищенного зерна) в пределах 1,0 – 1,8 кг/час (см. табл. V-1). В хлопкопроизводящих районах страны производство хлопка-сырца на час затрат труда увеличилось с начала 90-х годов XIX века до середины 90-х годов XX века, т.е. более чем за столетие, с 0,6–1,0 кг до 0,9–1,7 кг — чуть более, чем в 1,5 раза, хотя урожайность этой культуры существенно возросла — в 2 и более раза (см. табл. СП-2). Что отражало развитие именно землесберегающей составляющей в используемых технологиях.

И со всей определенностью можно сказать, что в обозримом будущем перелом в динамике коэффициента отставания сельскохозяйственной эффективности Индии вряд ли произойдет. Напротив, при господствующем стандарте производительности труда в агросфере, значения показателя данного коэффициента, фиксирующие его отрицательную динамику, неизбежно будут все больше возрастать. Здесь и заложена незримая на поверхности «бомба» большой разрушительной силы, взрыв которой («бомбы») вследствие огромной инерционности индийской экономики отодвигается, по-видимому, вглубь XXI века.

Или, если сказать иначе, под воздействием сильного давления исторически сложившегося относительного перенаселения неизбежна кристаллизация процессов технологического обновления хозяйства агросферы почти исключительно вокруг потенциала роста, формируемого слагаемыми фактора продуктивности, в противовес фактору производительности труда (об этом и свидетельствует пример Индии); но, как убедительно показывает пример Японии, данная модель роста столь же неизбежно предопределяет такие масштабы отставания сельскохозяйственной эффективности, которые все более болезненно сказываются на всем народном хозяйстве, всем обществе в целом, воспроизводя все с новой силой депрессоры экономической динамики. *De te fabula narratur* [«О тебе (Индия) это сказание повествует»]!

Страны с нерыночной (с 90-х годов XX века — с переходной к рыночной) экономикой

РОССИЯ. Россия в течение первых двух десятилетий со времени революции 1917 г. пережила две волны крупнейших трансформаций, происшедших в механизме экономического роста в агросфере. Процесс перехода последней к модели современного экономического

роста на базе рыночных отношений, начавшийся с конца XIX века, был прерван революционными потрясениями 1917 г. и последующих лет (эпоха гражданской войны и «военного коммунизма»). С точки зрения основных параметров экономической динамики по существу имел место процесс «экономического отката». (Последний был фундаментально обоснован и зафиксирован в исследовании тогдашнего начальника ЦСУ СССР П.И. Попова и его коллег «Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года». См. ниже.) В результате аграрной революции, последовавшей за Октябрьским переворотом, принципиально изменился социальный базис экономического роста. Практически был полностью уничтожен потенциал экономически эффективного хозяйства (кулаки и другие предприниматели), функционировавшего в системе рыночных отношений. Ему на смену пришло хозяйство, отличавшееся сильнейшими натурально–потребительскими тенденциями (в документах большевиков конца 20-х годов такой тип хозяйства характеризовался «полунатуральным хозяйством»). Это было одной из важнейших причин поразительного по своей масштабности падения товарности сельского хозяйства в России/СССР в 20-х годах.

Таким образом, стартовая площадка для планировавшегося (большевиками) «повторного» скачка российской агросферы в русле современного экономического роста после установления советской власти отличалась наличием мощнейших «блокирующих устройств»: эту площадку устилали пласты натурально–потребительского хозяйства, типичного для экономических систем давно ушедших эпох. В чем выражалось явление «экономического отката» в России 20-х годов?

Разрушения в народном хозяйстве России, вызванные ее участием в мировой войне, а особенно революционными потрясениями рубежа 10–20-х годов, в том числе гражданской войной и последовавшей за Октябрьским переворотом жесткой политикой внеэкономического принуждения крестьянства («военный коммунизм») [78], тяжело отозвались на всем экономическом быте страны, подорвали сложившуюся систему межотраслевого *разделения труда*. Главная линия изменений состояла в резком повышении значимости экономической деятельности в агросфере, при *падении роли других видов экономической деятельности*.

По расчетам Конъюнктурного института, возглавлявшегося Н.Д. Кондратьевым, удельный вес народного дохода от сельского хозяйства в общем доходе страны увеличился с 1913 г. по 1925/26 г. с

[78] Из работ последнего времени яркими описаниями хода революционных событий выделяется исследование: *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.

52,5% до 55,5%[79]. Существенно усилилось в НЭПовский период *давление на землю* как источник средств существования. Большие массы крестьянства, уже включившиеся в общественное разделение труда, обусловленное промышленным ростом (в качестве промышленных рабочих, ремесленников, торговцев и других функциональных работников), оказались вдруг оторванными от своих новых занятий, пополняя армию тех, кто формировал относительное (аграрное) перенаселение[80]. С 1913 г. по 1928 г. удельный вес занятых в сельском хозяйстве и лесоводстве увеличился с 75 до 80%[81]. При этом кардинально изменилась структура доходов крестьянской семьи.

До войны в потребляющей полосе Великороссии доход от промыслов в валовом доходе (денежном и натуральном) крестьянского хозяйства в среднем составлял 21,5%, в 1922 г. он снизился до 5,7% (соответствующие показатели по производящей полосе, где значимость промыслов была ниже, — 16,6% и 2,4%)[82]. И это — при общем снижении валового дохода такого хозяйства по сравнению с довоенным временем на 31%. Хотя крестьянское хозяйство несло теперь существенно меньшее бремя налоговых и рентных платежей, выплачиваемых из валового дохода (в ходе аграрных преобразований была полностью уничтожена крепостническая аренда), тем не менее сократился и реальный фонд его производительного и личного потребления — на 15%, по расчетам на 1922/23 г.[83] (подробнее см. гл. III).

О степени оснащенности крестьянского хозяйства основными видами мертвого инвентаря свидетельствуют следующие данные обследований ЦСУ СССР. В 1927 г. на каждые 100 единоличных крестьянских хозяйств (всего их насчитывалось в этом году в СССР 25,02 млн. и в РСФСР — 17,12 млн.) приходилось орудий труда (*штук*)[84]:

---

[79] *Кондратьев Н.Д.* Аграрное перенаселение и уровень развития производительных сил сельского хозяйства СССР, в: *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Книга 2. М.: «Наука», 1993, с.347.

[80] Накануне Первой мировой войны, по данным академика С.Г. Струмилина, перенаселение «русской деревни» оценивалось в 30 млн. человек, что составляло 1/4 часть численности сельского населения СССР, выявленного переписью 1926 г. (см.: *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. М.: «Госкомиздат», 1957, с.439; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л, 1932, с.401).

[81] Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.14.

[82] Данные ЦСУ СССР, собранные П.И. Лященко. Цит. по: *Ларин Ю.* Вопросы крестьянского хозяйства. М.: «Московский рабочий», 1923, с. 19.

[83] Там же, с. 113, 126–130.

[84] Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг. Итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. и весенних выборочных 10%-ых обследований за 1923–1927 гг. М.: «Статгосиздат», 1929, с.2,8.

Вид орудия	*СССР*	*РСФСР*
Плуги всех видов	*46,5*	*45,2*
Сохи и косули	*22,7*	*27,3*
Сеялки всех видов	*2,7*	*2,1*
Жнейки всех видов	*4,2*	*4,4*
Молотилки ручные и конные	*2,1*	*2,4*
Веялки и сортировки	*7,7*	*7,7*

Как видно, к концу периода НЭПа крестьянские хозяйства в большинстве своем (примерно две трети их общего числа) располагали в основном лишь плужным инвентарем. Прочим «крупным» инвентарем обладало ничтожное меньшинство хозяйств. Функции таких орудий труда у подавляющей части крестьянских хозяйств выполняли в лучшем случае их традиционные ручные аналоги (например, цеп — аналог молотилки и т.п.). Немного лучше российские крестьяне были обеспечены живым инвентарем. В 1927 г. в СССР на каждые 100 крестьянских хозяйств приходилось 110,3 головы рабочего скота всех видов, в том числе 90 лошадей (соответствующие данные по РСФСР — 115,8 единиц рабочего скота, в том числе 100 лошадей)[85].

Если осмысливать происшедший процесс хозяйственной инволюции в понятиях политэкономии, можно сказать, что в период НЭПа в агросфере российского общества произошла частичная замена исторически более прогрессивных форм экономической деятельности (базирующихся на развитии «вторичной» и «третичной» сфер экономики, в частности, опирающихся на промышленный рост) формами более отсталыми, детерминируемыми законами «обусловленных самой природой», «естественно возникших» (в противоположность «созданным цивилизацией»)[86] — натуральных — производительных сил (о данном понятии см. раздел «Индия»), причем — и это не следует упускать из виду — при менее благоприятных условиях их воспроизводства. Так, выросло аграрное перенаселение; средний технологический стандарт хозяйства агросферы стал хуже: ведь экономически наиболее передовые, производительные хозяйства были уничтожены почти целиком. Например, в 1909–1913 гг. средняя урожайность главной зерновой культуры Европейской России — ржи (озимой) в частновладельческом хозяйстве была на 21,5% выше, чем в крестьянском,

[85] Там же, с.2,90.

[86] *Маркс К.* Капитал. Т.1, в: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-ое. Т.23, с. 524; *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология, в: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-ое. Т.3, с. 65.

а пшеницы (яровой) — на 16,3%[87]. В пределах ареала господства натуральных производительных сил оказалась еще большая (и без того огромная) часть населения, чем это было до аграрной революции.

Формирование уравнительно–«середняцкого» типа хозяйства за счет и на основе уничтожения экономически более эффективного хозяйства псевдоэксплуататорского и действительно эксплуататорского типа означало и откат российского земледелия от достигнутых им рубежей в производительности сельскохозяйственного труда, сокращении издержек производства. На основе обработки данных, полученных в результате обследований бюджетов крестьянских хозяйств (они относятся к середине 20-х годов), Н.Д. Кондратьев сформулировал правило: «производительность сельскохозяйственного труда тем ниже, чем более мелкие и распыленные группы хозяйств мы берем. Соответственно в этих группах значительно выше издержки производства»[88].

При том беспределе насилия над экономически эффективным хозяйством, которым сопровождался российский «черный передел», была полностью утрачена возможность реализации иной альтернативы экономического роста в агросфере, — альтернативы, которая в качестве исходного момента предполагала не уничтожение, а активное использование уже накопленного потенциала расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве, предполагавшее сохранение именно экономически эффективного хозяйства. (Частично это было реализовано в Индии.)

Более того, дав мощный импульс процессам восстановления натуральных форм производства и обмена в обширных блоках аграрной экономики, беспредельный «черный передел» не только не стимулировал, а, напротив, подавлял происходивший в деревне *естественный* процесс складывания социального базиса и экономических условий для технологического прорыва на основе индустриальных производительных сил. И вот удивительная гримаса истории: исполнителями роли основных агентов индустриального рывка в деревне, направляемого большевиками, оказались самодостаточные традиционные производители («середняцкие» слои крестьянства), выступавшие, помимо прочего, наиболее яркими носителями отношений традиционного коллективизма, то есть отношений, сформировавшихся

---

[87] Подсчитано по: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991, с. 342. Более подробные сведения о различиях в урожайности основных сельскохозяйственных культур на крестьянских надельных землях, с одной стороны, и владельческих, с другой (за период 1901–1915 гг.) см.: Сборник статистико–экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. (Министерство земледелия. Отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики.) Петроград, 1917, с.80–83.

[88] *Кондратьев Н.Д.* Аграрное перенаселение, с. 344.

еще при прежней, исторически изжившей себя форме социальной организации труда и использовавшихся «партией» для создания «самого крупного в мире», управляемого методами внеэкономического принуждения, индустриального «социалистического» сельского хозяйства.

Таблица I-7

Структура издержек производства в сельском хозяйстве СССР в 1923/24 году *

Вид издержек / затрат	Всего[1] млн. руб.	% к итогу
Все издержки / затраты	**10150,8**	**100**
Личное потребление[2]	**6308,2**	**62,1**
Производственное потребление[3]	**3842,6**	**37,9**
в т о м ч и с л е :		
Сельское хозяйство[4]:	*3331,7*	*32,8*
семенной материал	598,5	5,8
корма	1884,1	18,6
скот	300,0	3,0
сырые материалы	549,1	5,4
Промышленность: химическая, топливная и текстильная[5]:	*77,5*	*0,8*
химические удобрения	2,3	0,02
смазочные материалы	12,1	0,18
прочие материалы	63,1	0,6
Орудия производства[6]:	*231,8*	*2,3*
изготовленные из металла	174,7	1,7
изготовленные из дерева и кожи	57,1	0,6
Строительные работы	*201,6*	*2,0*

* *Составлено и подсчитано по*: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под ред. П.И. Попова. [Репринтное воспроизведение издания 1926 года.] М.: Госкомстат России, 1993. Ч.II. Таблицы — с. 9, 19, 97, 101, 111, 129.

[1] Оценка издержек была осуществлена авторами баланса в валюте (червонный рубль), действовавшей в период составления баланса (1923-24 г.).

[2] Учтены совокупные расходы на личное потребление земледельческого населения, включающее продукцию сельского хозяйства на сумму 3035,2 млн. рублей, продукцию промышленного происхождения на сумму 2983,6 млн. рублей, а также расходы на строительство жилых домов и издательское дело на сумму 289,4 млн. рублей.

[3] Включает текущее потребление продукции сельского хозяйства (стоимость органических удобрений авторами баланса не была включена в состав расходов, покрываемых продуктом сельскохозяйственного сектора, несмотря на то, что эта стоимость составляет весомую часть таких расходов) и промышленности; показатель включает также стоимость амортизации орудий производства и расходы на строительство.

[4] В разделе «Сельское хозяйство» в графу:

«*корма*» входит стоимость потребленного картофеля, бахчевых, огородных культур, зерновых, кормовых корнеплодов, сеяных трав, сена, соломы, мякины, произведенных в сельском хозяйстве, а также стоимость продукции первичной переработки (мука, отруби, жмых);

«*скот*» включены издержки в животноводстве, оцененные по величине стоимости приплода и прироста скота (лошади, крупный рогатый скот, овцы, козы, свиньи, птица, верблюды) в балансовый период;

«*сырые материалы*» включена стоимость продукции, перерабатываемой внутри хозяйства, — винограда, садовых культур, молока, яиц, меда, а также продукции лесоводства, которая используется в качестве топлива при обогреве овинов и для изготовления загонов для скота;

[5] В разделе «Промышленность» в графе «*прочие материалы*» учитываются расходы на сырье и промежуточные материалы, используемые в химической, топливной и текстильной отраслях промышленности (в том числе кустарных промыслов) для производства продукции, предназначенной для потребления в сельском хозяйстве: деготь, выделанная кожа, шорные изделия, мешки и веревки;

[6] Продукт обрабатывающей промышленности (металло–, деревообрабатывающей, кожевенной отраслей), потребляемый в сельском хозяйстве, выделен в особый раздел — «Орудия производства», исходя из особенностей потребления данного продукта. Он включает амортизацию, составившую в 1923-24 г. 143 млн. рублей, или 62% общей стоимости потребленного продукта данной категории. Остальные 38% стоимости приходятся на расходы по ремонту орудий производства и на инвентарь, который был полностью потреблен в течение года.

В графу «Орудия производства, *изготовленные из металла*», входят плуги, бороны, наконечники для сох, сеялки, веялки, молотилки, сенокосилки, жатки, серпы, косы, вилы, топоры, лопаты, ведра, подойники, рыболовный и охотничий инвентарь, прочий мелкий инвентарь; сюда же отнесены расходы на точильные камни;

«Орудия производства, *изготовленные из дерева и кожи*», включают телеги, сани, колеса, упряжь и сбрую, прочий мелкий инвентарь и ткацкие станки (доля последних составляла 0,6% всех расходов по данной статье).

Итак, в России возникла система хозяйства, которая, оцениваемая в макроэкономических параметрах, представляла собой тип пережившей «второе рождение» полунатуральной экономики с характерным для нее воспроизводственным механизмом. Ее «фирменным» знаком была структура издержек производства, в которой на долю живого труда приходилась огромная их часть — 62% в

1923/24 г. (см. табл. I-7), а производительное потребление характеризовалось почти абсолютным преобладанием продукта, произведенного в «первичном секторе» народного хозяйства. Отличительными чертами такого потребления были: во-первых, мизерная, если не сказать ничтожная доля, приходившаяся на потребление орудий труда (2,3% в 1923/24 г.); во-вторых, почти полное отсутствие связей между двумя секторами народного хозяйства — промышленностью и сельским хозяйством — по фактору использования промышленного продукта в сельскохозяйственном воспроизводстве (0,8%), что свидетельствовало о сильнейшей дезинтеграции народного хозяйства России в этот период (подробнее об этом мы будем говорить в гл. III, см. §1); и в-третьих, такая структура производительного потребления, в которой основное место занимал продукт (86,5% всех материальных затрат), произведенный в самом сельском хозяйстве (см. табл. I-7).

Все это дало П.И. Попову основание даже выдвинуть тезис, применительно к этой эпохе, о фактической автаркии сельскохозяйственного сектора в системе народного хозяйства страны (подробнее см. гл. III, §1). Главным экономическим агентом такой системы хозяйства и было, как отмечалось, мелкое полунатуральное («середняцкое») хозяйство.

Таким образом, данные о структуре производственных затрат в российской агросфере убедительно свидетельствуют, что по меньшей мере в 20-х годах последняя находилась на допромышленной стадии труда в ее «чистом» виде. Эта стадия существовала в рамках натуральных производительных сил, но именно она образовывала исходную площадку для последующего «скачка» в индустриальный мир.

Вторая волна трансформаций, уже коренным образом изменившая характер экономического роста в агросфере, относится к рубежу 20–30-х годов, связана с «революцией сверху» — насильственными преобразованиями аграрной экономики России правящими группами советского общества (коллективизация сельского хозяйства). Мы, к сожалению, не располагаем статистическим рядом показателей издержек производства, относящихся к этому переломному этапу российской аграрной истории. По советскому периоду соответствующие пакеты статистических данных известны авторам лишь за три года — 1970 г., 1986 г. (1987г.) и 1990 г. (см. табл. I-8, I-9). Но этот пробел в определенной степени восполняют имеющиеся данные о динамике структуры производственных основных фондов, используемых в сельском хозяйстве СССР/России (см. табл. I-10, I-11). С их характеристики мы и начнем наш анализ.

Данные о динамике производственных фондов позволяют отследить по меньшей мере три главные линии изменений в хозяйстве агросферы в коллективизационный и послеколлективизационный периоды. Первое. В связи с курсом на механизацию сельского хозяйства, взявшим старт в начале 30-х годов, в агросфере началось активное наращивание механических орудий труда — как силовых, так и рабочих машин, а также транспортных средств. Рост основных фондов, воплощенных в орудиях труда, стал происходить опережающими темпами по отношению ко всем остальным элементам производственных фондов. Такой крен в политике накопления сельскохозяйственных основных фондов продолжался до 50-х годов, периода, за которым последовала длительная (растянувшаяся фактически до 90-х годов) полоса спада в относительной интенсивности накопления фондов в форме орудий труда (см. табл. I-10, I-11).

Второе. Одновременно происходил процесс «изгнания» (вытеснения) из сферы производительного потребления в сельском хозяйстве рабочего скота, заменявшегося машинами. Процесс такого вытеснения сопровождался широкомасштабным уничтожением производительных сил крестьянского хозяйства, особенно мучительно проявившемся в стремительном сокращении поголовья рабочего и продуктивного скота — основного движимого имущества крестьянской семьи. По свидетельству главного организатора этого насилия, Сталина, поголовье лошадей в СССР с 1929 г. по 1933 г. сократилось с 34,0 млн. голов до 16,6 млн., а поголовье крупного рогатого скота — с 68,1 млн. до 38,6 млн.[89]. (Соответствующие данные по РСФСР: численность лошадей — уменьшение с 26,9 млн. до 12,3 млн.; крупный рогатый скот — с 50,4 млн. до 27,6 млн.[90].) Вторая крупная волна этого процесса началась в 50-х годах, а в 60-х годах полная замена тяговой силы рабочего скота механическими орудиями и машинами стала свершившимся фактом (см. табл. I-10).

Третья линия изменений — непрерывно продолжавшийся с 1950 г. рост доли фондов, воплощенных в «неактивных» элементах основного капитала: зданиях, сооружениях и др. (о значении этого процесса см. ниже).

В целом переход российской агросферы к модели современного экономического роста характеризовался несколькими особенностями, типичными, пожалуй, только для обществ советского типа.

---

[89] XVII Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934, с.20.

[90] Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М.: «Сельхозгиз», 1936, с. 518. Поголовье крупного рогатого скота было восстановлено в СССР лишь к концу 50-х годов, а поголовье лошадей своего максимума — 15,3 млн. голов — достигло в послевоенный период лишь в 1953 г. (см.: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 245).

Таблица I-8

Структура издержек производства в общественном секторе сельского хозяйства СССР, 1970 – 1987 гг. *, %

Вид изержек / затрат	Совхозы		Колхозы		Все предприятия[1]	
	1970	1987	1970	1987	1970	1987
(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*
Все издержки / затраты	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Затраты на оплату живого труда[2]	**23,5**	**16,3**	**34,8**	**22,8**	**29,9**	**19,5**
Материальные затраты	**76,5**	**83,7**	**65,2**	**77,2**	**70,1**	**80,5**
в т о м ч и с л е :						
Из продукта сельского хозяйства:	*32,3*	*34,5*	*24,9*	*29,6*	*28,1*	*32,1*
семенной материал	8,2	6,3	7,8	6,3	8,0	6,3
корма	24,1	28,2	17,1	23,3	20,1	25,8
Из продукта промышленности (химической и энергетической отраслей):	*4,8*	*4,5*	*5,8*	*5,8*	*5,4*	*5,1*
удобрения	3,1	3,3	3,8	4,4	3,5	3,8
пестициды и другие средства защиты		1,2		1,4		1,3
горючие материалы и электроэнергия	1,7		2,0		1,9	
Основные средства:	*12,8*	*11,5*	*9,8*	*9,6*	*11,0*	*10,6*
амортизация	7,0		6,2		6,5	
текущий ремонт и содержание	5,8		3,6		4,5	

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*
Работы и услуги сторонних организаций		*6,6*		*6,6*		*6,6*
Организация производства и управление	*11,1*	*9,4*	*11,1*	*9,1*	*11,1*	*9,2*
Прочие затраты[3] (включая страховые платежи)	*15,5*	*17,2*	*13,6*	*16,5*	*14,5*	*16,9*

* *Составлено и подсчитано по*: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ СССР, 1971, с. 493,506,589,590,595; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ СССР, 1988, с. 443,447,451,458.

[1] Рассчитано как средневзвешенная величина по соотношению валовой сельскохозяйственной продукции, произведенной в колхозах и совхозах, группы показателей которых были довольно близки.

[2] Включены также начисления на зарплату.

[3] В показатель 1987 г. включены страховые платежи (составляющие 4,2% в колхозах, 3,5% в совхозах), потери от падежа скота (0,7% — в колхозах, 1,1% — в совхозах), а также затраты на горючие материалы и электроэнергию.

Таблица I-9

Структура издержек производства в сельском хозяйстве РСФСР/России, 1970 – 2001 гг. *, %

Вид издержек / затрат	Совхозы		Колхозы		Все предприятия						
	1970	1987	1970	1987	1970[1,2]	1987[2]	1990	1995	1998	2000	2001
(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*	*(10)*	*(11)*	*(12)*
Все издержки / затраты	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Затраты на оплату живого труда[3]	**21,7**	**14,0**	**28,5**	**18,0**	**25,3**	**15,7**	**29,0**	**19,0**	**17,0**	**17,0**	**18,0**
Материальные затраты	**78,3**	**86,0**	**71,5**	**82,0**	**74,7**	**84,3**	**71,0**	**81,0**	**83,0**	**83,0**	**82,0**
в том числе:											
Из продукта сельского хозяйства:	*34,9*	*37,0*	*28,1*	*32,0*	*31,4*	*34,9*	*37,6*	*29,1*	*35,9*	*36,4*	*36,2*
семенной материал	8,6	7,0	9,8	7,0	9,3	7,0	7,4	3,3	6,8	7,0	6,4
корма	26,3	30,0	18,3	25,0	22,1	27,9	28,6	24,2	27,8	28,0	28,4
прочая сельск.-хоз. продукция							1,6	1,6	1,3	1,4	1,4
Из продукта промышленности (химической и энергетической отраслей):	*4,5*	*4,0*	*5,1*	*5,0*	*4,7*	*4,4*	*7,4*	*15,4*	*14,3*	*18,2*	*18,5*
удобрения	2,9	3,0	3,2	4,0	3,0	3,4	4,2	1,6	2,5	2,8	3,6
пестициды и другие средства защиты		1,0		1,0		1,0					
горючие материалы	1,6		1,9		1,7		2,7	9,9	8,7	13,3	12,8
электроэнергия							0,5	3,9	3,1	2,1	2,1

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*	*(10)*	*(11)*	*(12)*
Основные средства:	*12,5*	*11,0*	*11,0*	*10,0*	*11,7*	*10,6*	*14,2*	*21,0*	*20,2*	*15,4*	*13,5*
амортизация	6,6		7,1		6,8		11,0	16,0	14,0	7,0	5,0
текущий ремонт и содержание	5,9		3,9		4,9		3,2	5,0	6,2	8,4	8,5
Работы и услуги сторонних организаций		*7,0*		*7,0*		*7,0*	*4,8*	*5,5*	*5,6*	*7,0*	*7,8*
Организация производства и управление	*10,6*	*9,0*	*11,5*	*9,0*	*11,1*	*9,0*					
Прочие затраты[4] (включая страховые платежи)	*15,8*	*18,0*	*15,8*	*19,0*	*15,8*	*18,4*	*7,0*	*10,0*	*7,0*	*6,0*	*6,0*

* *Составлено и подсчитано по*: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ СССР, 1971, с. 493,506,589,590,595; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1995, с. 104,105; Сельское хозяйство в России 1998. Статистический сборник. М., 1998, с. 110,111; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 111,112.

[1] По 1990 г. — общественный сектор сельского хозяйства; с 1993 г. — «средние и крупные предприятия (организации)» в сельском хозяйстве (хозяйства бывшего общественного сектора).

[2] Рассчитано как средневзвешенная величина по соотношению валовой сельскохозяйственной продукции, произведенной в колхозах и совхозах, группы показателей которых были довольно близки.

[3] Включены также начисления на зарплату.

[4] В показатель 1987 г. включены страховые платежи (4%), потери от падежа скота (1%), а также затраты на горючие материалы и электроэнергию.

Таблица I-10

Структура производственных основных фондов в общественном секторе сельского хозяйства СССР, 1923/24 – 1990 гг.*, %

Вид фондов	1923/24	1928	1930	1941	1951	1959	1964	1971	1978	1987	1990
Все фонды	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Здания, сооружения и передаточные устройства	*39,7*[1]	*31,3*	*34,8*	*38,0*[2]	*32,1*[2]	*45,7*[2]	*46,8*	*52,8*	*60,3*	*62,9*	*63,2*
Орудия труда:	*19,8*	*16,7*	*21,2*	*32,2*	*36,3*	*35,4*	*26,7*	*23,7*	*20,9*	*19,8*	*20,4*
силовые машины		0,2[3]	0,8[3]	11,5[4]	13,9[4]	12,8[4]	9,1	7,8	6,9	6,3	6,5
рабочие машины и орудия	14,9[5]	6,8[6]	8,9[6]	13,2[7]	14,6[7]	15,5[7]	13,2	11,7	10,3	9,7	9,9
транспортные средства	4,9	н.св.	н.св.	7,5	7,8	7,1	4,4	4,2	3,7	3,8	4,0
Скот:	*40,5*	*52,0*	*44,0*	*26,3*	*27,5*	*15,8*	*18,9*	*15,3*	*11,7*	*10,5*	*10,4*
рабочий	19,5	н.св.	н.св.	10,4	10,4	3,0	1,8	1,0	0,5	0,5	0,4
продуктивный[8]	21,0	21,9[9]	19,7[9]	15,9	17,1	12,8	17,1	14,3	11,2	10,5	10,0
Прочие фонды[10]				*3,5*	*4,1*	*3,1*	*7,6*	*8,2*	*7,1*	*6,8*	*6,0*

* *Составлено и подсчитано по*: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под ред. П.И. Попова. [Репринтное воспроизведение издания 1926 года.] М.: Госкомстат России, 1993. Ч.II. Таблицы — с. 3, 15, 35; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.: ЦУНХУ СССР, 1932, с. 144; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ СССР. Выпуски за 1960 (с. 386), 1971 (с. 358), 1988 (с. 390), 1991 (с. 83); Народное хозяйство СССР. Статистический ежегодник. М.: ЦСУ СССР. Выпуски за 1964 (с. 259, 260), 1978 (с. 206–208); Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М.: ЦСУ СССР, 1972, с. 232.

[1] Все постройки хозяйственного назначения.

[2] Строения и сооружения, в том числе мелиоративные сооружения.

[3] Тракторы.

[4] Тракторы и комбайны.

[5] Орудия и машины для подготовки и обработки почвы, сеялки, уборочные машины, молотилки, зерноочистители, машины для подготовки корма, а также зерносушилки, льномялки, сепараторы, маслобойки, косы, серпы и прочее.

[6] Машины и орудия (без указания видов).
[7] Сельскохозяйственные машины, орудия и прочее сельскохозяйственное оборудование.
[8] В том числе птица и пчелосемьи.
[9] Крупный рогатый скот в рабочем возрасте, в том числе волы и быки.
[10] С 1964 г. включая многолетние насаждения, доля которых составляла в 1970 г. — 4,2%; в 1987 г. — 3,1%; в 1990 г. — 2,8%.

Таблица I-11

Структура сельскохозяйственных производственных основных фондов в РСФСР/России, 1964 – 2002 гг. *, %

Вид фондов	1964[1]	1971	1978	1987	1990	1993	1997	2000	2002
Все фонды	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Здания, сооружения и передаточные устройства	*46,5*	*53,1*	*61,5*	*64,6*	*64,8*	*56,2*	*75,8*	*72,3*	*68,8*
Орудия труда:	*28,1*	*24,9*	*17,4*	*20,2*	*20,4*	*31,7*	*19,6*	*21,9*	*23,7*
силовые машины	9,1	7,9	7,0	6,2	6,3	24,4	16,1	17,7	19,3
рабочие машины и орудия	14,7	12,7	6,7	10,2	10,3				
транспортные средства	4,3	4,3	3,7	3,8	3,8	7,3	3,5	4,2	4,4
Скот:	*20,2*	*16,4*	*12,2*	*11,2*	*10,8*	*8,8*	*2,5*	*3,5*	*5,1*
рабочий	1,8	1,0	0,5	0,4	0,4				
продуктивный[2]	18,4	15,4	11,7	10,8	10,4				
Прочие фонды[3]	*5,2*	*5,6(2,4)*	*8,9(1,7)*	*4,0(1,3)*	*4,0(1,2)*	*3,3*	*2,4*	*2,3*	*2,4*

* *Составлено и подсчитано по*: Народное хозяйство СССР. Статистический ежегодник. М.: ЦСУ СССР. Выпуски за 1964 (с. 259, 260), 1978 (с. 206–208); Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М.: ЦСУ СССР, 1972, с. 232, 233; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ СССР. Выпуски за 1988 (с. 390, 391), 1991 (с. 84–86); Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1995, с.35; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 2002, с.39.

[1] По 1990 г. — общественный сектор сельского хозяйства; с 1993 г. — «средние и крупные предприятия (организации)» в сельском хозяйстве (хозяйства бывшего общественного сектора).

[2] В том числе птица и пчелосемьи.

[3] В скобках — удельный вес основных фондов, приходящихся на долю многолетних насаждений.

Исторически *социальная форма* для новой модели роста (обобществленное хозяйство) была заложена *намного раньше*, чем была создана *технологическая база*, адекватная данной модели, хотя попытки ее формирования начались практически со времени коллективизации. Этот процесс, прерванный войной с германским фашизмом в первой половине 40-х годов и вызванными ею разрушениями, продолжался и в 50-х годах. Но его результативность оказалась в целом весьма малой. Об этом свидетельствует, в частности, застойная производительность труда в общественном хозяйстве, сохранявшаяся на крайне низком уровне на протяжении двух с половиной послеколлективизационных десятилетий — до середины 50-х годов. Например, в зерновом производстве, самой механизированной отрасли сельского хозяйства СССР, выход продукта (зерна) на час прямых затрат труда составлял 12,5 кг — в1937 г. (передовые колхозы), 10,9 кг — в 1950 г., 11,2 кг — в 1953 г. (все формы общественного хозяйства), против 3,9 кг — в 1922–1925 гг. (индивидуальное крестьянское хозяйство).

В 1960 г. производство зерна на час прямых затрат труда составляло уже 22 кг, а в 1990 г. достигло максимального значения — 95 кг[1]; см. табл. V-1.

Но что собой представляла возникшая форма обобществленного хозяйства экономически? Еще в конце 20-х годов на одном из большевистских форумов М.И. Калинин, тогдашний председатель ЦИК Верховного Совета СССР, выделял факт, что коллективизация в Советском Союзе стартует на мануфактурном базисе разделения труда («колхоз — это мануфактура»[2]). Но это была мануфактура, существенно отличавшаяся от ее классических образцов.

Во-первых, мануфактурная форма разделения труда (то есть разделение и кооперация труда с обособлением частичных работников) была замкнута по вертикали на государство, которое, взяв на себя

---

[1] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, Приложение I, табл. I-12. Общая производительность труда была, однако, намного ниже. Так, в зерновом производстве общественного сектора хозяйства прямые затраты труда на единицу продукции составляли (по плановым нормативам) лишь 51–52% общих затрат труда (см.: Плановые нормативы затрат труда в общественном секторе [сельского хозяйства] на 1985 г. по АССР, краям и областям РСФСР. М., 1982, с.8). В итоге общая производительность труда в зерновом производстве, т.е. самом производительном секторе хозяйства агросферы России, например, в 1960 г. выражалась величиной 11,33 кг/час, а в 1990 г. — 48,93 кг/час, т.е. почти совпадала с производительностью труда в самой производительной — пшеницепроизводящей — отрасли аграрного сектора Японии в том же году (ср. данные табл. V-1).

[2] XVI Конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1929, с. 142.

функцию «частичного работника» (производство средств производства для коллективов производителей), одновременно как инструмент Власти (подробнее см. гл. III, § 2) контролировало и направляло восходящие и нисходящие воспроизводственные потоки (движение произведенного продукта «вверх», поставки материальных ресурсов — современные средства производства и др. — «вниз»). Изначально детерминированный монополией, колхоз как *экономический тип хозяйства* тем самым был напрочь лишен тех *преимуществ, которые были связаны с развитием общественного разделения труда*, в частности возможностей экономии издержек производства.

Во-вторых, весь парк современных средств производства (прежде всего механические орудия и машины) организационно *был вынесен за пределы* собственно производящих единиц (колхозов), существовал и функционировал обособленно от последних, как «привилегированная» совокупность особых производственных единиц (машинно–тракторных станций — МТС). Колхозы же вплоть до конца 50-х годов оставались «обителью» *частичных работников физического труда*, выполнявших все виды работ, основанных на живом труде; то есть имело место, если сказать словами А.В. Чаянова, — «расщепление производственных функций» в рамках данного хозяйственного симбиоза, представленного колхозами и МТС. «Всесоюзный староста» (как именовали М.И. Калинина) следующим образом описывал функциональные роли обеих частей симбиоза: «Колхоз — это мануфактура, а межселенная (тракторная. — *В.Р.*) станция — это уже фабрика, завод. /.../ Мы знаем, что, хотя это несколько примитивная форма общественности, но все-таки колхозы помогают общественности, расчищают пути для работы будущих межселенных станций. Поэтому, конечно, колхозы надо сохранять и надо усиленно строить. /.../ Наша задача заключается в концентрации кооперирования, в развитии связи крестьянских средств производства с государственными средствами производства, как это происходит в межселенных тракторных станциях, где станция — государственная, земля — государственная, но государство входит в известные договорные отношения с крестьянством»[3]. Организационное воссоединение этих функций в СССР/России стало происходить на рубеже 50–60-х годов, с передачей (продажей) сельскохозяйственной техники, сосредоточенной в МТС, в колхозы.

В-третьих, колхоз, при котором личность (или точнее — личная воля индивидуального производителя) растворена в коллективе, есть при кратократии (см. гл. III, §2) такая форма социальной организации непосредственных производителей, которая а) обеспечивает наилучшим образом действие механизма внеэкономического принуждения и б) тем самым образует адекватный базис для извлечения без

[3] Там же.

последующего возмещения части воспроизводимого коллективами колхозных производителей продукта (преимущественно через механизм государственно–принудительных заниженных цен и построенного на их основе механизма неэквивалентного обмена). Ибо при натуральных («естественно возникших») производительных силах выжать из непосредственных производителей прибавочный продукт, вообще какой-либо продукт возможно, только если именно отношения внеэкономического принуждения сформируют остов производственных отношений[4]. (Эту проблему производственных отношений в аграрном секторе бывш. СССР мы специально рассмотрим в гл. III .)

Конечно, при мануфактурной организации колхозной системы можно было наблюдать постепенное накопление в ряде звеньев затрагивающего ее общественного разделения труда основных фондов в виде машин и механических орудий главным, образом трудосберегающего характера. Но в целом, однако, на протяжении всего периода механизации сельского хозяйства Россия не преодолела до конца рубежа, отделяющего собственно мануфактурную стадию бытия агросферы от фабричной стадии с типичной для нее системой машин. Так, по данным Всесоюзной переписи населения, проведенной в 1939 г. лишь 3,3% занятых в сельском хозяйстве относилась к категории лиц, работавших с механическими орудиями труда, а 78,7% формировали контингент работников, не обозначивших свою специальность, т.е. представляли собой неквалифицированных работников ручного труда[5]. Всесоюзной переписью 1959 г. был зафиксирован заметный рост группы занятых, работавших с механическими орудиями труда: она составляла 7,4% общего числа занятых в сельском хозяйстве, а на лиц неквалифицированного (ручного) труда приходилось 72,7% занятых в этой отрасли[6]. А в середине 80-х годов «работу при помощи машин и механизмов» в обобществленном подразделении сельского хозяйства, по данным Госкомстата СССР, выполняло в СССР лишь 26,4% всех работников колхозов, и 26,7% всех работников совхозов, в РСФСР соответственно — 36,1% и 34,9%[7]. Подавляющая же часть работников в обоих секторах общественного хозяйства (свыше 70% в СССР, свыше 60% в РСФСР) была занята на работах, на которых ис-

[4] Подробнее см.: *Крылов В.В.* Теория формаций. М.: «Восточная литература» РАН, 1997, с. 10–21.

[5] Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: «Наука», 1992, с.107.

[6] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962, с.151.

[7] Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 253, 255.

пользовался исключительно ручной труд. Особенно большим отставанием в области применения трудосберегающих технологий отличалось животноводство: по данным М.С. Горбачева, в бытность его «первым лицом» бывшей КПСС, накануне распада СССР 80% всего объема работ в этом секторе сельского хозяйства выполнялось ручным трудом[8]. Между тем в животноводстве производилось в это время 58% валовой продукции сельского хозяйства СССР и 62% РСФСР (подробнее см. гл. III, §4).

Иначе говоря, к закату СССР в агросфере последнего так и не была создана система машин, а производство пребывало по существу на стадии мануфактуры с частичным применением машин, притом машин в их «грубой» (материалоемкой) форме. И в этом смысле мы можем говорить, что агросфера современной России унаследовала от канувшего в лету «социалистического» строя систему производства, которая все еще переживала *этап перехода от мануфактурной стадии производства в сельском хозяйстве к машинной (фабричной) стадии*.

Данные, которыми мы располагаем (см. табл. I-10, I-11) позволяют отследить исторически сложившиеся приоритетные направления в индустриальном росте сельского хозяйства СССР, России. Нужно, однако, заранее оговорить, что у этих данных имеется определенный изъян. Дело в том, что в статистический учет в соответствии с принятой статистическими ведомствами СССР практикой включалась оценка основных фондов, всегда, по меньшей мере, применительно к самому «дорогостоящему» их элементу — зданиям, сооружениям и др., по их балансовой стоимости, то есть без списания их износа (что абсолютно невозможно в странах с рыночной экономикой, в частности США, где на каждый данный момент, например, данный год соответствующая статистика, касающаяся стоимости основного капитала, в том числе в форме зданий и иных сооружений недвижимости вообще, всегда корректируется рыночным фактором[9]). Но хотя учет основных фондов по балансовой стоимости вносит заметные искажения в оценку динамики пропорций структурных составляющих этих фондов, все же можно получить некоторое представление об изменениях данных структурных составляющих процесса аграрной индустриализации.

---

[8] См.: *Правда* (а также *Известия*). 16.03.1989.

[9] Например, за период 1975–1989 гг. рыночная стоимость строений на фермах изменялась в США следующим образом (индекс: 1980 г. = 100):

1975	*1981*	*1982*	*1983*	*1984*	*1985*	*1986*	*1987*	*1988*	*1989*
55,2	*109,6*	*107,8*	*102,1*	*99,7*	*85,8*	*75,4*	*69,5*	*70,9*	*74,5*

(См.: Statistical Abstract of the United States 1990, c. 644.)

Со времени начала коллективизации (рубеж 20–30-х годов) преимущественный крен в ее развитии определенно был направлен в сторону накопления основного капитала в форме его активных элементов (машины, механические орудия труда). Каковой крен продолжался примерно до конца 50-х годов; при этом индустриализация в течение трех с половиной десятилетий «добивала» и, наконец, к середине 60-х годов практически окончательно «добила» рабочий скот в его функции тяговой силы крестьянского (коллективизированного) хозяйства (см. табл. I-10).

С 50-х же годов, сначала скачкообразно, а затем, с конца 70-х годов — в более «спокойном» режиме, возрастает относительная роль накопления основного капитала в форме зданий и сооружений, при постепенном «угасании» (с конца 70-х годов — стабилизации) интенсивности накопления основных фондов в форме машин и механического оборудования (см. табл. I-10, I-11). И если мы вспомним, что со второй половины – конца 60-х годов правящие слои СССР стремилась перевести индустриальный рост в агросфере в интенсивную фазу, что предполагало, помимо прочего, наращивание «основного капитала» животноводческих отраслей, активизацию фактора продуктивности (рост урожайности сельскохозяйственных культур, продуктивности скота и др.), то отмеченная смена приоритетов в историческом накоплении «основного капитала» (основных фондов) в агросфере СССР получает, как думается, достаточно рациональное объяснение: индустриальный рост в агросфере (как России, так и Узбекистана) стал приобретать преимущественно инфраструктурную «окраску» (см. табл. I-10, I-11)[10].

К этому нужно добавить, что поскольку в бестоварной экономике пропорции между различными структурными составляющими основного капитала определялись исключительно внерыночными факторами, обычные пропорции между обеими частями данного капитала в сельском хозяйстве, наблюдаемые в странах с рыночной экономикой зоны «трудосберегающего» ТСП[11], не могли быть восстановлены. И это, возможно, является одной из причин (именно структурно–технического характера) того, что переход агросферы СССР и, в частности, России к системе машин за весь длительный, многодесятилетний период сельскохозяйственной индустриализации так и не был завершен ни в одной из отраслей сельского хозяйства.

---

[10] Можно вспомнить, в частности, о попытках властей в 70–80-х годах поднять в стране животноводство, требовавшее огромных инвестиционных вложений именно в основные фонды в форме зданий и сооружений, об огромных затратах в мелиоративные работы и т.д.

[11] Ср., например, данные о динамике основных фондов (недвижимости и ее составляющих) в США за 1960–1992 гг., в: Statistical Abstract of the United States 1980, с. 696; do.do. 1990, с. 644; do.do. 1997, с. 655.

Обращает на себя внимание удивительная стабильность структуры сельскохозяйственных издержек в СССР с начала 70-х до времени его распада (см. табл. I-8, I-9, I-12). Что свидетельствует о том, что каких-либо крупных технологических прорывов, которые зафиксировали бы новое качество (становление новой модели) экономического роста в этот застойный период, острокризисный в 80-х годах, не произошло. Единственное исключение, пожалуй, — то, что некоторое «утяжеление» претерпела к концу 80-х годов в совокупных издержках доля продукта сельского хозяйства, а в ней — кормовая составляющая (см. табл. I-8). То же явление мы наблюдаем и в бывш. РСФСР (России) (см. табл. I-9). И это обстоятельство подтверждает мысль, что животноводство оставалось приоритетной сферой «социалистического строительства» в аграрном секторе практически до последних дней существования «социализма» в России.

Изменения же пропорций между отдельными видами издержек производства в сельском хозяйстве, через которые прошел аграрный сектор России в 90-х годах XX в. (эти изменения зафиксированы в данных табл. I-9), объясняются (если судить по имеющимся статистическим данным) включением механизма воспроизводственного процесса агросферы в рыночную систему: последняя сломала прежние директивно–расчетные цены, вызвав к жизни те, которые адекватно соответствовали (либо были близки к) рыночным. Эти изменения и нашли отражение в совокупности показателей новой структуры издержек (см. табл. I-9). Некоторых направлений этих изменений мы уже касались выше (см. §2). Особое внимание следует обратить на динамику технических элементов издержек производства. Подтягивание внутренних российских цен на нефть, главного источника энергии в сельском хозяйстве России, вызвало существенное увеличение значимости в издержках производства затрат на горючие материалы, по сравнению даже с 1990 г. удельный вес этих затрат к началу XXI века вырос почти в пять раз (а по сравнению с 1970 г. — почти в восемь раз).

Другой «удивительный» феномен структуры издержек производства, характерный для России 90-х годов, заключается в том, что в них последовательно нарастает доля затрат на текущий ремонт и содержание основных средств производства при резком сокращении доли затрат на собственно их амортизацию (см. табл. I-9). Такого рода аномальная динамика составляющих основного капитала, *не присущая* ни одной стране с поступательно развивающейся технической базой производства в сельском хозяйстве, свидетельствует, что в России невозмещаемый износ основных средств приобрел к началу XXI

века столь крупные масштабы, что техническую базу ее сельского хозяйства удается в какой-то степени поддерживать только путем нескончаемых ремонтных работ (подробнее об этом см. гл. IV, § 5).

В «пакете» показателей сельскохозяйственных издержек, характерных как для СССР, так и для РСФСР (и Узбекистана) в советский период ее истории обращают внимание расходы на «организацию производства и управление» (такие расходы устойчиво составляют примерно десятую часть всех производственных затрат; см. табл. I-8, I-9, I-12). Обращает на себя внимание и факт, что такого рода расходная статья напрочь отсутствует в перечне издержек в странах с рыночной экономикой (см. соответствующие таблицы). Данная категория издержек родилась в российской статистике одновременно с обобществлением крестьянского хозяйства и исчезла из ее номенклатуры в эпоху перехода хозяйства агросферы России к рыночным отношениям — с начала 90-х годов (см. табл. I-9). За внушающей почтение «вывеской» скрывалось, однако, вполне тривиальное хищничество.

«Управленческие» расходы — это специфическая «дань» производства агросферы кратократии, плата последнего за «учет и контроль» (В.И. Ленин), ею осуществляемые[12]; это одновременно и «дань», фальсифицирующая, помимо прочего, экономические потери (чрезмерные производственные затраты и др.) именно обобществленной (коллективной) формы хозяйства, функционирующей во «внерыночном вакууме», как совокупность производственных единиц, лишенных обратных связей (от рынка — к производству) и, соответственно, предполагающих, если использовать здесь формулу А.В. Оболонского, «отчуждение личного интереса производителя от производства»[13].

---

[12] Июль 1930 г. Минул всего один год со времени «великого перелома» в «колхозном движении», а уже во весь рост встала проблема «избыточных» управленцев в колхозах и на селе в целом. XVI Съезд ВКП(б) потребовал — «произвести решительное (!) сокращение административного аппарата кооперации и *прекратить* самыми решительными (!) мерами *разбухание* аппарата в колхозах, возлагая выполнение административных функций в колхозах, как правило, на выборных лиц из среды колхозников» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М., 1953, с. 603). Дармовой хлеб всегда сладок (подробнее см. гл. III, §2).

[13] *Оболонский А.В.* Драма российской политической истории: система против личности. М.: «Юрист», 1994, с.197 и др.

* * *

УЗБЕКИСТАН. Так же, как и в России, исторический процесс включения Туркестана и выделенного из него в 1924 г. Узбекистана (Уз ССР) на путь современного экономического роста шел двумя волнами, с откатом назад, при практически полном разрыве экономических (интегрирующих) связей в первой половине 20-х годов. И так же, как и в России, социально–организационной формой, призванной создать основу для повторного включения этого уже высокоспециализированного региона в общенациональный (общероссийский, впоследствии — общесоюзный) процесс современного экономического роста, должна была стать поголовная коллективизация крестьянского хозяйства. Так же, как и в других регионах СССР, этот процесс стартовал на рубеже 20–30-х годов. Организация бесперебойного потока важнейшего стратегического (с точки зрения национального воспроизводства) продукта в «центр» государства, при этом на условиях неэквивалентного обмена (в ущерб хлопкопроизводителям), была главной функциональной целью коллективизационных усилий кратократии в Узбекистане.

Но что собой представляли производственные единицы (индивидуальные крестьянские хозяйства), которые и должны были образовать хозяйственную основу будущего общественного хозяйства Узбекистана, призванного выполнить отмеченную функциональную роль в общесоюзном воспроизводстве. Согласно данным выборочного обследования 1927 г. в Узбекистане на 100 единоличных хозяйств приходилось: плугов всех видов 8,5 штуки; сох — 54,2; сеялок всех видов — 0,05; жнеек всех видов — 0,02; веялок всех видов — 0,7 штуки; молотилок не было совсем. При этом на 100 хозяйств насчитывалось 96,7 головы рабочего скота всех видов, в том числе 47,4 рабочей лошади. Иначе говоря, на одно усредненное крестьянское хозяйство приходилось менее одной головы рабочего скота и около $^{2}/_{3}$ единицы плужного инвентаря. Прочие «крупные» орудия труда были распространены в буквальном смысле слова среди единичных хозяйств. (Как видно, живым и мертвым инвентарем дехканство Узбекистана накануне коллективизации было обеспечено существенно хуже, чем российское крестьянство, что предполагало еще большую, чем собственно в России, нагрузку на человеческий труд при проведении сельскохозяйственных работ.)

Такой состав мертвого и живого инвентаря блестяще иллюстрировал идею, высказанную крупными учеными, изучавшими экономику Узбекистана, В.И. Юферовым и А.П. Демидовым[14], о том, что

---

[14] См.: *Юферов В.И.* Хлопководство в Туркестане. Л., 1925, с.19–20,36–37,78–83; *Демидов А.П.* Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана. М., 1922, с.6,17–18.

сельскохозяйственная культура, распространенная в регионе, представляла собой грядковую культуру[15], при которой с помощью рабочего скота (рабочей лошади или рабочего вола) осуществлялось весьма ограниченное число сельскохозяйственных операций, в том числе — единственная массовая из них — пахотные работы, тем более, что последние требуют особенно больших затрат труда в условиях поливного земледелия.

Следовательно, «коллективизированы» были по существу рабочие руки объединенного в колхоз трудящегося населения. Такая форма хозяйства представляла в буквальном смысле слова классический тип мануфактурной организации труда, от создания которой и начинал отсчет времени первый этап «строительства социалистического строя». Именно безраздельным господством мануфактуры объясняется то, что самая значительная часть издержек производства в общественном хозяйстве аграрного сектора Узбекистана (а в колхозах — преобладающая) даже до конца 80-х годов приходилась на *затраты на оплату живого труда* (см. табл. I-12). (При этом следует учесть, что существенная часть расходов по статье «организация производства и управление» также представляет собой затраты на оплату используемого живого труда, в дополнение к тем расходам, которые были выделены статистикой.)

Иначе говоря, сельское хозяйство Узбекистана накануне его вступления на путь самостоятельного развития отличалось большой трудоемкостью, масштабы которой определяла доминирующая отрасль сельскохозяйственного производства (40% валового продукта сельского хозяйства) — хлопководство. По данным МВФ в начале 90-х годов на оплату живого труда, использованного в хлопковом производстве, приходилось даже до 68% всех издержек производства[16].

Как и по России, по Узбекистану мы не располагали сколько-нибудь подробным рядом показателей издержек производства. Таковые имеются лишь по трем периодам (годам) (см. табл. I-12). Но даже анализ столь неполных данных открывает нам весьма примечательную картину структурных изменений в динамике сельскохозяйственного роста.

---

[15] Это была культура такого же типа, какой мы наблюдали в Японии до начала технологического переворота.

[16] Uzbekistan. Economic Review. Wash.: IMF, 1994, c. 94.

Таблица I-12

Структура издержек производства в общественном секторе сельского хозяйства Узбекистана, 1965 – 1987 гг. *, %

Вид издержек / затрат	Хлопководческие совхозы		Все совхозы		Колхозы		Все предприятия[1]	
	1965 Все регионы	1966 Ферганская область	1970	1987	1970	1987	1970	1987
(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*
Все издержки / затраты	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Затраты на оплату живого труда[2]	**50,2**	**50,7**	**42,2**	**32,6**	**58,8**	**54,7**	**53,8**	**43,0**
Материальные затраты	**49,8**	**49,3**	**57,8**	**67,4**	**41,2**	**45,3**	**46,2**	**57,0**
в т о м ч и с л е :								
Из продукта сельского хозяйства:	*2,1*	*1,8*	*11,3*	*17,7*	*5,6*	*9,4*	*7,3*	*13,8*
семенной материал	2,1	1,8	3,5	3,6	2,5	2,6	2,8	3,1
корма			7,8	14,1	3,1	6,8	4,5	10,7
Из продукта промышленности (химической и энергетической отраслей):	*9,1*	*10,4*	*7,1*	*5,3*	*8,0*	*5,7*	*7,8*	*5,5*
удобрения	7,0	8,8	5,2	3,6	5,7	4,3	5,6	3,9
пестициды и другие средства защиты				1,7		1,4		1,6
горючие материалы	2,1	1,6	1,9		2,3		2,2	

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*
Основные средства:	*14,9*	*11,4*	*13,6*	*11,5*	*7,5*	*7,4*	*9,3*	*9,6*
амортизация	9,5	7,5	9,0		5,2		6,3	
текущий ремонт и содержание	5,4	3,9	4,6		2,3		3,0	
Работы и услуги сторонних организаций		*5,7*[3]		*5,9*		*3,1*		*4,5*
Организация производства и управление	*15,3*	*14,3*	*12,5*	*10,8*	*10,6*	*9,0*	*11,2*	*10,0*
Прочие затраты (включая страховые платежи)	*8,4*	*5,7*	*13,3*	*16,2*	*9,5*	*10,7*	*10,6*	*13,6*

* *Составлено и подсчитано по*: Хлопководство в Узбекистане за 50 лет. Справочник. Ташкент, 1967, с.277; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ, 1971, с.493, 494, 495, 506, 589, 590, 591, 595; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1988, с.158, 164; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1989, с.272, 278.

[1] Рассчитано как средневзвешенная величина по соотношению валовой сельскохозяйственной продукции, произведенной в колхозах и совхозах, группы показателей которых были довольно близки.

[2] Включены также начисления

При отсутствии изменений в показателях совокупных издержек по основным средствам, например, в 70–80-х годах, существенно сократился удельный вес затрат на потребляемый продукт промышленных отраслей, что свидетельствовало об относительном сокращении роли механических орудий труда в сельскохозяйственном производстве. (Это, кстати говоря, подтверждается и статистическими данными о динамике механических средств производства в 80-х годах[1].)

Таблица I-13

Структура сельскохозяйственных производственных основных фондов в Узбекистане, 1964 – 1990 гг. *, %

Вид фондов	1964[1]	1971	1978	1987	1990
Все фонды	100	100	100	100	100
Здания, сооружения и передаточные устройства	*37,9*	*47,8*	*48,9*	*53,4*	*55,0*
Орудия труда:	*37,5*	*29,3*	*24,0*	*21,0*	*20,9*
силовые машины	17,5	14,3	11,9	10,1	10,2
рабочие машины и орудия	13,8	10,8	8,7	7,6	7,2
транспортные средства	6,2	4,2	3,4	3,3	3,5
Скот:	*13,5*	*8,4*	*6,3*	*6,0*	*6,0*
рабочий	1,4	0,5	0,2	0,2	0,2
продуктивный[2]	12,1	7,9	6,1	5,8	5,8
Прочие фонды[3]	*11,1*	*14,5(5,2)*	*20,8(5,2)*	*19,6(7,5)*	*18,1(8,1)*

* *Составлено и подсчитано по*: Народное хозяйство СССР. Статистический ежегодник. М.: ЦСУ СССР. Выпуски за 1964 (с. 259, 260), 1978 (с. 206–208); Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М.: ЦСУ СССР, 1972, с. 232, 233; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: ЦСУ СССР. Выпуски за 1988 (с. 390, 391), 1991 (с. 84–86);

[1] По 1990 г. — общественный сектор сельского хозяйства.

[2] В том числе птица и пчелосемьи.

[3] В скобках — удельный вес основных фондов, приходящихся на долю многолетних насаждений.

Но происходило это вовсе не в результате внедрения в сельское хозяйство высокоточных орудий труда (механических орудий

[1] *Растянников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 1996, с.144–145.

труда второго поколения), как в США (см. выше раздел «США»), а от перенасыщения сельского хозяйства именно «грубым» механическим оборудованием. Данные о динамике основных фондов также свидетельствуют, что к концу 80-х годов процесс такой индустриализации подходил к своему окончанию. Сокращение абсолютного количества орудий труда происходило и в 90-е годы[2].На рубеже 80–90-х годов сельское хозяйство сделало заметный шаг по пути возвращения технологий производства к своим корням — к ручному труду, хотя рабочий скот, как значимая величина основных фондов, практически исчез к началу 70-х годов (в 1971 г. на такой скот приходилось 0,5% общей стоимости основных фондов, а в 1990 г. — и вовсе 0,2%; см. табл. I-13).

По существу, аграрная индустриализация в Узбекистане, не в пример Японии, не привела даже к скромному преобразованию производительной силы труда в сельском хозяйстве. Например, если в середине 70-х годов за час прямых затрат труда вырабатывалось 3,1 кг хлопка–сырца, то в 1987–1988 гг. — 3,0 кг. В зерновом производстве производительность труда едва превзошла планку, достигнутую Японией в самой отсталой и самой трудоемкой отрасли растениеводства — рисопроизводстве, и составила в 1987–1988 гг. 19,6 кг в час (см. табл. V-1).

Между тем сельское хозяйство Узбекистана оказалось насыщенным энергетическими мощностями в гораздо большей степени, чем «трудосберегающее» хозяйство агросферы такой страны, как США, а также России. Например, в 90-х годах энерговооруженность труда в сельском хозяйстве США составляла 2,71 л.с. на гектар обрабатываемой площади (1993–1994 гг.); в России — 3,73 (1995 г.); а в Узбекистане — 6,7 л.с. (1990 г.) на га[3].

Более того, в Узбекистане мы наблюдаем также сокращение удельного веса затрат на удобрения и средства химической защиты (см. табл. I-12), что в свою очередь свидетельствует, что с начала 80-х годов обнаружила тенденцию к сокращению эффективность фактора продуктивности в ряде важнейших отраслей сельского хозяйства. Так, за период 1980–1999 гг. урожайность хлопка–сырца снижалась в среднем на 0,9% в год (экспоненциальный темп падения рассчитан по данным табл. СП-1А).

---

[2] Становление рыночной экономики в Центральной Азии. Международное совместное исследование. Составитель *Манабу Шимизу*. Часть 2. *Растянников В.Г.* Аграрная экономика Узбекистана на пути перехода к рынку. Токио: Институт экономики Азии, 1997, с.170–171.

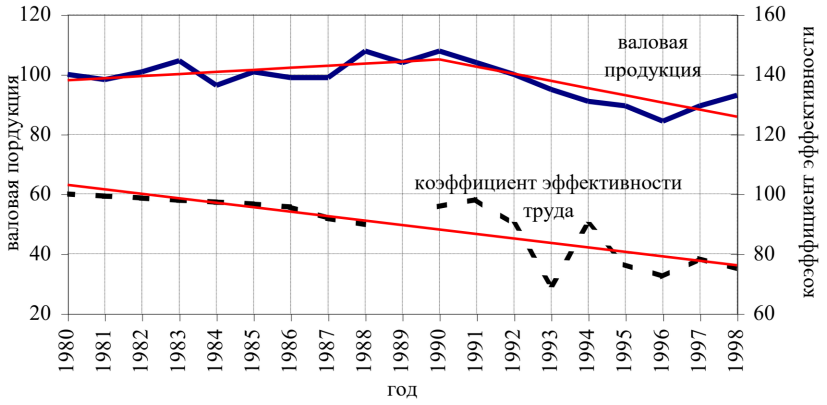
[3] См.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, Приложение 1, табл. I-9, I-11, I-12.

Сельское хозяйство Узбекистана на рубеже 80–90-х годов фактически оказалось на грани острейшего экологического кризиса, к концу 80-х годов почти полностью были исчерпаны ресурсы воды, использовавшиеся в поливном земледелии. Так, к концу 80-х годов сток воды из рек Амударья и Сырдарья в Приаралье составил лишь 8,4% от уровня стока 1960 г.; он был частично — только наполовину — восстановлен к середине 90-х годов[4].

Рис. I-7

УЗБЕКИСТАН: динамика валовой сельскохозяйственной продукции и динамика коэффициента эффективности труда в сельском хозяйстве, 1980–1998 гг.

Индекс: 1980=100



Охвативший всю систему «развитого социализма» всеобщий кризис 80-х годов, оказал депрессивное влияние на ряд базисных параметров экономического роста в агросфере Узбекистана. Мы уже упоминали о явлениях стагнации в развитии производительной силы труда и продуктивности возделываемых культур в ведущих отраслях сельского хозяйства. В 80-х годах процесс экономического роста, оцениваемый по такому критерию, как величина валового сельскохозяйственного продукта, практически «забуксовал» на месте. Экспоненциальный прирост валового сельскохозяйственного продукта за период 1980 –1990 гг. составлял 0,6% в год (см. рис. I-7)[5], а с начала

[4] См.: Становление рыночной экономики в Центральной Азии. Международное совместное исследование. Составитель *Манабу Шимизу*. Часть 2. *Сайфулин Р. et al.* Развитие экономики Узбекистана в переходный период. Токио: Институт экономики Азии, 1997, с.113.

[5] Индекс валовой сельскохозяйственной продукции (в сопоставимых ценах 1983 г., при базовом индексе 1980 г. = 100) подсчитан по: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 году. Статистический ежегодник. Ташкент, 1988, с.12 *[данные за*

90-х годов XX века прирост вошел в фазу отрицательных значений: за период 1990 –1998 гг. он составлял (–)2,4% в год (рассчитано по экспоненте). В целом же в ретроспективе почти двух десятилетий (1980 – 1998 гг.) темп прироста валового сельскохозяйственного продукта составлял (–)0,7% в год (см. рис. I-7).

Существенные отрицательные изменения претерпела эффективность сельскохозяйственного труда в макроэкономическом измерении. Как в Индии с 50-х годов и в Японии — с 60-х, в Узбекистане, по меньшей мере, с начала 80-х годов, мы наблюдаем *прогрессирующее относительное сокращение эффективности труда в сельском хозяйстве* по отношению к таковой во внесельскохозяйственных секторах национальной экономики (см. табл. I-14).

Более того, с начала 90-х годов, то есть в период, когда в стране стала осуществляться экономическая реформа, эти негативные процессы получили даже новые импульсы: трудоинтенсивное мельчайшее («личное подсобное») хозяйство стало в эти годы еще активнее замещать «крупное» общественное, предположительно — более производительное, хозяйство. За период 1980 –1998 гг. коэффициент эффективности сельскохозяйственного труда в макроэкономическом измерении[6] уменьшался на 1,7% в год, а всего за период упал на 24,8% (см. рис. I-7 и табл. I-14).

Падение относительной эффективности производства в сельском хозяйстве существенно отразилось на уровне дохода сельских трудящихся; с середины 80-х годов в Узбекистане зарплата колхозников — самая низкая в бывшем СССР.

1980–1984 гг.]; Страны–члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с.456 *[данные за 1985–1991 гг.]*; Содружество независимых государств в 1996 году. Статистический ежегодник. М., 1997, с. 28, 511 *[данные за 1992–1994 гг.]*; Экономика стран СНГ в 1995 году. Материалы Межгосударственного статистического Комитета (МСК) СНГ, в: *Вопросы статистики*. М., 1996, №4, с. 57; 2000, №4, с. 32 *[данные за 1995–1998 г.]*. Пересчет индекса МСК СНГ с базой 1990 г. = 100 в индекс 1980 г.=100 был осуществлен по соотношению 1:0,928, а пересчет индекса МСК СНГ с базой 1995 г. =100 — по соотношению 1:1,117.

[6] Напомним, коэффициент эффективности сельскохозяйственного труда в макроэкономическом измерении представляет собой отношение, полученное в результате деления удельного веса стоимости валовой продукции сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте (ВВП), на показатель удельного веса лиц, занятых в производстве последней. Индекс этого коэффициента рассчитан по данным табл. I-14.

Таблица I-14

Узбекистан: эффективность сельскохозяйственного труда в макроэкономическом измерении, 1980–1998 гг. *, *%*

№	Показатель / Год	1980	1985	1986	1987	1988	1990	
1.	Удельный вес занятых в сельском хозяйстве	38,5	38,1	37,2	38,1	37,8	39,3	
2.	Удельный вес дохода от сельского хозяйства в национальном доходе	34,0	32,5	31,6	30,9	30,1	33,3	
	Отношение 1:2	*1,13*	*1,17*	*1,18*	*1,23*	*1,26*	*1,18*	
№	Показатель / Год	1991	1992	1993	1994	1995	1997	1998
1.	Удельный вес занятых в сельском хозяйстве	42,7	44,2	44,6	43,2	41,3	40,7	39,4
2.	Удельный вес сельскохозяйственного продукта в ВВП	37,0	35,2	27,6	34,3	28,0	28,2	26,1[1]
	Отношение 1:2	*1,15*	*1,26*	*1,62*[2]	*1,26*	*1,48*	*1,44*	*1,51*

* *Составлено и подсчитано по*: Народное хозяйство Узбекской ССР в 1988 году. Статистический ежегодник. Ташкент, 1989, с. 12, 23; Содружество независимых государств в 1995 году. М., 1996, с. 490, 494; Содружество независимых государств в 1996 году. М., 1997, с. 507, 511; Содружество независимых государств в 1999 году. М., 2000, с. 540, 545; *Вопросы статистики*. 2000, №4, с. 32.

[1] Рассчитано в сопоставимых ценах 1995 г..

[2] Выброс показателя за 1993 г. объясняется, по-видимому, тем, что в связи с введением национальной валюты (сума) существенно изменились межотраслевые ценовые пропорции (в результате удельный вес стоимости продукта сельского хозяйства оказался заниженным), которые выправились в последующие годы.

Но если к началу 90-х годов средняя заработная плата в сельском хозяйстве все-таки постепенно «догоняла» в Узбекистане среднюю зарплату в промышленности, то с наступлением независимости, под мощным давлением все еще сохранявшихся ценовых регуляторов, с особой силой воздействовавших на сельское хозяйство, сельскохозяйственные зарплаты в сопоставлении с их промышленными и средненациональными аналогами, быстро «покатились» вниз. Об этом свидетельствуют следующие данные[7]:

[7] Подсчитано по: Страны–члены СНГ. Статистический ежегодник. М.: Финстатинформ, 1993, с.267; Содружество независимых государств в 1996 году. Стати-

Показатель / Год	*1985*	*1990*	*1992*	*1994*	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*
Средняя зарплата в сельском хозяйстве,								
в %: к средней зарплате в промышленности	*84,6*	*92,7*	*71,4*	*60,0*	*41,6*	*34,0*	*26,1*	*28,3*
в %: к средней общенациональной зарплате	*94,2*	*98,6*	*94,3*	*88,2*	*56,8*	*54,9*	*48,5*	*49,6*

«Переходный период», таким образом, сопряжен в Узбекистане с интенсивными процессами обнищания по меньшей мере той части сельскохозяйственного населения, которая все еще остается привязанной к коллективистским формам (и их различным псевдочастным вариантам) экономической деятельности в агросфере.

И так же, как и в России, сельское хозяйство Республики, как свидетельствуют данные о структуре издержек, выплачивало огромные суммы, эквивалентные $^{1}/_{10}$ величины данных издержек, в качестве дани кратократии, оплачивая экономическую недееспособность «социалистической» формы хозяйствования в советском варианте ее (формы) бытия (см. статью «организация производства и управление» в табл. I-12).

По существу, в связи с общим кризисом, порожденным гнижением «социалистической» системы хозяйства, базовые параметры экономического роста в агросфере Узбекистана претерпели своеобразный «откат» — назад, к меньшей эффективности труда и использования материальных и природных ресурсов, к меньшей продуктивности земли, к большей трудоемкости производства без повышения производительности труда, к большей «затратности» производства. Таков был финал, от которого начался отсчет экономического роста в сельском хозяйстве Узбекистана на путях самостоятельного национального развития.

Этот «откат» 80–90-х годов свидетельствовал о неудаче попыток кратократии индустриализировать хозяйственную систему, которая не располагала целостным «пакетом» исходных предпосылок. Посредством коллективизации в Узбекистане действительно было создано огромное коллективное поле, предположительно допускающее создание «экономики масштаба» (*economy of scale*), но в его рамках безостановочно действовал сифон, нагнетавший аграрное перенаселение, которое (помимо угнетающего влияния на воспроизводственный процесс в агросфере, оказываемого механизмами бестоварной, нерыночной экономики) и уничтожало положительный эффект (если таковой

стический ежегодник. М., 1997, с.533; Содружество независимых государств в 1999 году. Статистический ежегодник. М., 2000, с. 568.

проявлялся в иных случаях) индустриальных усилий кратократии[8]; при этом давление перенаселения ощущалось (и ощущается ныне) тем сильнее, чем острее становилась диспропорция между трудоспособным населением деревни и имеющимися в наличии (уже не поддающимися расширению) природными ресурсами производства. Или, говоря иначе, грандиозный социальный эксперимент, выразившийся в попытках вывести процесс экономического роста в агросфере из ниши действия законов «землесберегающего» ТСП на рельсы действия законов «трудосберегающего» ТСП (в рамках «социалистической индустриализации»), оказался безуспешным.

По своим последствиям «откат» 80–90-х проявился намного болезненнее, он был сопряжен с бóльшими потерями, чем «откат», происшедший в начале 20-х годов XX века (о нем упоминалось выше), который проистекал из факта временного разрыва интеграционных связей (обусловливавших целостность воспроизводственного процесса, целостность цепочки звеньев общественного разделения труда) — между промышленностью внутренних регионов тогдашней России и мелким хозяйством Туркестана (соответственно, Узбекистана), опиравшимся на потенциал пока еще традиционных технологий и традиционную организацию труда; такое хозяйство способно было встать на ноги в сравнительно короткий срок, что и доказала история аграрного развития Узбекистана. В процессе же «отката» 80–90-х годов были задействованы неизмеримо большие «активы» — огромные массивы индустриальных средств труда, он происходил на фоне острейшего экологического кризиса, исчерпанности природных ресурсов производства, в него была «вмонтирована» практика хищнического их расточения в ходе производственного потребления; наконец, процесс «отката» периода 80–90-х годов находил мощную «энергетическую подпитку» со стороны «вечно юного», неиссякаемого аграрного перенаселения.

Последствия этого «отката» аграрный сектор Узбекистана продолжает переживать и поныне. Но уже стали появляться признаки изменений к лучшему: к концу XX века, похоже, удалось приостановить дальнейшее относительное сокращение заработной платы трудящихся аграрного сектора (см. выше); существенные сдвиги претерпела (и продолжает претерпевать) отраслевая структура сельского хозяйства — в пользу национальных приоритетов экономического развития (так, в Узбекистане не только существенно увеличился зерновой клин, но и улучшилась продуктивность в зерновом производстве:

---

[8] Президент Узбекистана Ислам Каримов, касаясь больных социальных проблем узбекского кишлака, особо выделял трудности трудоустройства «свободной» рабочей силы; по его оценке, в общественном хозяйстве количество избыточного для производства труда в 2–3 раза превышало действительные нужды земледелия (см. *Каримов Ислам*. Стабильность и реформы. М.: «Палея», 1996, с.471).

урожайность зерновых к концу минувшего века заметно выросла; см. табл. СП-1А); укрепился сектор «личных подсобных хозяйств» с их мотивацией труда, определяемой личным интересом самого производителя[9]. Словом, переходный (к рыночный экономике) период продолжается…

Краткое резюме. Различия в технико-экономических моделях экономического роста в агросфере и эффективность производства.

Итак, как следует из изложенного выше, тип исходной организации базисных составляющих производительных сил агросферы оказывает существенное воздействие на характер экономического роста в сельском хозяйстве, его историческую динамику. Из группы стран с исходной «трудосберегающей» моделью технологического развития США относятся к числу тех, которые за рассматриваемый здесь сравнительно короткий исторический период до конца преодолели мануфактурную стадию роста в своем аграрном секторе, в полном объеме завершили индустриальные преобразования в их «грубой» (материало- и ресурсоемкой) форме и стали стремительно внедрять в агросферу высокоточные, ресурсосберегающие технологии, утверждая в качестве господствующей новую, наукоемкую технологическую систему сельскохозяйственного производства. С 80-х годов аграрный сектор США, страны — мирового лидера научно–технического прогресса, переживает вторую «технологическую революцию» (термин К. Маркса)[10], изменяющую весь характер сельскохозяйственного роста до самых его корневых основ.

В аграрном секторе СССР/России, который также исторически развивался в русле «трудосберегающей» модели сельскохозяйственного роста, в XX веке произошли весьма крупные изменения технологического и экономического характера. Понуждаемый сверху, он за сравнительно короткий период эпохи «социализма» перешел от разделения труда, характерного для традиционного хозяйства, к разделению труда мануфактурного типа, не завершив полный цикл развития которого, он стремился перейти на индустриальную стадию труда. Под давлением обстоятельств, о которых мы подробно будем говорить в третьей и четвертой главах, этот процесс в период 70–80-х

---

[9] Подробнее см.: *Растянников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века, §9.

[10] См.: *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1863 годов, в: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т.47, с.461.

годов XX века резко замедлился и в итоге переход к индустриальной технологической модели застопорился на ступени еще не преодоленной мануфактуры, при которой в процесс производства уже достаточно широко включались машины и механизмы. В 90-е же годы аграрный сектор России вступил в полосу острого кризиса возмещения основного капитала, что угнетающе сказалось на сельскохозяйственном росте.

В советский период аграрной истории России, как свидетельствуют статистические данные, технологические преобразования сопровождались экономическими потерями, обусловленными непомерно большими затратами, скрытыми под маской «управленческих расходов». (Последние были в советский период эквивалентны всем расходам на основной капитал, поступавший в аграрный сектор; см. табл. I-8, I-9.)

Напротив, такие страны, как Япония, Индия, Узбекистан, занимающие существенно разные места в технологическом спектре «землесберегающей» зоны аграрного хозяйства, являют тип односторонних, «одномерных» технологических преобразований в агросфере (в противоположность, например, целостному, «многомерному» типу, свойственному аграрному сектору США на этапе его перехода к наукоемкой стадии развития). Здесь послевоенная революция в производительных силах сельского хозяйства, существенно преобразовавшая потенциал продуктивности используемых в производстве природных ресурсов, но почти не затронувшая (Индия, Узбекистан) или затронувшая в ограниченной степени, «чересполосно» (Япония) технические условия, обеспечивающие экономию труда, так и не смогла за полвека, предшествующего началу XXI века, вызволить из бутылки «джина» «экономики масштаба» в этой наиболее трудно поддающейся экономическим преобразованиям сфере народного хозяйства. Более того, в бывших странах «социализма» советского образца, таких как Узбекистан, поставленная вне контроля общества Власть накладывала особый отпечаток на процесс потребления природных ресурсов, вызывая невиданные их разрушения. (Узбекистану достался в наследство от «социалистического строя» груз острейших экологических проблем.)

В разных режимах изменялись векторы важнейших параметров аграрных секторов этих типологически различных стран. Представляют интерес долговременные изменения удельного веса затрат на оплату рабочей силы. В Узбекистане за четверть века, предшествующую времени распада СССР, этот показатель уменьшился всего на 1/7. В заметно продвинувшейся в экономии сельскохозяйственного труда «землесберегающей» Японии данный показатель за вторую половину XX века уменьшился в два раза, в США за период «грубой»

механизации (1929 г.— конец 70-х годов) он также уменьшился — в 2–2,5 раза (см. табл.I-1, I-3). Но страны с «землесберегающим» ТСП к концу XX века характеризовались все еще весьма высоким удельным весом затрат на оплату живого труда — от более чем 1/3 до более чем 2/5 общей величины издержек производства; а в США он не достигал и 1/4, демонстрируя при этом переход к положительной динамике, вызванной уже не столько (ослабленным) фактором вытеснения из сельского хозяйства живого труда в результате индустриальных преобразований, сколько фактором массированного использования наукоемких технологий, стимулировавшего опережающий рост фонда оплаты труда.

Наиболее впечатляющие изменения демонстрирует РСФСР/ Россия, в аграрном секторе которой удельный вес затрат на оплату живого труда за период технологических преобразований сократился в 3,5 раза (1923-24 г.– 2000 г.) (ср. данные табл. I-1, I-3, I-7, I-9, I-12).

Исторические различия в режимах изменения параметров затрат на живой труд мы можем наблюдать даже в пределах одного и того же государства, крупнейшие регионы которого отражают тенденции двух различных ТСП. Так, в «трудосберегающей» республике бывш. СССР — РСФСР удельный вес издержек производства, приходившихся на оплату труда, за период 1970–1987 гг. сократился в 1,6 раза, в то время как в «землесберегающем» Узбекистане за тот же период эта доля уменьшилась лишь в 1,25 раза (см. табл. I-9, I-12).

Или, если сказать иначе, «генетический порок» «землесберегающей» системы организации производительных сил деформировал ход стадиальной эволюции аграрных секторов стран данной зоны, задержав ее по преимуществу (или исключительно) на мануфактурной стадии, хотя и с существенным (или — depende — несущественным) включением в производственный процесс собственно индустриального (машинного) и научного факторов роста. В результате страны «землесберегающей» зоны сельскохозяйственного роста, несмотря на значительные усилия, предпринимавшиеся государством, так и не смогли решить насущнейшую народнохозяйственную задачу (при всех видимых успехах в экономии труда в других секторах национальной экономики) — *радикального повышения эффективности труда в агросфере*. Более того, последняя, рассматриваемая в макроэкономическом ракурсе, по существу демонстрирует отрицательную динамику роста, т.е. все нарастающее отставание от исторически изменяющейся средненациональной нормы производительности труда. Индустриальный прогресс в таких странах сопровождается в обширнейших секторах их аграрного хозяйства *укреплением тенденций*

«затратной» экономики, что предопределяет, помимо прочего, непомерно высокую (завышенную относительно других частей национального продукта) цену на один из важнейших ресурсов экономического роста народного хозяйства — продовольствие. Отсюда — непомерно большие потери общественного продукта (в том числе институционализированные государством — в виде многообразных субсидий на производство и потребление продовольствия и др.).

Но главное состоит в том, что механизмы роста, в основе которых лежат «землесберегающие» технологические системы, как свидетельствует хозяйственная практика минувшего XX века, оказались бессильны обеспечить переход аграрного хозяйства к модели роста, которая была бы *органична* для динамично развивающихся других секторов национальной экономики[11]. И в этом смысле данные механизмы олицетворяют «тупиковую» ветвь экономического прогресса, контуры которой проявляются тем ярче, чем болезненнее ощущается в народном хозяйстве раковая опухоль аграрного перенаселения или отраслевые «привилегии» субсидиальных затрат.

Напротив, система хозяйства при «трудосберегающем» ТСП — система более гибкая, она открывает широкий простор технологическим преобразованиям на базе именно индустриальных средств труда. (И в этом смысле она *адекватно* соответствует потребностям перехода аграрной экономики к современному, то есть опирающемуся на индустриальные производительные силы, экономическому росту.) Ее гибкость — в инвариантности *компенсационной потенции роста*. Действительно, рост производства в агросфере может происходить (а на исходной стадии «трудосберегающего» ТСП происходил исключительно) путем экспансии последнего на *новые* земельные площади (то есть путем *освоения нового пространства при уже достигнутых результатах продуктивности*) — этот тип роста относится к *экстенсивной* его ступени. Но он же может выступать (и практически выступает) одновременно и как процесс поступательного увеличения *производительности труда* (так же, как и в первом случае, при прежних или мало изменившихся параметрах продуктивности производства); т.е. как процесс роста «*экономики масштаба*»; а по достижении «потолка» производительности труда при данной системе производительных сил (т.е. по завершении создания системы машин, даже точнее — по мере приближения к такому «потолочному» пределу, когда человек выполняет лишь функции их, машин, «управляющего») экономический рост в хозяйстве агросферы проявляется — благодаря использованию *наукоемких технологий* — в форме интенсификации «работы» *фактора продуктивности* в производственном процессе.

---

[11] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, гл.II, «Япония», «Индия», «Узбекистан».

Что мы и наблюдаем в аграрных секторах стран зоны «трудосберегающего» ТСП в эпоху второй «технологической революции», в особенности на ее информационной ступени.

Эта вторая система внесла существенно больший вклад в развитие мирового сельскохозяйственного комплекса в рассматриваемое историческое время. (Ко всем рассмотренным проблемам мы неоднократно будем возвращаться в последующих разделах работы.)

Раздел второй

РЫНОК, ПСЕВДОРЫНОК И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ РОСТ

Глава II

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ. XX ВЕК. СТРАНЫ С РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ: США, ЯПОНИЯ, ИНДИЯ

Разделение труда ставит друг против друга не индивидов, а социальные функции (Э. Дюркгейм. О разделении общественного труда)

Всеобщее противостояние продуктов в качестве товаров предполагает противостояние производящих их деятельностей (К. Маркс. Экономическая рукопись 1861–1863 годов)

Товарность — зеркало зрелости общественного разделения труда в агросфере[1], его *alter ego*, раскрывающее рыночные «качества» сельскохозяйственного роста. В безграничной, по своей сути, теме сельскохозяйственной товарности, рассматриваемой в широком смысле как явление, пронизывающее весь процесс воспроизводства сверху донизу, можно вычленить, думается, три группы проблем, исследование которых и создает прочное основание для сбалансированной оценки совокупности как общих, так и особенных качеств (черт, признаков, свойств) данной конкретной исторической формы процесса развития товарного производства, позволяющих интерпретировать ее как *особую (национальную) модель*.

---

[1] Как известно, в исследованиях классиков политэкономии фундаментальным проблемам общественного разделения труда как определяющего фактора экономического роста первостепенная значимость придавалась на протяжении всей действительной истории капитализма. Вспомним мудрые слова, сказанные еще на заре капиталистической эры: «Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда». Этими словами открывает свое знаменитое «Исследование о природе и причинах богатства народов» *Адам Смит* (цит. по: Антология экономической классики. Т.1. М.: Эконов, 1993, с. 83).

I. В зону экономического прогресса нынешний ступени современной цивилизации сельское хозяйство как целостный сектор национальной экономики вступило (по меркам исторического времени) весьма поздно: оно оказалось едва ли не самой последней из производящих материальный продукт отраслей, которая, будучи включена в процесс современного экономического роста, со столь большим историческим опозданием претерпела технологическую революцию (начало ее было положено индустриальным переворотом, происшедшим в хозяйстве агросферы США в *40–50-х годах XX в.*), а во многих странах претерпевает ее до сих пор или делает даже только первые шаги на этом многотрудном пути. Но именно поэтому сельское хозяйство в XX веке наиболее выпукло, зримо демонстрирует *стадии* развития рыночных отношений от самых их истоков. Характеристика исторической динамики рынка, данная Э. Дюркгеймом, весьма точно выражает суть этого ступенчатого процесса. «Пока сегментарный тип (хозяйства. — *Авт.*) резко выражен, существует почти столько же экономических рынков, сколько различных сегментов; следовательно, каждый из них весьма ограничен. Производители, находясь вблизи потребителей, могут легко выяснить объем потребностей, требующих удовлетворения. Равновесие, стало быть, устанавливается без труда, и производство регулируется само собой. Наоборот, по мере того как развивается организованный тип общества, взаимное проникновение сегментов влечет за собой слияние рынков в один рынок, охватывающий почти все общество. Он простирается даже дальше и стремится стать универсальным, так как границы, разделяющие народы, исчезают одновременно с теми границами, которые разделяли сегменты каждого из них»[2].

II. Общественное разделение труда в хозяйстве агросферы по сравнению с таковым процессом в других секторах экономики отличается рядом особенностей. В той его ветви, которая охватывается товарным обращением, в XX веке можно отследить по меньшей мере следующие три генеральных направления. (Мы оставляем за рамками настоящей главы тот поток общественного разделения труда в агросфере, который представлен процессами превращения рабочей силы в товар, развитием отношений продажи–купли этого товара и т.д., сосредоточивая внимание *исключительно* на исторической динамике *хозяйства* производителя.)

Во-первых, общественное разделение труда проявляется — на макроотраслевом уровне — в детальной *потоварной специализации* производства, происходящей тем интенсивнее, чем сильнее

[2] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: «Наука», 1991, с. 343–344.

воздействие, которое оказывают на аграрное хозяйство (первоначально) «внешние» для него самого социально-экономические, технологические и иные *всеобщие* факторы экономического роста (урбанизация, промышленная индустриализация, динамично изменяющиеся количественные и качественные параметры рыночного спроса на сельскохозяйственную продукцию, предъявляемую городом и т.д.).

Во-вторых, как свидетельствует опыт аграрного развития многих стран в XX веке, в рамках как отдельных производственных единиц, так и их совокупности происходящее общественное разделение труда детерминирует *отщепление* (временами скачкообразное) *от ранее целостного хозяйственного организма все новых производственных функций*, которые в ходе экономического роста, особенно интенсивно в его индустриальный (и забрезживший постиндустриальный) период, превращаются в самостоятельные виды работ, которые в свою очередь претерпевают процессы дальнейшего расщепления, тем самым *катализируя товарный обмен*. Или, если сказать иначе, процесс интериоризации хозяйством агросферы всей совокупности «внешних» влияний вызывает к жизни и развивает, помимо сложившихся, — используем здесь лаконичную формулу К. Маркса — «дотоле скрытые или не существовавшие потребности и виды труда для удовлетворения этих потребностей», связь между которыми «*опосредствована* только превращением продукта в товар и взаимоотношениями производителей как товаровладельцев, продавцов и покупателей товаров»[3].

Именно *через механизмы рыночного обмена создавалась и создается органическая целостность хозяйственной системы агросферы;* процесс образования такой целостности — явление не одномоментного действия, напротив, постепенно распространяющийся на все большее экономическое пространство, он охватывает целую историческую эпоху. Данный аспект экономической динамики в агросфере мы также затронем, хотя и кратко.

В-третьих, собственно технологический прогресс в той мере, в какой он выступает проявлением (результатом) общественного разделения труда (в противоположность его проявлениям в форме технического, или, как его характеризовал К. Маркс, «аналитического» разделения труда), естественно, сопряжен с прогрессирующей товаризацией воспроизводственного процесса, причем в двух ее ипостасях. Одним своим «ликом» она предстает как развитие товарообменных отношений, обслуживающих по преимуществу преобразование факторов *продуктивности* производства (т.е. имеет

[3] *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1863 годов, в: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 47, с. 346, 348.

своим *объектом* продукт в его количественной и качественной определенностях); другим же «ликом» обращена в сторону модернизации производства, ориентированной на *экономию труда* по преимуществу, т.е. повышение производительной силы труда, снижение издержек производства, увеличение *конкурентоспособности* производимого товара. (Конечно, в реальной жизни, как мы увидим по ходу анализа предлагаемых ниже страновых моделей развития товарного производства, отдельные элементы обоих потоков процесса товаризации могут сочетаться друг с другом в разных комбинациях и соотношениях.)

Поэтому в главе мы обращаем столь значительное внимание не только на собственно *товарность производства* (т.е. пропорции выхода продукта за пределы производства в целях его последующей реализации на рынке), но и на процессы *товаризации той части продукта, которая используется в ходе производительного потребления* (она выступает в форме производственных расходов). Историческая динамика соотношения пропорций товарного продукта на стадии «входа» в процесс производства с его пропорциями на стадии «выхода» из производственного процесса позволяет определить ряд существенно важных параметров развития рыночных отношений в агросфере. Эта проблема также составит предмет нашего анализа.

III. Одна из важнейших функций сельского хозяйства в системе материальных потоков общественного воспроизводства, как известно, — обеспечение, по возможности наиболее полное, народного хозяйства ресурсами сельскохозяйственного сырья для производства продуктов питания и промышленных нужд. Но не менее важна и структура сельскохозяйственного продукта, выраженная пропорциями его распадения на часть, потребляемую внутри аграрного сектора (которая, в свою очередь, распадается на товарную и нетоварную доли, что определяет пропорции *«внутренней» товарности*), и на часть, потребляемую вне его, в других секторах экономики (*«внешняя» товарность*). Из исторического опыта ряда стран мира, накопленного в XX веке, известно, что обеспечение выхода товарного сельскохозяйственного продукта в размерах, соответствующих динамично изменяющимся требованиям национального воспроизводства, образует одну из важнейших целей национальных стратегий экономического развития. Известно также, что многие страны в различные периоды XX века пережили эпоху глубоких структурных диспропорций, обусловленных как исторически сложившимся несоответствием отсталых, застойных социальных форм аграрной экономики социальной организации других секторов народного хозяйства, быстро уходивших вперед по лест-

нице экономической эволюции, так и нарушениями собственно механизмов экономического роста в агросфере, разрабатывали и осуществляли (в ряде случаев пытались осуществлять, но с ограниченным успехом) особую политику по устранению таких диспропорций и воссозданию целостности экономической системы[4]. Закономерно, что в поле зрения авторов оказывается комплекс специфических (генерирующих «аномалии») факторов (процессов), воздействующих на динамику товарности хозяйства агросферы (в особенности в его продовольственном секторе).

В этой и особенно последующей главах мы затронули (по необходимости — весьма кратко) также вопрос об историческом процессе перехода общества от формирования товарных ресурсов сельскохозяйственного сырья посредством использования методов внеэкономического принуждения к механизмам их формирования на базе экономических отношений — через товарный обмен.

Исследование выполнено с использованием преимущественно статистических материалов, при этом по узловым направлениям заявленной темы авторы стремились воссоздать статистические ряды по возможности за длительные периоды ушедшего века. Не все, к сожалению, удалось: лакуны в статистической информации оказались в некоторых случаях весьма значительны. В ходе наших исследований мы столкнулись также с фактом наличия существенных различий между национальными версиями однотипного статистического материала, как в области методологии определения экономических категорий, так и в собственно информационном наполнении баз данных. Задача устранения этих различий потребовала проведения специального анализа и дополнительных расчетов, что, хотелось бы надеяться, в какой-то степени облегчило восприятие оригинального статистического материала.

Не предвосхищая выводов, отметим здесь, что отобранные для целей исследования в главе три страны с рыночной экономикой — США, Япония, Индия — демонстрируют в XX веке типологически различные варианты общественных трансформаций, по меньшей мере в том, что касается движения этих стран в русле рыночных отношений, развертывания все более усложняющихся рыночных механизмов и т.п. Преобразовательный эффект таких трансформаций весьма своеобразным образом, по-разному в каждой стране, отразился на условиях исторического бытия аграрного сек-

[4] Вспомним, сколь острой была макроэкономическая диспропорция в экономическом росте России в 20-х годах, обусловленная недостатком товарного хлеба, поступавшего на внутренний рынок. Сельскохозяйственная товарность была одной из «вечнозеленых» тем российского экономического востоковедения в 50–80-х годах XX века.

тора. К изучению одного из трансформационных потоков — товаризации аграрного хозяйства в ее многофункциональных проявлениях — мы теперь и приступаем.

1. *США: классический («эталонный») тип развития рыночных отношений в агросфере*

К концу XX века аграрный сектор США предстает перед нами как мощное высокотехнологичное и высокоэффективное хозяйство с уровнем товарного выхода продукта (в категориях денежной выручки от продаж сельскохозяйственной продукции), близким к 100% (см. табл. СП-6), то есть предельно высокому показателю, который, можно сказать, описывает «эталонный» тип рыночного хозяйства (хотя и при наличии некоего, не имеющего экономического значения числа фермеров, хозяйствующих ради собственного пропитания)[5]. Отметим попутно: любимая игра пропагандистов американских достижений на сельскохозяйственной ниве — расчет числа «душ», которое может прокормить один фермер Соединенных Штатов. Это число действительно впечатляет: в 1996 г. таких «душ» насчитывалось 128 (или, если использовать категорию «самодеятельное население», скажем, что на «содержании» каждого занятого в сельском хозяйстве США в 1996 г. находилось 35 человек, занятых в других сферах народного хозяйства[6]).

В течение XX века аграрный сектор США пережил ряд этапов товаризации воспроизводственного процесса, смена которых определялась сменой стадий развития производительных сил агросферы и соответствующих им технологических систем производства. Большее внимание в этом разделе мы сосредоточим на опыте аграрной эволюции, запечатлевшемся в динамике товаризации сельского хозяйства страны на излете его мануфактурного бытия и на ранней стадии индустриальных преобразований в агросфере. В аграрной истории США в XX веке это был период, когда в общественном разделении труда, охватывавшем аграрный сектор, произошел скачок, революционизировавший весь экономический строй фермерского хозяйства. Мощные процессы товаризации хозяйственной деятельности фермеров, сопровождавшие этот скачок, позволяют отследить, как формировалась эта модель товарного

---

[5] Достижения аграрного сектора США к концу прошлого века подробно описаны в работе: Аграрный сектор США в конце XX века. Под ред. Б.А. Чернякова. М., 1997.

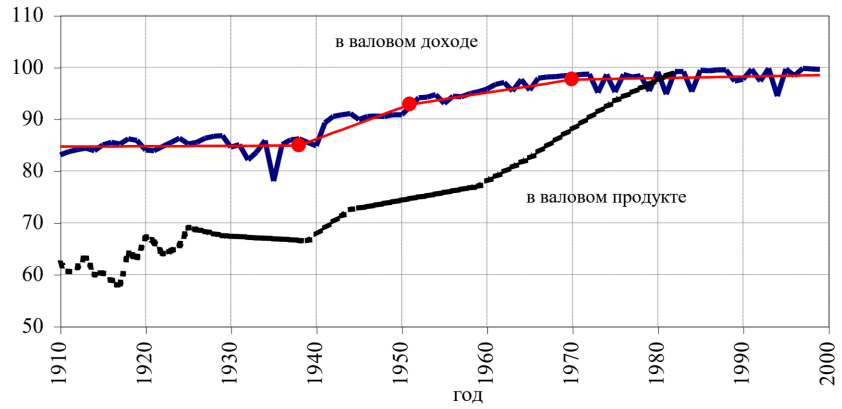
[6] См.: Statistical Abstract of the United States 1997. Wash.: US Bureau of the Census, 1998, с. 415.

производства, приобретшая признаки своеобразного мирового «бренда» рыночного хозяйства в агросфере.

Как известно, основой рыночного хозяйства в аграрном секторе США была *частная собственность* на землю, складывавшаяся на огромных пространствах страны как феномен, *свободный* от каких-либо традиционно-коллективистских связей, предполагавших те или иные коллективные формы несвободного воспроизводства. Это с самого начала предопределило *максимальную индивидуализацию* хозяйственной единицы — фермы, развитие ее воспроизводственных связей *исключительно через сферу рынка*. Иначе говоря, экономическая деятельность фермера в США не была подвержена давлению каких-либо традиционных форм внеэкономического принуждения от самых ее истоков.

Рис. II-1

США: удельный вес денежной выручки в валовом сельскохозяйственном продукте (валовом доходе ферм), 1910–2000 гг., %



В этом смысле условия осуществления фермером экономической деятельности адекватно соответствовали его *личному экономическому интересу*. Оба фактора, думается, и составили самые характерные (определяющие) черты американской хозяйственной системы (аграрной истории Юга США мы здесь не касаемся), что впоследствии в марксистских исследованиях было концептуализировано в разработке понятия «американский путь развития капитализма». Такой тип экономического фундамента американской фермы уже с самого начала становления фермерского производства задавал алгоритм процессам его товаризации.

Факты свидетельствуют, что уже в начале XX века сельское хозяйство США, находившееся еще на мануфактурной стадии развития, характеризовалось весьма высоким уровнем выхода товарного продукта, выручка от продаж сельскохозяйственной продукции накануне первой мировой войны составляла (по расчетам авторов) около 3/5 валового сельскохозяйственного продукта (см. табл. СП-5, колонка 6, и рис. II-1) и свыше 4/5 (по принятой в американской статистике методике исчисления) «валового сельскохозяйственного (фермерского) дохода» (см. табл. СП-6 и рис. II-1).

Относительно данных, приведенных в таблице СП-6, следует сказать следующее. Точность их значений тем выше, чем ближе к концу рассматриваемого периода (1999 г.) избираемый для оценки год. Дело в том, что американские статистики не полностью учитывали продукт, произведенный и потребленный *in natura* в самих фермерских хозяйствах, концентрируя свое внимание почти исключительно на рыночной его части (продажах, денежной выручке, денежных производственных затратах и др.).

В данном случае в методике американских статистиков, очевидно, нашел отражение тот исторический факт, что в 20–30-х годах фермеры кукурузного пояса США, как подметила С.Кларк, в соответствии со стандартами хозяйственной практики и характерной для нее ментальности не оценивали адекватно (т.е. по рыночным ценам) стоимость собственных ресурсов, использовавшихся в процессе производства. Так, «фермерам не нужно было оплачивать труд членов своих семей по рыночным ставкам заработной платы»[7]. То же касалось стоимости потребляемых кормов: «Так как большая часть расходов на затрачиваемую лошадью энергию приходится на корма, выращиваемые на ферме, издержки по использованию лошадиной силы в расчет обычно не принимаются»[8].

В результате из статей, отнесенных к «домашнему потреблению» (*home consumption*), в американской статистике учитывались лишь расходы на личное потребление фермерских семей, обеспечиваемое за счет продукции, производившейся в хозяйствах; прочие же расходы (как правило, неденежного характера), обеспечивавшие нормальное воспроизводство рабочей силы семейных работников, в расчет не принимались; учету не подлежала и стоимость кормов, произведенных на фермах и использовавшихся на внутрихозяйственные нужды[9] (т.е., если сказать иначе, она не учитывалась ни на стороне производства — как часть валового продукта, ни на стороне потребления — как часть производственных расходов).

---

[7] *Clarke S.* New Deal Regulation and the Revolution in American Farm Productivity: A Case Study of the Diffusion of the Tractor in Corn Belt, 1920–1940, in: *The Journal of the Economic History*. 1991. Vol. 51, No.1, с. 105.

[8] Наблюдение *H.C.M. Case et al*. Цит. по: там же, с. 107.

[9] Statistical Abstract of the United States 1939, с. 639, tabl. 613.

Между тем кормовая составляющая образовывала едва ли не самый емкий компонент производственных расходов по меньшей мере до начала индустриализации сельского хозяйства (40-е годы); например, в первой четверти XX века стоимость произведенного на американских фермах фуража устойчиво составляла 41–45% общей стоимости продукции растениеводства[10]. Ведь основным источником энергии фермерской экономики на ее мануфактурной стадии была, помимо силы человека, тягловая сила (живого) рабочего скота. (Напомним, что тракторы в 1920 г. имели лишь 3,6% американских ферм, а газовым или электрическим освещением было обеспечено только 7% ферм[11].) Корма были необходимы и для развивавшихся отраслей продуктивного животноводства (на продукцию животноводства, например, в 1922–1926 гг. приходилось 39% валового продукта сельского хозяйства США[12]). В статистике США оценка именно нерыночной доли сельскохозяйственного продукта, используемой на фермах на цели внутрихозяйственного производительного потребления, — а это в подавляющей части корма — оказалась наиболее уязвимым звеном при расчетах валового сельскохозяйственного продукта, в сопоставлении с которым только и возможно рационально определять общую товарность сельского хозяйства. Поэтому-то динамика кормовой составляющей данного продукта рассматривается здесь так подробно[13].

---

[10] Statistical Abstract of the United States 1928, с. 605.

[11] Там же, с. 602.

[12] Там же, с. 605.

[13] Расчеты показателей товарности сельского хозяйства США с учетом внутрихозяйственного потребления кормов *in natura* осуществлялись следующим образом. В официальных статистических источниках приводится динамика стоимостных погодовых показателей количества всех потребленных кормов с 1897 г. по 1926 г. (см. табл. СП-5, колонка 4: показатели, отмеченные +); после 1926 г. в США больше не производились оценки совокупной массы кормов, потребленных в животноводческой отрасли сельского хозяйства, а учитывались только денежные затраты на покупку кормов на рынке (см. табл. СП-5, колонка 2). Обследования, проведенные в рамках сельскохозяйственных переписей 1919 г. и 1924 г., установили величину затрат на закупленную часть кормов за эти годы; что дало возможность рассчитать удельный вес расходов на покупные корма в стоимости всех потребленных на фермах кормов, который был равен 15% в 1919 г. и 16% в 1924 г. (см. табл. СП-5, колонка 3: показатели, отмеченные +). Отсюда ясно, что по меньшей мере в первой четверти XX века данный показатель сохраняет почти полную стабильность. На основании имеющихся данных о численности ферм, использующих покупные корма, и доли таковых ферм в общем числе ферм, была экспертно оценена динамика показателя удельного веса затрат на покупные корма в стоимости всех потребленных на фермах кормов с 1929 г. по 1980 г. (см. табл. СП-5, колонка 3: значения, не отмеченные значком +). По нашим предположениям, данный показатель до начала 40-х годов изменялся весьма незначительно; в 40–50-х и особенно с начала 60-х годов мы предположили его быстрый рост — до тех пор, пока в начале 80-х годов он не достиг уровня 100%. На наши оценки, помимо прочего, влиял тот факт, что в начале 80-х годов рост удельного веса затрат на покуп-

Ясно, что разрыв между реальными значениями товарности и теми, которые показаны в таблице СП-6 (и соответственно на рис. II-1), оказался наиболее глубоким в первые десятилетия рассматриваемого периода, когда корма как для тягловых животных (по преимуществу лошадей), так и для мясного и молочного скота в наибольшей их части производились на самих фермах. Если этот выпавший из внимания статистиков натуральный компонент продукта учесть как часть валового продукта сельского хозяйства, то уровень товарности всего фермерского производства в ранние годы рассматриваемого периода будет существенно ниже (ср. данные табл. СП-6 и табл. СП-5, колонка 6).

Ниже мы приводим рассчитанные нами показатели возможного уровня общей товарности сельского хозяйства США в первой половине XX столетия (см. табл. СП-5, колонка 6) (*в % по периодам*):

1910–1914	*1915–1919*	*1920–1924*	*1925.*	*1929*	*1939*	*1944*	*1949*
61,5	*61,0*	*65,5*	*68,9*	*67,5*	*66,4*	*72,4*	*73,9*

В отношении последующих лет мы предположили, основываясь на ряде косвенных данных, что со времени интенсивного перехода американского сельского хозяйства к высокоточным технологиям, особенно ярко обозначившегося на рубеже 70–80-х годов, все корма, используемые в животноводстве, американские фермеры покупали (с 1982 г.) на рынке (за исключением, возможно, весьма незначительных, экономически не значащих их объемов). Нужно учесть также, что в ходе крупных технологических сдвигов в аграрном секторе США, происшедших в XX веке, существенно увеличилась *эффективность (экономическая отдача) затрат на*

ку кормов по отношению к стоимости животноводческой продукции сменился тенденцией к его сокращению (см. табл. СП-5, колонка 2); это несомненно свидетельствовало о том, что фермеры перестали увеличивать долю кормов, закупаемых на рынке (достигнув по этому показателю 100%), и стали переходить одновременно с массовым внедрением высокоточных технологий к использованию все более эффективных видов кормовых ресурсов.

Далее по данным о денежных затратах на покупные корма и удельном весе этих затрат в стоимости кормов определялась совокупная стоимость потребленных кормов, из которой изымалась стоимость покупных кормов, что позволило рассчитать стоимость (в текущих рыночных ценах) нерыночной их части. При расчете валового продукта сельского хозяйства США мы учитывали стоимость части кормов, произведенных и потребленных *in natura* внутри хозяйства, как часть производственного натурального потребления наравне с личным натуральным потреблением домашних хозяйств, после чего определяли (предположительный) показатель удельного веса товарного сельскохозяйственного продукта в валовом продукте сельского хозяйства (см. табл. СП-5, колонка 6).

кормовую составляющую воспроизводственного процесса (см. табл. СП-5, колонка 4)[14].

Поэтому действительная амплитуда изменений в пропорциях товарного выхода сельскохозяйственного продукта была на протяжении века заметно больше, чем это очерчивается всей совокупностью данных, приведенных в табл. СП-6. Товарность сельского хозяйства США во второй половине XX века можно оценить следующим образом (см. табл. СП-5, колонка 6) (*в % по годам*):

1954	*1959*	*1960*	*1965*	*1970*	*1975*	*1980*	*1985*	*1990*	*1995*	*1999*
75,7	*77,1*	*78,1*	*82,6*	*88,2*	*93,7*	*97,5*	*99,5*	*97,7*	*99,7*	*99,6*

Естественно, предложенные оценки товарности весьма приблизительны (уже в силу сделанных допусков, как бы ни были они экономически оправданы), но рассматриваемые в совокупности (как статистический ряд), они, думается, при всей их приблизительности более надежно отражают не только общую тенденцию в процессах товаризации аграрного хозяйства США в XX веке, но и конкретные этапы последней, чем свод показателей динамики удельного веса выручки от продаж в «валовом фермерском доходе», составленный при использовании лишь официальной статистики (см. табл. СП-6), в которой для целей наших расчетов оказалось слишком много недостающих звеньев.

Между тем доля денежных расходов во всех производственных расходах на протяжении последних десятилетий мануфактурного периода — до начала 40-х годов XX века — отличалась значительной устойчивостью, составляя от 1/3 до менее чем 2/5 всех производственных расходов (см. табл. II-1). Иначе говоря, мы наблюдаем в собственно мануфактурный период огромный разрыв между уровнем товаризации воспроизводственного процесса на стадии *выхода продукта* (*output*) (см. табл. СП-5, колонку 6) и таковым на стадии формирования *производственных затрат* (*input*) (см. табл. II-1).

Глубина разрыва составляла от полутора до двух раз (см. рис. II-2). Таким образом, в мануфактурный период наибольшая

---

[14] О динамике этого процесса на ранних этапах индустриализации сельского хозяйства США (1945–1961 гг.) подробнее см.: *Манукян А.А.* Проблемы послевоенного развития экономики капиталистических стран. М.: «Экономика», 1966, с. 79, 80. Подробные оценки развития кормовой базы, ее структурные характеристики, сведения о ее эффективности см. в: *Мартынов В.А.* Сельское хозяйство США и его проблемы. М.: «Мысль», 1971, с. 79–92.

часть материальных потоков воспроизводственного процесса в аграрном секторе США опиралась на отношения, представленные внутрихозяйственным *техническим* разделением труда, в то время как воспроизводство рабочей силы производителя и его семьи в существенно большей части основывалось на *общественном* разделении труда и соответственно *рыночных отношениях*.

Таблица II-1

США: удельный вес денежных расходов в совокупных производственных расходах аграрного сектора, 1910–1969 гг. *, %

Период, год	Показатель	Период, год	Показатель	Период, год	Показатель
1910–1914	33,4	1954	59,7	1962	68,1
1920–1924	38,0	1955	60,8	1963	69,1
1930–1934	38,5	1956	61,7	1964	70,6
1940–1944	49,1	1957	63,1	1965	71,7
1950	57,6	1958	64,2	1966	72,6
1951	58,0	1959	64,7	1967	74,5
1952	58,2	1960	66,3	1968	75,0
1953	58,6	1961	67,2	1969	75,9

***** *Подсчитано по*: Changes in Farm Production and Efficiency. A Summary Report 1970. Statistical Bulletin No.233. Wash.: US Department of Agriculture, 1970, c. 4, 16.

Иначе говоря, само наличие такого разрыва свидетельствовало об определенном этапе в развитии сельского хозяйства США, который проходили и проходят практически все страны и суть которого состоит в том, что на первичной стадии распада (разложения) натурального хозяйства именно *фонд личного потребления* (а он занимает главенствующее место при допромышленных формах общественного разделения труда) подвергается товаризации (включается в рыночные механизмы) *существенно раньше и гораздо интенсивнее, чем фонд производительного потребления*[15]. И лишь

[15] По Индии эта диспропорция была проанализирована применительно к 60-м годам XX века в исследовании: *Растянников В.Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М.: «Наука», 1973, с. 62, 103, 104 и др.; по России этот факт был установлен на базе обследования, проведенного коллективом статистиков под руководством П.И. Попова применительно к 1923/24 г., см.: *Растянников В.Г.* Сельское хозяйство *versus* промышленность (О

впоследствии, с переходом к индустриальной стадии труда в сельском хозяйстве, пропорции товаризации фонда производительного потребления все интенсивнее подтягиваются к параметрам, характерным для фонда личного потребления.

Рис. II-2

США: удельный вес денежной выручки в валовом продукте сельского хозяйства и пропорции денежных затрат во всех производственных затратах, 1910–2000 гг., %

В США, как свидетельствуют данные таблицы СП-5, колонка 6, и таблицы II-1, этот процесс получил импульс с начала 40-х годов[16]; в ходе индустриального роста глубина разрыва между обоими рядами показателей неуклонно сокращалась (см. рис. II-2), при этом совпадение обоих показателей, по расчетам, должно было бы произойти во второй половине 80-х годов. Иначе говоря, общественное разделение труда, охватывавшее материальную сферу воспроизводственного процесса, в ходе индустриализации развивалось в аграрном секторе США столь активно, что товаризация средств производительного потребления опережала товаризацию результатов производства, отмеченную увеличением доли выхода товарного продукта (см. рис. II-2).

концепции «Баланса народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года»), в: *Вопросы статистики*. М., 1995, № 4, с. 38–43.

[16] О динамике роста денежных затрат в сельском хозяйстве США и вытеснении их неденежных форм на ранних этапах его индустриализации см. также: *Манукян А.А.* Проблемы послевоенного развития, с. 69, 70.

Высокая степень устойчивости показателей воспроизводственного процесса на мануфактурной стадии бытия аграрного сектора США (см. данные, касающиеся периода до начала 40-х годов, в табл. СП-6, СП-5, колонку 6, табл. II-1) — в рассматриваемом нами случае речь идет о товарном выходе сельскохозяйственного продукта и денежных производственных затратах — характеризует *экстенсивный* тип сельскохозяйственного роста в его «классическом» варианте — на стадии до перехода хозяйства к индустриальной интенсификации, т.е. роста, на котором пока не сказалось влияние интенсивных факторов на сельскохозяйственное воспроизводство. Перед нами — пространственная экспансия аграрного хозяйства при пока не изменяющихся (или весьма слабо изменяющихся) базисных параметрах его организации, в частности, параметрах, определяемых фактором изобилия земельных ресурсов в качестве исходной базы сельскохозяйственного роста. (Все это характерно для «эталонной» модели «трудосберегающего» технологического способа производства [ТСП], которую демонстрировала агросфера США[17].)

Другой характерной чертой процесса товаризации аграрного сектора США был интенсивный рост *внутриотраслевого товарного обмена* (см. данные табл. СП-5, колонка 5). Действительно, на ранних этапах индустриализации сельскохозяйственного производства расходы на закупки продукции сельскохозяйственного происхождения по отношению к выручке от продаж сельскохозяйственной продукции увеличились с 19% в 1940 г. до 26% в 1970 г. Вызвано это было тем, что одновременно с индустриализацией сельского хозяйства, переводом его на новые технологические основы, активизировались процессы *специализации сельского хозяйства*. С одной стороны, благодаря внедрению машин, использовавших промышленные источники энергии, разрушался самый массовый элемент натурального воспроизводства в сельском хозяйстве (собственное производство кормов для «своего» тяглового и продуктивного скота), а с другой — вследствие развития рыночного продуктивного животноводства возрастала общественная потребность в товарных кормах. Особая интенсивность таких метаморфоз наблюдалась именно в период с середины 50-х до конца 70-х годов, в частности, в последнем десятилетии этого периода (см. данные табл. СП-5, колонка 5; ср. также данные табл. СП-6).

---

[17] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН, 1999, гл. I, § 1.

Свою лепту в размывание натурального базиса сельскохозяйственного воспроизводства внесли в США процессы бурного увеличения эффективности труда. Рост производительности труда благодаря механизации[18], сопровождавшейся удешевлением специализированного (притом — крупного) производства кормов (т.е. сокращением издержек в таком производстве), делал невыгодным их производство внутри потребляющего хозяйства (неизбежно сопряженное с более высокими издержками, чем в специализированном хозяйстве) и соответственно более выгодным закупки кормов на свободном рынке.

Иначе говоря, уже ранние индустриальные технологии, обеспечивавшие рост производительности труда, по мере своего распространения «взрывали» прежние системы внутрихозяйственного разделения труда, т.е. функционировавшие на натуральной основе, выталкивали обусловленные им производственные связи за пределы хозяйства — в сферу рыночного обмена. И, действительно, мы наблюдаем в агросфере США на протяжении всего XX века весьма высокую степень корреляционной зависимости между динамикой производительности труда в сельском хозяйстве и динамикой выхода товарного сельскохозяйственного продукта. Так, за период 1910–1999 гг. коэффициент корреляции данных показателей R составлял 0,78 при значимости по t–критерию, равной 99% (N=17).

Американская статистика содержит и иные данные, подтверждающие факт, что переход сельского хозяйства от мануфактурной стадии роста к индустриальной был отмечен в США интенсификацией связей фермерских хозяйств с рынком. Вот, например, как выглядели изменения в удельном весе фермеров, прибегавших к услугам рынка в приобретении средств производства для текущего использования (в %)[19]:

---

[18] Подробнее см. исследования А.А. Манукяна и В.А. Мартынова (прим. 14), коллективный труд под редакцией Б.А. Чернякова (прим. 5), а также статью авторов: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В*. Экономический рост в агросфере в зеркале динамики издержек производства (США, Япония, Индия), в: Индия и мир. Сборник статей памяти А.И. Чичерова. М.: Издательский Дом «Муравей–Гайд», 2000, с.177–182.

[19] Составлено и подсчитано по: ***корма*** — Statistical Abstract of the United States 1928, с. 601; do.do. 1939, с. 632; do. do. 1950, с. 586, 590; do. do. 1965, с. 639; 1997 Census of Agriculture — United States Data. June 2000. Wash.: US Department of Agriculture, с. 51 (цит. по: www.nass.usda.gov/census); ***минеральные удобрения*** — Statistical Abstract of the United States 1928, с. 600, 601; do.do. 1950, с. 586, 590; do. do. 1956, с. 644; do. do. 1991, с. 645, 660; 1997 Census of Agriculture, с. 51; ***горюче-смазочные материалы*** — Statistical Abstract of the United States 1950, с. 580, 590; do. do. 1956, с. 644; do. do. 1965, с. 638, 639; 1997 Census of Agriculture, с. 51.

Объект покупки / / год	*1919*	*1924*	*1929*	*1939*	*1944*	*1949*	*1954*	*1959*	*1997*
Корма	*54,4*	*50,1*	*52,2*	*54,8*	*72,9*	*72,0*	*76,4*	*76,7*	*53,45*
Минеральные удобрения	*35,2*	*34,3*	*35,6*	*38,3*			*61,2*	*64,4*[1]	*62,3*
Горюче-смазочные материалы				*47,3*		*55,5*	*68,2*	*93,4*	*92,1*

[1] *1982 г.*

Как явствует из приведенных данных, в собственно мануфактурный период, совпадавший во времени с периодом господства «эталонно»-экстенсивной фазы сельскохозяйственного роста, в США наблюдалась удивительная устойчивость показателя удельного веса фермеров, вовлеченных в рыночные отношения по факторам текущего производственного потребления. Новые технологические модели (индустриальные технологии «первого поколения»), внедрявшиеся в сельскохозяйственное производство с 40-х годов, стимулировали глубокие преобразования в системе общественного разделения труда, которой был охвачен аграрный сектор страны. Одним из главных результатов этих преобразований было то, что *рыночные отношения* стали опосредствовать те потоки воспроизводственного процесса на фермах, которые ранее протекали в рамках внутрихозяйственного разделения труда (и, соответственно, относились к воспроизводству натурального типа), обеспечивая продукт для «домашнего потребления». *Внутрихозяйственное техническое разделение труда становилось общественным*, при этом процесс динамических обновлений в технологическом базисе производства получал все новые импульсы.

Очевидно также, что рост рыночных связей в агросфере США, обусловленный технологическими преобразованиями индустриального типа, выделялся *скачкообразным* характером, *неравномерностью* своего течения по отдельным объектам. Рывок в расширении рыночных отношений в области формирования кормовых ресурсов приходился на первую половину 40-х годов (военные годы); в 40-е же годы наблюдался и массовый процесс вовлечения фермеров на рынок минеральных удобрений, потребление которых в скачкообразном режиме возросло в 2,4 раза всего за десятилетие (1940–1950 гг.).

Напротив, рынок горюче-смазочных материалов претерпел радикальные изменения лишь в 50-х годах, особенно во второй их половине, с завершением «первой волны» индустриальных трансформаций в хозяйстве агросферы. На пике этой волны активно раз-

вивался и рынок аренд сельскохозяйственных машин: в 1949 г. к данной форме механизации прибегал 51,3%, в 1954 г. — 53,2% всех фермерских хозяйств[20]. Что свидетельствовало о том, что уже с начальных шагов индустриальных трансформаций в агросфере страны закладывался *массовый рынок сельскохозяйственных услуг*, в последующей динамике которого нашел столь масштабное воплощение преобразовательный потенциал НТР в аграрном секторе США (подробнее см. гл. I, §3, «США»).

С 60-х годов, однако, мы наблюдаем существенное сокращение (покупка кормов) или полный застой (минеральные удобрения, горюче-смазочные материалы) в динамике показателей удельного веса фермеров, прибегающих к услугам рынка[21]. Конечно, это явление не означало какого-либо регресса в хозяйственном росте. Совсем наоборот. В аграрном секторе США резко усилился процесс *отраслевой специализации* ферм, который выражается в обособлении групп хозяйств, ориентирующихся на производство в качестве основных одного-двух видов сельскохозяйственного продукта и подчиняющих интересам развития таких основных отраслей все другие стороны сельскохозяйственной деятельности. В том числе групп хозяйств, и вовсе не нуждающихся, например, в минеральных удобрениях или кормах и т.д.

Этот факт убедительно свидетельствовал о существовании в аграрном секторе США мощного потока *потоварного общественного разделения труда*; усилившийся процесс отраслевой специализации все больше вымывал с аграрной арены страны хозяйства-«универсалы» — многоотраслевые фермы, которые еще сохранялись в начальный период индустриальных трансформаций (40–50-е годы), и тем самым расширял сферу рыночного обмена. (В аграрном секторе России в «социалистический» период ее истории, наоборот, мы наблюдаем прямо противоположные тенденции. Подробнее об этой «аномалии» см. гл. III, §2.)

Росту рыночных отношений сопутствовали глубокие изменения в экономическом облике товаропроизводителя, производящего основную массу товарного продукта агросферы. К концу XX столетия экономическая мощь такого товаропроизводителя в сравнении с весом других групп товаропроизводящих агентов агросферы необыкновенно возросла (см. табл. II-2).

---

[20] См.: Statistical Abstract of the United States 1956, с. 644.

[21] Так, доля фермеров, использующих минеральные удобрения, за период между сельскохозяйственными переписями 1954 и 1997 годов увеличивалась на 0,25 процентных пункта за десятилетие.

Пример молочного хозяйства США — впечатляющ. Здесь специализация производства в аграрном секторе достигла столь высокой степени, что к концу XX века, как установила сельскохозяйственная перепись 1997 г., лишь 6,1% ферм держали молочных коров (против 17,3% в 1964 г. [22]), и только 5,2% занимались продажей молока и продуктов из него, при этом 75% выручки от реализации молока и молочных продуктов приходилось на 22,1% молочных ферм. Эта группа крупных ферм составляла всего 1,35% общего числа ферм. А 50% выручки получала группа ферм, не превышавшая 0,3% общего числа сельскохозяйственных ферм (5,6% общего числа молочных ферм) США[23]. К началу XXI века фермеры—производители молока в США завершили свое превращение в абсолютных товаропроизводителей. Если в 1965 г. товарный выход молока на молочных фермах США составлял 92,2% (против 67,0% в 1950 г.), то в 2000 г. он достиг 99,2%; отметим также, что за тот же период надои молока на корову возросли в США с 3585 кг до 8257 кг, или в 2,3 раза[24].

На фоне усиления такого рода «точечной» сверхконцентрации молочного бизнеса продолжали наращивать свой вес в общенациональном производстве молока штаты—основные его производители. «Оазис» всего из пяти «молочных» штатов сосредоточивал в 1990 г. свыше половины (51,5%) общего объема производства молока (против 44,6% в 1964 г.)[25].

Мы уже упоминали выше, что производство кормов стало в США существеннейшим по значимости для сельскохозяйственного роста, особенно со второй половины XX века, объектом процессов товарной специализации земледельческого хозяйства. По данным сельскохозяйственной переписи 1997 г., корма покупало свыше половины (53,5%) американских ферм. При этом на 9,8% всех ферм, купивших корма, приходилось 75% общей стоимости покупных кормов, т.е. всего лишь 5,2% общего числа американских ферм концентрировали *три четверти* общей массы товарных кормов[26]. Эти результаты рыночной специализации сельского хозяйства США в каких-либо комментариях не нуждаются.

Общий итог процессов концентрации производства в аграрном секторе США на излете XX века выглядит вкратце следующим образом (см. табл. II-2).

---

[22] Statistical Abstract of the United States 1968, с. 600, 636.

[23] Подсчитано по: 1997 Census of Agriculture — United States Data. June 2000, с. 51 (см.: www.nass.usda.gov/census/); Statistical Abstract of the United States 2001, с.544, (см.: www.census.gov).

[24] См.: Statistical Abstract of the United States 1968, с. 600,635,636; do.do. 2001, с. 543,544.

[25] Statistical Abstract of the United States 1965, с. 601; do.do. 1993, с. 675.

[26] Цит. по: 1997 Census of Agriculture — United States Data.

Изменения в концентрации производства, как видим, произошли в аграрном секторе США за рассматриваемые сорок лет огромные: одну и ту же долю выручки (3/4 ее совокупной массы) к концу 90-х годов концентрируют уже не 4/10 общего числа ферм, как на рубеже 50–60-х годов, а лишь 1/10, при этом средний размер землепользования в «избранной» ферме увеличился в два с половиной раза, а доля сосредоточенной у группы земли сократилась в 1,8 раза. Добавим к этому: при сокращении общего числа ферм вдвое (с 3,7 млн. в 1959 г. до 1,9 млн. в 1997 г.) ряды данной особой группы заметно возросли. Если в 1959 г. ферм, располагавших хозяйственной площадью 1000 акров и более, насчитывалось 136,3 тыс., то в 1997 г. таких ферм было уже 176,1 тыс., или на 29% больше, чем в исходный период[27].

Таблица II-2

Изменения в концентрации производства в аграрном секторе США, 1959–1997 гг.*

Год переписи	Группа ферм, сосредоточивающая 75% выручки от продаж сельскохозяйственной продукции[1]		
	удельный вес ферм, %	средняя хозяйственная площадь на ферму, *акры*	удельный вес всей хозяйственной площади, %
1959	38,5	794	67,3
1997	9,5	1963	38,1

* *Составлено по*: Statistical Abstract of the United States 1965. Wash.: US Bureau of the Census, 1965, c. 617; 1997 Census of Agriculture — United States Data. June 2000. Wash.: US Department of Agriculture, c. 51 (цит. по: www.nass.usda.gov/census).

[1] Для 1959 г. данный показатель составляет 75,8%.

Вся совокупность приведенных данных, таким образом, убедительно говорит о том, что к концу XX века в США именно «клуб» крупнейших ферм стал «править бал» на рынке сельскохозяйственной продукции, причем фермы данного «клуба» все больше отрываются по факторам эффективности использования производственных ресурсов от всей остальной массы земледельческих хозяйств. Не менее очевидно и то, что параметры совокупной то-

[27] Statistical Abstract of the United States 1965, c.617; 1997 Census of Agriculture — United States Data, c. 97.

варности хозяйства агросферы США в наибольшей степени детерминируются общественным разделением труда, в которое включена данная группа «избранных» ферм.

2. *Япония: «парниковый» рынок для мелкого хозяйства агросферы*

Уникальна японская модель развития товарного производства аграрного сектора. Уникальность ей придают взаимодействующие между собой особые *естественные* факторы экономического роста (в частности, весьма специфический ресурсный компонент роста) и *искусственные* творения «рук человеческих» (в частности, зажившаяся по-настоящему «всерьез и надолго» политика субсидиальной подпитки крестьянско-фермерского производства). Но обо всем по порядку.

Так же, как и другие рассматриваемые нами страны, Япония в XX веке пережила несколько этапов в развитии товарных отношений в своей агросфере, отражавших качественно различные стадии сельскохозяйственного роста. При этом рисопроизводство было (и остается) отраслью, демонстрирующей все нюансы этих стадиальных изменений. Оно-то и будет первоначальным объектом нашего внимания.

До времени вступления Японии во Вторую мировую войну рисопроизводящее хозяйство отличалось удивительной устойчивостью (стабильностью) пропорций товарного выхода зерна. В этот период оно характеризовалось в основном потребительской направленностью, при которой цели внутридеревенского (а внутри деревни — внутрисемейного) потребления риса *in natura* доминировали в крестьянском хозяйстве над целями производства ради рынка; такое хозяйство могло отпускать на рынок в этот период не более 40% валовых сборов риса. Тем более что экономическая система, сложившаяся в земледелии, весьма мало способствовала развитию товарного производства в этой главной отрасли сельского хозяйства. Огромная часть земли (до половины) сдавалась в аренду на тяжких для производителя условиях, и, соответственно, потенциально товарный рис, аккумулировавшийся на арендованных землях, концентрировался преимущественно у землевладельцев — сдатчиков земли в аренду, которые и обращали его в товар.

По данным В.А. Попова, в рассматриваемый нами период доля арендованной земли составляла 46–48% всей обрабатываемой площади (45,6% — в 1910 г., 46,3% — в 1920 г., 48,0% — в 1930 г., 47,1% — в

1935 г., 45,8% — в 1940 г.). При этом доля арендной платы на поливной земле среднего качества по отношению к урожаю риса составляла в этот период 50–55%[28]. Иначе говоря, натуральная арендная плата, подавляющая часть которой обращалась в товар, вбирала в себя около *четверти валового урожая риса*. На долю же товарных поставок риса, осуществлявшихся самостоятельно ведущими хозяйство крестьянами-рисоводами, приходилось, по-видимому, лишь *около половины всей массы риса, поступавшей на внутренний рынок*. (Товарность рисопроизводящего хозяйства, напомним, составляла в первые четыре десятилетия XX века 40% валовых сборов риса.) С арендой было связано большинство японских крестьян. Так, в 1932 г. землю арендовало 68,9% всех крестьян, ведущих хозяйство (земельные собственники, приарендовывавшие землю, и полные арендаторы), причем вся арендованная ими земля составляла 47,2% обрабатываемых земель страны[29].

Устойчивость базисных параметров такой экономической системы предопределяла и устойчивость пропорций товарного выхода сельскохозяйственного продукта. Эта «устойчивость» весьма дорого обходилась экономике страны, индустриальный сектор которой вынужден был все больше зависеть от импорта продовольствия, в частности зерна; в последние предвоенные годы Япония ввозила примерно шестую часть потреблявшегося в ней риса[30]. Попутно отметим, что в течение четверти века (с 1920 г. по 1945 г.) урожайность риса в стране в буквальном смысле «буксовала» на месте[31].

Изменения в товарности главной сельскохозяйственной культуры наметились в 40-е годы. Этот второй период, охватывающий военные годы и годы аграрных реформ (рубеж 40–50-х годов), был примечателен в двух отношениях. Война, конечно, побудила государство прибегнуть к большим мобилизационным усилиям ради обеспечения продовольствием армии и городского населения. А

---

[28] См.: *Попов В.А.* Формирование социально-экономической структуры японской деревни. М.: «Наука», 1987, с. 18, 20.

[29] Statistical Abstract of the Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1932/33. Tokyo, 1934, с. 203.

[30] Так, если в 1923–1927 гг. чистый импорт риса в Японию составлял, по данным Министерства сельского хозяйства, 12,3% его совокупного потребления в стране (по данным Ю. Хаями и В. Раттана — 13,4%), то в 1933–1937 гг. этот показатель достигал уже 16,6% (подсчитано по: Statistical Abstract of the Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1932/33, с. 228; *Hayami Yujiro* and *Ruttan Vernon W.* Agricultural Development: An International Perspective. L.: The John Hopkins Press, 1971, с. 220). Иначе говоря, в этот последний перед войной период импортный рис формировал 29,3% общего фонда потребляемого страной товарного риса.

[31] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 186.

со времени окончания Второй мировой войны развитие агросферы было отмечено попытками интенсификации производства в рисопроизводящем хозяйстве. (Напомним, что всего лишь за пятилетие 1945–1950 гг. удельный вес потребляемых в сельском хозяйстве искусственных удобрений увеличился с 1/3 до 1/2 общей массы потребляемых удобрений[32]. См. гл. I, §3, «Япония».) Основным же и самым массовым агентом товарного производства в японской деревне становился непосредственный производитель, выступавший теперь в облике *самостоятельного собственника условий и средств производства*[33].

Таблица II-3

Крестьянское (фермерское) хозяйство Японии:
товарообменные отношения во второй половине 50-х годов XX в. *, %

Вид расходов	Удельный вес денежных расходов	
	1954 г.	1959 г.
I. Производственные расходы		
Всего[1,2]	29,9	33,0
Семенной фонд и рисовая рассада[2]	19,8	17,8
Тягловый скот[2]	5,2	2,3
Удобрения (все виды)[2]	59,1	61,9
Корма[3]	64,2[4]	56,1[4]
II. Расходы на жизненные средства [5]		
Всего	61,6	64,4
На питание	38,6	40,1
Объект рыночной реализации	Удельный вес денежной выручки от рыночных продаж	
	1957 г.	1960 г.
Условно валовой сельскохозяйственный продукт	70,6[6]	75,2
Продукт рисосеющего хозяйства (рис)	55,5	62,4

***** *Составлено и подсчитано по*: Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1959. Tokyo, 1960 с. 276–279, 297, 364, 365, 383; Нихон ногё нэнкан [Японский сельскохозяйственный ежегодник] 1972. Токио, 1971.

[32] Japan Statistical Yearbook 1950. Tokyo, 1951, с. 88; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1960. Tokyo, 1961, с. 58.

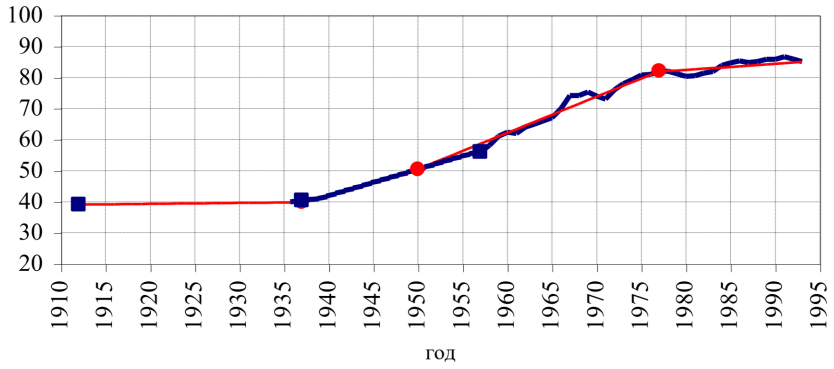
[33] О земельных преобразованиях в Японии подробнее см.: *Попов В.А.* Земельная реформа в Японии, в: Японский опыт для российских реформ. Выпуск первый. 2000. М.: Издательство «МАКС–Пресс», 2000, с. 21–27.

[1] Сюда включаются материальные затраты на воспроизводство и расходы на оплату живого труда — семейного и наемного.
[2] Рисосеющее хозяйство.
[3] Молочное хозяйство.
[4] Без учета затрат *in natura* на содержание скота на собственных угодьях производителя.
[5] Все хозяйства.
[6] 1958 г.

Эти преобразования сопровождались ростом товарности сельскохозяйственного производства: ведь для того чтобы использовать минеральные — искусственные — удобрения, нужно было их купить, а для этого надо было реализовать на рынке результат производства — ту или иную часть урожая зерна. В итоге доля (и масса) товарного продукта рисопроизводящей отрасли земледелия стала быстро увеличиваться, превысив к середине 50-х годов половину величины валовых сборов риса (см. табл. II-3, а также рис. II-3).

Рис. II-3

ЯПОНИЯ: удельный вес товарной продукции в валовом производстве риса, 1911–1992 гг., %



Как агент рыночных отношений крестьянское (позже семейно-фермерское) хозяйство отличалось в этот (переходный) период рядом специфических особенностей. Анализ некоторых базисных параметров воспроизводственного процесса такого хозяйства, относящихся к данному времени экономической истории Японии, показывает нам следующую картину (см. табл. II-3).

В пореформенный период, как видно, крестьянское (фермерское) хозяйство Японии продвигалось к рынку весьма неравномерно. По своему экономическому содержанию оно, если судить по воспроизводственным параметрам главной отрасли японского земледелия — рисопроизводства, относилось пока к типу полунатурального хозяйства (доля денежных производственных расходов составляла не более 1/3 общей суммы таковых расходов). Такое хозяйство практически целиком за счет собственных ресурсов выращивало рабочий скот (эта статья, впрочем, относилась к не очень значимым для мелкого производителя японской агросферы, где в 1950 г. одна голова крупного рабочего или мясного скота приходилась на 1,95 крестьянских хозяйств[34]), само обеспечивало себя подавляющей частью семенного материала (товарная доля последнего во второй половине 50-х годов составляла менее 20%, против 85–90% в 90-х годах[35]), но что касается средств интенсификации производства, то здесь рынок уже играл весьма существенную роль. В тот период 3/5 всей массы удобрений, используемых в сельском хозяйстве, — искусственных и естественных — приобреталось на рынке.

Рыночные отношения прочно утвердились и в производстве кормов. Крестьянские (фермерские) хозяйства в своей массе были столь мелки, что практически были не в состоянии производить необходимое количество кормов для животноводческих отраслей хозяйства, хотя последние занимали пока весьма скромное место в совокупном производстве японского земледельца (11,2% стоимости валового сельскохозяйственного продукта в 1955 г. и 15,2% — в 1960 г.[36]) и находились еще на начальной ступени эволюции к современным (продуктивным) формам. Большая часть сырья для кормов обеспечивалась за счет поставок с рынка (так, молочное хозяйство около 3/5 всех кормов во второй половине 50-х годов приобретало за деньги; см. табл. II-3), причем главным образом внешнего[37], т.е. мировой рынок в преддверии перехода аграрного сектора в индустриальную фазу роста начинал активно вторгаться в сферу воспроизводства земледельческого хозяйства Японии (подробнее см. ниже).

---

[34] См. там же, с. 26.

[35] См., например: Farm Economy Survey 1998, in: Preliminary Statistical Report on Agriculture, Forestry and Fisheries of Ministry of Agriculture Forestry and Fisheries. Japan 1999 (цит. по: www.maff.go.jp).

[36] Там же.

[37] Так, в 1961/62 г. импорт обеспечивал, по двум разным методам оценок, от 53,7% (минимальная) до 74,2% (максимальная) общего объема кормов, потребленных в японском животноводстве (подсчитано по: Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1962, с. 99).

Неравномерным включением в рыночные механизмы своих составляющих отличалась и структура личного потребления крестьянских (фермерских) семей. Мы видим, что свыше 3/5 совокупных расходов на жизненные средства приходилось на денежные расходы, но при этом главная сфера личного потребления — продовольственная — все еще в большой степени опиралась на собственные ресурсы хозяйства: денежные расходы на покупку продовольственных товаров составляли лишь 2/5 продовольственного бюджета крестьянских (фермерских) семей, а 3/5 его обеспечивалось за счет внутренних ресурсов хозяйства.

Итак, как же оценить параметры товарности, характерные для крестьянского (фермерского) хозяйства Японии накануне его вступления в индустриальную фазу развития? С одной стороны, так же, как и в США на мануфактурной стадии экономического роста, крестьянское (фермерское) хозяйство Японии демонстрировало в трудоемких отраслях огромный *разрыв между долей продукта, реализуемого им на рынке, и показателем удельного веса денежных расходов, затрачиваемых на его (продукта) производство*. Впечатляет пример рисосеющего хозяйства, где к концу 50-х годов удельный вес денежной выручки от рыночной продажи продукта (риса) *почти в два раза* превышал удельный вес издержек производства, оплаченных деньгами (соответственно 62,4% и 33%; см. табл. II-3). С другой стороны, в воспроизводственном процессе в сельском хозяйстве выделялись потоки, которые отличались очень высокой степенью товаризации объектов производительного потребления (как, например, те же удобрения и корма), степенью, видимо, намного превосходившей распространенные стандарты, свойственные мелкотоварному хозяйству — последнее выступало в виде мелких (с землепользованием менее 2 га) и мельчайших (до 0,5 га) производственных единиц, перенасыщенных (в то время) неоплачиваемой семейной рабочей силой (см. ниже).

Вместе с тем в противоположность США на аналогичном этапе развития товарного производства в агросфере Японии, при весьма высоких достигнутых результатах товаризации, *товаризация фонда личного потребления* крестьянской (фермерской) семьи *не опережала, а заметно отставала от товаризации фонда производительного потребления*. Так, в 1957–1959 гг. в крестьянском (фермерском) хозяйстве Японии, по данным официальной статистики, доля денежных расходов в среднегодовом исчислении составляла: в совокупных расходах на жизненные средства — 62,8%; в производственных расходах (без расходов на оплату семейного

труда) — 72,6%[38]. «Аномалией», однако, было то, что именно мелкие (очень) и мельчайшие производители (теперь собственники, хозяйствующие за собственный счет) оказались *главным, фактически безраздельно господствующим, экономическим агентом агросферы, вызывавшим столь масштабное включение ее хозяйства в систему рыночных отношений*.

Как она возникла, такая «аномалия», и с какими *pro et contra* эволюционировало в дальнейшем *мелкотоварное* хозяйство японской агросферы? Это нам и предстоит оценить в ходе дальнейшего анализа. Здесь же отметим, что та ступень товаризации воспроизводственного процесса, который достигло крестьянское (фермерское) хозяйство Японии к началу 60-х годов, свидетельствовала о том, что, основательно познакомившееся с практикой рыночного обмена, оно обрело широкую базу (трамплин) для прыжка в индустриальный мир.

Рост применения новых технических средств, стимулированный аграрной реформой конца 40-х – начала 50-х годов и последовавшей политикой государственной поддержки сельского хозяйства, был провозвестником массированного процесса технологических преобразований, постепенно охватывавших агросферу страны со второй половины 50-х годов XX века.

Импульс к технологическим преобразованиям, полученный агросферой, продлился практически до конца 70-х годов (см. рис. II-3). В течение этого периода в японской деревне утвердилась принципиально новая технологическая модель сельскохозяйственного производства, сформировался новый тип земледельческого хозяйства, которое можно охарактеризовать как хозяйство семейно-фермерского типа (см. гл. I, §3, «Япония»). В аспекте интересующей нас здесь проблемы отметим, что хозяйство данного типа предполагало не только рост объема связей с рынком, но и *качественно новое их наполнение*.

В самом деле, к началу 70-х годов поток воспроизводственного процесса, обусловленный рыночными отношениями, охватил значительно более широкую массу потребляемых в хозяйстве средств производства. Если раньше к последним относились преимущественно средства производства, стимулировавшие рост продуктивности производства (минеральные удобрения, пестициды, корма и др.), то теперь они включали разнообразный набор средств труда (сельскохозяйственные машины и механический инвентарь), обеспечивающих поступательный рост производительности труда (хотя в Японии — в относительно замедленном темпе). В результа-

[38] The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1959. Tokyo. 1960, c. 364, 365.

те изменялись и пропорции поступающего в рыночный обмен сельскохозяйственного продукта. Так, фермеры Японии, по оценке Министерства сельского хозяйства, продавали на рынке следующую часть своей валовой (условно) продукции (*в %*)[39]:

год	*%*	*год*	*%*	*год*	*%*
1958	*70,6*	*1969*	*85,0*	*1985*	*83,4*
1960	*75,2*	*1970*	*85,3*	*1990*	*84,3*
1962	*75,2*	*1972*	*87,3*	*1992*	*85,5*
1964	*79,4*	*1975*	*83,9*	*1996*	*86,6*
1966	*81,9*	*1980*	*81,3*	*1998*	*87,7*

Категория «валовой продукт (продукция)», которую мы здесь используем, нуждается в пояснении, потому что в сопоставлении именно с величиной продукции, которая оказывается *в конечном итоге* в руках сельских производителей, исчисляется товарная часть воспроизводимого в сельском хозяйстве продукта. Тем более что параметры этой категории в японской статистике за рассматриваемые полвека неоднократно изменялись.

Исходным базисным понятием, использовавшимся японскими статистиками при определении всех составляющих сельскохозяйственного продукта (и сельскохозяйственного дохода) всегда было понятие «сельскохозяйственная выручка» (*agricultural receipts*), последняя включала следующие четыре позиции: годовая денежная «выручка от продаж сельскохозяйственной продукции»; стоимость той части сельскохозяйственного продукта, которая использовалась в данном году на личное потребление производителей (она оценивалась в денежной форме); сальдо запасов (остатков от) предыдущего и уходящего года; чистый прирост (сокращение) стоимости сельскохозяйственных растений и животных за год. (Другим понятием, эквивалентным категории «сельскохозяйственная выручка», было понятие «сельскохозяйственный валовой доход» — *gross agricultural income*[40].) В сумме эти четыре составляющие «выручки» обозначали, в соответствии с канонами японской статистики, как бы максимальную величину стоимости, полученную агрегированным земледельцем Японии от сельскохозяйственной деятельности в течение года. Иначе говоря, в установлении максимальной величины полу-

[39] Нихон ногё нэнкан [Японский сельскохозяйственный ежегодник] 1972. Токио, 1971, с. 415; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan. Tokyo. Выпуски за 1979~'80, 1991~'92, 1993~'94 годы; Farm Economy Survey 1998.

[40] Подробнее см.: The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1993~'94. Tokyo, 1995, с. 238, 419, 424, 425.

ченного совокупным производителем продукта японские статистики отталкивались *от стадии его реализации* (в том числе рыночной), а *не от стадии его производства*, производное ключевое понятие от которого — «валовой сбор» («валовое производство»), очевидно, полнее отвечало бы задаче идентификации максимальной величины продукта, которая вообще может быть получена совокупным земледельцем от производственной деятельности в течение года.

В японской сельскохозяйственной статистике существует и категория «сельскохозяйственная валовая продукция» (*agricultural gross output*), и именно параметры этой категории продукта претерпевали изменения за последние полвека. Первоначально к таковой относилась вся сельскохозяйственная выручка (*total agricultural receipts*) за вычетом стоимости семенного материала — ведь последний, произведенный в сфере сельского хозяйства, в ней же и потребляется[41]. По мере развития животноводческих отраслей сельского хозяйства «чистка» рассматриваемой категории была продолжена. К середине 70-х годов из «сельскохозяйственной валовой продукции» выпала стоимость кормов и некоторых других сельскохозяйственных продуктов — они также оказались «грешны» тем, что произведенные в сельскохозяйственном секторе, в нем же и потребляются[42]. Заметно урезанная, по сравнению с первоначальной (примерно на 15%), величина выручки и стала той исходной позицией, в сопоставлении с которой только и могла быть исчислена (и исчислялась) денежная часть данной выручки.

Но в 80–90-х годах в сельскохозяйственной статистике стали использоваться в качестве исходных для определения сельскохозяйственного продукта два разных понятия, выполнявших различные функциональные роли при исчислении количественных параметров его структурных частей. Одно из них, уже знакомое нам с 70-х годов понятие «сельскохозяйственная валовая продукция» (*agricultural gross output*) стало служить базисом для исчисления произведенного сельскохозяйственного дохода (*agricultural income produced*) как сельскохозяйственного компонента национального дохода. Другое, обозначенное упрощенной формулой «сельскохозяйственная продукция» (*agricultural output*) (без «довеска» «валовая»!), стало включать в себя исключенные ранее из «всей сельскохозяйственной выручки» (*total agricultural receipts*) позиции — «семенной материал», «корма», «другие» сельскохозяйственные продукты. То есть по своим содержательным параметрам теперь это понятие приблизилось к обычно используемой в нашей экономической литературе категории

[41] Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1962, c. 63.

[42] Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1975~'76, c. 417.

«валовая сельскохозяйственная продукция». Именно в сопоставлении с величиной, фиксируемой данной категорией, исчисляются в японской статистике структурные параметры валового продукта: «валовое сельскохозяйственное производство (продукция)» (*gross agricultural production*), т.е. стоимость выручки, остающаяся за вычетом всех «текущих промежуточных производственных расходов» (*intermediate inputs*) (т.е. здесь речь идет о фактически *конечном продукте* сельскохозяйственного производства); «чистый сельскохозяйственный продукт» (*agricultural net products*), т.е. стоимость, остающаяся за вычетом из стоимости «валового сельскохозяйственного производства» амортизационных отчислений и косвенных налогов, налагаемых на продукцию сельскохозяйственного производства, при добавлении к итогу небольшой суммы специальных субсидий, предоставляемых рисоводам; а также «стоимость проданной сельскохозяйственной продукции» (*value of agricultural products sold*), т.е. товарная часть сельскохозяйственного продукта.

Применяемый японскими (как и американскими) статистиками способ определения величины «валового сельскохозяйственного продукта» (от стадии реализации) означает, что действительно произведенный сельскохозяйственный продукт учитывается, очевидно, не в полной мере; в результате *показатель совокупной товарности сельскохозяйственного производства в определенной степени завышается*. Так, в денежную выручку от продаж сельскохозяйственного продукта входят, конечно, часть семенного материала, часть произведенных кормов, но они в течение длительных периодов времени вовсе не учитывались японскими статистиками на стороне «валового сельскохозяйственного продукта», от величины которого и осуществляется исчисление удельного веса товарного продукта.

По-видимому, также не полностью учитывалась, особенно в ранние периоды второй половины XX века, та часть реальных издержек производства, которая приходилась на оплату потребленного живого труда. В этом отношении весьма показательно свидетельство Японской ассоциации [в поддержку] ФАО, относящееся к середине 50-х годов. Последняя сделала вывод, что в Японии «мелкое хозяйство в основном ведется при опоре на неоплачиваемый труд семьи, и все-таки оно не в состоянии обеспечить доход, достаточный для ее содержания. Это — общая черта земледельческого семейного хозяйства в Японии». Такое хозяйство оставалось все еще полунатуральным. В частности, со ссылкой на материалы обследований крестьянских бюджетов авторская группа Ассоциации дает для данного периода оценку уровня товарности японского земледелия, принципиально отличающуюся от оценок, приведенных выше (см. также табл. СП-7); например, в 1956 г. удельный вес реализованного на рынке продукта со-

ставил лишь 37% величины «выручки» (см. выше) всего сельскохозяйственного сектора[43].

Даже если принять во внимание, что приведенные оценки степени выхода товарного продукта сельского хозяйства, очевидно, завышены, не вызывает сомнения факт, что мельчайшее семейно-фермерское хозяйство Японии отличается уровнем товарности, едва ли не самым высоким в мире для аналогичных типов производственных единиц. Отметим также, что из приведенного выше ряда значений показателя сельскохозяйственной товарности наиболее убедительными представляются значения за 80–90-е годы, когда сельскохозяйственный продукт, как отмечалось, стал учитываться в Японии с наибольшей — за весь рассматриваемый период — полнотой.

Столь высокие показатели товарности, достигнутые сельским хозяйством страны, отражали крупнейшую социальную метаморфозу, пережитую японской деревней. Более того, благодаря росту товарности рисопроизводства (см. табл. СП-7 и рис. II-3), сопровождавшемуся увеличением урожайности культуры риса, Японии уже на ранних этапах послевоенного роста удалось устранить некоторые особенно болезненные структурные диспропорции в национальном воспроизводстве, по меньшей мере на тех его участках, через которые осуществлялось обеспечение страны ресурсами риса, главного в то время продовольственного продукта, и освободиться от его импорта. Уже в начале 60-х годов Япония стала в этом отношении самодостаточной страной[44] (хотя, как отмечалось, продолжала испытывать острую нужду в фураже для развивавшегося животноводства, которая могла быть удовлетворена только при помощи массированного импорта кормов).

Режим интенсивного роста товарности сельского хозяйства, отражавший новые формы общественного разделения руда, в которое включалось мелкофермерское производство Японии, в начале 70-х годов, по данным общей товарности сельского хозяйства (см. приведенные выше данные; см. также табл. СП-7 и рис. II-4), сменился *режимом стагнационных колебаний*; аналогичный процесс (при некоторых отклонениях) наблюдался и в рисопроизводящей отрасли сельского хозяйства со второй половины 70-х годов (см. рис. II-3). Вот как изменялась товарность сельского хозяйства Японии в ретроспективе XX века[45]:

---

[43] Agriculture in Japan. Tokyo: Japan FAO Association, 1958, c. 12, 14.

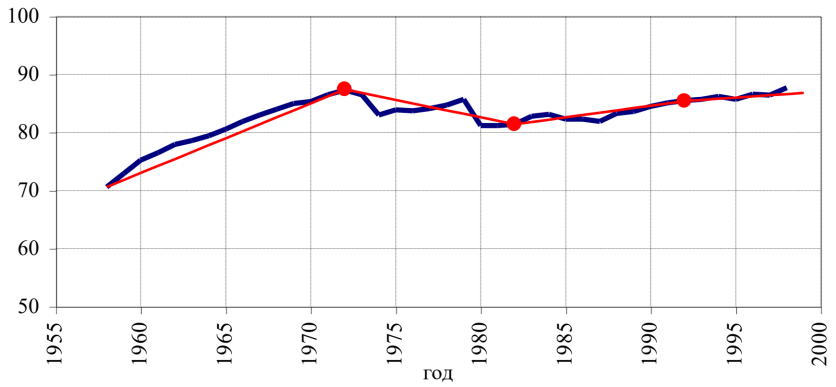
[44] Подробнее см.: *Маркарьян С.Б.* Аграрный сектор японской экономики. Основные проблемы 80-х годов. М.: «Наука», 1990, с. 24–27.

[45] Составлено по данным табл. СП-7.

Темп изменений в товарности рисопроизводящей отрасли сельского хозяйства			*Темп изменений в совокупной товарности сельского хозяйства*		
Период/годы	*Число лет*	*Средний темп изменений за год, %*	*Период/годы*	*Число лет*	*Средний темп изменений за год, %*
1911–1937	*26*	*0,07*	*1958–1972*	*14*	*1,50*
1937–1950	*13*	*1,65*	*1972–1982*	*10*	*– 0,70*
1950–1977	*27*	*1,87*	*1982–1992*	*10*	*0,50*
1977–1992	*15*	*0,25*	*1992–1998*	*6*	*0,30*

Рис. II-4

ЯПОНИЯ: удельный вес денежной выручки от продаж сельскохозяйственной продукции в стоимости условно валового сельскохозяйственного продукта, 1958–1998 гг., %



Указанные процессы свидетельствовали, что уровень товарности сельскохозяйственного сектора при сложившейся его экономической структуре и технологическом базисе достиг в Японии, по-видимому, *предельной (или близкой к ней) высоты*. (Обозначившийся в 70-х годах [в 1972 г. — в общей товарности, а в 1977 г. — в товарности рисопроизводства; см. рис. II-3 и II-4] перелом тренда в изменениях товарности по существу отражал смену повышательной фазы второго «большого цикла» XX века в сельском хозяйстве Японии фазой понижательной, консервировавшей результаты эко-

номического роста, достигнутые в ходе этой повышательной фазы[46]. Подробнее см. гл. V, §2, «Япония».)

Японская модель развития товарного производства в агросфере отличалась в XX веке большим своеобразием, которое определялось, как мы считаем, четырьмя группами взаимодействующих факторов. Рассмотрим их вкратце.

В течение прошедшего столетия в Японии существенно изменились функции природно-пространственных факторов экономического роста, оказывавших влияние на динамику товарности сельского хозяйства. В частности, заметные изменения претерпел такой базисный параметр роста, как *соотношение используемых в процессе производства наличных ресурсов земли и труда*. Так, на одного работника, занятого в сельском хозяйстве, приходилось по годам (периодам) следующее количество обрабатываемой земли (*в га*)[47]:

1908	*1920*	*1930*	*1940*	*1950*	*1960*	*1965*	*1970*	*1980*	*1985*	*1991*	*1995*	*1998*	*1999*
0,36	*0,40*	*0,42*	*0,45*	*0,38*	*0,43*	*0,54*	*0,61*	*1,00*	*1,11*	*1,37*	*1,52*	*1.59*	*1,62*

Как видно, в течение первых пяти десятилетий коэффициент «земля/труд» отличался относительным единообразием (или, если сказать точнее, весьма умеренным — 1% в год — темпом прироста в довоенный период и полной стагнацией в 40–50-х годах). До войны устойчивость отношения «земля/труд» находила отражение, помимо прочего, и в стабильности пропорций распадения воспроизводимого продукта на товарную часть и часть нетоварную — предназначенную для внутрихозяйственного потребления крестьянских семей (см., например, рис. II-3).Такая устойчивость была легко объяснима: аграрное хозяйство в течение первых пяти указанных десятилетий функционировало почти исключительно на базисе ручного труда (см. показатель производительности труда в табл. V-1). Трудосберегающие средства труда еще только начинали

---

[46] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* «Большие циклы» в агросфере. XX век. М.: ИВ РАН, 1997, гл. II.

[47] Подсчитано по: Outlines of Agriculture in Japan. Tokyo: Department of Agriculture and Commerce, 1910, с. 15; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1960. Tokyo, с. 5,7; Structural Changes in Japan's Agriculture, in: *Japan Agricultural Review*. (Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries.) Vol. 18. February, 1990, с. 7; Asahi Shimbun Japan Almanac 1994. Tokyo, 1993, с. 126, 130; do.do. 1996, с. 126, 130; do.do. 1997, с. 130; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1999. Tokyo, 1999, с. 75; do.do. 2000, с. 75; Preliminary Statistical Report on Agriculture, Forestry and Fisheries of MAFF. Japan 1999 (см.: www.maff.go.jp).

появляться (причем в основном в 50-х годах) в японском земледелии.

Начавшийся в послевоенный период *естественный* рост товарности сельского хозяйства (см. например, рис. II-3), особенно интенсивно протекавший в 50– 60-е годы, был связан в Японии, как отмечалось выше, с развитием фактора продуктивности (потенциала «землесберегающего» ТСП; см. гл. I, §3, «Япония»), активное включение в производство которого позволило существенно повысить выход *массы продукта на единицу земельной площади* (например, средняя урожайность риса только за пятидесятые годы возросла в 1,2 раза, пшеницы — в 1,33 раза[48]), но при фактически не изменившемся коэффициенте «земля/труд».

Иначе говоря, в товар обращался, помимо традиционной доли (составлявшей, например, в рисосеющем хозяйстве около 40% валового урожая), все увеличивавшийся прирост произведенного продукта, получаемый почти целиком на базисе ручного труда. (Поэтому-то соотношение между величиной рабочей силы и количеством земельных ресурсов, используемых в производстве, до 1960 г. существенно не изменялось.) Это означало, что при складывавшейся «чистой» (т.е. пока без применения машин, экономящих труд) форме мануфактурной организации труда изменялась лишь величина затрат труда каждого участвовавшего в производстве работника: она возрастала — в той мере, в какой (пока в относительно небольшой) увеличивалась урожайность (продуктивность).

Но в 60-е годы, особенно со второй их половины, как мощный стимулятор роста товарности сельского хозяйства стал заявлять о себе фактор роста производительности труда, динамика которого сопровождалась активным процессом замены живого труда механическими орудиями труда; в результате коэффициент «земля/труд» претерпел радикальные изменения: за период 1960–1980 гг. он увеличился в 2,3 раза. В последующие годы темп вытеснения живого труда из сельского хозяйства — в связи с «перенасыщением» последнего машинами и сокращением объемов их применения (см. гл. I, §3, «Япония») — заметно замедлился, а к середине 90-х годов, если судить по значениям коэффициента «земля/труд», и вовсе снизился до почти нулевой отметки (0,8% в год в 1993–1997 гг.). Относительное вытеснение живого труда из сельского хозяйства было приостановлено.

Таким образом, мы наблюдаем завершение к концу XX столетия векового цикла изменений в соотношении двух базисных факторов сельскохозяйственного роста — земли и труда (последнее

---

[48] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 186.

изменилось примерно в четыре раза). Но значение этих изменений — огромно. Они отразили масштабную «расчистку» экономического пространства (она затронула, однако, как убедимся ниже, существующие производственные единицы в основном лишь в их собственных границах, причем далеко не в полной мере) для увеличения — уже при заданных социально-экономических условиях производства — товарного выхода произведенного в сельском хозяйстве продукта.

Таблица II-4

Япония: удельный вес денежных расходов в текущих производственных расходах в отдельных отраслях сельского хозяйства, 1954–1998 гг. *, %

Отрасль (вид продукта)	1954	1959	1971	1975	1981	1985	1990	1993	1997	1998
Растениеводство										
Рис (в оболочке)	29,9	33,0	35,6	40,6	40,1	43,3	45,3	47,1	49,5	50,5
Пшеница	26,1	25,7	27,8	45,8	59,1	62,8	68,5	69,7	72,0	74,5
Животноводство										
Цельное молоко:										
производство	47,6	42,7	50,0	53,0	46,9[2]	47,0	47,6[3]	49,7	50,7[4]	н.св.
корма для коров	64,2	56,1	65,7	69,5	62,9[2]	62,3	63,8[3]	68,8	н.св.	н.св.
Откорм и содержание КРС[1]	н.св.	н.св.	н.св.	70,0	73,0[2]	69,2	77,2[3]	73,1	68,4[5]	68,2[6]

* *Составлено и подсчитано по:* Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan. Tokyo. Выпуски за 1959 (с. 279, 282, 283, 296); 1975~'76 (с. 166, 172, 194); 1986~'87 (с. 162, 170, 196); 1993~'94 (с. 182, 194, 216); Japan Statistical Yearbook 1998. Tokyo, 1999, с. 242; Farm Economy Survey 1999, in: Preliminary Statistical Report on Agriculture, Forestry and Fisheries of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1999 (цит. по.: www.maff.go.jp).

[1] Крупный рогатый скот.

[2] 1982 г. [3] 1991 г. [4] 1995 г. [5] 1998 г. [6] 1999 г.

А что же происходило в то же время на стороне производительного потребления (именно того его потока, который опосредствуется товарным обменом) в агросфере Японии? Имеющиеся в

нашем распоряжении оригинальные данные позволяют идентифицировать полувековые изменения в отраслевых процессах *товаризации производственных расходов* (такие расходы, отметим попутно, составляли в конце XX века довольно крупную часть «сельскохозяйственного валового дохода» страны — 2/3; см. определение последнего выше) (см. табл. II-4). Рассматриваемые в совокупности, эти данные выявляют весьма дисперсную структуру потока товаризации.

Выделенные в таблице II-4 отрасли сосредоточивали весомую долю валового (условно) сельскохозяйственного продукта Японии — 62,8% в 1959 г. и 41,3% в 1998 г., вместе взятые, они представляли как «старые» — традиционные в начальный период типы сельскохозяйственной деятельности (рисоводство, отчасти молокопроизводство), так и «новые» — фактически заново основанные (или радикально модернизированные «старые») отрасли (высокотоварное пшеницепроизводство, откорм скота на продажу, коммерческое производство молока). В этом смысле можно считать, что изменения, происходившие в этих отраслях за последние полвека, отражали наиболее типичные тенденции в общем движении сельскохозяйственного воспроизводства Японии в зону господства рынка.

Как свидетельствуют данные, из обоих основных секторов сельскохозяйственного производства лишь один, хотя и самый крупный по стоимости производившегося продукта, — растениеводство (86% стоимости валовой продукции сельского хозяйства в 1959 г., 75% — в 1998 г.) — показывал изменения в рыночных пропорциях производственных затрат (см. табл. II-4).

По отраслям такие изменения происходили весьма неравномерно. Так, наиболее консервативная, менее всего поддающаяся технологическим изменениям, но самая крупная и вместе с тем наиболее трудоемкая отрасль растениеводства — рисоводство (50% стоимости валовой продукции в 1959 г., 28% — в 1998 г.) — увеличила уровень товаризации производственных расходов за полвека примерно на 2/3 (в 1,7 раза), подняв его к концу XX столетия до 50%. А такая «молодая», «агрессивная» (в модернизации производства) отрасль земледелия, как возделывание пшеницы, отрасль-«карлик» (1% стоимости валовой продукции сельского хозяйства в 1998 г., причем вместе со стоимостью произведенного зерна ячменя, против 6% — в 1959 г.), вступившая на старт технологического рывка лишь три десятилетия тому назад, повысила уровень товаризации производственных расходов за этот период почти в три раза, увеличив пропорцию денежных затрат на производство до 75% (см. табл. II-4).

Таблица II-5

Сельское хозяйство Японии: изменения в отраслевой производительности труда, товарности и удельном весе денежных расходов в текущих производственных расходах, 1959–1998 гг. *

Отрасль (вид продукта)	Удельный вес в текущих производственных расходах				Выход продукта на час затрат труда, *кг*		Товарный выход продукта, *% к производству*	
	расходов на живой труд, %		всех денежных расходов, %					
	1959	1998	1959	1998	1959	1998	1959	1992
Рис (в оболочке)	50,0	41,3	33,0	50,5	2,8	14,1	61,0	85,5
Пшеница	50,9	21,0	25,7	74,5	2,6	64,3	60,2	99,2
Цельное молоко	27,3	34,5[1]	42,7	49,7[1]	3,7	64,9	93,2	98,9

* *Составлено и подсчитано по*: Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1959. Tokyo, 1960 с. 274, 279, 280, 282, 283, 296, 297, 383; Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1993~'94. Tokyo, 1995, с. 218, 219; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1995. Tokyo, 1995, с. 14; *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН, 1999, с. 190, 191; Farm Economy Survey 1998, in: Preliminary Statistical Report on Agriculture, Forestry and Fisheries of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1999 (цит. по: www.maff.go.jp).

[1] 1993 г.

К началу нынешнего века, по существу, завершилось превращение отрасли в высокотехнологичное, полностью основанное на рыночных отношениях производство: уже в начале 90-х годов на рынке реализовывалось 99% валовой продукции отрасли (зерно пшеницы), против 74% в 1970 г. (О динамике товарности рисопроизводящего хозяйства см. табл. СП-7.)

Столь большой контраст между выделенными отраслями в интенсивности эволюции воспроизводственного процесса к господству денежных отношений имеет весьма простое объяснение. Возделывание пшеницы продвинулось по пути технического прогресса (именно — в области механизации сельскохозяйственных операций) *существенно дальше*, чем «тяжеловесное» рисосеяние. В последнем, как свидетельствуют сопоставимые данные, мало заботились о вытеснении живого труда (см. табл. II-5), замене его машинами. Затраты на оплату работников, семейных и наемных, даже

через полвека, прошедших со времени послевоенной аграрной реформы, продолжали составлять самую весомую часть совокупных производственных расходов (например, в 1998 г. — 41%, против 50% в 1959 г.), а показатель выхода готового продукта (рис в оболочке) на час затрат труда едва «дополз» к концу XX века до уровня лишь 14 кг. В то время как в пшеницепроизводящем хозяйстве, ныне самой механизированной отрасли японского земледелия, данный показатель в 4,5 раза превзошел «рисовый» аналог (см. табл. II-5). Затраты на «многоликий» овеществленный труд с большой эффективностью вытесняли затраты на живой труд, способствуя быстрому *росту производительности труда* и соответственно *товаризации воспроизводственного процесса* в отрасли.

Напротив, в животноводстве (25% стоимости валовой продукции сельского хозяйства в 90-х годах) мы наблюдаем (по материалам статистических обследований фермерских хозяйств) относительно устойчивые (принципиально не изменившиеся за последние полвека) пропорции денежных и неденежных (т.е. обеспечиваемых ресурсами хозяйства) производственных расходов (см. табл. II-4). Что означает феномен такой устойчивости?

Так, современное, высокопродуктивное молочное хозяйство (как и другие аналогичные подразделения животноводческого хозяйства) развивалось как отрасль, полностью ориентированная на поставки продукции своего производства для рынка. (Отметим попутно: традиционно молоко никогда не являлось предметом первой необходимости в питании японского крестьянина: его продажа служила источником скудных денежных доходов, поэтому продукция молочной отрасли крестьянского хозяйства продавалась почти целиком, например, 93% в 1959 г. [см. табл. II-5]. Между тем молочный промысел был распылен между производственными единицами, у которых в среднем на семью, державшую молочный скот, приходилось две дойные коровы.) С рынка же поступала и основная часть средств производства.

Особенностью экономического роста в животноводческом секторе было то, что рост потребностей в наиболее объемном предмете производительного потребления — кормах (73% всех материальных производственных расходов в 1959 г., 66% — в 90-х годах) по своей интенсивности — по меньшей мере до начала 80-х годов — превосходил рост возможностей национального производства удовлетворить эти увеличивавшиеся потребности. Расширявшиеся бреши на внутреннем рынке заполнял импорт. Ниже приводятся данные, показывающие динамику степени зависимости япон-

ского животноводства от импорта кормов за последние три десятилетия (*в % по годам*)[49]:

	1970	*1975*	*1980*	*1985*	*1990*	*1991–1993*	*1995–1997.*
Все поставки[1]	*50,4*	*52,2*	*59,7*	*58,4*	*58,1*	*59,3*	*56,3*
Концентрированные корма	*66,3*	*67,7*	*73,9*	*71,5*	*72,7*	*74,1*	*73,4*

[1] *В эквиваленте питательного вещества.*

Внешний рынок, как видно, прочно утвердился в качестве «несущей конструкции» экономического роста в животноводческом секторе сельского хозяйства Японии, который в этом смысле приобрел признаки интернационального хозяйства, воспроизводство в котором осуществляется посредством обмена с экономическими агентами мирового рынка.

Японские фермеры, конечно, активно модернизировали и собственную базу кормового производства. Но потенциала их хозяйств хватало только на то, чтобы *устойчиво* поддерживать производство кормов в пределах примерно двух пятых спроса национального рынка на кормовые ресурсы. Корма же с начала 70-х годов стали средством производства, которое японские животноводы *целиком* приобретали за деньги. (Так, в 1975 г. они закупили на рынке 99,8%, в 1981 г. — 99,9, в 1986 г. — 99,6, в 1991 г. — 98,6% общей массы потребленных в их хозяйствах кормов[50].)

Другая особенность животноводческого сектора состояла в том, что последний, менее зависимый от «ловушек» «землесберегающего» технологического способа производства[51], осуществил энергичный рывок по пути развития производительной силы труда; так, в молочной отрасли хозяйства производительность труда за период от конца 50-х годов до начала 90-х увеличилась в 15,4 раза (см. табл. II-5)[52], а стадо дойных коров, приходящееся в среднем на

[49] Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1994, c. 18; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1995, c. 18; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1998, c. 18.

[50] Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1975~'76, c. 236; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1986~'87, c. 224; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1993~'94, c. 244.

[51] См. подробнее: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, гл. II, «Япония».

[52] По показателю производительности труда молочное хозяйство Японии 1993 г. уже почти в четыре раза превосходило таковое в РСФСР в 1990 г., где на

одно хозяйство молочника, разрослось до 46 голов, по данным на 1993 г. Отрасль превратилась, по существу, в индустриальное подразделение народного хозяйства. Но вот парадокс — при столь бурном увеличении производительности труда молочное хозяйство не только не сократило, но даже увеличило (если судить по показателю удельного веса затрат на живой труд) свою относительную трудоемкость (см. табл. II-5)! И в этом смысле крупнейшая отрасль животноводческого сектора оказалась сродни наиболее отсталой, но самой крупной отрасли земледелия — рисоводству. Можно сказать и иначе: обусловленный радикальной технологической модернизацией эффект трудосбережения, столь ярко проявлявшийся во «взлете» производительности труда, экономически поглощался («съедался») в молочном хозяйстве фактором высокой (относительно) трудоемкости производства и не оказывал непосредственного влияния на степень товаризации воспроизводственного процесса: на протяжении трех последних десятилетий пропорции денежных расходов на производство поддерживались в пределах примерно 50% к их общей величине (см. табл. II-4).

Таким образом, при резко различающихся отраслевых уровнях производительности труда как фактора товаризации производства (либо, напротив, консервации[!] достигнутого уровня данной товаризации), огромное (фактически определяющее) значение в поддержании целостности существенно расширившегося (и уже давно вышедшего за пределы возможностей национального ресурсного потенциала) сельскохозяйственного производства приобрел для Японии фактор *мирохозяйственных связей — международного разделения труда*, т.е. опосредствуемого «внешним» товарным обменом.

Многолико воздействие на динамику товарности сельского хозяйства политики *аграрного протекционизма*, эффективность которой в Японии не имеет аналогов в мире.

Доминирование в аграрном секторе Японии мелкого и мельчайшего производства, в большой степени опирающегося, несмотря на прогресс механизации, на ручной труд, неизбежно предполагает весьма высокие издержки производства, определяющие отставание сельского хозяйства по фактору производительности труда от других, более динамично развивающихся отраслей народного хозяйства. Исторически отраслевые издержки производства в Японии претерпевали деформацию (относительно увеличивались) и под влиянием изменений потоков рабочей силы в национальной экономике. Дело в том, что более интенсивный рост заработной

один час прямых затрат труда производилось лишь 16,67 кг цельного молока (см.: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 457).

платы в промышленности и других секторах стимулировал рост заработной платы (хотя, очевидно, и менее интенсивный) в сельском хозяйстве, но этот последний отнюдь не подпирался соответствующим увеличением отраслевой (сельскохозяйственной) производительности труда. Тем самым данный «внешний» фактор вызывал дальнейшее («искусственное») вздувание издержек производства в сельском хозяйстве. И действовал (и действует) он особенно агрессивно, в частности под влиянием исхода сельской рабочей силы в города (хотя в действительности массы бывших работников сельскохозяйственной сферы по-прежнему проживают в деревне). Поэтому государство должно было проводить политику все более мощного аграрного протекционизма, для того чтобы в такой ситуации поддержать производство в этом все более отстающем (относительно других отраслей) секторе национальной экономики, побудить его работников к эффективной экономической деятельности на земле.

Нечего и говорить, что в таких условиях издержки производства в сельскохозяйственном секторе, несмотря на происходившие процессы механизации, существенно превосходили таковые издержки не только в промышленно развитых странах, но в ряде случаев и в развивающихся странах. Американский исследователь Р. Мур иллюстрирует это положение своими расчетами, основанными на сопоставимых данных национальных источников. Согласно этим расчетам, издержки производства в рисосеющем хозяйстве в 1984/85 г. составляли в США: в Калифорнии — 9,4% от уровня издержек аналогичного хозяйства в Японии, в Техасе — 19,2%, а в Таиланде данный показатель был равен 28,6%[53]. Соответственно различались по странам и цены на единицу продукта отрасли. Так, в 2000 г. цена, по которой продавал свой рис рисовод в Японии, превышала соответствующую цену, получаемую производителем в США, в 14,7 раза, а в Таиланде — в 9,9 раза[54].

Таким образом, ценообразование в Японии в части, касающейся продукции сельского хозяйства, становилось (причем по правилу — чем ближе к сегодняшнему дню, тем сильнее) «заложником» не просто собственно внутриотраслевых факторов, порождавших чрезмерно высокие издержки производства (безраздельное господство в агросфере мелкого и мельчайшего хозяйства), но и — еще больше — факторов внесельскохозяйственного, индустриального роста, коренным образом преобразовавшего национальные

[53] *Moore R.M.* Japanese Agriculture Pattern of Rural Development. Boulder: «Westview Press», 1987, c. 252.

[54] Asahi Shimbun Japan Almanac 2003. Tokyo, 2002, c. 118.

механизмы оплаты труда на *всем* экономическом пространстве страны.

Политика аграрного протекционизма в Японии адекватно отражает динамически изменяющуюся ситуацию в соотношениях между японскими сельскохозяйственными издержками производства, с одной стороны, и издержками производства в других отраслях национальной экономики — с другой; между национальными издержками сельскохозяйственного производства, с одной стороны, и аналогичными мировыми издержками — с другой. Без преувеличения можно сказать, что закупочный механизм государства, действующий в аграрной сфере, в полной мере учитывает воздействие этих «внешних» для сельского хозяйства Японии импульсов, создавая парниковую зону для экономической деятельности семейно-фермерского хозяйства Японии. В противоположность, например, американским фермерам в мануфактурный период до начала «Нового курса» Ф. Рузвельта (начало 30-х годов) (см. гл. I, §3, «США») нынешним японским товаропроизводителям, еще не оторвавшимся вполне от «пуповины» мануфактурных форм организации труда, оказывается выгодным максимально возможную часть произведенной ими продукции реализовывать через систему государственных закупочных учреждений непосредственно или через систему частных учреждений, контролируемых государством[55]. В результате фермеры фактически продают, помимо «излишков», и ту часть своей продукции, которую в альтернативном случае они использовали бы на внутрихозяйственное (производственное и личное) потребление; восполнять же свой фонд личного (и частично производственного) потребления им оказывается выгоднее путем закупок продукции сельскохозяйственного сектора на рынке. И эта «дополнительная» обменная операция несомненно существенно увеличивает показатель товарности сельского хозяйства даже в условиях господства мелких и мельчайших производственных единиц.

---

[55] Подробнее см.: *Маркарьян С.Б.* Аграрный сектор японской экономики, с. 56–63. Например, в середине–конце 80-х годов XX в. японские фермеры 50% своего товарного риса продавали непосредственно государственным закупочным организациям, а 46% — через систему «независимого обращения», по ряду позиций также контролируемую государством, и лишь 4% общей массы товарного риса уходило на свободный, не контролируемый государством рынок (там же). В первой половине 90-х годов система «независимого обращения», в предвидении неизбежной либерализации рынка риса в стране, концентрировала уже свыше 70% общей массы товарного риса. Естественно, она исходила из установленных государством стандартов закупочных цен, но вместе с тем «выполняла важную роль в области формирования цены в соответствии с качеством продукции» (см.: *Маркарьян С.Б.* Организация производства и сбыта сельскохозяйственной продукции в Японии, в: Япония. 2000–2001. Ежегодник. М.: Ассоциация японоведов, 2001, с. 122).

«Эффект резонанса» в процесс поддержания уровня товарности сельского хозяйства Японии на предельной высоте вносят и так называемые *сторонние заработки аграрного населения*; в 1996–1998 гг. такие заработки обеспечивали немногим более 80% распределяемого дохода фермерских семей[56]. В результате для подавляющей части аграрного населения Японии сельскохозяйственная деятельность становится лишь «придатком» к основной форме экономической деятельности — «работе на стороне» (главным образом в городах).

«Побочные» доходы, столь значительные по своей относительной величине, выступающие в денежной форме, подавляют укорененную многовековой традицией практику создания фонда личного потребления (прежде всего продовольственного) крестьянской (теперь — фермерской) семьи при опоре на внутрихозяйственные ресурсы, способствуя вытеснению остатков натуральных форм хозяйствования. Денежные «побочные» доходы — это фактор перенесения центра тяжести совокупного процесса воспроизводства в земледельческом хозяйстве (в особенности воспроизводства рабочей силы) исключительно в зону рыночных отношений. Закрепляет такие возможности политика аграрного протекционизма.

О том, сколь значительную роль рынок искаженных пропорций обмена играет в формировании фондов производительного и личного потребления японского земледельца, свидетельствуют следующие сравнительные данные, полученные в результате регулярных обследований бюджетов фермерских семей[57]:

	Удельный вес денежных расходов в совокупных расходах, %		
	1957–1959 гг.	*1990–1993 гг.*	*1996–1998 гг.*
На производство[1]	*72,6*	*76,2*	*80,2*
На жизненные средства:			
всего	*62,8*	*89,3*	*88,9*
на питание	*39,1*	*86,4*	*н.св.*

[1] *Все материальные (оцененные в денежной форме) и иные денежные расходы на производство (без оплаты семейного труда)*

[56] Statistical Research on the Farm Economy, in: Farm Economy Survey 1998.

[57] The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1959, c. 364, 365; The Statistical Yearbooks of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1993~'94, c. 248; Statistical Research on the Farm Economy, in: Farm Economy Survey 1998.

За три с половиной десятилетия уже достаточно высокий (в 1957–1959 гг.) показатель удельного веса денежных расходов на жизненные средства фермерской семьи достиг в Японии, очевидно, *предельного значения*, «застыв» в 90-х годах в границах 90% к величине совокупных потребительских расходов. При этом фонд продовольственного потребления претерпел в этом смысле настоящую революцию: рынок до корней размыл самую «консервативную» сферу личного потребления — продовольственную; подавляющая часть ее параметров (как и в собственно процессе материального производства) ныне детерминируется факторами *общественного разделения труда*, заменившими существовавшее в «прошлой жизни» внутрихозяйственное и соответственно внутрисемейное («техническое») разделение труда.

Заметно медленнее увеличивалась денежная составляющая фонда производительного потребления. В 90-х годах последний по пропорциям включенности в рыночную экономику уже несколько отставал от фонда личного потребления (в противоположность ситуации конца 50-х годов), но уже достиг национального уровня товарного выхода сельскохозяйственного продукта (ср. данные табл. СП-7). Несомненно, аграрный протекционизм, обеспечив приток денежных ресурсов в руки производителя, способствовал товаризации производительного потребления.

Итак, натуральный тип потребления постепенно вытеснялся из хозяйственного обихода японского фермера и замещался типом потребления, опосредствуемого деньгами. Доля совокупного натурального потребления по отношению к «выпуску» сельскохозяйственного продукта (*agricultural output*) изменялась следующим образом; она составляла по периодам (*в % по годам*)[58]:

1980–1984	*1985–1989*	*1990–1994*	*1995–1998*
16,5	*15,6*	*12,9*	*12,2*

Но при этом составляющие натурального фонда потреблении изменялись по разным алгоритмам. Так, из общей массы продукции, потребленной фермерами *in natura*, на натуральные потребительские расходы приходилось: 26,9% в 1980–1984 гг.; 17,1% — в 1985–1989 гг.; 8,4% — в 1990–1994 гг. А такие «наполнители» натурального фонда, как «свои» семена и корма, используемые в хозяйстве, в те же годы изменялись иначе; в

[58] Подсчитано по: The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan. Выпуски за 1986~87 (с. 416), 1992~93 (с. 405), 1993~94 (с. 425), 1999~2000 (с. 563).

совокупных расходах произведенного продукта *in natura* они составляли по пятилетиям: 1980–1984 гг. — 73,1%, 1985–1989 гг. — 82,7%, 1990–1994 гг. — 91,7%. Рецессия, поразившая Японию на рубеже XX–XXI веков и сопровождавшаяся углублением разрыва между индексами потребительских цен и индексами внутренних оптовых цен[59], поменяла векторы изменений в удельных весах указанных компонентов натурального потребления в хозяйствах японских фермеров. Так, рецессия побудила японских фермеров больше «опираться на собственные силы» при формировании фонда личного потребления, по сравнению с периодом благоприятного для них соотношения цен; в результате доля натуральных потребительских расходов в 1995–1998 гг. существенно увеличилась — до 13,2%, при этом в абсолютных значениях последние выросли на 28% по отношению к уровню предшествующего пятилетия. Доля фонда натурального потребления, приходящаяся на семенной материал и корма, сократилась до 86,8%, а стоимость физического объема этого фонда упала на 20,5%. Но в итоге общая товарность сельского хозяйства Японии в годы рецессии увеличилась (см. табл. СП-7).

Товаризации производительного и личного потребления в ретроспективе содействовали, конечно, и доходы от «побочных» промыслов, позволявшие мелкому производителю создавать «первоначальный капитал» для инвестиционной деятельности в период технологических преобразований хозяйства агросферы. (Именно поэтому, думается, в Японии денежная доля расходов по отдельным элементам производительного потребления — например, на удобрения, фураж — заняла столь значительное место в производственных расходах.)

Но вот еще один парадокс: оказывается, что та же политика аграрного протекционизма с не меньшей эффективностью *консервирует структуру (социальный состав) экономических агентов в аграрном секторе*. Как явствует из предыдущего изложения, социальное разложение единообразного массива мелких хозяйств, предопределяющее рост концентрации капитала и соответственно снижение издержек производства, и, кроме того, *естественное* увеличение доли (и массы) продукта, направляемой на рынок, было в Японии блокировано и практически сведено «на нет» именно данной политикой.

Действительно, при столь масштабной технологической революции, пережитой сельским хозяйством Японии до 90-х годов, при столь радикальной метаморфозе в параметрах его товаризации, соотношения между вкладами различных групп сельских произво-

[59] Asahi Shimbun Japan Almanac 2003. Tokyo, 2002, c. 59.

дителей (семейно-фермерских хозяйственных единиц) в динамику товарного выхода сельскохозяйственного продукта изменились все-таки относительно незначительно. По официальным данным, в 1967 г. на фермеров-рисоводов, располагавших посевной площадью менее 0,5 га на хозяйство (они составляли 56% всех хозяйств, выращивающих рис), приходилось 11% общей массы проданного на рынке риса. В то время как доля хозяйств, возделывавших 2 га земли и более (они относились к типу «крупных» хозяйств, составляя 3% общего числа рисосеющих хозяйств), достигала 22% общей массы реализованного на рынке риса. А через два десятилетия, в 1988 г., когда общее число фермеров-рисоводов сократилось на 35%, на долю первой группы хозяйств (теперь они насчитывали 60% общего числа хозяйств) приходилось 13% проданного риса, а на долю второй группы (4% общего числа хозяйств) — 30%, то есть, говоря иначе, за этот период в Японии «никаких существенных сдвигов в структуре сельскохозяйственного производства (имеется в виду социальный состав рисопроизводящих хозяйств. — *Авт*.) так и не произошло»[60].

Но, конечно, сдвиги происходят, особенно с 90-х годов XX века… Происходят они, однако, больше не по «горизонтали» (что проявляется в усилении дифференциации фермерских хозяйств по размерам производства), а скорее по «вертикали», выступая следствием интеграционных процессов, развивающихся «сверху» и охватывающих группы фермеров—товаропроизводителей, *безотносительно к размерам производства в их хозяйствах*.

Вот как описывает эти процессы один из экспертов по экономике сельского хозяйства Японии, С.Б. Маркарьян: «Сельскохозяйственные компании, созданные несельскохозяйственным капиталом, являются основным звеном в интеграционной цепи — производство–переработка–сбыт. Как правило, ведя собственное производство, эти компании связаны также и с крестьянскими хозяйствами посредством специальных контрактов. В них обычно оговариваются основные показатели производства, его технология, предусматривается непосредственный контроль представителей компаний за выполнением условий контрактов. /…/ Компания «поручает» крестьянскому хозяйству произвести продукцию, она же является и ее собственником. Нередко в подобных случаях крестьянину также не принадлежит и часть средств производства (например, в животноводстве корма и молодняк предоставляется соответствующей фирмой) и даже хозяйственные помещения, которые компания сдает ему в аренду. Производитель получает оплату за свой труд в определенные сроки и деньги на по-

[60] Structural Changes in Japan’s Agriculture, c. 20–21.

крытие амортизационных расходов, если он использует собственные помещения и оборудование. /…/ В результате в процессе контрактации создается определенная группа специализированных сравнительно крупных хозяйств, работающих на современном технико-экономическом уровне, что поднимает общий уровень отрасли в целом. В то же время нельзя не признать, что такая практика ставит крестьянские хозяйства в зависимое положение от компаний, с которыми они работают по контрактам»[61].

Параллельно с такими процессами наращивает свою активность и сектор «сельскохозяйственных услуг», инициируя новые формы разделения труда и организации сельскохозяйственного производства.

Тот же автор свидетельствует: «Важную роль в сельскохозяйственном производстве в последнее время играют предприятия, оказывающие «сельскохозяйственные услуги». Они действуют по поручению крестьянских хозяйств или сельскохозяйственных объединений: выполняют подрядные работы (обрабатывают почву, выращивают рассаду, осуществляют сушку риса и т.д.), сдают землю в аренду, производят первичную обработку или переработку продукции и ее продажу, осуществляют лизинг оборудования и сельскохозяйственной техники, предоставляют информацию по вопросам производства и сбыта, связывают производителей с потребителями и пр.»[62].

Очевидно, что с наступлением информационной эпохи в агросфере Японии, по аналогии с аграрным сектором США, возникает и расширяет зону своего бытия новый тип рассеянной мануфактуры — с несельскохозяйственным по происхождению и основной сфере своей деятельности частнохозяйственным капиталом во главе. Этот капитал становится главным источником технологических инноваций и главным движителем процесса становления в агросфере новой ступени общественного разделения труда, новых форм организации производства, проникая, можно сказать, в самую сердцевину воспроизводственного процесса фермерской экономики. «Расщепление производственных функций» (А.В. Чаянов) в хозяйстве японского фермера происходит при такой системе экономических отношений столь глубоко, что фермер «освобождается» от целого ряда частичных работ, ранее составлявших его исключительную прерогативу, передавая их выполнение заботам «внешнего» капитала, и его хозяйство тем самым приобретает *фрагментарный* вид. В потоке же воспроизводственного процесса оно выступает в

---

[61] См.: *Маркарьян С.Б.* Организация производства и сбыта сельскохозяйственной продукции в Японии, с. 118–119.

[62] Там же, с. 120.

функции «технического придатка» («сколка») — первичного звена единой интегрированной производственной цепочки, производящей агропродукт, готовый к конечному потреблению.

Особенность такого частичного работника, агента современной мануфактурной формы организации труда, основанной на технологиях нового поколения, как и в США (см. гл. I, §3, «США»), состоит в том, что он остается *bona fide* собственником используемых в «совместном» производстве и принадлежащих ему средств производства, хотя поле применения таких средств, подобно шагреневой коже, подвержено неуклонному сокращению. Действительная экспроприация «младшего партнера» (мелкого собственника, выполняющего функцию частичного работника) происходит при такой системе отношений не путем использования брутальных методов эпохи первоначального накопления, т.е. насильственного отъема у производителя его средств производства, а путем их уценки через механизмы рынка, делающей дальнейшее применение этих средств экономически нецелесообразным (не говоря уже о неизбежной моральной уценке их технических параметров); угроза такой экспроприации обретает черты реальности — по мере повышения среднеотраслевого технологического порога производства, «дотянуться» до которого (порога) «младший партнер» — непосредственный производитель — мелкий собственник *самостоятельно* уже не в состоянии.

В противоположность ситуации, возникшей в Индии (см. ниже), проблемой Японии является вовсе не уровень товарности сельского хозяйства как фактор поддержания необходимых пропорций в воспроизводственном процессе, а, во-первых, недостаток природных ресурсов для осуществления сельскохозяйственного воспроизводства в масштабах, необходимых для экономики страны в целом; и, во-вторых, — и это пока главное — непомерно высокие издержки производства в сельском хозяйстве, вызывающие общую повышательную тенденцию в средних издержках в целом высокопроизводительного народного хозяйства Японии. Сельскохозяйственные издержки, как и фантастически высокие цены на землю, нагнетающие общенациональные издержки, — острая и, увы, долговременная «зубная боль» японского общества. Концентрация хозяйственной площади в руках крупных хозяйств, которая (концентрация) способствовала бы при уже сложившейся системе общественного разделения труда повышению уровня товарности сельского хозяйства Японии, например, до американского аналога (почти 100%), вызвала бы, по-видимому, больший положительный эффект не самим фактом повышения товарности (она уже чрезвычай-

но высока), а фактом *существенного снижения издержек производства*[63].

3. *Индия: модель «угасающего» товарного производства в аграрном секторе*

Уникальную модель динамики товарности хозяйства агросферы являет Индия. Определяющая особенность этой модели, ее «фирменный знак», состоит в том, что на протяжении второй половины XX столетия Индия демонстрировала, хотя и с положительными колебаниями по отдельным периодам, стагнационный тип изменений в движении товарности зернового производства с формированием регрессивной тенденции в ее динамике в последние три десятилетия. Парадокс этот представляется тем более удивительным, что агросфера Индии в течение последней трети XX века пережила (и продолжает переживать, хотя уже в ослабленном виде) мощный всплеск технологических (и обусловленных ими экономических) преобразований, вызванных «зеленой революцией».

С 30-х годов XX века до середины 90-х годов Индия прошла несколько этапов в движении товарности в основной — зерновой — отрасли своего сельского хозяйства. Первый этап охватывает период 30-х (по имеющимся в нашем распоряжении статистическим данным[64]) — середины 60-х годов; в этот период с особой болезненностью для страны проявлялись последствия агонии колониальной системы, рухнувшей в 1947 г. Диспропорции между общественной потребностью в товарном продовольствии и его наличными ресурсами, порожденные этой системой, давали себя знать на протяжении еще двух последующих десятилетий. (Заметим попутно: продовольственный кризис середины 60-х годов, вызвавший голод на значительной части территории Индии[65] и частично смягченный небывалым для страны импортом зерна из-за рубежа, обозначил завершающий рубеж рассматриваемого здесь этапа.)

Содержанием этого этапа было резкое сокращение товарности производства основных зерновых культур. По оценке ведомства по сбыту сельскохозяйственной продукции Правительства Индии,

---

[63] На это обстоятельство особое внимание обращает ряд ведущих экономистов Японии (см., например: *Hayami Yu. and Yamada S.* The Agricultural Development of Japan. A Century's Perspective. Tokyo: University of Tokyo Press, 1991).

[64] В середине 30-х годов в Индии впервые стала оцениваться товарность зернового хозяйства. Первая оценка была разработана применительно к пшеницепроизводящему хозяйству (см. ниже).

[65] См., например: *Suresh Singh K.* The Indian Famine. 1967. A Study in Crisis and Change. New Delhi: People's Publishing House, 1975.

удельный вес возможных «рыночных излишков» (marketable surplus) зерна, определявшихся по «остаточному» принципу (как остаток от величины потребления зерна в хозяйстве, его производящем; см. ниже), изменялся в этот период следующим образом (% *в валовом сборе по годам*)[66]:

Культура	*1932/33–1934/35*[1]	*1946/47–1948/49*	*1954/55–1956/57*
Пшеница	*55,0*		*37,0*[2]
Рис	*40,5*	*27,5*	*31,5*

[1] *Для риса — 1936/37–1938/39 гг.*
[2] *Для 1955/56 г. Министерство сельского хозяйства и продовольствия Индии дает оценку — 32,7%.*

Последовавшее за окончанием войны сокращение товарной доли сборов пшеницы (в меньшей — риса) было вызвано, помимо прочего, тем, что определенные слои мелких товаропроизводителей благодаря существенному сокращению бремени накопленных ростовщических долгов (они были обесценены инфляцией военных лет) и в связи с начавшимся проведением аграрной реформы, способствовавшей некоторому укреплению их хозяйств, стали заменять в пищевой диете зерно менее ценных культур зерном более ценных культур, существенный вклад в процесс сокращения товарности зернового производства стал вносить и постепенно формировавшийся «земельно-демографический комплекс» (см. ниже). Играли свою роль и другие факторы, воздействовавшие негативно на динамику товарного выхода продукта зернового производства.

Здесь нужно сделать небольшое отступление и сказать о тех понятиях, которые индийские статистические службы использовали для определения товарного выхода сельскохозяйственной продукции, в частности зерновых культур. До середины 60-х годов при расчетах величины товарного выхода, или, как он тогда именовался, «возможного [потенциального] рыночного излишка» (*marketable surplus*), индийские статистики исходили из «остаточного» принципа. Из величины урожая данного года вычиталось количество зерна, потребляемого («удерживаемого») в самом хозяйстве, его производящем, то есть отсчет осуществлялся от па-

[66] Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Wheat in India. Delhi, 1937, c.16; Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Wheat in India. (Ministry of Food and Agriculture.) Marketing Series No.143. Nagpur, 1963, c. 21; Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Rice in India. Marketing Series No.75. Calcutta, 1955, c. 418–419; Indian Agriculture in Brief. 7th ed. Delhi, 1965, c. 163; Indian Rice Statistics. New Delhi,1956, c. 23.

раметров личного и производственного потребления зерна в хозяйстве *in natura*. В расчеты закладывались все статьи расходов зерна, осуществлявшихся в натуральной форме, как-то: внутрисемейное продовольственное потребление, расходы на семенной материал, фураж, расходы зерна на натуральную оплату ремесленников и «слуг общины» в соответствии с традиционными обязательствами, сложившимися в результате прежнего внутриобщинного разделения труда (внутриобщинный бартерный обмен), а также на натуральную оплату чужого труда, привлекаемого владельцами хозяйств для работы на полях (сельскохозяйственных рабочих), натуральные платежи по фактам использования в хозяйстве арендуемых средств производства, натуральные платежи заимодавцам, рентные платежи натурой — по фиксированным ставкам или на началах издольщины.

Величина массы зерна, оставляемого в хозяйстве, претерпевала определенные колебания, в зависимости от характера динамики — повышательной или понижательной — цен на зерно. Например, материалы по обследованию сбыта пшеницы свидетельствуют, что «когда цены на прочие зерновые культуры, такие как нут, ячмень, кукуруза и рис, обнаруживают тенденцию опуститься ниже своего нормального уровня в отличие от цен на пшеницу, потребление зерна этих культур увеличивается, и в результате на рынок отправляется более высокая доля пшеницы. И напротив, когда цены на пшеницу становятся относительно ниже (по сравнению с ценами на другие культуры), процесс идет в обратном направлении»[67]. Те же явления наблюдаются при оплате чужого труда: наниматели как сильнейшая сторона рыночной сделки навязывают слабейшей стороне, сельскохозяйственным рабочим, выгодную для себя, в зависимости от той или иной динамики зерновых цен, форму оплаты труда — натуральную или денежную[68].

Источники свидетельствуют, каких масштабов такого рода «замены» могли достигать в реальной жизни. Так, между 1936/37–1938/39 гг. и 1946/47–1948/49 гг. удельный вес валового урожая риса, расходуемого на натуральную оплату сельскохозяйственных рабочих, увеличился с 9,8% до 20%, платежи по натуральным бартерным сделкам, напротив, сократились — с 2% до 1,7%, семенной же фонд увеличился с 5,7% валового урожая риса до 6,4%, а доля, расходуемая на продовольственные нужды семьи крестьянина, поднялась с 42% до 44,4%. В результате внутрихозяйственное потребление урожая риса *in natura* возросло с 59,5% до 72,5%. На рынок же отправлялся так называемый «излишек» риса, не попавший в сферу

[67] Report on the Marketing of Wheat in India. 1963, c. 18.

[68] Подробнее по этому вопросу см.: *Растянников В.Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М.: «Наука», 1973, гл. II, 2.

внутрихозяйственного распределения и потребления — 40,5% в первый период, 27,5% — во второй[69].

Статистики тем самым адекватно отразили приоритетные направления в распределении урожая зерна в традиционном хозяйстве. При этом еще нужно помнить о том, что полученный таким образом «рыночный излишек» зерна (то есть масса зерна, потенциально доступная для реализации на рынке), рассматриваемый сквозь призму его социальной структуры, включал в себя, помимо прочего, ту категорию продукта, которую индийские ученые (В.К.Р.В. Рао и др.) метко охарактеризовали «*излишком из нужды*» (*distress surplus*), отнеся к таковому в начале 50-х годов половину общей массы зерна, поступившей на рынок[70]. Рао определял такой «излишек» как продукт, который «порожден необходимостью выплат по основным денежным обязательствам сельскохозяйственного производителя, а вовсе не превышением его производства над уровнем желаемого им потребления»[71]. Данные денежные обязательства, помимо тех, которые связаны с потребностями материального воспроизводства в хозяйстве, включают выплаты по частным кредитам, заимствованным из чрезмерно высокой ставки процента, денежной аренде, полученной на тяжелых для производителя условиях, различные налоги, а также обязательства по оплате престижного потребления, обусловленные традицией (дорогостоящие свадьбы, обряды и др.).

Напротив, с середины 60-х годов, когда занялась заря «зеленой революции», точкой отсчета при измерении величины товарного продукта у статистиков стали достаточно точно учитываемые поступления сельскохозяйственного продукта (зерна) на рынок; базисной категорией для измерения товарности стало служить понятие «рыночные поступления» (*market arrivals*), обозначающее массу продукта (зерна), *реально* поступающую на местные «оптовые сборные рынки» (*wholesale assembling markets*). Иначе говоря, глубинный смысл происшедшей смены понятий состоял в том, что товарный продукт, относящийся к категории «рыночные поступления», соответствовал требованиям именно товарного хозяйства, хотя и не все его компоненты могли быть отражены в этой категории. Отметим, однако, что «оптовые сборные» зерновые рынки Индии аккумулировали, хотя в иные времена и с болезненными для экономики задержками, вызванными состоянием цен, практически всю массу зерна, уходившую из деревни. Поэтому данное понятие достаточно точно отражает складывавшиеся в тот или иной период исторического времени пропорции внедеревенской («внеш-

---

[69] См.: Report on the Marketing of Rice in India. 1955, с. 418–419.

[70] *Rao V.K.R.V.* Foreword, in: *Narain Dharm.* Distribution of the Marketed Surplus of Agricultural Produce by Size-level of Holding in India. 1950-51. Bombay: «Asia Publishing House», 1961, с. VI.

[71] См. там же.

ней») товарности, даже хотя часть попадавшего на такие рынки зерна могла впоследствии отправляться (поступать) обратно в сферу деревенского потребления.

Главным итогом рассматриваемого этапа было резкое обострение продовольственной проблемы, выражавшееся не просто в недостатке производства продовольствия, но и в существенном усилении дисбаланса в продовольственном комплексе страны, проявлявшемся в возраставшей нехватке товарного продовольствия[72]. Возникшая глубокая структурная диспропорция деформировала еще неотлаженные механизмы намеченного индустриального роста, подрывала предпринимавшиеся государством усилия направить его течение в русло целей и пропорций, предусмотренных амбициозными народнохозяйственными планами.

Между тем аграрная экономика страны пока еще функционировала преимущественно на базисе натуральных отношений. По расчетам одного из авторов настоящей работы, основанным на значительном массиве официальных макроэкономических данных и первичных данных выборочных обследований, в 1964/65 г., накануне «зеленой революции», лишь 45,5% валового продукта растениеводства принимало товарную форму и реализовывалось на рынке, но на долю самостоятельных продаж растениеводческой продукции ее производителями приходилось 3/5 всего товарного продукта отрасли (или 27,7% валового продукта), а на безвозмездные отчуждения, осуществлявшиеся докапиталистическими эксплуататорскими группами аграрного общества и государством, — 2/5 этого продукта (17,8% валового продукта). (К таким отчуждениям относились чрезмерные рентные платежи; выплаты по ростовщическим кредитам, полученным из непомерно высоких ставок процента; доходы, реализованные посредством действия механизма принудительного понижения рыночных цен; наконец, относительно небольшие государственные прямые налоги.)

Иначе говоря, в деревню, взамен добровольных рыночных отчуждений (продаж) сельскохозяйственного продукта, возвращалась и потреблялась в воспроизводственном процессе растениеводческих хозяйств, включая необходимое личное потребление семей производителей (а также в непроизводительной сфере), стоимость, эквивалентная стоимости 1/4 с небольшим (27,7%) валового продукта растениеводства[73]. Естественно, что при таких соотношениях

---

[72] Подробнее см.: *Растянников В.Г.* Развивающиеся страны: продовольствие и политика. М.: «Наука», 1968, гл. III, IV; *Миронова Е.И.* Рынок продовольственного зерна в современной Индии. М.: «Наука», 1972, гл. I, § 2.

[73] Подробнее см.: *Растянников В.Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе, с. 108–120.

между товарной частью сельскохозяйственного продукта (именно той его долей, которой располагали сами непосредственные производители), с одной стороны, и натуральной его частью — с другой, любые нарушения в сложившихся воспроизводственных потоках агросферы, какими бы причинами эти нарушения ни были вызваны (неурожаи, процессы техногенного характера, «неправильная» динамика «непослушных» цен и др.), неизбежно вызывали эффект угнетающего мультипликатора на продовольственном рынке страны.

«Зеленая революция», стартовавшая в Индии в середине 60-х годов, знаменовала начало второго этапа в динамике товарности продовольственного сектора сельскохозяйственного производства. Она радикально ускорила и интенсифицировала уже происходивший переход хозяйства агросферы от старой системы общественного разделения труда к новой, выразившейся в массовом внедрении новых технологий и соответствующих им средств производства в сельское хозяйство. Тем самым «зеленая революция» существенно стимулировала развитие товарообменных процессов в агросфере — за счет прежде всего включения в обменные отношения (и сельскохозяйственного рынка, который, однако, первое время носил очаговый характер) новых средств производства, произведенных за пределами собственно сферы сельскохозяйственного производства.

Она способствовала также разложению коллективистских связей по поводу производства, существовавших в агросфере, и, соответственно, замене сделок, опосредствуемых натуральным (бартерным) обменом, сделками денежными. «Зеленая революция» тем самым заметно расширила ареалы товарного производства и обмена в собственно сельском хозяйстве, включая сферу оплаты труда наемных работников.

Следует подчеркнуть, что «зеленая революция» в Индии в первую очередь охватила пшеницепроизводящую отрасль земледелия (с середины 60-х годов), более массовая отрасль — рисопроизводство — была включена в процесс «зеленой революции» существенно позже (в 70-х годах).

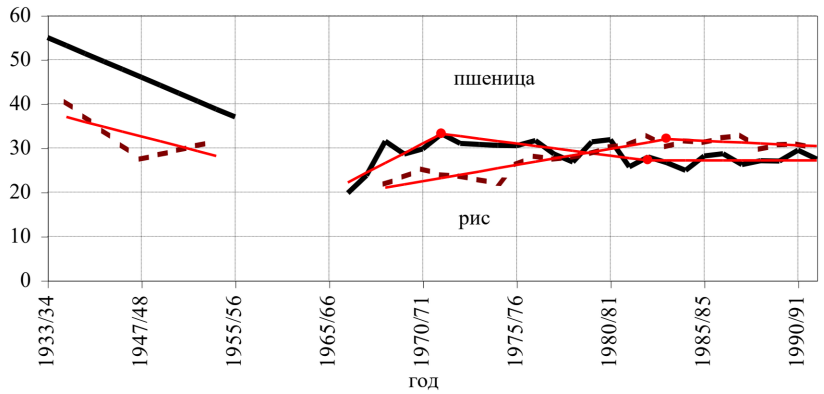
За период «зеленой революции» максимальных значений показатели «внешней» товарности в пшеницепроизводящем хозяйстве Индии достигли в начале 70-х годов, а в рисопроизводящем хозяйстве — в начале 80-х годов (см. табл. СП-8 и рис. II-5).

Здесь мы должны сделать еще одно отступление. С началом «зеленой революции» поступления пшеницы на внедеревенский рынок существенно увеличились. Своего пика они достигли в 1971/72 г., составив 33,2% (см. табл. СП-8). Вместе с тем, согласно специальному обследованию, проведенному Директоратом сбыта и инспекции Министерства сель-

ского хозяйства Индии[74], показатель товарности пшеницепроизводящего хозяйства по состоянию на 1973/74 г. был существенно больше — потенциальный «рыночный излишек, доступный для несельскохозяйственного населения» в Индии оценивался в 65,1%, а действительно реализованный на рынке «излишек» (*marketed surplus*) пшеницы составил, по оценке Директората, 56,8% ее урожая данного года (см. табл. II-6). Различия между двумя рядами показателей, как видим, разительные. В чем же причина таких расхождений и — что имеет еще большее значение — в какой степени мы можем опираться при оценке товарного выхода зерна на столь высокие показатели товарности зернопроизводящего хозяйства? (Напомним, что и первое обследование пшеницепроизводящего хозяйства, проведенное в первой половине 30-х годов, также зафиксировало весьма высокий уровень потенциальной товарности хозяйства данной отрасли — 55%; см. выше.)

Рис. II-5

ИНДИЯ: долговременные изменения внедеревенской товарности зернового производства, 1933/34–1991/92 гг. %



Как следует из материалов обследования 1973/74 г., в выборку этого обследования попало чрезмерно большое число хозяйств сравнительно состоятельных и зажиточных, то есть заведомо обладающих более высоким (или даже самым высоким) уровнем товарности земледельческого (или в данном случае — зернового) производства, чем средний, соответствующий всей совокупности хозяйств. То есть в этой выборке оказалось относительно незначительное число хозяйств, которые могли бы адекватно

[74] Marketable Surplus and Post–Harvest Losses of Wheat in India. Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1986.

(пропорционально их реальному весу) представлять более слабые группы хозяйств, производящих пшеницу. О правомерности такой гипотезы свидетельствует целый ряд данных. Ниже приводятся имеющие касательство к рассматриваемой гипотезе некоторые результаты обследования, проведенного Директоратом, с привлечением сопоставимых данных Организации Национальных выборочных обследований (НВО) (см. табл. II-6).

Таблица II-6

Индия: товарность пшеницепроизводящего хозяйства в сопоставлении с численным составом семьи, приходящимся на одно хозяйство, по штатам, 1973/74 г. *

Штат	Обследование Министерства сельского хозяйства			Обследование НВО		
				Численность семьи, *человек на*		
	«Рыночный излишек», потенциально «доступный для несельскохозяйственного населения», %	«Излишек» массы пшеницы, реализованный на рынке, %	Средняя численность семьи в хозяйстве, производящем пшеницу, *человек*	хозяйство	«крупное» (более 10 га) хозяйство	«среднее» (4,01–10 га) хозяйство
Бихар	71,9	65,1	11,5	5,6	9,7	8,8
Мадхья Прадеш	61,7	55,6	7,8	5,5	10,0	7,3
Уттар Прадеш	56,2	46,2	8,8	5,7	11,3	8,9
Пенджаб	72,1	62,2	8,2	5,5	10,3	8,6
Хариана	61,3	55,8	8,8	5,8	8,1	6,8
Индия в целом	65,1	56,8	8,7	5,3	8,6	7,3

* *Составлено по: Sarvekshana*. Journal of the National Sample Survey Organization. (Ministry of Planning. Government of India.) Vol.22. 1998, No.1, с. 68–83; Marketable Surplus and Post–Harvest Losses of Wheat in India. Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1986, с. 40, 87, 103.

Известно, что в Индии численный состав семьи находится в прямопропорциональной зависимости от размеров землепользования в хозяйстве. Так вот, если судить по числу членов семьи, приходящемуся на хозяйство, то вряд ли может вызывать сомнение факт, что главная масса

охваченных данным обследованием хозяйств состоит из наиболее крупных по размерам землепользования хозяйств (имеющих свыше 10 га земли) или — в «худшем» случае — из крепких средних хозяйств (располагающих земельной площадью от 4 до 10 га). Но эти-то группы хозяйств (особенно группа крупных хозяйств) как раз и формируют контингент фермерских предприятий, отличающихся самой высокой товарностью зернового производства в Индии (по данным рассматриваемого обследования, потенциальный «рыночный излишек» составлял на «средних фермах» 68,8%, а на «крупных» — 74,3% валового производства пшеницы)[75].

А то, что мы имеем дело с крупными и крупнейшими товаропроизводителями, подтверждает и другое наблюдение: все вместе взятые обследованные хозяйства использовали для личного продовольственного потребления лишь 4,6% собранного в 1973/74 г. урожая пшеницы, и даже с учетом закупок пшеницы на рынке (а их осуществляли почти исключительно лишь мелкие хозяйства) и поступления в форме натуральной заработной платы (эти поступления также использовались на питание) данный показатель составит только 12%[76].

К этому нужно добавить, что статистики отбирали хозяйства для обследования по преимуществу в районах, дальше продвинувшихся по пути «зеленой революции» по сравнению с другими районами. Так, в год обследования, 1973/74 г., в Индии, по официальным данным, в целом под сортами пшеницы, относящимися в высокоурожайным, возделывалось 59,4% всей посевной площади под этой культурой[77], в то время как, по оценке, разработанной на базе указанного выборочного обследования, данный показатель достигал 63,5%.

Поэтому, исходя из изложенного выше, представляется правомерным сделать вывод, что включение в исследовательский процесс такого рода данных, фиксирующих столь высокие результаты, существенно искажает реальную картину сельскохозяйственной товарности; такие данные нуждаются при их практическом использовании в серьезной корректировке, которая учитывала бы пропорциональный вклад в динамику показателя внедеревенской товарности всего состава экономических агентов агросферы. К сказанному добавим, что дальнейший анализ материалов по штатам предоставит и другие аргументы в пользу указанного предположения.

---

[75] Marketable Surplus and Post–Harvest Losses of Wheat in India, c. 105.

[76] Там же, с. 40.

[77] Economic Survey 1981-82. Delhi: [Ministry of Finance.] Government of India, 1982, c. 76,83.

Отмеченные выше взлеты товарности, по существу, оказались «лебединой песней» поступательного движения товарного производства в продовольственном секторе индийской агросферы. И действительно, от временных точек обоих «пиков» товарности (в пшеницепроизводящей отрасли — с начала 70-х, а в рисопроизводящей — с начала 80-х годов) повела отсчет тенденция к *свертыванию «внешней» товарности зернового производства*. Долговременные изменения «внешней» товарности двух основных подразделений (рисо- и пшеницепроизводящей отраслей) зернового хозяйства выглядят следующим образом:

ПШЕНИЦА			*РИС*		
Период/ годы	*Число лет*	*Средний темп изменений «внешней» товарности за год, %*	*Период/ годы*	*Число лет*	*Средний темп изменений «внешней» товарности за год, %*
1933–1955	*22*	*– 1,8*	*1937–1947*	*10*	*– 3,8*
1966–1971	*5*	*+ 8,8*	*1947–1956*	*9*	*+ 1,5*
1971–1982	*11*	*– 1,5*	*1968–1983*	*15*	*+ 2,4*
1982–1991	*9*	*0,0*	*1983–1991*	*8*	*– 0,4*

Иначе говоря, за два с лишним десятилетия прогресса «зеленой революции» зерновое хозяйство, главная отрасль продовольственного сектора земледелия Индии, по критерию товарности зернового производства, по существу, так и не выбралось за границы параметров, свойственных традиционному хозяйству, еще только «вползающему» в сферу рынка (см. рис. II-5). (Напомним, что удельный вес самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, составлял в Индии в 90-х годах около 2/3 общей численности самодеятельного населения.) И это — один из поразительных результатов динамики хозяйства агросферы Индии в эпоху «зеленой революции».

Чтобы полнее оценить такого рода тенденции застоя (и даже регресса) в общественном разделении труда, опосредствованном товарным обменом, следует вернуться к тем структурным «аномалиям», которые сложились и все более усиливаются в системе производительных сил аграрного хозяйства Индии. По существу, вся эпоха независимости Индии отмечена драматическими процессами углубления диспропорции между базисными факторами производства в сельском хозяйстве — количеством имеющейся рабочей силой, с одной стороны, и наличными природными ресурсами, ис-

пользуемыми в производстве — с другой. Всего за 30–40 лет *вдвое* уменьшилась площадь земли и на сельскохозяйственного работника (1950/51–1990/91 гг.), и на производственную единицу агросферы (1960/61–1991/92 гг.)[78], при этом процессы маргинализации обрабатываемой площади и, соответственно, производства охватили как нижний эшелон хозяйств, так и верхнюю их группу; стимулируемое этими процессами более крупное (по стандартам Индии) землепользование все больше уступает место мелкому и мельчайшему.

Так, процесс долговременных изменений в степени концентрации земли как объекта хозяйственной деятельности (operated land area) в нижней и верхней по размерам землепользования группах хозяйств (с площадью на хозяйство соответственно до 2 га и свыше 10 га), по данным Национальных выборочных обследований Индии, характеризовался в 1961–1992 годах следующими показателями (при этом значения трендов — положительно экспоненциального для нижней группы и отрицательно экспоненциального для верхней — были рассчитаны нами на три десятилетия вперед, считая от конечной точки имеющегося ряда реальных данных, до 2022 г.)[79]:

	1960/61	*1970/71*	*1981/82*	*1991/92*	*2002*	*2012*	*2022*
Удельный вес земельной площади, %,							
в нижней группе	*19,2*	*24,0*	*28,1*	*34,3*	*41,5*	*50,2*	*60,7*
в верхней группе	*29,0*	*23,0*	*18,2*	*15,2*	*12,04*	*9,7*	*7,8*

Уже в начале второго десятилетия XXI века, если современные тенденции к измельчанию земельной площади производственных единиц агросферы не будут блокированы или хотя бы заторможены, наименее эффективное (как правило, но не всегда) мелкое и мельчайшее хозяйство овладеет *половиной всей обрабатываемой площади страны* (в 1991/92 г. в распоряжении группы с землепользованием до 2 га находилось чуть более $^1/_3$ всей хозяйственной площади, и на нее приходилось 80,6% общего числа лиц, ведущих земледельческое хозяйство, против 51,7% в 1960/61 г.) и станет *доминирующим экономическим агентом агросферы*. А у предположительно крупных хозяйств (с площадью более 10 га на хозяйство;

---

[78] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 56, 59, 60.

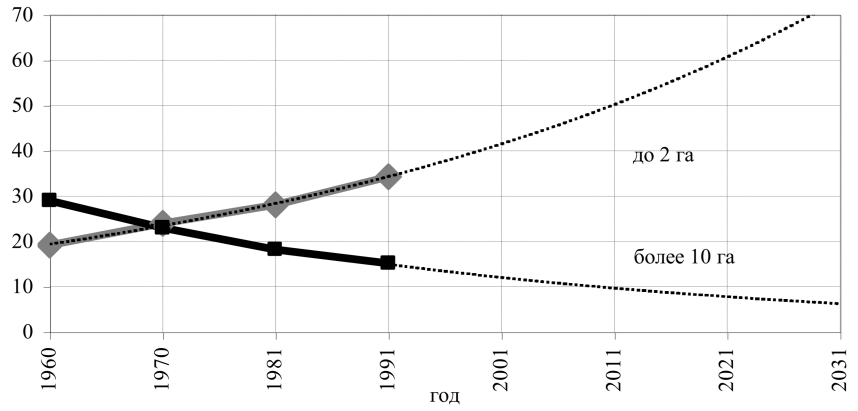
[79] *Sarvekshana*. Journal of the National Sample Survey Organization. (Ministry of Planning. Government of India.) 1997, No.3, с. 20, 21.

1,3% общего числа земледельческих хозяйств в 1991/92 г., против 4,5% в 1960/61 г.), потенциально или уже реально более эффективных, сохранится менее 1/10 обрабатываемой площади Индии (весьма наглядно эти тенденции отражены на рис. II-6).

Конечно, с точки зрения логики социально-экономического процесса при развивающемся капитализме такого рода вектор изменений в концентрации основного средства производства в земледелии представляется аномалией, но он вполне закономерен, если принять во внимание нарастающую силу давления на природные ресурсы страны избыточной массы рабочей силы; такой вектор изменений в системе землепользования наглядно отражает тенденции усиления потенциала хозяйственной инволюции, охватывающие своим губительным влиянием все бо□льшие сегменты агросферы Индии.

Рис. II-6

ИНДИЯ: удельный вес земельной площади под хозяйствами с землепользованием до 2 га и более 10 га, 1960–2031 гг., %



Все сказанное свидетельствует о том, что в агросфере Индии возник и развился клубок специфических деформаций (противоречий), который условно можно было бы назвать «*земельно-демографический комплекс*» («ЗДК»). Его формирование — динамический процесс, охватывающий все большее экономическое пространство агросферы, процесс, при котором естественный прирост населения оказывается чрезмерно высоким по отношению к наличным природным ресурсам в самой агросфере, к источникам производительной занятости как внутри, так и вне ее. Именно чрезмерное

демографическое давление вызывает прогрессирующую маргинализацию хозяйства во всех группах земледельцев, особенно болезненно последняя затрагивает мелкое и мельчайшее землепользование[80].

Или, говоря иначе, «ЗДК» есть особое выражение глубокой диспропорции, возникшей и нарастающей в структуре производительных сил индийской агросферы; по своей функциональной роли в Индии «ЗДК» — «встроенный депрессор» (Д. Торнер), феномен системного характера, глубоко деформирующий механизмы экономического роста в аграрном секторе.

Именно «ЗДК» наложил свою «черную метку» на динамику товарности в главном секторе аграрной экономики — зерновом хозяйстве. Именно вследствие «работы» этого невидимого на поверхности «крота истории» уровень «внешней» товарности[81] основных отраслей зернопроизводства — пшеничной и рисосеющей — на протяжении многих десятилетий второй половины XX столетия (несмотря на все достижения «зеленой революции») так и не смог устойчиво преодолеть планку 30% (см. рис. II-5).

Регрессивные натурально-потребительские тенденции, проявляющиеся в динамике зернового хозяйства, пожалуй, с наибольшей силой поразили многонаселенные штаты рисопроизводящих зон Индии (за исключением штатов Пенджаб и Хариана — районов с высокотоварным земледелием). Совокупный показатель товарности рисопроизводящего хозяйства здесь сократился до 23,8% (против среднеиндийского показателя — 30,8%, установленного для периода 1987/88 – 1991/92 гг.)[82], то есть достиг значений, характерных для периода резкого обострения продовольственного кризиса, пережитого Индией накануне спурта «зеленой революции»[83].

Все это — наглядное свидетельство того, что мелкое и мельчайшее хозяйство уже захватило в этих штатах и, следуя законам развития «ЗДК», с нарастающей энергией продолжает захватывать все большее пространство в сфере зернового производства, вытесняя на его «обочину» товаропроизводящий слой аграрного

---

[80] Подробнее см.: [*Растянников В.Г.*] Становление современного аграрного хозяйства в Индии, в: Земельный вопрос. Под редакцией Е.С. Строева. М.: «Колос», 1999, с. 450–459, 467.

[81] Напомним, что речь здесь идет о поставках товарного продукта на внедеревенские оптовые рынки; на них реализуется практически вся масса зерна, поступающая в распределительный процесс за пределами собственно деревни.

[82] Bulletin on Food Statistics 1992 and 1993. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1996, с. 50–51

[83] Подробнее о регрессе в эволюции товарного хозяйства в зернопроизводстве Индии в 50–70-х годах см.: Восток: продовольствие и развитие. М.: «Наука», 1986, гл. I.

населения, поставляющий товарный рис на «внешние» для деревни рынки.

В некоторых случаях развитие кризиса, вызванного развитием «ЗДК», оказывается столь значительным, что из ряда «полнокровных» поставщиков зерна на национальный рынок начинают выпадать крупнейшие районы (штаты) — производители зерновой продукции. Это — районы, где тенденции натурально-потребительской формы хозяйствования с ее определяющей чертой — «ограниченность производства рамками данного потребления есть здесь закон»[84] — начинают преобладать над тенденциями товарной формы производства.

Вот, например, какими показателями характеризуются изменения, происшедшие в объеме производства и товарном выходе риса, основной земледельческой (и продовольственной) культуры в штате Западная Бенгалия, за почти четыре десятилетия (см. табл. II-7).

Таблица II-7

Индия, штат Западная Бенгалия: динамика «внешней» товарности рисопроизводящего хозяйства, 1954/55–1991/92 гг.*

Период/ год	Валовой сбор риса в штате		Поставки риса на внедеревенский рынок		Товарная масса риса	
	индекс, *1954/55=100*	доля в валовом сборе в Индии, %	масса, *тыс.т*	индекс, *1954/55=100*	доля в валовом сборе риса штата, %	доля в общенациональной массе товарного риса, %
1954/55	100	15,3	1202	100	32,0	15,6
1978/79	178	12,4	1200	100	18,0	8,0
1990/91–1991/92	298	15,0	1685	140	15,1	7,4

* *Составлено и подсчитано по*: Indian Rice Statistics. New Delhi, 1956, c.1–4, 23; Agricultural Situation in India. Delhi, 1982. Vol. 37, No.9; Economic Survey 1990-91. Delhi, 1991, c. S-19; Economic Survey 1996-97. Delhi, 1997, c. S-21; Bulletin on Food Statistics 1992 and 1993. [Ministry of Agriculture. Government of India.] New Delhi, 1996, c. 51.

[84] *Маркс К.* Капитал. Кн. первая. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства, в: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 49, с. 85.

Как явствует из приведенных данных, валовой сбор риса увеличился за 37 лет *втрое*. Однако *почти весь прирост урожаев риса* (93,5%), по существу, *уходил в сферу личного (продовольственного) потребления самих производителей*. Данные свидетельствуют также, что товарное производство риса в штате свертывается (товарность рисопроизводящего хозяйства понизилась *более чем вдвое* за рассматриваемый период — с 32%[85] до 15%); хотя доля местного производства риса в общеиндийских сборах к началу 90-х годов стабилизировалась на уровне середины 50-х (15%) (с перепадом, однако, в конце 70-х годов), рисопроизводящее хозяйство Западной Бенгалии постепенно вымывается с общеиндийского рынка зерна (удельный вес района на общенациональном рынке понизился *более чем вдвое* — с 15% до 7%). Вряд ли может вызывать сомнение факт, что, по существу, единственной функцией основной отрасли западнобенгальского земледельческого хозяйства — рисопроизводства — становится обеспечение самого деревенского населения главным продуктом питания при, очевидно, значительном относительном увеличении части урожая зерна, потребляемого *in natura* самими крестьянами, его производящими.

Аналогичные процессы наблюдаются во многих районах производства культуры пшеницы, второй по значимости в формировании зерновых ресурсов страны. В земледелии крупного района Восточной Индии — штата Бихар — можно даже с документальной точностью установить начальную временную точку процесса натурализации пшеницепроизводящего хозяйства. С середины 50-х годов производство пшеницы стало бурно расти и к концу 60-х годов оно увеличилось более чем в 2,5 раза (см. табл. II-8); на рынок отправлялось до трети ее валовых сборов (товарная масса же пшеницы увеличилась почти в 3 раза). Но тогда же, в конце 60-х годов, восходящая кривая роста товарного производства была прервана: пшеницепроизводящее хозяйство стали поражать процессы натурализации; началось «движение вспять», вернее, производство пшеницы продолжало стремительно разбухать (с конца 60-х годов до конца 70-х ее сборы увеличились еще в 2,8 раза), однако теперь производители зерна не менее стремительно рвали свои былые свя-

[85] Примерно такую же оценку товарности рисопроизводящего хозяйства в Западной Бенгалии дает обследование, проведенное в группе деревень штата индийским исследователем Дж.П. Бхаттачарджи. Согласно материалам этого обследования, в 1955–1957 гг. на рынке реализовывалось 32,3% валовых сборов риса, при этом около шести десятых (56,9%) общего объема продаж риса приходилось на условно «средние» и «крупные» хозяйства (с землепользованием от 4-х до 8-ми га на хозяйство и свыше 8 га), составлявшие 13,4% общего числа хозяйств. (Цит. по: *Muthiah C.* Marketable Surplus of Foodgrains. Policy for Third Plan., in: *The Economic Weekly*. Bombay, 21.01.1961, c. 87.)

зи с рынком: товарность пшеницепроизводящего хозяйства упала в 2,8 раза (с 33,3 до 12%), а абсолютный объем товарных поставок пшеницы «застыл» на одном уровне (280–300 тыс. т в год).

Последующий рост производства пшеницы позволил в начале 90-х годов еще увеличить (вдвое) объемы товарной массы пшеницы, поставляемой на оптовые сборные рынки, но функционально пшеницепроизводящее хозяйство штата все более закрепляло свою роль в качестве поставщика зерна для потребления местного деревенского населения, даже несмотря на то, что в 80-х годах в данном хозяйстве наметилась тенденция к некоторому восстановлению утраченного уровня «внешней» товарности (как свидетельствуют данные, последняя за два десятилетия «зеленой революции», к началу 90-х годов, еще не достигла скромного — 18,1% — показателя начала 70-х годов; см. табл. II-8).

Если исходить из оценки рыночной динамики результатов производства, пшеничное хозяйство штата все больше работает как бы на «холостом ходу», ориентируясь на цели традиционной экономики — обеспечение фонда потребления (в данном случае продовольственного потребления в натуре) для самого непосредственного производителя: *с конца 60-х годов подавляющая масса — 90% всего прироста производства пшеницы затрачивается на эти цели*.

К типу районов с регрессирующей товарностью относится, например, и штат Мадхья Прадеш, где за почти 40 лет производство пшеницы возросло более чем в три раза, физический объем поставок этой культуры на рынок после длительного периода их сокращения и последовавшего за ним (с начала 80-х годов) восстановительного периода заметно увеличился, но все еще *не достиг (в начале 90-х годов) уровня середины 50-х годов*. Удельный вес же товарного выхода пшеницы за почти 40 лет уменьшился более чем в три раза (с 36% до 10,7%) и в два раза — со времени от начала «зеленой революции» в Индии (см. табл. II-8). В этом штате фактически *весь прирост производства пшеницы поглощался сферой личного потребления деревенского населения*.

Вследствие именно усиления тенденций натурально-потребительской формы хозяйствования, охвативших огромные территории, Индия пока не может восстановить средненациональную товарность зернового хозяйства до уровня, типичного для 50-х, даже несмотря на то, что в отдельных районах страны возникла в ходе «зеленой революции» новая система высокотоварного зернового производства, которая вносит все более весомый вклад в формирование этого средненационального уровня. Одним из таких районов, обладающим наибольшим весом как поставщик товарного зерна на общенациональный рынок, является район Пенджаб–

Хариана (до 1966 г. территории, сформировавшие штат Хариана, входили в штат Пенджаб).

Таблица II-8

Индия, штаты Бихар и Мадхья Прадеш: динамика «внешней» товарности пшеницепроизводящего хозяйства, 1954/55–1991/92 гг. *

Период /год	Валовой сбор пшеницы, *индекс*	Товарный выход пшеницы		
		масса,	удельный вес в валовом сборе,	
		тыс.т	*%*	*индекс*
	Бихар			
1954/55 – 1956/57	100	98	30,0[1]	100
1967/68 – 1969/70	260[2]	282	33,3	111
1970/71 – 1972/73	508[3]	299	18,1	60
1978/79 – 1979/80	738[4]	287	12,0	40
1987/88 – 1989/90	992[5]	461	14,3	48
1990/91 – 1991/92	1051[6]	546	16,0	53
	Мадхья Прадеш			
1954/55 – 1956/57	100	573	36,0[1]	100
1967/68 – 1969/70	103[2]	332	20,2	56
1970/71 – 1972/73	165[3]	417	15,9	44
1978/79 – 1979/80	208[4]	386	11,6	32
1987/88 – 1989/90	285[5]	485	10,7	30
1990/91 – 1991/92	313[6]	532	10,7	30

***** *Составлено и подсчитано по:* Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Wheat in India. Marketing Series No.143. Nagpur, 1963, c. 21, 232; *Agricultural Situation in India*. Vol. 28. 1973, No.2; Vol. 28, 1973, No.4; Vol. 36, 1982, No.12; Indian Agriculture in Brief. 19th ed. 1978, c. 299; Economic Survey 1981-82. New Delhi, 1982, c. 79–82; Bulletin on Food Statistics 1992 and 1993. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1996, c. 50; Report of the Commission for Agricultural Costs and Prices for the Crops Sown in 1997-98 Season. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1998, c. 250.

[1] Возможный (потенциальный) «рыночный излишек» (*marketable surplus*).
[2] 1966/67 – 1968/69 гг.
[3] 1969/70 – 1971/72 гг.
[4] 1977/78 – 1978/79 гг.
[5] 1986/87 – 1988/89 гг.
[6] 1989/90 – 1990/91 гг.

Таблица II-9

Индия, район Пенджаб – Хариана: динамика «внешней» товарности пшеницепроизводящего хозяйства и его роль в формировании общеиндийского рынка пшеницы 1955/56–1991/92 гг. *

Период / год	Товарная масса пшеницы, *тыс.т*	Товарная масса пшеницы		
		доля в валовом сборе[1] культуры в районе		доля в общенациональной товарной массе культуры
		%	*индекс*	%
		Пенджаб–Хариана		
1955/56	710	36,0[2]	100	21,8
1969/70	2645	43,8	122	49,3
1976/77	3940	47,2	131	43,2
1981/82	5362	47,5	132	57,2
1987/88 – 1989/90	7142	44,4	123	55,3
1990/91 – 1991/92	8397	46,4	129	55,9
		Вся Индия		
1955/56	2957	32,7[2]	100	100
1969/70	5370	28,8	88	100
1976/77	9120	31,7	97	100
1981/82	9370	25,7	79	100
1987/88 – 1989/90	12918	26,8	82	100
1990/91 – 1991/92	15013	28,6	87	100

***** *Составлено и подсчитано по*: Indian Agricultural in Brief. Delhi, 7th ed. 1965; 12th ed. 1973; 17th ed. 1978; 21st ed. 1987; Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Wheat in India. Marketing Series No.143. Nagpur, 1963, c. 21, 232; Bulletin on Food Statistics 1992 and 1993. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1996, c. 50; Report of the Commission for Agricultural Costs and Prices for the Crops Sown in 1997-98 Season. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1998, c. 250.

[1] Предыдущего года (периода).

[2] Возможный (потенциальный) «рыночный излишек» (*marketable surplus*).

Этот сравнительно небольшой район, сосредоточивающий около 6% обрабатываемой площади Индии (и 7,9% всей площади

посевов под зерновыми культурами в 1992/93–1995/96 гг.[86]), на рубеже 80–90-х годов обеспечивал свыше 55% общенациональной массы товарной пшеницы, против 22% в середине 50-х годов — до начала «зеленой революции» (см. табл. II-9).

Еще более впечатляющих успехов земледельцы Пенджаба–Харианы добились в развитии товарного производства риса. Культура риса, столь мало распространенная в Пенджабе в 30–50-х годах, со времени «зеленой революции» вошла в режим «догоняющего» роста, вызвавшего кардинальные изменения в функциональной роли рисопроизводящего хозяйства района на общеиндийской арене. Если в середине 50-х годов пенджабский товарный рис составлял менее 2% общих ресурсов товарного риса в Индии, то в середине 70-х годов этот показатель увеличился до 15%, а в начале 90-х достиг 30% (см. табл. II-10). Рисопроизводящее хозяйство района стало главным источником формирования общенациональных государственных резервов риса через механизм государственных заготовок.

В период «зеленой революции» земледелие района пережило глубокие технологические преобразования, в результате которых резко выросла продуктивность зернового производства (например, урожайность основной сельскохозяйственной культуры района — пшеницы поднялась с 11 ц/га в начале 60-х годов до 40 ц/га в середине 90-х годов[87]); заметно увеличилась техническая оснащенность зернового хозяйства, в частности за счет поставок в сферу земледельческого производства машин и механизмов, сберегающих труд. Значительно выросла производительность труда: в пшеницепроизводящем хозяйстве последняя повысилась более чем в 5 раз; на производство 10 кг пшеницы в середине 90-х годов затрачивался лишь один час рабочего времени, против двух часов в других пшеницепроизводящих штатах Индии; выход продукции риса, ныне второй по значимости зерновой культуры в Пенджабе и Хариане, на час затрат труда составлял в районе в середине 80-х – середине 90-х годов 9,5 – 10 кг, против 1,7–1,8 кг в штатах рисопроизводящей зоны Индии в тот же период[88].

Непосредственным результатом увеличения производительной силы труда в пенджабском земледелии было образование материальных предпосылок для резкого повышения товарности произ-

---

[86] Report of Commission for Agricultural Cost and Prices for the Crops Sown in 1997-98 Season. New Delhi: Ministry of Agriculture, Government of India, 1998, c. 113.

[87] См.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 200–201.

[88] Там же.

водства; на рынок пошел продукт, который ранее, при традиционной системе хозяйствования, должен был идти на возмещение затрат живого труда, а существенное увеличение продуктивности земли обеспечивало и больший прирост самой массы товарного продукта; в пшеницепроизводящем хозяйстве района ее доля выросла на 1/3 — от немногим более 1/3 величины валовых сборов пшеницы в 50-х годах до почти половины к началу 90-х (см. табл. II-9), а в земледелии собственно штата Пенджаб — до более чем половины валового урожая пшеницы.

Таблица II-10

Индия, район Пенджаб – Хариана: динамика «внешней» товарности рисопроизводящего хозяйства и его роль в формировании общеиндийского рынка риса, 1938/39–1991/92 гг. *

Период / год	Валовой сбор риса в районе		Товарная масса риса		
	объем, *тыс. т*	доля в валовом сборе в Индии, %	объем, *тыс. т*	доля в валовом сборе в районе, %	доля в общенациональной товарной массе, %
1938/39	109	0,4	36	33,0	0,3
1954/55	225	0,9	140	62,0	1,8
1969/70	944	2,3	749	79,3	7,9
1975/76	2072	4,3	1869	90,2	14,9
1978/79	4319	8,0	3915	90,6	26,1
1987/88–1989/90	7089	10,5	5862	82,7	28,2
1990/91–1991/92	8368	11,2	6771	80,7	30,0

* *Составлено и подсчитано по*: The Board of Economic Inquiry. Punjab (India). Statistical Analysis of the Economic Conditions of Peasants in the Punjab. 1939–1949. Publication No.8. Ludhiana, 1950, c. 10; Studies in Economics of Farm Management. Ferozepore District (Punjab). Report for the year 1969-70. Delhi: Ministry of Agriculture, 1973, c. 328; Indian Rice Statistics. New Delhi, 1956. c. 1–4, 23; *Agricultural Situation in India*. Delhi, 1973. Vol. 28, No.4; Indian Agriculture in Brief. Delhi, 17th ed. 1978; 21st ed. 1987; Economic Survey 1990-91. Delhi, 1991. c. S-19 – S-21; Economic Survey 1996-97. Delhi, 1997. c. S-21 – S-23; Bulletin on Food Statistics 1992 and 1993. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1996. c. 50–51.

Достижения во вхождении в рынок рисосеющего хозяйства в районе Пенджаба–Харианы были еще более значительны. Традиционная система производства позволяла здесь отпускать на рынок лишь треть валового урожая риса (33%, по данным на 1938/39 г.). К концу же 60-х годов в районе сформировался устойчивый тип принципиально нового рисопроизводящего хозяйства, целиком ориентированный на работу для рынка: на рынок отправлялось почти 4/5 валовых сборов риса (79,3% в 1969/70 г.), а к концу 70-х годов — уже свыше 9/10 (90,6% в 1978/79 г.); на рубеже 80–90-х годов этот показатель несколько снизился, составив 81,9% (1987/88–1991/92 гг.) (см. табл. II-10), что свидетельствует о том, что рис постепенно входит в обычный рацион питания крестьян, его производящих (а часть его сборов, возможно, образует натуральную составляющую фонда заработной платы, выплачиваемой наемным земледельческим рабочим).

С полным основанием можно утверждать, что только благодаря формированию технологически зрелого зернового хозяйства в таких «очаговых» районах, как земледельческие территории штатов Пенджаб и Хариана, Индии удается предотвращать (или, может быть, точнее — замедлять) падение общенациональной товарности зернового производства. Мощный поток товарного зерна на общеиндийский рынок из таких «очагов» интенсивного земледелия позволяет в известной мере компенсировать сокращение поставок товарного зерна из обширных районов распространения традиционного хозяйства, во многих из которых происходит ныне процесс натурализации зернового производства, — свидетельство одного из самых ярких проявлений кризиса традиционных форм экономики[89].

Таким образом, зерновое хозяйство Индии претерпевает особую стадию экономической эволюции, для которой характерен углубляющийся «дуализм»: одно (гигантское по числу охватываемого населения) подразделение этого хозяйства все больше утрачивает те макрохозяйственные функции, которые оно выполняло ранее (поставки на рынок основной продовольственной продукции), и тем самым (в тенденции) постепенно выпадает из общенациональ-

[89] Итог такого развития впечатляющ. Индийское государство стало, по существу, «заложником» своекорыстных интересов узкой прослойки фермеров района Пенджаб–Хариана в обеспечении государственных резервов зерна (пшеницы и риса), предназначенных для общенациональной системы общественного распределения и других социальных нужд. Например, за период 1991/92–1996/97 гг. 88,3% общего объема заготовок пшеницы и 50,3% риса было сделано государством в одном этом сравнительно небольшом районе (Report of Commission for Agricultural Costs and Prices for the Crops Sown in 1997-98 Season, с. 111, 137), причем под прессом «извечных» требований продавцов об оплате товарных поставок зерна (пшеницы) по непомерно высоким — выше мировых — ценам.

ной системы общественного разделения труда как производитель товарного продовольствия; другое (значительно меньшее) подразделение, напротив, все более берет на себя решение острейших задач общественного воспроизводства, обеспечивая растущую массу товарной продовольственной продукции. Это-то подразделение пока и выступает системообразующим началом в складывающемся новом общественном разделении труда.

Проблема в том, сумеет ли формирующаяся в Индии система высокотоварного (по местным стандартам) зернового производства адекватно компенсировать последствия разрушительной работы неутомимого «крота истории», овладевающего все новым пространством агросферы. Как свидетельствует вся совокупность приведенных данных (см. табл. II-7, II-8, II-9, II-10, рис. II-5), к последнему десятилетию XX века «перевес» оставался, несмотря на определенное укрепление высокотоварного сегмента аграрного хозяйства Индии, на стороне «ЗДК»: сила натурально–потребительских тенденций внутри деревни определенно возобладала над силой тенденций товарного производства к «внешней» экспансии — расширению поставок товарного зерна на общенациональный рынок. Или, говоря иначе, регрессивные тенденции в динамике «товарной» составляющей сельскохозяйственного роста вносят все более весомый вклад в становление нового круга тех самых структурных диспропорций, которые проявили свою разрушительную силу в середине 60-х годов, вызвав острую нехватку товарного зерна даже при сложившихся весьма низких нормах его подушевого потребления.

И еще один кардинально важный вывод следует из тех же данных. Несмотря на возможно уже значительное продвижение страны по пути индустриализации и НТР индийское общество в основе своей все еще остается *аграрным*. И не только потому, что в структуре населения страны чрезвычайно устойчива по своей относительной величине и непомерно высока доля лиц, занятых в сельском хозяйстве (на эту категорию занятых в начале последней трети 90-х годов приходилось 64% общего числа занятых, против 69,5% в 1960/61 г.), но и потому, что *экономика агросферы Индии*, если судить по индикаторам структуры ее зернового фонда (зерно, напомним, — главный продукт питания населения Индии), отражающим ведущие целевые установки движения сельскохозяйственного производства, *работает на обеспечение самой себя (или иначе — собственного населения) продовольствием по преимуществу*, при этом энергетическая ценность среднедушевого рациона питания в Индии составляла в 1995–1999 гг., по оценке ФАО, 2453 Ккал в день[90] — примерно столько же,

[90] Food Balance Sheets, in: FAO Statistical Database (цит. по: www.fao.org).

сколько, по оценке Центральной статистической организации Индии, было и в первой половине 80-х годов, — а обеспечивала страна зерновую составляющую столь скромного среднего рациона (при 10 г животного протеина) исключительно за счет собственных ресурсов зерна. На содержание же («прокорм») 36% населения, занятого в несельскохозяйственных сферах деятельности (притом что в городах, по переписи 1991 г., проживает 25,7% общего числа индийцев[91]), такая экономика в состоянии выделить лишь «остатки» — около 30% производимого в ней зерна (причем при тенденции этой доли к сокращению. См. рис. II-5)[92]. Именно из таких пропорций высвечивает *традиционализм аграрного хозяйства Индии*, который остается одной из фундаментальных основ («несущих конструкций») экономического бытия индийского общества.

Вместо заключения. Общее и особенное в рыночных моделях товарного производства аграрного сектора

Мы представили три страновые рыночные модели развития товарного производства в агросфере в XX веке. Они имеют общие между собой черты, но также и различаются друг от друга рядом сущностных признаков.

Как мы убедились, для всех трех моделей характерна ярко выраженная *неравномерность* динамики (как положительной, так и отрицательной) товаризации хозяйства агросферы. Это явление затрагивает различные потоки воспроизводственного процесса (что мы видели на примере аграрных секторов США и Японии), касается протяженности (временны□х границ) охватываемых им исторических периодов (весьма ярко неравномерность в интенсивности процессов товаризации проявилась в исторически быстротечной смене системы хозяйства в аграрном секторе США при переходе последнего от мануфактурной формы организации к индустриальной), оно распространяется на территориальные хозяйственные комплексы, обнаруживая себя в формировании как активных очагов

[91] Census of India 1991. State Profile 1991. India. (*M. Vijayanunni*, Registrar General and Census Commissioner, India.) Delhi, 1998, c. 7.

[92] Однако уточним: из несельскохозяйственного населения (36% общей численности всего населения) содержание некоторой его части, именно занимающейся экономической деятельностью в самой деревне (это — еще сохранившиеся ремесленники, некоторые категории бывших «слуг общины», а также представители администрации), берет на себя сам сельскохозяйственный сектор, отчуждая из своей доли (70% валового урожая) в их пользу — через бартерный обмен или путем прямых продаж — некоторую часть получаемого им зерна.

роста товарного производства, так и зон его «угасания» (пример — аграрный сектор Индии). Но мы наблюдаем также и примеры относительно плавных, эволюционного типа, изменений ряда важнейших параметров хозяйственной системы агросферы под влиянием процессов товаризации (аграрный сектор Японии).

Модели товарности различаются *социальными механизмами* включения хозяйства агросферы в систему рыночных отношений. Исторически этот процесс происходил по двум генеральным направлениям. *Во-первых* — по пути развития рыночных отношений, но *без формирования обратных для непосредственного производителя агросферы связей* (типичный пример — система издольной аренды, при которой огромная масса продукта, изымаемая из хозяйства непосредственного производителя в форме натуральной ренты, обескровливая последнее, превращается в товар за пределами данного хозяйства), и, *во-вторых* — по пути развития рыночных отношений *при наличии прямых и обратных связей между производством и рынком*, непосредственно воздействующих на условия конкурентной борьбы на рынке, динамику издержек производства и др.

По первому пути развития товарного хозяйства эволюционировала агросфера Японии до проведения аграрной реформы (конца 40-х – начала 50-х годов), отличавшейся весьма высокой эффективностью (она практически целиком уничтожила крупное — по местным стандартам — землевладение, отсекавшее огромную массу хозяйств от рынка); а также агросфера Индии, где принудительные способы отчуждения поступающего на рынок продукта еще далеко не исчезли и поныне (например, до сих пор сохраняются издольщина, ростовщичество и иные «оазисы» докапиталистических отношений). Но вместе с тем в результате «зеленой революции» в этой стране укрепилась и расширила поле своего влияния вторая отмеченная тенденция — включение в воспроизводственный процесс хозяйства агросферы факторов «учета и контроля» со стороны рынка.

Агросфера США в период после отмены рабства в 60-х годах XIX века эволюционировала преимущественно *по пути свободного развития товарного хозяйства*, т.е. пути, при котором весь ход сельскохозяйственного воспроизводства корректируется системой прямых и обратных связей — от рынка к производителю, формируя адекватные для рыночной экономики условия конкуренции. Этот путь, будем справедливы, восторжествовал в агросфере США отнюдь не сразу. В последней еще длительное время, даже до 40–50-х годов XX века, давали о себе знать, хотя и на ограниченном пространстве — на «старом Юге» страны, миазмы первого пути развития товарного хозяйства, пути, находившего прибежище во

все еще не изжившей себя кабальной издольщине, прямой «наследнице» рабского плантационного землевладения. Как показывают статистические данные, товарное производство в аграрном секторе США к концу XX века практически достигло *высшей ступени* своего развития, что проявляется как в целевых установках экономической деятельности (производить продукт в качестве товара для рынка), так и в результатах роста товарного производства — высочайшей степени концентрации товарного производства («точечная» концентрация).

Анализ показывает, что в сельском хозяйстве обнаруживается высокая *корреляционная зависимость* (хотя в иных случаях она сопровождается отраслевыми «аномалиями» — пример Японии) между *ростом производительности труда*, который детерминируется ходом индустриальных преобразований в агросфере, и *повышательной динамикой выхода товарного сельскохозяйственного продукта* и, соответственно, *динамикой роста денежных затрат на осуществление воспроизводства*. Особенно отчетливо такая зависимость отслеживается в период индустриальных преобразований, при которых увеличение доли производительного потребления, опосредствуемого рыночным обменом (равно как и доли продукта, уходящего на рынок), происходит особенно интенсивно, даже — в иных случаях — в режиме скачка.

Мощные импульсы процессы товаризации производительного потребления получают в результате развития новых форм общественного разделения труда и организации сельскохозяйственного производства, вызываемых формированием в аграрном секторе производительных сил информационной эпохи. Типичным экономическим агентом агросферы в такую эпоху все больше становится высокотоваризованное хозяйство, собственная экономическая деятельность которого постепенно приобретает функционально *фрагментарный характер*, а само оно становится «встроенным» звеном более широких и органичных производственных комплексов.

В этом отношении характерен пример аграрного сектора США, в котором на протяжении XX столетия по меньшей мере трижды менялись механизмы товаризации сельскохозяйственного воспроизводства: на смену мануфактурной организации труда с ее достигшими «потолка» и «замерзшими» на долгие годы пропорциями сельскохозяйственной товарности (10–30-е годы XX века) пришли бурные процессы индустриальных преобразований, вызвавшие к жизни совсем иной — динамичный — тип товарности сельскохозяйственного воспроизводства, за которыми последовал переход аграрного сектора к системе высоких технологий (рубеж 70-х – 80-х годов), обусловивший в социально-экономическом

плане завершение процесса превращения фермера в «стопроцентного» («абсолютного») товаропроизводителя. Аграрный сектор США безусловно лидирует в развитии новых форм общественного разделения труда (ОРТ). В частности, он все более активно охватывается экономической деятельностью развивающегося вне его границ сектора услуг с присущей последнему все более усложняющейся номенклатурой полезностей. Объектами процесса такой межсекторной товаризации становятся многие производственные функции фермерского хозяйства, которые ранее были его безусловной прерогативой. Активно зарождаются такого рода хозяйственные формы, как мы видели ранее, и в аграрном секторе Японии.

Мы убедились далее — на примере этой страны, — что в хозяйстве агросферы общественное разделение труда во второй половине XX века вовсе не является тем единственным механизмом, который в условиях рыночной экономики автоматически влечет за собой адекватный рост товарного обмена. Другое средство — особая политика государства (аграрный протекционизм), стимулирующая, помимо выполнения функции экономической защиты производителя, развитие «искусственных» форм рыночного обмена. Речь здесь идет, в частности, о субсидиальных подпорках, обеспечиваемых государством фермерскому хозяйству. Вместе с тем именно поддержка государства в обстановке «парникового рая» приводит в движение весь механизм обмена между сельским хозяйством и всеми другими секторами народного хозяйства.

Напротив, в Индии товарное производство даже при наличии обширных зон «зеленой революции», хозяйство которых характеризуется по преимуществу рыночными целевыми установками экономической деятельности, еще далеко от того, чтобы преодолеть угнетающее влияние «комплексов» традиционного хозяйства с его целевыми установками, предполагающими обеспечение в первую очередь жизненных средств для производителя и его семьи. Более того, оно испытывает все более сильное воздействие феномена, который мы охарактеризовали понятием «земельно-демографический комплекс» (ЗДК). Агросфере Индии, как явствует из предыдущего анализа, пока не удается прорвать «заколдованный круг» барьеров ЗДК, что обеспечило бы ей возможности для нормальной реализации преимуществ ОРТ в интересах сельскохозяйственных производителей (в частности, наращивание, при регулирующей роли государства, экономически выгодных для них рыночных связей, связывающих аграрный сектор с другими секторами национальной экономики). В важнейшем подразделении аграрного сектора Индии — продовольственном — мы наблюдаем скорее *обратную тенденцию* — тенденцию к «угасанию» (свертыванию) межотраслевых

связей. Или, если сказать иначе, «частные» закономерности, диктуемые ЗДК, оказываются сильнее, чем всеобщие закономерности, определяемые ОРТ. В этом смысле Индия пока являет на уровне межотраслевых связей модель *заблокированной товаризации хозяйства своей агросферы*. В самом же аграрном секторе страны происходит борьба двух тенденций: тенденции к усилению натурально-потребительского начала в хозяйственной деятельности и тенденции к дальнейшему развертыванию товарного производства и товарного обмена, побуждаемому технологическими трансформациями, вызванными к жизни «зеленой революцией». И хотя точных фактов накоплено еще недостаточно, можно тем не менее сделать предварительный вывод, что пока в борьбе этих двух тенденций сложилось относительное равновесие, возможно, с небольшим перевесом в сторону натурально-потребительской тенденции. (Отсюда — неизменность, на протяжении десятилетий, пропорций «внешней» товарности зернового производства Индии.)

Во второй половине XX столетия Индия уже пережила период спада сельскохозяйственной товарности (порожденного деградационными процессами в аграрной экономике в последние пять-шесть десятилетий колониального бытия индийского общества), который пришелся на послевоенные годы и завершился в основном к концу 60-х годов, с началом «зеленой революции». Признаки же нынешнего «отката» в динамике товаризации хозяйства агросферы стали обнаруживаться примерно на рубеже 70–80-х годов, когда ЗДК стал входить в фазу обострения. (Напомним, что с конца 70-х годов в Индии почти полностью прекратился рост площади обрабатываемой земли при ежегодном приросте сельскохозяйственных работников около 2% в год.)

Драматичность ситуации усугубляется тем, что возможности Индии для существенного изменения пропорций выхода товарного сельскохозяйственного продукта крайне ограничены. При сложившейся структуре распределения населения между городом и деревней, с одной стороны, и при крайне низкой производительной силе труда, существующей в аграрном секторе страны (например, выход готового продукта в главном, зерновом, секторе аграрной экономики составляет 2–4 кг зерна на час затрат труда), — с другой, огромная часть произведенного продукта, потенциально товарная, неизбежно «сгорает» в ходе личного потребления самих сельскохозяйственных работников и членов их семей, причем в значительной (возможно, наибольшей) части минуя рыночный обмен. Трудности выхода из такой ситуации — крупнейший вызов всей экономической системе индийского общества, когда-либо пережитый им в XX веке.

В целом Индия являет собой модель динамики товарного хозяйства в агросфере, присущую — в тенденции (или уже в реальной действительности, как, например, в аграрном секторе Бангладеш) — кругу стран *с непреодоленным* (может быть, точнее — с не поддающимся преодолению) ЗДК.

Напротив, аграрному сектору Японии — при гораздо более высокой интенсивности воздействия на народное хозяйство ЗДК в исходный период современного экономического роста[93] — удалось прорвать блокирующие барьеры ЗДК и выйти, используя огромную стимулирующую силу, с одной стороны, государства (мощная протекционистская политика), а с другой — НТР (небывалый по интенсивности экономический рост во внесельскохозяйственных отраслях в течение нескольких десятилетий послевоенного периода), на путь быстрого формирования рыночной модели хозяйства сектора. Некоторые специфические условия способствовали (на стороне общественной потребности) ускорению этого процесса.

Дело в том, что в воспроизводственном механизме агросферы Японии при ее переходе к современному типу экономического роста был нарушен *ресурсный кругооборот*. Сама невозможность держать крупный скот в крестьянском хозяйстве в адекватном производственным нуждам количестве обусловливала то, что в сельском хозяйстве страны даже самые начальные шаги интенсификации могли осуществляться только при помощи поступления ресурсов извне. Таковыми были прежде всего корма и удобрения, приток которых извне возмещал отсутствие первых и острый недостаток вторых («удобряющий» потенциал имевшегося у крестьян скота далеко не соответствовал расширявшейся потребности сельскохозяйственного воспроизводства в удобрениях). «Чужая» экономика через *механизмы мирового рынка* только и могла заполнить эти бреши[94].

С феноменом такой недостаточности мы познакомились на примере развития животноводческих отраслей, а также рисопроизводства, но в не меньшей степени он касается обеспечения страны и иной базисной продовольственной продукцией, например, весьма популярной у горожан пшеницей. Прорыв к новому, динамичному

---

[93] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, гл. II, «Япония».

[94] Теоретическую разработку проблемы об исторических формах (стадиях) взаимодействия земледелия и животноводства и их роли в развитии человеческой цивилизации см.: *Онищук С.В.* Исторические типы общественного воспроизводства: политэкономия мирового исторического процесса. М.: «Восточная литература» РАН, 1995, гл. I, § 2.

типу сельскохозяйственного воспроизводства, предполагающему выход последнего за национальные границы, стал происходить на ранних стадиях современного экономического роста. Опыт таких «внешних» связей был унаследован Японией еще от имперского ее бытия, когда колониальные территории Корея и Тайвань (в то время Формоза) снабжали страну «восходящего солнца» недостающей массой риса, в те времена основного продукта питания населения. Означенный прорыв, таким образом, был обеспечен особым сочетанием ресурсных, технологических, экономических и политических факторов развития японского общества.

Как мы видели, благодаря субсидиальным подпоркам японская модель товарного производства отличается определенным «избытком» рыночных отношений, который сам по себе является не свидетельством включенности хозяйства агросферы в систему ОРТ, а лишь источником получения дополнительного дохода для мелких и мельчайших производителей агросферы — за счет перемещения в агросферу части национального дохода, создаваемой в других секторах национальной экономики, в целях покрытия части издержек производства в сельском хозяйстве. Можно также сказать, что тенденция к стагнации товарности аграрного сектора Японии, установившаяся в последние три десятилетия XX века, ярко отразила, помимо прочего, факт: происходившее с 70-х годов вытеснение живого труда машинами *уже больше не являлось фактором изменения (роста) товарности японского сельского хозяйства*. (Не соответствующая характеру господствующего типа хозяйства, чрезмерно высокая товарность производства была во многом вызвана «искусственными» факторами.) Издержками же этой модели являются *непомерные, устойчиво высокие издержки производства*, *неконкурентные цены* на производимый в сельском хозяйстве продукт. Именно «хватающий через край» аграрный протекционизм, подкрепляемый различными запретительными мерами в области мобилизации земли, перекрыл (экономически) пути процессам формирования крупного (точнее — рационального по размерам) хозяйства, которое позволило бы сократить издержки производства, низвести их до среднемировых (конкурентных) стандартов. Именно аграрный протекционизм заблокировал опирающиеся на реалии *bona fide* рынка механизмы обратной связи — от рынка к производству в агросфере.

Вместе с тем чрезвычайно высокий уровень товарности сельскохозяйственного производства, достигнутый в Японии (и тем

более — в США), свидетельствует о примечательной особенности современной эволюции народного хозяйства страны, именно — о начавшемся его переходе на постиндустриальную (информационную) стадию, при которой общественная потребность (детерминирующая рыночный спрос) в ценных продуктах питания претерпевает радикальную демократизацию (по сравнению, например, с ситуацией раннего индустриального и тем более — собственно мануфактурного периода), отражая потребительские устремления обширных групп народа. И фермеры, откликаясь на революцию потребностей, происходящую в японском обществе, решительно изменяют структуру сельскохозяйственного производства, переходя к организации отраслей, удовлетворяющих этот особенный спрос[95]. В результате аграрный рынок (и соответственно — товарное производство в агросфере) получает все новые импульсы к своей экспансии «вширь» и «вглубь».

Более того, сельскохозяйственное сырье под воздействием развивающихся потребностей подвергается все более глубокой переработке[96], причем за пределами собственно аграрного сектора. Это означает, что все большая часть продукта, произведенного

---

[95] К таким отраслям относятся, помимо других (например, множащиеся отрасли современного животноводства), садоводство и огородничество (а в Японии, дополнительно к ним, и цветоводство). О том, с какой интенсивностью повышалась их роль на внутреннем рынке Японии, свидетельствуют следующие данные об удельном весе продукции данных отраслей в (условно) конечном продукте сельского хозяйства Японии (в %):

Отрасль // год	*1955*	*1965*	*1975*	*1985*	*1990*	*1995*	*1998*	*1999*	*2000*
Садоводство и огородничество	*11,2*	*18,4*	*23,3*	*26,2*	*31,6*	*31,7*	*35,3*	*32,4*	*32,0*
Цветоводство	*0,5*	*0,6*	*0,9*	*2,0*	*3,3*	*4,2*	*4,7*	*4,9*	*4,8*

(Подсчитано по: Total Agricultural Output and Agricultural Income 2000, in: Preliminary Statistical Report on Agriculture, Forestry and Fisheries of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan [2000], 04.12.2001; см.: www.maff.go.jp).

Группа голландских ученых (Г.А. Дидерикс и др.) считает такое изменение структуры сельскохозяйственного производства одним из признаков становления «государства всеобщего благоденствия» (см.: *Дидерикс Г.А., Линдблад И.Т. et al*. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М.: РОССПЭН, 1998, с. 13).

[96] Например, на сырьевую компоненту товара «картофельные палочки» в США приходилось в 70-х годах прошлого века менее 1/10 реализационной цены готового продукта (см.: The food processing sector in developing countries: Some recent trends in the transfer and development of technology. Report by the UNCTAD secretariat. TD/B/C.6/66. Geneva, 1980, c. 7).

фермером, должна быть *реализована на рынке прежде, чем она примет форму продукта, готового к употреблению*[97]. Современный («постиндустриальный») фермер приобретает потребляемое им продовольствие по преимуществу на рынке. Его же хозяйственная деятельность становится, как отмечалось ранее, первичным звеном производственной цепочки, венчающейся выпуском товара с огромной массой вновь созданной стоимости.

[97] Еще на рубеже 70–80-х годов «в такой стране, как США, перерабатывалось от 80 до 85% общего объема продукции ферм, прежде чем последняя поступала потребителю» (см.: The food processing sector in developing countries, c. 5).

Глава III

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ. XX ВЕК (продолжение). ТЕНДЕНЦИИ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ *versus* ВЛАСТЬ: РОССИЯ

Уникальную модель товарного производства являет в XX веке аграрный сектор исторической России. В XX в. Россия пережила серию крупнейших катаклизмов в своей социально-экономической эволюции, в результате которых дважды изменялся вектор развития товарного производства в сельском хозяйстве.

Первый этап, к которому можно отнести период от конца XIX в. до начала первой мировой войны, характеризовался интенсивным развитием общественного разделения труда, подъемом товарного производства, особенно в связи с быстрой интеграцией аграрного сектора России в мировой рынок. (Как мы увидим ниже, именно на этот период приходится повышательная фаза «большого цикла» конца XIX в. – середины XX в.; см. гл. VI.)

Но со времени первой мировой войны началось последовательное — по отдельным участкам рыночных отношений — свертывание последних в аграрном секторе, которое своего апогея достигло в 20-е годы (вехи процесса этого упадка — выпадение аграрной экономики России из пространства мирового рынка; подавление, буквально — разгром рыночных отношений в эпоху военного коммунизма в деревне; послеоктябрьская маргинализация хозяйств товаропроизводителей и др.). Но рынок, несмотря на сокращение его объема, все еще был конкурентным. Уничтожение остатков конкурентного рынка произошло в 30-е годы — одновременно с разрушением индивидуального крестьянского хозяйства в ходе его коллективизации. Возникла огромная зона псевдотоварной аграрной экономики, основным экономическим агентом которой стало коллективное хозяйство (колхоз). На основе качественно новых институциональных механизмов (включая систему «рычагов» внеэкономического принуждения, генерируемую Властью) были резко усугублены процессы деформации пропорций внутри- и межотраслевого обмена, заметно выросли

неоплачиваемые изъятия продукта из колхозной экономики и еще сохранявшихся хозяйств крестьян-единоличников.

Эпоха господства общественного хозяйства в нерыночной аграрной экономике исторической России разделяется на два периода. Первый приходится на период сталинщины — до 1953 г., второй — на годы «оттепели», частично компенсировавшей разрушения, причиненные аграрному сектору России террористическим режимом Сталина, этот период включает также последовавшую за годами «оттепели» эпоху «застоя» и структурного кризиса всей аграрной системы «развитого социализма» и ее разложения. В этот второй период, продолжавшийся до конца 80-х годов XX века, в стене бестоварных отношений, господствовавших в воспроизводственном процессе общественного сектора аграрного хозяйства СССР, была пробита щель в мир «игры» товарно-денежных отношений (к концу 60-х годов, например, заметно упрочилась роль денег в оплате труда работников колхозов) — этого императивно требовал обозначившийся с 60-х годов процесс «планового» внедрения в сельское хозяйство новых (промышленного происхождения) технологий.

Третий этап, характеризующийся началом перехода нерыночной аграрной экономики России к хозяйству рыночного типа, ведет отсчет от года распада СССР (1991 г.), хотя признаки формирования очагов товарных отношений в отдельных сферах экономической жизни села, очагов, всесторонне регламентируемых кратократией, обнаруживались уже в конце периода, названного в истории бывш. СССР эпохой «перестройки». Этот третий этап, отмеченный прогрессирующим распадом всей «социалистической» системы колхозно-совхозного хозяйства, примечателен, помимо прочего, появлением на авансцене российской агросферы исторически новых типов экономических агентов (в частности, различных монопольных объединений крупного капитала, корпоративно-трудовых форм хозяйства, с одной стороны, и корпоративно-капиталистических, с другой, возникающих в ходе распада «социалистической» колхозно-совхозной системы аграрной экономики, специфической формы крестьянского — фермерского — хозяйства и др.).

Естественно, в рамках настоящей и последующей глав мы не можем дать сплошной и равноценный по отмеченным этапам анализ процесса сельскохозяйственной динамики в России за столь длительное историческое время — от конца XIX-го до начала XXI-го века, а сосредоточим наше внимание на отдельных, «переломных», исторических рубежах экономического процесса, которые представляются нам наиболее значимыми при разработке оценок этой динамики — в

контексте эволюции аграрной экономики страны к хозяйству рыночного типа (как и ее исторической рецессии — «отката» от рынка в 30–80-х годах XX в.) — за этот более чем вековой период.

Итак, с какими же экономическими издержками вышла российская деревня из революции?

1. *Маргинализация хозяйства аграрного сектора и ее долговременные последствия (10–20-е годы)*

Социальные катаклизмы, обрушившиеся на Россию в начале XX века (мировая война 1914–1918 гг., Октябрьский переворот, гражданская война, лихолетье эпохи «военного коммунизма»), существенно трансформировали сложившуюся систему общественного разделения труда, нарушили межотраслевые хозяйственные связи в российской экономике, вызвали вихрь насилий, коренным образом преобразовавших довоенный состав экономических агентов агросферы. Эти изменения, помимо прочего, сопровождались *упадком товарного производства* в аграрном секторе и, соответственно, интенсивными процессами *натурализации* его воспроизводственного механизма во всех его звеньях — сверху донизу. Сильнейший импульс таким трансформациям дал беспредельный «черный передел», последовавший за Октябрьским переворотом 1917 г. и выведший на авансцену деревни в качестве основной производящей фигуры крестьянина-середняка при практически полном уничтожении экономического потенциала так называемых «владельческих» хозяйств (хозяйств бывших помещиков, купцов, представителей разных групп крупного капитала, разбогатевших крестьян, основавших хозяйство на купчей земле, и других частных владельцев земли, имевших свое хозяйство). (Н.Д. Кондратьев этот процесс называл «нивелировкой деревни»[1].) Процессы деградации экономического базиса сельскохозяйственного роста происходили на фоне широкомасштабных разрушений материально-вещественных производительных сил города и деревни[2].

---

[1] *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Книга 2. М.: «Наука», 1993, с. 199.

[2] Период 20-х годов XX в. разработан в российской исторической науке наиболее обстоятельно, причем — в широком диапазоне мнений, оценок, идейных позиций. Из работ, посвященных исследованию этого периода, масштабностью воссозданной панорамы социальных, экономических, демографических процессов, происходивших в советской (российской) деревне в 20-е годы, несомненно выделяются две фундаментальные монографии В.П. Данилова. См.: *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: «Наука», 1977; *Он же*. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: «Наука», 1979. Подробному историографическому анализу был подвергнут и широкий спектр интерпретаций упомянутых процессов. См., в частности: *Фигуровская Н.К.* Развитие аграрной теории в СССР. Конец 20-х–30-е годы. М.: «Наука», 1983.

В результате в российской экономике возникли мощные центробежные тенденции, проявлявшиеся в процессах, которые исследователи того времени назовут «изоляцией деревни от города и города от деревни». Н.Д. Кондратьев, например, неоднократно возвращается к мысли о том, что «деревня и город пошли по пути относительной изоляции /…/ Между индустрией и городом, с одной стороны, и сельским хозяйством и деревней — с другой, *наметился* некоторый новый конфликт, наметились тенденции изоляции деревни от города и наоборот. Именно в этом … лежит сущность тех хозяйственных затруднений, которые мы наблюдаем сейчас»[3].

«Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года», подготовленный под руководством П.И. Попова, тогдашнего начальника ЦСУ СССР, в деталях раскрыл характер и масштабы эрозии межотраслевых (межсекторских) хозяйственных связей в народном хозяйстве Советской России. Из данных «Баланса» следовало, что сельское хозяйство (и сельское население) потребляло «в границах своего хозяйства» примерно 70% произведенной в нем продукции по стоимости, а 30% «выбрасывало за границы его» (см. табл. III-1). Городское же хозяйство выделяло для сельского хозяйства лишь четверть своей продукции, а три четверти потребляло в «своих границах»[4]. Такой же пропорцией характеризовалось распределение и товарной массы собственно промышленной продукции. Так, в 1923/24 г. земледельческое население Советской России (80% всего населения страны) изъяло с рынка промышленных товаров на сумму, равную лишь 24,8% стоимости этой массы продукции[5].

О других исследованиях российских ученых, которые (исследования) затрагивают рассматриваемые в данной работе проблемы, мы расскажем в ходе дальнейшего изложения материала. Обстоятельность изучения переломной в истории России эпохи 20-х годов позволяет авторам сосредоточиться исключительно на факторах деградации товарного производства агросферы в их связи с процессом сельскохозяйственного роста в этот период.

[3] *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Книга 2, с. 60, 39.

[4] *Попов П.И.* Баланс народного хозяйства в целом, в: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под редакцией П.И. Попова. М., 1926 (Труды ЦСУ. Т. XXIX) [Репринтное воспроизведение издания 1926 г.] М.: Госкомстат России, 1993, с.287.

[5] *Литошенко Л.Н.* Потребление продуктов промышленности земледельческим населением, в: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года, с. 220.

Таблица III-1

Народное хозяйство СССР: межотраслевые отношения по потреблению на раннем этапе НЭПа *, %

Потребляющая отрасль, категория потребляющего населения	Потребление продуктов, произведенных:			
	в границах отрасли		за пределами границ отрасли	
	1923-24 г.	1924-25г.	1923-24 г.	1924-25 г.
Сельское хозяйство и сельское население	69,7	69,9	30,3	30,1
Промышленность, транспорт, торговля, строительство и городское население	74,5	74,1	25,5	25,9

* *Составлено по*: *Попов П.И.* Баланс народного хозяйства в целом, в: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под редакцией *П.И. Попова.* М., 1926 (Труды ЦСУ. Т. XXIX) [Репринтное воспроизведение издания 1926 г.] М.: Госкомстат России, 1993, с. 327.

Данные о межотраслевых пропорциях по отдельным элементам потребления позволяют оценить не только масштабы, но и характер взаимозависимости воспроизводственных процессов между основными секторами народного хозяйства. Например, в том, что касается предметов *личного потребления*, сельское хозяйство отпускало на сторону, во внесельскохозяйственные сферы потребления, еще меньшую часть своей продукции, по сравнению с той, которую оно в целом «выбрасывало за свои границы», — лишь 25%, а 75% такой продукции потребляло «внутри себя»[6]. В потреблении же продукции производственного назначения, произведенной внутри сельского хозяйства, его собственная доля достигала в рассматриваемые годы (1923/24 и 1924/25) 67,5 — 68,1%. Проецируя величину данного показателя на всю экономику Советской России того времени, П.И. Попов делает фундаментальный вывод о том, что «здесь даются предпосылки для воспроизводства хозяйства, которые *позволяют сельскому хозяйству развиваться, опираясь на свои средства производства* (подчеркнуто нами. — *Авт.*)»[7].

Дезинтеграция народного хозяйства Советской России особенно ярко проявилась в эрозии экономических связей между отраслями промышленности, создающими средства производства, и сельским хозяйством. Так, на долю сельского хозяйства в 1923/24 г. и

[6] *Попов П.И.* Баланс народного хозяйства в целом, с. 323, 327.
[7] Там же, с. 323.

1924/25 г. приходилось (напомним, при 80% населения, сосредоточенного в этом секторе народного хозяйства) соответственно лишь 10% и 9,7% всего потребления продукции производственного назначения, произведенной промышленностью, и лишь 4,2% общей стоимости потребления средств производства, использовавшихся в экономике всех секторов Советской России[8].

Очевидно, что в том, что касается воспроизводственных потоков, агросфера России рассматриваемого периода крупнейшими массивами своего хозяйства все еще достаточно прочно, как позже стало принято говорить, «опиралась на собственные силы», черпала средства, опыт, знания для продолжения производства из своих собственных ресурсов. (Нужно при этом отметить, что, по определению авторов «Баланса», деревенская мелкая и кустарная промышленность и строительство были «организационно связаны с сельским хозяйством», а продукт, создаваемый этими подразделениями промышленного и строительного секторов, составлял в 1923/24 г. 9,1% всего ВВП, исчисленного по «ценам производства»[9], т.е. без торговых наценок.)

Таким образом, «Баланс» П.И. Попова обосновывает вывод о сложившейся в 20-е годы *автаркии воспроизводственного процесса* в сельскохозяйственном секторе страны. По мысли П.И. Попова, в эволюции сельского хозяйства в послеоктябрьский период еще не наступил перелом, который устранил бы возможность независимого (от собственно промышленного) экономического роста в сельском хозяйстве; напротив, экономический рост в промышленности оказывался глубоко «зависимым» от потребления продукта, создаваемого в сельском хозяйстве. Или, если сказать другими словами, в том, что касалось процесса экономического роста, межотраслевая взаимозависимость носила ярко выраженный *асимметричный характер*[10].

Знаменательны сделанные в контексте данных оценок выводы П.И. Попова, нацеленные на разработку курса социально-экономической политики правящей элиты России: «Что произойдет, если наступит и на этом фронте (как была еще живуча терминология гражданской войны в эти годы! — *Авт.*)

---

[8] Там же, с. 324.

[9] Там же, с. 284. Если учесть и вклад собственно сельского хозяйства — 53,3% ВВП, исчисленного по «ценам производства», — доля деревни в ВВП увеличивается до 62,4% (см. там же).

[10] Подробнее см.: *Растянников В.Г.* Сельское хозяйство versus промышленность (О концепции «Баланса народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года»), в: *Вопросы статистики*. М., 1995, №4, с.38–43.

размычка, разрыв связи, обособление сельского хозяйства от промышленности?», — спрашивает П.И. Попов, и отвечает: «...потребление продуктов продовольствия населением самого сельского хозяйства не только не сократится, но, наоборот, благодаря отсутствию реализации за своими пределами, оно даже в условиях сокращения производства в сельском хозяйстве может увеличиться и, во всяком случае, не сократится». (Попутное замечание: в этом тезисе содержится вполне определенное признание того, что межотраслевой товарный обмен в агросфере России отличался неэквивалентностью, причем потери нес именно сельскохозяйственный производитель. Этих сюжетов мы будем специально касаться в гл. IV.) Напротив, если городское население «не получит от сельского хозяйства продуктов продовольствия, ... оно будет обречено на физическое вымирание. Процесс воспроизводства человеческой жизни в городе приостановится»[11].

Непредвзятый анализ состояния хозяйства нэповской России подвел П.И. Попова к важнейшему выводу: «*при разрыве сельского хозяйства с промышленностью, промышленности с сельским хозяйством — в силу особенностей системы производства и системы распределения — город оказывается экономически слабее*»[12]. Добавим к сказанному: слабее потому именно, что народным хозяйством Советской России 20-х годов, если прибегнуть здесь к медицинской терминологии, еще не был преодолен комплекс, вытекающий из потенций экономической самостоятельности агросферы, или, может быть, точнее — из возможностей ее саморегуляции (и самоорганизации), *обеспечиваемых господством в ней системы натуральных производительных сил*. Ведь именно это обстоятельство предопределяло автаркический характер бытия сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства. По заключению П.И. Попова «он (город. — *Авт.*), при разрыве, при отсутствии смычки не может на этих экономических фронтах не отступить и не сдать некоторых позиций — поэтому полная и всесторонняя смычка с сельским хозяйством является необходимым условием развития советского хозяйства»[13].

Отметим, забегая вперед, что коллективизация сельского хозяйства, стартовавшая на рубеже 20–30-х годов, и была, помимо других мер, ответом большевиков на все более остро ощущавшийся — в преддверии индустриализации — структурный кризис народного хозяйства; в руках правящей элиты она стала тем инструментом, при помощи которого, с использованием средств массового политического насилия, в России была восстановлена и получила мощный импульс для последующего укрепления «смычка» между городом и

---

[11] *Попов П.И.* Баланс народного хозяйства в целом, с. 329.
[12] Там же, с. 330.
[13] Там же.

сельским хозяйством, принявшая «социалистическое» обличие (см. ниже).

Таким образом, все факты, рассматриваемые в совокупности, свидетельствуют о том, что в начале 20-х годов мы наблюдаем грандиозный по своим масштабам *откат аграрного сектора России от достигнутых рубежей товарного хозяйства к бастионам натуральной экономики*.

Тенденции к натурализации хозяйства агросферы, обусловленные, помимо прочего, регрессивными сдвигами в общественном разделении труда, возникли в экономике России еще задолго до эпохи НЭП — в годы первой мировой войны. Можно выделить две группы процессов, порождавших эти негативные явления. К первой относятся процессы, вызывавшие, говоря словами Н.Д. Кондратьева, «деградацию владельческого хозяйства»[14].

Действительно, отвлечение огромной части мужского населения от хозяйственной деятельности, происшедшее в годы войны (к середине 1917 г. в регулярную армию Российской империи было призвано 15070 тыс. человек, или 36,7% мужского населения страны[15]), больнее всего ударило по частновладельческим хозяйствам, использовавшим наемный труд, т.е. хозяйствам, экономически наиболее эффективным: острый недостаток сельскохозяйственных рабочих (равно как и сложных земледельческих орудий и машин, которые в значительной части импортировались из-за рубежа) заставил частных владельцев существенно сократить свою хозяйственную деятельность. Н.Д. Кондратьев приводит данные Центрального статистического комитета (которые, однако, вызывают у него «некоторые сомнения» в их точности), согласно которым частновладельческие посевы в неоккупированных губерниях России за период с 1909–1913 гг. по 1915 г. сократились наполовину (до 50,3% исходной величины посевной площади)[16]. На факт резкого увеличения нехватки сельскохозяйственных рабочих указывает Министерство финансов России, свидетельствуя, что если такой недостаток в 1913 г. испытывал 31% всех губерний России, то в 1915 г. этот показатель увеличился до 70% (а в Европейской России — до 81%)[17]. С.Г. Струмилин, осуществивший детальный анализ результатов переписи населения 1897 г. и сельскохозяйственной переписи 1917 г., установил, что за истекшие два десятилетия на территории, вошедшей в состав СССР, фактически не произошло изменений в численности используемых в хозяйствах земледельческих рабочих—батраков (они составляли 1,2–1,3 млн. человек), что было связано с

---

[14] *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991, с. 156.

[15] Там же, с. 123.

[16] Там же, с. 122–123.

[17] Народное хозяйство [России] в 1915 году. Петроград, 1918, с. 16–18.

крупнейшими изъятиями в годы войны рабочей силы прежде всего из нанимающих постоянных рабочих хозяйств[18]. Убыль сельскохозяйственных рабочих—батраков, мобилизованных в армию, была эквивалентна фактически всему приросту численности таких рабочих, имевшему место за два десятилетия.

За годы войны, таким образом, заметно изменилось соотношение между обеими основными частями потенциала экономического роста в агросфере России — экономически более эффективным, ориентированным на работу для рынка, частновладельческим хозяйством (и примыкавшим к нему эффективным кулацким хозяйством), с одной стороны, и более отсталым, содержащим в себе больший (чем первое) элемент натуральности, крестьянским хозяйством, с другой, — в пользу последнего.

Другая группа процессов была вызвана тем специфическим изменением динамики рыночных цен, в значительной степени обусловленным факторами внедеревенского порядка, которое оказало существенное влияние на положение мелкого производителя деревни.

Опережающий рост цен на зерновые и иные сельскохозяйственные товары (по сравнению с ростом цен на прочие группы товаров) в годы войны вызвал к жизни ситуацию, при которой, как отмечал Н.Д. Кондратьев, денежный «доходный бюджет возрос в большей степени», нежели расходный; в результате отпала «доля прежних стимулов, побуждавших крестьянское хозяйство к выбрасыванию хлеба на рынок» (в частности, чтобы рассчитаться по своим денежным обязательствам — налоговым, выкупным, рентным, крестьянское хозяйство могло теперь продавать меньше своей продукции, чем это было прежде). Более того, теперь «бюджет позволял повысить нормы потребления», и, действительно, «ввиду низкого уровня прежнего потребления хозяйство охотно шло на такое повышение»[19].

---

[18] *Струмилин С.Г.* Проблемы экономии труда. М.: Госполитиздат, 1957, с. 438–444.

[19] *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, с. 130,132. По существу это была «первая волна» некоторого повышения жизненного уровня крестьян, распространившаяся на ряд крупных районов страны (вторая, скорее обозначившая компенсационное улучшение их жизненного уровня после разрушений, вызванных гражданской войной и эксцессами политики «военного коммунизма», наступит во второй половине периода НЭП). Н.Д. Кондратьев приводит пример по итогам обследования ситуации в пяти губерниях производящей полосы России: за период с 1911–1913 гг. по 1915 г. душевое потребление ржи — главного зернового продукта крестьянского потребления — увеличилось с 213 кг до 244 кг, или на 14,6% (см. там же, с. 132). Несколько десятилетий спустя к аналогичным выводам о характере влияния повышательной динамики зерновых цен на несвободную полунатуральную экономику агросферы придут российские (советские) востоковеды, исследовавшие продовольственную проблему в развивающихся странах Азии и Северной Африки.

Главный итог отмеченных изменений выразился, по оценке Н.Д. Кондратьева, в том, что «товарность хлебов понижалась, и количество товарного хлеба сильно сокращалось»[20]. Действительно, всего за три–четыре года товарность («внешняя»; см. табл. Сп-9, прим. 2 и 3) зернового хозяйства снизилась в России *вдвое* — с 26,7% в 1909–1913 гг. до 13,5% в 1915/16 г. И такая норма товарности, отметим, забегая вперед, сохранилась до конца 20-х годов, угасания эпохи НЭПа (см. табл. СП-9 и табл. СП-10).

Дело, таким образом, было не только в том, что все более весомую роль на сельскохозяйственном рынке стало играть хозяйство, само по себе отличавшееся бо□льшим потенциалом натуральности, чем владельческая экономия, но и в том, что такое хозяйство благодаря особой рыночной конъюнктуре стало частично высвобождаться из под влияния системы внеэкономического принуждения и тем самым начинало делать шаги в направлении к тому, что можно было бы охарактеризовать «естественным состоянием»; при том уровне развития производительных сил, который был характерен в рассматриваемую эпоху для крестьянского хозяйства, сдвиги его бытия в направлении к «естественному состоянию» *неизбежно влекли за собой рост в нем натуральности, в ущерб принудительно-рыночным связям и за счет их*. Или, если сказать иначе, такое хозяйство теперь позволяло вовлекать себя в рыночные отношения лишь в той мере, в какой это диктовалось внутрихозяйственной целесообразностью, а не извне стоящими фигурами принуждения. Этот второй источник натурализации аграрной экономики России с наибольшей силой проявил себя в эпоху, последовавшую за беспредельным «черным переделом» рубежа 10-х – 20-х годов.

Действительно, постреволюционный передел земли существенно расширил ареал бытия тех групп крестьянских хозяйств, которые и были средоточием натуральных отношений в российской деревне: произошло массовое «осереднячивание» крестьянства. Как же развивался этот процесс?

На протяжении более полувека, из года в год, по страницам статистических сборников, издававшихся ЦСУ СССР, кочевал один и тот же сводный показатель социальной структуры крестьянства, который был призван увековечить достижения большевиков в решении аграрно-крестьянского вопроса в СССР[21]. Так, «до революции среди

---

[20] Там же, с. 156.

[21] Ср. 20 лет советской власти. Статистический сборник. М., 1937, с. 46; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 8; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 5, 6.

крестьянских дворов было»: бедняков — 65%, середняков — 20%, кулаков — 15%. Накануне же коллективизации, в 1928/29 г., крестьянские дворы распределялись по социальным группам следующим образом: бедняки — 35%, середняки — 60%, кулаки — 4–5%.

Таблица III-2

Россия: распределение посевной площади по группам крестьянских хозяйств, 1917–1925 гг. *, %

Размер посева	Социальная группа	1917 г.		1919 г.	1920 г.	1922⁺г.
Беспосевные и с посевом до 1 десятины	Бедные	21,8		49,4	24,6	30,7
1–2 десятины		18,4			22,5	27,7
2–4 десятины	Средние	28,9		29,3	28,8	28,0
4–8 десятин	Зажиточные	22,0		17,6	15,2	11,7
Свыше 8 десятин	Кулаки	9,0		3,7	5,9	1,9
	1920 г.	1922⁺г.	1922⁺⁺г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Беспосевные	8,1	6,7	6,9	5,3	4,8	4,2
С посевом до 2 десятин	39,0	51,7	46,0	40,7	36,6	33,0
2–6 десятин	41,6	36,8	40,0	44,0	46,7	49,3
6–10 десятин	8,0	4,0	5,6	7,8	9,0	10,2
Свыше 10 десятин	3,3	0,8	1,2	2,2	2,9	3,3

* *Составлено и подсчитано по*: *Ларин Ю.* Вопросы крестьянского хозяйства. М.: «Московский рабочий». 1923, с. 29,35–37 *(данные за 1917–1919 гг.)*; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924, с.117 *(данные за 1920, 1922⁺ гг.)*; *Рыков А.И.* О хозяйственном положении страны и задачах партии, в: XV Конференция ВКП(б). 26.X–3.XI. 1926 г. М.—Л., 1927, с. 125 *(данные за 1922⁺⁺–1925 гг.)*.

Примечание: 1917, 1919 гг. — выборочные сельскохозяйственные переписи этих лет; проведены ЦСУ; охвачено 25 губерний Европейской России (Великороссия). 1920 г. — выборочная сельскохозяйственная перепись, территория будущей РСФСР. 1922⁺ г. — гнездовая 10-ти процентная сельскохозяйственная перепись; затронута РСФСР в границах тех лет (т.е. включая Белоруссию). По 1920 и 1922⁺ годам выборка сопоставима по отобранным районам. 1922⁺⁺–1925 гг. — данные ЦСУ по 35 губерниям [РСФСР?].

При резком сокращении (в 2–3 раза) относительной мощи крайних групп на авансцену деревни в качестве экономически доминирующей силы вышло среднее крестьянское хозяйство. Однако нельзя пройти мимо динамики этого процесса. В ней зафиксировались моменты, оставившие кровавый след в радикально менявшейся в послеоктябрьский период аграрной структуре. Нуждаются в корректировке и показатели удельного веса групп крестьянства по признакам социальной принадлежности.

Ранние обследования ЦСУ рисуют следующую картину изменений в соотношении различных групп крестьянских хозяйств за первые восемь лет после Октябрьского переворота (см. табл. III-2).

Ю. Ларин, теоретик большевиков по проблемам социально-экономического развития России в период НЭПа, комментирует главный итог изменений: «революция почти начисто смела деревенские верхи»[22].

Более того, в послереволюционный период произошло общее понижение уровня благосостояния крестьянского хозяйства: зажиточные крестьянские дворы сокращались гораздо интенсивнее, чем пополнялись ряды средних крестьян; удельный вес бедняцких дворов превысил половину общего числа крестьянских дворов, намного превзойдя норму дореволюционного времени (2/5 общего числа; см. табл. III-2). (Ох, как не состыкованы показатели дореволюционных статистиков, с одной стороны, и сотрудников ЦСУ эпохи террора 30-х годов, с другой, касающиеся удельного веса различных групп российского крестьянства!) «Продразверсточные» акции утверждавшейся «диктатуры пролетариата», дополненные последствиями страшного голода 1921 г., не только подорвали экономику эффективно функционирующих хозяйств «эксплуататоров», уже зрелых или сделавших лишь первые шаги на ниве эксплуатации чужого труда; они привели к разорению и многочисленных групп так называемых рядовых крестьянских хозяйств: удельный вес дворов бедных крестьян увеличился в российской деревне к 1922 г. почти до трех пятых общей численности крестьянских дворов (см. табл. III-2). Крестьянство России, пережив потрясения гражданской войны и «черного передела», вступило в эпоху НЭПа гораздо более ослабленным, бедным, чем было до революции.

На авансцену деревни в качестве основного производителя вышел вовсе не крестьянин-середняк, а огромный массив крестьянских хозяйств, представленный «экономически слабейшими группами»[23], включая и собственно середняков. Вопрос об экономических

---

[22] *Ларин Ю.* Вопросы крестьянского хозяйства. М.: «Московский рабочий». 1923, с. 29.

[23] Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года, Ч.I, с. 311.

агентах аграрного сектора СССР/России мы подробнее рассмотрим в §5 настоящей главы, здесь же упомянем лишь о месте таких групп в хозяйственной структуре деревни.

По данным «Баланса народного хозяйства Союза ССР» П.И. Попова, в 1923-24 г. на группы хозяйств с площадью до 4 десятин на хозяйство приходилось *70,2% общей величины личного потребления* земледельческого населения России. Эти же группы хозяйств потребляли 64,4% общей массы сельскохозяйственных средств производства, произведенных в металлообрабатывающей промышленности. В то время как на группы хозяйств с площадью свыше 6 десятин на хозяйство (хозяйства зажиточных крестьян и «кулаков») приходилось соответственно 15,7% (от общей величины личного потребления) и 20,4% (от стоимости потребленных средств производства, произведенных в металлообрабатывающей промышленности)[24].

По существу лишь с началом новой экономической политики, приоткрывшей рыночные клапаны хозяйственного роста, в России обозначился процесс укрепления крестьянского хозяйства, стали расширяться крестьянские посевы, и началось действительное «осереднячивание» российской деревни. Одновременно стали усиливаться и зажиточные группы крестьян, в частности, те из них, кого «партия» относила к «кулакам», о чем свидетельствуют данные об изменении соотношения различных групп крестьянских хозяйств в восходящей фазе периода НЭПа — в 1922–1925 гг., обнародованные А.И. Рыковым, тогдашним Председателем Совнаркома СССР (см. табл. III-2).

Из всей совокупности приведенных данных следует, однако, что «кулаки» и зажиточные крестьяне так и не смогли достигнуть к началу коллективизации тех рубежей, которые они занимали в российской деревне накануне Октябрьского переворота.

На процессы социальной дифференциации крестьянства напластовывались усилившиеся в период НЭПа процессы дробления больших крестьянских семей, отрицательно отражавшиеся на производительном потенциале системы крестьянских хозяйств. Так, если за период 1916–1923 гг., т.е. за *семь* лет, число крестьянских хозяйств в СССР увеличилось с 21 млн. до 22,8 млн., или на 8,6%, то за период 1923–1927 гг., т.е. всего за *четыре* года, их число возросло с 22,8 млн. до 25 млн., или на 9,6%; среднее же число душ в индивидуальном

[24] Там же, Ч.I, с. 308; Ч.II, с. 111.

крестьянском хозяйстве сократилось с 1916 г. по 1927 г. с 5,67 до 5,1[25].

Ломка патриархальных устоев семьи, происходившая в послереволюционную эпоху, дала тем самым мощный толчок процессам дальнейшего *измельчания* основной производственной единицы российской агросферы — крестьянского хозяйства[26].

Таким образом, советская (российская) экономика должна была «опираться и опиралась на относительно слабые экономические группы населения»[27]. Они же и воплощали тенденцию к экспансии экономического потенциала, регулируемого *натуральными* отношениями, при резком относительном ослаблении групп хозяйств, представлявших тенденции к росту товарного производства. Иначе говоря, «черный передел» закрепил тенденции к натурализации хозяйственных отношений в российской деревне, обозначившиеся в годы войны, и еще больше усилил их в период НЭПа. Норму товарного выхода сельскохозяйственного продукта стала определять норма сначала «ослабленного» середняка, а позже его «укрепившегося» аналога.

Отметим, однако, что если сравнивать нормы товарности, сложившиеся в 20-х годах, с нормами товарности, существовавшими до войны (и служившими «эталонным» показателем при характеристике последующих достижений в развитии товарного производства в сельском хозяйстве СССР), то нужно помнить, что довоенные нормы товарности включали больший или меньший (в зависимости от типа хозяйства, региона и т.д.) компонент того, что можно было бы назвать *мнимой* товарностью, т.е. товарностью, за которой *не стояло* общественное разделение труда, и которая определялась лишь фактором *внеэкономического давления* (подати и др.) на крестьянское хозяйство. (Вспомним здесь классическую формулу К. Маркса: «Из *разделения*

---

[25] Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР. 1916 и 1923–1927 гг. М.: Статгосиздат ЦСУ СССР, 1929, с. 2,3. Подробнее оценки и статистику этого процесса см.: *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство, с. 208–222. Существуют и более высокие (причем — авторитетные) оценки интенсивности роста числа крестьянских хозяйств со времени переписи 1916 г. Как свидетельствуют материалы XVI Конференции ВКП(б) (1929 г.), «число крестьянских хозяйств увеличилось за время революции с 16 до 25 млн.» (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М., 1953, с. 456), т.е. на 56%! Исходный показатель («16 млн.»), видимо, существенно занижен; он выпадает из всего ряда данных, полученных в результате обследований и исчислений ЦСУ (см., в частности: Основные элементы, с. 2,3).

[26] Подробнее см.: XVI Конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л. 1929, с. 133.

[27] Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года, Ч.I, с. 310.

труда вытекает, что один из товаров зависит от другого, т.е. необходимость обмена»[28].) В 20-е годы проявления мнимой товарности в российской деревне принимали весьма специфический вид.

В 1918/19–1920/21 гг. мнимая товарность возникала как результат «голого» (брутального) насилия над крестьянским хозяйством в ходе проведения политики продразверстки.

Действительно, механизм продразверстки сыграл в эти годы существенную роль в угнетении товарного производства. И дело было не только в применении насильственных методов при изъятии продукта из крестьянского хозяйства, но и в так называемом «классовом подходе» в проведении продразверстки. Как отмечал один из очевидцев той эпохи, «продовольственная политика сводилась к тому, чтобы больше взять с зажиточного крестьянина и еще больше с кулака и меньше дать ему в обмен товаров; у бедняка же взять меньше, а то еще и помочь ему, больше дать ему товаров при распределении /…/ принцип, положенный в основу распределения, сохранился: “Ограбь кулака, не обидь середняка, дай бедняку” — этот знаменитый ленинский лозунг проходил через всю заготовительно-снабженческую работу продовольственника». В результате «крестьянин оказался в рамках уравнительного снабжения, причем постоянно в бесконечно убывающих долях и с неуравнительным взиманием излишков». В этих условиях «крестьянину трудно было подняться до общегосударственных интересов. У него брали хлеб и давали взамен того товар по правилу: чем больше сдашь, тем меньше получишь. Зачем же он, смитовский homo oeconomicus, будет отдавать хлеб? Он будет лучше прятать, а когда спрятанный хлеб стали силой отнимать, то он объявил массовую итальянскую забастовку, — стал сеять хлеб в обрез, только на свое продовольствие»[29].

Натуральный продовольственный налог (менее жесткий, чем «продразверсточная» дань) с 1921/22 г. и сменил эту систему, имея целью дать толчок развитию крестьянского хозяйства, восстановлению его экономического потенциала. Но в этом налоговом феномене была и «червоточина». Выступавший в натуральной форме, хотя и в меньшем объеме, чем выплаты по продразверстке, такой налог улавливал значительную часть так называемых «излишков» крестьянского продукта (прежде всего зерна), вызывая тем самым тенденцию нормы товарности крестьянского хозяйства к понижению. Вместе с тем в

---

[28] *Маркс К.* Слиток. Завершенная денежная система, в: Первоначальный вариант «Капитала». М., 1987, с. 363.

[29] *Гордеев Г.С.* Сельское хозяйство в войне и революции. М.–Л.: Госиздат, 1925, с. 114.

той степени, в какой крестьянский продукт, безвозмездно аккумулировавшийся государством (по системе продналога), распределялся среди населения посредством стоимостного обмена, он отражал наличие в воспроизводственном механизме хозяйства *мнимой* товарности. Отметим попутно: в 20-е годы массы продукта, изымавшиеся из крестьянского хозяйства под принуждением, так и характеризовались в статистических изданиях того времени — «принудительные отчуждения» и носили «скромное» название — «заготовки»; напротив, лишь «добровольные рыночные отчуждения» формировали, по убеждению тогдашних статистиков, *bona fide товарный продукт*, пропорции в валовом сельскохозяйственном продукте которого и описывались понятием «*товарность*». Все эти обстоятельства достаточно наглядно отражены данными табл. СП-9, см. также прим. 1 к этой таблице.

Полоса низкой товарности длилась практически до конца 20-х годов, приняв затяжной и устойчивый характер.

Высший партийный орган того времени на своем форуме от июля 1928 г. свидетельствовал о состоянии главной отрасли сельского хозяйства России: «Из всех отраслей сельского хозяйства зерновое хозяйство является наиболее отсталым как в смысле его производительности (урожайности), так и в смысле его товарности. Наиболее характерным в этом отношении нужно считать то обстоятельство, что несмотря на достижение 95% довоенной нормы посевных площадей, товарный выход зернового производства едва превышает 50% довоенной нормы»[30]. Этот «парадокс» частично объясняется тем, что российское крестьянство в период НЭПа стало обращать потенциальные товарные излишки своей продукции в реальный фонд *личного потребления*, и, в частности, стало лучше питаться[31]. Но главная причина все-таки была иная: в основе «отсталости зернового хозяйства и резкого сокращения его товарности (в сравнении с довоенным временем)» лежал «мелкокрестьянский тип зернового производства и связанный с этим *полунатуральный характер этого производства* (курсив наш. — Авт.) »[32], добавим — обусловленный по преимуществу целевыми установками *потребительского* хозяйства в экономической деятельности. Именно такой тип хозяйства стал объектом

---

[30] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II, с. 392.

[31] На это обстоятельство обращает внимание ряд исследователей; см., например: *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Книга 2, с. 190–191; *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения, с. 170–173.

[32] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II, с. 392; см. также с. 456 (XVI Конференция ВКП(б). Апрель 1929 г.).

коллективизационных экспериментов «партии» большевиков на рубеже 20–30-х годов XX века.

Помимо обстоятельств деградационно-структурного порядка, вызвавших развертывание процессов *детоваризации* хозяйства агросферы в эпоху НЭПа, в том же направлении действовали и процессы рыночной (в частности, ценовой) динамики, непосредственно затрагивавшие экономику деревни.

Особенностью рыночной ситуации 20-х годов было то, что рынок все еще сохранял (хотя и в существенно ослабленном виде) *конкурентный характер*, при котором товаропроизводитель все-таки обладал возможностями экономического выбора: а) выбросить потенциальный излишек своего продукта на рынок (т.е. действовать в русле текущего государственного интереса); б) использовать этот излишек в самом хозяйстве, например, в целях увеличения личного потребления или укрепления кормовой базы животноводческой отрасли своего хозяйства (т.е. действовать в соответствии с общегосударственными нуждами, но с временны□м лагом, определяемым отложенной народнохозяйственной отдачей такого использования). Уже Ю. Ларин применительно к начальному периоду НЭПа, обратив внимание на крайне низкую товарность зернового хозяйства, отмечал стремление крестьян употребить свои потенциально товарные излишки зерновых в форме кормов, хотя общая товарность крестьянского хозяйства, как свидетельствуют его же данные, совсем не увеличивалась, составляя в 1921/22–1922/23 гг. всего 14–15% стоимости валового производства крестьянского хозяйства (включая внутридеревенский товарооборот, с учетом бартерного обмена, но без учета натуральных платежей государству по продовольственному налогу)[33]; в) удерживать потенциальные излишки в ожидании более благоприятных условий реализации. И именно такие тенденции возобладали в хозяйствах мелких и мельчайших товаропроизводителей (не говоря уже о хозяйствах зажиточных крестьян), главных в тот период поставщиков сельскохозяйственной продукции на рынок.

Как отмечал Н.Д. Кондратьев (1925 г.), «деревня воздерживается от широкой реализации товаров. Правда, не потому, что она помнит довоенное соотношение цен, а потому, что, не видя хозяйственного расчета в реализации, она экономически (в силу наличия денежных средств, отсутствия налогового режима и т.д.) может осуществить это воздержание». И далее Н.Д. Кондратьев формулирует жесткий вывод-прогноз, вскоре сбывшийся, увы, до последней запятой: «Если деревню толкнуть в направлении воздержания от

[33] *Ларин Ю.* Вопросы крестьянского хозяйства, с. 63–65, 69.

сбыта, то, идя по этому пути, она неизбежно развертывает эту силу инерции, благодаря которой рынок переживает кризис»[34].

Между тем уровень сельскохозяйственных цен по отношению к ценам на промышленную продукцию, по оценке Н.Д. Кондратьева, в пору расцвета НЭПа (по крайней мере, до 1927 г.) был заметно ниже, чем до войны, составляя (при определенных колебаниях по отдельным годам в ту или другую сторону) в среднем примерно 80% (и даже 70% — в специализированных регионах) от уровня последних[35]. Конечно государство, обладая большим влиянием на сельскохозяйственном рынке, теоретически могло бы воздействовать на динамику сельскохозяйственных цен, вызывая их повышение, но такая возможность была полностью заблокирована социально-политическими факторами: коммунистическая власть не могла пойти на повышение сельскохозяйственных, особенно хлебных цен, так как в этом случае она вступила бы в конфликт со своей массовой «социальной опорой» — широким контингентом людей, которые питались покупным продовольствием. Так интересы макроэкономического (макроотраслевого) равновесия были принесены в жертву фактору политической «целесообразности»[36].

Указанные обстоятельства, действовавшие на рынке сельскохозяйственной продукции, давали все новые импульсы к консервации низкого уровня сельскохозяйственной товарности, сложившегося в результате структурных деформаций аграрной экономики.

Добавим к сказанному: в 20-х годах претерпела существенные изменения социальная организация рынка сельскохозяйственной продукции. Организованные формы торговли (государственная и кооперативная торговля) приобретали все больший вес в структуре товарооборота (в том числе в деревне), вытесняя из торговли частный капитал. Например, изменения доли частного торговца во всем розничном товарообороте на селе на рубеже 20–30-х годов выглядели следующим образом (*в %*)[37]:

1926/27 г.	*1927/28 г.*	*1928/29 г.*	*1930 г.*	*1931 г.*
24,6	*15,8*	*7,1*	*3,0*	*(–)*

[34] *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Книга 2, с.59.

[35] Там же, с. 192–193.

[36] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН, 1999, Приложение 3.

[37] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932, с. 315–317.

На рынке набирала силу монопсония государства. Несмотря на эту тенденцию, вплоть до 1928 г. позиции частного торговца на союзном рынке были все еще довольно прочны. Так, «крестьянско-базарная» торговля составляла в 1928 г. 19% по отношению к обороту всей государственной и кооперативной торговли; на первую приходилось 40% объема продаж продовольственных товаров[38].

Весьма болезненно мировая и гражданская войны отразились на мировых экономических связях, в которые была вовлечена Россия; резко сократился, а в середине 20-х годов практически полностью прекратил свое существование экспортный потенциал сельскохозяйственной продукции, особенно это касалось зерна. В самом деле, если в 1913 г. экспорт зерна из России составлял 12,6% его валового сбора, то в 1928 г. он сократился до 0,12%, в 1929 г. составлял лишь 3,7%, в 1930 г. — 5,8%, а в 1938 г. — 2,8%; естественно, сократилась и доля хлебных культур в экспортной торговле Советской России: в 1928г. она составляла 1,5% ее стоимости, в 1929 г. — 2,5%, а в 1930 г. — 20%, против 35,3% — в 1913 г.[39]. В результате российский рынок сельскохозяйственной продукции приобрел в 20-е годы характеристики рынка *фрагментарно-локального*, переживавшего процессы деградации, в противоположность довоенным его характеристикам, которые описывали его как важнейший, быстро развивавшийся сегмент *мирового* сельскохозяйственного рынка.

Один из первых исследователей этого драматического процесса, касаясь его начальных этапов, отмечает: «Единый рынок, существовавший в России до войны, связанный с мировым рынком, во время войны был совершенно деформирован. Он распался на целый ряд районных рынков, в которых появились свои особые центры, к которым тяготеют цены близлежащих местностей. Революция и гражданская война довели распадение рынка до его конечного пункта»[40]. Словом, процесс динамики российского рынка прогрессировал вполне по «правилам», описанным Дюркгеймом (см. вступление к гл. II), но только в обратном направлении.

Отсюда, между прочим, следует еще один вывод об особенностях бытия аграрного сектора Советской России в 20-е годы: не

---

[38] Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М.: ЦСУ СССР, 1972, с. 388.

[39] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР.1932, с. XXXIX, 390,392; Сельское хозяйство СССР. 1960, с. 196; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939, с. 95; Народное хозяйство СССР в 1967 г. Статистический ежегодник. М., 1968, с. 765; *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 302.

[40] *Гордеев Г.С.* Сельское хозяйство в войне и революции, с. 113.

только в результате разрыва хозяйственных связей между российским городом и российской деревней, но и в результате утраты уже сложившихся, эффективно действовавших каналов выхода аграрного сектора страны на мировой рынок нагнеталась *изоляция* сельскохозяйственной экономики Советской России в этот период, изоляция, сыгравшая роковую роль в последующей «быстротечной» (причем — насильственной) социальной трансформации российской деревни.

Н.Д. Кондратьев связывает тенденцию к свертыванию международных рыночных связей аграрного хозяйства Советской России с теми внутренними социально-политическими процессами, которые произошли в стране после окончания мировой и гражданской войн и вызывали падение товарного производства в сельском хозяйстве[41]. П.И. Попов же, тогдашний начальник ЦСУ СССР, указывает на существенно иную причинно-следственную связь обстоятельств, объясняющую исчезновение российского сельскохозяйственного экспорта. В частности, низкий уровень товарности зерновых, сложившийся в период НЭПа, П.И. Попов объясняет именно упадком российского зернового экспорта, вызванного мировой и гражданской войнами и империалистической блокадой советского государства с последующим вытеснением его с международных рынков[42]. По мнению П.И. Попова, относительно интенсивное развитие товарного производства зерна в России в конце XIX – начале XX вв. (см. рис. V-20(а)) «подстегивалось» формированием международных рынков зерна после глубокого аграрного кризиса конца XIX в. При этом увеличение рыночного спроса неземледельческого населения России на зерновые продукты происходило *гораздо более медленными темпами, чем росло товарное производство зерна*. П.И. Попов приводит на этот счет следующие данные, разработанные на базе хлебофуражных балансов за вторую половину XIX – первую четверть XX столетия (см. табл. III-3).

Автор резюмирует: «Следовательно, вывоз за границу являлся тем фактором, опираясь на который наше сельское хозяйство могло интенсивно развиваться»[43].

---

[41] См.: *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Книга 2, с. 178, 188–193.

[42] Пленум ЦК ВКП(б) от июля 1928 г. объяснял «почти полное выпадение экспорта хлеба, составлявшего до войны 600–700 млн. пудов (10–11,5 млн. т) ежегодно» простым фактом «отсталости зернового хозяйства и резкого сокращения его товарности» (см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II, с. 392).

[43] *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840—1924 гг., в: Сельское хозяйство на путях восстановления. Под ред. Л. Крицмана, П. Попова, Я. Яковлева. М., 1925, с. 38.

Таблица III-3

Россия: потребление товарного зерна вне аграрного сектора 1840-е – 1925 гг. *, *в % к валовому сбору***.**

Потребление / период	1840–1850	1850–1860	1912–1913	1923–1924	1924–1925
Внутреннее	9,3	10,4	10,8	11,6	12,2
Вывоз	1,5	3,4	15,6	5,0	0
Итого:	10,8	13,8	26,4	16,6	12,2

* *Составлено по*: *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840—1924 гг., в: Сельское хозяйство на путях восстановления. Под ред. Л. Крицмана, П. Попова, Я. Яковлева. М., 1925, с. 38.

В действительности выпадение Советской России из системы мирохозяйственных связей было весомым, но все-таки, по-видимому, не главенствующим фактором снижения уровня товарности сельского хозяйства в период НЭПа. Огромную (возможно, определяющую) роль сыграл «внутренний» фактор — маргинализация хозяйства аграрного сектора.

Итак, аграрная политика захвативших власть большевиков не решила задач постреволюционного этапа, на который российская деревня вступила после Октябрьского переворота, разделив землю. Более того, беспредельный «черный передел» радикально ухудшил *собственно макроэкономические параметры* хозяйства агросферы. Это ухудшение проявилось, помимо прочего, в глубокой *деградации* (по существу в «расколе») *межотраслевых (межсекторских) хозяйственных связей* — между городом и деревней, и, соответственно, в «изоляции деревни от города и города от деревни»; результатом аграрного максимализма стали мощнейшие процессы *измельчания* производящего сельскохозяйственный продукт хозяйства и, соответственно, огромное расширение пространства, на котором «правило бал» неэффективное «*полунатуральное*» мелкое и мельчайшее производство. Беспредельный «черный передел» тем самым дал сильнейший импульс процессам «обратной» структурной ломки крестьянского хозяйства, восстановления его *натурального бытия* там, где *натуральные* отношения были уже *преодолены* в ходе предшествующей аграрной эволюции. Именно такой тип хозяйства стал объектом очередного «глубочайшего революционного переворота, скачка из старо-

го качественного состояния»[44] в исторические тупики доказавшего свою нежизнеспособность колхозного «социализма».

Последующие наши размышления мы и начнем с анализа этой особой социальной формы — сквозь призму ее отношений с узурпатором ее действенной силы — Властью. Без этого дальнейший ход экономического роста в российской агросфере, т.е. в «социалистический» период ее истории, понять, думается, невозможно.

2. *Колхозы и Власть*

В переживаемую современной Россией историческую эпоху, определяемую кратко емкой формулой — «старое хозяйство разрушено, а новое еще только укладывается» — остро ощущается потребность в «сквозном» концептуальном осмыслении (точнее — переосмыслении) *предшествующих экономических форм*, утвердившихся в аграрном секторе страны в «социалистический» период ее бытия. Обломки этих форм, распавшихся в историческое одночасье, сильнейшим образом влияют на алгоритм становления новых форм хозяйства. А тем временем мертвое все еще продолжает цепко держать живое за горло, деформируя, помимо прочего, процесс сельскохозяйственного роста страны: экономические последствия краха «социалистических» форм хозяйства в аграрном секторе России приняли поистине чудовищные масштабы (напомню, меньше чем за десятилетие, считая от 1990 г., валовая продукция сельского хозяйства страны сократилась на две пятых[45]); что само по себе требует концептуальной комплексной оценки экономических параметров и социальных качеств воспроизводственного процесса в коллективизированной агросфере России. Более того, в беспристрастной оценке, точнее — переосмыслении, особенно после крушения «социализма», нуждается *стадия формационного процесса*, пройденная российской деревней в период ее коллективизационного бытия[46]. Ведь большевистские «экс-

---

[44] См.: История ВКП(б). Краткий курс. Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. М., 1946, с. 291.

[45] См.: Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001, с. 644.

[46] Переоценочный процесс уже набирает ускорение. Отмечу кратко (ибо нижеследующее — *не* тема настоящей работы), что в рамках современных представлений о формационном процессе заслуживает первостепенного, по нашему мнению, внимания позиция, трактующая «коммунизм» (в его пережитом нами обличии) как «специфический элемент самой мировой капиталистической системы». Согласно этой позиции, «исторический коммунизм есть антикапитализм и только антикапитализм», при этом сам «капитализм — особая, уникальная социальная система, которая существует как единство двух социальных зарядов — положительного и отрицательного. Зрелый капитализм — это двойная масса: “капитализм + системный антикапитализм”. С этой точки зрения крушение коммунизма есть не победа капитализма, а первый стук Судьбы в его дверь» (Капитализм на Востоке во второй половине XX в.

периментаторы», сотворившие в российской деревне «новый тип хозяйства, невиданный в истории человечества» (вот уж истинная правда!), всерьез рассматривали образование именно колхозной системы *переломным* рубежом в формационном развитии (в большевистской трактовке этого понятия) российского (советского) общества. Резолюция XVI съезда ВКП(б) (1930 г.) так объясняет суть дела: «Если конфискация земли у помещиков была *первым* шагом Октябрьской революции в деревне, то переход к колхозам является *вторым* и притом решающим шагом, который определяет важнейший этап в деле построения фундамента социалистического общества в СССР»[47].

Колхозная система на протяжении всего времени, отведенного ей Историей, была объектом мощного идеологического воздействия, неизбежно затронувшего в советский период истории российского общества и обществоведение. Чего стоит, например, постулат о якобы постепенно свершавшемся подъеме «кооперативно-колхозной собственности» (как «социалистической» собственности «низшего» порядка) до уровня «общенародной собственности» (как «социалистической» собственности «высшего», адекватно соответствовавшего сущности «социализма», порядка). А толчок экспансии этой популярной мифологемы дала директивная установка все того же XVI съезда большевиков (1930 г.), провозгласившего, что «колхозное движение может подниматься к высшей форме — *к коммуне*…»[48]. Потребность в преодолении завалов коммунистического мифотворчества, касающегося социальной сущности форм хозяйства аграрного сектора в период, названный «социалистическим», закономерно повышает значимость целостного концептуального подхода к их исследованию.

Ниже предпринимается попытка — отследить, в первом приближении, социально-экономический образ колхоза советского образца в совокупности его детерминантных признаков, как целостный феномен. Авторы при этом исходили из того, что такую попытку вообще возможно осуществлять лишь при опоре на научные достижения в разных дисциплинах обществоведения (ряд относящихся к ним работ приводится в настоящей главе). Отметим также: временные рамки анализа охватывают по преимуществу эпоху сталинщины, тот зловещий период в аграрной истории России, когда были заложены основы

М.: «Восточная литература» РАН. 1995, с. 598 [*А.И. Фурсов*. Послесловие]. См. также: *Фурсов А.И.* Бюрократия как исторический тип организации власти, в: *Мировая экономика и международные отношения.* 1989, №7, с. 77–80).

[47] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М., 1953, с. 598, 603.

[48] Там же, с. 596.

и осуществлена — до «последних винтиков» — институционализация колхозного строя в российской деревне.

Hic Rhodes, hic salta.

* * *

Становым хребтом аграрной экономики России с начала 30-х годов и до рубежа 80–90-х годов XX века — времени распада СССР были коллективные хозяйства (колхозы), а с конца 50-х годов — и бравшие на себя все большую часть сельскохозяйственного производства государственные сельскохозяйственные предприятия (совхозы).

Всеобщая коллективизация крестьянских хозяйств, проведенная в бывш. СССР с конца 20-х до конца 40-х годов, помимо достижения насущнейшей социально-политической цели (создание организационно-хозяйственной формы, адекватной, по представлениям правящей большевистской элиты, требованиям «построения социализма»), в самой деревне должна была обеспечить решение двух кардинальных задач: а) сформировать институциональные условия для всестороннего политического контроля над крестьянством — подавляющей частью советского народа; и б) создать — в том, что касалось экономического роста страны, — новые устойчивые макровоспроизводственные пропорции, соответствовавшие курсу страны на индустриализацию — аграрный сектор был призван снабжать страну во все растущих размерах товарным хлебом (и другим сельскохозяйственным сырьем). Вместе с тем новая система хозяйства, представляемая колхозами, должна была, во-первых, обеспечивать страну не просто хлебом, а именно *дешевым* хлебом, и, во-вторых, существенно облегчить условия для отчуждения максимально возможной части прибавочного продукта, производившегося в наиболее отсталом секторе народного хозяйства, ради нужд накопления, питавшего индустриализацию.

Именно в этом заключалась истинная «генеральная линия» политики большевиков в аграрном секторе советской России, линия, предопределившая на практике применение жестоких методов в построении нового общества, названного «социализмом».

Действительно, поставки сельскохозяйственной продукции государству — а в первые годы коллективизации это были в основном поставки зерновых — были объявлены «первоочередной обязанностью» колхозов[49]. Для подвергшейся коллективизации традиционной

[49] Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг. М.: «Советское законодательство», 1934, с. 105.

аграрной экономики, опиравшейся на ручной труд и соответствующие ему материальные средства производства, т.е. экономики, предполагавшей расход подавляющей части продукта на воспроизводственные нужды самого хозяйства, установленные кратократией[50] нормы обязательных отчуждений были весьма высоки. Так, в начале 30-х годов в зернопроизводящих районах по договорам о контрактации (система контрактации действовала до 1933 г.) колхозы должны были «сдавать» (т.е. продавать государству по принудительным, крайне заниженным ценам) от 1/4 до 1/3 валового сбора зерна[51]. В 1940 г. норма обязательных поставок зерна государству (без натуральных выплат, причитавшихся МТС; см. ниже) была установлена на уровне 21,9% по отношению к среднему валовому урожаю зерновых в стране в 1938–1939 гг.[52]. При этом кратократия накладывала жесткий запрет на любое отчуждение какой-либо доли колхозного продукта в целях его рыночной реализации до полного выполнения «плана» обязательных поставок государству. Иначе говоря, с самого начала своей экономической деятельности крестьянское хозяйство, получившее новый, «социалистический», статус, оказалось в петле жестких ограничений в своем общении с рынком.

Режим сдачи колхозами зерна государству все более ужесточался. В 1933 г. политика этого ужесточения в решениях высших властных структур концептуализируется следующим образом: «Мы имеем в этом году не хлебозаготовки старого типа, проводившиеся на основе не вполне определенных

---

[50] Понятие «кратократия» (от древнегреческого «kratos» — «власть», «могущество»), то есть «власть власти», было разработано для научного объяснения природы того общественного строя, который утвердился в ряде стран мира под маской «социализма» (в странах «социалистического лагеря»); описывает, помимо прочего, детерминантный при «социалистических» общественных порядках тип производственных отношений, а также — что особенно важно в контексте темы настоящей работы — системообразующий фактор экономической динамики при «социализме». Наиболее подробно содержание этого понятия изложено в работе: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., гл. I (*А.И. Фурсов*). Интерпретирующие возможности данного понятия, думается, на нынешнем этапе развития общественных наук наиболее полно отвечают задачам научного поиска в области изучения проблем заявленной темы. Необходимые пояснения, относящиеся к смысловой нагрузке этого понятия, будут даны по ходу анализа задействованого материала.

[51] Колхозно-кооперативное законодательство. Сборник директивных, законодательных и ведомственных постановлений. М.: «Советское законодательство», 1931, с. 83, 156.

[52] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М.: «Сельхозгиз», 1948, с. 560; Сельское хозяйство СССР. 1960, с. 202; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 341.

договоров с крестьянством, а *зернопоставки, основанные на твердом и непререкаемом законе, обязательном к выполнению всеми колхозами и единоличниками* (курсив наш. — *Авт.*). Это значит, что никакое уклонение от обязательств по сдаче зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом» (из Постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 20 июня 1933 г.). Более того, «колхозы, не выполнившие своих обязательств по сдаче хлеба государству в … сроки, подвергаются через сельсоветы денежному штрафу в размере *рыночной стоимости* недовыполненной части обязательства, и сверх того к этим колхозам предъявляется требование о досрочном выполнении *всего годового обязательства*, подлежащего взысканию в *бесспорном порядке* (курсив наш — *Авт.*)» (из Постановления СНК и ЦК ВКП (б) от 19 января 1933 г.)[53]. При этом кратократия настаивает на безусловном приоритете изъятия «своей» доли: все поставки должны осуществляться «из первых обмолотов»[54].

По сравнению с нормами товарности, сложившимися в период НЭПа, в постколлективизационный период резко вырос удельный вес отчуждаемого продукта, принимавшего в руках кратократии товарную форму (и прежде всего главной его составляющей — зерна) (подробнее см. табл. СП-10 и СП-9, рис. III-1). Следует выделить несколько основных источников, способствовавших спурту товарности с первых же лет коллективизации.

Во-первых, переключение многих внутридеревенских связей на вертикаль власти и подчиненные ей хозяйственные институты (последняя перехватывала часть обменных потоков в деревне, например, посредством уничтожения частной торговли), дополненное широким применением внеэкономических методов принуждения (реализация «обязательств» по поставкам посредством заниженных заготовительных цен), а также связанные с коллективизацией крупные социальные трансформации в деревне (уничтожение института «наемного труда» и других видов «эксплуатации» и, соответственно, свертывание внутридеревенского рынка хлеба и других продовольственных продуктов) высвободили дополнительную массу крестьянского продукта, ранее обращавшуюся внутри деревни, а теперь оказавшуюся способной, приняв облик «государственных заготовок», прямой дорогой направиться в «закрома государства».

Во-вторых, к источникам роста товарности сельского хозяйства можно было отнести начавшееся в 30-х годах внедрение в мануфактурное разделение труда в аграрном секторе некоторых меха-

---

[53] Цит. по: Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 114, 106.

[54] Там же, с. 105, 106, 114; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 591.

низмов (прежде всего тракторов), способствовавшее частичному вытеснению из отдельных сельскохозяйственных операций тяговой силы рабочего скота и соответственно высвобождению части зерновых ресурсов из сферы внутрихозяйственного потребления (в качестве кормов). (Впрочем, излишки зерна, получаемые из этого источника, впоследствии поглощались в формировавшихся отраслях животноводства.)

Но, по-видимому, главным источник увеличения поставок товарного продукта (и в первую очередь его основного вида — зерна) формировался давлением кратократии на фонд жизненных средств коллективизированных производителей. В колхозах четко обозначилась *обратная зависимость* между динамикой отчуждаемого в пользу государства сельскохозяйственного продукта и динамикой его части, распределяемой в фонд жизненных средств колхозников.

Как свидетельствует один из документов Совета по делам колхозов (1949 г.), такая зависимость характеризовалась следующими данными (*в % от оприходованного колхозами зерна по годам*)[55]:

	1937	*1938.*	*1939*	*1940*	*1946*	*1947*
Сдано и продано государству (включая натуроплату МТС[1]*)*	*30,3*	*35,8*	*40,2*	*42,9*	*51,7*	*51,2*
Определено к выдаче колхозникам и трактористам по трудодням	*35,9*	*26,8*	*22,9*	*19,9*	*14,1*	*16,2*

[1] *Этот вид отчуждений колхозного продукта мы рассмотрим ниже.*

Автор документа комментирует: «Доля зерна, сдаваемого государству, значительно возросла в последние годы. Снижение внутрихозяйственного потребления произошло за счет сокращения отчислений в семенной фонд (!) и особенно в фуражный». Более «тощим» стал и трудодень: «Средняя выдача зерна на один трудодень колхозникам и трактористам снизилась с 1,65 кг в 1940 г. до 1,02 кг в 1947 г.». При этом «в 1940 г. было 39% колхозов, выдававших зерна на трудодень меньше 1 кг, а в 1947 г. (голодном. — *Авт.*) таких колхозов было 70%»[56].

Совершенно очевидно, что в данном случае захватываемая кратократией и превращаемая ею в товар, *дополнительная* часть колхозного продукта (т.е. часть, выходящая за границы нормы,

[55] Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992, [Документ № 6], с. 57.

[56] Цит. по: там же, с. 58,59.

обеспечивающей минимальную заработную плату колхозника, если за стандарт таковой принять ее довоенный уровень) *не опирается на общественное разделение труда*, а представляет собой просто вычет из фонда жизненных средств работников колхоза, его «неделимых» и иных фондов, т.е. *отчисления из фонда потребления продукта, расходуемого на воспроизводство*. В создании такой *мнимой товарности* в колхозном производстве заключалась сильнейшая аномалия экономического роста, столь тяжело отражавшаяся на воспроизводстве в колхозах.

В погоне за массой изымаемого из колхозов продукта кратократия прибегала и к особо изощренным методам внеэкономического принуждения. В частности, в начальный период «колхозного строительства» с целью изъятия реальных излишков колхозного продукта, остававшихся в колхозах после расчета последних по их многообразным обязательствам перед государством, она инициировала обескровливание колхозов посредством использования механизмов «встречных планов». Провозглашалась необходимость «мобилизации колхозников на выполнение и перевыполнение на основе встречных планов государственных заданий»[57]; на хозяйства оказывалось жесткое давление — «производственный план колхоза должен стать встречным планом колхозников по выполнению производственных заданий района»[58]. Идея «встречных планов» внедрялась даже в производственную бригаду: «В практической работе бригада должна стремиться к перевыполнению задания, применяя методы встречных планов»[59]. При этом понятно, что доступная для дополнительных отчуждений часть колхозного продукта могла быть тем больше, чем больше продукта сохранялось в колхозе после обязательных выплат государству и его институтам системы распределения (МТС и др.), на которой стоял колхозный строй. Вот здесь-то тараном, сокрушавшим колхозные (крестьянские) закрома, наполненные причитавшимися колхозам «излишками» (или по эквивалентной более ранней терминологии — «остатками») хлеба и другой продукции, и выступали «встречные планы».

Джин был выпущен из бутылки. Низовые (районные) функционеры кратократии, отзываясь на сигналы, поступавшие сверху, при опоре на силу принуждения, прикрытую идеологическим флером — якобы «добровольного волеизъявления» коллективизированных производителей делать дополнительные взносы в «копилку» «социализма», фактически дочиста обирали колхозы: в результате они подрывали уже сформированные ею (кратократией как целостной системой)

---

[57] Колхозно-кооперативное законодательство, с. 76.
[58] Там же, с. 101.
[59] Там же, с. 119.

механизмы производства в коллективном хозяйстве, создавая тем самым угрозу самому процессу воспроизводства в его долгосрочной перспективе. Уже в 1933 г. высшие властные структуры ужаснулись содеянному; теперь они почти в каждом постановлении, касающемся сельского хозяйства, грозят *уголовным преследованием* всех организаций и лиц, «виновных в даче встречных планов»[60].)

Бремя «обязательств», возложенное на колхозы, было настолько тяжело, что недоимки по поставкам государству сельскохозяйственной продукции стали самым уязвимым звеном взаимоотношений колхозов с государством. Возникшие с первых же лет коллективизации, недоимки погружали колхозы в пучину не поддающихся оплате долгов (подробнее см. ниже), хотя, как и собственно текущие «обязательства», подлежали «первоочередному» погашению из собранного в данном году урожая.

Руководители Совета по делам колхозов при Правительстве СССР рапортовали секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову об «успехах» в мобилизации зерна по навязанным колхозам «обязательствам» к концу послевоенной «пятилетки восстановления»: «В течение последних пяти лет только около половины колхозов полностью выполняют свои обязательства перед государством по поставкам зерна…»[61]. Драматизм ситуации заключался в том, что по показателю удельного веса колхозов, выполнявших «планы заготовок зерна», высокоспециализированные зернопроизводящие регионы страны прочно обосновались в группе, выделявшейся наиболее высоким удельным весом хозяйств–недоимщиков, о чем свидетельствовали следующие данные Министерства заготовок[62]:

Удельный вес колхозов, выполнивших планы заготовок зерна, %

	1944 г.	*1945 г.*	*1946 г.*	*1947 г.*	*1948 г.*
Всего по СССР	*57,7*	*50,0*	*42,1*	*нет св.*	*44,2*
Алтайский край	*17,0*	*11,8*	*30,7*	*18,0*	*8,9*
Ставропольский край	*20,0*	*21,5*	*7,1*	*15,2*	*13,4*
Краснодарский край	*13,1*	*23,1*	*15,5*	*14,1*	*21,1*

[60] См., например: Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 106, 111, 114, 115, 120; ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1925–1935. Ч.II. М., 1936, с. 611, 634, 666; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 591, 602, 615 и др.

[61] Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 30], с. 159.

[62] Там же.

Многофункциональную роль в колхозной экономике играли машинно-тракторные станции (МТС), сеть которых стала формироваться в советской деревне с первых же дней коллективизации. Они воплощали возникавшую в деревне новую, индустриальную систему производительных сил, объективно способствуя внедрению в крестьянское хозяйство новой культуры земледельческого труда, коренному изменению параметров его производительной силы, т.е. экономии земледельческого труда. Они же продавливали на селе тот тип социальной организации хозяйственной деятельности, который кратократия называла «социалистическим», выполняя, помимо прочего, функцию «социалистического» — политического — «надзирателя» над коллективизированным крестьянством.

Совершенно особыми функциями кратократия наделила МТС в области распределения сельскохозяйственного продукта, производившегося в колхозах. Именно МТС как институциональные представители «власти насилия» (см. ниже) непосредственно в сфере экономической деятельности колхозов могли наиболее эффективно выполнять функцию их внеэкономического принуждения, способствуя перекачке в «закрома государства» значительной массы колхозного продукта в рамках оплаты услуг МТС.

По установлению властного партийного форума 1929 г. колхозы должны были расплачиваться с МТС, как при феодальной издольщине, *долей* валового продукта, безотносительно к действительным издержкам производства в хозяйстве, долей, составлявшей на рубеже 20–30-х годов 25–30% валового урожая зерновых[63] (впрочем, в раннем примерном договоре между МТС и колхозами — от 1930 года эта норма была зафиксирована на нижней границе — 25% урожая зерновых). При этом столь крупная доля урожая подлежала изъятию в оплату только предположительной амортизации, топлива и расходов на ремонт предоставленной МТС техники (а также расходов «на содержание административного, агрономического и технического персонала» станции). За отдельные выполненные МТС работы колхозами вносились дополнительные платежи, отдельно оплачивался труд работников МТС (см. ниже)[64].

Но с 1934 г. примерный договор уже предусматривал оплату услуг МТС колхозами не «валом», а по операциям. За «пакет» из пяти основных операций, осуществлявшихся в зерновом секторе производства, колхозы должны были отдавать МТС, например, при урожайности зерновых 6 ц/га —

---

[63] XVI Конференция ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1929, с. 140.

[64] Колхозно-кооперативное законодательство, с. 89, 91.

30,3%, 8 ц/га — 32,4%, 10 ц/га — 32,9% их валового сбора[65]. Горькая «изюминка» этих выплат заключалась в том, что продукт, отчуждавшийся из колхозов по нормативам МТС в натуре и выполнявший функцию *средства платежа*, оценивался пролетарской властью по ставкам, которые были *в несколько раз ниже рыночных* (подробнее см. гл. IV, §1).

У изымавшихся «излишков» цены (представленных разностью между ценой заготовительной и ценой реализационной) был и четко очерченный адрес. По определению СНК СССР и ЦК ВКП (б) (от 25 июня 1933 г.), «без такой оплаты государство не могло бы содержать МТС, а МТС оказывать помощь колхозам»; и, кроме того, присваиваемыми «излишками» цены оно покрывало расходы «по созданию новых МТС» [66]. Т.е. колхозный продукт, распределяемый по принудительно установленным ценам, с первых же дней существования колхозов становился источником принудительно же формируемых государственных инвестиций в индустриальную базу сельскохозяйственного производства.

Но вот собственником, причем единственным, монопольным, индустриальных средств производства, сосредоточенных в МТС, оставалась кратократия в лице государства, а вовсе не колхозы. Плата за государственную монополию такого рода (монопольная рента) включалась в ту часть продукта, которая отчуждалась у колхозов за услуги МТС. Тем самым, МТС, реализовывавшие эту монополию, как мы не раз убедимся ниже, фактически выполняли для кратократии важную социальную функцию — отчуждение части фонда жизненных средств непосредственных производителей сельскохозяйственного продукта — колхозников. (Три десятилетия спустя со времени старта коллективизации, в 1958 г., кратократия начнет распродавать средства производства, принадлежащие МТС, — за отдельную плату — колхозам, которые многократно уже покрыли их стоимость отчислениями в пользу МТС части своего продукта *in natura*.)

Жесткость отношения МТС к «опекаемым» ими колхозам была заложена кратократией в ее директивных документах. В одном из них (от 25 июня 1933 г.) читаем, что договора МТС с колхозами «имеют твердую силу закона», что «причитающееся МТС от колхозов зерно по натуроплате за произведенные МТС в колхозах работы должно быть сдано машинно-тракторным станциям колхозами полностью и безоговорочно в точном соответствии с размерами произведенных МТС в колхозах работ и установленных норм оплаты», при этом МТС предоставлено «право бесспорного взыскания

---

[65] Подсчитано по: Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 73.

[66] Там же, с. 79.

натуроплаты с колхозов, задерживающих оплату натурой произведенных МТС работ»[67]. МТС же «взыскивали с колхозов натуроплату в одинаковых размерах» даже при нанесении ущерба своим договорным контрагентам — колхозам[68].

На начальных этапах «колхозного строительства» кратократия даже возложила на МТС ответственнейшую функцию: «устанавливать» в каждом отдельно взятом колхозе, который она, станция, обслуживала, «размер товарных излишков» (по соглашению между станцией и колхозами, но «на основании хлебофуражного баланса года, составленного станцией же для каждого колхоза в отдельности»); соответственно «все товарные излишки полевого хозяйства колхоз обязан был сдать по государственным ценам (причем отнюдь не сразу выплачиваемым. — *Авт.*) станции непосредственно после уборки урожая». Только после этого «хлебозаготовки считались законченными»[69]. Этой акцией принуждения со стороны кратократии коллективное хозяйство полностью изгонялось с рынка — воспроизводственные потоки первого переключались исключительно на детерминируемую Властью вертикаль обменных отношений. (Через несколько лет колхозу все-таки позволят весьма скромные «излишки», если таковые все-таки обнаружатся после внесения всех обязательных платежей натурой, реализовывать на колхозном рынке.)

Особый урон поступательному росту аграрной экономики, в частности, развитию товарного производства, наносило жесткое и эффективное осуществление кратократией *уравнительного принципа* в региональной (порайонной) распределительной политике, принуждавшей «благополучные» колхозы, способные выполнять возложенные на них тяжелые задания по обязательным поставкам и иным платежам, вносить из своего продукта в «государственные закрома» дополнительную дань за «неблагополучные» колхозы, колхозы «отстающие», или просто неспособные нести на себе бремя обязательных платежей в тех пределах, в каких они были кратократией установлены.

В самом деле, в масштабах всего государства основной «учетной единицей» плана изъятий сельскохозяйственного продукта был вовсе не колхоз, а отдельная территориальная единица, представленная районом, областью, краем и даже республикой. Поэтому при любых случаях «недосдачи» массы продукта, определенной к выплате

---

[67] Там же.

[68] Подробнее см.: Постановление Пленума ЦК ВКП (б) от февраля 1947 г., в: Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с.114.

[69] Колхозно-кооперативное законодательство, с. 91,157.

государству, любыми производственными единицами (колхозами), эту «недосдачу» принуждали покрывать те производственные единицы (колхозы), у которых необходимая масса «излишков» продукта могла оказаться в наличии, и эти «излишки» кратократия бесцеремонно вымогала для «государственных закромов», дабы выполнить «план» района, области и т.п.

Через десять с лишним лет после начала коллективизации ЦК ВКП(б) и СНК СССР вынуждены были признать (7 апреля 1940 г.), что «колхозы, имеющие развитое общественное стадо и увеличивающие его из года в год, должны сдавать все большее и большее количество мяса, молока и шерсти по обязательным поставкам государству, в то время как колхозы, имеющие слабые животноводческие фермы, сдают мало продуктов по обязательным поставкам государству, а колхозы, вовсе не имеющие животноводческих ферм и не желающие их организовывать, находятся в льготном положении, так как не сдают по обязательным поставкам государству продуктов животноводства»[70].

Более того, как явствует из доклада отдела Совета по делам колхозов, представленного председателю Совета А.А. Андрееву, от 26 февраля 1949 г., «по указаниям местных органов, передовые колхозы, выполнив свои обязательства по поставке продукции, понуждаются к сдаче дополнительного количества продуктов /…/ практика перекладывания обязательств по поставкам продукции на передовые колхозы имеет место и в других областях и республиках. Это приводит к созданию иждивенческих настроений в колхозах, систематически не выполняющих планы поставок продукции, и подрывает материальную заинтересованность колхозов, добросовестно выполняющих свои обязательства перед государством»[71]. Изъятия дополнительной массы продукции из закромов «передовых» колхозов были, очевидно, огромны. Так, руководители Совета по делам колхозов в своей записке на имя Г.М. Маленкова, отметив, что около половины колхозов в 1948 г. *не* выполнили полностью обязательств по зернопоставкам, подчеркнули, что, тем не менее «план хлебозаготовок выполнили почти все союзные республики и большинство областей, краев и республик РСФСР, однако это выполнение обеспечено главным образом *за счет перевыполнения сдачи хлеба передовыми колхозами*… (курсив наш. — *Авт.*)»[72]. Надо ли специально говорить, что все герои «планов громадья» остались безвестны для истории: «Сейчас нет даже

---

[70] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 557.

[71] Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 6], с. 66–67.

[72] Там же, [Документ № 30], с. 159,160.

надлежащего учета таких колхозов»[73]. (О нравственных основах отношения Власти к «социалистическому» (колхозному) крестьянству при сталинщине см. подробнее ниже.)

Тем самым кратократия воссоздавала и поддерживала в аграрном секторе принудительный *режим фискальной круговой поруки*, унаследованный еще от общинных времен бытия аграрного строя и приспособленный к ее (кратократии) требованиям и нуждам. При этом сельскохозяйственная политика кратократии, концептуализированная в различного рода решениях форумов правившей большевистской партии, прямо развязывала и легитимизировала инициативу низшего звена «служителей» кратократии в манипулировании объемами обязательных поставок от различных производственных единиц (колхозов). Этим исполнителям коллективной воли кратократии разрешалось изымать у «благополучных» колхозов на 30% больше среднерегиональной нормы и «прощать» недобор с «неблагополучных» в тех же — 30% — размерах, с тем, однако, чтобы установленный план по каждой учетной территориальной (региональной) единице был выполнен[74]. Возникала ситуация: чем лучше работал колхоз, тем относительно меньше продукта он и, соответственно, его работники в виде заработанного дохода получали. Таким образом, «благополучные» колхозы лишались «избыточных» ресурсов сельскохозяйственного продукта, которые могли бы быть ими самостоятельно реализованы на рынке за деньги.

В зерновом производстве, главной отрасли сельского хозяйства СССР (в том числе России), механизм такого принудительного распределения и перераспределения действовал особенно сурово и практически едва ли не целиком разрывал межотраслевые «горизонтальные» (т.е. рыночные) связи. Так, в 1948/49 сельскохозяйственном году на колхозных рынках крупных городов была реализована колхозами масса зерна, составлявшая 0,64%, а в 1949/50 г. — 0,7% от общего объема государственных заготовок и закупок зерна[75].

Обратим внимание: в собственно мануфактурный период развития аграрной экономики СССР (т.е. до 60-х годов) обе статьи изъятий («обязательные» поставки государству, натуроплата услуг МТС)

---

[73] Там же, с. 160.

[74] Подробнее см.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 588, 594, 595, 603, 605, 606 и др.

[75] Подсчитано по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 32; данные ЦСУ СССР], с. 167–169; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 15. При расчете использован показатель численности городского населения, проживавшего в «крупных городах», т.е. насчитывавших свыше 50 тыс. человек каждый. Таких в январе 1955 года было 268 (сведения ЦСУ СССР по реализации зерна на городских рынках относятся к 251 городу), и сосредоточивали они 70,8% всего городского населения СССР (см.: Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956, с. 27).

охватывали *около двух пятых цены валового сельскохозяйственного продукта общественного сектора хозяйства и более* (см. табл. СП-10 и СП-9, столбец «Заготовки»). Мы уже говорили о деформирующем воздействии на воспроизводство в обобществленном хозяйстве выплат столь крупной доли произведенного в нем продукта. Подчеркнем, что эта доля взыскивалась *в натуральной форме* (отнесем сюда и ту фракцию «обязательных» поставок, официально называвшуюся «закупками», которая аккумулировалась государством по принудительно установленным дармовым (монопольным) ценам, вне всякой связи с чем-либо, хотя бы отдаленно напоминающим рыночную альтернативу).

Между тем политика отчуждения из хозяйств «государевой доли» именно *in natura* имела вполне определенные цели (об этом мы расскажем особо ниже), сейчас же отметим, что опиралась эта политика на куда более широкое основание, чем простая сила «голого» внеэкономического принуждения.

Воспроизводство натуральных отношений в колхозах осуществлялось широко и всесторонне, одновременно по нескольким направлениям. Колхозный хозяйственный комплекс воссоздавался как целостное бестоварное (натуральное) хозяйство, органически включавшееся в народное хозяйство СССР (России). Кратократия *тормозила* прежде всего *рост общественного разделения труда* — в том, что касалось системы колхозов, препятствуя развитию, насколько это от нее зависело, любых «горизонтальных» форм обмена, в противоположность единственно господствовавшей «вертикальной» форме, замкнутой на саму кратократию.

Сохранить «чистоту» сельскохозяйственной деятельности колхозов, не дать ей смешаться, независимо от воли Власти (и представляемого ею государства), с внедеревенскими формами экономической деятельности было одной из важнейших целей кратократии в аграрном секторе. Дело доходило до парадоксов. Когда в конце 30-х годов некоторые колхозы попытались организовать у себя промышленные предприятия (мастерские и др.) и даже, если использовать современную терминологию, заняться угольным бизнесом, Совет народных комиссаров (СНК) СССР решительно воспрепятствовал «этой противогосударственной и противоколхозной практике», приняв специальное постановление (от 22 октября 1938 г.) о ликвидации в колхозах «промышленных предприятий, не связанных с сельскохозяйственным производством», сославшись при этом на то, что «недра земли являются государственной собственностью»[76]. Попытки коллективов колхозников вырваться в своей

[76] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 272–273.

экономической деятельности за пределы железного обруча колхозной системы были пресечены у самых их истоков. Отметим, что в данном случае кратократия стремилась выжечь каленым железом именно те проявления совокупной экономической деятельности крестьянина, которые, выступая в форме неземледельческих крестьянских промыслов, до революции, например, в потребляющей полосе России, приносили в крестьянский бюджет, как мы упоминали выше (см. гл. I, §3), 21,5% его суммарного дохода[77].

Преобразования, образ которых заимствован из практики «Королевства кривых зеркал», кратократия активно осуществляла в общественном разделении труда в других сферах жизни колхозного (и совхозного) хозяйства. Как известно, в рыночном хозяйстве специализация производства, предусматривающая, помимо прочего, экономию труда и используемых ресурсов и обеспечивающая наибольшую выгоду от экономической деятельности, неизбежно ведет к росту концентрации производства в одних группах хозяйств, в одних районах, вытесняя из данного вида экономической деятельности другие группы хозяйств, другие районы.

В условиях кратократии процессы специализации, естественные для рыночной экономики, по существу были повернуты вспять. Одержимая «мечтой» создать систему аграрного хозяйства, каждая ячейка которой была бы самодостаточна и автаркична, а главное — замкнута на «руководящую» власть, она стремилась воплощать эту «мечту» — упорно и не без успеха — в своей практической деятельности, *de facto*, помимо других отраслей, в животноводческом комплексе.

Начало реализации этой «мечты» было положено еще в 1934 г., когда очередной форум правящей партии подчеркнул «решающую роль колхозных товарных ферм в деле развития животноводства». Отсюда «установка» — «укрепление существующих колхозных товарных ферм и создание фермы *в каждом колхозе* (курсив наш. — *Авт*.) должно стать первоочередной задачей партийных и советских организаций»[78]. Дальше — больше. В конце 30-х годов СНК СССР и ЦК ВКП (б) выпускают документ (от 8 июля 1939 г.), в котором постановляют: «*каждый колхоз* (курсив наш. — *Авт*.) должен иметь, по крайней мере, не менее двух животноводческих ферм, из них: одну ферму крупного рогатого скота и другую — овцеводческую или свиноводческую ферму», но считать «желательным» и «целесообразным»

---

[77] Цит. по: *Ларин Ю.* Вопросы крестьянского хозяйства, с. 19.

[78] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1925–1935 гг.. Ч.II, с. 613.

создавать «*в каждом колхозе* (курсив наш. — *Авт*.) три животноводческие фермы, одну — крупного рогатого скота, другую — овцеводческую и третью — свиноводческую»[79]. Кратократия была бескомпромиссно нацелена на распределение производственных ресурсов по «образу и подобию» распределения таковых в самодостаточном хозяйстве традиционного типа.

Дух и буква этого постановления распространяли свое влияние на развитие животноводства практически в течение всего дальнейшего периода существования СССР. Это относится прежде всего к сектору коллективных хозяйств, который оставался верен убыточному молочному «бизнесу» на протяжении всей эпохи «социалистического строительства», сохраняя в нем («бизнесе») почти 100-процентное присутствие (например, в 1961 г. держали молочных коров 99,8% всех колхозов, в 1985 г. доля колхозов, имевших поголовье молочного скота, упала … до 99%); более того, сектор даже увеличил долю крупных хозяйств (имевших свыше 1000 голов на хозяйство) — до 11,8% от общего числа колхозов в 1985 г. (против 2,4% в 1961 г.), и сократил долю хозяйств с малым поголовьем коров. Напротив, в секторе совхозов наблюдался явно выраженный процесс деконцентрации поголовья коров: за четверть века сектор резко снизил долю крупных хозяйств (имевших свыше 1000 коров на хозяйство) — более чем в 1,5 раза (с 31,1% до 19,3%), вместе с тем увеличилась (хотя и незначительно) доля совхозов с малочисленным поголовьем коров[80]. Но при этом подавляющая часть совхозов (86%), подчиняясь жесткой дисциплине «директивного планирования», все еще продолжала держать молочный скот и заниматься, как правило, экономически убыточным молочным «бизнесом».

Конечно, кратократия требовала одновременно создавать в рамках «каждого» колхоза (совхоза), обремененного даже не тремя, а всего лишь одной животноводческой фермой, собственную кормовую базу, каких бы затрат это ни стоило.

По установке СНК СССР и ЦК ВКП (б) (от 17 января 1941 г.), местные органы власти должны были добиваться, чтобы «*каждый колхоз* (курсив наш. — *Авт*.) уже в 1941 году имел посевы кормовых корне–клубнеплодов или бахчевых культур»; в своем Постановлении от 29 мая 1941г. СНК разъясняет, что «недостаток сочных кормов в колхозе вынуждает непроизводительно затрачивать излишнее

---

[79] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 466.

[80] См.: Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 443,456; Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с. 279,291.

количество зерна на корм скоту»[81]. Такая практика расходования ресурсов зерна, как о том свидетельствуют данные о застойной динамике пропорций товарного выхода зерна — вокруг 43% с начала 50-х годов XX века до начала 90-х, — сохранялась в аграрном секторе СССР на протяжении всего периода его последующего существования.

По существу, речь шла о дальнейшем развертывании системы «аналитического», или *технического* (внутриколхозного) разделения труда, противопоставленного *общественному* разделению труда с его гарантировавшими экономические выгоды преимуществами. Посредством такого рода акций принудительно навязываемой политики, кратократия подталкивала колхозы к развитию производства *автаркического* типа и тем самым открывала путь не к экономии, а к нагнетанию издержек производства.

Проклятие «социалистической модели» специализации в области животноводства («всем сестрам по серьге») до сих пор лежит на животноводческом секторе «крупных и средних предприятий» сельского хозяйства современной России. Как и в советские времена, почти 85% этих предположительно коммерческих сельскохозяйственных организаций (товарный выход молока составляет у них 83,7%) держат молочный скот. Более того, происходит прогрессирующее размывание группы крупных молочных хозяйств. По данным Госкомстата России на 2001 г., группа хозяйств с самым крупным поголовьем коров (свыше 1000 голов на хозяйство) составляла лишь 1,9% общего числа «крупных и средних предприятий», т.е. сократилась в 6–10 раз по сравнению с 1985 г. И при этом на ее долю приходилось лишь 15,1% общего объема производства молока. В то же время удельный вес предприятий (организаций), сосредоточивающих каждое до 300 коров, составлял 67,7%[82]. Очевидно, что крупный производитель молока в 90-е годы активно освобождался от молочного стада, стремясь тем самым снизить потери от нерентабельной хозяйственной деятельности, зачастую не окупавшей даже издержки производства[83]. Добавим к этому, что процесс такой маргинализации молочного хозяйства происходил на фоне хиреющей (или, может быть, точнее — полузастойной) продуктивности молочного стада. Например, в РСФСР/России с

[81] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 482,477.

[82] Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 85.

[83] См. данные о динамике рентабельности производства молока в 90-х годах, в: Сельское хозяйство в России 1998. Статистический сборник. М., 1998, с. 109; Сельское хозяйство в России 2002, с. 110.

1965 г. по 2000 г. средние надои молока на корову увеличились с 2030 кг до 2343 кг, или в 1,15 раза за 35 лет[84].

Сильнейший удар по общественному разделению труда в ареалах распространения колхозного производства нанесла политика, проводившаяся с 1940 г., в соответствии с которой был принят *погектарный принцип* формирования государственных заготовок: каждая производственная единица (колхоз) обязывалась к безусловному выполнению предписанного ей наряда по наполнению «закромов государства» — посредством «строжайшего соблюдения политики исчисления обязательных поставок с каждого гектара закрепленной за колхозами пашни при обложении продуктами полеводства и с каждого гектара закрепленной за колхозами земельной площади при обложении продуктами животноводства»[85]. При этом «обкладывалось» поставками и фактически еще не ставшее реальным, а лишь ожидаемое в будущем производство, или сбор культуры, которая даже не была засеяна![86]

Что же подвигло Власть на принятие столь жестких мер в преобразовании механизмов принуждения тружеников колхозов? К концу 30-х годов, через десять лет после начала коллективизации, кратократия уяснила себе, что может (и, соответственно, должна), говоря вещими словами Е. Преображенского, «брать больше из (предположительного. — *Авт.*) еще большего дохода»[87], и, более того, сумеет силой «голого» внеэкономического принуждения преодолеть тенденции к застою в динамике колхозной экономики. В самом деле, «существовавший до 1940 года порядок исчисления обязательных поставок («имеющих силу налога». — *Авт.*) в зависимости от посевной площади или поголовья скота уничтожал заинтересованность колхозов в развитии общественного колхозного хозяйства, приводил к стремлению колхозов добиваться уменьшенных планов сева и развития животноводства, поощрял сокращение посевных площадей, не стимулировал освоения новых земель»[88]; словом, этот «порядок» задавал четкий алгоритм процессам инволюции — развитию вспять.

---

[84] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник. М., 1974, с. 451; Сельское хозяйство в России 2002, с. 355.

[85] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 127,558.

[86] Там же, с. 559,587,588.

[87] *Преображенский Е.* Основной закон социалистического накопления, в: *Вопросы экономики*. 1988, № 9, с. 111.

[88] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 127.

При этом фарисейски утверждалось, что «передовые колхозы, расширяющие посевы и увеличивающие поголовье скота на фермах, ставятся в невыгодное положение по сравнению с отсталыми колхозами, не дающими роста посевных площадей, не имеющими ферм или общественного животноводства»[89]. Из этого, по законам логики «Королевства кривых зеркал», следовало, что адекватным средством предотвращения подобного «неравенства» мог стать только универсально-уравнительный — погектарный — принцип исчисления обязательных (оплачиваемых по далеко не возмещающим ценам) поставок сельскохозяйственной продукции. При тяжести установленных норм обязательных поставок хозяйства не могли изменить внутреннюю специализацию производства с тем, чтобы в рамках колхоза обеспечить оптимальную отраслевую структуру. Окостеневшие нормы по существу консервировали уже сложившуюся структуру или, хуже того, ухудшали ее. (Так было, например, при воплощении в жизнь идеи о преимуществах кукурузопроизводства, озарившей Н.С. Хрущева, первое лицо государства на рубеже 50–60-х годов, идеи, внедрявшейся в жизнь безотносительно к природным и иным региональным условиям производства.)

В 30-х годах кратократия категорически запрещала замену обязательных поставок отдельных (ценных) земледельческих культур, в частности, пшеницы и ржи, поставками других культур[90]. Погектарные нормы жестко применялись при исчислении объемов сдачи колхозами молока[91], что являлось одной из существенных причин столь медленных изменений в продуктивности молочного животноводства (см. выше).

Таким образом, действовавший от имени государства механизм внеэкономического принуждения коллективизированных производителей сельскохозяйственной продукции препятствовал естественному, из потребностей поступательного экономического роста развивающемуся, общественному разделению труда, сильнейшим образом тормозил внутри- и межхозяйственную специализацию производства.

В собственно экономическом процессе этот механизм решал *двуединую задачу*. С одной стороны, он подавлял тенденции к развитию горизонтальных хозяйственных связей, замыкая их на вертикаль,

---

[89] Там же.

[90] См.: ВКП (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК 1925–1935. Ч.II, с. 665 (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г.).

[91] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 626–627.

в вершине которой находилась кратократия, а с другой стороны, воспроизводил региональную замкнутость хозяйственных единиц, поддерживая по существу систему натуральных отношений, консервируя их экономическую изоляцию (с предоставлением, однако, небольших отдушин, в частности, в виде колхозных рынков), высокую затратность производства.

Аналитики Всемирного банка следующим образом оценивали долговременные последствия политики региональной автаркии, осуществлявшейся кратократией на протяжении всех шести десятилетий бытия колхозного строя: «Применительно к зерновой и животноводческим отраслям осуществлялась политика регионального замкнутого хозяйства: более 90 процентов всех совхозов и колхозов бывшего СССР были вовлечены в производство зерна и примерно такая же доля — в производство крупного рогатого скота. Примерно две трети из них занимались свиноводством./../Затраты на производство сильно колебались в зависимости от региона. Затраты на производство единицы продукции зерна, мяса и молока в два или три раза были выше в республиках с высокими издержками по сравнению с республиками с низкими издержками»[92].

На ранней, мануфактурной стадии экономического роста за счет колхозных ресурсов осуществлялись и даже наращивали свои масштабы коллективные строительные работы, которые, унаследованные еще от общинной организации труда, активно практиковались кратократией. Речь идет о так называемых «трудгужповинностях», выполнявшихся с использованием дармового труда коллективизированных крестьян и их рабочего скота и мертвого инвентаря. По данным ЦУНХУ при Правительстве СССР, трудовое участие колхозников только в дорожном строительстве с применением их средств труда оценивалось за период 1929–1933 гг. в 1,9 млрд. руб., а за период 1934–1938 гг. — уже в 4,3 млрд. руб. (в ценах соответствующих лет)[93]. За этими показателями роста скрывались процессы расхищения труда и прямого разрушения производительных сил колхозов, их скромного «основного капитала», процессы, происходившие в таких масштабах, что ЦИК и СНК СССР вынуждены были вмешиваться в эту «самодеятельность» кратократии на местах.

Специальным постановлением (от 27 мая 1932 г.) высшие органы власти «ввиду наличия многочисленных случаев незаконного объявления

---

[92] Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР. Программа мероприятий на переходный период. [Всемирный банк.] Вашингтон, 1993, с. 71.

[93] Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.), с. 113.

трудгужповинности и проведения этой трудгужповинности бесхозяйственным способом, результатом чего является массовый падеж лошадей», запретили местным органам власти «объявлять трудгужповинность без специального в каждом отдельном случае разрешения на это СНК СССР», и более того, предписали вообще «запретить правлениям колхозов предоставлять колхозных лошадей в бесплатное пользование для каких бы то ни было нужд и по чьему бы то ни было требованию, в том числе и органам местной власти, уполномоченным высших органов, заготовителям и т.п.»[94]. Тем не менее натуральная дань в виде «трудгужповинностей» вносила в тот период весомый вклад в создание общественного продукта за границами собственно аграрного сектора.

Натуральные отношения «партия большевиков» в течение первой половины периода существования колхозного строя в исторической России активно воспроизводила в области *оплаты труда работников колхозов*. Как известно, труд колхозных работников оплачивался из двух источников: из заработанного в общественном хозяйстве и из дохода, полученного в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ), которое рассматривалось большевиками неотъемлемой частью колхозной системы, по крайней мере, в течение многих десятилетий после возникновения в российской деревне колхозного строя. «Трудодень», категория, концептуализированная Колхозцентром, с 1930 г. представлял собой наиболее удобную форму оплаты труда в тогдашних условиях, а главное — единственно возможную форму при оплате труда *натурой*. В этом смысле «трудодень» как единица учета затраченного труда был органичен механизму натурального воспроизводства, бытовавшему в колхозе, и в частности распределению фонда продукта, расходуемого на личное потребление в колхозных семьях. Тем более что он соответствовал глубоко укорененным в крестьянстве представлениям о «справедливом» распределении произведенного продукта.

Преимущественно натуральному по наполнению трудодню все-таки нужно отдать должное. В руках кратократии он выступил инструментом вытеснения еще сохранившихся общинных механизмов уравнительного распределения ресурсов производства (в частности, труда), каковые (механизмы) плавно перекочевали вместе с общинным сознанием коллективизированных крестьян в колхозную систему. Так, Наркомзем СССР и Колхозцентр особо выделяли (август 1930 г.) из «основных нарушений установленного порядка распределения урожая и дохода» то, что в ряде колхозов «распределение

---

[94] Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 95–96. См. также: Колхозно-кооперативное законодательство, с.184.

доходов и урожая ведется только по едоцкому принципу»[95]. Колхозцентр настоял (январь 1931 г.) на устранении этого «общинного» принципа в распределении продукта, широко практиковавшемся в «колхозах ряда районов»[96], потребовав (сентябрь 1930 г.) категорически запретить «распределение дохода по едокам, душам, земле и т.п.»[97]. Но искоренение уравнительных принципов распределения колхозного продукта происходило медленно и трудно, общинное сознание вновь и вновь обнаруживало свои «ослиные уши».

В дело распределения колхозного продукта включался «деревенский телеграф», и в результате независимо от количества и качества затраченного труда, полученного урожая и других хозяйственных обстоятельств уравнительный принцип распределения продукта вновь торжествовал — теперь в масштабах всего района: трудодень оплачивался в *разных* колхозах *одинаковым* количеством продукта. Совет народных комиссаров и ЦК большевистской партии сурово осудили такого рода практику, предупредив своих полномочных представителей на местах против «повторения в настоящем году (1933 г.) имевших место в прошлогодней практике фактов уравнительного подхода к определению размеров натуральных выдач в колхозах на трудодень»[98].

Но вместе с тем кратократия, в лице своих властных институтов, решительно противилась эволюции натуральной формы оплаты труда колхозника по трудодням в денежную форму. В одном из инструктивных документов уже на самом раннем этапе образования колхозной системы читаем: «Оплата труда в колхозах производится и натурой, и деньгами, причем категорически воспрещается оплата труда колхозникам внутри колхоза исключительно деньгами»[99]. Более того, даже при оплате наиболее прогрессивной формы труда — сдельной «категорически запрещается оценка работы колхозников в деньгах», последняя должна осуществляться только в трудоднях (30 августа 1930 г.)[100], т.е. в учетных единицах натуральной системы оплаты труда.

Натура в оплате труда колхозников в общественном хозяйстве колхоза безусловно доминировала, как можно судить по документам, практически до конца 50-х годов. Так, удельный вес денежной платы в колхозном трудодне составлял: в 1953 г. — 35,7%; в 1954 г. — 45,3; в 1955 г. — 43,0 (расчет наш. — *Авт.*); в 1956 г. — 52,6; в 1957 г. —

---

[95] Колхозно-кооперативное законодательство, с. 129.
[96] Там же, с. 117.
[97] Там же, с. 135.
[98] Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 98.
[99] Колхозно-кооперативное законодательство, с. 84.
[100] Там же, с. 132.

54,5; в 1958 г. — 57,1%[101]. Иначе говоря, перелом в оплате труда по трудодням, отмеченный преобладанием в трудодне денег, произошел в советской (российской) деревне лишь в середине 50-х годов. Но это была еще лишь «первая ласточка» успеха, достигнутого пока в одном, хотя и весьма объемном, звене денежного оборота в колхозном воспроизводстве. По авторитетному свидетельству ЦСУ СССР, совокупная стоимость продуктов, «выданных в натуральном виде колхозникам по трудодням или израсходованных в натуре на хозяйственные надобности колхозов, … значительно превышает денежные доходы колхозов»[102].

Таблица III-4

Семья колхозника СССР: доход от личного подсобного хозяйства *versus* доход от общественного хозяйства колхоза, 1940–1950 гг. *, %

Показатель	ЛПХ	Общественное хозяйство
Затраты рабочего времени[1]:		
1940 г.	18	73
1950 г.	17	73
Удельный вес дохода в совокупном доходе семьи:		
1940 г.	48,3	39,7
1950 г.[2]	49,7	30,9
Удельный вес денежного дохода в совокупном денежном доходе семьи:		
1940 г.	54,2[3]	15,1
1950 г.	43,0[3]	19,1

* *Составлено по:* Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с. 419 [удельный вес дохода в 1940 г.]; Российский статистический ежегодник 1994. Статистический сборник. М., 1994, с. 92; *Попов В.А*. Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992, с. 212–217 [Документ №48. Из докладной записки начальника ЦСУ В.Н. Старовского Председателю Совмина СССР И.В. Сталину]. Ср. также данные о распределении денежного дохода семьи колхозника в СССР в 1950 г. в: История советского крестьянства. Т.4. М.: «Наука», 1988, с. 179.

[1] У трудоспособных колхозников.

[101] История советского крестьянства. Т.4. М.: «Наука», 1988, с. 326 [Гл. IX, §1, *И.М. Волков, В.О. Морозов*].

[102] Народное хозяйство СССР. 1956, с. 128, прим. Этот же факт был подтвержден и в более позднем издании сборника ЦСУ СССР. (см.: СССР в цифрах. Статистический сборник. М., 1958, с. 200, прим.).

[2] 1952 г. Бывш. РСФСР.

[3] Включая также продажу некоторой части продукта, полученного натурой из колхоза в оплату труда по трудодням, и, кроме того, выручку от продажи продукции, полученной натурой по выполненным контрактам из колхоза (главным образом домашнее выращивание скота для колхоза).

Что касается другого источника потребительского дохода колхозного двора — ЛПХ (последнее будет специальным объектом исследования в следующем разделе), упомянем лишь, что оно, предположительно ориентированное на натуральное производство ради личного потребления крестьянской семьи, приносило ей и главную часть скудного денежного дохода, в противовес той плате, которую колхозники за свой труд получали в общественном хозяйстве. Так, в 1940 г. ЛПХ обеспечивало свыше половины (54,2%) денежного дохода семьи колхозника СССР, против 15,1% — от общественного хозяйства; для 1950 г. эти данные соответственно составляли 43,0% и 19,1% (см. табл. III-4).

Поэтому очевидно — главная масса дохода крестьянского двора от общественного хозяйства в эпоху сталинщины представляла доход, присваивавшийся в натуральной форме.

Отметим также, что как по своим размерам, так и по способу ее движения к работнику заработная плата (личный потребительский доход), выплачиваемая за работы в общественном секторе колхозного производства, была социально четко дифференцирована. Так, в системе оплаты натурой труда работников, трудившихся на колхозном поле, имелась четко разработанная шкала ставок оплаты; в частности, по специальному Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) (от 13 января 1939 г.)[103] «пролетарские кадры (механики, слесаря и т.д.)»[104], сосредоточенные в МТС и служившие опорой «пролетарской диктатуры» в деревне, оплачивались по гораздо более высоким ставкам, чем местные «многопрофильные» (неквалифицированные) труженики колхозов.

Для первых был установлен «гарантийный минимум» оплаты труда, осуществлявшейся из ресурсов колхоза, в размере не менее 3 кг зерна за трудодень, при этом колхозы были обязаны доставлять причитавшуюся по трудодням плату механизаторам «на дом»[105]. Предполагалось, что в течение одного рабочего дня механизатор при выполнении установленной «нормы» мог

[103] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 167–180.

[104] Колхозно-кооперативное законодательство, с. 93.

[105] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 113,173,178.

получить до 12–15 кг зерна в день и более (помимо небольшой, но гарантированной заработной платы деньгами, выплачиваемой МТС). Для сравнения напомним, что в 1939 г. 35,9% колхозов выдавали своим работникам (без учета трактористов) до 1 кг зерна на трудодень, а 31,9% — от 1,1 до 2 кг зерна (количеством зерна более 5 кг трудодень оплачивался в 2,9% всех колхозов)[106].

Конечно, механизаторы относились к категории работников сложного труда, но разница между ними и всей массой работников простого труда — членов колхоза состояла в том, что первые оплачивались по установленным, относительно высоким ставкам *независимо от итоговых результатов производства*, а колхозники, в отношении оплаты которых действовал *остаточный принцип*, оплачивались, как постановили СНК СССР и ЦК ВКП(б) 18 августа 1933 года, из «остатков хлеба»[107] (а позже - из просто «излишков хлеба», каковым понятием были заменены одиозные «остатки хлеба»).

Более того, при оплате колхозного труда большевики проводили политику двойных стандартов. Так, зерно, выдававшееся колхозникам в оплату заработанных трудодней, оценивалось совсем по другим ценам, нежели те, по которым государство расплачивалось с колхозами за зерно, сданное ими в «закрома государства» в счет выполнения «твердых обязательств», «имеющих силу налога»[108], а именно — по ценам близким к розничным или не отличавшихся от них[109]. И это объяснимо: ведь в противном случае натуральная часть трудодня, составлявшая до 1953 г. около 2/3 его общей величины, существенно «похудела» бы, в результате трудодень, выраженный в денежной форме, обозначался бы совершенно мизерной величиной.

И еще: о характере колхозного труда. Рабочее время работников колхоза регламентировалось законом, нарушение которого влекло за собой *уголовное* преследование. Так, за невыработку обязательного минимума трудодней было осуждено в 1946 году 191 тыс. колхозников, в 1947 г. — 137 тыс., в 1948 г. — 117 тыс., а в 1949 г. (три квартала) — 109 тыс., т.е. более 550 тыс. колхозников за неполные четыре

---

[106] Цит. по: История советского крестьянства. Т.3, 1987, с. 106,107 [Гл. III, *М.А. Вылцан*].

[107] Цит. по: Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 99.

[108] См. там же, с. 103 (из Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 января 1933 г.).

[109] См., например: Народное хозяйство СССР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1990, с. 714; Народное хозяйство СССР в 1973 г., с. 835; и другие выпуски ежегодника.

года[110]. Именно в этом законе, помимо прочего, обнаруживал себя принудительный характер труда в колхозах.

* * *

Итак, что же представлял собой колхоз, эта основная хозяйственная (производящая) единица коллективизированной деревни России в эпоху сталинщины?

Вторым по значимости производителем сельскохозяйственного продукта в СССР было в то время советское хозяйство (совхоз). Но оно существенно уступало колхозу. Например, накануне Великой Отечественной войны, в 1940 г., на долю совхозов и других государственных хозяйств в границах общественного сектора производства приходилось 10,1% общей посевной площади; 14,8% поголовья крупного рогатого скота; 4,9% общей численности работников (занятых) сектора (по данным на 1939 г.); 9% валового сбора зерновых и 9,6% общего объема зерна, сданного государству[111].

В области собственно механизма колхозного воспроизводства можно отследить, по меньшей мере, такие, органически взаимосвязанные, типологические черты, характеризующие колхоз как *целостный социально-экономический феномен*.

Во-первых — это доминирование *натуральных* потоков в воспроизводственном процессе по отношению к потокам денежным. Причем это касалось как возмещения потребленных «чужих» средств производства, производивших колхозный продукт (например, оплата долей сельскохозяйственного продукта, произведенного колхозами, амортизации, ремонта основных средств производства, «социалистического» аналога «основного капитала», принадлежащего государству в лице МТС, а также затрат на сырьевые ресурсы промышленного происхождения, использовавшиеся в колхозном производстве), так и формирования фонда заработной платы (личных доходов) колхозных работников и механизаторов МТС. Натурой же отчуждался и прибавочный продукт колхоза (при этом внутреннее накопление, если оно имело место, формировалось фактически путем вычета из фонда заработной платы).

Колхозная экономика практически была *отсечена от рынка* (если сказать точнее — от возможного, потенциального рынка с его

---

[110] *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 55], с. 253.

[111] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 году. М.: ЦСУ СССР, 1962, с. 298,418, 452–454; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: «Наука», 1992, с. 98.

контингентами конкурирующих агентов, осуществляющих обмен), его заместила монополия кратократии, направлявшей по *своей воле* «игры обмена» (Ф. Бродель). Колхозам фактически разрешалась реализация за деньги лишь небольшой части распределенного продукта (в составе последнего — продукция, составлявшая «неделимые фонды», часть которой ради инвестиционных нужд могла быть продана за деньги государству — по закупочным, т.е. резко заниженным, ценам, и продукция, выплаченная в натуре работникам колхоза по трудодням, которая могла быть продана на условно свободном — колхозном — рынке; иногда такой «привилегии» удостаивалось и общественное хозяйство, но лишь применительно к скромной части «излишков» колхозного продукта, остававшегося после всех «обязательных» «внешних» изъятий и внутрихозяйственных отчуждений).

Во-вторых, в движение воспроизводственных потоков в коллективном хозяйстве вторгался специфический фактор распределения, навязанный колхозной экономике коммунистическим порядком: возмещение средств производства, принадлежавших колхозам и потреблявшихся в колхозном производстве, осуществлялось по *остаточному принципу*; неделимые фонды колхозов, т.е. их фонды накопления, также формировались по остаточному принципу — после полной «расплаты» хозяйств с институтами «внешнего мира» (погашение задолженности государству, «обязательные» поставки колхозной продукции государству, натуроплата услуг МТС, выплата налогов и др.). По остаточному же принципу, занимавшему в иерархии степеней остаточного принципа, действовавшего в системе распределения колхозного продукта, самое последнее место, распределялся и «рабочий фонд» колхоза — фонд заработной платы работников колхоза, причитавшейся им за работу в общественном хозяйстве.

В-третьих, в противоположность целевым установкам экономической деятельности индивидуального крестьянского хозяйства основной целью коллективизированного хозяйства стало удовлетворение потребностей *коллективного потребления* (включая удовлетворение потребностей корпорации функционеров кратократии), в противовес индивидуальному потреблению — крестьянской (колхозной) семьи и в ущерб ему. Распределительный механизм в части, касавшейся потребленного в колхозном производстве живого труда, *никогда не был рассчитан на то, чтобы полностью возместить его затраты*, хотя труд коллективизированного работника на общественном поле поглощал подавляющую часть — около 3/4 в 1940 г. и столько же в 1950 г. — его рабочего времени, и тем более он не

был рассчитан на то, чтобы обеспечить такому работнику наибольшую часть его личного дохода в денежной форме (см. табл. III-4).

В «двуярусной» колхозной системе (см. §5) прибавочный продукт, создававшийся трудом работника колхоза на общественном поле, имел тенденцию вобрать в себя весь фонд заработной платы (и уж, безусловно, охватывал подавляющую его часть), а, опять же в тенденции, основная тяжесть возмещения затраченного в общественном хозяйстве труда перекладывалась на личное подсобное хозяйство (ЛПХ) колхозника, которое по существу становилось главным источником жизненных средств последнего.

Вот один из знаковых фактов той эпохи, свидетельствующий о мощи этой тенденции. В Рязанской области в 1938 г., согласно выборочному обследованию 100 «колхозных хозяйств», совокупный доход семьи колхозника (натуральный и денежный), полученный за труд в общественном хозяйстве колхоза и в ЛПХ, распределялся следующим образом: общественное хозяйство обеспечивало 11,2% этого дохода, а личное подсобное хозяйство — 88,8%[112]. Лишь в 1963 г. доход колхозной семьи от общественного хозяйства в СССР достиг уровня дохода, получаемого ею от ЛПХ (см. §5).

Возникала ситуация, при которой главной целью как колхозного коллектива в целом, так и каждого его члена в отдельности было просто выживание — за счет ЛПХ.

В-четвертых, особенностью натуральной системы производства при колхозном строе был жестко осуществлявшийся кратократией курс на *экономическую изоляцию* каждой колхозной производственной единицы, ее замкнутость на непосредственно осуществлявшую функции обмена вертикаль власти, уничтожение на корню стихийно возникавших ростков обмена горизонтальных типов, обмена, принимавшего товарную форму, на подавление которого была обращена вся репрессивная мощь кратократии.

Ответственный милицейский чин докладывал тогдашнему министру госбезопасности СССР (20 февраля 1952 г.) о том, что была арестована «группа расхитителей и спекулянтов хлебом /…/ Преступники скупали у колхозников в Саратовской и Сталинградской областях пшеницу по 27–30 рублей за пуд, перерабатывали ее на муку, которую продавали в Пензе по 145 рублей за пуд. Всего ими было закуплено, переработано и продано более 13 тонн пшеницы»[113]. Что еще удивительнее, отторгавшие удушающую хватку

---

[112] История советского крестьянства. Т.3, с. 108 [Гл. III, *М.А. Вылцан*].

[113] Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 33], с. 171.

кратократии очаги коллективной экономической деятельности возникали и непосредственно в сфере сельскохозяйственного производства, например, в Челябинской области, где высланные в период ликвидации кулачества «как класса» «спецпереселенцы» организовали артель «Вперед», в которой «широко использовали наемную рабочую и механическую силу, привлекаемую на договорных началах, с широко разветвленной сетью коммерческой торговли. /…/ С целью уйти от зависимости от МТС и окончательно освободится от контроля государства, руководящая группа колхоза … ближайшей своей задачей ставила иметь собственные средства производства в виде электрического плуга»[114]. Конечно, группа проводила «пропаганду» против колхозного строя: «Сейчас при советской власти /…/ крестьяне ничего не имеют, во всем ограничены, общественные земли поросли сорняком, качество обрабатываемой земли плохое. Сельхозинвентарь и машины не берегутся, а ломаются, так как колхозники не считают их своими собственными, а чужими колхозными /…/ Крестьяне не являются сами себе хозяевами, их заставляют насильно работать»[115]. Наиболее любопытным здесь было то, что артель была «одной из передовых сельскохозяйственных артелей области и выполняла все виды поставок государству»[116].

Хозяйственная изолированность колхозных производственных единиц, как мы видели, достигалась посредством натурализации отношений по поводу отчуждения тех или иных долей их продукта для оплаты их многообразных «обязательств» (в том числе реально выполненных для них работ, полученных ими услуг); путем искусственного торможения и прямого блокирования (методами политического принуждения) стихийно развивавшегося общественного разделения труда, затрагивавшего колхозную экономику; введением многообразных регламентаций, убивавших на корню возможности оптимальной специализации производства; проведением жесткой политики «погектарного» исчисления размеров отчуждаемого в пользу государства колхозного продукта *in natura*, что жестоко угнетало развитие производительных сил колхозной экономики, и др.

Весь этот отлаженный механизм работал во имя изъятия из колхозов *максимально возможного объема, производившегося в них продукта*, притом — даже ценой нарушения воспроизводственного процесса, особенно в его подразделении, обеспечивавшем жизненные средства работников колхоза и их семей (а порой — и прямого разрушения производительных сил колхозной экономики).

---

[114] Там же, [Документ № 22], с. 140–141.
[115] Там же, с. 141.
[116] Там же, с. 142.

Извечный вопрос, возникающий по ознакомлении с методами «колхозного строительства» по «социалистическому» образцу: почему кратократия столь яростно боролась на протяжении всего периода сталинщины, да и позднее, за консервацию в колхозах отношений натурального типа, за возмещение потребленных средств производства отчуждением части колхозного продукта в натуральной форме, за оплату труда работника натурой, за получение взвинченных сверх всякой рациональной меры многообразных «обязательных» поставок колхозного продукта также в натуральной форме, и, более того, за оплату натурой же налогов, которыми было обложено личное подсобное хозяйство колхозников и др.?

При кратократическом типе организации хозяйства аграрного сектора натуральная форма отношений (оплата натурой «внешних» обязательств, внутрихозяйственные отношения, оборот продукта и др.) имела ряд важных преимуществ перед денежной формой.

Во-первых, принуждение хозяйств рассчитываться с государством натурой (выполнять государственные поставки «из первых обмолотов», расплачиваться натурой с МТС и др.) позволяло кратократии осуществлять экспроприацию крестьянского (колхозного) продукта в масштабах, практически невозможных при денежных выплатах; последние предполагали неизбежную процедуру прохождения продукта через сферу рынка с его ценами, ориентированными на учет реальных издержек производства, в противоположность крайне заниженным заготовительным/закупочным государственным («указным», по определению Н.Д. Кондратьева) ценам, обслуживавшим механизмы неэквивалентного обмена в их предельных негативных (для коллективного крестьянского хозяйства) проявлениях (подробнее см. гл. IV, §1). Во-вторых, при абсолютной государственной монополии на подлежавшую «обязательному» (принудительному) отчуждению долю крестьянского продукта просто не могло существовать индивидуальных (частных) экономических агентов, способных эту массу продукта осваивать (покупать и продавать), «пропуская» ее через рынок. Наконец, в-третьих, отчуждения крестьянского (колхозного) продукта *in natura* обеспечивали идеальные условия для его мобилизации в руках кратократии — немедленно и в определявшемся ею объеме, минуя «долгий» путь прохождения данного продукта через рынок с его изменяющейся конъюнктурой.

Захватывая по «обязательным» поставкам крестьянский урожай, большевики по сути дела в новых, послеколлективизационных, условиях продолжали осуществлять методы продразверстки, заимствованные ими из эпохи «военного коммунизма» рубежа 10–20-х годов, причем с гораздо более высокой эффективностью

(ср. в табл. СП-9 данные о госзаготовках зерна в начале 20-х годов и в 30-х годах, когда мобилизационная экономика в аграрном секторе СССР уже вполне сложилась).

Не будем упускать из виду и социально-политический аспект проблемы, связанный с процессами консервации натуральных отношений в экономике колхозов. Горизонтальный тип экономических связей в колхозном воспроизводстве, в противоположность сложившемуся монопольно-вертикальному («огосударствленному») типу, рационально мог основываться лишь на росте общественного разделения труда, опосредствуемого *рыночными* отношениями, — а это означало бы размывание *социальных основ господства кратократии*, т.е. конец «социализму», в том смысле, в каком последняя исповедовала его на *практике*. Именно натуральный тип отношений, дополненный многообразными барьерами на пути роста общественного разделения труда, основывающегося на рыночных связях, адекватно соответствовал коренным (первородным) интересам кратократии — воспроизводству ею самое себя как *господствующего* элемента в созданной ею социальной системе.

А что же представляла собой экономически та масса продукта, которую колхоз отправлял за границы своей экономики — в виде «обязательных» поставок государству, выплат МТС за предположительно осуществленные работы в колхозе, другие изъятые из колхоза (в том числе без оплаты) доли продукта?

Из сказанного выше вытекает, что ни о каком добровольном отчуждении «огосударствленных» масс колхозного продукта речи не идет, и уж совсем не приходится говорить о каком-либо *влиянии конкуренции на формирование его цены*. Оплачиваемые по предельно заниженным ставкам («обязательные» поставки государству; см. гл. IV) или в соответствии с искусственно установленными пропорциями натурального обмена («работа МТС — оплата ее натурой»), данные массы продукта представляли собой принудительно (насильственно) отчуждавшийся фонд колхозного продукта, который принимал товарную форму (в ее «социалистическом» варианте) в руках других, *неколхозных*, экономических агентов и на цену которого какое-либо влияние его производитель и первичный поставщик (колхоз) никакого воздействия не оказывал. (Напомним, что на условно свободном — колхозном — рынке непосредственно самим колхозом могла быть реализована лишь незначительная часть того незначительного колхозного «излишка», который оставался в общественном хозяйстве после завершения жесткой процедуры распределения валового колхозного продукта — по «законам», установленным кратократией.) Этот принудительно отчуждавшийся из колхозов продукт на стадии

первичного распределения оценивался *безотносительно к действительным издержкам производства* (особенно в части, касавшейся оплаты живого труда), т.е. входил в процесс товарного обращения, не сообразуясь с действительными условиями воспроизводства в хозяйствах, данный продукт производивших.

В этом смысле сельскохозяйственный продукт, принудительно отчуждавшийся кратократией у непосредственных производителей в натуральной форме, представлял собой не товар в точном значении этого слова, а *псевдотовар*, т.е. материальную субстанцию, выполнявшую функцию связи (посредством обмена) между субъектами (агентами) общественного разделения труда, но корректировочным импульсам, исходившим от *bona fide* рынка, недоступную. Если использовать более жесткую формулу, предложенную А.А. Барсовым, этот тезис звучит так: «Фактически государственные заготовки многих сельскохозяйственных продуктов превратились (в СССР — *Авт.*) в своеобразную форму натурального сельскохозяйственного налога, лишь внешне прикрытого товарно-денежной оболочкой»[117]. Не рынок, а механизмы внеэкономического принуждения определяли подлинные пропорции обмена в такой экономике.

Колхозная система относилась к тому классу общественных институтов, функциональная роль которых в социальном процессе определяла существенно важные их содержательные характеристики. Действовавшее здесь правило известный российский обществовед В.В. Крылов формулировал следующим образом: «Законом развития вещей в социальном процессе является приспособление их физической природы к их социальной функции. Константой и пределом развития является здесь именно функция вещи в социальном процессе, а “переменной” характеристикой, стремящейся к этому функциональному пределу, — физический (в рассматриваемом нами случае — социальный. — *Авт.*) облик этой вещи»[118].

Действительно, колхозная организация хозяйства, утвердившаяся на территории СССР (России), функционально представляла собой *универсальный* институт по отъему у производителя (колхозного коллектива) прибавочного продукта, институт, выполнявший свои распределительные функции *вне зависимости от природы политического режима, в рамках которого он существовал*; можно сказать и иначе: колхоз в его классическом виде был «голым» инструментом

---

[117] *Барсов А.А.* Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М.: «Наука», 1969, с. 155.

[118] *Крылов В.В.* Теория формаций. М.: «Восточная литература» РАН, 1997, с. 51.

фазы распределения в воспроизводственном процессе, безотносительно к его (колхоза) социальному окрасу.

Удивительная социальная метаморфоза, происшедшая с колхозами в период Великой отечественной войны 1941–1945 гг. на временно оккупированной фашистами части территории СССР, феномен такой универсальности блестяще выявляет. Как свидетельствуют авторы фундаментального труда по советской экономике периода Великой отечественной войны 1941–1945 гг.[119], оккупационные власти отнюдь не стремились в те годы ликвидировать колхозы, они лишь стремились переориентировать их социальное обличье, сохранив при этом ту функцию, которую те выполняли в системе общественного воспроизводства при «социализме». В одном из документов оккупационных властей утверждалось: «Колхозная система как большевистская отменяется. Однако на земле бывших колхозов будет вестись крупное хозяйство. Ничего другого не может быть. Каждый крестьянин обязан работать на общем дворе»[120]. В «инструкции» «Принципы ведения хозяйства на Востоке» кое-что говорилось и о функциональной роли такого «крупного хозяйства»: «Сохранение колхозной системы необходимо пока для того, чтобы предотвратить перебои в снабжении немецкой армии»[121]. Авторы труда поясняют, как мобилизационная способность колхозов встраивалась в механизмы «нового порядка», устанавливавшегося немецким фашизмом в СССР (России): «Ограбление сельского хозяйства с первоначальным использованием в этих целях колхозной системы было первоочередной задачей захватчиков на оккупированных территориях»[122].

В феврале 1942 г. оккупанты издали разработанный Розенбергом закон «О новом аграрном порядке», по которому колхозы становились «общинными хозяйствами», последним «передавался сельскохозяйственный инвентарь и лошади, предусматривалась “совместная обработка земли”», при этом «крестьянам категорически запрещалось проводить самовольные разделы земель»[123]. Бросается в глаза разительное сходство в организации труда и методах изъятия продукта между «социалистическими» колхозами, с одной стороны, и учрежденными немцами «общинными хозяйствами», с другой. Последние так же, как и «социалистические» колхозы, принуждались производить обязательные поставки по крайне заниженным ценам (за 1 кг зерна выплачивалось 0,025 немецкой марки, а то время как 1 кг хлеба стоил на рынке 10 марок); при этом в них так же, как и в колхозах, утверждался

---

[119] Советская экономика в период Великой отечественной войны 1941–1945 гг. [Институт экономики АН СССР]. М.: «Наука», 1970. Главы пятая, шестая.

[120] Цит. по: там же, с. 271.

[121] Цит. по: там же, с. 243.

[122] Там же.

[123] Там же, с. 270.

принцип коллективной ответственности (круговой поруки) — «за выполнение поставок отвечала вся община»[124]. Как видно, «социалистические» колхозы (СССР) с не вызывающей сомнения полнотой мимикрировали в эти годы в социальный институт, обслуживавший тоталитарно-капиталистический строй (Германия). И в самом деле, «крупные “общинные хозяйства” облегчали оккупантам осуществление конфискаций, реквизиций и грабежа»[125]. Вполне в духе времени авторы вышеназванного сочинения заключали: «Оккупационные власти в своей реакционной аграрной политике пытались опереться на коллективную форму хозяйства, выхолостив ее социалистическое содержание, заменив социалистические производственные отношения отношениями господства и подчинения»[126].(!) Даже можно сказать (если, конечно, принимать «социализм» советского типа за качественно новую стадию формационного процесса, социально-историческую альтернативу капитализму): функция «вещи» (колхозной системы) полностью переменила (временно) вектор формационного (содержательного) развития последней!

И здесь мы подошли к самой сердцевине понятия «коллективное хозяйство» — что есть *собственность колхоза при кратократии*? Сначала некоторые факты.

Вся практика «колхозного строительства» в период сталинщины, как упоминалось выше, с полной очевидностью свидетельствовала об обнаженно *экспроприаторской* природе деятельности кратократии в колхозах. Эта деятельность порой достигала таких масштабов, что высшие органы государственной власти вынуждены были обуздывать неуемные аппетиты распоясавшихся функционеров кратократии на местах, воздействуя на их «коммунистическое сознание» посредством принятия многочисленных «запретительных» постановлений.

Уже на ранних этапах колхозного строительства ВЦИК и Совет народных комиссаров СССР принимают специальное постановление (июнь 1932 г.) о соблюдении «революционной законности» — «О воспрещении произвольного распоряжения имуществом колхозов, их продукцией и денежными средствами»[127]. В этом документе ВЦИК и СНК постановили: «Воспретить местным органам власти, а также всем другим государственным органам и общественным (в том числе кооперативным) организациям распоряжаться или производить изъятия имущества, принадлежащего колхозам, распоряжаться денежными средствами, рабочим скотом и продукцией колхозов,

---

[124] Там же, с. 274.

[125] Там же, с.279.

[126] Там же, с. 278.

[127] Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 83.

обязывать колхозы к выделению денежных и натуральных фондов на нужды, не предусмотренные уставом колхозов и специальными постановлениями правительства»[128]. Конечно, практика такого рода «распоряжений» и присвоений отнюдь не прекратилась и в дальнейшем, все новые импульсы ей давала сложившаяся в деревне обстановка полного бесправия коллективизированного крестьянства. В сентябре 1946 г. по записке министра Госконтроля СССР А.З. Мехлиса от августа 1946 г. и как реакция на нескончаемый поток жалоб в «инстанции» СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление, выпущенное за подписью И. Сталина и А. Жданова, в котором констатировали: «Установлены факты злоупотреблений, выражающихся в растаскивании колхозной собственности со стороны районных и других партийно-советских работников. Растаскивание колхозного имущества происходит в виде взятия у колхозов бесплатно или за низкую плату колхозного скота, зерна, семян, кормов, мяса, молока, масла, меда, овощей, фруктов и т.п. Некоторые советско-партийные и земельные районные работники вместо того, чтобы строго охранять общественную собственность, как основу колхозного строя, грубо нарушают советские законы и, злоупотребляя своим служебным положением, незаконно распоряжаются имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов, принуждая правления и председателей колхозов выдавать им бесплатно или за низкую цену имущество, скот, продукты, принадлежащие колхозам»[129].

В записке А.З. Мехлиса отмечается: «В ряде районов установили порядок, при котором всякого рода слеты и совещания сопровождаются банкетами и вечерами за счет средств колхоза»[130]. Подробное описание одного из таких банкетов (в Михневском районе Московской области), на котором «присутствовали почти в полном составе РК ВКП(б), председатель РИКа (следует имя. — *Авт.*), от НКВД (следует имя. — *Авт.*), НКГБ (следует имя. — *Авт.*) и из милиции шесть человек», попало в анналы истории «социалистического строительства» в советской деревне: «Вечерний банкет был шикарный. На столах были заливные и жареные поросята, куры, начиненные рисом, тефтели, черная икра, колбасы различных ассортиментов, сыры, масло сливочное, баранина была во всех видах (шашлык, чахомбили [так в оригинале. — *Авт.*], запеченный целый баран), из сладостей были: торты шоколадные, ореховые, сливочные, шоколадные конфеты и т.д. Из фруктов: ананасы, груши, мандарины, яблоки и т.д. Из вин: шампанское, ликеры, коньяк особенный и прочее, а также пиво и папиросы». Один из доноров этого

---

[128] Там же, с. 84.

[129] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 320.

[130] Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 1], с. 35.

«шикарного банкета», председатель колхоза «Серп и молот», отметил: «Уполномоченный от района по приемке продуктов и денег от колхозов (следует имя. — *Авт*.) обязал все колхозы нашего сельского совета вносить деньги, продукты на исправление банкета. Наш колхоз внес одну тысячу рублей, т.е. дали (следует имя. — *Авт*.) наличными, который даже не дал расписки. Так как в колхозе денег больше не было для внесения на банкет, я вынужден был продать четыре пуда ржи из колхозного амбара в спешном порядке в Подольском районе»[131]. И все это, напомним, происходит в голодном 1946 году!

Составители директивного Постановления от сентября 1946 г. в «эмоциональном» порыве вопиют: «Некоторые ответственные работники, злоупотребляя своим положением, стали на путь произвола и беззакония в отношении колхозов и без всякого стыда стали залезать в имущество колхозов, как в свой собственный карман»[132]. Более того, как отмечается в Постановлении, «в практике имеет место безответственное отношение к расчетам с колхозами со стороны ряда государственных и других организаций, когда причитающиеся колхозам деньги за поставляемую и продаваемую колхозами продукцию или произведенные колхозами работы своевременно не выплачиваются, что расшатывает хозяйство колхозов»[133]. («Расшатывали» бесцеремонно, с размахом, фактически с первых же дней возникновения колхозов. Народный комиссариат финансов СССР в своем циркуляре от октября 1930 г. выражает удивление на «сообщения с мест» о том, что «при расчетах с колхозами за сданный хлеб и другие продукты агентства, приписные кассы Госбанка *удерживают все причитающиеся колхозам суммы* (курсив наш. — *Авт*.), резервируя таковые для погашения возможной (!) задолженности колхозов хозяйственным организациям, банкам, райфо и пр.»[134].) Словом, обескровливание колхозов осуществлялось одновременно сразу с «шести сторон».

Кратократический тип отношений пышным цветом прорастал и на самом «низшем» уровне социально-экономической структуры деревни — внутри самих колхозов. Колхозная демократия низведена «до такого безобразия, что председатели колхозов назначаются и снимаются районными партийно-советскими организациями — без ведома колхозников»[135]. В колхозах на дармовое «кормление» село обилие фиктивных управленцев, в результате «чрезмерное расширение штатов административного и управленческого

---

[131] Там же, с. 35,36.

[132] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 320.

[133] Там же.

[134] Колхозно-кооперативное законодательство, с. 192.

[135] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 321.

персонала привело во многих колхозах к нехватке трудоспособных колхозников для работы в поле и на фермах, в то время как на обслуживающих должностях оказалось много людей, ничего не делающих и получающих оплату более высокую, чем на производственных работах. На ненужных и надуманных должностях в колхозах нередко укрываются рвачи и дармоеды, уклоняющиеся от производственной работы, проедающие накопления колхозов и живущие за счет труда тех колхозников, которые работают в поле или ухаживают за скотом»[136].

По поводу «массового распространения» фактов «грубого нарушения колхозной демократии, разбазаривания и расхищения колхозной собственности» А.З. Мехлис даже посчитал необходимым предупредить своих (обладавших всей полнотой власти) коллег, что «эта антигосударственная практика» стала «массовым явлением и представляет серьезную опасность для развития общественного хозяйства колхозов /…/ подрывает заинтересованность в нем колхозников». И, конечно, именно «руководители местных органов власти /…/ нередко сами являются инициаторами грубых извращений политики Партии и Правительства в области колхозного строительства» [137].

В адрес «извращенцев», прожорливых хищников–функционеров кратократии, творивших беспредел в колхозной деревне, последовал суровый начальственный окрик: «Работники советских, партийных и земельных органов и председатели колхозов, виновные в расхищении и незаконном распоряжении колхозным имуществом, общественной землей, денежными средствами, будут сниматься с постов и отдаваться под суд, как нарушители закона и *враги колхозного строя*» (курсив наш. — *Авт.*)»[138]. В Постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР даже звучит угрожающая нота: «Запретить под страхом *уголовной ответственности* (курсив наш. — *Авт.*) районным и другим организациям и работникам требовать с колхозов хлеб, продукты, деньги на нужды различного рода организаций и для проведения съездов, совещаний, празднований, финансирования районных строительств»[139].

Не убоялись! Неоплачиваемые отчуждения колхозной собственности продолжались и в последующие десятилетия. Например, «в 1981–1982 гг. безвозмездная передача основных средств колхозов в распоряжение государственных органов, различных организаций и предприятий составляла около

---

[136] Там же, с. 318.

[137] *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ № 1], с. 24, 39, 40.

[138] Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 322.

[139] Там же.

миллиарда рублей»[140]. Что было эквивалентно 4,9% общей величины капитальных вложений, осуществленных государством и самими колхозами в активные элементы основных средств последних (тракторы, транспортные средства, сельскохозяйственные машины и оборудование) в те же годы[141].

Как видно, процесс отчуждения и присвоения кратократией крестьянского труда — живого и овеществленного — разделялся на два потока (два «рукава»). Кратократия, детерминируемая в своих устремлениях наполнить «закрома государства» крестьянским (колхозным) продуктом действительными или мнимыми интересами общества, выступала как Власть, осуществлявшая, если сказать словами К. Маркса, «*выполнение общих дел* (курсив наш. — *Авт*.), вытекающих из природы всякого общества»[142]. Но она же, будучи персонифицирована корпорацией своих функционеров, осуществляла и *частное присвоение* в интересах последних (или если сказать точнее — эти последние занимались частным присвоением именно как *члены корпорации*, *персонифицировавшие кратократию* как особую, единственно сущую систему власти в обществе). На поддержание (сохранение) «легитимизированных» пропорций в разделении присваиваемого кратократией крестьянского продукта, конечно, с учетом приоритетной значимости фактора «общих дел», и были направлены регламентирующие «установки» руководящих государственных органов, отчетливо осознававших в «минуты просветления», сколь разрушительными (для господства кратократии как целостности) являлись последствия *частно-захватнического* беспредела функционеров корпорации кратократии, подмявшей под себя колхозную экономику.

В контексте сказанного феномен всевластия кратократии нуждается в некоторых пояснениях. Что в российских (советских) условиях питало способность последней творить всеохватывающий, столь общественно циничный (вспомним цинично наглое: «остатки хлеба» — колхозникам, его производившим!), столь губительный экономически беспредел в жизни советского (российского) общества, в том числе — жизни деревенского общества как органической его части?

Обратим внимание на следующие три черты, образующие органичное единство, которые характеризуют, по А.И. Фурсову,

---

[140] *Шмелев Г.И.* Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М.: «Наука», 2000, с. 211.

[141] См.: Сельское хозяйство [в СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с. 80.

[142] См.: *Маркс К.* Капитал. Т.3. Ч.I, в: *Маркс К.* и *Энгельс Ф*. Сочинения. Изд. 2-е. Т.25. Ч.I, с. 422.

кратократический тип власти. Во-первых, эта власть универсально-однородна на всем пространстве, где она господствует: «Власть в обществе советского типа утрачивает свой политический характер и превращается во всеохватывающую, неспециализированную» власть, «стирающую грани» между всеми особыми (отдельными) типами власти в обществе[143].

Во-вторых, власть в таком обществе — не ограниченная никакими законами (даже если они существуют), самостоятельная сила, проводящая и утверждающая во всех сферах жизни общества принципы своего абсолютного права *utende et abutende* [употреблять и злоупотреблять]. «Это власть вообще, как таковая... Такую власть следует назвать кратократией — *власть власти, власть насилия*... а общество — кратократическим (курсив наш. — Авт.)».

Наконец, в-третьих, кратократия не только отрицает государство, функционально замещая его самой собою, она есть одновременно и *первичное отношение собственности*[144]. При кратократии отчуждается не прибавочный продукт, созданный трудом производителя, не прибыль — вся или ее часть, а *воля производителя как социального существа*; именно такая форма присвоения — абсолютного, всепоглощающего, проявляющегося как своего рода социальный аналог «черной дыры», позволяет кратократии определять в обществах советского типа по своей воле, на основе своего абсолютного права *utende et abutende*, *весь характер распределения произведенного продукта, осуществлять отчуждение любой функционально особенной его фракции* (в том числе накопленной его части, выступающей в виде материального имущества), и, что в контексте данной работы особенно важно отметить, — устанавливать *границы личного дохода производителя, т.е. «экономить» на фонде его жизненных средств*.

Одним из детерминантных признаком кратократии советского типа была многофункциональная роль *фактора* коллективизма в социальной организации общества, роль, столь зловеще проявившаяся в аграрной сфере экономической деятельности в бывшем СССР.

Коллективизация означала не просто объединение экономических потенциалов мелких (индивидуальных) крестьянских хозяйств и, соответственно, открытие путей для развертывания крупного производства в земледелии. Она вызвала разрушительные изменения в деревенском социуме, суть которых, помимо прочего, заключалась в том, что с «социалистической реконструкцией» агросферы произошла

---

[143] Цит. по: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., с. 119 [Гл. I].

[144] Цит. по: там же, с.119,120.

массовая, охватившая почти все экономическое пространство последней, десубъективация непосредственных производителей как самостоятельных экономических агентов советского (российского) общества. Коллективизация, с одной стороны, привела к завершению процесса растворения личности в коллективе (начало этому процессу было положено еще «общинной революцией» 20-х годов XX века), а с другой — создала институт (колхозная система), посредством которого и через который осуществлялось и закреплялось отчуждение воли непосредственного производителя как социального существа, утверждалось всевластие кратократии в деревенском социуме, в хозяйстве аграрного сектора.

В этой акции кратократия прибегала и к ресурсам юридического характера. Лишение огромной части советского (российского) народа — объединенных в колхозы крестьян и еще сохранившихся крестьян-единоличников — юридического символа их *личностной* идентификации явилось той мерой, посредством которой кратократия, используя государство, *легитимизировала* (на последующие три с половиной десятилетия) особенные результаты коллективизации, выражавшиеся в десубъективации самого массового — сельскохозяйственного — производителя российской (советской) экономики. Напомним, что в 1932 г. в СССР была введена «единая паспортная система», при этом паспорт объявлялся «единственным документом, удостоверяющим личность владельца»[145]. На крестьян, оказавшихся в колхозах, и единоличников действие этой системы не распространялось. Они были как бы выведены «за скобки» сообщества всех других граждан СССР (России).

Коллективизация тем самым означала возрождение и развитие на новой, «социалистической», основе системы коллективистских связей, пронизанной беспрецедентными по размаху (со времени отмены крепостного права) и качественному наполнению *внеэкономическими отношениями господства и подчинения*. (Отметим попутно, что «неизвестный» К. Маркс характеризовал такие отношения «политическими», то есть отношениями по поводу присвоения *носителем* [*персонификатором*] *власти* чужой воли — воли непосредственного производителя, в отличие от «естественно возникших» отношений господства и подчинения, тех, которые ведут свое происхождение от прежней, общинной организации деревенского общества[146].) Конечно, при таком общественно-экономическом устройстве общества места

---

[145] Подробнее см.: Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 41.

[146] Подробнее см.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., с. 312,313,558 [Гл. VI, *В.Г. Растянников*].

для *индивидуальной* собственности (кроме ее урезанной формы, обеспечивавшей добывание собственным трудом той или иной фракции жизненных средств) просто не могло быть.

Эту мысль филигранно точно выразил известный французский ученый-социолог Эмиль Дюркгейм еще за несколько лет до того, как большевики возвестили о «рождении нового (коммунистического) мира»: «Действительно, коммунизм — необходимый продукт этой особой сплоченности, поглощающей индивида в группе, часть в целом. Собственность, в конце концов, это только распространение личности на вещи. Значит, там, где существует только коллективная личность, собственность также не может не быть коллективной. Она сможет стать индивидуальной только тогда, когда индивид, выделившись из массы, станет также личным, отдельным существом, не только в качестве организма, но и как *фактор социальной жизни* (курсив наш. — *Авт.*)»[147] (1911 г.). Представление об императиве личности в обществе рождалось и на российской почве. Через год после смерти главного «творца» колхозного коллективизма писатель Федор Абрамов, великий знаток жизни русского села, запишет в своем дневнике: «Почему у нас не поднимают значение личности? Не ратуют за развитие индивидуальности? Пора об этом говорить серьезно. Хватит разговоров о коллективизме. Надо воспитывать у человека не только веру в коллектив, но и веру в личность» (1954 г.)[148].

Действительно, коллективизация означала процесс *тотальной* ликвидации частной собственности производителя, она отбросила назад, практически *полностью заблокировала процесс формирования хозяйства* (если использовать здесь удачное определение, предложенное А.В. Оболонским[149]) *«персоноцентристского»* типа (поднимавшегося в России с конца XIX века и постепенно завоевывавшего все большее экономическое пространство), т.е. хозяйства, по определению долженствующего выполнять в процессе экономического роста самостоятельную, рынком контролируемую, *субъектную роль* и, соответственно, обладать прямой и обратной связью с другими субъектными участниками процесса. (Такое хозяйство, *inter alia,* образует самую широкую экономическую основу становления гражданского общества.) Доминантной формой стала антитеза «персоноцентристского» хозяйства — хозяйство (по А.В. Оболонскому) «*системоцен-*

---

[147] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: «Наука», 1991, с.171.

[148] Цит. по: *Абрамов. Ф.* В защиту критики (Речь на партийной конференции ЛГУ 25–26 октября 1955 года), в: *Знамя*. 1990, № 2, с. 216.

[149] См.: *Оболонский А В.* Драма российской политической истории: система против личности. М.: «Юрист», 1994, гл. I.

тристского» типа[150], причем в его разновидности, основывавшейся на общественной форме собственности; между тем последняя, выступавшая в *юридической* оболочке «коллективной» собственности, *фактически* была отчуждена кратократией от коллективизированного производителя (этот тезис мы развернем чуть ниже). «Системоцентристское» хозяйство предполагало в качестве «среды обитания» созданный античастнособственническими преобразовательными акциями кратократии вакуум бестоварных (псевдотоварных), нерыночных отношений; т.е. форму отношений, которая удушала саму возможность формирования обратных (корректирующих) связей в хозяйственной деятельности, утверждая гипертрофию прямых (подробнее см. гл. IV). Словом, коллективистский тип хозяйства в аграрном секторе при коммунистическом общественном порядке в его советском варианте выражал уникальный, не имевший аналога в мировой истории, «экономический системоцентризм».

Выше упоминалось об обнаженно экспроприаторском характере деятельности кратократии в колхозах. Между тем эта деятельность существенно отличалась от классических образцов первоначального накопления. В действительности кратократия *не* осуществляла *до конца* отчуждение условий труда *коллективизированного* производителя — колхоза (не в пример тем ее действиям, когда она за мгновение исторического времени — на рубеже 20–30-х годов сокрушила *до конца*, уничтожив «как класс» слой наиболее эффективно хозяйствовавших крестьян, объявленных ею «злейшими и т.д. врагами» колхозного «социализма»), а, напротив, стремилась сохранить (законсервировать) этого производителя в состоянии устойчивой «полуэкспроприации». (Отсюда — столь эмоциональное негодование иерархов кратократии — см. выше — по поводу выходивших за эту «последнюю черту» насилий, чинившихся «рядовыми» функционерами кратократии на ниве частно-корпоративного присвоения.) В тенденции кратократия как общественный институт (а не как корпорация обслуживающих его функционеров) стремилась изымать из колхоза всю ту часть произведенного им чистого продукта (временами, впрочем, залезая и в фонд возмещения материальных издержек, например, экспроприируя семенной фонд!), которую, она считала и, более того, легитимизировала (всякого рода «законными» установлениями норм «обязательных» отчуждений) в качестве «излишка»; склонный к разбуханию, последний ограничивался в своих размерах лишь величиной массы

[150] Ср. у А.И. Фурсова фундаментальные положения о взаимодействии субъектного и системного потоков исторического развития (см.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., гл. I, §§ 6,8,9).

продукта, достаточной, чтобы обеспечить совокупному работнику, его создававшему, «физический минимум жизненных средств» (К. Маркс), в иные периоды эта масса не обеспечивала и такого минимума. (Вспомним «рукотворный» голод 1932–1933 годов! или катализированные «сверху» массовые голодовки первых послевоенных лет[151].)

Более того, фактически с момента своего зарождения колхозная экономика функционировала как хозяйство, работавшее, помимо других целей, ради оплаты нескончаемых, накапливавшихся долгов: выплатить долги государству — своему единственному кредитору — она была не в состоянии.

О том, как воздействовала задолженность колхозов государству на экономический рост колхозной экономики в период сталинщины, подробно рассказывается в докладной записке руководства Смоленской области Председателю Совмина СССР Г.М. Маленкову (от 29 июня 1953 г.): «Ввиду незначительных денежных доходов большинство колхозов области вынуждено пользоваться государственными кредитами, но своевременно рассчитываться с государством не имеет возможности. /…/ Вследствие этого большинство колхозов области оказалось в тяжелом финансовом положении. В настоящее время в большинстве колхозов расчетные счета в госбанке закрыты, поступающие на счета колхозов денежные средства списываются в погашение платежей, просроченной задолженности по ссудам, недовзносам в неделимые фонды и по другой задолженности. В связи с этим колхозы не могут производить неотложные расходы на строительство животноводческих и других производственных построек, на покупку скота и минеральных удобрений, а также другие расходы, связанные с хозяйственной деятельностью колхозов. Многие колхозы области на протяжении ряда лет мало выдают колхозникам на трудодни хлеба, денег и кормов для скота личного пользования. /../ Обком КПСС и исполком областного Совета просят Вас, в порядке исключения(!), решить вопросы о списании с колхозов области задолженности…»[152].

Практика *списания* государством долгов с колхозов стала обыденной, она заполнила весь шестидесятилетний период «колхозного строительства» в СССР. Кредитные ресурсы, поступавшие в колхозы, тем самым превращались для должников в *субсидии*, частично компенсировавшие последним (должникам) непомерно большие расходы по погашению навязанных им кратократией «обязательств». Ж. Медведев уточняет: «Кредиты, выделяемые сельскому хозяйству, в действительности представляют собой скорее дотации на покрытие

---

[151] Подробнее см.: *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М.: Институт российской истории, 1996.

[152] Цит. по: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953), [Документ №50], с. 220–221.

расходов и потерь, чем денежные средства для стимулирования производства»[153], т.е., если сказать другими словами, — к прогрессу экономического роста в аграрном секторе они касательства не имели.

Открыло перечень мер по списанию сельскохозяйственной задолженности постановление высших органов Власти о «снятии» с колхозов (и единоличных хозяйств) «недоимок по зернопоставкам» за 1933 г.; подкрепленное предоставлением трехлетней рассрочки по «взысканию с колхозов-должников натуральных ссуд» (семенных, продовольственных, зерновых), выданных им по 1934 г. включительно; дополненное решением о списании с колхозов задолженности по сельскохозяйственным ссудам, предоставленным по 1932 г. включительно (Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27 февраля и 29 декабря 1934 г.). А завершает этот перечень (для советского периода аграрной истории России) решение Съезда народных депутатов РСФСР о списании с сельскохозяйственных предприятий (колхозы, совхозы, межхозяйственные предприятия и др.) «задолженности по долгосрочным и краткосрочным ссудам» в размере 23 млрд. рублей (декабрь 1990 г.)[154], что эквивалентно 23,2% сельскохозяйственной части ВВП РСФСР (России), произведенного в 1990 г[155].

Все это означало, что в аграрном секторе СССР (в частности, России) в юридической оболочке «колхоза» сформировался экономический тип хозяйства, при котором, если использовать точное определение, данное К. Марксом, «фактически… средства производства перестали принадлежать производителю, но *номинально* они ему подчинены»[156]; «средства производства принадлежат производителю только номинально, т.е. … он не в состоянии воспроизвести их из выручки от продажи своего товара»[157], добавим к этому — в СССР (России) он не в состоянии был воспроизвести и фонд жизненных средств в необходимом для полноценного воспроизводства рабочей силы колхозного

---

[153] *Medvedev, Zh.* Soviet Agriculture. N.Y.–L.: «Norton & C°», 1987, c. 344,345.

[154] Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 123; Земельная реформа в России (Сборник законов, постановлений Съезда народных депутатов, Верховного Совета и Правительства РСФСР). М.: «Юнтус», 1991, с. 6. См. также: *Белихин В.Г.* Реформирование земельных отношений в России в XIX–XX вв. М., 2000, с. 227.

[155] Сельское хозяйство в России 1998, с.17.

[156] *Маркс К.* Экономическая рукопись 1861–1963 годов, в: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т.48, с. 30.

[157] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости. Ч.III, в: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т.26. Ч.III, с. 511.

производителя объеме. Именно на почве таких экономических и социальных деформаций хозяйства взросла категория собственности, которую К. Маркс метко охарактеризовал «*призрачной собственностью*»[158].

Категория «призрачная собственность» фиксирует фундаментальной важности явление — «раздвоение» отношений собственности, а именно — разрыв *между ее юридической и экономической сторонами*[159], разрыв, который является одним из основополагающих признаков, описывающих специфический тип общественно-экономического уклада — уклад «расщепленный» (см. ниже)[160]. В том, что касается коллективного хозяйства советского образца, указанный разрыв выявляет следующую особенность его (хозяйства) социального бытия: *юридический* титул собственности колхоза принадлежит производителю — коллективу работников, в нем (колхозе) объединенных, но реально, *экономически* она реализуется в пользу внеколхозного субъекта отношений собственности — способного принуждать путем применения *внеэкономических методов*[161]. Каковым и была в аграрном секторе России в «эпоху социализма» *кратократия*.

Прямым результатом «раздвоения» «кооперативно-коллективной» (колхозной) собственности в России (СССР) явилась принявшая *устойчивый, постоянный характер экспроприация части фонда жизненных средств производителя*, осуществлявшаяся кратократией (напомним — ради как действительных и/или мнимых целей потребления всего общества, так и целей частного присвоения корпорации ее функционеров). При этом производитель выступал в качестве особого типа *зависимого* работника — лишенного «внешней» воли коллективного экономического агента, располагавшего, однако, «призрачной собственностью», детерминируемой произволом кратократии. В обстановке российских реалий при сталинщине ограничения «внешней» воли коллективного производителя были столь объемны, что нормой становилось фактически *тотальное* отчуждение у

---

[158] *Маркс К.* Экономическая рукопись 1857–1859 годов. Ч.I, в: *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т.46. Ч.I, с. 502.

[159] Одна из лучших теоретических разработок, трактующая вопросы о собственности в двух ее проявлениях, принадлежит В.П. Илюшечкину (см.: *Илюшечкин В.П.* Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: «Наука», 1990, гл. I, IX, X).

[160] Подробнее о понятии «“расщепленная” многоукладность», «“расщепленный” общественно-экономический уклад» см.: *Крылов В.В.* Теория формаций, с. 127–148.

[161] Подробнее о двух «ликах» колхозной собственности см.: [*Растянников В.Г.* Тезисы сообщения в:] «Об особенностях социально-классовой структуры стран Востока», в: *Народы Азии и Африки*. 1989, №6, с. 153–155.

него *естественных* предпосылок его хозяйственной деятельности, именно — *свободы* в принятии решений, касающихся производства, распределения, обмена (и даже потребления) его продукта, т.е. *всего* комплекса процессов, образующих *целостный* поток воспроизводства в его хозяйстве; такой коллективный производитель по сути дела превращался в экономического агента — простого «посредника»–«исполнителя», следующего в своей хозяйственной деятельности велениям чуждой экономической рациональности, противостоящей ему чужой воли — кратократии. (Впрочем, в период сталинщины кратократия в определенной степени ограничивала и «внутреннюю» волю такого производителя.) Из сказанного, между прочим, следует, что процесс становления собственника, т.е. *bona fide* субъекта рыночных отношений, есть *процесс ограничения Власти до степени, при которой «чужая» (для Власти), т.е. частная, собственность не может быть разрушена, а, напротив, экономически полноценно реализуется*, т.е. обеспечивает собственнику доход в соответствии с *правовыми* нормами, устанавливаемыми самим обществом.

3. *Тренды товарного производства в сельском хозяйстве (30–80-е годы)*

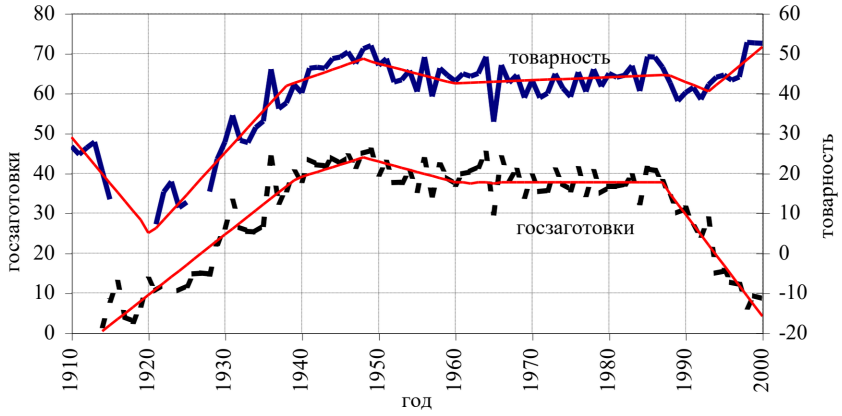
Механизмы внеэкономического принуждения, заложенные в систему колхозного хозяйства на рубеже 20–30-х годов, объясняют модель формирования товарного (псевдотоварного) сельскохозяйственного продукта. Как свидетельствуют данные о товарности зернового хозяйства — основной отрасли сельскохозяйственной экономики (см. табл. СП-9), в формировании товарной массы зерна отслеживаются несколько этапов, различающихся детерминантными факторами влияния на этот процесс.

В первый период, продолжавшийся с конца 20-х до начала 50-х годов, как мы видели (см. раздел «Колхозы и власть»), рост товарности зернового хозяйства был вызван действием «голого» фактора внеэкономического принуждения коллективизированного производителя. При этом всего лишь за полтора десятилетия (с 1925/26 г. до конца 30-х годов) товарность зернового хозяйства выросла почти в три раза, охватывая примерно *две пятых* валового сбора зерна (см. табл. СП-9). Характерным штрихом этого периода является то, что с конца 30-х годов интенсивность роста дальнейших изъятий зерна из коллективизированного хозяйства замедлилась (см. рис. III-1), невзирая на то, что на этот период выпали тяжелые военные годы. Самая

высокая норма изъятий зерна из колхозов пришлась, однако, не на военные, а на послевоенные годы (1946–1948 гг.).

Рис. III-1

СССР/РОССИЯ: удельный вес товарной продукции и государственных заготовок (закупок) зерна в валовом сборе зерновых, 1910–2000 гг. %



Это, очевидно, свидетельствовало о том (и анализ колхозной экономики 40-х годов это полностью подтверждает — см. выше), что способность колхозной экономики отпускать (почти безвозмездно) свой продукт в «государственные закрома» достигла предела. Впоследствии, особенно со времени «оттепели» 50-х годов, произошло понижение доли принудительных поставок зерна из колхозов. А с начала 60-х годов обнаружились даже слабые признаки тенденции к некоторому повышению товарности зернового сектора сельского хозяйства, во второй половине 80-х годов эта тенденция, однако, прервалась (см. рис. III-1). О том, сколь хрупкой она была, свидетельствует факт, что за период 1960–1987 гг. экспоненциальный прирост товарности зернопроизводства составлял всего 0,17% в год (а за все 27 лет — 4,8%) (подсчитано по данным табл. СП-9).

Качественной особенностью развития зернового производства в период колхозно-совхозного «строительства» вплоть до момента распада СССР, являлась жесткая *функциональная зависимость движения отраслевой товарности* зерновых культур от движения принудительных изъятий зерна из колхозов, единоличных хозяйств и других хозяйствующих агентов–производителей зерна в форме

государственных заготовок, закупок, госзаказа. Так, с 1929 г. по 1990 г. коэффициент корреляции между двумя этими показателями R=0,94 (при значимости по t-критерию > 99,5%, N = 62). Отметим также, что за период 1960–1987 гг. углубление разрыва между уровнем товарности зернового производства и трендовым показателем пропорции зерновых ресурсов, наполнявших «государственные закрома», происходило микроскопическим темпом, составляя 0,075 процентных пункта в год, или 2 процентных пункта за весь период.

Все это, если исходить из данных официальной статистики, свидетельствовало о том, что общественное хозяйство в течение всего периода колхозно-совхозного «строительства» практически располагало весьма малым количеством зерна, которое потенциально было способно принять товарную форму и быть реализованным за деньги на рынке, в противовес той его (псевдотоварной) массе («государственные заготовки», «закупки» и т.д.), которая формировалась под прессом внеэкономического (помимо прочего, ценового) принуждения и функцией которой оно было. А на скромную, едва обозначившуюся, долгосрочную повышательную тенденцию в товарности зернового хозяйства, по-видимому, оказал влияние технологический фактор экономического роста, который стал постепенно набирать некоторую силу с конца 60-х годов.

Парадокс долгосрочной динамики товарности зернового хозяйства на протяжении почти четырех десятилетий (1952–1991 гг.) заключался в удивительной *стабильности пропорций товарного выхода зерновых культур*, колебавшегося по годам вокруг среднего значения – 43,3%, при доле принудительно отчуждаемой массы зерна (государственные заготовки и др.), составлявшей 37,5% его валовых сборов. История горько посмеялась над попытками создать устойчивое зерновое хозяйство с *восходящей динамикой пропорций товарного выхода зерна*, развивая аграрную экономику под прессом внеэкономического насилия, отторгавшим рыночные рычаги регулирования производства.

В устойчивости показателя низкой зерновой товарности (псевдотоварности), его фактической стагнации нашел отражение курс кратократии на торможение общественного разделения труда в системе колхозно-совхозного производства, вызывавший тенденцию к созданию многопрофильных (многоотраслевых) производств автаркического типа и предполагавший крайне нерациональное внутрихозяйственное использование ресурсов зерна — в производственном потреблении (например, в качестве корма для скота и др.), в оплате натурой живого труда и т.д. (см. §2). Чрезмерно объемный внутрихозяйственный оборот произведенных ценностей *in natura*, сопряженный с не подверженными рациональному контролю (посредством

рыночных цен), т.е. бессчетными, издержками производства, при которых эти ценности оценивались по «бросовым» ценам, воспрепятствовал поступательному росту товарности колхозно-совхозного производства, хотя в отдельных отраслях (в первую очередь — зерновых) к закату СССР технологические условия соответствовали в определенной степени требованиям такого роста. *Общественное хозяйство в аграрном секторе СССР по существу не было ориентировано (прежде всего экономически) на увеличение товарности сельскохозяйственного производства.*

Многолетний застой в развитии товарного производства стал одной из важнейших причин возникновения и углубления продовольственного кризиса в СССР, выразившегося прежде всего в повышательной динамике зернового импорта практически с середины 60-х годов.

Ниже мы приводим расчеты, основанные на данных об импорте зерна в 80-е годы, характеризующие степень зависимости зернового импорта от товарности зернового производства. В 1985–1990 гг. СССР производил в среднем за год 193,5 млн.т зерна (в весе после доработки), а чистый импорт (импорт минус экспорт) зерна в эти годы составлял 32,7 млн.т. Внутри страны, таким образом, ежегодно потреблялось в среднем за год 226,2 млн.т зерна. Среднегодовое производство товарного зерна в 1985–1990 годы составляло 85,4 млн.т, вместе с массой зерна, поступавшей в страну по импорту, в каналы потребления попадало, таким образом, 118,1 млн.т товарного зерна. Итак, товарный хлеб, потреблявшийся в эти годы в стране, составлял 52,2% общего объема совокупного потребления зерна[162]. Именно такой данная пропорция и должна была бы быть, если бы СССР полностью удовлетворял свои потребности в зерне за счет внутреннего производства. До таких показателей было, однако, далеко. При недостаточном производстве зерна реальная товарность зернового сектора сельского хозяйства составляла в СССР в рассматриваемый период лишь 44,3% (см. табл. СП-9). Можно оценить теперь масштабы тех диспропорций, которыми был отмечен зерновой комплекс к финалу существования СССР. Всего в 1985–1990 годы СССР недопроизводил 14,5% необходимой для внутреннего потребления массы зерна, относительная нехватка *товарного* хлеба была существенно больше: чтобы удовлетворить внутренние потребности, страна должна была ежегодно изыскивать извне и импортировать массу товарного зерна, равную *27,7% общего объема ее потребления*. Деформация «осевой» отрасли сельскохозяйственного производства (даже если не упоминать о качественных характеристиках произ-

[162] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 460,647,653.

водившегося в СССР зерна[163]) была огромна. Историческая Россия дорого расплачивалась за коллективизационный «эксперимент» «строителей коммунизма».

Отмеченные выше тенденции в развитии товарного производства, отраженные в динамике зерновой товарности, подтверждаются и данными о динамике пропорций в формировании товарного сельскохозяйственного продукта в целом (хотя статистический ряд данных по совокупной товарности выглядит заметно скуднее по сравнению с рядами данных по зерновой товарности; см. табл. СП-10 и рис. III-2). С той, однако, разницей, что рост *совокупной товарности* сельского хозяйства продолжался существенно *дольше*, чем рост товарности зернового производства, достигнув к началу 80-х годов *трех пятых* общей стоимости валовой сельскохозяйственной продукции. Более поздний выход показателя совокупной товарности на стадию плато (80-е годы XX в.) объяснялся тем, что с 60-х годов все более весомый вклад в совокупной товарный продукт вносила продукция отраслей животноводства, отличавшихся более высокой товарностью (подробнее см. §4). Т.е. действие факторов, тормозивших товарное производство, в отраслях животноводства проявилось заметно позднее, чем в отраслях растениеводства. Иначе говоря, общественное колхозно-совхозное хозяйство за весь советский период своего существования так и не смогло преодолеть сравнительно низкую планку товарности, хотя по отраслям она была разной высоты.

Обратим внимание, что в ранний период — до начала 60-х годов — максимальных значений уровень совокупной товарности достиг даже не в годы войны, а, очевидно, в первые послевоенные годы (см. табл. СП-10). Именно в этот период, как следует из имеющихся материалов, во всю ширь развернулась работа механизма внеэкономического принуждения, обрушившегося на личное подсобное хозяйство колхозников и работников совхоза. Именно в эти годы тяжесть налогообложения (натурой и деньгами), охватившего все без исключения отрасли производства в личном подсобном хозяйстве, достигла своего максимума[164].

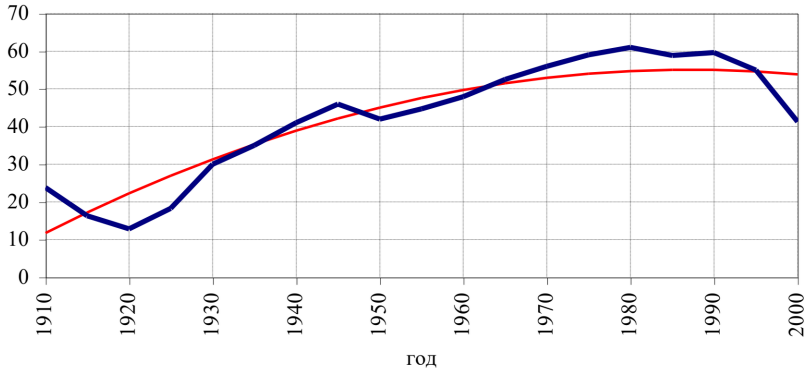
---

[163] «Вечнозеленую» со времен коллективизации проблему качества зерновой продукции активно разрабатывал писатель-публицист, большой знаток хлебного дела в России Юрий Черниченко (см., например : *Он же*. Яровой клин. Очерки. М.: «Советский писатель», 1975; *Он же*. Русская пшеница. Очерки. М.: «Современник», 1987).

[164] Подробнее см.: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992, Документы №№ 35–49. Впервые обложение дохода крестьянского двора от личного подсобного хозяйства с применением прогрессивных ставок было введено еще в 1939 г. При этом обложению подлежали доходы не только от реальных производств (отраслей) ЛПХ, но и от производств виртуальных! Колхозный двор был обязан осуществлять мясопоставки — при отсутствии у колхозника скота, вносить «яичный» налог — при отсутствии кур и т.д. На рубеже 40–50-х годов совокупный сель-

Рис. III-2

СССР/РОССИЯ: динамика удельного веса товарного продукта в валовой продукции сельского хозяйства, 1910–2000 гг., %



Следующий этап в развитии товарного производства относится ко времени конца 80-х — начала 90-х годов и продолжается до сих пор. Сложные и противоречивые процессы этого, в основе своей переходного к рынку, этапа, мы рассмотрим в следующем разделе этой главы.

4. *Аграрная экономика на пути к рынку: приливы и отливы в становлении товарного производства (90-е годы)*

За десятилетие независимого существования России ее сельское хозяйство уже пережило (и продолжает переживать) крупнейшие социально-экономические трансформации. Можно выделить несколько направлений происходящих изменений. Разрыв региональных хозяйственных (кооперационных) связей и дезорганизация экономики, вызванные распадом СССР, тяжело отразились на сложившейся системе общественного разделения труда, в которое была включена аграрная экономика России. Старое хозяйство рушилось, а слишком

скохозяйственный налог на колхозный двор составлял: в 1949 г. — 13,1% облагаемого дохода; в 1950 г. — 13,5; в 1951 г. — 15,0; 1952 г. — 15,6% данного дохода. Наркомфин СССР комментировал динамику налогообложения колхозного двора: «Если сопоставлять рост налога за указанные годы с ростом доходов крестьян за те же годы и данными о ценах колхозных рынков… получается диспропорция в сторону экономически неоправданного увеличения налогового обложения крестьян…» (цит. по: там же, [Документ № 49], с. 219; см. также: [Документ № 46], с.207–210).

медленно нарождавшееся новое было еще не способно экономически компенсировать утраты от разрушения прежнего. Перефразируя слова Маркса, можно сказать: российская агросфера стремительно теряла старый мир, не приобретая в адекватной степени нового[165].

В широких масштабах происходили регрессивные сдвиги в системе экономической организации сельского хозяйства, которые угнетающе воздействовали на *потенциал товарного производства*. В частности, все большее влияние на рынок стало оказывать *маргинальное хозяйство* (выступавшее в оболочке «личного подсобного» хозяйства — ЛПХ). К концу 90-х годов XX в. ЛПХ совместно с фермерским хозяйством с его микроскопическим вкладом в аграрное производство России сосредоточивает уже почти 3/5 валовой продукции сельского хозяйства страны (подробнее см. §5 и табл. III-9). Между тем ЛПХ отличается наименьшим уровнем товарности (подробнее см. табл. III-11). Его экспансия в пределах экономического пространства агросферы объясняется рядом причин: во-первых, ЛПХ ориентировано преимущественно на обеспечение личного потребления семьи самого производителя, отпуская на рынок (для обмена) лишь ту массу продукта, которая необходима для формирования (воспроизводства) в нужной товарной номенклатуре ее жизненных средств. Если использовать здесь понятие К. Маркса, такой производитель выступает агентом «простого (т.е. некапиталистического. — *Авт.*) обращения», «простого процесса обмена»[166].

Во-вторых, маргинальные хозяйства такого типа работают, как правило, на местные рынки (прежде их именовали «колхозными» рынками) и в гораздо меньшей степени, чем крупные, нуждаются в специфической инфраструктуре, обеспечивающей полный цикл их воспроизводства (помимо материальной, к такой инфраструктуре относится финансовая, неприспособленность к рыночным механизмам которой нанесла [и продолжает наносить и поныне] особенно тяжелый ущерб сельскому хозяйству России в 90-х годах); более того, в системе ЛПХ вообще не происходит, говоря словами М. Вебера, «*отделения предприятия от домашнего хозяйства*», и уж, конечно, «полностью отсутствует» «*юридически* оформленное разделение капитала и личного

---

[165] См.: *Маркс. К.* Британское владычество в Индии, в: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9, с. 132.

[166] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов, в: Там же. Т.46. Ч.II, с. 443, 447, 453, 458.

имущества производителя»[167].

В-третьих, основанные в подавляющей части на ручном труде, такие хозяйства нуждаются в менее сложных (и отсюда более доступных) технических средствах, чем крупные, оснащенные механическими орудиями труда и машинами, современные хозяйства, включенные в широкую систему общественного разделения труда. А, главное, маргинальные хозяйства, как показывает исторический опыт России, гораздо труднее принудить продавать свою продукции по ценам, которые не соответствуют их экономическим интересам[168].

Все это помогает понять, почему в России именно ЛПХ, маргинальные производственные единицы, принадлежащие *собственникам функционирующих в них средств производства*, оказались в состоянии взять на себя, как бы парадоксально со стороны логики экономического роста это ни выглядело, бремя лидерства в адаптации экономической деятельности в агросфере к рыночным условиям со всем широким спектром их изменчивости.

Резкий спурт маргинального хозяйства при деградации товаропроизводящих единиц бывшего колхозно-совхозного сектора «социалистического» хозяйства привел к *существенному понижению уровня товарности сельскохозяйственного производства*. С середины 80-х годов XX в. до начала 2000-х годов динамика уровня общей товарности сельского хозяйства России выглядела следующим образом[169] (*в %, по годам*):

1985	*58,9*[1]	*1992*	*57,6*	*1997*	*41,9*
1990	*60,5*	*1993*	*55,7*	*1998*	*41,4*
ср. 1991–1995	*55,0*	*1994*	*54,5*	*1999*	*39,5*
ср. 1996–2000	*41,7*	*1995*	*42,9*	*2000*	*43,3*
1991	*64,1*	*1996*	*42,5*	*2001*	*43,7*

[1] *Данные за 1985–1990 гг. касаются СССР, с 1991 г.— России. С 1991 г. показатели рассчитаны как средневзвешенные величины по шести основным отраслям сельского хозяйства (зерно, картофель, овощи, скот и птица, молоко, яйца), на которые приходилось от 81% (1991 г.) до 87% (2001 г.) стоимости валовой сельскохозяйственной продукции России.*

---

[167] *Вебер М.* Предварительные замечания. Протестантская этика и дух капитализма, в: *Вебер М.* Избранные произведения. М.: «Прогресс», 1990, с.51,52.

[168] Механизм жизнедеятельности такого хозяйства, по нашему мнению, может быть наиболее полно оценен в рамках разработанной А.В. Чаяновым теории крестьянского хозяйства. См., в частности: *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства, в: *Он же*. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989.

[169] Составлено и подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с.466; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995, с.32; Сельское хозяйство в России 1998, с.96; Сельское хозяйство в России 2000. Статистический сборник. М., 2000, с.35,102; Сельское хозяйство в России 2002, с. 36,95.

Таким образом, *уровень товарности* всего за десять лет бытия России в качестве суверенного государства *сократился в полтора раза*, опустившись на те рубежи, которыми сельское хозяйство СССР (и соответственно России) характеризовалось еще в мрачные годы коллективизационного принуждения; так, на рынок (в подавляющей части в «закрома государства») поступало в 1938–1940 гг. 41%, а в 1949–1953 гг. 42% валового сельскохозяйственного продукта[170]. Или, говоря иначе, пропорции товарного выхода сельскохозяйственной продукции в ходе полувековой эволюции аграрного хозяйства вернулись «на круги своя», составив к началу XXI века долю, вбиравшую, как и шесть десятилетий тому назад, всего лишь *2/5 валового сельскохозяйственного продукта*, долю, добытую путем неисчислимых жертв российского крестьянства в период сталинщины. Таков был результат — свидетельство *качественного ухудшения (регресса) общественного разделения труда в одной из важнейших сфер жизнеобеспечения российского общества*. Как это напоминает ситуацию, возникшую в российской деревне после беспредельного «черного передела», последовавшего за Октябрьским переворотом 1917 года!

На «круги своя» долговременный процесс экономической динамики вынес и межсекторские соотношения объемов производимой продукции — животноводства, с одной стороны, и растениеводства, с другой. Данные таблицы III-5 показывают, с какой интенсивностью в агросфере исторической России изменялись пропорции продукции животноводства в валовом и товарном продукте сельского хозяйства на протяжении семи с половиной десятилетий XX века (см. табл. III-5).

Как следует из этих данных, с начала 50-х годов до середины 60-х животноводческий сектор сельского хозяйства СССР претерпел крупный скачок в своем развитии и по стоимостному объему произведенной продукции впервые в XX веке *сравнялся с растениеводством*, что свидетельствовало о существенном качественном сдвиге в интенсификации сельского хозяйства страны[171]. Еще более рельефную кар-

---

[170] Сельское хозяйство СССР. 1960, с.24.

[171] Чтобы лучше оценить этот взлет животноводческого сектора, упомянем о следующих, впрочем, широко известных, фактах, касающихся его потерь в предшествующие два десятилетия. Разорение животноводства в СССР, вызванное коллективизационным насилием, было столь значительным, что в течение всего шести лет объем производства животноводческой продукции сократился (в «сопоставимых ценах») *почти наполовину* (до 52,6% в 1934 г. по сравнению с последним предколлективизационным годом — 1928 г.). Относительные масштабы этого разорения превзошли даже те опустошения, которые произвел в животноводческом секторе сельского хозяйства германский фашизм в ходе вторжения на советские территории: за период 1940–1945 гг. объем производства продукции животноводства (в ценах 1926/27 г.) уменьшился на *одну треть*, составив 65,6% от уровня последнего предвоенного года

тину создает динамика товарного продукта животноводческого хозяйства. Низведенный до уровня фактически *полунатурального* производства в период коллективизации в начале 30-х годов и фашистскими погромами в первой половине 40-х годов (удельный вес товарности животноводства к концу эпохи сталинщины, в 1949–1953 гг., понизился до 30%, против 45% в НЭПовский период; см. табл. III-5), животноводческий сектор сельского хозяйства за полтора десятилетия *вдвое* (до 60% в середине 60-х годов) увеличил долю *товарного выхода* своей продукции. Это был своего рода «золотой век» понуждаемого «сверху» роста товарного животноводства (хотя и с не возмещаемыми полностью издержками производства; см. гл. IV, §4). (Ниже мы увидим, что эти скачки по времени совпадают с повышательной фазой второго «большого цикла» XX века; см. гл. V.)

Впоследствии, однако, изменения данных структурных параметров происходили в весьма замедленном темпе, а за последние полтора десятилетия, предшествовавших распаду СССР, почти прекратились вовсе. На пути дальнейших «прорывов» общесоюзного (и, в частности, собственно российского) животноводческого сектора мощным барьером встала вся система кратократической организации аграрно-экономической деятельности (в частности, губительная ценовая политика государства, набиравшие все большую мощь механизмы затратности и др.); система, гнетущие последствия шестидесятилетнего господства которой, развернувшиеся в 80-х годах в острый аграрный кризис, особенно болезненно сказались как раз на животноводстве (подробнее см. гл. IV).

В 90-е же годы XX в. отрасли животноводства претерпели столь массированную деградацию, что в результате их доля в совокупном сельскохозяйственном продукте России снизилась к 2000 г. до того уровня, которым животноводческий сектор в бывшем СССР отличался на рубеже 50–60-х годов (см. табл. III-5); в силу неравномерности понижательной динамики обоих макроотраслевых секторов сельского хозяйства, растениеводство резко увеличило удельный вес своей продукции — за счет продукции животноводства, обеспечивающего наиболее ценные (и вместе с тем наиболее капиталозатратные) компоненты продовольственного фонда.

(см.: Сельское хозяйство СССР. 1960, с.79; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с.83).

СССР/Россия: изменение удельного веса продукции животноводства в

				СССР
Показатель // Год	1923/24[1]	1926/27	1949–1953	1954–1958
Удельный вес продукции животноводства в валовой продукции сельского хозяйства[2]	29,2	32,2	38,4	44,3
Удельный вес товарного продукта животноводства во всем товарном продукте сельского хозяйства[2]	45,9	44,1	30,8	47,0
Удельный вес выплат за проданную государству продукцию животноводства во всех выплатах сельскохозяйственным предприятиям и населению[4,5]				
				Россия
Показатель // Год	1990	1991	1992	1993
Удельный вес продукции животноводства в валовой продукции сельского хозяйства[4]	63,3	59,6	53,6	53,5
Удельный вес товарного продукта животноводства во всем товарном продукте сельского хозяйства[6]	85,4[3]	82,4	79,5	77,9

* *Составлено и подсчитано по*: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под редакцией П.И. Попова. М., 1926 (Труды ЦСУ. т. XXIX) [Репринтное воспроизведение издания 1926 года], М.: Госкомстат России, 1993, с. 155,173; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.:ЦСУ СССР, 1929, с.288–289; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 293,296; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с.44–46; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.25; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с.204; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с.466; Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987, с.155; Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1990, с.440,442; Сельское хозяйство в России 1998. Статистический сборник. М., 1998, с.31; Сельское хозяйство в России 2000. Статистический сборник. М., 2000, с.33; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с.33,35,58,76,93.

[1] Рассчитано по ценам производителя.

[2] Рассчитано по сопоставимым ценам 1958 г. для периода 1949–1960 гг., по ценам 1965 г. для периода 1965–1970 гг., по ценам 1983 г. для периода

Таблица III-5

валовом и товарном сельскохозяйственном продукте, 1923/24–2000 гг. *, %

1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
45,4 (55.1)	50,9 (57.8)	49,3 (55.4)	56,4 (61.2)	55,1 (60.5)	55,5 (60.7)	58,5 (62.4)[3]
55,1	59,7	58,9				
	57,1	60,7	66,1	63,7 (73,7)	66,6 (75,7)	68,8 (79,2)[3]
1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
48,5	46,9	45,4	44,5	50,5	46,0	44,9
79,8	70,8	69,2	66,6	74,3	67,9	65,2

1975–1990 гг. Показатели в скобках относятся к РСФСР, рассчитано по сопоставимым ценам 1983 г .

[3] 1989 г.

[4] Рассчитано в фактически действовавших ценах. О соотношении величины выплат за проданную государству продукцию и величины товарного продукта сельского хозяйства см. табл. СП-10 (прим.1).

[5] Показатели в скобках касаются РСФСР. Если оценить за эти годы удельный вес выплат за проданную государству продукцию животноводства в выплатах сельскохозяйственным предприятиям и населению по шести основным отраслям, то для 1980 г. этот показатель составит 78,0%; для 1985 — 80,8%; для 1989 г. — 85,4%.

[6] Рассчитано в фактически действовавших ценах по шести основным отраслям сельского хозяйства, на которые приходилось от 81% (1991 г.) до 87% (1996 г.) стоимости валового производства сельскохозяйственной продукции России. Эти же шесть отраслей концентрировали в 1989 г. более 88% стоимости товарной части сельскохозяйственной продукции России.

Все это, естественно, отразилось и на структуре рынка сельскохозяйственной продукции — в той его части, которая формировалась за счет товарных ресурсов национального производства: за 90-е годы удельный вес товарной продукции животноводства во всем товарном продукте сельского хозяйства сократился примерно на четверть (см. табл. III-5).

Происшедший «откат» (причем — «опережающий») в развитии животноводства свидетельствовал о том, что ухудшение ситуации в системе *продовольственной безопасности* России к концу XX века оказалось еще более значительным, чем о том говорят данные о сокращении физических объемов отраслевой сельскохозяйственной продукции «вообще»[172]. Особенно тяжелые потери понесла *качественная составляющая* продовольственного фонда России.

Параллельно происходил и другой деструктивный процесс — резкое падение покупательной способности среднестатистического подушевого дохода, расходуемого на личное потребление. Весьма ярко результаты этого падения проявлялись в сокращении потребления российским населением наиболее ценных продуктов питания. Вот, например, как изменялось подушевое потребление продуктов животноводства в России за последние два десятилетия XX века (*кг на душу, по годам*)[173]:

	1980	*1985*	*1990*	*1991*	*1995*	*1999*	*2000*	*2000, в % к 1990*
Мясо и мясопродукты	*63*	*67*	*75*	*70*	*55*	*45*	*45*	*60,0*
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	*331*	*344*	*388*	*348*	*253*	*214*	*215*	*55,4*

Итак, мы видим, что в эпоху суверенного бытия России ее рынок сельскохозяйственной продукции скукоживается, особенно к концу 90-х годов. Происходит это под влиянием процессов «свертывания» более зрелых форм общественного разделения труда на определенных участках экономического пространства агросферы и «замены» этих форм формами менее зрелыми (например, в результате перехода части земель бывшего колхозно-совхозного — «социалистического»— сектора хозяйства, отнюдь не более эффективного — см. гл. IV — но, несомненно более товарного, — в руки маргинального, малотоварного хозяйства). (По-видимому, можно сделать предварительный

[172] Подробнее о сокращении производства в сельском хозяйстве России к концу XX века см.: Российский статистический ежегодник 2001, с.402–404, 407,417.

[173] Там же, с. 82,423.

вывод, что в России 90-х годов XX века мы наблюдаем становление признаков *той же модели товарного производства в агросфере*, какую, хотя и на более низком «этаже» общественного разделения труда и при иных казуальных детерминантах, явил *аграрный сектор Индии* в 70–90-х годах прошедшего столетия.)

А что же происходит с той частью продукта, которая в статистических документах обозначена понятием «реализованная продукция», «продажи (сельскохозяйственной) продукции» (по разнообразным каналам) и др.? Отслеживаются две тенденции в процессах внесельскохозяйственной реализации произведенного продукта. Одна из них (условно назовем ее «рыночная») — действительная реализация определенной части сельскохозяйственного продукта на рынке (это — подлинно товарная часть данного продукта); другая тенденция (условно — «нерыночная») —натурализация тех товарно-обменных связей, которые ранее, в пору «зрелого социализма», опосредствовались товарным (точнее — псевдотоварным, или «огосударствленным») обменом.

Сильнейший импульс становлению рыночных отношений в аграрном секторе России дало обрушение последышевой формы кратократического принуждения, «госзаказа». Государственная доля в товарном продукте сельского хозяйства стала стремительно сокращаться. Если в 1991 г. государственные закупки все еще поглощали почти две трети (64%) общей массы товарного зерна, то в 1998–2000 гг. они вбирали лишь одну двенадцатую его часть (8%), а в 2000 г. — и вовсе чуть более 1/20 (см. табл. СП-9, а также рис. III-1). Размывание монопсонии государства (т.е. его амплуа единственного, неизбежно монопольного, «покупателя» при множестве «продавцов») на рынке сельскохозяйственной продукции открыло путь процессам *становления новой шкалы товарных цен*. Эту проблему подробно мы рассмотрим в следующей главе; здесь же упомянем лишь, что данная тенденция, возникшая на рубеже 90-х годов, к их концу проявилась в том, что реализационные рыночные цены на многие виды сельскохозяйственной продукции достигли и даже превзошли уровень мировых цен.

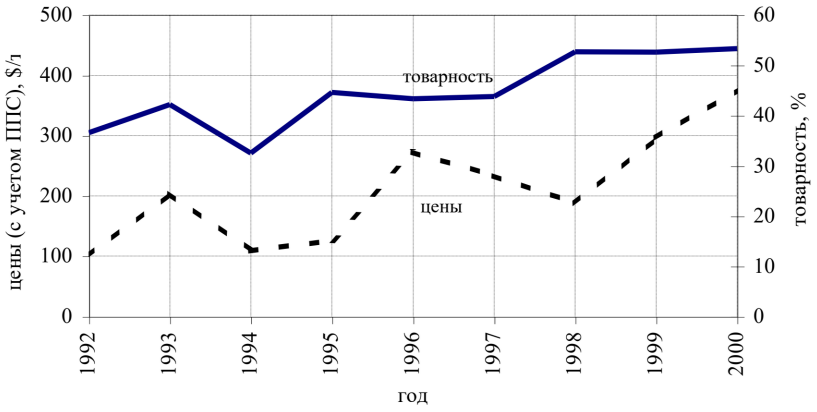
Так, в 1999 г. «цены на зерно, поступающее по импорту, оказались более выгодными для покупателей: перерабатывающие предприятия приобретали зерно у производителей своего региона по цене 1803,5 рубля за тонну, других регионов России — 2315,6 рубля, а по импорту — 1600 рублей»[174].

[174] Цит. по: О состоянии рынка зерна в Российской Федерации (по материалам Госкомстата России), в: *Вопросы статистики*. 2000, №9, с.57.

Но самым пикантным моментом в повышательной динамике цен производителя в 90-х годах было, пожалуй, то, что государство в конечном итоге отказалось от роли институционального, опирающегося на силу власти, « вымогателя» более–менее существенной доли стоимости продукта российского крестьянства (см. гл. IV), приняв облик рядового покупателя, действующего по правилам рынка.

Рис. III-3

РОССИЯ: динамика цен на зерно и удельного веса товарной продукции в валовом сборе зерна, 1992–2000 гг.



А.И. Алтухов, авторитетный специалист по проблеме, подметил: «Изменение структуры каналов сбыта отразилось на уровне цены реализации зерна. Во все годы (имеются в виду 90-е годы. — *Авт.*) наивысшую цену при продаже зерна обеспечивало государство. В 1993 г. этот разрыв (между государственной закупочной ценой и средней реализационной ценой. — *Авт.*) составлял 3,4 раза; в 1995 г. — 2,23; в 1998 г. — 1,4 раза»[175]. (Отметим также: констатируя факт становления возможностей для сельскохозяйственного товаропроизводителя реализовывать свою продукцию по *всеобщим — мировым — ценам*, мы пока еще не касаемся другой стороны рыночных отношений — условий обмена между сельским хозяйством и промышленностью. Последние составят предмет исследования в следующей главе.)

[175] *Алтухов А.И.* Состояние и перспективы зернового производства и рынка зерна в Российской Федерации, в: *Аграрная Россия*. М., 2000, №1, с.7.

Впервые со времени коллективизации в России пропорции товарного выхода сельскохозяйственного продукта стали определяться динамикой рыночных цен. Рис. III-3, касающийся динамики товарности зернового хозяйства, весьма ярко это обстоятельство демонстрирует.

Из-за мощных инфляционных тенденций, вызывавших бешеный рост номинальных цен до середины 90-х годов XX века и, хотя и в меньшей степени, впоследствии, мы не могли представить данную динамику цен в национальной валюте. И поэтому использовались их значения в сопоставимых ценах, рассчитанных в универсальной мировой валюте — долларе США — по паритету покупательной способности (ППС) валют. (Напомним попутно: сопоставимый уровень цен выражается отношением ППС к валютному курсу, при этом покупательная способность валюты в стране, валюта которой служит базой для сравнений, [в нашем случае это США] приравнивается 100[176].)

За период 1992–2000 гг. коэффициент корреляции R между погодовыми значениями удельного веса товарного продукта одной из важнейших отраслей сельскохозяйственного производства — зерновой и динамикой реализационных цен (цен производителя), представленных в долларовом эквиваленте с учетом фактора ППС валют[177], составлял 0,78 (при значимости по t-критерию > 99,5%).

Но даже если мы используем за рассматриваемый период средние погодовые значения только валютного курса (т.е. игнорируя фактор ППС), то в этом случае коэффициент корреляции R = 0,59 (при значимости по t-

---

[176] См., например: Российский статистический ежегодник 2001, с. 637.

[177] Оценки отношения ППС валют к валютному курсу были рассчитаны Госкомстатом России для периода 1996–1999 гг. на базе результатов сопоставлений, проведенных в рамках соответствующей программы ООН, разработанной в 1996 г.; отношение значения ППС к валютному курсу (США = 100) составляло 43% — в 1996 г., 44% — в 1997 г., 29% — в 1998 г., 19% — в 1999г. (см.: Российский статистический ежегодник 2001, с. 637). Или, говоря иначе, если исходить из сложившегося отношения ППС к валютному курсу, например, в 1999 г., в России 19 ам. центов соответствовали той части стоимости ее ВВП, которая по американским ценам стоила бы 1 доллар. Применительно к периоду 1993–1995 гг. мы воспользовались данными, рассчитанными Б.П. Плышевским по материалам публикаций Госкомстата России «Национальные счета России» (см.: *Он же*. О содержании показателя «валютный курс рубля», в: *Вопросы статистики*. 2002, №8, с. 28); в этот период отношение ППС / валютный курс для России составляло: в 1993 г. —24,5%, в 1994 — 41,3, в 1995 г. — 54,8%. Для 1992 г. в качестве данного отношения мы предположили величину 40%. В пользу такого предположения свидетельствуют, в частности, данные Всемирного банка о соотношении мировых цен на пшеницу, кукурузу и продукцию животноводства, с одной стороны, и внутрироссийских цен на соответствующие товары, с другой, — о соотношении, установившемся при валютном курсе $1=125 руб. (см.: Стратегия реформ, с. 153). Для 2000 г. мы приняли в качестве значения отношения ППС / валютный курс 20%, величину, которая несколько превысила значение 1999 года. По экспертной оценке В.М. Кудрова, в середине 2003 г. отношение ППС к валютному курсу составляло 26% (см.: *Известия*. 09.06.2003).

критерию > 99,5%). Иначе говоря, коэффициент корреляции, исчисленный с использованием только официального валютного курса[178], также однозначно свидетельствует в пользу факта существования достаточно большой зависимости между динамикой рыночных цен и изменениями удельного веса товарного продукта.

Другой характерной особенностью формирования сельскохозяйственного рынка в последнее десятилетие XX века было *устойчивое нарушение механизмов обмена*, приведшее к сильнейшей *натурализации воспроизводственного процесса* в сельском хозяйстве. Конкретно это явление объяснялось следующими обстоятельствами. Экономические агенты сельского хозяйства, сформировавшиеся в тенетах «социалистических» структур (сектор «средних и крупных» предприятий), не могли в одночасье адаптироваться к чужеродной для них рыночной стихии; они были лишены не только доступа к складывавшейся рыночной инфраструктуре (в частности, к кредитным учреждениям), но и финансовой поддержки государства. Эта «изоляция» стала особенно отрицательно сказываться на них с середины 90-х годов (подробнее см. гл. IV, §5). Подавляющая часть хозяйственных единиц сектора «средних и крупных» предприятий не могла выступить полноценным агентом рынка и потому, что ресурсное истощение, зловещую практику которого бывший колхозно-совхозный сектор постоянно, притом весьма болезненно, испытывал на себе в «социалистический» период российской истории, в 90-е годы получило мощный дополнительный импульс: с размыванием механизмов внерыночной системы воспроизводственных потоков в российском народном хозяйстве в массовых масштабах стали рваться единые ранее цепочки оборота продукта, производившегося на предприятиях сектора. Особенно типичное явление — невозврат либо, в «лучшем» случае, длительные задержки платежей за поставленную данными предприятиями продукцию. (Например, в течение 1995–1998 годов, по свидетельству Госкомстата России, 80% «крупных и средних» предприятий в сельском хозяйстве имели просроченную дебиторскую задолженность[179]). В результате натуральные отношения обмена стали стремительно замещать отношения обмена посредством рыночных механизмов.

---

[178] См. Российский статистический ежегодник 2001, с.657.
[179] О состоянии рынка зерна в Российской Федерации, с.55.

Таблица III-6

Сельскохозяйственные предприятия России: каналы реализации зерна, 90-е годы XX в. *,
в % от общего объема реализации зерна.

Канал реализации зерна / год	1993	1995	1997	1999	2000	2001
Государственные закупки	63,3	27,8	25,2	18,8	17,2	10,7
Свободный рынок[1]	12,4	30,0	26,4	26,1	31,9	42,5
Натуральные выплаты[2]	21,0	29,0	23,2	25,3	21,6	20,0
Бартерные обменные операции	3,3	13,2	25,2	29,8	29,3	26,8

* *Составлено по:* Сельское хозяйство в России 1998. Статистический сборник. М., 1998, с.95 *[данные за 1997 г.]*; Сельское хозяйство в России 2000. Статистический сборник. М., 2000, с.101 *[данные за 1999 г.]*; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с.94 *[данные за 1995, 2001 гг.]*; *Манелля А.И.* Состояние зернового рынка в России в 2000 году и перспективы производства зерна в 2001 году, в: *Вопросы статистики*. 2001, № 11, с.11 *[данные за 1993, 2000 гг.]*.

[1] Реализация зерна организациям промышленности, оптовой торговли, на рынке, через собственную торговую сеть.

[2] Натуральная оплата труда работников, расход зерна в организациях общественного питания сельскохозяйственных предприятий.

Бартер победоносно шествовал по полям и весям России, при этом обычно зерно стало выполнять *функцию универсального средства платежа*, компенсируя недостаток (или отсутствие) у производителя денежных средств. Если в 1993 г. по бартерным сделкам обменивалась 1/30 тонны товарного зерна, то к началу нынешнего тысячелетия (1999–2001 гг.) этот показатель составлял почти 3/10 его массы (см. табл. III-6)[180]. О целевых предназначениях такого бартера Госкомстат России свидетельствует: «Поведение сельхозтоваропроизводителей на рынке зерна определяется возможностью использовать зерно для расчетов с предприятиями и организациями за поставленные нефтепродукты, горюче-смазочные материалы, электроэнергию, удобрения, семена, за предоставленные транспортные услуги и другое»[181]. На эти цели, по оценке Госкомстата России, «отвлекается» *треть* всего реализуемого сельскохозяйственными производителями зерна. (Еще большую степень распространения бартерных отношений

[180] См. также: *Алтухов А.И.* Состояние и перспективы зернового производства и рынка зерна в Российской Федерации, с.7.

[181] О состоянии рынка зерна в Российской Федерации, с.58.

мы наблюдаем в некоторых других отраслях растениеводства, таких, как производство сахарной свеклы, масличных семян[182].) Поистине бартер превратился на рубеже XX–XXI веков в *conditio sine qua non* экономического роста в аграрном секторе России!

Пятая часть подлежащей реализации массы зерна «по-прежнему отпускается населению» — в основном работникам сельского хозяйства «в порядке натуральной оплаты» их труда (см. табл. III-6)[183]. (А эта форма натуральных отношений уже — не бартер в точном смысле этого слова, а свидетельство работы именно *традиционных* механизмов оплаты труда, сохранившихся в аграрном секторе современной России со времени канувшего в лету колхозного «социализма».)

Таким образом, в том, что касается зернового производства в России, на рубеже XX–XXI веков (1999–2001 гг.) *примерно половина потенциального фонда производившегося в ней товарного зерна реализовывалось по каналам натурального обмена*. Если принять во внимание, что товарность зернового хозяйства в это время оценивалась статистическим ведомством России в 51–53% (см. табл. СП-9), то можно заключить, что реальный *первичный* рынок охватывал в этот период *не более четверти зерновых сборов*, другая четверть потенциального фонда товарного зерна, выступавшая *натуральным* эквивалентом производственных затрат, в лучшем случае формировала *вторичный* зерновой рынок, либо непосредственно пополняла *in natura* потребительские запасы семей производителей зерна (речь идет о полученной ими в натуральной форме плате за труд), минуя рыночный обмен, а также семейные резервы для бартерного обмена.

Засилье бартера перекочевало в XXI век. По оценке заместителя Председателя Комитета по аграрной политике Госдумы, в 2002 г. «основную часть» урожая зерновых «крестьяне отдали трейдерам (крупным зерноторговцам. — *Авт.*) за кредиты, технику, ГСМ»[184].

Поражены бартерной «болезнью» не только хозяйства сектора «крупных и средних предприятий», но и обычно относящиеся к наиболее товарным «крестьянские (фермерские) хозяйства». По данным выборочного обследования, проведенного Госкомстатом России, на 1 января 2000 года 31,1% фермерских хозяйств, т.е. *почти одна треть*, реализовывали свою продукцию «путем бартерных операций»[185].

Бартерная натуральность прочно овладела сферой *товарного обращения аграрного сектора*. По данным Госкомстата России, в 1999 г. на долю бартерных сделок и «разного вида взаимозачетов» приходилось 40,4% всего

---

[182] Сельское хозяйство в России 2000, с.101.
[183] О состоянии рынка зерна в Российской Федерации, с.59.
[184] Цит. по: *Известия*. 03.10.2002.
[185] Сельское хозяйство России 2000, с.97.

оборота заготовительных и оптовых организаций, работающих с сельскохозяйственными товаропроизводителями[186].

Словом, весомый сгусток натуральности присутствует в каждой ячейке хозяйственной жизни деревни, искажая ход воспроизводственного процесса в аграрном секторе (в числе искажающих факторов — нагнетание издержек производства, разрывы в воспроизводственных цепочках, вынужденная ориентация экономической динамики на микромир — в противоположность универсализирующему процесс обмена макромиру — и его ценности и др.)

Натуральные формы отношений также опосредствуют воспроизводство значительной части средств существования в аграрном секторе. Мы уже упоминали, сколь велика в современной России доля зерновых урожаев, расходуемая на оплату сельскохозяйственного труда *натурой*. О том, что рынок рабочей силы, формирующийся в аграрном секторе, все еще основывается в значительной степени на *натуральном типе отношений*, ярко свидетельствуют и данные о формировании и использовании фонда личного потребления в сельских местностях. Так, по данным выборочного обследования, проведенного Госкомстатом России, в 1998 г. стоимость поступлений продуктов питания в домашние хозяйства натурой составляла 27% от общей величины располагаемых ресурсов таких хозяйств, а расходная часть бюджета домашних хозяйств, приходившаяся на стоимость продуктов питания, поступивших в эти хозяйства натурой, т.е. минуя рыночный обмен, во всех расходах на конечное потребление этих хозяйств составляла 31%; показатели за 2000 г. были равны соответственно 22% и 25%[187]. В сфере собственно продовольственного потребления эти показатели были намного выше: в эти же годы натуральные поступления формировали *от двух пятых до половины* общего объема конечного потребления продуктов питания в сельских семьях[188]. (Нужно, однако, уточнить: конечно, не только сохранившейся традицией натуральных выплат за труд на полях и не только бартерными отношениями определяется столь высокая доля натуральных поступлений в сферу личного потребления домашних хозяйств в сельской местности, но и крупнейшими структурными трансформациями, которые претерпевает аграрный сектор России с конца 80-х годов, именно — экспансией мельчайшего, или, иначе, «личного подсобного», хозяйства, активно расширяющего зону натуральных отношений.)

Постсоветская эпоха в России знаменательна, помимо прочего, и тем, что на рынке сельскохозяйственной продукции происходит грандиозная *рокировка* (неравномерно идущая, однако, по отраслям)

---

[186] О состоянии рынка зерна в Российской Федерации, с.61.

[187] Российский статистический ежегодник 1999. М., 1999, с.165, Российский статистический ежегодник 2001, с.191.

[188] Там же.

каналов реализации товарного продукта: государство и его торгово-закупочные учреждения, монополизировавшие этот рынок в прошлом, решительно уступают дорогу силам, которые представляют вольный рынок (см. например, табл. III-6), что́ в нынешних условиях отнюдь не всегда и автоматически развязывает стимулы к увеличению производства у сельскохозяйственного производителя, а зачастую скорее приводит к результату, описываемому формулой «из огня да в полымя» (подробнее см. заключительную часть данной главы).

5. *Исторические изменения в составе экономических агентов аграрного сектора*

На протяжении XX века в аграрном секторе России трижды изменялся состав экономических агентов.

Эндогенные экономические агенты

В начале века, как известно, основными экономическими агентами являлись крестьянские хозяйства, делившиеся на предпринимательские по преимуществу и потребительские по преимуществу, и «владельческие» хозяйства, как их тогда определяли, к которым относился довольно широкий слой сельскохозяйственных предпринимателей — бывшие помещики, имевшие собственное хозяйство, купцы и другие представители торгово-денежного капитала, основавшие сельскохозяйственные предприятия на купчей земле, а также разбогатевшие и приобретшие личное землевладение «чумазые» лендлорды, как их тогда называли, обладавшие значительными участками купчей земли «кулаки» — выходцы из крестьянской общины[189].

Как мы видели ранее (см. гл. I, §3, «Россия»), «владельческие» хозяйства характеризовались заметно более высокой экономической эффективностью (в частности продуктивностью), чем их крестьянские контрагенты. Но особенно в большой степени первые превосходили вторых по уровню товарности производства, в чем как раз, помимо прочего, и проявлялась их капиталистическая сущность. Как можно видеть по детальным данным, собранным и обработанным Н.Д. Кондратьевым, уровень товарности зернового производства во «владельческом» хозяйстве в два раза превышал средний уровень товарности крестьянского хозяйства. При этом первое обеспечивало более 1/5 ча-

[189] Подробнее о такого типа предпринимателях см.: *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М.: «Наука», 1969; *Он же*. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М.: «Наука», 1980, гл. III.

сти общей массы товарного зерна, хотя располагало лишь немногим более 1/10 его валового сбора (см. табл. III-7).

В.С. Немчинов, комментируя расчеты Н.Д. Кондратьева, показал, что весь предпринимательский корпус российской деревни, к которому были отнесены собственники «владельческих» хозяйств, или «помещики», по В.С. Немчинову, и «кулаки» — представители крестьян, т.е. группы, которые мы назвали бы нормальными («добровольными», ориентированными на производство для рынка) производителями, сосредоточивали в 1909–1913 гг. свыше 70% общего объема товарного хлеба, поступавшего на зерновые рынки России (см. табл. III-7).

Позволим сделать здесь одно замечание. Как видит читатель, для периода 1909–1913 гг. мы использовали при разработке табл. III-7, посвященной вопросам товарного выхода зерна в российской деревне, помимо кондратьевских, также данные, опубликованные в книге В.С. Немчинова от 1945 г. (см. прим. * к табл. III-7). Эти данные цитируются довольно часто, но тем актуальнее нужда в пояснении, касающемся их авторства. Последние, «составленные автором (В.С. Немчиновым. — *Авт.*) по поручению тов. Сталина» еще в 1928 г., целиком основываются на расчетах, осуществленных Н.Д. Кондратьевым, и, как можно видеть из сравнения обоих (первого и второго) разделов таблицы III-7, посвященных периоду 1909–1913 гг., почти буквально повторяют результаты указанных расчетов во всех их базисных позициях. (Думается, что только кровавыми «издержками» эпохи сталинщины объясняется тот факт, что имя Н.Д. Кондратьева, выдающегося русского ученого, объявленного «врагом народа» и погубленного сталинскими палачами, — не было даже упомянуто в опубликованной В.С. Немчиновым книге.)

Таблица III-7

Россия/СССР: изменение состава экономических агентов в зерновом хозяйстве и их роли на зерновом рынке, 10–30-е годы XX века *, %

Период, социальный тип хозяйства / производителя	Доля в валовом сборе зерна	Доля в общей массе товарного зерна	Доля товарного зерна [1] в валовом сборе (товарность хозяйства)
По Н.Д. Кондратьеву			
1909–1913 гг.[2]			
Владельческие хозяйства	12,1	21,6	47,6
Крестьянские хозяйства	87,9	78,4	23,8
Всего:	100,0	100,0	26,7
По В.С. Немчинову			
«До войны» [1909–1913 гг.]			
«Помещики»	12,0	21,6	47,0
Крестьянские хозяйства			
в том числе:	88,0	78,4	23,2
«кулаки»	*38,0*	*50,0*	*34,0*
«середняки и бедняки»	*50,0*	*28,4*	*14,7*
Всего:	100,0	100,0	26,0
По В.С. Немчинову			
1926/27г.[3]			
Совхозы и колхозы	1,7	6,0 (2,3)	47,2
Крестьянские хозяйства	98,3	94,0(97,7)	12,7
в том числе:			
«кулаки»	*13,0*	*20,0(13,6)*	*20,0*
«середняки и бедняки»	*85,3*	*74,0(84,1)*	*11,2*
Всего:	100,0	100,0	13,3(12,6)
По ЦУНХУ Госплана СССР			
1935/36 г.			
«Социалистическое хозяйство»	95,0	96,3	35,0
в том числе:			
совхозы «всех систем»	*11,9*	*12,7*	*36,8*
колхозы	*83,1*	*83,6*	*34,7*
Единоличные крестьянские хозяйства	5,6	3,7	25,4
Всего:	100,0	100,0	34,5
По ЦСУ СССР			
1940 г.			
«Общественное сельское хозяйство»	87,6	95,3	43,7
в том числе:			
совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия	*7,8*	*9,8*	*50,0*
колхозы	*79,8*	*85,5*	*43,0*
Единоличные крестьянские хозяйства	12,4	4,7	15,3
Всего:	100,0	100,0	40,1

(Продолжение таблицы III-7)

* *Составлено и подсчитано по*: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука». 1991, с. 97,99,326,330,334; *Немчинов В.С.* Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М.: «Сельхозгиз». 1945, с. 58,59; 20 лет советской власти. Статистический сборник. М.: Партиздат. 1937, с.45; История крестьянства СССР. Т.1. М.: «Наука», 1986, с. 341 (показатели в скобках) [*В.П. Данилов*]; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с. 88, 89,90; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 297; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 202,204,206.

[1] Только товарный хлеб, реализованный за пределами деревни.

[2] Расчеты основываются на данных о производстве и товарном выходе четырех основных хлебов (рожь, пшеница, овес, ячмень) тогдашней России, на которые приходилось в 1909–1913 гг. 91% валовых сборов зерновых.

[3] Показатели в скобках — данные хлебофуражного баланса ЦСУ СССР на 1926/27 г.

Собственный вклад В.С. Немчинова в разработку упомянутых данных состоял в том, что он распределил по социальным категориям крестьянские хозяйства, выделив «кулацкие» и «середняцко-бедняцкие» их группы, и, кроме того, заменил «безликое» название «владельческое хозяйство» на созвучное эпохе «правильное» — «помещики» (чем, кстати говоря, существенно исказил — сузил — понятие «владельческое хозяйство», которое использует Н.Д. Кондратьев). Произведенные В.С. Немчиновым «округления» кондратьевских данных (ср. первый и второй разделы табл. III-7), очевидно, связаны с тем, что, включая в свои расчеты данные по «прочим» зерновым культурам (см. прим.2 к табл. III-7), менее товарным (кроме гречихи), он должен был понизить и значение конечного показателя товарности. (Так, В.С. Немчиновым было допущено, что, например, в «помещичьих» хозяйствах товарность «прочих» зерновых культур составляла 40,9% их валового сбора, и в результате показатель общей товарности зерновых в этой категории хозяйств сократился до 47,0%, против 47,6% у Н.Д. Кондратьева. См. табл. III-7, разделы первый и второй, а также прим.2 к табл. III-7.)

Революция 1917 г. полностью уничтожила «помещиков» (крупных товаропроизводителей), смела с авансцены деревни подавляющую часть прослойки кулаков, сформировавшихся до 1917 г. Тем самым была ликвидирована товаропроизводящая база аграрного сектора, опиравшаяся на предпринимательские слои деревни.

Смерч революции, втянувший в свою воронку российскую деревню, осуществил настоящий переворот в составе экономических агентов аграрного сектора. В самом деле, основной товаропроизводитель деревни — крестьянин стал, по свидетельству большевика Ю.

Ларина, существенно беднее, получая в среднем лишь 69% довоенного дохода. По исчислению видного ученого–экономиста России С.Н. Прокоповича, среднедушевой доход населения страны (а это на 80 с лишним процентов были крестьяне) сократился еще больше — до 60% довоенного уровня (т.е. 1913 г.)[190]. О резком сокращении доходов российских крестьян в постреволюционное время свидетельствует и другой известный российский статистик Л.Н. Литошенко, который на основе бюджетных исследований крестьянских хозяйств в восьми губерниях производящей и потребляющей полос тогдашней (1923 г.) России установил, что «средняя оплата годовой рабочей силы семьи» составляла только 60,6% от довоенного уровня. «Падение дохода на одну рабочую силу достигает, таким образом, около 40% по сравнению с довоенной нормой»[191].

Но именно такой товаропроизводитель, представленный «середняком и бедняком» (см. табл. III-7), сосредоточивал к концу периода НЭПа *почти 3/4* (74% в 1926/27 г.) общей массы товарного зерна, или, говоря иначе, *сельскохозяйственного предпринимателя заменил* здесь *агент* «*простого обращения*» (К. Маркс; см. выше). В естественной эволюции аграрного строя России произошло как бы движение вспять: на смену более производительному хозяйству с более высоким уровнем товарности пришло менее производительное хозяйство, отличавшееся низким уровнем товарности. В хозяйстве данного типа адекватно проявил свою силу и закон обратно пропорциональной зависимости уровня товарности от уровня рыночных цен, закон, характерный для традиционной экономики, при которой основной целью производства является обеспечение производителя и его семьи необходимой массой жизненных средств, а на рынке реализуется лишь часть продукта, необходимая преимущественно для оплаты неотложных денежных обязательств, а также скромных покупок продукции (и услуг) внесельскохозяйственных секторов.

Более того, мы наблюдаем сокращение потенциала рыночного производства зерна не только у группы товаропроизводителей, отнесенных В.С. Немчиновым к «кулакам»: на зерновом рынке их доля сократилась с довоенных 50% до всего лишь 20% к концу периода НЭПа при понижении среднего уровня товарности зернового производства этой группы в 1,7 раза — с 34 до 20% в 1926/27 г. (см. табл. III-7). Что особенно было существенно, в тот период произошло уменьшение товарности хозяйств в главной группе товаропроизводящих агентов деревни — «середняков и бедняков»: с 14,7% в 1909–

---

[190] *Ларин Ю.* Вопросы крестьянского хозяйства, с. 111; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года., с.280.

[191] *Литошенко Л.Н.* Крестьянский бюджет в 1922–23 году. Издание ЦСУ. М., 1923, в: История статистики. Выпуск 3. Бюджетные обследования 20-х годов. (Госкомстат СССР). М., 1991, с.167.

1913 гг. до 11,2% в 1926/27 г. Иначе говоря, процессы «осереднячивания» российской деревни, происходившие в 20-х годах, позволив компенсировать в известной мере уровень личного потребления основных слоев крестьянства, вместе с тем вызвали тенденции, чреватые катастрофой в механизмах общенационального воспроизводства (подробнее см. §1).

В самом деле, при безусловном главенстве товаропроизводящего агента «нового типа» совокупная товарность зернового хозяйства к концу периода НЭПа, как мы отмечали ранее (см. §1), *уменьшилась вдвое* по сравнению с довоенным периодом. И это — в преддверии осуществления амбициозных планов индустриализации.

Каток коллективизации, прокатившийся по полям и весям Советской России на рубеже 20-х–30-х годов, отправил в небытие социальный слой «кулаков—эксплуататоров», формировавшихся в класс предпринимателей, до основания преобразовал социальную форму производственного потенциала подавляющей массы мелких товаропроизводителей (середняков и бедняков), превратив их средства производства в объекты коллективной («социалистической») собственности. Составители «Краткого курса» совсем не преувеличивали, подчеркивая, что «это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»[192]. И справедливо — индивидуально хозяйствующие товаропроизводители агросферы (4/5 самодеятельного населения страны) были превращены *в подчиненные «чужой» воле коллективы зависимых работников*, *воле кратократии, выступавшей в «партийно-государственном» обличье*.

К середине 30-х годов в российской (советской) деревне уже в основном сложился и утвердился экономический агент принципиально нового типа, получивший название «колхоз» (его отнесенный к системе государственной собственности аналог — «совхоз»). Материальной основой его деятельности вначале стала зерновая отрасль сельскохозяйственного производства. Действительно, сектор «социалистического хозяйства» сосредоточивал в этот период уже более 95% товарного хлеба (см. табл. III-7). При этом львиная доля обобществленной массы товарного зерна (свыше 4/5) приходилась на колхозы. Но характерно то, что по уровню товарности зерновой отрасли хозяйства, этой основной отрасли сельскохозяйственного производства, «победившее» крупное «социалистическое» хозяйство еще не могло соперничать с сектором «владельческого» хозяйства образца 1909–1913 гг. и в лучшем случае соответствовало лишь хозяйству «кулаков» того времени (товарность последнего тогда составляла 34%, а товарность колхоза образца 1935/36 года — 35%) (см. табл. III-7).

---

[192] История ВКП(б). Краткий курс. 1938 год, с. 291.

Более важным обстоятельством было, однако, то, что сила внеэкономического принуждения, обрушившаяся на новоявленного колхозного производителя, была столь велика, что и без серьезных технологических преобразований (см. сведения о производительности труда в российской (советской) деревне в гл. I, §3, «Россия»), пребывая еще на мануфактурной стадии, только что народившееся «социалистическое хозяйство» могло обеспечить товарность, в 2,5 раза (1935/36 г.) — 3 раза (1940 г.) превосходившую норму, которая сложилась в зерновом хозяйстве России к концу 20-х годов (см. табл. III-7). Коллективизационное насилие над непосредственным производителем деревни позволило в эпоху начавшейся индустриализации страны заложить условия для утверждения принципиально новых механизмов обмена между городом и деревней, механизмов, приводимых в движение внеэкономическими факторами развития («Властью»). Ведь теперь, в середине 30-х годов (1936 г.), «социалистическое хозяйство» с включенным в него «придатком» — личным подсобным хозяйством колхозников сосредоточивало 97,7%% валовой продукции сельского хозяйства[193].

От прошлого состава экономических агентов в зерновой отрасли хозяйства к середине 30-х годов сохранился относительно небольшой реликт в лице «единоличного крестьянского хозяйства» (менее 4% общей массы поставок товарного хлеба), которое по своей экономической мощи (средняя норма товарности свыше 25%) заметно превосходило то, которое было представлено уничтоженным «как класс» его «кулацким» предшественником (средняя норма товарности 20%) 20-х годов (см. табл. III-7). Столь высокая товарность производства индивидуально хозяйствующего труженика частично объяснялась и давлением на него властей предержащих, которые обкладывали единоличное крестьянское хозяйство обязательствами зернопоставок, «основанными на твердом и непререкаемом законе»[194], в масштабах, существенно превышавших масштабы обложения коллективных хозяйств. Так, в 1934 г. единоличные хозяйства обязаны были сдавать государству с каждого гектара посевной площади под зерновыми и бобовыми культурами часть урожая, которая на 5–10% была выше норм, установленных для колхозов данного района, не обслуживаемых машинно-тракторными станциями. «Проштрафившиеся» единоличные хозяйства (т.е. работавшие без заранее «утвержденных планов сева»!) облагались государством по нормам, на 50% превышавшим колхозную норму. В 1940 г. стандартная норма хлебосдачи, установленная для единоличных кре-

[193] 20 лет советской власти, с. 5.
[194] См. прим. 53.

стьянских хозяйств, уже на 18% (бывш. СССР в целом) — 20% (бывш. РСФСР) была выше нормы, установленной для колхозов[195].

Отметим вместе с тем, что показатели по данной группе хозяйств, зафиксированные статистикой применительно к последнему предвоенному, 1940-му, году выглядят менее радужными. Группы единоличных крестьянских хозяйств, сохранившиеся после первой волны коллективизации (рубеж 20-х–30-х годов) были заметно разбавлены — в результате присоединения к СССР в 1939 г. западных областей Украины и Белоруссии, а в 1940 г. — Бессарабии и стран Балтии — многочисленными группами мелкого и мельчайшего крестьянства, образовывавшими самый многочисленный слой товаропроизводителей в этих районах. Отсюда и общее понижение мощи единоличного крестьянского хозяйства, выразившееся в сокращении товарности его зернового сектора с 25% до 15% всего лишь за пять лет (см. табл. III-7), что свидетельствовало о заметном повышении роли в частном зерновом производстве его сегмента, ориентированного на личное потребление крестьянской семьи. Но за то же время существенно увеличился (в основном в результате действия уже отлаженной системы внеэкономического принуждения) удельный вес товарного зерна в секторе общественного сельского хозяйства. В итоге новый социально-экономический агент агросферы — «общественное сельское хозяйство» — сосредоточивал накануне войны свыше 95% общей массы поставок товарного зерна, повысив норму товарности до более, чем 40% (см. табл. III-7).

Между двумя отмеченными категориями поставщиков товарного продукта «затерялось» личное подсобное хозяйство (ЛПХ) сельских и городских трудящихся. Официально, как мы уже отметили, оно представляло собой тот сектор экономики, который, как и сектор единоличного крестьянского хозяйства, стремился ориентировать свое «избыточное» (т.е. превышающее потребительские нужды семьи) производство на рынок. Оно же служило и главным источником денежного дохода крестьянской (колхозной) семьи. Достаточно слабо освещенный в специальной литературе, данный тип хозяйства нуждается, по-видимому, в более детальных оценках. В 1940 г., по прошествии десяти с лишним лет политики форсированной коллективизации, ЛПХ совместно с единоличным крестьянским хозяйством производило около 42% валовой продукции сельского хозяйства и при этом обеспечивало 27% общей массы товарной продукции сельского хо-

[195] См.: Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг., с. 107, 122; Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг., с. 588.

зяйства (см. табл. III-8). В среднем ЛПХ колхозников тогда располагали посевной площадью 0,24 га (1940 г.) – 0,29 га (1950 г.)[196].

Естественно, что маргинальное хозяйство такого типа, ориентированное на обеспечение личного потребления семьи и жестко регламентированное в своих размерах кратократией, обладало весьма низкой товарностью. Но вот что было примечательно: в ходе экономического развития произошло относительное углубление разрыва между величиной доли валовой продукции ЛПХ во всей валовой продукции, произведенной ЛПХ, и величиной доли товарной продукции ЛПХ в совокупной массе товарной продукции. В самом деле, показатель данного разрыва увеличился с примерно 1,5 раза (1940 г.) до относительно устойчивой величины 2,5 раза (60–80-е годы) (см. табл. III-8), свидетельствуя о завершении процесса вымывания из группы частных хозяйств единоличного крестьянского хозяйства, и, соответственно, о *завершении коллективизационной революции в СССР* (50-е годы).

Таким образом, как в сфере сельскохозяйственного производства, так и на рынке сельскохозяйственной продукции с 60-х годов функционировали экономические агенты только двух типов: «социалистическое» хозяйство в его различных формах и частное (жестко регламентированное «социалистической» властью) хозяйство в лице ЛПХ населения. Позиции этих двух агентов постепенно изменялись в пользу «социалистического» хозяйства на протяжении всех лет, отведенных историей для «социализма»: доля товарной продукции ЛПХ (как и его валовой продукции) неуклонно сокращалась, хотя и при замедлении темпа этого сокращения с 70-х годов. При этом «социализм» сумел до конца изгнать ЛПХ из зерновой отрасли производства (с 60-х годов) и почти полностью отобрать у него «привилегию» самостоятельных продаж молочной продукции (80-ые годы) (см. табл. III-8).

Фактическая роль маргинального хозяйства России на сельскохозяйственных рынках при «социализме» была, однако, заметно выше, чем это характеризуется данными, приведенными в таблице III-8. Дело в том, что часть продукции, произведенной и отчужденной для продаж владельцами ЛПХ (в том числе в результате использования кратократией внеэкономических методов принуждения в их обнаженно брутальном виде — до начала 50-х годов), учитывалась как часть колхозно-совхозного производства и сбыта, через механизмы которого по заранее обусловленным ценам (как правило, заниженным) действительно реализовывалась часть продукции ЛПХ. В этом смысле обширный контингент работников ЛПХ представлял собой в эпоху «социализма», особенно в последние десятилетия, не вольных товаропроизводите-

[196] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР. 1956, с. 108; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 10.

лей, а производителей (если использовать здесь терминологию К. Маркса), работающих «на заказ».

В некоторых отраслях производства в ЛПХ доля продукта, произведенная и реализованная на «заказ», была весьма высока, достигая в иных случаях даже 90% и более (например, в молокопроизводстве в середине 80-х годов XX в. Подробнее см. прим. 4 к табл. III-8).

Диссонанс между значениями одних и тех же показателей по состоянию, например, на 1985 г. можно отследить по данным, приведенным в соответствующих столбцах таблицы III-11, раздел С, и таблицы III-8. Эти различия как раз и обозначают, в очень грубом приближении, примерные границы долей отраслевых продуктов, производившихся в ЛПХ на «заказ».

Государственная власть как фермент «социалистического» уклада жестко регулировала в специфических интересах последнего (см. гл. IV, §1) сохранявшиеся реликты (относительно) свободных рыночных отношений, понуждая товарный сектор маргинального хозяйства работать на плановое «социалистическое» воспроизводство.

Как социальный феномен ЛПХ представляло собой при «социалистической» (кратократической) системе экономических порядков тип хозяйства, на ведение которого производитель в лице колхозной семьи должен был затрачивать *добавочный* труд, ибо лишь благодаря затратам такого «избыточного» труда он только и мог обеспечить себе необходимый *минимум* жизненных средств. Добавочным же этот труд, конечно, должен рассматриваться только по отношению к «узаконенной», «приоритетной» форме труда — в общественном секторе хозяйства. Важно при этом помнить, что посредством своей трудовой деятельности на ниве общественного (коллективного) производства производитель (колхозник) *не мог* при существовавших экономических порядках нормально *воспроизводить свою заработную плату* даже в тех — весьма скромных — размерах, которые соответствовали бы зрелой мануфактурной стадии развития производительных сил труда. Хотя труд в общественном хозяйстве поглощал подавляющую часть (в первые десятилетия колхозного строя — до 3/4) совокупных резервов рабочего времени колхозников (см. выше табл. III-4).

Таблица III-8

СССР: удельный вес валовой и товарной продукции личных подсобных хозяйств населения в валовой и товарной продукции сельского хозяйства, 1940–1985 гг. *, *%*

Показатель // год	1940 г.[1]	1950 г.[1]	1960 г.	1970 г.	1980 г.	1985 г.
Валовая продукция ЛПХ, в % от валовой продукции сельского хозяйства[2]	41,6	32,3	37,5	30,0	26,0	25,1[3]
Товарная продукция ЛПХ, в % от товарной продукции сельского хозяйства	27	24	15	12	12	10
Во сколько раз доля валовой продукции ЛПХ больше доли товарной продукции	1,54	1,34	2,5	2,5	2,2	2,5
На ЛПХ приходится всей товарной продукции земледелия[4], %	13	14	11	8	11	11
в том числе:						
зерна	3	2	0	0	0	0
овощей	18	24	14	13	15	14
На ЛПХ приходится всей товарной продукции животноводства[4], %	54	43	19	14	12	9
в том числе:						
мяса	55	47	20	17	14	13
молока	51	50	10	5	6	2[5]

* *Составлено и подсчитано по*: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 51; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 8; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с. 11; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с. 5; Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с. 190.

[1] В показатели за 1940 г. и 1950 г. включены также соответствующие данные по единоличным крестьянским хозяйствам. По свидетельству официальной статистики пятидесятых годов, удельный вес «социалистического хозяйства» («включая ЛПХ населения») в валовой продукции сельского хозяйства составлял в 1937 г. — 98,5%, а в 1950 г. — 98,1%, т.е. на собственно едино-

личное крестьянское хозяйство приходилось в эти годы соответственно 1,5% и 1,9% данной продукции (см.: Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: Госстатиздат, 1956, с. 31). В 1940 г. доля последнего в валовом сельскохозяйственном продукте была, очевидно, много выше; в том году дворы крестьян—единоличников составляли 16,1% общего числа крестьянских дворов, а их посевная площадь достигала 9,4% всей посевной площади СССР (в 1950 г. данные показатели составляли 3,3% и 1,3%, соответственно) (см. там же; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 10) — ведь еще не были подвергнуты коллективизационной «экзекуции» крестьяне на территориях (в том числе в прошлом самостоятельных государствах), присоединенных к СССР в 1939–1940 годах.

[2] Показатели за 1940 и 1950 годы исчислены в сопоставимых ценах 1958 г.; показатели за 1960–1985 гг. — в сопоставимых ценах 1983 г.

[3] Показатель за 1990 г. составляет 25,9%.

[4] Аналогичные показатели за 1985 г., а также за 1990 г., но только подсчитанные по натуральным значениям, приведены в таблице III-11 (раздел С). Однако их значения не совпадают. Дело в том, что в статистических изданиях ЦСУ СССР вплоть до 1991 г. часть продукции, произведенная в ЛПХ, учитывалась как часть колхозно-совхозного производства, через которое по заранее обусловленным ценам (так называемым контрактным, а прежде — принудительно-заготовительным и нередко заниженным) действительно реализовывалась данная часть продукции ЛПХ. В 1985 колхозы и совхозы закупали у ЛПХ своих работников по обязательным договорам 40% произведенной ими товарной продукции мяса и 88% товарной продукции молока; соответствующие показатели для 1990 г. составляли — 35% (мясо) и 98% (молоко) (подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 502; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. 1991, с.36, 49; Сельское хозяйство [СССР]. 1991, с. 68). В данной таблице показатель товарной продукции ЛПХ включает только ту часть продукции, которая была реализована через потребительскую кооперацию и на внедеревенском колхозном рынке, в то время как в таблице III-11 учтены практически все продажи ЛПХ (см. прим.2 к табл. III-11).

[5] При расчете значения этого показателя по натуральным (физическим) величинам он равен 1,1% (Народное хозяйства СССР в 1985 г., с.189; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. 1991, с. 49; Сельское хозяйство [СССР]. 1991, с.68).

С течением времени значимость для колхозной семьи каждого из двух основных источников дохода, конечно, изменялась. Насколько интенсивно происходил этот процесс?

До начала 60-х годов доход, получаемый семьей российского колхозника от ЛПХ, заметно превышал весь ее доход от общественного хозяйства. Лишь в 1963 г. (это, можно сказать — историческая дата!), т.е. через три с половиной десятилетия, прошедших от начала коллективизации, средний доход, получаемый колхозниками за труд в «социалистическом» секторе хозяйства, «подтянулся» до уровня дохода, создаваемого ими в «личном подсобном» хозяйстве. Однако в последующей «конкурентной борьбе» между двумя основными источниками дохода перевес все больше склонялся в пользу общественного сектора хозяйства. И даже в заключительный период пребывания России в составе СССР, когда кратократия особенно упорно стремилась поддержать агонизирующее хозяйство «социалистического» сектора на плаву (вторая половина 80-х годов), ЛПХ все еще обеспечивало колхозникам России более 1/5 части совокупного дохода их семей, а со времени распада СССР, всего за несколько лет, значение этого показателя даже возросло до 2/5. Об изменении во второй половине XX века соотношения долей совокупного дохода, получаемого семьями колхозников России в общественном хозяйстве, с одной стороны, и ЛПХ — с другой, свидетельствуют следующие данные (в %)[1]:

Год	*Колхоз*	*ЛПХ*	*Год*	*Колхоз*	*ЛПХ*
1940[1]	*39,7*	*48,3*	*1975*	*52,2*	*26,1*
1952	*30,9*	*49,7*	*1980*	*53,5*	*25,1*
1955	*37,1*	*43,4*	*1985*	*57,3*	*21,8*
1960	*40,9*	*42,4*	*1990*	*58,6*	*21,5*
1963	*42,7*	*42,9*	*1991*	*45,3*	*30,0*
1965	*46,0*	*38,2*	*1992*	*37,0*	*41,6*
1970	*46,5*	*33,4*	*1993*	*36,2*	*40,3*

[1] *Бывш. СССР в целом.*

Как видно, в «социалистический» период истории России заметное понижение доли ЛПХ как источника трудового дохода отмечается с середины 60-х годов — времени старта интенсификации усилий государства по перево-

[1] Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с. 419; Российский статистический ежегодник 1994. Статистический сборник. М., 1994, с. 92; *Островский В.Б.* Основные черты и тенденции развития бюджета семей колхозников (1952–1964 гг.), в: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1966. Таллин, 1971, с. 608 (показатель за 1963 г.).

ду аграрной экономики на индустриальную стадию роста, и этот процесс продолжается вплоть до середины 80-х годов. В частности, источники дохода от общественного хозяйства (и подпирающего его государства) становятся и обильнее, и разнообразнее. С середины 60-х годов в колхозах вводится ежемесячное авансирование работников, причем авансы выдаются деньгами (под окончательный расчет в конце хозяйственного года, когда в колхозах наступала пора выплат колхозникам заработанного за год по трудодням); регулярность в оплате труда наконец-то получает законодательные гарантии (без чего немыслим индустриальный тип труда); несколько повышаются расценки за труд; более того, впервые в истории России в законодательном порядке учреждается (в 1965 г.) система пенсионного обеспечения крестьян, оказавшихся в колхозах. (Согласно переписи населения 1970 г., в общественной группе, отнесенной переписью к «колхозникам», пенсионеры разных категорий составляли в РСФСР 25,7% ее общей численности, или 4443 тыс. человек[2].) Пенсии, однако, были весьма небольшими по своей абсолютной величине. Более того, кратократия отказалась от соблюдения принципа равенства в пенсионном обеспечении различных отрядов советских тружеников, отодвинув работников коллективных хозяйств агросферы, вынесших на своих плечах существенную часть бремени индустриализации, в задние ряды пенсионных «бенефициариев». Об этом наглядно свидетельствуют следующие сравнительные данные официальной статистики по РСФСР[3]:

Размер пенсии, в % к величине зарплаты в общественном производстве (хозяйстве):	*1970 г.*	*1980 г.*	*1987 г.*
у колхозников	*18,1*	*28,0*	*28,7*
у рабочих и служащих	*35,1*	*36,6*	*39,8*
Размер пенсии колхозников, в % к величине среднереспубликанской пенсии	*32,1*	*53,6*	*63,1*

Эпоха 90-х годов XX века, ознаменовавшаяся началом перехода сельского хозяйства России к рыночным отношениям, отмечена новыми, радикальными изменениями в составе экономических агентов аграрного сектора. Переходная экономика при этом фиксирует все новые парадоксы в этих изменениях. Наиболее впечатляющим из них является то, что на фоне многообразного процесса деградации бывшего «общественного (социалистического) хозяйства» (хозяйства потен-

---

[2] Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: «Статистика», 1973, с. 164.

[3] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1987 г. Статистический ежегодник. М., 1988, с. 392,393; Развитие агропромышленного производства в СССР. Статистический сборник. М., 1989, с. 189,190.

циально крупного — даже в 1999 г. размер посевной площади в среднем «сельскохозяйственном предприятии» составлял 2,7 тыс. га, против «эталонных» 4,6 тыс. га в 1985 г.) быстро укрепился сектор *маргинального* — «личного подсобного» — хозяйства (со средней земельной площадью на хозяйство 0,4 га в 1999 г., против 0,2 га в середине 80-х годов. См. табл. III-9), т.е. хозяйства, потенциал которого по определению рассчитан лишь на удовлетворение продовольственных и иных неотложных нужд производителя и его семьи. Но именно это хозяйство к началу нового, третьего, тысячелетия (1999 г.) сосредоточивало, как отмечалось ранее, наибольшую часть общего объема производства сельскохозяйственной продукции по стоимости.

Как свидетельствуют данные статистики, на протяжении 90-х годов происходил прогрессирующий распад ранее почти безраздельно господствовавшего коллективного хозяйства и его «советского» «дублера» — совхоза (государственного хозяйства), всегда считавшегося более «зрелым» образованием по форме «социалистической» собственности. Современный аналог этого сектора, все еще сохраняя почти 9/10 сельскохозяйственной площади (посевов), сократил свою долю в валовом продукте сельского хозяйства до 43% и, судя по тенденциям всего этого периода, будет продолжать сокращать ее и в дальнейшем, хотя, по-видимому, и более медленными темпами (см. табл. III-9).

Данный тип хозяйства, определяемый ныне в статистических изданиях как «крупное» и «среднее» «сельскохозяйственное предприятие», претерпел при своей реорганизации два качественно различных этапа. Примерно до середины 90-х годов главным направлением изменений юридического статуса прежних колхозов и совхозов было превращение их в различные формы акционерных товариществ (см. табл. III-10), которые при существующей системе аграрных отношений и еще не сложившейся системе рынка не могли адекватно реализовать возможности развития рыночного производства, заложенные в самой акционерной форме организации хозяйства.

Можно сказать, что применительно к весьма значительному контингенту хозяйств бывшего «социалистического» сектора акционерная форма организации производства и капитала (за некоторым исключением, см. ниже) обогнала реальное время, в котором пребывает аграрная экономика современной России[4].

Начало второго этапа реорганизации сектора «сельскохозяйственных предприятий» можно отнести к середине 90-х годов.

Основным направлением организационных преобразований, при продолжающемся распаде колхозной (т.е. коллективной) и осо-

[4] Только в 2001 г. крупный капитал России объявил о возможности создания, при поддержке государства, крупного аграрного производства, целиком опирающегося на систему рыночных ценностей (см. ниже).

бенно совхозной форм собственности, стал резкий рост числа и укрепление производственных сельскохозяйственных кооперативов, именно в их системе обретают «убежище» «последние герои» «социалистического» прошлого России — бывшие «социалистические» предприятия, в том числе успевшие формально трансформироваться в начале 90-х годов в различные формы акционерных товариществ (см. табл. III-10). Тем не менее, возможно, именно с этим обстоятельством (в дополнение к другим) можно связать замедление интенсивности дальнейшей деградации данного сектора.

Иначе говоря, как экономический агент аграрного сектора крупное «сельскохозяйственное предприятие» России пока еще далеко не завершило период организационных и тем более — экономических трансформаций. Хотя оно все еще продолжает обеспечивать *почти 3/4 общей массы товарного продукта сельского хозяйства* (см. табл. III-9).

Другим важнейшим элементом аграрного сектора современной России является, как отмечалось, *маргинальное* хозяйство. Главная проблема экономического роста России, связанная с хозяйством данного типа, заключатся в том, что при растущей концентрации общего объема производства сельскохозяйственной продукции данный тип хозяйства, рассчитанный в первую очередь на удовлетворение потребительских нужд производителя, коренным образом изменяет весь механизм формирования общенационального товарного сельскохозяйственного продукта, поступающего в обмен на продукт других секторов народного хозяйства. Как уже упоминалось выше, маргинальное хозяйство к концу прошлого века производило *свыше половины валового сельскохозяйственного продукта России*, но в рыночном выходе данного продукта на него приходилось лишь 1/5 часть (см. табл. III-9; об отраслевой структуре этой совокупной доли подробнее см. табл. III-11, раздел С).

Таблица III-9

Россия: сравнительные характеристики хозяйств аграрного сектора, середина 80-х годов XX в. – начало XXI в. *

Год	Посевные площади сельскохозяйственных культур по категориям хозяйств, в % от общей посевной площади			Посевная площадь, приходящаяся в среднем на одно хозяйство, га			Валовая продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, в % от стоимости валовой продукции			Доля товарного продукта, в % от общей массы товарного продукта[1]		
	I	**II**	**III**	**I**	**II** [2]	**III** [2]	**I**	**II**	**III**	**I**	**II**	**III**
1985	98,0	2,0	—	4600	0,20	—	76,4	23,6	—	89,1	10,9	—
1990	97,9	2,1	0,01	4300	0,20	41	73,4	26,6	—	91,2	8,8	—
1995	90,7	4,3	5,0	3200	0,36	43	50,2	47,9	1,9	77,1	19,3	3,6
2000[3]	86,6	5,5	7,9	2600	0,40	55	42,8	54,1	3,1	75,0	20,4	4,6
2001	85,1	5,7	9,2	2680	0,41	58	43,9	52,4	3,7	75,9	19,6	4,5

I Сельскохозяйственные предприятия.
II Личные подсобные хозяйства населения.
III Крестьянские (фермерские) хозяйства

* *Составлено и подсчитано по*: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991 с. 481, 505–507; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с. 49; Страны-члены СНГ 1992. Статистический ежегодник. М., 1992, с.343,346,348; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995, с. 30,50,62; Сельское хозяйство в России 1998. Статистический сборник. М., 1998, с. 30,34,87; Сельское хозяйство в России 2000. Статистический сборник. М., 2000, с.32, 33, 36, 56, 83, 86, 88, 100, 102; Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001, с. 396,402,403,404,407; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 33,35,56,58,76,83,87, 89,93,95,115.

[1] Показатели 1985 и 1990 гг. касаются СССР и подсчитаны по стоимости товарного продукта, исчисленной как сумма выплат, полученных населением за реализованную продукцию по всем каналам сбыта, включая внедеревенский колхозный рынок (см.: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с.466; Народное хозяйство СССР в 1989 г. М.,

1990, с.98; Торговля СССР. Статистический сборник. М., 1989, с.314; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с.68). Показатели за 1995 и 1999 гг. исчислены нами по стоимости продукции шести основных отраслей сельского хозяйства (зерно, картофель, овощи, скот и птица, молоко, яйца), реализованной на рынке каждой группой хозяйств. При этом стоимость продукции была определена по действовавшим в указанные годы средним ценам реализации сельскохозяйственной продукции (см.: Сельское хозяйство в России 2000, с. 36, 100, 102; Основные показатели агропромышленного комплекса Российской Федерации в 1999 г. [Госкомстат России] М., 1999, с.46.)

[2] Земельная площадь.

[3] Средняя 1999–2001 гг.

Таблица III-10

Россия: сельскохозяйственные предприятия по формам собственности *de jure*, 90-е годы XX в. *, *тыс. единиц*

Сельскохозяйственные предприятия	1990 г.	1993 г.	1996 г.	1999 г.
Всего	25,8	26,9	26,9	27,3
в том числе:				
колхозы	12,8	6,5	5,5	3,9
совхозы	13,0	4,0	2,1	1,3
товарищества с ограниченной ответственностью	—	16,4	6,5	3,6
закрытые акционерные общества			5,2	4,6
общества с ограниченной ответственностью			0,4	1,0
производственные сельскохозяйственные кооперативы			2,4	8,2

* *Составлено и подсчитано по*: Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995, с. 48; Сельское хозяйство в России 2000. Статистический сборник. М., 2000, с. 82.

Иначе говоря, процессы экономического роста в России в том, что касается межотраслевого (межсекторского) обмена — между сельским хозяйством и промышленностью и другими секторами народного хозяйства, все более становятся заложниками поведения сектора маргинального хозяйства. Тем более что товарность производственных единиц этого сектора (пропорции выхода произведенного продукта на рынок) — крайне невелика (даже в наиболее продвинутых к рынку отраслях ЛПХ — а это отрасли животноводства — уровень товарности в *конце XX века в два раза* уступал уровню товарности традиционного крестьянского хозяйства России *в начале 20-х годов XX века*[1]); такая товарность, конечно, несовместима с нуждами *современного* экономического роста огромной страны.

[1] Так, в 1923/24 г. уровень товарности животноводства в ослабленном крестьянском хозяйстве России составлял 45,1%, а сектор «личных подсобных» хозяйств России в 1999–2001 гг. отпускал на рынок лишь 19–22 % валовой продукции животноводства. Ср. данные «Баланса народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года» (с. 172, 173) и табл. III-11 (раздел В) настоящей работы.

Чем же примечательно экономическое поведение маргинального хозяйства в постсоветскую эпоху? Как свидетельствуют данные таблицы III-11 (раздел В), в 90-е годы происходит довольно интенсивный процесс *натурализации* сектора ЛПХ, причем — при *укреплении его производственного потенциала*; процесс натурализации находит яркое проявление в *сокращении товарности* практически во всех основных отраслях сельскохозяйственного производства сектора (кроме картофелепроизводящей отрасли с ее минимальной товарностью).

Не вызывает сомнения, что частично такая натурализация — явление вынужденное: оно порождено падением доходов, ранее обеспечивавшихся трудом в «социалистическом» секторе хозяйства, у огромной массы сельских трудящихся, которые в 90-е годы, период экономического безвременья, усиленно искали компенсации этим потерям в укреплении производственного потенциала ЛПХ, нередко *единственного надежного (устойчивого) источника дохода* в сельской местности. Этому, конечно, способствовали и иные сопутствующие обстоятельства, в частности, деградация индустриальных средств производства в колхозно-совхозном секторе хозяйства, часть которых в «социалистический» период могли использоваться в ЛПХ, и недосягаемость для него столь необходимой специфической рыночной инфраструктуры в постсоциалистическую эпоху.

Другой отличительной особенностью маргинального хозяйства ныне является то, что оно начинает выступать как *самостоятельный* общественно-экономический уклад аграрного сектора, порывая с функцией укладного «придатка» общественного хозяйства (колхоза или совхоза и др.) — под прямым влиянием распада «социалистической» системы и ее институтов принуждения. (Мы упоминали выше, что продукт, произведенный ЛПХ, кратократия, например, в 30-х годах учитывала как органическую часть валового продукта «социалистического» сектора сельского хозяйства[2].) Более того, кратократия на протяжении всей «социалистической эры» усиленно работала над тем, чтобы удержать данный тип маргинального хозяйства в качестве такого зависимого придатка, лишая его возможностей расширять свой производственный потенциал (сравните данные табл. III-9, III-8).

[2] 20 лет советской власти, с.5.

Таблица III-11

Россия: изменение роли хозяйств различных категорий в производстве и рыночной реализации сельскохозяйственной продукции, 1985–2000 гг.*

Отрасль (продукт) // год	Сельскохозяйственные предприятия				Личные подсобные хозяйства населения				Крестьянские (фермерские) хозяйства			
	1985	1990	1995	2000[1]	1985	1990	1995	2000[1]	1985	1990	1995	2000[1]
	А. Структура производства сельскохозяйственной продукции, в % от производства хозяйств всех категорий											
Зерно	99,6	99,7	94,4	90,3	0,4	0,3	0,9	0,9	—	0,01	4,7	8,8
Картофель	39,0	33,9	9,2	6,6	61,0	66,1	89,9	92,3	—	0,0	0,9	1,1
Овощи	75,0	69,9	25,3	19,5	25,0	30,1	73,4	78,3	—	0,0	1,3	2,2
Скот и птица	70,8	75,2	49,9	40,1	29,2	24,8	48,6	58,1	—	0,01	1,5	1,8
Молоко	75,0	76,2	57,1	47,7	25,0	23,8	41,4	50,5	—	0,0	1,5	1,8
Яйца	77,5	78,4	69,4	70,8	22,5	21,6	30,2	28,8	—	—	0,4	0,4
	В. Товарность сельскохозяйственного производства по категориям хозяйств, реализовано в % от общего объема производства[2]											
Зерно	41,2	31,2	43,0	53,5	—	—	4,1	1,4	—		48,3	42,8
Картофель	35,9	33,9	32,5	41,6	9,7	6,6	11,7	9,1	—	—	46,9	37,7
Овощи	93,9	84,5	71,3	73,7	22,0	23,3	7,0	7,7	—	—	62,8	64,1
Скот и птица	90,2	87,7	100	100	36,1	42,0	20,1	22,1	—	—	92,7	91,0
Молоко	87,7	87,3	78,8	82,1	22,3	28,5	14,8	19,2	—	—	78,7	70,6
Яйца	86,9	86,4	91,6	92,8	7,4	4,0	8,3	7,8	—	—	88,6	85,1

	С. Доля товарного продукта, в % от общей массы товарного продукта данной отрасли[2]											
Зерно	100	100	93,0	92,3	—	—	0,1	—	—	—	6,9	7,7
Картофель	71,0	73,6	21,5	23,9	29,0	26,4	75,5	72,5	—	—	3,0	3,6
Овощи	91,0	88,3	72,7	66,4	8,6[3]	11,7	20,7	27,2	—	—	6,6	6,4
Скот и птица	84,0	82,6	80,2	69,8	16,0[3]	17,4	15,7	27,3	—	—	4,1	2,9
Молоко	90,8	88,9	86,4	77,7	9,2[3]	11,1	11,8	19,2	—	—	1,8	3,1
Яйца	96,8	98,3	94,6	95,5	3,2	1,7	3,8	3,3	—	—	2,2	1,2

* *Составлено и подсчитано по*: **А** — Страны-члены СНГ 1992. Статистический ежегодник. М., 1992, с. 343, 346, 348; Российский статистический ежегодник 1999. М., 1999, с. 351; Сельское хозяйство в России 2000. Статистический сборник. М., 2000, с. 36; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 36, 76, 78. **В** — Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 471, 476, 477, 479, 481, 502–507; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с. 11, 14, 35, 49; Сельское хозяйство в России 2000, с. 102; Сельское хозяйство в России 2002, с. 95. **С** — Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 481, 505–507; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения, с. 49; Сельское хозяйство в России 2000, с. 36, 102; Сельское хозяйство в России 2002, с. 33, 35, 56, 58, 76, 93, 95.

[1] Средняя 1999–2001 гг.

[2] Показатели 1985 г. и 1990 г. касаются СССР в целом, при этом учтены закупки сельскохозяйственной продукции, осуществленные в сельскохозяйственных предприятиях государством и государственными торгующими организациями, а в личных подсобных хозяйствах населения — колхозами, совхозами, другими сельскохозяйственными предприятиями и потребкооперацией. Не учтен только объем продаж на внедеревенском колхозном рынке. Если добавить объем продаж на колхозном рынке (сделав поправку на разницу в закупочных и рыночных ценах, действовавших в конце 90-х годов) к уже обозначенным продажам личного подсобного хозяйства, то соответствующие значения удельных весов отраслевого товарного продукта по группе ЛПХ увеличатся примерно на четверть.

[3] Значения данных показателей отличаются от аналогичных, приведенных в таблице III-8, так как в настоящей таблице учтены закупки продукции ЛПХ государством и всеми торгующими организациями, в том числе потребительской кооперацией (см. прим. 1), а в таблице III-8 — только продукция, реализованная через потребительскую кооперацию (а также продажи на колхозном внедеревенском рынке), реализация же продукции через колхозно-совхозную систему по предварительным (обязательным) договорам учитывалась статистикой ЦСУ СССР в объеме реализации продукции колхозов и совхозов (см. Сельское хозяйство [СССР]. 1991, с.68, прим.; а также табл.III-8, прим. 4).

Напомним, что во второй половине 80-х годов, на излете существования «социалистического» строя в СССР, до 70% совокупной величины своей товарной продукции ЛПХ должны были реализовывать через организованные каналы сбыта по государственным закупочным ценам в соответствии с предварительно заключенными договорами («работа на заказ»), вследствие чего, кстати говоря, завышались размеры товарной продукции по отдельным отраслям у колхозов и совхозов[1]. Вспомним также, с какой яростью с самых первых шагов организации колхозной системы кратократия боролась против любого увеличения величины площади земельных участков, занимаемых ЛПХ[2].

Начавшееся с распадом СССР вытеснение из аграрного сектора России засилья свойственных «социализму» отношений внеэкономического принуждения и открыло ЛПХ путь к превращению его в *самостоятельный* общественно-экономический уклад, в тенденции связанный с трансформирующимся сектором бывшего «социалистического» хозяйства уже только рыночными отношениями.

В отличие от ЛПХ, выступающего источником трудового дохода непосредственного производителя в его натуральной форме *par excellence* и насчитывающего давние (с конца 20-х годов) традиции существования, *крестьянское (фермерское) хозяйство* стало воссоздаваться в России лишь с первых лет ее самостоятельного существования (первый закон, ему посвященный, был принят в декабре 1990 г.). Однако десятилетний опыт развития крестьянского (фермерского) хозяйства в России показал, что стратегия возрождения этого потенциально весьма важного товаропроизводящего агента аграрного сектора (см. данные о товарности хозяйств фермерской группы в таблице III-11, раздел В) не реализовалась в тех результатах, на которые рассчитывали власть предержащие. Некоторый, пока довольно скромный, успех крестьянского (фермерского) хозяйства обозначился лишь в таких отраслях земледелия, как производство зерновых и семян подсолнечника — соответственно 11 и 16% валового производства в 2001 г.[3]. (Возможно, именно этим обстоятельством объясняется факт, что на рубеже XX–XXI столетий средний размер землепользования фермерского хозяйства наконец-то стал увеличиваться: составляя 44 гектара на хозяйство в 1997 г., он достиг к 2001 г. 58 га[4].)

---

[1] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с.466; Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1990, с.98; Торговля СССР. Статистический сборник. М., 1989, с.314; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с.68.

[2] Подробнее см. гл. IV, §1.

[3] Сельское хозяйство в России 2002, с.36.

[4] Там же, с. 89.

И все-таки «гадкий утенок» еще не превратился в белоснежного лебедя. В самом деле, за последнее десятилетие XX века фермерское хозяйство России овладело лишь 4,5% рынка сельскохозяйственной продукции и только 3,7% (в 2000г.— 3%) общего объема ее производства (см. табл. III-9). Как показывают факты, застой (временный?) в экспансии фермерского хозяйства (за пределами зерновой и масличной отраслей растениеводства) обусловлен, помимо других причин, весьма слабым развитием именно рыночных условий, столь необходимых для прогресса индивидуального, ориентированного на производство для рынка хозяйства (сюда включается острейший недостаток рыночной инфраструктуры, крайне слабая законодательная база, отсутствие адекватного социального климата, необходимого для развития хозяйства данного типа и др.[5]). Все это, очевидно, объясняет и тот факт, почему «в России за последние десять лет не получился путь от крупных хозяйств (бывших колхозов–совхозов. — *Авт.*) к фермерам»[6].

По характеру своей социальной организации крестьянское (фермерское) хозяйство выступает в аграрном секторе современной России как хозяйство по преимуществу *некапиталистического* типа. Действительно, согласно выборочному обследованию аграрной экономики России, проведенному в конце 90-х годов XX века Госкомстатом России, в фермерском хозяйстве на семейный труд приходилось около 9/10 всего фактического рабочего времени, затраченного непосредственно на работы в сельском хозяйстве (соответственно 89,9% в 1998 г. и 88,8% в 1999 г.), а на труд наемных работников — примерно 1/10 часть. При этом, что не менее примечательно, в среднем за год семейный работник вырабатывал число человеко-дней, которое более чем в 3 (в 3,2) раза превышало число человеко-дней, затрачивавшееся в среднем наемным работником[7]. Очевидно, наемный труд, применявшийся в фермерском хозяйстве, выполнял исключительно подсобную роль. (Отметим попутно, что хозяйства, в которых наемный труд использовался не для наживы, а «в помощь к своему», семейному, т.е. относился к категории «подсобного», А.В. Чаянов без всяких колебаний относил к типу *трудового* крестьянского хозяйства[8].)

---

[5] О факторах, ограничивающих производство в крестьянском (фермерском) хозяйстве, см.: Сельское хозяйство России 2000, с.96; Российский статистический ежегодник 1999, с. 266, 378. Подробнее см. также гл. IV, §5.

[6] Цитируются слова одного из руководителей Аграрной партии России (Г. Чуркина). См.: *Известия*. 05.01.2003.

[7] Подсчитано по: Сельское хозяйство в России 2000, с. 91.

[8] Подробнее см.: *Чаянов А.В*. Организация крестьянского хозяйства, в: *Он же*. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: «Экономика», 1989, с. 203,426,427, и др.

Тем более знаменательным представляется факт, что фермерское хозяйство, хотя оно образует пока лишь крохотный «островок» в аграрной экономике России, оказывает на деревенский социум значительно более сильное влияние, чем на объем производства сельскохозяйственного продукта, демонстрируя возможности индивидуального, трудового по преимуществу, крестьянского хозяйства продвигаться в русле рыночной модернизации, осваивать ценности мира рынка. (И это, кстати говоря, одна из существеннейших психологических причин неприятия в современной России фермерского хозяйства взращенными колхозным «социализмом» люмпенизированными слоями деревни.)

Обзор сведений о составе экономических агентов российской агросферы был бы, однако, неполным, если бы мы не сказали о еще одном, только что появившемся ее «игроке», который впервые заявил о себе на рубеже XX–XXI веков, даже точнее — в период после дефолта 1998 года. Как явление в аграрном секторе России новое оно нуждается в более подробном освещении.

Экзогенные экономические агенты

Этот «игрок», экономический «тяжеловес», обладающий собственностью на имущество сразу в различных отраслях народного хозяйства, занимающийся одновременно не одним, а, как правило, несколькими видами экономической деятельности (торговля — внешняя и внутренняя, банковская деятельность, материальное производство, менеджмент и др.), статистически пока не наблюдаемый, хотя и набирающий (особенно с начала XXI века) все большую силу и вес в аграрной экономике (впрочем, нередко лишь в отдельных ее анклавах), — *крупный и очень крупный капиталистический предприниматель* и представляемый им экономически многофункциональный, социально многоликий *капитал*. Последний, самоорганизующийся, как правило, в мощные финансово-промышленные и торгово-финансовые холдинги, одновременно контролирующие множество отдельных акционерных компаний и других коммерческих организаций и отдельных предприятий (в том числе со специфической аграрной направленностью их экономической деятельности), по-видимому, выступает ныне в России *провозвестником модернизации* всей системы хозяйства в аграрном секторе на базисе *капиталистических отношений*, принимая на себя роль *лидера* этого процесса.

По оценке Министра сельского хозяйства, всего в России к концу лета 2002 года насчитывалось «более 80 крупных холдингов», функционирующих в аграрном секторе[9].

[9] См.: *Известия*. 06.08.2002.

Исторически (если отнести это понятие к десятилетнему периоду, исчисляемому со времени официально объявленного распада бывш. СССР) проникновение крупного организованного капитала России в аграрный сектор происходило двумя качественно различающимися этапами. Первоначально данный капитал подчинял себе сферу обращения сельского хозяйства (как правило, ее верхние звенья) и лишь впоследствии (в основном в начале XXI века) стал переходить к развертыванию экономической деятельности в сфере собственно аграрного производства.

По имеющимся свидетельствам[10], пионерами организованного освоения сельскохозяйственной экономики выступили мощные сырьевые монополии, которые захватывали контроль над агропроизводством и определяли направления движения потоков товарного сельскохозяйственного продукта и его реализацию.

Среди таких гигантов выделяется группа крупных нефтяных компаний, устанавливающих с сельскохозяйственными производителями — за неимением у последних наличных денежных средств для оплаты поставок энергоносителей — *бартерные отношения обмена*[11]. Такие отношения и стали первоначальным источником извлечения выгод от функционирования сельскохозяйственной экономики и, соответственно, фактором привлечения интереса крупного капитала к экономическому освоению хозяйственного потенциала отрасли. Другая группа — крупные торговые компании («трейдеры»), занимающиеся реализацией товарной продукции массового спроса (в первую очередь зерна, а также подсолнечника и сахарной свеклы)[12].

Кроме АПК-2 (подробнее см. ниже), крупный капитал стремится овладеть также крупномасштабными производственными объектами в АПК-1 и АПК-3. Так, холдинг «Новое содружество» взял под свое «крыло» крупнейшего в России производителя зерноуборочной

---

[10] *Известия*. 02.10.2002.

[11] *Известия*. 02.10.2002.

[12] Не нужно, конечно, переоценивать относительную мощь крупного капитала сферы обращения, действующего в аграрном секторе России. По состоянию на конец 2001 г. крупные зерновые компании типа «Русагро» (см. ниже), «Разгуляйзерно» или «ОГО» *вместе взятые* «контролировали не более 5% зернового рынка» России (см.: *Известия*. 24.11.2001).

техники — «Ростсельмаш»[13]. В частных руках в результате приватизационных акций оказалось, например, элеваторное хозяйство России (последнее отличается, кстати говоря, весьма сильной изношенностью оборудования, что ведет к большим потерям сохраняемой продукции)[14].

Фазой производства в сельском хозяйстве крупный капитал овладевает двумя способами: он создает под *своим непосредственным управлением* собственное хозяйство, т.е. соответствующий его природе тип производства (как это делает компания «Русагро»). При этом, что особенно примечательно, в агросфере современной России, по меньшей мере до начала 2003 г. — времени введения в действие федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», не в пример практике начала XX века, крупный капитал *не* проводил «чистки земли» от остаточных социально-экономических форм предшествующего (в данном случае — «социалистического») способа производства (не располагая собственностью на земли сельскохозяйственного назначения, длительное время удерживавшиеся в скорлупе «общенародной» собственности, он и не мог осуществить эту акцию на *легитимных основаниях*), а вынужден был принимать от ушедшей коммунистической эпохи эту землю *вкупе* с зажившимися на ней (см. ниже) такими остаточными формами как данность; на базисе последних методами технологических, экономических, социальных и организационных воздействий он и стремился (бывало — не без успеха) создавать *собственное хозяйство — хозяйство нового экономического типа*. Не удивительно, что в сложившихся условиях деятельность крупных капиталистов по созданию собственных хозяйств охватывает лишь анклавную часть экономического пространства агросферы, находящегося под непосредственным влиянием крупного капитала.

На другой (значительно большей) части этого пространства крупный капитал тоже подчиняет своей власти существующие (в первую очередь, конечно, традиционно сложившиеся) типы экономических агентов агросферы (бывшие колхозы, совхозы, а также их фрагменты, принявшие разнообразнейшие юридические лики), подчиняет, подчеркнем, *реально*, но при этом продолжает сохранять их, в полном соответствии с практикой канувшего в лету «социализма», по «образу и подобию» самостоятельно ведущихся хозяйств, т.е. осуществляющих воспроизводство, если сказать словами К. Маркса, «на собственный счет»; более того, крупный капитал нередко не вторгается даже в оперативное управление реально подчиненного ему хозяйства, не преобразует в нем технических условий производства, присваивая в то же время

[13] *Известия*. 09.08.2002.
[14] Там же.

прибавочный продукт (хотя, бывает, и весьма незначительный по своей величине). Когда же преобразования технологического базиса производства в таких «раздвоенных» экономических системах все же имеют место, производитель, совершенствующий свой производственный потенциал, из полусамостоятельного субъекта стихийно-рыночных отношений обычно превращается в работника, работающего «на заказ», т.е. на жестко регламентируемый рынок (как это происходит, например, в хозяйственных комплексах, создаваемых компанией «Вимм-Билль-Данн»)[15].

Вот несколько характерных примеров мощи и спектра деятельности крупного капитала в производственной сфере сельского хозяйства. Так, компания «Вимм-Билль-Данн» особенно преуспела в молочном бизнесе. По свидетельству руководителя компании, последняя не только молоко покупала у крестьян, но и «существенно помогала в производстве»: еще в 1998 г. компания начала программу, в рамках которой «мы закупали оборудование за рубежом для ферм и передавали его им в долгосрочный лизинг … можно сказать, что таким образом в сельское хозяйство пошли инвестиции, причем достаточно большие». По этой программе только в одной Московской области «задействовано порядка 65 хозяйств»; аналогичные программы «запущены» в Краснодарском крае России и Киргизии[16]. В штате компании насчитывается более 16 тыс. человек, а сколько еще людей работает на компанию «сказать трудно»; даже руководитель компании «с удивлением узнал», что, например, для производства морса, который «мы делаем из северных ягод», используется только на операции по их сбору труд «60 тыс. человек»[17]. Компания «Русагро», крупный зернотрейдер, осевший «на землю» и занявшийся сельским хозяйством, купила в Белгородской области одиннадцать сельскохозяйственных предприятий (бывших колхозов), которые сосредоточивают «около 4% посевных площадей» этого региона; в этих хозяйствах занято 3000 человек[18]. Агрогигант «Агрос», действующий «на юге России», владеет 40 предприятиями, занимающимися сельскохозяйственным производством, оптовой торговлей зерновыми, производством, переработкой и продажей животных белков[19].

---

[15] Подробнее об экономических метаморфозах рассматриваемого типа см.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., гл. VII. [*В.Г. Растянников*]. Несколько слов в продолжение данной темы будет сказано в конце настоящей главы.

[16] Цит. по: Финансовые Известия. (Приложение), в: *Известия*. 08.10.2002.

[17] Финансовые Известия. (Приложение), в: *Известия*. 08.10.2002.

[18] Финансовые Известия. (Приложение), в: *Известия*. 19.03.2002.

[19] См.: *Известия*. 02.10.2002.

Контроль над всей массой сельскохозяйственных предприятий, оказывающихся в сфере непосредственного влияния крупного капитала, последний получает, используя самые разнообразные методы. Один из универсальных — скупка контрольных пакетов акций (паев) «убыточных» предприятий или принудительный отъем таких пакетов у их бывших владельцев — в покрытие долгов по кредитам и другим долговым обязательствам, за полученную, но не оплаченную, технику и другие средства производства и т.п.

АПК «Агрос» действовал на ниве приобретения контрольных пакетов акций «убыточных хозяйств» столь масштабно и эффективно, что ныне он «занимает большую часть юга России»[20]. По такой же схеме проводил приобретательские операции агрохолдинг «Русагро»: сначала [«мы»] «взяли, что называется, убитые(!) хозяйства. // А сегодня мы получили контроль над сельхозпредприятиями через создание закрытых АО, в которых являемся держателями контрольных пакетов»[21]. А «Вимм-Билль-Данн» устанавливает жесткий контроль над хозяйством непосредственного производителя, используя механизмы лизинга оборудования.

Более того, с начала XXI века в ареалах господства агрохолдингов крупного капитала стали возникать новые, межотраслевые, формы организации агропроизводства, интегрирующие в единую цепочку производственную деятельность предприятий АПК-2 и АПК-3. (Важно иметь в виду: такая цепочка возникает *без посредства* неизбежного в альтернативном случае рыночного или — что предполагает бóльшие издержки — бартерного обмена, связывающего воедино отдельные промежуточные стадии совокупного процесса производства, создающего какой-либо конкретный вид конечного продукта.) Формирование вертикально интегрированных отраслевых производств, в рамках которых осуществляется весь цикл создания и движения продукта «от поля до прилавка», есть яркое свидетельство начавшихся в российской агросфере процессов макроотраслевой экономии труда и капитала, экономии, основывающейся *на замещении общественного разделения труда* (опосредствуемого рыночным обменом) *«техническим»* (в данном случае — *внутрифирменным*). Что означает, что в России процесс развития аграрного капитализма входит в русло закономерностей его общемирового движения, определяемых НТР.

Агрогигант АПК «Агрос», например, состоит из двух вертикально интегрированных бизнес–блоков: «зернового» (управляющая

---

[20] Цит. по: *Известия*. 02.10.2002.

[21] Цит. по: Финансовые Известия. (Приложение), в: *Известия*. 19.03.2002.

компания «Росхлебопродукт») и «мясного» (управляющая компания «Росмясопродукт»)[22]. В одном лишь Ставропольском крае «Агросу» принадлежат девять птицефабрик и три перерабатывающих комбината, комбикормовый завод и племенное хозяйство. У другого агрогиганта — «Русагрокапитала» — иной путь развития интегрированного производства. По свидетельству Президента компании, «наш профильный бизнес — мукомольные комбинаты. Но в то же время мы пытаемся выстроить всю безотходную цепочку от переработки сырья до производства конечной продукции. Так, пояснял Президент, при переработке зерна остаются отруби, которые идут на комбикорм. Поэтому мы у некоторых (собственников. — *Авт.*) купили акции (контрольный пакет), а некоторых выкупали из банкротства»[23]. (Речь идет о владельцах предприятий по производству комбикормов.)

Министр сельского хозяйства вполне оправдано связал образование производств именно такого типа с возможностями создания в России «устойчивого сельского хозяйства, конкурентоспособного не только на внутренних рынках, но и на мировых»[24].

Таким образом, одна из характерных черт генезиса крупного капитала АПК состоит в том, что на собственно деревенской арене последний (крупный капитал) появляется не как *результат предшествующего развития аграрного сектора* (как покажут нам материалы главы IV, накопление ресурсов для формирования вещественных элементов аграрного капитала было абсолютно невозможно экономически и социально в «эпоху социализма»), а *приходит в сельское хозяйство извне*, в «готовом виде», из *несельскохозяйственных* секторов народного хозяйства. В России, как видится на заре XXI века, это — магистральный путь становления *крупного, высокотоварного, высокоэффективного (современного)* аграрного хозяйства; хотя, конечно, наблюдаются и факты формирования хозяйства такого типа «снизу», из местных сельскохозяйственных образований (например, бывших колхозов, впоследствии акционерных обществ и/или производственных кооперативов), но такие факты все-таки скорее пока исключение из правила, его как раз и подтверждающее. (Такие исключения, по-видимому, чаще можно обнаружить на «богатом Юге» России.)

Все перечисленное ярко отражает следующую фундаментальную особенность нынешнего — начала XXI века — этапа аграрной эволюции России: обширные финансовые и материальные средства, аккумулированные городскими «рыцарями» первоначального накопления в последнее десятилетие XX века, в том числе и путем присвое-

[22] Цит. по: *Известия*. 02.10.2002.
[23] Цит. по: там же.
[24] Цит. по: *Известия*. 06.08.2002.

ния части продукта сельского хозяйства, начинают реализовываться в этой доселе наиболее отсталой, «запущенной», вечно угнетенной отрасли народного хозяйства в форме *производительного капитала*, или, если сказать словами М. Вебера, — в форме «рационального» капитала (еще, однако, не освободившегося вполне от «скверны» капитала «авантюристического», «спекулятивно-торгового всевозможных видов» и др.)[25]. Примечательно при этом резкое сжатие периода лага — от времени старта процесса первоначального накопления (в форме концентрации денежного и материального имущества путем использования многообразных методов внеэкономического принуждения, включая те, которые основаны на институтах власти, — у предельно малой группы физических и тем более — юридических лиц) до времени начала материализации его результатов в индустриальной форме — на это России понадобилось *всего одно десятилетие* (90-е годы XX века), против семи–восьми десятилетий, например, во Франции в эпоху после Великой французской революции конца XVIII в.[26], или даже столетий — в Англии[27]. (Не будем, конечно, забывать, что другую — социальную — группу предпосылок для возникновения капиталистического производства в аграрном секторе России заложила большевистская «коллективизационная революция», осуществившая массовую *фактическую экспроприацию* российского крестьянства на рубеже 20–30-х годов, загнав его в обитель «призрачной собственности» [К. Маркс][28] в ее варианте «коллективной социалистической собственности»[29].)

Знаменательный факт: в начале XXI века, впервые со времен Октябрьского переворота, сельское хозяйство России обнаруживает признаки стать *прибыльной (рентабельной) сферой экономической деятельности*[30] и, соответственно, не только (а в дальнейшем, может

---

[25] *Вебер М.* Предварительные замечания. Протестантская этика и дух капитализма, с. 48–55 и др.

[26] См.: *Трунский Ю.Г.* Французская деревня в XIX–XX веках. Тенденции развития. М.: «Наука», 1986, гл. II, III, IV; см. также: *Растянников В.Г.* О крестьянской мелкобуржуазности: А.В. Чаянов *versus* В.И. Ленин, в: Место и роль крестьянства в современной Африке. М.: Институт Африки РАН. 1992, с.45,46,50,51.

[27] См.: *Маркс К.* Капитал. Т.1, в: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т.23. Гл. 24. (Так называемое первоначальное накопление).

[28] *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч.1, в: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т.46, Часть I, с.502.

[29] Подробнее см.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., гл. VI. [*В.Г. Растянников*].

[30] Рентабельность сельскохозяйственного производства даже у гигантов агробизнеса, однако, пока «держится на волоске». По оценке Президента компании «Русагро», даже если вкладывать деньги «куда следует и в полном объеме», то «этого явно недостаточно для развития бизнеса только в рамках сельхозпроизводства», доходы приходится перераспределять в пользу АПК–2: «все выращенное мы пускаем в переработку и в итоге сохраняем рентабельность всей цепи /…/ Мы вынуждены стро-

быть, — о, мечты! — не столько) источником средств для «чужих» (внешних для самого сельского хозяйства) накоплений, но и своего рода «магнитом», устойчиво притягивающим «чужие» накопления извне.

И такие накопления, «большие деньги», если сказать словами Министра сельского хозяйства России (2002 г.), уже «пошли в землю»[31] (имеется в виду сельскохозяйственное производство, а вовсе не крупная скупка земли денежными воротилами, обозначающая — в терминах классической политэкономии — процессы «территориализации буржуазии»). Так, агрохолдинг «Русагро» в 2001 г. инвестировал в сферу производства в сельском хозяйстве 547 млн. рублей, а к осени 2002 г. — еще около 500 млн.; «особого выбора у нас не было: нам предложили инвестировать в убыточные хозяйства»[32], свидетельствует Президент холдинга, а «сегодня у наших хозяйств лучшие производственные показатели в регионе (напомним: в Белгородской области. — *Авт.*). …К нам уже просятся десятки хозяйств. За нами наблюдают. Если у нас все получится, в сельхозпроизводство придут другие компании»[33]. Другой агрогигант — АПК «Агрос» — в 2001 г. вложил в производственную сферу сельского хозяйства 600 млн. рублей, а «в ближайшие два–три года намерен увеличить объем инвестиций до 150–200 млн. долларов США (примерно 4,7–6,3 млрд. рублей по курсу осени 2002 г.)»[34]. С размахом осваивает сельскохозяйственную ниву России, как упоминалось, мощная компания «Вимм-Билль-Данн», которая только в молочный бизнес в Московской области, Краснодарском крае России и Киргизии инвестировала 10 млн. долларов США (около 315 млн. рублей). Суть нового этапа в деятельности компании состоит в радикальной смене вектора движения ее капитала — в наметившемся переходе его *от экстенсивной фазы роста к интенсивной*; задача последней формулируется Председателем правления компании следующим образом: «В целом можно говорить, что период активных поглощений завершен, нам надо развивать

ить вертикаль — без этого не выжить». Поэтому, между прочим, свой сельскохозяйственный бизнес Президент холдинга называет всего лишь «экспериментом». И в самом деле, «мы видели, что в российском сельском хозяйстве все происходит не так, как должно происходить /…/ Мы решили просто попробовать все сделать правильно — по учебнику и посмотреть, что получится» (Финансовые известия. [Приложение], в: *Известия*. 19.03.2002). Словом, перед нами классическая форма венчурного капитала.

[31] Цит. по: *Известия*. 06.08.2002.
[32] Цит. по: *Известия*. 02.10.2002.
[33] Цит. по: Финансовые известия. 19.03.2002.
[34] Цит. по: *Известия*. 02.10.2002.

предприятия, которые мы купили, и увеличивать их мощность» [35]. Итак, намерения обозначены — идти «вглубь», наращивая инвестиции в основной капитал, совершенствуя применяемые технологии.

Устремления крупного капитала простираются на всю цепь реализации товарной продукции сельского хозяйства. Так, «торговый дом» «Росхлебпродукт», входящий в холдинг «Агрос», в предвидении превращения России в крупного (и постоянно функционирующего) экспортера зерна планирует обзавестись собственной портовой инфраструктурой, вложив в ее строительство около 100 млн. долл. США[36].

Эпоха рубежа XX–XXI веков знаменательна и тем, что в детерминируемые законами рынка потоки воспроизводственного процесса, происходящего в агросфере России, начинает органично встраивается экономическая деятельность государства.

В частности, государство, отпуская вожжи либерализации на селе, стремиться сохранить в своих руках там, где это для него оказывается возможным («по силам»), узловые «пункты контроля» за процессами сельскохозяйственного роста. Так, Министерство сельского хозяйства и «Россельхозбанк» создали совместно компанию «Росагролизинг», «через которую на поля идет основной (более 40%, по данным на 2002 г. — *Авт.*) поток (новой) техники», распределяемой в хозяйствах на условиях долгосрочной аренды с правом выкупа последними предоставленных по лизингу машин и оборудования[37]. В Краснодарском крае, например, на условиях лизинга компания поставила в 2002 г. 200 зерновых комбайнов, большая часть которых, наиболее производительных, была закуплена за рубежом (в Германии)[38].

Государство, таким образом, воссоздает в агросфере России сектор *госкапитализма классического образца*. Этот сектор, с одной стороны, выполняет обязательную для него функцию — поддержание целостности и непрерывности потока материального воспроизводства в сельском хозяйстве, заполняя — из-за отсутствия (недостатка) у его хозяйствующих агентов, прежде всего наследников бывших колхозов–совхозов, сельскохозяйственной техники — «пустоты» в их производственной базе, а с другой — активно играет по «капиталистическим правилам» на рынке сельскохозяйственных средств производства (получая, хотя, возможно, и не очень значительную, прибыль от своей экономической деятельности).

---

[35] Цит. по: Финансовые известия. 08.10.2002.
[36] *Известия*. 18.09.2002; см. также: там же. 26.08.2002.
[37] Цит. по: *Известия*. 15.10.2002.
[38] *Известия*. 09.08.2002.

Начавшееся проникновение крупного капитала в аграрный сектор России, наряду с другими факторами влияния, вызывает весьма значимый по экономическим последствиям сдвиг в *духовной* составляющей системы производительных сил — *перелом в мотивации труда*; экономическая деятельность работника отныне начинает детерминироваться реальным, вполне осязаемым, а не фантомным (в недавнем прошлом «социалистическим»), *интересом*, наконец-то заявившем о себе во весь голос. Процесс этого перелома, постепенно охватывающий все большее пространство агросферы, напрочь вымывает из нее «проклятие» все еще весьма живучего наследия «социалистического» труда. Последний проявлялся в виде органичной «триады» признаков; детерминантный среди них — отторжение личного интереса работника от производства и вытекавшая отсюда тенденция к сведению трудовых усилий, осуществлявшихся работником «социалистического» хозяйства, к минимуму.

Очевидец сельской жизни, некто Игорь Довбета, рассказывает, «как жила деревня при советской власти». «Пили все, начиная с 8–9 лет. Водку, самогон, одеколон. На славных “молочных фермах советских времен” коров морили голодом, но пытались доить. // Зато кормов на них списывали — как на двух западных коров. Почему порушены молочные фермы? Почему порушены теплицы? Марсиане что ли прилетели их ломать? Приезжие? // Раз все-таки есть машины, то для начала можно съездить в город, узнать, что почем можно продать на базаре. И на пустых полях “это” посадить. Потом ухаживать за “этим”, потом собрать, отвезти в город и продать. Просто надо что-то делать, а не сидеть и ждать, когда проблема решится сама. В нашей деревне есть алкаши, которые работают — и тут же пропивают, воруют — и тут же пропивают. А есть несколько парней, которые живут, работают — и не пропивают. Один из них … берется за любую работу. // У него заработок побольше, чем в городе, отличный дом, хозяйство — поднятое на пустом месте за пару лет. // А мог бы сидеть на завалинке и плакать о своей судьбе. Да, миллионы людей живут плохо, но 90 процентов из них — потому что считают, что кто-то должен прийти и все наладить. А тех, кто пытается что-то сделать сам, зовут ”мироедами”, “кулаками” и мечтают пустить им “красного петуха”»[39].

Из представлений о «ничейном» характере колхозно-совхозной собственности вытекали устремления работника к «нелегитимному» присвоению возможно большей части производившегося в общественном («социалистическом») хозяйстве продукта («воровство» и другие «незаконные» формы индивидуального присвоения). Ставшая

[39] Цит. по: *Известия*. 16.10.2002.

обыденной нормой практика возмещения недостаточного дохода из «легитимных» источников доходом из источников «нелегитимных» составляло другую качественную особенность «социалистической» формы труда.

По свидетельству «писателя-публициста» Л.М. Тимофеева, в «хорошо знакомом» ему «дальнем лесном углу Рязанской области» «январские (1994 г. — *Авт.*) удои молока в совхозе в среднем на одну корову составили 60 л — по два литра в день, т.е. почти столько, сколько получают от одной приличной козы. // Конечно, на ферме, где коровы не доятся, ничего не заработаешь. Здешние выплаты вдвое, а то и втрое ниже, чем даже пенсии по старости. Но не ради денег ходит доярка на ферму, а ради тех трех–пяти литров молока, которые она ежедневно уносит к себе домой (никто уже и не считает это воровством), ради мешка комбикормов, которые несут тем же путем (тоже никто не таится, по карманам не рассыпает, а прямо мешками и носят), ради возможности воспользоваться и другими совхозными благами: трактором, или лошадью, когда надо свой огород вспахать, или грузовиком, когда надо привезти дрова из лесу, ради возможности летом заготовить сено на совхозном лугу, натаскать зерна из-под комбайна на совхозном поле. Ведь теперь, как мы знаем, у каждого в своем личном хозяйстве по паре коров (и эти-то и зимой литров не меньше шести–семи дают), да телят пара, да по паре свиней, да овец голов по десять, да птица»[40].

Третий «встроенный» элемент отмеченной «триады» — «иждивенчество», причем в масштабах, какие на каждом данном историческом этапе развития «социалистического» хозяйства оказывались только возможными.

Одна из типичных форм проявления такого «иждивенчества», особенно в последние десятилетия существования СССР, можно сказать, «любимый» «пунктик» аграрной политики государства — перевод хронически убыточных колхозов в разряд совхозов, представлявших «более высокую (“общенародную”) форму социалистической собственности»; последние же постоянно, с момента своего возникновения, пользовались государственной финансовой и иной поддержкой в значительно большей степени, чем колхозы, т.е. хозяйства, относившееся к «низшей», по логике большевистских идеологов «социализма», — еще «недоразвитой» форме «социалистической» собственности (см. также гл. IV, §1).

На предприятиях «рационального» (в том числе крупного и очень крупного) капитала аграрного сектора «привязь» личного инте-

---

[40] Цит. по: [*Тимофеев Л.М.*] Этюды о крестьянском хозяйстве, в: Судьбы российского крестьянства. Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1996, с.486,487,593.

реса работника к его производственной деятельности получает адекватное отражение; возникает новый тип организации труда. Однако совсем не факт, что последняя с самого же начала принимается работником добровольно, в иных случаях она навязывается ему принудительно. Как свидетельствует история последнего десятилетия, органическое сочетание «пряника» и «кнута» вообще весьма характерно для переходного периода, в течение которого происходит приобщение работника этой наиболее «запущенной» сферы народного хозяйства к нормам трудовой дисциплины, определяемым рыночными регуляторами.

Президент компании «Русагро» делился своим тяжким опытом по преобразованию доставшегося последней «социалистического» наследства: организуя на «костях» распавшейся колхозно-совхозной системы рациональное хозяйство, [«мы»] «попытались построить базу для эффективной работы — мотивировать сотрудников, попытались полностью перекрыть воровство, заставить людей выполнять ту работу, которую они должны выполнять». (Речь идет, между прочим, о 2001–2002 гг.) Компания отдавала себе отчет в том, что «сегодня землю у крестьянина можно забрать за бутылку, у нее нет стоимости, нет капитализации. А, значит, в комплекте с землей вы еще получаете и социальную базу. И от этого никуда не денешься. Выгонишь пьяницу из хозяйства, а он все равно по деревне слоняться будет и всем мешать»[41]. Трудовую дисциплину вводили жестко. Тот же источник комментирует (в скобках!): «О порядках, заведенных «Русагро» в сельхозпредприятиях, рассказывают страшные для российского человека вещи: о делении всех сотрудников по званиям, что позволяет старшим делать замечания и пробивать «дырки» в корпоративных талонах младших, — чем больше «дырок», тем меньше зарплата; о комиссарах, которые следят за старшими и вообще за жизнью и деятельностью всего бывшего колхоза-совхоза»[42]. Крупному производительному капиталу, как и вообще всякому рационально построенному производству, ориентированному на создание прибавочного продукта, весьма неуютно в социальном континууме современной российской деревни. По мнению Президента «Русагро», «пока не будет решен вопрос с землей и с миграцией сельского жителя в город и обратно (очевидно, чтобы устранить сезонную перенаселенность деревни. — *Авт.*), социальные факторы будут оставаться одними из главных *негативных аспектов* (курсив наш. — *Авт.*) в этом и без того пока низкорентабельном бизнесе»[43].

---

[41] Цит. по: Финансовые известия. (Приложение), в: *Известия*. 19.03.2002.
[42] См.: там же.
[43] См.: там же.

Но там, где перелом в мотивации труда работника уже произошел, и личный интерес последнего воплотился в «ткань» производства, процесс труда начинает «творить чудо». Переживающие такое «чудо» хозяйственные единицы уже начинают формироваться в аграрном секторе России, одновременно с типом работника, *адекватно соответствующим условиям рыночной формы производства*.

На крупном сельскохозяйственном предприятии «Гигант» (Ставропольский край, село Сотниковское), преобразовавшем унаследованную от прошлого строя колхозную форму собственности в, судя по описаниям[44], корпоративную форму частной собственности, труд работников, организованных в самостоятельно действующие бригады, стимулируется по трем направлениям: это, во-первых, «вал» (чем больше получишь продукции с гектара земли — тем больше дохода будет отчислено в фонд индивидуального распределения, из средств которого формируются личные доходы. В 2001 г. урожайность зерновых в «Гиганте» — 50 ц/га — была в два раза выше, чем в среднем по краю); во-вторых, реализационная цена, ориентированная на цену рынка (она тоже — «стимул»; о значимости ее роли в воспроизводственном процессе в аграрном секторе России подробнее см. гл. IV); в-третьих, «экономия на всем» (включая экономию в использовании средств производства, находящихся в оперативном управлении бригады). В результате вполне рыночные характеристики приобрела психология труда: в селении, где «беспробудно пили», ныне под прямым воздействием рыночных стимулов труда «народ протрезвел», огромные штрафы, налагаемые на «пьющих» работников, бывает, изымают из их годового дохода долю, эквивалентную цене «новых “жигулей”»; теперь по сторонним заказам в «соседние села механизаторы едут работать не за бутылку, а за твердые расценки». Но оплата основной части затраченного рабочего времени осуществляется по вполне колхозным правилам — натурой и в конце года: «ворох» зерна распределяется между членами бригады «соразмерно индивидуальному вкладу» каждого из них. Естественно, максимум получают те, кто, по определению Председателя «Гиганта», «заставил работать каждый сантиметр пашни». Заработки механизаторы — по меркам социальной ситуации в современной России — получают огромные. Из общего «вороха» каждому достается «в среднем» 80–100 тонн зерна, а у «лучшего в бригаде» «выходит» и все 150 тонн, у «лучшего же по колхозу» переваливает за 180 тонн. (Приведем здесь такой расчет, который, заранее оговорим, понадобится нам для оценки величины заработков колхозников в 50-х годах XX в. [см. гл. IV]: если принять за длину рабочего времени, проработанного в среднем каждым

[44] *Известия*. 08.12.2001.

механизатором в течение года, 240 рабочих дней, то заработок «среднего» из них составит в зерновом эквиваленте 333–416 кг за рабочий день, у «лучшего» по бригаде — 625, а у «лучшего» по колхозу — 749 кг за рабочий день.) Не вызывает сомнения, что наибольшая доля столь внушительной массы зерна, выплачиваемой в форме заработной платы, обращается в товар и в конечном счете поступает на рынок, увеличивая товарную часть зерновых урожаев данного сельскохозяйственного предприятия. Она же формирует и основную часть *денежного дохода* работника, дохода, на фоне средних заработков в российской деревне весьма крупного. И то, что это действительно так, свидетельствует следующий факт: в 2000 году 150 из 600 «колхозных дворов» Сотниковского, т.е. *четверть всех дворов*, приобрели автомобили. При этом «в отличие от других сел, сотниковцы предпочитают покупать не поддержанные, а новые лимузины»[45].

Частные дополнения к характеристикам общественно-экономических укладов[46], формирующихся в аграрном секторе современной России

В заключение позволим себе сделать несколько замечаний по поводу того, как различные формы товарного производства в аграрном секторе современной России соотносятся с их укладными характеристиками. К сказанному выше о фермерском хозяйстве и специфическом (сугубо российском, или, может быть, точнее — СНГ-ском) типе маргинального хозяйства — ЛПХ следует добавить следующее. Оба типа хозяйства основываются (ЛПХ — целиком, фермерское хо-

[45] Цит. по: *Известия*. 08.12.2001.

[46] Авторы, к сожалению, вынуждены ограничиться лишь краткими замечаниями — «по ходу» — по этой одной из самых популярных тем российских обществоведов, в частности, востоковедов, которая (тема) к тому же является, по-видимому, и самой «плюралистической» — по диапазону мнений, спектру оценок, широте исследовательских подходов. Интерес к теме многоукладности подогревается ныне и трудным ходом сельскохозяйственной политики с ее обширными лакунами по узловым точкам экономического роста агросферы (см. гл. IV). Из специальных публикаций последнего времени по России считаем полезным обратить внимание читателя на фундаментальное исследование: Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия). Под ред. Е.С. Строева. М.: «Колос», 2001 (620 стр.); работу: *Нефедова Т.* Три уклада современного сельского хозяйства России: специфика и взаимодействие, в: *Вестник Евразии*. М., 2002, №1, с.7–27. По теории многоукладности нетленной научной значимостью отличается изданная посмертно монография В.В. Крылова: *Он же*. Теория формаций. М.: «Восточная литература» РАН, 1997 (232 стр.). См. также: *Растянников В.Г.* Раздел III. Капитализм и многоукладность экономической системы стран Востока: аграрный аспект, в: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., главы VI, VII, VIII, IX.

зяйство — по преимуществу) на личном труде производителя и труде членов его семьи; являются собственниками применяемых ими средств производства, однако при ограниченной собственности на особый их вид — землю[47]. И в этом смысле они представляют собой *однотипные социально-экономические образования*. Но по характеру воспроизводства в его отношениях к рынку, или, если сказать иначе, по характеру целевых установок своей экономической деятельности они различаются принципиально. Фермерское хозяйство ориентировано (в подавляющей части его ареала) на работу *для рынка*, на возможное *обогащение* посредством своей экономической деятельности, а в перспективе — на *накопление капитала*.

«Личное подсобное» хозяйство, напротив, ориентировано на обеспечение, по возможности в большем объеме, *личного потребления* хозяйствующей семьи. В нем «*техническое*» («аналитическое», если использовать термин К. Маркса), *внутрихозяйственное* разделение труда определенно доминирует над общественным. Отсюда — и преобладание в «нормативном» ЛПХ натуральных связей по поводу воспроизводства над товарными (кроме — частично — отдельных отраслей, например, животноводческих, как мы видели выше) и соответственно весьма низкая товарность производства. Таким образом, как товаропроизводители оба типа хозяйств (рассматриваемые в «нормативных» вариантах) противостоят друг другу как полярно противоположные экономические системы.

Оба типа хозяйства различаются и по генезису. Современное ЛПХ формировалось (и, видимо, продолжает формироваться), отрываясь от пуповины колхозно-совхозной, «социалистической», собственности; фермерское хозяйство в России воссоздается по существу заново, воспроизводя традиции эволюции доколлективизационной системы аграрного хозяйства; время его новой жизни пока весьма небольшое — десять–пятнадцать лет.

С точки зрения ортодоксальной политэкономии оба эти типа хозяйства представляют собой как бы два «крыла» единого общественно-экономического уклада — потому именно, что основываются на однотипной (мелкой или средней, но трудовой) собственности. Мы же, однако, взяли на себя смелость охарактеризовать маргинальное

---

[47] Об относящихся к данной проблеме сведениях см.: Земельный кодекс Российской Федерации. М.: Юрайт, 2002, ст. 15, 27, 37, 40, 81; Фермерские хозяйства. Правовое регулирование. М.: «Издательство ПРИОР», 1999. Раздел II. Основы организации и деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств (с. 165–224); Об обороте земель сельскохозяйственного назначения. Федеративный закон. М.: Ось–89, 2002, ст. 1, 8–11.

«крыло» этого укладного образования *самостоятельным* общественно-экономическим укладом, исходя не только из природы целевых установок его экономической деятельности, но и из той ролевой функции, которую оно ныне *в действительности* выполняет в общенациональном воспроизводстве, из той макрохозяйственной «нагрузки», которую оно *реально* несет.

Фермерское же хозяйство — органический элемент, составная часть *массового* базиса формирования аграрного предпринимательства. И вместе с тем оно уже — выражение самой ранней стадии становления капиталистического уклада в российской деревне (вспомним приведенные выше материалы об использовании в фермерском хозяйстве наемного труда, хотя и в небольших пока количествах, и о начавшемся на рубеже столетий росте средней обрабатываемой площади в фермерском хозяйстве). Подобно тому, как хозяйственные системы аграрного сектора, принадлежащие крупному, пришедшему извне, капиталу, выражают *развивающуюся параллельно и одновременно* с упомянутой ранней стадией иную, *экономически* и, что особенно важно, *технологически более зрелую стадию капиталистического уклада*. Т.е. аграрный капитализм с самого начала своего формирования в российской агросфере приобретает *полистадийный характер*.

Труднее всего, как нам думается, «разнести» по укладам «болото» — ту массу хозяйств, которая обозначается в безликой статистике понятием «крупные и средние сельскохозяйственные предприятия» и отличается широким спектром социальных признаков; в границах данного спектра «умещаются» признаки, по меньшей мере, нескольких социально–экономических укладов и их фрагментов. Но именно эта группа хозяйств образует становой хребет современной агросферы, обеспечивая, как мы упоминали, главную массу товарного сельскохозяйственного продукта. И именно данный конгломерат хозяйств, возникший на базе уходящей в прошлое колхозно-совхозной системы, претерпевает самые интенсивные процессы социально-экономических изменений. Конечно, при установлении «социального паспорта» хозяйства данной группы можно отталкиваться от статистически зарегистрированного его юридического статуса (см. табл. III-10), но это отнюдь не решает проблемы.

Весьма типичный пример. Бывшее коллективное «социалистическое» хозяйство, ныне обладающее юридическим статусом «производственный сельскохозяйственный кооператив», предположительно обозначает сообщество производителей — бывших членов колхоза, владеющих равноценными долями в совокупной собственности хозяйства, унаследованной от данного колхоза и возникшей в бытность

его «социалистическим» предприятием, и как таковое оно может быть отнесено в обстановке *рыночной экономики* к категории предприятия корпоративной частной собственности некапиталистического типа. (Вспомним в связи с этим столь основательно описанные А.В.Чаяновым кооперативы, объединявшие сельскохозяйственных производителей и основывавшиеся на трудовой по преимуществу форме собственности[48].)

В действительности же это образование как целостный хозяйственный субъект функционирует таким образом, что существенная доля его прибавочного продукта, если таковой имеет место, или даже весь прибавочный продукт целиком реализуется в пользу сравнительно узкой группы менеджеров и других «руководящих верхов» хозяйства и присваивается ими как *частными лицами* (в дополнение к «плате за надзор», выплачиваемой им за выполнение функций управления хозяйством). Тем самым *de facto* такое хозяйство выступает как хозяйство *капиталистического* (или даже шире — *эксплуататорского)* типа, т.е. выступает представителем сложившейся (складывающейся) капиталистической (эксплуататорской) формы собственности.

Уместно отметить здесь, что по проблемам реального движения (в особенности в фазе распределения) продукта «сельскохозяйственных предприятий» —«крупных и средних» — материалов практически не накоплено. Их нынешний внутренний, «переходный» социальный строй практически не исследован[49]. И судить о приведенном выше в качестве гипотетического примера типе реальных производственных отношений можно лишь по весьма немногочисленным косвенным данным. Можно, однако, обоснованно предположить, что система производственных отношений в аграрной экономике «переходного» типа все еще пронизана коллективистскими формами отношений, находящимися на различных стадиях разложения.

Существует, однако, некоторый ресурс фактического материала, позволяющий отследить тип отношений между обширными группами деградирующих хозяйств, относящихся к категории «крупных и

---

[48] Подробнее см.: *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: «Наука», 1991.

[49] Похоже, лишь в середине 90-х годов XX века обозначились первые признаки организации в российской деревне выборочных бюджетных обследований «крупных и средних сельскохозяйственных предприятий», причем не в качестве самостоятельного объекта, а как дополнение (в виде отдельного звена) к выборочным обследованиям сельских семей (подробнее см.: *Фадеева О.П.* Историко-социологические исследования сельской жизни в России (1990–1995 и 1995–1996 гг.), в: Крестьяноведение. Ежегодник. 1996. [Московская высшая школа социальных и экономических наук.] М.: Аспект Пресс. 1996, с. 312,314,315.

средних сельскохозяйственных предприятий» (и, более того, некоторыми группами успешных среди последних), с одной стороны, и вторгающимся в агросферу крупным, в частности экзогенного происхождения, капиталом, с другой. Позволим себе напомнить здесь емкую по смыслу формулу К. Маркса, которой можно оценить самый больной узел воспроизводственного механизма в хозяйствах отмеченных групп, — формулу, выражающую значимость отношений распределения в данном механизме. Это те отношения, которые «придают самим условиям производства и их представителям специфическое общественное качество. *Они определяют весь характер и все движение производства* (курсив наш. — *Авт.*)»[50].

Капитал, как известно, может выступать по отношению к сельскохозяйственному производителю, ведущему хозяйство «на собственный счет», независимо от юридического статуса данного хозяйства в двух ипостасях: и как *носитель отношений конкуренции* по поводу как ресурсов производства, так и реализации готового товарного продукта, и как *носитель отношений монополии* и соответствующих ей *монопольно – волевых методов отчуждения продукта* (соединяя в реальной жизни в тех или иных пропорциях тенденции обоих типов). Как показывают имеющиеся, пока скудные, материалы, крупный капитал в агросфере России ныне выступает по преимуществу как монополия, жестко понижающая цену на продукт, произведенный самостоятельными сельскохозяйственными производителями, и в результате присваивает (методами монопольно-волевого отчуждения) большую, возможно, весьма большую часть прибавочного продукта такого производителя.

Так, по свидетельству бывшего председателя Совета Федерации РФ, ныне губернатора Орловской области Е. Строева, «серые» перекупщики, «передовой» отряд акул торгового капитала покрупнее, снижали цены на продовольственную пшеницу с 1600–2100 руб./тонна (рыночная цена августа 2002 г.) до 500 руб./тонна, т.е. до *трети* или даже *четверти* рыночной цены. Е. Строев комментирует: «При такой цене не только нельзя получить минимальную прибыль, но и с трудом покрываются затраты производства»[51]. (Как увидим ниже — см. гл. IV, §5 — при такой цене, по - видимому, невозможно полностью покрыть и необходимый минимум заработной платы работников.) Столь высокая эффективность грабительской деятельности торгового капитала объясняется, помимо других причин, силой корпоративной организованности торговцев, далеко превосходящей силу

[50] *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Ч. II, в: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II, с. 451.

[51] Цит. по: *Известия*. 23.08.2002.

сопротивляемости индивидуального производителя, продукт которого становится объектом скупки. Так, по свидетельству Госкомстата России, на зерновом рынке страны к концу XX века сформировалась целая пирамида «кормленцев» — перекупщиков зерна. Более половины (56%) руководителей оптовых организаций свидетельствовали о существовании «под ними» «по крайней мере» двух, а две пятых (39%) руководителей — «трех звеньев перепродажи зерна»[52].

Очевидно, что депрессивная цена, навязываемая производителям, становится возможной потому, что, как свидетельствуют сами крупные торговцы — зернотрейдеры, «между скупщиками существует ценовой сговор»[53]. Но, очевидно, и сами зернотрейдеры не без греха. Дотошный корреспондент добивался от Министра сельского хозяйства ответа на такой откровенный вопрос: «Есть мнение (!), что зерновые трейдеры заключили негласное соглашение, по которому крестьянам предлагаются низкие цены, а деньги оседают именно в карманах трейдеров». Министр резонно ответствует: «Это проблема развития цивилизованного рынка»[54]. (Воистину так! Российский аграрный рынок пока является диким рынком, с господствующими на нем вовсе не «смешными», а именно «дикими» ценами.)

Более того, в иных случаях сельскохозяйственные производители не могут получить доступ и на такие угнетаемые монополией «дикого» торговца рынки. Как упоминалось выше (см. §4), из-за отсутствия финансовых ресурсов многие «крупные и средние» зерновые предприятия рассчитываются со своими контрагентами по сельскохозяйственному воспроизводству *натурой* — зерновой продукцией (стоимость которой исчисляется, конечно, не по рыночным ценам), вовсе не выходя на рынок, совсем как при кабальной издольщине (например, в Индии) — долей из урожая**!** Перекрывает же вход на конкурентный рынок *bona fide* земледельцу получившая широкое распространение в аграрном секторе России практика подтоварного кредита с его пониженными — противу рыночных — ценами и натуральными выплатами по долговым обязательствам. И именно крупные торговцы зерном — зернотрейдеры — активно и в массовых масштабах трудятся на благодатной ниве подтоварного кредита[55].

Объектом монопольной наживы в агросфере России становится не только собственно продукт, произведенный сельскохозяйственным производителем, но и поставляемые ему на иных, чем рыночные,

---

[52] О состоянии рынка зерна в Российской Федерации, с.58.
[53] Цит. по: *Известия*. 23.08.2002.
[54] Цит. по: *Известия*. 06.08.2002.
[55] См.: *Известия*. 03.10.2002.

условиях средства производства. Взять компанию «Вимм-Билль-Данн», занимающуюся, помимо прочего, лизингом оборудования для первичной переработки молока. Президент конкурирующей компании («Русагро») следующим образом комментировал возникающий на почве такого лизинга тип отношений между его участниками: «У “Вимм-Билль-Данн” в этом вопросе совершенно прагматический подход — приходят к производителю и говорят: мы тебе поставим хорошее оборудование, а расплатитесь за него сырьем. С одной стороны, они размещают оборудование с какой-то *надбавленной стоимостью* (курсив наш. — *Авт.*), с другой — получают гарантированные поставки молока»[56]. Цена крестьянского сырьевого продукта, выплачиваемая *натурой* за поставленное оборудование, и вытекающие из смысла сделки обязательства производителя обеспечить непрерывность процесса производства и есть суть производственных отношений, возникающих на почве такого лизинга. Корреспондент позволил себе заметить в беседе с руководителем компании «Вимм-Билль-Данн»: «Говорят, что по вашей программе сельхозпроизводители, так сказать, “подсаживаются” на лизинговое оборудование и потом на протяжении многих лет расплачиваются поставками молока на невыгодных для себя условиях». Этот вопрос был удостоен вполне благостного ответа: «Мы закупаем у хозяйств продукцию по рыночным ценам, не ограничивая их в выборе при сбыте»[57]. И вновь все тот же замшелый вопрос: чтó есть рыночная цена? Или — «А судьи кто?». Министр сельского хозяйства, например, приводит с горечью следующий «наглядный документ бедственного положения крестьян», занятых в молочном бизнесе. По состоянию на август 2002 г., по его словам, «стоимость трех литров молока (закупаемого у «крестьян». — *Авт.*) равняется стоимости одного литра дизельного топлива или цене входного билета в московский общественный туалет»[58].

Отметим попутно: «Вимм-Билль-Данн» — монополия, по-видимому, первой выступившая в агросфере России организатором системы контрактного фарминга, получившего столь широкое распространение в странах Юго-Восточной Азии, Центральной Америки и некоторых других регионов мира с высокоразвитой торговой специализацией земледелия[59]. И этот факт также наглядно свидетельствует

---

[56] Цит. по: Финансовые Известия (Приложение), в: *Известия*. 19.03.2002.
[57] Цит. по: Финансовые Известия. (Приложение), в: *Известия*. 08.10.2002.
[58] Цит. по: *Известия*. 29.08.2002.
[59] См.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в., гл. VII. [*В.Г. Растянников*].

о том, что хозяйство аграрного сектора России вступает на путь, движение по которому определяется современными тенденциями мирового аграрного развития.

Таким образом, у «самостоятельных» хозяйств из группы «крупные и средние сельскохозяйственные предприятия» собственность фактически (экономически) зачастую реализуется в пользу монополиста, утвердившего свою монополию на рынке, т.е. в пользу *иного*, чем сам производитель, *собственника*, и постольку собственность у такого производителя *de facto* отчуждена: она превратилась (для производителя) в «призрачную собственность» (см. выше). В.В. Крылов, российский ученый–обществовед, разработавший оригинальную теорию многоукладности экономических систем, такую форму социально-экономического уклада характеризовал как «расщепленный» уклад, т.е. уклад, фаза распределения которого детерминируется законами развития уклада господствующего, обеспечивая расширенное его воспроизводство[60].

Итак, по характеру отношения к рынку существующие в аграрной экономике России хозяйственные структуры представляют две тенденции. Одна из них отражает рост нового, сопровождающегося развитием рынка, общественного разделения труда и соответствующих ему типов хозяйств. К ним относятся, как мы отмечали, аграрные производственные комплексы, принадлежащие крупному капиталу, фермерское хозяйство, а также все еще достаточно широкий контингент образований из бывшей системы колхозов–совхозов, принимающих различные юридические — подробнее см. табл. III-10 — и экономические формы. Данная тенденция в контексте развития рынка проявляется в росте товарного производства, положительной динамике отраслевой товарности. И все-таки сделаем одну оговорку. Потенциально самый мощный источник прогресса товарного производства в агросфере *современной* России, крупный капитал, вносит в его (товарного производства) развитие пока весьма незначительный вклад: при опоре на многочисленные отряды своих «серых» торговых «собратьев» он *больше организует и эксплуатирует уже сложившийся потенциал товарного производства агросферы как торговец*, чем добавляет к этому потенциалу новые производственные активы. Это еще — впереди(?).

Другая тенденция, напротив, выражает процессы *свертывания* общественного разделения труда рыночного типа и соответственно распространения *натуральных отношений* в различных видах и формах. Группа хозяйств, эволюционирующая в русле потока хозяйственной натурализации, рекрутируется в зонах распространения «личного подсобного» хозяйства, а также — частично — все еще претерпеваю-

[60] Подробнее см.: *Крылов В.В.* Теория формаций. Ч.II. Раздел I.

щей процессы распада системы бывших колхозов–совхозов. Роль своеобразного катализатора, усиливающего эту регрессивную тенденцию, играет в аграрном секторе современной России продолжающаяся экспансия практики *прямого натурального обмена — бартерных отношений*, которые заполняют все новые ниши агросферы, ранее обслуживавшиеся потоками товарообменных сделок.

На фоне процессов натурализации аграрной экономики, крайне слабых макроэкономических достижений фермерского движения все более отчетливо заявляет о себе факт усиливающейся зависимости российского общества от *маргинального* хозяйства, единственного *массового* сектора аграрной экономики, оказавшегося жизнеспособным в ситуации рубежа XX – XXI веков, сектора, обеспечивающего поставки товарного сельскохозяйственного продукта на внутренний рынок России в соответствии с экономическими законами, которые *противоречат самой сути устойчивого экономического роста*, и чрезмерно активное действие которых чревато развертыванием острых кризисных ситуаций в области обеспечения страны товарными сельскохозяйственными ресурсами. Таков итог борьбы отмеченных двух противостоящих тенденций развития товарного производства в аграрном секторе России на рубеже XX–XXI столетий.

Но вернемся к «началу наших дел». «Злой рок», преследовавший хозяйство российского пахаря на протяжении всей «социалистической» эпохи и оставивший после себя нежизнеспособную аграрную систему, нуждается, конечно, в специальном анализе. И мы вновь должны будем проделать уже пройденный путь по исторической лестнице аграрной эволюции России в ее «социалистический» период, чтобы приблизиться к пониманию внутреннего механизма погубления основонесущего сектора народного хозяйства страны.

Глава IV

«ВСТРОЕННЫЕ ДЕПРЕССОРЫ» ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ПРИ РЕЖИМЕ КРАТОКРАТИИ: РОССИЯ

Современной России от ее «социалистического» прошлого досталось тяжелое наследство — *внерыночная система хозяйства*, затронувшая особенно болезненно аграрный сектор страны. Глубокий аграрный кризис, который поразил бывший СССР в 80-х годах XX века, — закономерный и трагичный, помимо прочего, итог губительного влияния данной экономической системы на хозяйственный рост страны в течение большей части времени, отведенного Историей «социализму» советского образца. Этот кризис, несомненно, активно способствовал ускорению распада огромного государства.

Утвердившаяся в советском обществе со времени коллективизации внерыночная система вызвала к жизни в хозяйстве агросферы *устойчивые деформации*, которые в совокупности можно было бы охарактеризовать понятием, предложенным американским ученым–аграрником Даниелем Торнером, — «*встроенный депрессор*» (*built-in-depressor*), т.е. ставшим органической частью экономики фактором, угнетающим механизмы сельскохозяйственного роста, естественные процессы аграрных трансформаций и др.[1]. Именно на этой почве в аграрной сфере бывшего СССР возникло в качестве главенствующей экономической формы хозяйство, *лишенное потенций саморазвития*. Влияние данного депрессора не преодолено в России и поныне, хотя уже предприняты серьезные шаги по его выкорчевыванию из хозяйственного организма агросферы.

О двух «осевых» («сквозных») составляющих этого «многоликого» депрессора — *неэквивалентности обмена и затратности производства* (в их многообразных проявлениях) — и пойдет речь в настоящей главе. Уточним, однако: написанная скорее в жанре историко-экономических очерков, связанных единой идеей и использованием однопорядкового (преимущественно статистического)

---

[1] *Thorner D.* The Agrarian Prospect in India. Delhi: University Press, 1956, с. 11–13.

материала, чем в жанре систематического изложения предмета (слишком объемна тема), эта глава не претендует более чем на то, чтобы обозначить некоторые из вех на пути, растянувшемся на шесть десятилетий, по которому к «своей» Голгофе шло многострадальное хозяйство агросферы России в советский период ее истории. Мы предполагаем также очертить вкратце обусловленные деформациями «социалистического» прошлого «болевые точки» перехода сельского хозяйства России к рыночной экономике в 90-е годы XX столетия.

К деформирующим факторам роста следует отнести прежде всего *неэквивалентный межотраслевой обмен между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой народного хозяйства*. Механизмы неэквивалентного обмена с разной силой, соответственно с различными (для участвующих в обмене сторон) результатами, в разных режимах действовали на мануфактурной стадии развития аграрной экономики и на этапе перехода ее к индустриальной стадии. Опыт «социалистического строительства» в деревне СССР (в частности, в России) убедительно продемонстрировал: на мануфактурной стадии труда (длившейся примерно до начала 60-х годов XX в.) система неэквивалентного обмена позволяла безвозмездно перемещать за пределы сельскохозяйственной сферы не только большую часть прибавочного продукта, производившегося в пока еще полутрадиционном хозяйстве агросферы (такое перемещение предполагается самой логикой экономического прогресса), но и — что самое страшное — *непомерно большую часть потенциальных личных доходов (заработков), т.е. жизненных средств, коллективизированных производителей*, их «рабочего фонда» (с этим обстоятельством мы специально познакомимся в ходе дальнейшего изложения).

Разработал теорию неэквивалентного обмена (как органическую часть общей теории «первоначального социалистического накопления») яркий представитель марксистской мысли эпохи «раннего социализма» Е. Преображенский[2] еще в начале 20-х годов XX века. (Именно эта теория, конечно, с некоторыми «поправками», была материализована утвердившейся у власти кратократией[3] в практике действий, сформировавших механизмы экспроприации крестьянского продукта.) Как постулировал Е. Преображенский, «социалистическая форма развивается и за счет собственного накопления, и за счет

[2] См.: *Преображенский Е.* Основной закон социалистического накопления, в: «*Вопросы экономики*». М., 1988, № 9.

[3] Подробнее об этом понятии см. гл. III, §2, в частности прим. 50.

внесоциалистической среды, *питаясь также и ее соками*»[4]. Каким же образом? Автор дает и четкий ответ на этот вопрос: нужно «очень щедро черпать из источников досоциалистических (т.е., помимо прочего, доиндустриальных. — *Авт*.) форм хозяйства». С тем чтобы обеспечить «*еще более быстрое движение*», недостаточность (вечная проблема!) собственной базы индустриального (т.е. современного) роста «социализм» «*вынужден* возмещать усилением накопления за счет несоциалистической среды»; а одно из важнейших средств такого возмещения — «неэквивалентный обмен ценностей с внесоциалистической средой», т.е. акция, определяющая детерминантную роль «политики цен» во всей экономической политике; осуществляемая «на основе монополии (государственной. — *Авт*.) такая политика цен … будет лишь другой формой *налогового обложения* частного хозяйства»[5]. (На практике таким хозяйством стали, если сказать словами резолюции XVI съезда ВКП(б), состоявшегося еще в 1930 г., «колхозы и совхозы, представляющие собой новый тип хозяйства, невиданный в истории человечества»[6]. И это была истинная правда!) На ценовое принуждение производителя советская кратократия делала основную (по сравнению с прочими формами принуждения) ставку в своей долгосрочной политике в агросфере, облагая данью (через систему экспроприаторских сельскохозяйственных цен) прежде всего «рабочий фонд» трудящихся общественного хозяйства.

И это — объяснимо. Ибо на мануфактурной стадии труда затраты на живой труд образуют едва ли не самую емкую компоненту совокупных издержек производства в хозяйстве. Но тем же качеством — наибольшей относительной емкостью — обладает при мануфактуре и фонд оплаты рабочей силы, специфическое «достоинство» которого состоит, помимо прочего, в том, что именно за счет этого фонда можно было проводить широкомасштабную «экономию», лишая работников общественного хозяйства агросферы *части необходимого продукта* (об этом подробнее см. ниже).

Автор не упустил возможности отметить двоякую функциональную роль Власти как детерминантного агента *внеэкономических* производственных отношений, посредством которых поддерживались и закреплялись *отношения неравноправия в процессах обмена*. Во-первых, закон «первоначального социалистического накопления» «…изменяет и частью ликвидирует закон стоимости и все законы товарного и товарно-капиталистического хозяйства»[7] (т.е. — добавим к этому постулату — и *законы рыночных цен*).

---

[4] *Преображенский Е.* Основной закон социалистического накопления, с.120.

[5] Там же, с. 110, 120.

[6] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М., 1953, с. 598.

[7] *Преображенский Е.* Основной закон социалистического накопления, с. 108–109.

А, во-вторых, «пролетарское государство (т.е. власть. — *Авт*.) и пролетарское хозяйство представляют собой *единое целое в полном смысле этого слова* (выделено нами. — *Авт*.) … Власть пролетарского государства, которая распространяется на прибавочный продукт частного (здесь читай: общественного коллективизированного. — *Авт*.) хозяйства … не только является сама *орудием первоначального накопления*, но и *постоянным резервом этого накопления*, так сказать, *потенциальным фондом* государственного хозяйства (выделено нами. — *Авт*.)»[8]. Яснее не скажешь!

Не рыночные цены, а произвольно устанавливаемые кратократией соотношения ценовых фантомов (знаковых цен) определяли истинные (реально действовавшие) пропорции межотраслевого (по существу межукладного хозяйственного) обмена в тогдашней российской (советской) экономике. Отсюда следует, что *сам феномен эффективности хозяйственной деятельности в агросфере становился в таких условиях функцией той силы, с какой Власть творила произвол в распределительном процессе национального воспроизводства*.

Далее. Внерыночное хозяйство, направляемое и регулируемое кратократией по ее воле, посредством всеохватывающей системы экономических, политических, идеологических рычагов воздействия, вызвало к жизни такой специфический депрессор эффективности труда, как *затратность производства*. Губительное влияние феномена затратности, принявшего устойчивый характер, с наибольшей силой проявилось в сельском хозяйстве СССР (в частности, России) на этапе перехода его к *индустриальной стадии экономического роста* — с 60-х годов XX века, особенно в 80-х годах.

Но почему же именно в эпоху индустриализации (аграрной в особенности) — гораздо болезненнее, острее, чем в любые другие предшествующие эпохи экономического роста — обнаруживает свою актуальность вопрос о необходимости соизмерения производственных затрат и их полезного эффекта, о нахождении оптимального (т.е. максимально выгодного для общества) соотношения между издержками и результатами хозяйственной деятельности? Напомним некоторые аксиоматические истины.

Переход к индустриальной форме труда как главенствующей форме означает, помимо прочего, *качественное изменение характера производительного потребления и всех его механизмов сверху донизу*: последнее насыщается *средствами производства индустриального происхождения*; происходит *накопление* (сопровождающееся процессами регулярного обновления) *основного капитала* (основных фондов при «социализме»), отныне образующее *главный технологический ресурс роста производительной силы труда* и

[8] Там же, с. 130.

вытесняющее из производства выступающий в этом качестве живой труд в его различных, обусловленных разделением труда, комбинациях.

Между тем уже из раннего исторического опыта развития индустриальной системы производительных сил, в наиболее полном виде обобщенного К. Марксом, следует, что законом, самим смыслом существования этой системы является динамично нарастающая *экономия труда*, экономически реализующаяся в условиях товарного хозяйства как *экономия издержек производства*, учитываемая посредством *рынка*. Именно рынок и предполагаемые им механизмы обратной связи позволяют в максимально полном виде выявлять и корректировать *допустимые издержки* (и, соответственно, размер прибыли) и тем самым образуют тот мотор, который приводит систему в движение. В этом смысле индустриальной системе производительных сил адекватно соответствует *товарная форма производства в высшей точке ее развития*. (Приведенный выше пример достижений сельскохозяйственного роста в США, столь впечатляюще проявившихся, помимо прочего, в мощи процессов товаризации производства агросферы к концу XX века, — наглядное тому свидетельство.)

Индустриальная система хозяйства СССР развивалась совсем по другим правилам и с принципиально иными экономическими результатами. По лаконичной формуле Я.А. Певзнера, одного из первых исследователей, концептуализировавших принципы функционирования нерыночной экономики в индустриальную эпоху, «в отличие от рыночного хозяйства в нерыночном напрочь отсутствует механизм самокорректирования»[9]. Отсутствие корректирующих обратных связей — от рынка к производителю — и предопределило возникновение в советском (российском) обществе в ходе индустриальных трансформаций феномена, который в экономической литературе принято характеризовать «затратной экономикой», т.е. типом экономической деятельности, проявляющейся «растратной практикой в народном хозяйстве»[10]. Сельское хозяйство СССР было одним из крупнейших отраслевых производств, сполна вкусивших от плодов такой «растратной практики».

Отсюда следует, что аграрной экономике современной России приходится решать, очевидно, весьма сложную *двуединую задачу*: с одной стороны, преодолевать деформирующее экономический рост наследие, оставленное «социализмом», а с другой — адаптироваться к новым, рыночным, «правилам игры», врастать в рыночный экономический континуум, вырабатывая адекватную ему систему ценностей

[9] Цит. по: *Брагинский С.В., Певзнер Я.А.* Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. М.: «Мысль», 1991, с. 25 (прим.).

[10] Там же, с. 16.

(помимо прочего, мотивацию хозяйственной деятельности), экономических отношений, создавать соответствующую требованиям рынка институциональную инфраструктуру, материально-техническую базу и т.д.

1. *Пролог: образование внерыночного механизма неэквивалентного обмена (рубеж 20–30-х годов)*

Социальные трансформации в российской деревне, происшедшие на рубеже 20-х – 30-х годов, сопровождались созданием *принципиально нового механизма обмена между сельским хозяйством и всей совокупностью других секторов народного хозяйства страны*. «Несущие конструкции» этого механизма утвердились именно в первые годы коллективизации и просуществовали, мимикрируя по различным историческим периодам, на протяжении шести десятилетий. Поэтому анализ процессов, происходивших в первые годы коллективизации, заслуживает особого внимания.

Выделим несколько направлений происшедших изменений:

I. В российской деревне был уничтожен частный рынок за исключением отдельного его сегмента, выполнявшего специфическую функцию в воспроизводственном процессе вновь образовавшейся хозяйственной системы (см. пункт IV).

II. На смену складывавшейся «горизонтальной» системе обменных отношений между хозяйствующими субъектами города и деревни пришла жестко структурированная «вертикальная» система, при которой, как мы отмечали ранее (см. гл. III, §2), функции рыночных связей (обменных отношений), генерируемых общественным разделением труда, стала интенсивно узурпировать кратократия, распространяя свою монополию на все большую часть экономического пространства аграрного сектора. Или, говоря словами Н.Д. Кондратьева, в агросфере России происходил всеохватывающий процесс утверждения олицетворяемой государством «полной монополии», т.е. монополии, «опирающейся на веления публичной власти»[11]. По заключению Н.Д. Кондратьева, «полная монополия имеет место только в тех случаях, когда в качестве монополиста выступает публично-правовая власть в лице государства»[12]; монополия такого типа, в про

[11] *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики. М.: «Наука», 1991, с. 407.

[12] Там же, с. 352.

тивоположность «частичной монополии», «возникающей на почве фактического роста влияния на рынок», «устраняет конкуренцию монополисту целиком», т.е. отторгает самый рынок в его детерминантных основаниях. Чуждая природе рынка, «полная монополия», реализуемая Властью в процессах обмена между различными хозяйственными субъектами, обладает специфическим «техническим» инструментарием, каковым является «указная цена»[13]. В противоположность «цене вольной» (выступающей в «чисто конкурентном» и «монопольном», но сохраняющем «гетерогенные» признаки, вариантах), «указная цена имеет автогенный, основанный на авторитете власти и на прямом ее велении характер»[14]. В том, что касается аграрного сектора России, «полная монополия» со всем набором ее атрибутов в виде иерархии «указных» цен покоилась на системе многообразных форм внеэкономического принуждения, обеспечивавшегося всеми силами и средствами репрессивного аппарата государства. Последний как бы «врос» в эту монополию, ферментировал ее.

Конкретно речь шла о распространении монополии государства на процесс мобилизации и последующей реализации сельскохозяйственного продукта по различным, последовательно подчиняемым (в том числе в режиме скачка) отраслям. Первым и главным объектом кратократической монополии стало зерновое хозяйство, составлявшее основную отрасль сельскохозяйственного производства тогдашней России, и, безусловно, все основные отрасли, производившие средства производства, используемые в сельском хозяйстве.

III. В монополизированных кратократией отраслях сельскохозяйственного производства утверждался чрезвычайно пониженный уровень реализационных цен, в тенденции не изменявшийся на протяжении многих лет (или даже десятилетий), несмотря на происходившие изменения в экономических условиях, воздействовавших на воспроизводственный процесс (одно из существеннейших изменений — генерируемая самим государством инфляция). Чтобы привести в действие механизмы обмена с использованием таких цен, кратократия запускала маховик внеэкономического принуждения, принимавший многообразные формы (навязывание коллективизированным производителям твердых обязательств по поставкам в «закрома государства» сельскохозяйственной продукции, осуществление жестоких санкций за невыполнение этих обязательств и др.; см. гл. III, §2). В таких фор-

---

[13] Это понятие Н.Д. Кондратьев заимствовал из одной из работ П.Г. Струве (1913 г.), включив его в свою «Теорию цены и равновесия товарного рынка» (см. там же, гл. 10).

[14] *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики, с. 351.

мах кратократия реализовывала свою власть над личностью непосредственного производителя, т.е. проявляла свою сущность особого субъекта отношений собственности в аграрном секторе. Прерогативы этого субъекта принадлежали государству, подпиравшемуся его политическими и репрессивными институтами[15].

IV. Новую роль стал играть выживший сегмент «вольного» рынка, который кратократия сохраняла в том или ином объеме на протяжении всего периода своего существования в СССР. Главной функцией такого «остаточного» (теперь — «колхозного») рынка было: а) превращение (реализация) части натурального дохода колхоза и индивидуального колхозного двора в денежную форму по возможности по «вольным» (или близким к ним) ценам; б) поддержание высокой мотивации к интенсивному сельскохозяйственному труду в крохотных, контролируемых самими производителями (причем в некоторые исторические периоды лишь частично) анклавах коллективизированного экономического пространства (именно в «личных подсобных» хозяйствах — ЛПХ), которые позволяли колхозникам в какой-то степени возмещать часть фонда своих жизненных средств, безвозмездно присваивавшуюся кратократией через механизмы принудительного обмена, навязанного общественному («социалистическому») сектору аграрного хозяйства[16]; в) реализация в нужной товарной номенклатуре части заработной платы (личного дохода) работника коллективизированного хозяйства.

Очевидно, что новизна возникшего в результате коллективизационных трансформаций механизма межотраслевого обмена заключалась в его *внерыночном характере*: этот механизм (по меньшей мере в главной части сельскохозяйственной экономики) детерминировался *антирыночными, противостоявшими рынку силами*. Или, говоря иначе, *установление пропорций межотраслевого обмена теперь полностью зависело от властного произвола*, силы (степени) влияния кратократии на экономический процесс; этот властный институт и

---

[15] Подробнее см.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: «Восточная литература» РАН, 1995, гл. I [*А.И. Фурсов*].

[16] История советской деревни знает, однако, периоды, когда в жертву идеологическим догмам — «требованиям» экономического порядка, объявленного «социализмом» — приносилась очевидная экономическая целесообразность, и осуществлялась губительная политика по «свертыванию» (или жесткому регламентированию) производственных ресурсов ЛПХ. Такую роль, например, играла кампания по изъятию в пользу колхозов «излишков» земли из приусадебных участков сельских тружеников в конце 30-х годов; кампании по сокращению производственного потенциала ЛПХ, проводившиеся во времена хрущевской «оттепели» и позднее.

определял *социальный тип* связей между хозяйствующими субъектами, формировавшимися в ходе общественного разделения труда.

Одна из основательных разработок проблемы условий межотраслевого обмена в российской экономике применительно к периоду рубежа 20-х – 30-х годов принадлежит А.А. Барсову, который подошел к формулированию понятия неэквивалентности межотраслевого обмена в макроэкономическом ракурсе. Автор, признавая, что перемещение части прибавочного продукта, созданного в традиционном сельском хозяйстве, в несельскохозяйственную сферу народного хозяйства является абсолютной необходимостью — в интересах развития более высокой — индустриальной — формы производительных сил, вместе с тем уточнял, что «гвоздь» вопроса «состоит в определении *меры* (курсив наш. — *Авт*.) объективно необходимых изъятий и неэквивалентности»[17]. Именно понятие «меры» легло у А.А. Барсова в основу определения нормы условий межотраслевого обмена. Автор писал: «На наш взгляд, критериями соблюдения этой меры являются, с одной стороны, обеспечение *нормального* при данном уровне развития производительных сил *темпа расширенного воспроизводства во всех отраслях хозяйства*, а с другой — *соблюдение принципа распределения по труду между работниками сельского хозяйства и несельскохозяйственной сферы* (курсив наш. — *Авт.*)»[18]. (Ниже мы познакомимся с тем, в каких масштабах эти правила нарушались в сельском хозяйстве СССР/России.)

А.А. Барсов провел уникальные расчеты пропорций обмена между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой экономической деятельности и, в частности, олицетворявшими эти обе стороны обмена экономическими агентами[19]. При этом автор осуществил специфический анализ составляющих межотраслевого баланса народного хозяйства СССР применительно к 1928 г., позволивший ему концептуализировать понятие «коэффициент эквивалентности обмена» между сельскохозяйственной и несельскохозяйственной сферами — коэффициент β, который представляет собой «отношение объемов стоимости сельскохозяйственной продукции, отчужденной в

---

[17] *Барсов А.А*. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М.: «Наука», 1969, с. 68.

[18] Там же.

[19] Оценки стоимости продукции сельскохозяйственной и несельскохозяйственной сфер экономической деятельности представлены А.А. Барсовым в детально обоснованных «*расчетных ценах*», которые нивелируют расхождение в уровнях цен («ножницы» цен и др.) на продукцию сельского хозяйства, с одной стороны, промышленности и других секторов несельскохозяйственной сферы, с другой, существовавшее в советской экономике в период НЭПа (и в более поздний период). (О методике исчислений отраслевых продуктов в «расчетных ценах», разработанной автором, см. там же, с.36–45, 49.)

обмен на объем стоимости несельскохозяйственной продукции»[20]; этот коэффициент, по автору, показывает, «сколько единиц стоимости сельскохозяйственной продукции надо было реализовать, чтобы получить единицу стоимости несельскохозяйственной продукции»[21]. Используя категории этого понятия, А.А. Барсов рассчитал следующие значения коэффициента β для первых лет коллективизационных трансформаций[22]:

1928 г.	*1929 г.*	*1930 г.*	*1931 г.*	*1932 г.*
2,02	*2,22*	*2,04*	*2,31*	*1,94*

В среднем за 4 года первой пятилетки (1929–1932 гг.) коэффициент β составил 2,12 пункта. Все дело, однако, заключалось не просто в том, что сельское хозяйство отдавало в денежном выражении примерно в два раза больше средств за материальный продукт и услуги, которые предоставлялись всеми несельскохозяйственными сферами народного хозяйства, но и в том, что различные социальные агенты аграрного сектора находились в *принципиально разных отношениях* со своими контрагентами, сосредоточенными за пределами собственно сферы сельского хозяйства. Эти различия весьма наглядно фиксируются рассчитанными А.А. Барсовым данными, представленными в табл. IV-1.

Как следует из приведенных данных, «социалистический» сектор хозяйства агросферы отдавал в 2,5 раза больше стоимостных единиц за ту продукцию (и услуги), которую он получал из несельскохозяйственной сферы. Но в самом неблагоприятном положении в системе обменных отношений оказался коллективизированный сектор, представленный колхозами (вместе с МТС) и формировавший в то время более 9/10 всего производственного потенциала общественного хозяйства. Его коэффициент эквивалентности (неэквивалентности) обмена достигал 7–9 единиц. К этому сектору закономерно — если иметь в виду социально-политическую направленность аграрных преобразований большевиков подтягивался по данному показателю и частнохозяйственный сектор. Лишь весьма незначительный в то время сегмент хозяйства агросферы — совхозный сектор, естественно, по социально-политическим основаниям, оказался в выигрышной позиции.

[20] Там же, с. 62.
[21] Там же, с. 62, 65.
[22] Там же, с. 129, 130.

Таблица IV-1

СССР: коэффициент эквивалентности стоимостного обмена между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой (А) и сельским хозяйством и государством в целом (В) на рубеже 20–30-х годов XX века *

№	Сельскохозяйственный сектор / год	1930		1931		1932	
		А	**В**	**А**	**В**	**А**	**В**
1	Все сельское хозяйство	2,04	2,72	2,31	3,29	1,94	3,21
2	Колхозно-кооперативный сектор[1], *в том числе* колхозы	4,22 4,75	4,34 4,90	4,46 7,75	5,15 8,66	2,82 4,64	3,90 7,06
3	Совхозы	0,82	0,85	0,55	0,59	0,51	0,56
4	Социалистический сектор (2+3)	2,47	2,52	2,57	2,86	1,96	2,46
5	Частнохозяйственный сектор	1,90	2,83	2,11	3,96	1,91	6,45

* *Составлено по: Барсов А.А*. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. М.: «Наука», 1969, с. 142, 143, 148, 149.

[1] Колхозы и МТС

Автор убедительно доказал, что самым большим размахом неэквивалентности отличался именно обмен, жестко монополизированный кратократией, действовавшей от лица государства, и что именно общественное хозяйство колхозов, формировавших самый массовый сектор агросферы тогдашнего СССР, несло наибольшие потери от «указной цены», творимой «велением власти» (данные таблицы IV-1 это заключение красноречиво подтверждают). О том, сколь велика была недоплата крестьянского продукта, поставлявшегося государству, свидетельствует факт, что, например, в 1932 г. «реализация … единицы сельскохозяйственной продукции на неорганизованном рынке позволяла сельскому хозяйству в целом … приобретать в *10 раз больше промышленных изделий, чем реализация единицы сельскохозяйственной продукции государству* (курсив наш. — *Авт.*)»[23].

[23] Там же, с. 153, 154.

Проведенный анализ позволил автору сделать вывод, что «обмен между сельским хозяйством и государством по производственной линии (т.е. обмен продуктами производства сельского хозяйства на промышленные продукты, используемые в сельскохозяйственном производстве) — главной линии экономической связи между городом и деревней — приобрел за годы пятилетки в значительной степени *внеэквивалентную форму*»[24].

В эти трагические для российской деревни годы кратократией были созданы механизмы, определявшие базисные параметры воспроизводственного процесса в агросфере на многие десятилетия вперед. Отныне тот хрупкий баланс, который поддерживало индивидуальное крестьянское хозяйство между различными видами своих ресурсов с целью обеспечить *оптимальное (т.е. наиболее эффективное при данных условиях) их использование*[25], был больше неосуществим.

2. *От беспредела неэквивалентности к «нормализованной» экспроприации колхозного продукта (50-е – начало 60-х годов)*

Пресс неэквивалентности обмена между сельским хозяйством и несельскохозяйственными секторами небывалой силы достиг к началу 50-х годов. Именно в эти годы основная масса продукта, например, зернового хозяйства, формировавшая фонд государственных ресурсов товарного зерна, отчуждалась государством из общественного хозяйства колхозов практически безвозмездно, или в лучшем случае оплачивалась по ставкам, покрывавшим крохотную долю действительных затрат труда на его производство. Другими словами, в этот период изъятия из сельского хозяйства потенциально товарных ресурсов зерна приняло форму процесса, полностью подчиненного порядкам властного произвола, не сообразующимся с самим понятием издержек производства.

Существует, по-видимому, единственный официальный показатель масштабов неэквивалентности обмена между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой экономики бывшего СССР, касающийся этого периода. Так, по оценке бывшего Генерального секретаря ЦК бывшей КПСС М.С. Горбачева, сделанной на мартовском (1989 г.) пленуме ЦК КПСС, за период 1946–1953 гг. из деревни

---

[24] Там же, с. 156.

[25] Блистательную разработку данной проблемы см.: *Чаянов А.В*. Организация крестьянского хозяйства, в: *Он же*. Крестьянское хозяйство. М.: «Экономика», 1989, с. 194–442.

(сельского хозяйства) был изъят продукт стоимостью 298 млрд. руб., а перемещен туда продукт из других сфер народного хозяйства стоимостью 193 млрд. руб.[26] Если использовать здесь правила коэффициента эквивалентности (неэквивалентности) обмена, разработанные А.А. Барсовым, то за выделенный период коэффициент β равен 1,54.

В действительности, однако, в соответствии с методикой, предложенной А.А. Барсовым, данный коэффициент должен был быть много выше, ибо в оценках М.С. Горбачева, очевидно, не была учтена значительная масса сельскохозяйственного продукта, которая сначала перемещалась в город, а после переработки (включавшей, помимо других, неглубокие ее стадии, такие, например, как помол зерна) направлялась обратно в деревню (именно в эти годы складывались в России массовые «походы» деревенского населения в город «за хлебом»). Поэтому основная часть стоимости (цены) такого «возвращавшегося» продукта должна быть представлена как «не выходившая за пределы деревни»[27]. Применительно к 1928 г. А.А. Барсов на основе данных межотраслевого баланса установил, что коэффициент β, не учитывавший обратный приток ранее ушедшего за пределы деревни продукта, был равен 1,55; но с учетом такого товарного кругооборота он достигал величины 2,06[28]. Не вызывает сомнения, что за период 1946–1953 гг. коэффициент β составлял не менее 2, а, возможно, — и более значительную величину: ведь генерированный внеэкономическим принуждением уровень сельскохозяйственных цен по меньшей мере в ряде важнейших отраслей сельского хозяйства был поразительно низким, существенно более низким, чем в первые годы коллективизации, ценовые стандарты которых А.А. Барсов использовал в своих расчетах (о ценах начала 50-х годов — подробнее ниже).

1953 г. был тем рубежом, который отделил эту эпоху обнаженного ограбления крестьянства от той, при которой наметилось постепенное смягчение давления на производителя агросферы механизмов внеэкономического принуждения. В результате с 1953 г. в аграрном секторе СССР обнаружились некоторые признаки подъема сельского хозяйства, которые мы назвали бы проявлением *компенсационного роста*, частично возмещавшего тот ущерб (в области производства материального продукта), который обобществленное крестьянское хозяйство понесло в предшествующие два с половиной десятилетия, и масштабы которого были в огромной степени усугублены разрушениями, вызванными нашествием германского фашизма в СССР в

[26] *Правда*. 16.03.1989.
[27] *Барсов А.А.* Баланс стоимостных обменов между городом и деревней, с. 65.
[28] Там же.

первой половине 40-х годов. Эпоха компенсационного роста продлилась в СССР около десятилетия, примерно до начала 60-х годов.

Таблица IV-2

СССР: индекс средних государственных заготовительно-закупочных цен на сельскохозяйственные продукты, заготовляемые в колхозах, у колхозников, рабочих и служащих, 50-е годы XX века *

индекс: 1952 г.= 1,0

Продукт // год	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959
Все продукты сельского хозяйства	1,0	1,5	2,1	2,1	2,5	2,7	3,0	3,0
Продукты земледелия (растениеводства), *в том числе:*	1,0	1,3	1,7	1,7	2,1	2,1	2,0	2,1
зерновые культуры	1,0	2,4	7,4	5,5	6,3	6,2	7,0	7,4
картофель	1,0	3,2	3,7	3,7	8,1	8,6	7,9	8,3
Продукты животноводства, *в том числе:*	1,0	2,1	3,1	3,2	3,7	4,2	5,5	5,6
скот весь	1,0	3,9	5,8	5,9	6,7	7,9	11,8	12,4
молоко	1,0	2,0	3,0	3,0	3,3	3,6	4,0	4,0

* *Составлено по*: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 117.

Эта эпоха наложилась на начальный период повышательной фазы второго «большого цикла» XX века[29]. Отсюда — необычайная мощь потока сельскохозяйственного роста в СССР в 50-х годах. В самом деле, всего за десятилетие (с 1949–1953 гг. по 1959–1963 гг.) валовая продукция сельского хозяйства возросла в сопоставимых ценах на 63%[30] (среднегодовой прирост за эти десять усредненных лет составлял 5,04%) — роста такой интенсивности за десятилетие аграрный сектор России не знал, по меньшей мере, за последние полтора века. Еще значительнее изменились объемы заготавливаемой («закупаемой») государством сельскохозяйственной продукции.

[29] Подробнее см. гл. V, а также: *Растянников В., Дерюгина И.* «Кондратьевские волны» в исследовании процесса экономического роста в агросфере, в: *Вопросы статистики*. М., 1997, № 11, с. 19–29.

[30] См.: Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966, с. 260.

За период всего семи лет (1952–1959 гг.) ее стоимость в «заготовительно-закупочных» ценах 1952 г. увеличилась с 27 млрд. руб. до 46,1 млрд. руб. (в аналогичных ценах 1959 г. — с 81 млрд. до 138,3 млрд. руб.)[31], или в 1,7 раза (среднегодовой прирост за этот период составлял 7,95%). Совершенно очевидно, что именно небывалый по степени интенсивности экономический рост в агросфере позволил государству осуществить столь масштабную аккумуляцию в своих «закромах» сельскохозяйственного продукта, предназначенного для превращения в товарную массу.

Безусловно, значительный импульс подъему сельского хозяйства в 50-х годах дало изменение ценовой политики государства. С 1952 г. по 1959 г. государственные «заготовительно-закупочные» цены на сельскохозяйственные продукты были подняты в среднем в 3 раза, при этом в главной отрасли сельского хозяйства — зерновом производстве — в 7,4 раза, а в животноводстве (примерно 2/5 валового продукта сельского хозяйства) — в 5,6 раза (подробнее см. табл. IV-2).

Фактические же «заготовительно-закупочные» цены выросли за этот период еще больше. Например, фактическая «заготовительно-закупочная» цена 1 кг зерна, реализовавшегося колхозами по обязательным и «добровольным» поставкам, а также колхозниками, рабочими и служащими из урожая на своих приусадебных участков (а колхозниками, кроме того, и в форме продажи части зерна, полученного по трудодням), за период 1952–1959 гг. выросла более чем в 20 раз, а к 1964 г. почти в 28 раз. По годам данная цена изменялась следующим образом (*в копейках за килограмм*, в масштабе цен после деноминации рубля, проведенной в 1961 г.)[32]:

1952 г.	*1953 г.*	*1958 г.*	*1959 г.*	*1964 г.*
0,32	*0,61*	*5,6*	*6,5*	*8,9*

Эти данные вряд ли нуждаются в специальном комментарии. Стоит, однако, обратить внимание на ту степень цинизма, с какой кратократия в 1952–1953 гг. (а также в предшествующие этому периоду

[31] См.: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 118.

[32] Подсчитано по: Сельское хозяйство СССР. 1960, с. 48, 60, 61, 94, 95, 118; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 268, 269, 270; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 15. Расчет осуществлен по натуральным показателям государственных заготовок и закупок зерна (в тоннах), поставленного колхозами, колхозниками, рабочими и служащими, и сумм выплат (в рублях), полученных этими экономическими агентами за проданное ими государству зерно.

годы) отбирала у коллективизированных крестьян зерно, выплачивая за него сумму, при которой *цена 3 кг зерна не достигала 1–2 копеек в масштабе цен, выраженных в деноминированных рублях 1961 г*. А ведь эта фактически неоплачиваемая доля продукта формировала огромную часть валового продукта зернового хозяйства — дармовые заготовки поглощали во второй половине 40-х – начале 50-х годов 38–46% валового урожая зерновых (см. табл. СП-9).

Было бы наивностью, однако, думать, что многократно увеличенные заготовительные цены в какой-то степени отражали уровень цен колхозного рынка (рынка цены равновесия спроса и предложения), единственно относительного свободного в тогдашнем СССР[33].

Следует, однако, оговорить, что более или менее свободным этот рынок стал лишь с момента освобождения самой массовой его фигуры от всеохватывающего гнета внеэкономического принуждения, инициированного кратократией: с января 1958 г. ЛПХ колхозников, а также рабочих и служащих были освобождены от обязательных поставок государству сельскохозяйственных продуктов[34] (осуществлявшихся, естественно, по заниженным ценам). Конечно, «это было крупное событие в жизни крестьянина. Впервые со времени победы колхозного строя колхозники могли по своему усмотрению реализовывать всю продукцию, получаемую в личном подсобном хозяйстве»[35]. Эта «победа», достигнутая двадцать пять лет спустя после «победы колхозного строя», внесла определенный вклад в потенциал экономического роста в аграрном секторе с конца 50-х годов, усилив мощь потока повышательной фазы второго «большого цикла» XX века.

Если за «эталон» принять цену, по которой потребительская кооперация реализовывала зерно на местных рынках, то масштабы недоплаты товарного зерна, которое непосредственно производители — колхозы-совхозы продавали государству по «заготовительно-закупочным» ценам, будут выглядеть следующим образом: цена

---

[33] Удельный вес колхозной торговли (колхозного рынка) в продажах продовольственных товаров составлял в СССР в 50-х – начале 60-х годов (в % к общему объему продаж):

1950	*1954*	*1955*	*1956*	*1957*	*1958*	*1959*	*1960*	*1961*
18,1	*15,2*	*15,2*	*12,0*	*10,0*	*9,4*	*8,3*	*7,4*	*7,5*

(См.: Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956, с. 206; СССР в цифрах. Статистический сборник. М., 1958, с. 426; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 632.)

[34] См.: СССР в цифрах. Статистический сборник. М.,1958, с. 188.

[35] История советского крестьянства. Т.4. М.: «Наука», 1988, с. 329 [Гл. IX, §1 *И.М. Волков, В.О. Морозов*].

потребительской кооперации превышала отмеченную государственную цену в 1955 г. — в 15 раз, в 1958 г. — в 4,9 раза, в 1959 г. — в 3,9 раза, в 1964 г. — в 5,6 раза[36].

По существу обязательные поставки сельскохозяйственной продукции, отчуждавшиеся государством у сельскохозяйственных производителей всех социальных категорий натурой, — именно в той их (поставок) части, которая фиксировалась ценовой разницей (т.е. разницей между уровнем государственных «заготовительно-закупочных» цен и уровнем цен более-менее «вольного» — колхозного — рынка или даже государственных реализационных цен) — представляли собой в этот период в «голом» виде *кратократический аналог монопольной ренты*, т.е. ренты, генерировавшейся Властью, ее способностью принудить производителя методами насилия[37].

Напомним, что Е. Преображенский изъятия крестьянского продукта посредством неэквивалентного обмена определял как «форму налогового обложения» (см. выше). И это — правильно, но только до тех пор, пока мы оцениваем данный продукт по его *конечному* потреблению (имплицитно он расходуется на *государственные* нужды). Мы же при его оценке приоритет отдаем *социальной форме* первичного *присвоения* данного продукта кратократией, действующей от имени государства. Со времени коллективизации (в противоположность, например, ситуации, существовавшей в «классический» период НЭПа) предпосылкой отчуждения у коллективизированных производителей России данной особой части сельскохозяйственного продукта было *отчуждение кратократией «внешней» воли производившего продукт коллектива работников*, т.е. фактическое утверждение его *внеэкономической зависимости* от носителей прерогатив Власти. (Вспомним о типичных формах отчуждения «внешней» воли колхозного коллектива: лишение его прав и возможностей самостоятельно устанавливать цены на свой продукт, определять объемы, сроки и каналы реализации своего товарного продукта, утверждение «остаточного» принципа в оплате труда работников, укорененная *de facto* обязанность колхозов содержать сонм вышестоящих «кормленцев» за счет своего продукта и многое, многое другое.) Поэтому мы определяем крестьянский (колхозный) продукт, отчуждаемый посредством механизмов неэквивалентного обмена (с использованием широкого арсенала методов внеэкономического принуждения производителя) как *особый (монопольный) тип*

---

[36] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 году, с. 641; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 637; Народное хозяйство СССР. 1956, с. 215.

[37] Подробнее о ренте данного вида см.: *Растянников В.Г.* Развивающиеся страны: продовольствие и политика. М.: «Наука». 1968, с. 89–92; Капитализм на Востоке во второй половине XX в., с. 347–352 [Гл. VII, §1, *В.Г. Растянников*].

ренты. (Впрочем, не будем забывать, что в наборе действующих экономических категорий еще сохраняется понятие «рента-налог», использующееся для характеристики части крестьянского продукта, присваивавшейся государством на средневековом Востоке.)

Эта рента отличалась непомерными для коллективизированного хозяйства, еще далеко не преодолевшего мануфактурную стадию роста, размерами. При господствовавших базисных параметрах производства (урожайность [продуктивность], затраты труда и его производительность) рента такой высоты могла быть выплачена только за счет потенциального личного дохода производителя, т.е. *из фонда его жизненных средств*, что мы и наблюдаем в огромной части сельскохозяйственных регионов страны. Именно посредством аккумуляции в руках государства монопольной ренты, институционализированной в механизмах принудительных «продаж», кратократия реализовывала свою власть над личностью непосредственного производителя, подлинно рыночные механизмы в осуществлении таких «продаж» не принимали никакого участия.

И тем не менее благодаря новой ценовой политике поднялась оплата работников колхозов. Если принять цены на зерно, действовавшие на местных колхозных рынках или (с 1955 г.) в потребительской кооперации, то размеры оплаты труда по трудодням, выраженные в зерновом эквиваленте, изменялись в 50-х годах следующим образом (*в кг зерна /трудодень*) [38]:

1950 г.	*1954 г.*	*1955 г.*	*1958 г.*
1,94	*2,29*	*2,77*	*3,28*

Кроме того, на трудодень выдавалось также некоторое количество картофеля: от 0,2 до 0,4 кг. Натуральное наполнение трудодня к концу периода сталинской диктатуры было на 30% (1950 г.) меньше дневного заработка сельскохозяйственного рабочего Франции накануне Великой Французской революции (1788 г.) и почти на порядок (в 8–9 раз) меньше дневного заработка (выраженного в зерне озимой пшеницы) поденного сельскохозяйственного рабочего России в 1913-1915 гг.[39]. Лишь в середине 50-х годов XX века

[38] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР. 1956, с. 215; Народное хозяйство СССР в 1961 году, с. 641; Народное хозяйство СССР в 1965 г., с. 637; История советского крестьянства. Т.4, с. 326 [Гл. IX, § 1, *В.О. Морозов*].

[39] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН. 1999, с. 288, 292, 294.

натуральное наполнение трудодня достигает величины дневного заработка французского сельскохозяйственного рабочего в конце XVIII века. «Привилегированные» группы работников сельского хозяйства России, к которым относились в первую очередь механизаторы, оплачивались, конечно, по более высоким ставкам. Некто А. Добрюха сообщал в 1954 г., что в одном из районов Краснодарского края, высокоспециализированного зернопроизводящего региона России, «около ста человек имеют собственные автомашины. В большинстве это — механизаторы сельского хозяйства»[40]. (Напомним, что в 1954 г. государственные заготовительные цены на зерно по отношению к таковым ценам, действовавшим в 1952 г., были увеличены в 7,4 раза; см. табл. IV-2.)

Очевидно, что обозначившийся в 50-х – начале 60-х годов режим спурта в экономическом росте общественного хозяйства не привел к качественным изменениям в порядке формирования заработков работников этого хозяйства. (Клапан к изменениям в господствующих механизмах оплаты труда работников общественного хозяйства будет приоткрыт лишь во второй половине 60-х годов.) При мануфактурной по преимуществу стадии организации труда, пока еще преобладавшей в агросфере, кратократия по-прежнему требовала свой «фунт мяса» из скудного фонда жизненных средств семьи колхозника. Как отмечалось в гл. III (§2), не общественное хозяйство колхоза, а личное подсобное хозяйство (ЛПХ) оставалось *главным источником жизненных средств колхозной семьи*[41]. Мотивация труда работника общественного хозяйства, хотя в ней уже появились первые признаки положительных изменений, оставалась «ахиллесовой пятой» экономического роста в агросфере СССР (России, в частности), фактором, вымывавшим из него составляющие экономической эффективности.

3. *Затратность и субсидии, или как спрятать голову в песок (60-е – начало 90-х годов)*

Особенностью сельскохозяйственного ценообразования в период компенсационного роста было то, что впервые со времен НЭПа, при формулировании ценовой политики государства, в стане кратократии стали раздаваться призывы — о необходимости учета фактора производственных затрат как существеннейшего регулятора воспроизводственного процесса. Соизмерение затрат (действительных, а не надуманных, издержек производства) и их результатов становилось

---

[40] *Известия*. 23.10.1954, цит. по: *Известия*. 24.11.2001.

[41] См.: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992, с. 213–215 [Документ № 48]; Российский статистический ежегодник 1994. М., 1994, с. 92.

императивной потребностью роста, детерминированной нарождавшейся новой технологической стадией экономической эволюции агросферы: общественное хозяйство аграрного сектора СССР (в частности, России) стояло на пороге индустриализации. (Эта проблема, самая болезненная для хозяйственного организма СССР вплоть до его распада, оказалась едва ли не наиболее уязвимым звеном всего механизма народнохозяйственного роста.)

Н.С. Хрущев был первым публичным политиком, который пытался (хотя только на уровне политических прокламаций) соединить несоединимое — кратократический «социализм» с его механизмом безвозмездных изъятий сельскохозяйственного продукта с «учетом и контролем» хозяйственных затрат; внести в сознание кратократии некоторые элементы ментальности, хотя бы в какой-то степени принимающей в расчет издержки производства. Это он на уровне публичной власти обратил внимание на существовавшие при «социализме» советского образца «недостатки в постановке учета и несовершенную методику определения затрат труда» в сельском хозяйстве[42]; это он поучал руководителей сельскохозяйственного производства СССР по поводу того, что «американцы давно научились считать затраты труда в сельскохозяйственном производстве, *а большинство руководителей колхозов и совхозов долгое время вообще не задумывались над вопросом, сколько затрачивается времени на производство* центнера мяса и центнера молока, *какова себестоимость продукции*. /…/ Нам надо вести хозяйство экономно. (Не здесь ли следует искать истоки популярного коммунистического слогана 70-х годов — «экономика должна быть экономной»? — *Авт.*) Директора совхозов, председатели колхозов должны иметь расчеты, знать, какие затраты произведены на вспашку земли, на посев, на обработку, уборку, силосование, хранение продукции, кормление и содержание скота, во что обходится центнер привеса и т.д. (курсив наш. — *Авт.*)»[43].

Н.С. Хрущев, конечно, напрасно взывал к «экономической совести» лидеров «социалистического хозяйства» в аграрном секторе СССР. Его рекомендации приобретали бы смысл лишь в том случае, если бы страна вступила на путь действительного развития рынка и рыночных отношений, т.е. формирования условий для развития *корректирующих обратных связей — от рынка к производителю*. Этого, однако, не происходило[44]. Хрущевские рекомендации скорее отразили императивы наступавшей новой экономической эпохи,

---

[42] Цит. по: Сельское хозяйство СССР. 1960, с. 449.

[43] Цит. по: Народное хозяйство СССР в 1961 году., с. 459.

[44] К началу 70-х годов была свернута, так и не вышедшая даже из стадии эмбриона, весьма умеренная экономическая реформа, названная в народе по имени ее инициатора — А.Н. Косыгина.

заключавшейся в том, что наметившийся курс на усиление индустриальных преобразований в аграрном секторе СССР потребовал: на стороне макроотраслевых отношений — *коренного изменения условий обмена между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой экономики*, внедрения в практику обмена принципиально новых правил, которые учитывали бы насущнейшие нужды воспроизводства в сельском хозяйстве, этом дотоле неиссякаемо щедром источнике хозяйственного роста огромной страны; а на стороне собственно сельского хозяйства — осуществления учета производственных затрат и *адекватной проверки их экономической целесообразности* по выходе созданного продукта из процесса производства.

С 60-х годов в стране стала интенсивно формироваться новая структура ценовых пропорций, в искажении которых принимало участие гораздо большее число факторов, чем это было на предшествующей, мануфактурной по преимуществу, стадии сельскохозяйственного роста. Более сложную конфигурацию приобрел и ареал экономического пространства, пораженный опухолью деформаций, вызванных этими искажениями. Рассмотрим это подробнее.

Одной из главных целей социально-экономической политики государства было поддержание устойчивых (стабильных) розничных цен на продукты питания, расходы на которые составляли в бывшем СССР в 1940–1990 гг. от 2/3 до половины фонда личного потребления населения. И, действительно, как свидетельствуют многочисленные материалы, розничные цены на продовольствие почти до самого конца существования СССР кратократии в основном удавалось удерживать в границах весьма близких значений. Речь идет о самом крупном сегменте потребительского товарооборота — государственном (около 70% общей суммы расходов населения на покупки продовольствия к концу 80-х годов[45]). Например, государственные и кооперативные цены на продукты питания за период 1960–1989 гг. увеличились всего на 16,6%[46], т.е. среднегодовой прирост за эти 29 лет составлял 0,5% в год.

Между тем внутренний рынок продовольственных товаров испытывал все более мощное давление цен мирового рынка. Действительно, до тех пор, пока в бывшем СССР обеспечение населения продуктами питания основывалось на внутренних ресурсах продовольствия (т.е. реально существовала «продовольственная автаркия»), влияние цен мирового рынка на продовольственный сегмент внутреннего было весьма ограниченным.

---

[45] См.: Торговля [в СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с. 10.

[46] Подсчитано по: Торговля СССР. Статистический сборник. М., 1989, с.80; Торговля [в СССР]. 1991, с. 93.

Но с катастрофически нараставшим (особенно к концу 70-х годов XX века) бессилием «своего» сельского хозяйства наполнить «закрома государства» продовольствием в нужном объеме и необходимой товарной номенклатуре ситуация стала коренным образом изменяться. Продовольственный сектор бывшего СССР вступил в теснейшее *непосредственное соприкосновение (взаимодействие)* с мировым рынком: ведь теперь требовалось импортировать большие массы продовольствия, чтобы закрыть образовавшуюся брешь в «закромах государства». О ее глубине свидетельствуют следующие данные по бывшему СССР[47]:

	1980 г.	*1985 г.*	*в среднем за год 1986–1990 гг.*
Импорт зерна, *млн. т*	27,8	44,2	32,2
в % к объему государственных закупок зерна	*40,0*	*60,1*	*47,3*
Импорт мяса и мясопродуктов, *тыс. т*	821	857	868
удельный вес в общесоюзном потреблении, %	*8,3*	*7,4*	*6,6*

Таким образом, зерновые ресурсы государства в 80-х годах, фактически вплоть до времени распада СССР, примерно *на 1/3 (одну треть) формировались за счет импорта зерна из-за рубежа* (об этом см. также гл. III, §3). Хотя функциональная роль импорта мяса и мясопродуктов была, очевидно, существенно меньше, воздействие данного импорта на внутренний рынок мяса в СССР было весьма значительным; тем более, что животноводство в 80-х годах потребляло *свыше половины наличных ресурсов зерна в стране*. Импорт и внутреннее производство продукции этих основных отраслей сельского хозяйства активно «дополняли» друг друга, обеспечивая целостность воспроизводственного процесса в продовольственном и сельскохозяйственном секторах. Трудность заключалась в «малости»: степень рассогласованности цен, внутренних и внешних, усугубляемой «политическим» (стабильно завышенным) обменным курсом национальной валюты (рубля) по отношению к мировой (доллару США), оказалась абсолютно неприемлемой для тогдашних условий бытия сельскохозяйственного и продовольственного секторов народного хозяйства бывшего СССР.

[47] См.: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 463, 506, 654, 657; Торговля СССР. 1989, с. 188; Торговля [в СССР]. 1991, с. 25.

Ценообразовательные процессы происходили в бывшем СССР вне всякой связи с динамикой внутренних издержек, фактически в полном отрыве от нее. Госкомстат СССР неоднократно обращал внимание на то, что «нельзя слепо переносить цены мирового рынка на хозяйственные нужды нашей страны. При трудностях с развитием сельского хозяйства, при его высоких затратах нереально использовать внутри страны мировые цены почти на все виды продукции, производимые из сельскохозяйственного сырья. Например, внутренние цены СССР на многие продукты питания *не отвечают реальным затратам производителей* (курсив наш. — *Авт.*)»[48]. Госкомстат СССР всердцах воскликнул по этому поводу: «Никто не будет продавать мясо на всесоюзном рынке по цене 1–1,5 рубля за килограмм, как на мировом рынке»[49]! Средняя цена на импортируемое мясо и мясопродукты благодаря некоторому понижению к концу 80-х годов курса рубля по отношению к доллару (до 1,63 руб./долл. в 1987–1990 гг.), составила 2,75 руб./кг[50] (1987–1990 гг.). Но это не спасало положения: завышенный обменный курс рубля угнетающе воздействовал на производство в аграрном секторе, обескровливая потенции конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции бывшего СССР на рынке.

Поддерживать дорогостоящую стабильность ценовых пропорций в СССР оказалось возможным в таких условиях только посредством вливания в сферу производства и товарного обращения *огромных субсидий*. Возникшие как экономическое явление в народном хозяйстве СССР в первой половине 60-х годов, эти субсидии увеличивались из года в год. Особенно сильно субсидиальный фонд разбух к концу 80-х годов, когда только сельскохозяйственные и продовольственные *ценовые* субсидии, т.е. денежные средства, выделявшиеся из государственного бюджета для покрытия части цены продукта как на стороне производства (для погашения части действительных издержек производства), так и на стороне потребления (оплата государством части розничной цены продукта, реализуемого непосредственному

---

[48] Цит. по: Народное хозяйство СССР в 1989 г., с. 639.

[49] См.: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 642. Такой рублевый эквивалент мировой цены на мясо возник только вследствие искусственно завышенного курса рубля (примерно 0,9 руб./долл.), при установке которого не учитывались реалии экономики бывшего СССР (в том числе РСФСР), в частности, величина издержек внутреннего производства и производительность труда в сельском хозяйстве.

[50] Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР. Программа мероприятий на переходный период. [Всемирный банк. Департамент III, Региональное управление Европы и Средней Азии.] Вашингтон, 1993, с. 214, 215.

потребителю)[51], достигли примерно 9% всего ВВП, создававшегося в России. Лишь с началом либерализации цен в экономике России[52] и формированием рыночных отношений и связей как доминирующего экономического фактора хозяйственного роста роль субсидий стала сокращаться[53]. Динамика удельного веса сельскохозяйственных и продовольственных ценовых субсидий в экономике России за два последних десятилетия ее существования в составе СССР характеризовалась по годам следующими показателями (*в % в ВВП*)[54]:

1970	*1980*	*1985*	*1988*	*1989*	*1990*	*1991*
2,8	*2,9*	*5,9*	*8,2*	*8,9*	*8,8*	*5,7*

За показателями роста удельного веса сельскохозяйственных и продовольственных ценовых субсидий в последние десятилетия существования России в составе СССР стоял вздымавшийся вал их физической (деньгами выраженной) массы. Так, в 1960–1990 гг. они составляли (*в фактически действовавших ценах, млрд. руб.*)[55]:

---

[51] Вот один из примеров ценовых диссонансов конца советской эпохи. По данным Госкомстата СССР, средняя розничная (государственная) цена одного килограмма говядины составляла в 1989 г. 1,81 руб. Средняя же субсидия, выделявшаяся для финансирования цены одного килограмма говядины, достигала 5,20 руб. Всего 1 (один) килограмм говядины обходился обществу в 7,01 руб., т.е. в сумму, которая на 74% покрывалась из государственного бюджета (см. Стратегия реформ, с. 253).

[52] Помимо других причин, политика либерализации цен имела своей целью «смягчать разрушительные последствия субсидирования цен, исправлять нарушения, вызванные предыдущей политикой в области потребления и доходов, и уменьшать вмешательство правительства в деятельность предприятий продовольственного и сельскохозяйственного сектора» (см.: Стратегия реформ, с. 143).

[53] Всемирный банк был более суров в своих оценках: «Стремление защитить потребителей от затрат на неэффективную продовольственную и сельскохозяйственную систему *путем перекачивания этих затрат в бюджет* (курсив наш. — *Авт.*) оказалось неустойчивым, и осенью 1991 г. механизм таких перекачиваний развалился» (Стратегия реформ, с. 161).

[54] Подсчитано по: Российский статистический ежегодник 1994, с. 238; Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001, с. 279; Стратегия реформ, с. 252, 253; Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981, с. 23; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г., с. 18; Народное хозяйство Российской Федерации 1992., с. 11. Статистические службы бывш. СССР (и соответственно РСФСР) не приводили показателей ВВП, существовали только данные о валовом общественном продукте, который отличался от ВВП на величину промежуточного потребления. Поэтому показатели ВВП за 1970, 1980, 1985, 1988 гг. были исчислены нами по величине валового общественного продукта. Так, по оценке на 1989–1991 г. ВВП РСФСР составлял 66,3% величины валового общественного продукта.

[55] Цит. по: Стратегия реформ, с. 253.

	1960	1970	1980	1985	1990	1990 г. в разах к 1970 г.
РСФСР	. . .	7,1	12,3	32,0	56,7	8,0
СССР*	1,5	15,5	24,7	58,1	103,6	6,7

** С 1970 г. по 1990 г. — данные Госкомстата СССР. Показатель за 1960 г. разработан Министерством финансов СССР. Исчисленные последним показатели за 1970–1990 гг. выглядят следующим образом: 12,3 млрд. руб. — для 1970 г.; 25,3 млрд. руб. — 1980 г.; 58,0 млрд. руб. — 1985 г.; 104,2 млрд. руб. — для 1990 г.* [56]

Абсолютная величина ценовых субсидий, поддерживавших сельскохозяйственный и продовольственный секторы, была столь велика, что на рубеже 80-х – 90-х годов (1988–1991 гг.), например, в РСФСР/России она уже намного превышала все государственные расходы на образование и здравоохранение, вместе взятые[57].

Не менее впечатляющую картину роста способности субсидиального потока поглощать общественный продукт, аккумулируемый в государственный бюджет, показывает динамика *пропорций государственных расходов* бывшего СССР на сельскохозяйственные и продовольственные ценовые субсидии; в общем объеме государственных расходов бывшего СССР удельный вес субсидий данного вида за последние три десятилетия, предшествовавшие распаду советского государства, изменялся следующим образом (*в %*)[58]:

1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.
2,1	3,2	7,8	9,2	8,1	14,5	20,0

Дело дошло до того, что субсидии стали формировать *основную часть цены важнейших продовольственных продуктов*, реализовывавшихся в розничной торговле СССР. Особенно это касалось продукции животноводства. В самом деле, в 1989 г. субсидии составляли 74% розничной цены говядины, 60% — свинины, 79% — баранины (но птицы — лишь 36%), 61% — цельного молока, 72% — масла. Иначе говоря, возмещение *главной массы затрат по производству и реализации продукции животноводства* (а это — 56% стоимости валовой продукции сельского хозяйства СССР, произведенной в 1981–1990 гг.[59]) уже *целиком было возложено на плечи государства,* т.е.

---

[56] См. там же, с. 252.

[57] См.: Российский статистический ежегодник 1994, с. 246, 247; Российский статистический ежегодник 1999, с. 254, 255; Стратегия реформ, с. 252.

[58] Стратегия реформ, с. 252.

[59] Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 458.

всего советского общества. Животноводство при этом являлось главным реципиентом взмывавшего в заоблачные выси государственного фонда сельскохозяйственных и продовольственных субсидий, получая, по данным Госкомстата СССР, *более 75% их общей суммы*[60]. И если справедливо заключение Всемирного банка, что «субсидии являются произвольным показателем степени экономических деформаций»[61], то советское животноводство оказалось едва ли не самым ярким свидетельством точности этого заключения. (Даже такой продукт массового потребления, как хлеб, производство которого исторически в наибольшей степени страдало от системы безвозмездных изъятий государством стоимости производимой продукции, реализовывался в розничной торговле по цене, которая на 20% субсидировалась из государственного бюджета[62].)

Аграрный сектор СССР (в частности, России) в последние десятилетия советской власти, таким образом, все прочнее «садился на иглу» государственных дотаций, которые превратились в подлинный движитель механизма реализации продовольствия среди населения огромной страны, «больной» мотор воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве, «больной» именно потому, что субсидиальная подпитка хозяйства агросферы не могла переломить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону: субсидии не устраняли механизмов затратного воспроизводства в этом экономическом секторе, а, напротив, консервировали — функционально — практику затратности, расширяя «площадку» для дальнейшей экспансии хозяйственной деятельности расточительного типа.

О масштабах зависимости экономического роста РСФСР/России от субсидиального дурмана, распространившегося в аграрном секторе, свидетельствуют данные о динамике сельскохозяйственных и продовольственных субсидий, исчисленных как отношение к величине сельскохозяйственной части валового внутреннего продукта РСФСР/России (в %)[63]:

1970 г.	*1980 г.*	*1985 г.*	*1988 г.*	*1989 г.*	*1990 г.*	*1991 г.*
22,5	*28,0*	*48,7*	*62,0*	*57,5*	*57,2*	*41,9*

Примечание: Показатели сельскохозяйственной части ВВП за 1970, 1980, 1985, 1988 гг. — расчетные. Для их оценки был применен принцип аналогии: показа-

[60] Цит. по: Стратегия реформ, с. 253.
[61] Цит. по: там же, с. 161.
[62] Там же.
[63] Подсчитано по: Российский статистический ежегодник 1994, с. 242; Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001, с. 282–289, 395; Стратегия реформ, с. 252, 253.

тель удельного веса промежуточного потребления во внерыночном сельском хозяйстве России (к тому же обильно субсидируемом) за 1989–1991 гг. (таковой составлял, по данным «Национальных счетов» России, 37,7% стоимости всей произведенной сельскохозяйственной продукции [total agricultural output]) был использован для исчисления — в грубом приближении — имплицитной величины валовой добавленной стоимости в сельском хозяйстве за означенные годы. (Отметим, что показатели удельного веса промежуточного потребления за 1989–1991 гг., заимствованные из опубликованных Госкомстатом России «Национальных счетов» России, по основаниям, которые будут изложены в ходе дальнейшего анализа, существенно больше подходят для оценки ВВП в ретроспективе, чем аналогичные показатели данного ряда за любые годы постсоветского бытия страны.) Согласно методике Госкомстата России, валовая добавленная стоимость исчисляется в «основных ценах» и включает сумму «субсидий на продукты», но исключает «налоги на продукты», т.е. косвенные налоги, — это одновременно и ВВП в «основных ценах». ВВП в «рыночных ценах», напротив, включает отмеченные макроэкономические элементы хозяйственной жизни с обратным знаком, т.е. исключает «субсидии на продукты», но включает «налоги на продукты» (косвенные налоги). Поэтому показатели валовой добавленной стоимости и величины ВВП в «рыночных ценах» не совпадают; в отмеченный период первая была меньше второй на 7,2% в 1989 г., на 6,7% в 1990 г., на 3,7% в 1991 г.[64] *Отсюда следует, что показатель сельскохозяйственной части ВВП в «рыночных ценах», по отношению к которой, по международным стандартам, должен был бы быть исчислен удельный вес продовольственных и сельскохозяйственных субсидий, по-видимому, несколько превышает использованный. Это расхождение, однако, столь невелико, что не может существенно повлиять на конечный вывод: тенденция удельного веса продовольственных и сельскохозяйственных субсидий к росту в последние два десятилетия пребывания России в составе СССР усиливалась весьма интенсивно. В обоих случаях Госкомстат в своих исчислениях означенных макропоказателей «Национальных счетов», приводимых как в «основных ценах», так и «рыночных ценах», использует текущие (фактически действующие) цены.*

При исчислении удельного веса субсидий в сельскохозяйственной части ВВП следует обратить внимание также на следующие обстоятельства. Статистические органы бывш. СССР, как было упомянуто, не давали сведений о ВВП за предшествующие распаду СССР годы, но они приводили сведения о национальном доходе и его отраслевом распределении. Так вот, по отношению к сельскохозяйственной части национального дохода значения удельного веса субсидий выглядят совсем иначе, показывая существенно более высокие величины. По данным официальных статистических публикаций, за период 1960–1991 гг. удельный вес сельскохозяйственных и продовольственных субсидий по отношению к сельскохозяйственной части национального дохода, исчисленной в фактически действовавших ценах, выглядят по РСФСР/России и по СССР в целом следующим образом (в %)[65]:

[64] См.: Российский статистический ежегодник 1994, с. 242, 243, 244.

[65] Народное хозяйство СССР в 1967 г. Статистический ежегодник. М., 1968, с. 326; Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 386; Народное хозяйство СССР в 1990

	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1991
РСФСР/Россия	н.св.	23,9	н.св.	46,2	64,4	64,1	54,9
СССР	7,6	19,5	30,0	36,7	51,4	59,9	н.св.

Огромный разрыв между показателем удельного веса сельскохозяйственных и продовольственных субсидий, исчисленным по отношению к сельскохозяйственной части национального дохода, и показателем их удельного веса, исчисленным по отношению к сельскохозяйственной части ВВП (он приведен выше), объясняется тем, что, по свидетельству ЦСУ СССР, статистически учтенный доход как часть национального дохода отнюдь не отражал величину чистого продукта, созданного в сельском хозяйстве: из него исключалась весьма значительная доля. В самом деле, «налог с оборота как часть чистого дохода, реализуемого в ценах промышленной продукции, учтен в промышленности. Если же распределить налог с оборота между сельским хозяйством и промышленностью, то сумма национального дохода, созданного в сельском хозяйстве, соответственно увеличится, а в промышленности — уменьшится»[66]. Поэтому показатель удельного веса субсидий по отношению к сельскохозяйственной части национального дохода оказывался завышенным, порою весьма существенно. В результате показатель, рассчитанный по отношению к сельскохозяйственной части ВВП, точнее отражает реальные соотношения между величинами субсидий и продукта, чем показатель, исчисленный по отношению к сельскохозяйственной части национального дохода, значительная масса которой в советский период истории России безвозмездно перераспределялась в пользу других отраслей экономики.

Субсидировалось и потребление материально-технических ресурсов, использовавшихся в производстве продовольственной продукции. Особую форму субсидий представляли также государственные капиталовложения в сельскохозяйственное производство. «Фокус», однако, заключался в том, что государственные закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию постоянно оказывались ниже, чем себестоимость ее производства.

г., с. 11; Российский статистический ежегодник 1994, с. 242, 243, 244, 263; Российский статистический ежегодник 2001, с. 281; Стратегия реформ, с. 252, 253.

[66] Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 386 (прим.).

Таблица IV-3

СССР: динамика государственных закупочных цен и себестоимости продукции сельского хозяйства, 80-е годы XX века *

Год	Государственные фактические закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию					Стоимость производства единицы продукции АПК-I *индекс: 1985=100*		Себестоимость производства 1 тонны продукции[4], *рублей*		Уровень отраслевой рентабельности производства[4], %		Удельный вес выплат за проданную продукцию в стоимости валовой продукции сельского хозяйства[5], %	
	руб./тонна		*индекс: 1983=100*										
	зерно	КРС[1]	вся продукция	зерно	КРС[1]	тракторы[2]	удобрения[3]	зерно	КРС[1]	зерно	КРС[1]	в фактических ценах	в сопоставимых ценах
1980	107	1534		72	65,5	80	73	66[6]	1881[6]	39	-10	53,3	61,0
1983	149	2340	100	100	100			94[7]	2499[7]				
1984	148	2503	102	99,5	107			н.св.[8]	2573				
1985	149	2503	103	100	107	100	100	104	2706	51	6	57,6	58,9
1986	172	2526	104	115	108	102	100	100	2605	76	8	58,0	59,1
1987	173	2631	107	115	112	110	100	102	2724	74	7	59,6	59,9
1988	205	2966	120	135	125	111	101	109	2708	100	19	61,1	59,4
1989	220	3120	128	143	132	112	107	109	2840	118	20	61,7	59,3
1990	313	3422	143	215	144	119	107	114	3193	176	20	63,9	60,5
1991	354[9]	4563[9]		237	195					104	23		

* *Составлено и подсчитано по:* Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с. 265, 281; Народное хозяйство СССР в 1984 г. Статистический ежегодник. М., 1985, с. 298 310; Народное хозяйство СССР в 1987 г. Статистический ежегодник. М., 1988, с. 253, 261; Народное хозяйство СССР в 1989 г. Статистический ежегодник. М., 1990, с. 390, 393, 423–427; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 160, 161, 428, 429, 466, 529, 532, 537, 540; Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР. Программа ме-

роприятий на переходный период. [Всемирный банк. Департамент III, Региональное управление Европы и Средней Азии.] Вашингтон, 1993, с. 245; Цены в Российской Федерации в 1993 г. М., 1994, с. 169.

[1] Крупный рогатый скот в весе живой массы, без откорма и привеса.

[2] За единицу принята реализованная цена одной л.с. тракторной тяги.

[3] За единицу принята реализованная цена 1 кг минеральных удобрений, в эквиваленте действующего вещества.

[4] Показатель исчислен как средневзвешенная величина себестоимости производства / рентабельности в колхозах и совхозах. Приведенные в таблице значения уровня отраслевой рентабельности за период 1985–1987 гг. — величины положительные, однако, в этот период закупочные цены на КРС были несколько ниже себестоимости единицы данного продукта. Соотношение «закупочная цена / себестоимость», касающееся периода 1987–1990 гг., никак не могло обеспечить приведенный в таблице уровень рентабельности. Вопрос — какие ухищрения статистики могли позволить при расчетах получить данные значения уровня рентабельности? Это, по-видимому, можно объяснить тем, что в статистике ЦСУ СССР отраслевая себестоимость оценивалась с учетом *всей* произведенной продукции, а уровень рентабельности рассчитывался только исходя из величины себестоимости *реализованной продукции*, которая могла быть несколько *ниже*, чем среднеотраслевая себестоимость.

[5] Удельный вес выплат за сельскохозяйственную продукцию, проданную государству, кооперативным и государственными торгующим организациям, рассчитан по отношению к стоимости валовой продукции сельского хозяйства; по принятой в источнике методике стоимость валовой продукции складывается из суммарной стоимости ее товарной и нетоварной частей. При расчетах в фактических ценах товарная часть оценивается по фактически действующим ценам, а нетоварная - по себестоимости, рассчитываемой по номинальным ценам (фактически стабильным — см. соответствующий раздел в таблице) производственных затрат. Нетоварная часть тем самым существенно занижается, что в результате завышает показатель удельного веса товарной продукции, рассчитанного по показателям выплат. Чтобы выработать соизмеримую стоимостную оценку товарной и нетоварной частей продукции, стоимость товарной части продукции была представлена в сопоставимых ценах 1983 г. Это было сделано путем деления показателей выплат за проданную сельскохозяйственную продукцию, приведенных в источнике в фактически действовавших ценах, на индекс государственных закупочных цен на продукцию сельского хозяйства, рассчитанный как процентное отношение к ценам 1983 г. (значения данного индекса приведены в публикациях ЦСУ СССР, см., напр.: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 160). На базе полученных результатов был осуществлен расчет удельного веса выплат за проданную сельскохозяйственную продукцию в сопоставимых ценах по формуле:

(*Продолжение примечаний к таблице IV-3*)

$$\frac{\textit{выплаты за проданную сельскохозяйственную продукцию в сопоставимых ценах } 1983\ г.}{\textit{стоимость валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах } 1983\ г.} * 100\%$$

(Стоимость валовой продукции сельского хозяйства приводится в публикациях ЦСУ СССР как в фактических, так и в сопоставимых ценах. См., напр.: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 428, 429.) Тем самым была устранена (хотя по-видимому, лишь частично) динамическая «диспропорция» между относительно все более «утяжелявшейся» товарной частью валовой продукции, оценивавшейся по фактически действовавшим ценам, и относительно «стабильной» нетоварной ее частью, стоимостной индекс которой, оцениваемый по значениям себестоимости, почти не претерпел изменений.

[6] 1978 г.

[7] Средняя 1981–1985 гг.

[8] Все сведения о зерновом производстве в СССР в этот период находились под запретом.

[9] Показатели касаются только колхозов и совхозов. Если учесть реализацию сельскохозяйственной продукции всеми категориями хозяйств через все каналы сбыта, то цена на зерно в 1991 г. составила 487 руб./тонна, а КРС — 4869 руб./тонна (см.: Цены в Российской Федерации в 1993 г, с. 168).

Так, в 1960–1961 гг. государственные закупочные цены, выплачиваемые производителям общественного хозяйства, не покрывали 35% издержек («себестоимости») по выращиванию на убой крупного рогатого скота. (А между тем только за период 1952–1959 гг. государственные «заготовительно-закупочные» цены на крупный рогатый скот были увеличены в 12,4 раза!) К 1980 г. этот разрыв сократился до 19,5%, в 1985 г., после происшедшего в начале 80-х годов повышения закупочных цен, он составлял лишь 7,5%, а в следующие два года — уже только 3% (см. табл. IV-3)[1].

В реальной жизни ситуацию можно было бы представить таким образом, как если бы происходила «гонка» издержек производства, на одной стороне, и закупочных цен, на другой. Но при этом последние, как правило, не успевали за первыми, всегда запаздывали, а разница между обоими в конечном итоге реализовывалась в пользу государственной монополии. Иначе говоря, практика неэквивалентного обмена по существу сохраняла свою власть над сельскохозяйственными производителями. Госкомстат СССР так разъяснял государственный рационализм подобной политики: «*Уровень цен не всегда*

[1] Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 426; Народное хозяйство СССР в 1987 г., с. 253, 261; Народное хозяйство СССР в 1989 г., с. 423, 425, 503, 511; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 160, 161, 466, 529, 537; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с. 23, 117, 127.

отражает общественно необходимые затраты труда на производство продукции. Часть национального дохода, созданного в сельском хозяйстве, реализуется в форме налога с оборота и прибыли в пищевой промышленности и других отраслях материального производства, включаемых в АПК, а также в легкой промышленности (курсив наш. — *Авт.*)»[2].

Обратим внимание: в этом откровении Госкомстата СССР больше всего поражает даже не самый факт затянувшегося процесса невозмещаемого отъема ресурсов, принадлежащих общественному сектору аграрного хозяйства, а размах отторжения его производителей от механизмов принятия решений по поводу распределения произведенного *ими* сельскохозяйственного продукта: ведь речь идет именно о *непокрытии уже осуществленных затрат на производство в агросфере* бывшего СССР; отсюда вывод — сельскохозяйственный сектор по существу до последних лет существования СССР продолжал оставаться «дойной коровой» для несельскохозяйственных отраслей национальной экономики.

Мысль о недопустимости такого рода явлений «экономического цинизма» нашла ясное отражение в Постановлении второго Съезда народных депутатов СССР еще в 1989 г., определившем: «— обеспечить строгое соблюдение принципов хозяйственного расчета, *исключающих перераспределение на безвозмездной основе средств, заработанных трудовыми коллективами*, кроме платежей, установленных законами» (курсив наш. — *Авт.*)[3].

Уточним, однако. Это была удивительная экономика, по-видимому, не имевшая аналога в мире: одной рукой кратократия, применяя отработанную десятилетиями политику неэквивалентного для аграрного сектора обмена, безвозмездно изымала из сельского

---

[2] Цит. по: Народное хозяйство СССР в 1987 г., с. 14.

Одним из наиболее ярких оппонентов кратократической политики цен в бывшем СССР был крупный советский ученый–аграрник В.Г. Венжер, который глубоко исследовал механизмы возможного использования «закона стоимости» (а «закон стоимости», как полагал автор, «это прежде всего закон цен». См.: *Венжер В.Г.* Использование закона стоимости в колхозном производстве. Изд. 2-е. М.: «Наука», 1965, с. 7) в интересах создания принципиально новых экономических основ повышения эффективности сельского хозяйства бывшего СССР; создание таких основ автор мыслил в границах «социалистической системы хозяйства». О творчестве В.Г. Венжера см.: *Фигуровская Н.К.* Проблемы реформирования аграрного строя (к 100-летю со дня рождения В.Г. Венжера), в сб.: Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве. М.: «Academia», 2000, с. 9–47.

[3] Постановление Съезда народных депутатов СССР о мерах по оздоровлению экономики. 20 декабря 1989 г. М., 1990, с. 5.

хозяйства часть цены издержек производства и прибыли, нарушая работу механизмов воспроизводственного процесса, а другой в той или иной степени компенсировала эти изъятия инъекциями в сельское хозяйство безвозмездных субсидий за счет средств государственного бюджета. (Главным объектом такого «взаимозачета» был, конечно, общественный, по определению — «социалистический», сектор агросферы.) В «сухом остатке» этой круговерти оставались очередные порции прироста затратности.

Лишь в последние четыре года, когда призрак развала всей системы монопольной организации сельскохозяйственного производства бывшего СССР стал обретать все более явные очертания, кратократия решилась на резкое, по существу скачкообразное, преследующее решение *качественно новых* задач, повышение закупочных цен. Последние действительно, по-видимому, впервые за всю историю «колхозно-совхозного строительства» в бывшем СССР стали по всем отраслям хозяйства превышать то, что в социалистической политэкономии было принято называть «себестоимостью» произведенного продукта (Даже в такой вечно убыточной отрасли сельского хозяйства, как выращивание крупного рогатого скота на убой, закупочные цены в 1988–1990 гг. превзошли на 7–10% его себестоимость. См. табл. IV-3). (Некоторые исследователи даже характеризуют этот период периодом *ценового паритета*, действовавшего при обмене между сельским хозяйством и несельскохозяйственной сферой национальной экономики.)

4. «*Социалистические*» *парадоксы сельскохозяйственного роста*

Однако ценовая политика, проводившаяся в этот период, вкупе с огромными субсидиальными инъекциями в аграрную экономику не могла возместить тех потерь, которые сельское хозяйство понесло в предшествующие десятилетия, а главное — не смогла создать климат, благоприятствующий хозяйственному росту, хотя и смягчила проявления сложившегося в экономике распадавшегося СССР аграрного кризиса.

Более того, в механизмах межотраслевого обмена мы наблюдаем парадокс, существование которого просто немыслимо в условиях рыночной экономики. Экономическая и демографическая статистика, разработанная ЦСУ СССР (впоследствии Госкомстатом СССР), позволяет рассчитать *коэффициент эффективности производства* в общественном секторе сельского хозяйства в сравнении с

эффективностью производства в секторе «личного подсобного» хозяйства населения (ЛПХ). Этот коэффициент представляет собой *отношение стоимостной (выраженной в денежной форме) величины сельскохозяйственного продукта, произведенного на одного работника в общественном секторе сельского хозяйства, к стоимостной (выраженной в денежной форме) величине такого же продукта, полученного в ЛПХ*.

Казалось бы, при гораздо более высоком уровне производительности труда, каковым характеризуется общественное хозяйство (по сравнению с уровнем производительности труда в ЛПХ), стоимостная величина продукции, произведенная одним работником в общественном хозяйстве, благодаря более высокой производительности труда в последнем должна была бы быть существенно выше, чем аналогичная величина продукции, получаемая в ЛПХ. (Даже несмотря на то, что некоторая часть сельскохозяйственных операций, например, вспашка земли в ряде случаев производилась в ЛПХ с использованием сельскохозяйственной техники, принадлежащей общественному хозяйству.) Парадокс, однако, состоял в том, что за последние полвека существования СССР *один работник ЛПХ производил в денежном выражении продукт гораздо более высокой стоимости, чем один работник общественного сектора сельского хозяйства*. Динамика коэффициента эффективности общественного хозяйства по отношению к эффективности производства в ЛПХ за указанные пять десятилетий выглядит по годам следующим образом (эффективность ЛПХ = 1)[4]:

[4] Рассчитано по: ***численность работников*** обоих секторов хозяйства — Сельское хозяйство СССР. 1988, с. 8; Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1968, с. 124, 125; Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 69; Агропромышленный комплекс СССР. Статистический сборник. М., 1990, с. 17; Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972, с. 217; Народное хозяйство СССР в 1987 г., с. 271; Народное хозяйство СССР в 1989 г., с. 47, 520; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 97, 449, 451; ***валовая сельскохозяйственная продукция***, произведенная в обоих секторах хозяйства — Народное хозяйство СССР в 1964 г., с. 247; Сельское хозяйство СССР. 1960, с. 83, 84, 85; Сельское хозяйство СССР. 1988, с. 25; Агропромышленный комплекс СССР. 1990, с. 9, 123; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 458; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с.5.

Расчет коэффициента эффективности применительно к каждому году охваченного данными расчетами периода основывался на сопоставимых ценах: за период 1940–1950 гг. — на ценах 1958 г.; за период 1960–1965 гг. — на ценах 1965 г.; за период 1970–1990 гг. — на ценах 1983 г. О методике определения стоимостной величины каждой категории продукта, произведенного в общественном хозяйстве, с одной стороны и ЛПХ — с другой, см.: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 701.

1940	*1950*	*1960*	*1965*	*1970*	*1975*	*1980*	*1985*	*1989*	*1990*
0,41	*0,40*	*0,37*	*0,42*	*0,49*	*0,44*	*0,50*	*0,63*	*0,55*	*0,58*

Предваряя анализ приведенных данных, позволим себе следующее уточнение. «Вечнозеленой» проблемой для статистических служб бывшего СССР было установление истинной численности занятых в ЛПХ, т.е. параметра, непосредственно влиявшего на значение коэффициента эффективности. При большой скудости исходных данных (причем не только прямых, но и надежных косвенных) все же можно выявить (и использовать) два метода оценок численности занятых в ЛПХ: при первом, как следует из сопоставления всей совокупности имеющихся данных, учитывался контингент лишь основных (постоянных) работников в ЛПХ (по некоторым историческим периодам на этот счет имеются прямые данные, например, за период 1980–1990 гг.); при втором, «остаточном», методе учету подлежала и часть (более-менее значительная) участвовавших в производстве (но не оплачивавшихся) членов семей владельцев ЛПХ. В наших расчетах мы использовали второй метод, полагая, что он должен был продвинуть нас к нахождению реального значения коэффициента эффективности дальше, чем использование первого метода. Масштабы разницы между значениями показателя, полученными при использовании обоих методов, могут быть довольно значительны. Например, коэффициент эффективности общественного хозяйства по отношению к таковой в ЛПХ, исчисленный первым методом, составлял в 1985 г. 0,43 единицы, а вторым — 0,63 единицы (соответствующие значения для 1980 г. — 0,38 и 0,5).

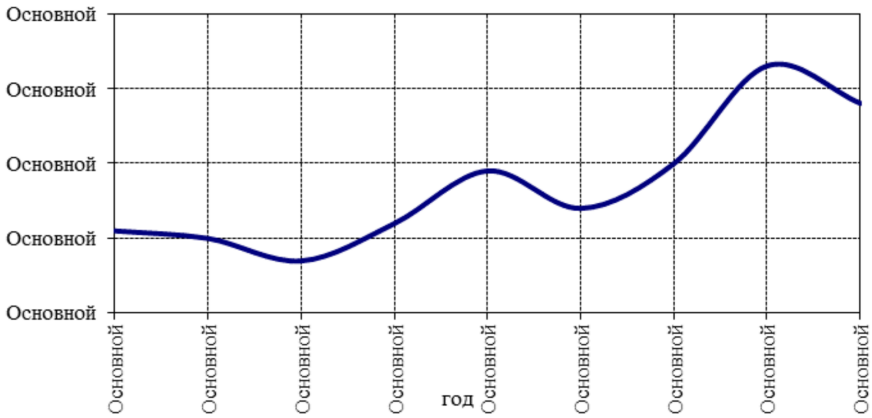
Как видно, динамика коэффициента характеризуется волнообразной временной зависимостью. Хотелось бы обратить внимание на следующие отрезки данной кривой. При мануфактурной организации труда, характерной для периода 40-х – 50-х годов (т.е. технологическом способе производства, при котором главенствующую роль в обоих секторах хозяйства, с некоторой поправкой для общественного сектора, играет ручной труд), разрыв между показателями эффективности общественного производства и производства в ЛПХ определялся почти исключительно, с одной стороны, личностным фактором — мотивацией труда, а, с другой — фактором давления государственной ценовой монополии. Можно сказать, что обратно пропорциональная зависимость между влияниями обоих этих факторов на мануфактурной ступени экономического роста проявлялась в этот период практически в чистом виде (см. рис. IV-1, показатели за 1940–1950 гг.).

Более того, общественное хозяйство по показателю своей эффективности даже все больше отставало от ЛПХ в период от начала

50-х годов до начала 60-х годов, что, очевидно, объяснялось политикой освобождения ЛПХ от «избыточного» внеэкономического гнета во время хрущевской «оттепели» (отмена обязательных поставок сельскохозяйственной продукции с приусадебных участков). В результате совокупная цена произведенного в ЛПХ продукта повысилась, причем, как видно, в большей степени, чем продукта, произведенного в общественном секторе хозяйства. В дальнейшем, с началом усиления курса на интенсификацию сельского хозяйства (середина 60-х годов) эффективность общественного хозяйства по отношению к таковой в ЛПХ повысилась: сказалось влияние технологического фактора сельскохозяйственного роста (наконец-то начавшийся рост производительности труда в агросфере)[5].

Рис. IV-1

СССР: отношение эффективности производства в общественном секторе сельского хозяйства к эффективности производства в ЛПХ, 1940–1990 гг.



Однако с начала 70-х и до начала 80-х годов мы наблюдаем в аграрной сфере типичные (всеобщие для этой эпохи) симптомы болезни советской экономики — застой в динамике эффективности общественного сектора сельского хозяйства (если последнюю измерять слабо продвинутой эффективностью мельчайшего хозяйства — ЛПХ, в преобладающей степени основанного на ручном труде). Конкретно данный феномен объяснялся тем, что в условиях жесткого курса кратократии на сохранение стабильных цен на государственном продовольственном рынке закупочные цены на сельскохозяйственную про-

[5] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 213–215.

дукцию, действовавшие в секторе общественного хозяйства, возрастали существенно медленнее, чем возрастали «вольные» цены (по которым реализовывали свою продукцию владельцы ЛПХ), уровень которых, помимо других факторов, детерминировался и силой напора инфляционных тенденций в народном хозяйстве СССР. Выиграть в таких условиях «соревнование» с ЛПХ в области экономической эффективности у общественного сектора хозяйства шансов практически не было. Тем более, что застойная динамика означенного коэффициента в данный период отразила, помимо прочего, и факт утраты личного интереса производителя общественного хозяйства к эффективному участию в процессе производства. В то время как для производителя ЛПХ «внешние» (в частности, обусловленные соотношением цен) условия производства не претерпели, очевидно, существенных изменений, и поэтому у него сохранялась высокая мотивация к эффективному труду в собственном (мельчайшем) хозяйстве.

Третий период, длившийся с начала 80-х годов до 1991 г., отмечен некоторым повышением относительной эффективности общественного хозяйства в сравнении с эффективностью производства в ЛПХ. Не вызывает сомнения, что этот положительный динамический сдвиг, наблюдавшийся в острокризисный период, в преддверии распада СССР, вызван вовсе не ростом производительности труда в общественном хозяйстве, а исключительно скачкообразным усилением субсидиальной подпитки аграрного и продовольственного секторов и резким повышением, особенно во второй половине десятилетия, государственных закупочных цен.

В целом, по-видимому, если исходить из предложенной А.А. Барсовым формулы неэквивалентности межотраслевого обмена, генерируемой государством, очевидным остается факт: данная неэквивалентность по-прежнему наиболее сильно ударяла по общественному хозяйству аграрного сектора, опутанному исторически сменявшими друг друга системами государственной контрактации сельскохозяйственной продукции, «обязательств по сдаче хлеба», госзаготовок, госзакупок, госзаказа. Можно сказать и иначе — цены на продукцию, принуждаемую к продаже государством (или, по Н.Д. Кондратьеву, «указные» цены, детерминируемые «велением публичной власти»), на протяжении всего рассматриваемого исторического периода были резко занижены по отношению к ценам, формировавшимся под влиянием рыночного спроса и предложения, хотя степень этой деформации, как свидетельствуют приведенные выше данные, заметно изменялась по периодам.

Сопоставление слагаемых фактора эффективности в их исторической динамике по секторам сельского хозяйства открывает нам новые грани межсекторских различий. Так, в СССР между 1959 и 1989 годами, отмеченными общесоюзными переписями населения, численность лиц, занятых в этих секторах, изменялась принципиально по разному. Вот каков был результат этих изменений за 30 лет — период индустриализации и интенсификации производства в сельском хозяйстве[6]:

Численность занятых	*1959 г.*	*1989 г.*	*1989 г. в % к 1959 г.*
Всего, млн. человек	*33*	*27,1*	*82,1*
в том числе:			
в общественном хозяйстве	*27*	*22,9*	*84,5*
в «личном подсобном» хозяйстве	*6*	*4,2*	*70,0*

За 30 лет число занятых в сельском хозяйстве сократилось менее чем на 18% , т.е. среднегодовой темп сокращения составлял около 0,5% (для сравнения: в США за тот же период численность лиц, занятых на фермах, уменьшилась в 2,5 раза[7]). Самое интересное, однако, заключалось в том, что *в общественном хозяйстве, представленном колхозами, совхозами и межхозяйственными объединениями всех систем, численность работников сократилась лишь на 15,5%, а в мельчайшем хозяйстве — на 30%.* Столь вялые изменения в показателях численности работников общественного хозяйства, подчеркнем это еще раз, мы наблюдаем в секторе сельскохозяйственного производства, переживавшем этап предположительно широких индустриальных трансформаций, нормальным следствием которых (т.е. обусловленным внутренней логикой процесса — сбережением труда) должно было бы стать массированное выталкивание живого труда из агросферы (о чем как раз и говорит пример США).

Извечная «российская специфика», однако, вносит в этот нормальный процесс свои коррективы. В самом деле, как изменилось за то же время в бывшем СССР соотношение между стоимостными показателями величины валовой сельскохозяйственной продукции, про-

---

[6] Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962,
с. 104–105 (прим.); Народное хозяйство СССР в 1989 г., с. 47; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 449, 451.

[7] Changes in Farm Production and Efficiency. A Summary Report 1970. Statistical Bulletin No.233. Wash.: USDA. 1970, c. 16; Statistical Abstract of the United States 1991. Wash.: US Bureau of the Census, 1991, c. 643.

изведенной в различных секторах хозяйства? Нижеследующие данные наглядно свидетельствуют об этом[8]:

Сельскохозяйственная валовая продукция (в сопоставимых ценах 1983 г.)	*1960 г.*	*1990 г.*	*1990 г. в % к 1960 г.*
Всего, млрд. руб.	*122,1*	*216,9*	*177,6*
в том числе:			
в общественном хозяйстве	*78,3*	*160,3*	*204,7*
в «личном подсобном» хозяйстве	*43,8*	*56,6*	*129,2*

Мы видим, что в общественном хозяйстве ежегодная стоимость производившейся валовой продукции через тридцать лет *удвоилась*, а в ЛПХ она увеличилась *менее, чем на одну треть*. Сопоставление динамик изменения обоих показателей (численность занятых, стоимость сельскохозяйственной валовой продукции) свидетельствует, что эффективность производства по секторам также претерпела разные по степени интенсивности изменения. В секторе общественного хозяйства величина продукта, произведенного на одного работника, увеличилась за 30 лет в 2,42 раза, т.е. на 142%, а в секторе ЛПХ — лишь в 1,85 раза, т.е. на 85% (но все-таки обратим внимание: за тридцать лет производительность труда в наименее производительном в СССР хозяйстве по абсолютной величине производства возросла почти в 2 раза!). В результате сектору общественного хозяйства удалось частично наверстать уже давно принявшее хронический характер отставание от ЛПХ по фактору эффективности хозяйственной деятельности, подняв норму своей эффективности (в соизмерении с таковой нормой у ЛПХ) с 0,4 единицы, что было типично для 40–50-х годов, до примерно 0,6 единицы в конце 80-х годов (см. выше). Такой успех, хотя и достигнутый почти исключительно благодаря эффекту пересмотренной в 80-х годах ценовой политики государства (см. выше), на время заметно улучшил пропорции обмена, действовавшие для общественного сектора сельского хозяйства, и тем самым несколько смягчил интенсивность разрушительных процессов, генерировавшихся под маской «зрелого социализма» изжившими себя кратократическими порядками во все еще внерыночной аграрной экономике СССР.

Несмотря на этот успех, *разрыв между аграрным оплотом «социализма» — общественным хозяйством (в его различных организационных формах) и индивидуальным частным маргинальным хозяй*

[8] Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 458; Сельское хозяйство СССР. 1988, с. 25; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. 1991, с. 5.

ством по параметрам сопоставимой эффективности хозяйственной деятельности оставался огромным. В годы распада СССР разрыв между первым и вторым по упомянутому показателю измерялся величиной в 40 пунктов (если эффективность ЛПХ принять за 100).

К сказанному полезно добавить следующее. Дело, по-видимому, не только в разности цен, определявшей столь значительные различия в параметрах эффективности обоих секторов хозяйства. Есть еще один ракурс оценки феномена таких различий. Все приведенные данные, вместе взятые, помимо прочего, свидетельствуют, хотя и не прямо, о том, что само общественное хозяйство с течением времени, в ходе индустриальных преобразований (так и не завершившихся за период существования СССР; см. гл. I) становилось *средоточием аграрного перенаселения*. Именно колхозно-совхозный сектор хозяйства при его кратократической социальной организации вынужден был концентрировать большие массы избыточных для производства работников, принимая на себя в то же время функции уравнительного распределения фонда жизненных средств среди главной массы наличествовавшей в нем рабочей силы. Это обстоятельство, очевидно, также внесло свой вклад в образование тормозов, препятствовавших крупному общественному хозяйству «догнать» мельчайшее ЛПХ по фактору эффективности производства даже за период, измеряющийся тремя десятилетиями.

Велик ли был резерв неиспользуемого совокупного рабочего времени в общественном хозяйстве? «Так, в 1974 г. степень использования трудовых ресурсов по колхозам страны составляла 77,1%. В результате имеющихся излишков рабочей силы, а также вследствие сезонности труда в отраслях растениеводства ежегодно остаются неиспользованными большие запасы трудовых ресурсов». В частности, «более 25% рабочих дней из общего количества неиспользованных за год в общественном хозяйстве колхозов составляют потери, связанные с сезонностью труда»[9]. Приведенные данные уместно сопоставить с данными о распределении рабочего времени в крестьянском хозяйстве России до его «обобществления». Согласно материалам обследования, проведенного ЦСУ СССР в 1922/23 г. (они обработаны известным русским ученым-аграрником Л.Н. Литошенко), в среднем по четырнадцати губерниям Европейского региона СССР (из них двенадцать — губернии РСФСР), 42,6% «годового запаса рабочего времени» (в эквиваленте мужских

[9] См.: *Поздняков В.Н.* Труд и его производительность в сельском хозяйстве СССР и развивающихся стран. М.: «Университет дружбы народов», 1978, с. 32, 33. Цитируемый материал заимствован из: *Громов М.Н.* Научная организация и нормирование труда в сельскохозяйственных предприятиях. М., 1975.

рабочих дней) крестьянской семьи приходилось на «домашнее хозяйство и неиспользуемое рабочее время». При этом домашнее хозяйство поглощало в среднем 20% этого «запаса»[10]. Или, если сказать иначе, по масштабам потерь «запасов» рабочего времени крупное (?) «социалистическое» производство в сельском хозяйстве, пробежав расстояние протяженностью пятьдесят лет, так и не смогло «оторваться» от мелкого, индивидуального крестьянского хозяйства, уже перенасыщенного (как мы видели в гл. I) избыточными ресурсами рабочей силы.

Напротив, «личное подсобное», мельчайшее хозяйство, очевидно, активно «сбрасывало» излишнюю для себя рабочую силу в другие, экономические более эффективные сферы хозяйственной деятельности, стремясь поддерживать *рациональное*, нуждами производства оправданное соотношение между природными и материальными ресурсами производства и количеством необходимого живого труда.

О другом впечатляющем парадоксе рассказывают нам данные о динамике *условной нормы прибыли* сельскохозяйственных предприятий общественного сектора, которые Госкомстат России относит к категории «крупных» и «средних». Такие данные исчислены Госкомстатом России за период от 1970 г. до конца прошлого века. В сопоставлении с аналогичными данными по промышленным предприятиям они представлены в таблице IV-4.

Как явствует из приведенных данных, амплитуда колебаний имплицитной нормы прибыли на предприятиях сельского хозяйства была значительнее, чем в промышленности, отличавшейся большей стабильностью этого важного экономического показателя. При этом обращает на себя внимание тот период российской аграрной истории, которому было присвоено ставшее популярным название «время застоя». По существу до начала 80-х годов, т.е. до первого масштабного повышения закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и перехода государства к форсированному субсидированию затратной экономики сельского хозяйства, сельскохозяйственные предприятия «социалистического» (общественного) сектора, взятые в целом, кроме кратковременного периода — рубежа 60-х – 70-х годов (см. показатель за 1970 г. в табл. IV-4), вели хозяйство, терпя убытки[11]; при этом

---

[10] См.: *Литошенко Л.Н.* Крестьянский бюджет в 1922–23 году. Издание ЦСУ. М., 1923, в: История статистики. Выпуск 3. Бюджетные обследования 20-х годов. (Госкомстат СССР). М., 1991, с. 147, 148.

[11] Справедливости ради отметим, что проблема убыточности колхозного производства возникла даже не в 60-х годах (см. табл. IV-4), а еще на заре становления внерыночного хозяйства. В Постановлении ЦИК СССР от 30 января 1933 г., например, читаем: «…большая часть колхозов из-за плохой организации труда и производства пока еще не вполне рентабельна» (см.: Основные директивы партии и правительства по хозяйственному строительству 1931–1934 гг. М.:

ареал распространения убыточной формы хозяйствования в аграрном секторе стремительно расширялся (см., например, данные о динамике удельного веса убыточных «крупных и средних» сельскохозяйственных предприятий в прим. 30). А ведь, напомним, в стране в это время осуществлялся курс на массированную интенсификацию и индустриализацию сельского хозяйства.

Таблица IV-4

Динамика условной нормы прибыли в промышленности и в сельском хозяйстве России, 1970–2000 гг. *, %

Год	Промышленность[1]	Сельское хозяйство[2]	Год	Промышленность[1]	Сельское хозяйство[2]
1965		< –3,4[3]	1993	32,0	49,0
1970	14,2[4]	26,0	1994	19,5	–1,1
1975	12,5[4]	–0,4	1995	20,1[5]	2,3
1980	12,5	–9,0	1996	9,2	–21,0
1985	12,5	16,0	1997	9,0	–24,0
1990	12,0	37,0	1998	12,7	–28,0
1991	23,1	43,0	1999	25,5	9,0
1992	38,3	68,0	2000	24,7	7,0
			2001		10,0

* *Составлено и подсчитано по*: Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с. 116, 141, 515; Российский статистический ежегодник 1994. М., 1994 , с. 295, 343; Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001, с. 337, 402; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 109.

[1] По принятой ЦСУ СССР методике рентабельность (условная норма прибыли) промышленного предприятия определялась в 70-х годах как отношение «прибыли или всех денежных накоплений» к «стоимости основных фондов и оборотных средств» (см.: Народное хозяйство СССР в 1973 г., с. 847; Народное хозяйство СССР в 1978 г., с. 600), а в конце 80-х годов — как «отношение величины прибыли к среднегодовой стоимости производственных основных фондов и материальных средств» (см.: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 688). Т.е. из учета рентабельности были изъяты затраты на живой труд, а в стоимость «производственных основных фондов и материальных средств» включена стоимость *всех* средств производства, используемых в текущем производстве, а не перенесенной на произведенный продукт их части («амортизационные отчисления»). Госкомстат России принял международную мето-

«Советское законодательство», 1934, с. 53). Лукавили авторы, «забывая» о тяжком для колхозов бремени неэквивалентного обмена, уничтожавшего на корню все возможности рентабельного хозяйствования на земле!

дику оценки издержек и прибыли производственной единицы, и соответственно изменил содержательное наполнение понятия «рентабельность». По этой методике Госкомстат России ретроспективно оценил норму прибыли в промышленности России, начиная с 1980 г., а в сельском хозяйстве — с 1970 г., каковые данные (кроме значений за 1970 и 1975 гг., касающихся промышленности) и приведены в настоящей таблице.

[2] Данные касаются «крупных» и «средних» сельскохозяйственных предприятий всех категорий. Расчет нормы прибыли осуществлялся Госкомстатом по физическим показателям балансовой прибыли.

[3] Данные касаются только совхозов и других государственных хозяйств.

[4] Расчет рентабельности для промышленных предприятий за 1970 и 1975 годы осуществлен ЦСУ СССР на базе господствовавшей в то время в ЦСУ методике (см. прим. 1 к настоящей таблице). Приведенные данные касаются СССР в целом. Если соотнести валовую прибыль со стоимостью произведенной за год промышленной продукции, то в упомянутые годы показатель условной нормы прибыли составлял бы по СССР соответственно 14,9% и 12,9%. В действительности реальная норма прибыли должна была бы быть иной, ибо из расчетного показателя стоимости произведенной промышленной продукции нужно было бы предварительно вычесть величину прибыли («Р»), а из такой «валовой прибыли» устранить стоимость амортизации основных фондов («основного капитала»), потребленных в процессе производства (см. прим. 19), и включить эту стоимость в стоимость оставшейся части произведенного продукта, чтобы получить хотя бы как-то приближающееся к истинному значение величины издержек и рассчитать норму прибыли.

[5] С 1995 г. прибыль промышленных предприятий оценивалась по данным бухгалтерской отчетности.

Технологическая реконструкция аграрного звена национальной экономики, как бы парадоксально это ни выглядело, прочно сопрягалась с эффектом «противохода» в экономическом росте. Так, растениеводческий сектор сельского хозяйства СССР *в апогей периода «застоя», 1981–1985 гг., произвел по всем отраслям (кроме овощеводства) продукции в натуральном выражении меньше, чем в период 1976–1980 гг.* и «вышел» (причем даже не по всем позициям!) на показатели *первого пятилетия 70-х годов XX века* (животноводство за это «застойное» десятилетие дало совсем уж скромную прибавку к объему своей валовой продукции, увеличивая производство молока менее чем на 0,9% в год, крупного рогатого скота — менее чем на 1,5% и т.д.)[12]. «Застойная» (или даже — отрицательная) динамика

[12] См.: Сельское хозяйство СССР. 1988, с. 12.

сельскохозяйственного производства в этот период была адекватным результатом процессов складывания убыточной формы хозяйственной деятельности как *устойчивого явления,* причем захватывавшего *все новые участки экономического пространства* аграрного сектора. Ее, этой формы, оплотом было самое крупное, «социалистическое», хозяйство агросферы, сосредоточивавшее к середине 80-х годов свыше 3/4 производства валового сельскохозяйственного продукта (см. табл. III-9).

Безусловно, зловещую роль в самом появлении в аграрной экономике СССР *устойчивого феномена убыточности* сыграла неоднократно отмеченная ЦСУ СССР практика, исходившая из глубинных основ экономического мировидения кратократии, — именно практика безвозмездного перекачивания части продукта, произведенного в сельском хозяйстве, в «другие отрасли» национальной экономики (см. выше). Вместе с тем отрицательная динамика условной нормы прибыли в этот период отразила также усилившееся воздействие на сельскохозяйственное производство генераторов затратности экономического роста, вздымавшуюся волну активности которых на пороге распада СССР (конец 80-х годов) частично, с огромными издержками, удавалось гасить, как отмечалось, лишь «пожарными» методами государственной экономической политики.

Итак, монстр затратной экономики укреплялся на протяжении по существу всех лет аграрной индустриализации (так и не завершившейся ко времени распада СССР; см. гл. I). Результатом его «работы» оказался удивительный парадокс: общественное («социалистическое») хозяйство агросферы демонстрировало поступательный рост (особенно в растениеводстве) *технологической* производительности труда (увеличение выхода продукта на единицу затраченного времени) при одновременном увеличении или — по меньшей мере — *сохранении на прежнем уровне* стоимостных затрат на единицу произведенного продукта. Рост затратности производства «съедал» плоды роста производительности труда!

По этому поводу, как бы продолжая выдвинутую Я.А. Певзнером мысль о губительных последствиях использования в практике ценообразования идеологии «затратной экономики», т.е. исчисления цены продукта от величины затрат, а не от полезности таких затрат, проверенной рынком, Всемирный банк в своем отчете об обследовании сельскохозяйственной экономики России рубежа 80-х – 90-х годов саркастически заключает: «Продолжение процедуры *приплюсования издержек при формировании цены* несовместимо с задачей повы

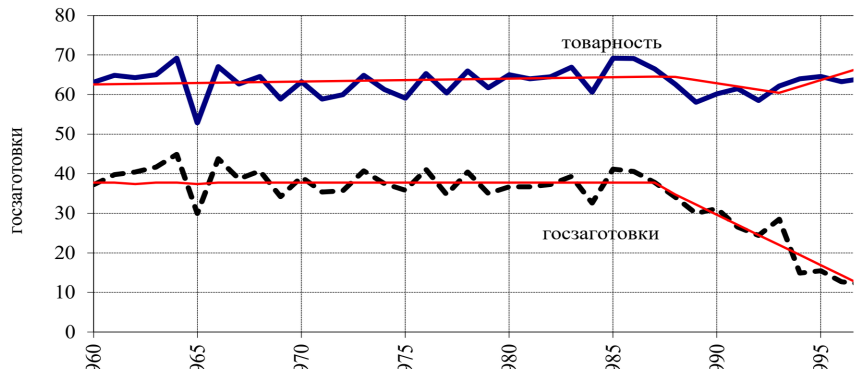
шения эффективности экономики (курсив наш. — *Авт.*)»[13]. С таким вот «багажом» «растратной практики» аграрная экономика стран, составлявших бывший СССР, вступила в начале 90-х годов XX века в мир новых, рыночных, «правил игры».

5. *Аграрная экономика на пути к рынку: болевые точки роста (90-е годы)*

Хозяйственная система аграрного сектора, сложившаяся за шестьдесят коллективизационных лет, оказалась неподготовленной к рынку. Убедительное тому свидетельство предоставили первые же шаги по либерализации экономики России, обозначившиеся в начале 1992 г. Тем не менее постепенно развивавшиеся в экономике России рыночные отношения существенно изменили за последнее десятилетие XX века пропорции межотраслевого обмена, все больше приводя их в соответствие с теми, которые определяются рынком. Шлифовка этих пропорций еще продолжается, и рынок вносит в этот процесс постоянные коррективы. По каким же направлениям изменялись для сельского хозяйства экономические условия, определявшие пропорции межотраслевого обмена?

Рис. IV-2

СССР/РОССИЯ: удельный вес товарной продукции и государственных заготовок (закупок) зерна в валовом сборе зерновых, 1960–2000 гг., *%*



[13] Стратегия реформ, с. 156.

Повышение закупочных цен в конце 80-х годов сопровождалось интенсивной эрозией системы государственного заказа, проявлявшейся в прогрессирующем сокращении роли государства в мобилизации товарного продукта общественного сектора сельского хозяйства (об изменении удельного веса государственных закупок зерна в общем объема произведенного зерна см. табл. СП-9 и рис. IV-2). Можно сказать, что в этот период динамика поставок продукции в государственные закрома по госзаказу была обратно пропорциональна высоте закупочных цен, выплачиваемых по этому госзаказу, хотя данные цены впервые в аграрной истории России устанавливались на уровне *выше* издержек производства (см. табл. IV-3). В 1991 г. система, приспособленная к аккумуляции кратократией товарной продукции сельского хозяйства депрессивными методами, стала окончательно распадаться (на это, в частности, особое внимание обратил Всемирный банк[14]), а государство в расчетах с производителями начало переходить на рыночные («вольные») цены.

Вытеснение депрессивных методов, использовавшихся кратократией от имени государства в процессах межотраслевого обмена, методов, от которых в первую очередь страдала слабейшая сторона экономической системы бывшей советской России — сельское хозяйство, было решительно продолжено в ходе политики либерализации (эта политика, как известно, связывается с именем тогдашнего — начала 90-х годов — руководителя российского правительства Е. Гайдара), которая дала мощный и устойчивый импульс росту влияния рыночных детерминант на рынок сельскохозяйственной продукции. Но одновременно, исповедуя постулаты рыночной экономики, государственная власть пошла на решительное свертывание политики субсидий в продовольственном и сельскохозяйственном секторах России.

Было отменено субсидирование продовольственных цен потребительского рынка, существенно сокращена субсидиальная подпитка воспроизводства в сельском хозяйстве. О том, сколь масштабным было это сокращение, читатель может судить по следующим данным, относящимся к концу XX-го — началу XXI-го веков[15]:

---

[14] Там же, с. 141.

[15] Подсчитано по: Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001, с.531; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с.19,32,109.

Удельный вес дотаций и компенсаций затрат из бюджета для сельского хозяйства в России, %

	1995	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*	*2001*
в ВВП[1]	*0,52*	*0,45*	*0,40*	*0,36*	*0,17*	*0,17*	*0,16*
в сельскохозяйственной части ВВП	*7,28*	*6,24*	*6,23*	*6,42*	*2,26*	*2,61*	*2,34*
во всех расходах бюджета Российской Федерации	*...*	*1,34*	*1,08*	*1,08*	*0,58*	*0,57*	*...*

Примечание. Исходные данные о субсидиях касались только «крупных и средних» сельскохозяйственных предприятий, поэтому соотнесение первых с величиной ВВП и других макрохозяйственных элементов предопределило занижение полученных показателей по сравнению с их истинными значениями. Насколько значительным такое занижение могло быть? Известно, что государственная поддержка предоставляется предприятиям (хозяйствам) «организованного сектора» (сбросившие «социалистическую» кожу бывшие колхозы, совхозы, другие крупные и средние общественные в прошлом хозяйства), к каковому хозяйства-«изгои» — ЛПХ не относятся. Что касается фермерских хозяйств, они пользовались безвозмездной финансовой поддержкой государства в минимальной степени. Например, в 1999 г. дотации и компенсации из бюджета, согласно опросам фермеров, получили в «достаточном» или «недостаточном» объеме на производство продукции растениеводства 6,3% респондента, а продукции животноводства — 5,9%; из них лишь 0,9% и 0,6% соответственно — в «достаточном объеме»[16]. Фермерские же хозяйства в 1999 г., напомним, располагали посевным клином, составлявшим 6,8% общей величины посевной площади, а производили они 2,5% валовой сельскохозяйственной продукции России (см. табл. III-9). Поэтому, думается, отклонение приведенных показателей от истинных очень незначительно.

[1] *Отраслевая структура ВВП приводится Госкомстатом России в «основных ценах», при которых ВВП (и его отраслевые составляющие) не включает налоги на продукты, но включает субсидии на продукты.*

Как следует из приведенных данных, *за десятилетие* — со второй половины 80-х годов, когда затраты на политику субсидий достигли своего максимума, по вторую половину 90-х годов XX века *субсидиальная подпитка народного хозяйства России в той его части, которая зависит непосредственно от хода воспроизводства в аграрном секторе, уменьшилась примерно на порядок* (если это сокращение соотносить с выделенными параметрами народнохозяйственной структуры — ВВП, сельскохозяйственной частью ВВП, расходами федерального бюджета)[17]. (Ср. приведенные данные с теми, которые относятся к периоду 80-х годов XX века; см. §3.)

[16] См. Сельское хозяйство в России 2000. Статистический сборник. М., 2000, с. 98.

[17] И все-таки, скажем здесь, — «нет худа без добра». Как установили эксперты ОЭСР, ныне сельское хозяйство России субсидируется «в несколько раз меньше,

И здесь впору, в целях сравнения, сказать несколько слов о государственной финансовой поддержке фермерских хозяйств в США. Когда речь заходит о достижениях сельского хозяйства этой страны, нередко приходится слышать об огромных финансовых ресурсах, накачиваемых в этот сектор государством. С позиций видения этого явления «маленькой» Россией масштабы государственных расходов на финансирование фермерского хозяйства в США действительно завораживают. В самом деле, за десятилетие 1981–1990 гг. из федерального бюджета США по программе «стабилизация дохода ферм» было израсходовано 173 млрд. долл., в 1991–2000 гг. — 138 млрд., при этом на безвозвратные субсидии (в различных видах) было затрачено 77 млрд. долл. в 80-х годах и 99,5 млрд. — в последнем десятилетии XX века. Сопоставимые с российскими, соответствующие показатели по США характеризуются следующими изменениями по выделенным периодам[18]:

Удельный вес бюджетных расходов на «субсидии операторам» ферм[1]*:*

	1981–1990 гг.[2]	*1991–1997 гг.*	*1998–2000 гг.*
в % к ВВП[3]	*0,2 (0,4)*	*0,1 (0,15)*	*0,2 (0,3)*
в % к сельскохозяйственной части ВВП («валовому продукту ферм»)[3]	*11,2 (25,2)*	*9,0 (13,2)*	*20,6 (26,8)*
во всех расходах федерального бюджета США, %	*0,8 (1,8)*	*0,5 (0,7)*	*0,9 (1,2)*

[1] *В скобках — показатели расходов по программе «Стабилизация фермерских доходов» в целом.*

[2] *Для расчетов удельного веса расходов по программе «Стабилизация фермерских доходов» за 1981 г. использованы значения показателя за 1980 г.*

[3] *В США «валовой продукт ферм» (как остаток от стоимости всего «выпуска продукции ферм» за вычетом стоимости продукта «промежуточного потребления») включает «налоги на бизнес», не включает «субсидии операторам» ферм, в отличие от, например, России, где, напомним, «валовой внутренний продукт» (и соответственно его сельскохозяйственная часть), исчисленный в «основных ценах» (в противоположность «рыночным») включает «субсидии на продукты» (ср., например, Сельское хозяйство в России. 2000, с. 19; Statistical Abstract of the United States 1993, с. 358).*

чем в странах Европейского союза». И это обстоятельство, по заключению Премьер-министра России, может служить весомым аргументом на переговорах о вступлении России во Всемирную торговую организацию (ВТО), на которых «от нас требуют, чтобы Россия открыла свой рынок (т.е. отменила пошлины. — *Авт.*) для импортной сельскохозяйственной продукции» (Цит. по: *Известия*. 04.07.2002).

[18] Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States 1990. Wash.: US Bureau of the Census. 1990, с. 311, 647; do. do. 1993, с. 333; do. do. 1997, с. 337; Statistical Abstract of the United States 1999, tabl. 548 (цит. по: www.census.gov); do. do. 2000, tabl. 538, 721, 1107 (там же); do. do. 2002, tabl. 453, 632, 791 (там же).

Можно видеть, что по такому важному макроэкономическому показателю, как величина субсидий (а также объем совокупных расходов по программе «стабилизации») по отношению к «валовому продукту ферм», США заметно превосходили Россию второй половины 90-х годов XX века (даже в пять раз на рубеже XX–XXI веков), но многократно ей уступали в последнее десятилетие ее существования в составе бывш. СССР. Обнаруживается и некоторое сходство в направлении динамики приведенных макропоказателей, свидетельствовавшей о том, что обе страны сокращали относительные размеры государственной финансовой поддержки своего сельского хозяйства до последней трети 90-х годов XX века: США — весьма плавно, в скромной степени; Россия — скачкообразно («брутально»), в разы; в обеих странах решались, очевидно, разные задачи. Что касается США, уменьшение относительного веса финансовой поддержки фермерского хозяйства до последней трети 90-х годов, по сравнению с 80-ми, свидетельствовало о дальнейшем укреплении экономики ферм, достигнутом в результате их технологического перевооружения, особенно после экономического кризиса начала 80-х годов и, конечно, о хорошей экономической конъюнктуре для сельского хозяйства, существовавшей до 1997 г. Но с 1998 г. (США) — 1999 г. (Россия) векторы финансовой, в том числе безвозмездной субсидиальной, поддержки в обеих странах резко разошлись. Именно огромные инъекции субсидиальных ресурсов, скачкообразно выросшие более чем в два раза (с 7,3 млрд. долл. в год в 1991–1997 гг. до 16,1 млрд. долл. в 1998–2000 гг.), позволили сельскому хозяйству США на излете XX века не рухнуть в объятия рецессии (с последующим разорением части экономических агентов аграрного сектора), а, напротив, продолжить поступательный (положительный) рост (о возникших в сельском хозяйстве США трудностях воспроизводства на рубеже XX–XXI вв. см. также гл. I, §3, «США»). В России же, наоборот, в предвкушении хороших ожидаемых урожаев относительные размеры финансовой (субсидиальной) помощи производителям «организованного» сектора сельского хозяйства были резко сокращены. Если перефразировать вещие слова В.С. Черномырдина, «хотели как лучше», но может быть, «получится не как всегда?».

Несмотря на столь значительное сокращение субсидиальных инъекций в сельское хозяйство России последние продолжают оставаться важным фактором воспроизводства на уровне хозяйств. Но функции по различным отраслям сельскохозяйственные субсидии выполняют все-таки разные. В животноводстве субсидиальные вливания лишь сокращают масштабы потерь, которые несет отрасль, латают прорехи, оставленные глубоко убыточным типом воспроизводства, а небольшая положительная рентабельность отрасли в начале 2000-х годов предполагала, очевидно, лишь возможность хотя бы частично

покрыть амортизацию вконец изношенного основного капитала (см. прим. 19). Напротив, в отраслях, дальше продвинувшихся по пути механизации, особенно в зернопроизводстве, субсидии позволяют наращивать прибыль от хозяйственной деятельности[19], становятся «приплюсованной» частью дохода, полученного от рыночной реализации произведенного продукта. Нижеследующие данные раскрывают степень значимости субсидий в отраслевом воспроизводстве в аграрном секторе современной России[20]:

Средняя отраслевая рентабельность «крупных и средних» сельскохозяйственных предприятий, %

	Зерно	*Овощи (открытого грунта)*	*Молоко*	*Крупный рогатый скот (в живом весе)*
I				
1995–1999 гг.	*24,0*	*21,1*	*(–)23,2*	*(–)45,8*
2000–2001 гг.	*49,0*	*15,5*	*9,5*	*(–)30,5*
II				
1995–1999 гг.	*35,4*	*24,5*	*(–)14,8*	*(–)40,8*
2000–2001 гг.	*56,5*	*19,5*	*15,0*	*(–)28,0*

I *— Без учета дотаций и компенсаций затрат из бюджета.*
II *— С учетом дотаций и компенсаций затрат из бюджета.*

[19] Речь идет здесь о категории «валовая прибыль», которая включает фонд амортизации основного капитала и другие поступления денежных средств (в том числе от реализации имущества предприятий), а также чистые доходы от внереализационных операций. Самое интересное здесь в том, что значительная высота отраслевой нормы прибыли («рентабельности») в российских условиях — отнюдь не свидетельство выгодности профильной экономической деятельности. И в самом деле, самая рентабельная по балансовой отчетности отрасль хозяйства — зерновая — со времени обретения Россией суверенитета стремительно сокращает объемы производства, о чем свидетельствуют следующие данные:

Валовые сборы зерна в РСФСР/России (в весе после доработки), млн. т, в среднем за год

1986–1990 гг.	*1991–1995 гг.*	*1996–2000 гг.*	*1996/2000 гг. в % к 1986/1990 гг.*
104,3	*88,0*	*65,2*	*62,5*

(См.: Российский статистический ежегодник 2001, с. 407; Основные показатели агропромышленного комплекса Российской Федерации в 1999 г. М.: Госкомстат России. 1999, с. 34.)

[20] Подсчитано по: Сельское хозяйство в России 2000, с. 117; Сельское хозяйство в России 2002, с. 110.

Вопиющий межотраслевой разрыв по важнейшему параметру эффективности хозяйственной деятельности в аграрном секторе — рентабельности убедительно свидетельствует: агросфера России еще далеко *не преодолела экстенсивную стадию экономического роста*. Переход к стадии *современного* интенсивного хозяйства, первым и наиболее ярким признаком которого (перехода) является *устойчивое развитие* экономически окупаемого (хотя нередко при государственной поддержке) и в полной мере учитывающего законы рынка продуктивного *животноводства, поглощающего* (в России) *свыше трех пятых валового урожая зерновых* (например, в 1991–2000 гг. — 63%)[21], — еще далек от своего завершения. В частности, российское животноводство пока в огромной степени отстает от зернопроизводящих отраслей по параметрам производительности труда (в целях определения нормального соотношения межотраслевых параметров последней мы принимаем стандарты органично развивающегося сектора сельскохозяйственной экономики, такого, например, какой существует в США). Самые поздние опубликованные данные о выходе массы сельскохозяйственной продукции на час прямых затрат труда в РСФСР/России, с одной стороны, и США, с другой, свидетельствуют о следующих межотраслевых соотношениях производительности труда (*в кг/час*)[22]:

	Год обследования	*КРС*[1]	*Зерновые*[2]	*Во сколько раз (3) больше (2)* [3]
	(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*
Россия	*1990*	*2,7*	*100*	*37*
США	*1982–1986*	*50,4*	*389 (907)*	*7,7 (18)*

[1] *Крупный рогатый скот (в живом весе).*

[2] *Россия — все зерновые (кроме кукурузы); США — пшеница (в скобках — кукуруза).*

[3] *В скобках — показатель соотношения прямых затрат труда на производство КРС и зерна кукурузы.*

Таким образом, в России накануне распада СССР *относительное отставание производительности труда в животноводстве от производительности труда в растениеводстве* (его главном секторе — зерновом производстве) *примерно в пять раз превышало норму*, если за таковую принять коэффициент соответствующего межотраслевого соотношения производительности труда, характерный для США середины 80-х годов.

[21] Российский статистический ежегодник 2001, с. 422.

[22] См.: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с. 457; Statistical Abstract of the United States 1988, с.624.

Если рассматривать всю совокупность приведенных данных, можно сказать, что в России плоды интенсификации производства в сельском хозяйстве, уже очевидные в «обслуживающих» отраслях (в частности, в отраслях, производящих кормовое зерно), расточительно питают еще полноценно не проклюнувшиеся ростки интенсивной стадии в животноводстве: опухоль затратности с наибольшей силой поразила именно главную производящую фигуру интенсивного хозяйства — животноводческий сектор, «буксирующий» в границах самых низких норм производительности труда (и, добавим, продуктивности). Отсюда столь крупные потери, которые аграрная экономика современной России вынуждена нести в ходе указанного перехода.

По мере расширения поля действия рыночных детерминант в аграрном секторе России все болезненнее стали проявляться последствия непомерно усилившейся *затратности производства*. Обрушение субсидиальных подпорок в обстановке нараставшего напора сил рыночной стихии, все интенсивней включавшей хозяйственную деятельность экономических агентов агросферы в рыночные механизмы прямых и обратных связей, обернулось массовой *экономической несостоятельностью* «крупных и средних» предприятий — главных реципиентов субсидий, наиболее глубоко увязших в тенетах затратности. Отслеживаются два потока этого процесса.

Особенностью периода рубежа 80–90-х годов было то, что цены на сельскохозяйственное сырье (в частности, продовольственное) увеличивались быстрее, чем цены на производственные ресурсы, потребляемые в процессе производства этого сырья. Этим объяснялся тот кратковременный всплеск величины условной нормы прибыли (рентабельности) в «крупных и средних» сельскохозяйственных предприятиях, наконец-то вкусивших от плодов рыночной свободы, которым были отмечены 1990–1993 годы (см. табл. IV-4).

В действительности же этот взлет прибыльности сельскохозяйственной деятельности был сродни экономической эйфории. В секторах, обеспечивавших аграрный сектор факторами производительного потребления, хотя и с некоторым запозданием, начался процесс опережающего роста цен на материальные ресурсы, потребляемые в сельском хозяйстве. К тому же в промышленности и других секторах, обслуживающих сельское хозяйство, стали проявляться тенденции к формированию монопольных цен (по терминологии Н.Д.

Кондратьева, такие цены отражали «неполную монополию», т.е. монополию, покоящуюся на законах движения рыночных цен), которым сельскохозяйственные производители независимо от их социальной принадлежности противостоять самостоятельно не могли. В результате наметились существенные изменения в пропорциях межотраслевого обмена, ярким выражением которых стало существенное «утяжеление» (особенно в 1994–1998 гг.) стоимости потребляемых средств производства (образующих важнейший элемент «промежуточного потребления»), повлекшее за собой *сокращение удельного веса валовой добавленной стоимости* (*gross value added*) в стоимости произведенной валовой сельскохозяйственной продукции (*output*). О масштабах этих изменений, по исчислениям, представленным в системе «Национальных счетов» России, свидетельствуют следующие данные по годам (в %)[23]:

1989	*1990*	*1991*	*1992*	*1993*	*1994*	*1995*	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*
62,0	*62,3*	*62,6*	*51,4*	*56,6*	*48,8*	*47,9*	*47,3*	*45,9*	*44,8*	*53,1*	*53,2*

Резкое сокращение в условиях перехода к рынку значений удельного веса добавленной стоимости в стоимости валовой продукции сельского хозяйства — наглядное свидетельство, помимо прочего, еще далеко неизжитой *«растратной практики» в хозяйственной деятельности в агросфере*; прямым результатом такой практики — отметим это, несколько забегая вперед, — стала *массовая убыточность* сельскохозяйственных предприятий, ранее формировавших «социалистический» сектор аграрной экономики СССР (см. ниже).

Одновременно мы наблюдаем мощные, скачкообразно протекающие процессы *старения технологического базиса сельскохозяйственного роста* России. Действительно, многолетняя понижательная динамика относительных приростов основного капитала (основных средств) в сельском хозяйстве, сформировавшаяся еще в советскую эпоху, с наступлением эры независимости переходит в отличающуюся *стабильностью отрицательную фазу*. Данные Госкомстата России свидетельствуют о следующих изменениях в темпах обновления основного капитала в сельском хозяйстве за последние три десятилетия XX века[24]:

---

[23] Российский статистический ежегодник 1994, с. 242; Российский статистический ежегодник 1999, с. 248–252; Российский статистический ежегодник 2001, с. 285–292.

[24] Российский статистический ежегодник 1999, с. 265; Российский статистический ежегодник 2001, с. 306.

Чистый прирост основных фондов в сельском хозяйстве России[1]
(в %, по годам)

1970	*1975*	*1980*	*1985*	*1990*	*1991*	*1992*	*1993*	*1994*	*1995*	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*
10,2	*9,0*	*7,4*	*5,5*	*3,7*	*3,1*	*1,6*	*–0,9*	*–2,0*	*–2,4*	*–2,1*	*–1,3*	*–1,0*	*–0,8*	*–1,5*

[1] *Коэффициент обновления (ввод в действие основных фондов [без скота]), в % от наличия основных фондов на конец года, минус коэффициент выбытия (ликвидация основных фондов [без скота]), в % от наличия основных фондов на начало года (в сопоставимых ценах).*

Как следует из этих данных, затухающая кривая положительных приростов основного капитала обрушивается в начале 90-х годов ниже нулевой отметки (см. рис. IV-3). Или, если сказать точнее, в течение 30 лет сокращение приростной части основного капитала в сельском хозяйстве происходило темпом –8% в год, при этом с 1993 г. этот процесс переместился в область отрицательных значений. Это означало, что производители сельскохозяйственного продукта перешли к *прямому проеданию основного капитала, накопленного еще в советский период российской истории*. О том, с каким размахом происходил этот процесс к началу XXI века, свидетельствуют также данные об изменении степени износа основных фондов в сельском хозяйстве. Так, в 1992 г. износ всех основных фондов сельскохозяйственных предприятий составлял (на начало года) 34,3%,, а в 2001 г. — уже 50,8%. При этом некомпенсируемые процессы износа с наибольшей силой поразили *активные элементы основного капитала* — машины и оборудование: за отмеченные девять лет степень их износа возросла с 44,6% до 66,4%[25], т.е. в 1,5 раза. А по свидетельству Генерального директора «Росагролизинга», «износ техники на селе составляет до 80%»![26]. Исчезающая, подобно шагреневой коже, производительная

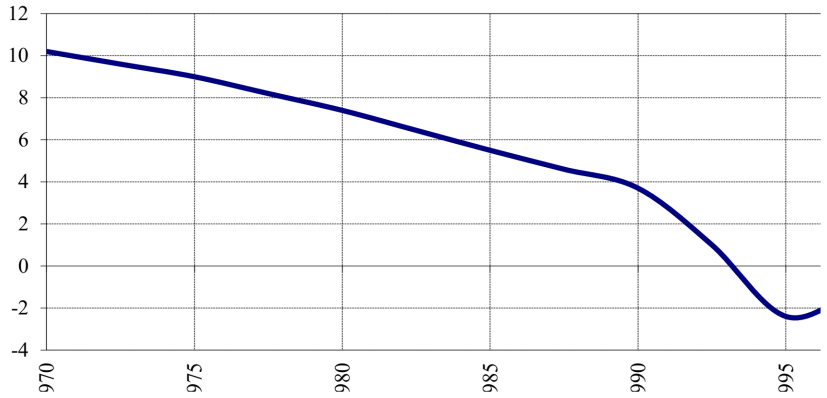
[25] Российский статистический ежегодник 1999, с. 266; Российский статистический ежегодник 2001, с. 306. По данным выборочного обследования, проведенного в мае 1999 г., «изношенность материально-технической базы» в качестве фактора, «ограничивавшего развитие сельскохозяйственного производства», выделили 93% руководителей сельскохозяйственных предприятий и 61% представителей крестьянских (фермерских) хозяйств (см.: Российский статистический ежегодник 1999, с. 378).

[26] Цит. по: *Известия*. 15.10.2002. На Всероссийском совещании представителей новой общественной организации «Российское аграрное движение» все-таки удалось приподнять завесу над тайной «вечных» «когда» и «как» в аграрной механизации в суверенной России. Вот какой примечательный факт отложился на скрижалях истории: «“Когда у нас будет свой трактор?!” — воскликнул с места один из гордеевцев (сторонник “новой организации”. — *Авт*.). Министр (Министр сельского хозяйства, руководитель РАД. — *Авт*.) не стушевался и осадил не в меру любопытного директора хозяйства: “Хорошая техника будет тогда, когда на селе будут хорошие доходы”.» (Цит. по: *Известия*. 29.08.2002). И вот тогда уж, уместно добавить здесь слова из популярной песни, «я тучи разведу руками».

потенция основного капитала, в первую очередь машин и оборудования, — вот где находится критический узел технологических проблем сельскохозяйственного роста в современной России.

Рис. IV-3

СССР/РОССИЯ: динамика чистого прироста основных фондов в сельском хозяйстве,
1970–2000 гг., %



Между тем по меньшей мере до начала нынешнего века отрасль «сельское хозяйство», при всех трудностях роста, практически в одиночку «сражалась» с инвестиционной недостаточностью. Так, во второй половине 90-х годов XX в., по данным Госкомстата России, удельный вес отрасли в общем объеме инвестиционных вложений в российскую экономику составлял (*в %*)[27]:

1996 г.	*1997 г.*	*1998 г.*	*1999 г.*	*2000 г.*
2,9	*2,5*	*3,0*	*2,9*	*2,9**

**Без субъектов малого предпринимательства и объемов неформальной деятельности.*

[27] О состоянии сельского хозяйства Российской Федерации в 1996–2000 годах (по материалам Госкомстата России), в журнале: *Вопросы статистики*. М., 2001, №1, с. 29.

Удельный же вес отрасли в ВВП (в основных ценах) превышал ее долю в совокупных инвестициях в 2,7 (1999 г.) — 2,5 раза (2000 г.)[28]. Основным источником финансирования сельскохозяйственных инвестиций были собственные скудные ресурсы самих сельскохозяйственных предприятий. Структура инвестиций в основной капитал выглядела следующим образом (*в %*)[29]:

	1999 г.	*2000 г.*
Собственные средства предприятий	*77,8*	*74,2*
Привлеченные средства	*22,2*	*25,8*
из них бюджетных средств	*16,8*	*19,1*

Внешние источники в конце XX века, десятилетие спустя после обретения Россией экономической самостоятельности, обеспечивали, таким образом, лишь мизерные 5–7% от доли сельскохозяйственных инвестиций, составлявшей, как упоминалось, менее 3% общероссийской массы вложений в основной капитал. (Эти 5–7% вбирали, конечно, и все результаты инвестиционных усилий, осуществленных крупным капиталом после дефолта 1998 года.)

Закономерно поэтому, что условная норма прибыли сельскохозяйственных предприятий в последнее десятилетие XX века столь часто была выражена отрицательными значениями (см. табл.IV-4), в то время как таковая в промышленном секторе сохранила в целом (если не принимать во внимание эйфорический выброс ее показателя в начале 90-х годов и ее скачка в конце 90-х — годы «тощих коров»: крупных неурожаев зерновых и ряда других культур [1998–1999 гг.], значительного недопроизводства мяса [1999–2000 гг.] и т.д.) нормальные для себя значения. Логично также, что именно наиболее затратный — сельскохозяйственный — сектор национальной экономики, поставленный в условия рыночного хозяйства, отличался и *наибольшим удельным весом убыточных предприятий*. Вал убыточности сельскохозяйственной деятельности захлестнул аграрный сектор с 1994 г. Нижеследующие данные характеризуют сравнительную динамику удельного веса убыточных предприятий по секторам народного хозяйства России в 90-х годах XX века (по годам, в %)[30]:

---

[28] Российский статистический ежегодник 2001, с. 289,292.

[29] О состоянии сельского хозяйства Российской Федерации в 1996–2000 годах, с. 29.

[30] Российский статистический ежегодник 1999, с. 507; Российский статистический ежегодник 2001, с. 547. Данные об удельном весе «крупных и средних» сельскохозяйственных предприятий, имевших убытки на конец года по балансовой отчет-

	1992	*1993*	*1994*	*1995**	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*
Всего:	*15,3*	*14,0*	*32,5*	*34,2*	*50,6*	*50,1*	*53,2*	*40,8*	*39,8*
в промышленности	*7,2*	*7,8*	*22,6*	*26,4*	*43,5*	*46,9*	*48,8*	*39,1*	*39,7*
в сельском хозяйстве	*14,7*	*10,0*	*58,7*	*55,0*	*76,5*	*78,1*	*84,4*	*52,7*	*50,7*

[1] С 1995 г. по данным бухгалтерской отчетности

Оборотной стороной роста затратности производства в аграрном секторе (усугубляемой неэквивалентностью межотраслевого обмена) в условиях, *когда истинная величина издержек производства стала определяться и соизмеряться с результатами производства в соответствии с движением законов рынка, явилось прогрессирующее сокращение величины заработной платы в сельском хозяйстве по отношению к величине заработной платы в промышленности*. (Тот же процесс, напомним, мы наблюдали и в аграрном секторе Узбекистана; см. гл. I, §3.) Нижеследующие данные свидетельствуют об интенсивности данного процесса в аграрном секторе России 90-х годов XX столетия — начала 2000 годов[31]:

Среднемесячная «номинальная заработная плата» в сельском хозяйстве России, в % к среднемесячной заработной плате в промышленности

1990	*1991*	*1992*	*1993*	*1994*	*1995*	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*	*2001*
92,9	*75,7*	*56,4*	*54,9*	*48,7*	*44,8*	*44,0*	*41,5*	*38,7*	*34,2*	*32,6*	*32,5*

За период 1990–2001 гг. средняя величина заработной платы в сельском хозяйстве по отношению к средней заработной плате в промышленности понизилась *в три раза* и ныне не достигает и 1/3 от величины в последней; на ее уровень теперь, в противоположность порядку, существовавшему при «социализме», оказывают определяющее воздействие *условия производства, господствующие в самом сельском хозяйстве, оцениваемые рынком и через рынок* (а среди «набора» отрицательных регулятивов, детерминирующих воспроизводственный процесс и, в частности, величину фонда заработной платы в аграрном

ности, в советский период российской истории выглядят следующим образом (по годам, в %):

1970	*1975*	*1980*	*1985*	*1990*	*1991*
13,0	*46,6*	*70,6*	*22,4*	*2,7*	*5,1*

(См.: Российский статистический ежегодник 1999, с.351.)

[31] Содружество независимых государств в 1996 году, с. 413; Содружество независимых государств в 1999 году, с. 450; Сельское хозяйство в России 2002, с. 30.

секторе, одно из первых по силе влияния мест принадлежит такому, как *фактор непомерной затратности производства*, — губительное историческое наследие и проклятие экономического роста в агросфере современной России). Начавшийся переход аграрного хозяйства к рынку, сопряженный с необходимостью учета его требований, «разрушил» искусственные (т.е. не на экономическом фундаменте базирующиеся) перераспределительные механизмы, вызванные к жизни «социализмом», посредством которых в последние десятилетия советской власти в России осуществлялось уравнивание зарплат (личных доходов) тружеников сельского хозяйства, промышленности и других сфер экономической деятельности. (Преодоление комплекса факторов, угнетающих уровень заработной платы в сельском хозяйстве, — одна из самых трудных задач возрождения современной деревни на почве рыночных реалий.) Похоже, только с приходом на село фермерства (хотя, пока и малочисленного) и крупного капитала в лице холдингов, организующих вертикально интегрированную цепочку производства с принципиально новыми мотивациями труда и производственной дисциплиной, а также благодаря формированию ориентированных на самостоятельное участие в сфере рынка крупных корпоративных предприятий (трудовых или капиталистических) типа описанного выше предприятия «Гигант» на Ставрополье (см. гл. III, §5), начинается слом установившихся стандартов сельскохозяйственных доходов, в частности — заработных плат, и существенная их дифференциация.

Отметим также, что картина сравнительной динамики заработной платы в сельском хозяйстве и промышленности свидетельствует о том, что неэквивалентность межотраслевого обмена, депрессивно воздействующая на аграрный сектор, является, возможно, даже большей, нежели та, какая фиксируется всей совокупностью приведенных выше данных об эффективности сектора «крупных и средних» сельскохозяйственных предприятий, относящихся к различным юридическим формам собственности и формам социальной организации.

Масштабы диспаритета сельскохозяйственных и промышленных цен в их динамике обычно иллюстрируют показателями (коэффициентами) изменений объема какой-либо сельскохозяйственной культуры, который необходимо реализовать, чтобы приобрести одну единицу определенного средства производства. Так, «по самым

скромным подсчетам», осуществленным упоминавшимся выше российским исследователем А.И. Алтуховым (см. гл. III, §4)[32], если в 1990 г. для приобретения одного зернового комбайна надо было продать 69 т (по данным Всемирного банка — 157 т)[33] зерна, то в 1998 г. — 561 т, или в 8,1 (по данным Всемирного банка — в 3,6) раза больше. «Количество зерна, которое следовало продать для покупки одной тонны автомобильного бензина, дизельного топлива или одного трактора возросло в 5–7 раз». В результате резко увеличилась доля затрат на горюче-смазочные материалы (в 3,2 раза), амортизацию основных средств (в 1,4 раза) в себестоимости зерна, «при уменьшении в 1,7 раза удельного веса оплаты труда»[34].

Потери сельскохозяйственных товаропроизводителей, генерируемые диспаритетом цен, — огромны. Так, в 1997 г. только в зерновом хозяйстве они достигали 8,7 млрд. деноминированных рублей, а сельское хозяйство в целом лишилось в этом году в ходе межотраслевого обмена в результате диспаритета цен 48 млрд. рублей[35].

Чтобы оценить объемность этих потерь, можно сопоставить их с величиной («выпуском») валовой продукции сельского хозяйства, произведенной в том же году, с одной стороны, и стоимостью обмениваемой (товарной, «реализуемой», в том числе и на рынке) ее части, с другой. Так вот, в 1997 г. стоимость продукции (сырья) зернового хозяйства составляла в фактически действовавших ценах 52,9 млрд. деноминированных рублей, а «реализованная» часть этой продукции (44,1%; см. табл. СП-9) оценивалась, по данным Госкомстата России, в 23,3 млрд. деноминированных рублей. Стоимость же «выпуска» (output) продукции всего сельского хозяйства России составляла в фактически действовавших ценах 309,2 млрд. деноминированных рублей, а ее товарная («реализованная») часть (41,9%; см. гл.II, §4) — 129,6 млрд. рублей[36]. Теперь мы можем определить *пропорции потерь* сельскохозяйственных товаропроизводителей России *от диспаритета цен*, исчисленные по отношению к стоимости обеих особых категорий сельскохозяйственного продукта. В 1997 г. эти пропорции составляли (*в %*):

---

[32] *Алтухов А.И.* Состояние и перспективы зернового производства и рынка зерна в Российской Федерации, в: *Аграрная Россия*. 2000, №1, с.8.

[33] Стратегия реформ, с. 156.

[34] *Алтухов А.И.* Состояние и перспективы зернового производства и рынка зерна в Российской Федерации, с.8.

[35] Там же.

[36] Подсчитано по: Сельское хозяйство в России 2000, с. 32, 35.

	По отношению к валовой («выпуску») продукции	*По отношению к величине товарной («реализованной») продукции*
Зерновая отрасль сельского хозяйства	*16,5*	*37,3*
Сельское хозяйство в целом	*15,5*	*37,0*

В том, что касается зернового хозяйства, безусловно, прав А.И. Алтухов, отметивший, что «главный фактор (точнее было бы сказать, как мы установили выше, один из главных факторов. — *Авт.*) обвального спада валовых сборов зерновых (см. прим. 19) — современные неблагоприятные для отрасли экономические условия. К их числу относятся процесс *деинтенсификации* зернового производства, *бесконтрольная перекачка* (может быть, точнее — *выкачка. — Авт.*) *огромных финансовых ресурсов из него через диспаритет цен на зерно и промышленную продукцию*, другие каналы изъятий средств из зерновой отрасли (курсив наш. — *Авт.*)»[37].

Подлинной трагедией зерновой отрасли производства (как, очевидно, и сельскохозяйственного сектора экономики в целом) было (и остается) то, что усилившийся диспаритет цен (неэквивалентный обмен), как неоднократно упоминалось ранее, генерировал *мощный импульс «опережающего» роста затратности отраслевого производства*. По расчетам А.И. Алтухова, темпы роста среднегодовой цены реализации зерна по всем каналам сбыта в 90-х годах XX века *втрое отставали от темпов роста издержек на его производство*: «если за период 1990–1998 гг. выручка от реализации одной тонны зерна выросла в 2,1 раза, то себестоимость — в 6,1 раза»[38].

Все это, конечно, усугубляло экономическое «бесправие» сельскохозяйственного товаропроизводителя. Запечатленный в динамике, данный процесс оценивался следующим образом: «Показателем ценовых диспропорций стало снижение доли производителей зерна в цене конечной продукции. В 1997 г. по сравнению с 1991 г. доля цены зерна в розничной цене пшеничного хлеба сократилась с 33% до 10%»[39].

---

[37] *Алтухов А.И.* Состояние и перспективы зернового производства и рынка зерна в Российской Федерации, с.8.

[38] Там же, с. 7.

[39] Там же, с. 8. Действительный темп сокращения доли цены зерна, обусловленной условиями обмена, в розничной цене хлеба, за эти шесть лет, был, по-видимому, ниже. Ведь в 1991 г. в России, как можно судить по материалам разделов III и V этой главы, величина доли цены зерна в гораздо большей степени зависела от субсидиальной подпитки сельского хозяйства, чем в 1997 г.

Или, говоря иначе, по значению данного показателя сельскохозяйственный товаропроизводитель современной России «опустился» до положения зажатого в тисках внеэкономического принуждения крестьянина–колхозника — производителя зерна эпохи расцвета неэквивалентности обмена в аграрном секторе СССР — 1940 г.[40]. В углубляющемся несоответствии производственных затрат и результатов производства — «знак беды» сельского хозяйства современной России.

Внерыночная экономика, утвердившаяся в России в советский период, не могла предполагать какого-либо иного, кроме затратного, типа экономического роста в сельском хозяйстве. Именно данный тип воспроизводства, порожденный и выпестованный кратократией, доминировал в индустриальный период и особенно в последние годы бытия России в составе СССР. Политика по укреплению монстра затратности, проводившаяся в советский период, жестоко мстит за себя независимой России. Мертвое все еще цепко продолжает держать живое за горло!

Из «заколдованного круга», установленного исторически сформировавшимися механизмами неэквивалентного обмена, видится только один реальный выход — взлом самих этих механизмов, последовательное, по этапам, изживание их. Только эта акция способна в современных условиях расчистить дорогу к эффективному, соответствующему технологическим достижениям и экономическим порядкам современного мира, хозяйственному росту.

И не будем забывать об огромных созидательных потенциях государства, подлинного демиурга сбалансированной модели экономической динамики в агросфере: ведь механизм его воздействия на экономику претерпевает *качественное изменение*. Если при «социализме», господствовавшем в бывшем СССР, «государство и рынок являлись силами, противостоявшими одна другой», то в условиях независимой России все больше появляется признаков принципиально иной ситуации, такой, при которой, если сказать словами одного из видных экспертов по данной проблеме, «*государство само встроено в рыночный механизм* и постоянно устремлено к тому, чтобы *расширить сферу рыночных отношений* (курсив наш. — *Авт.*)»[41]. Пока же, однако, эффективность регулирующей роли государства в агросфере России удручающе мала.

Последнее еще не включилось в процесс регулирования сельскохозяйственного роста в объеме, диктуемом неотложными задачами возрожде-

---

[40] *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 275–277.

[41] *Я.А. Певзнер*. Цит. по: *Брагинский С.В., Певзнер Я.А.* Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления, с. 256.

ния производящего потенциала российской деревни. Поразительно, но факт (если судить по мнениям самих экономических агентов агросферы) — уровень государственной поддержки является ныне *самым уязвимым звеном* всего процесса сельскохозяйственного роста в России. Так, среди «факторов, ограничивавших развитие сельскохозяйственного производства», по данным выборочного обследования, проведенного в мае 1999 г., *наибольшее число* (наряду с отмеченным в прим. 25) утвердительных ответов получил пункт о «неэффективной государственной поддержке товаропроизводителей» (84% респондентов от группы «сельскохозяйственные предприятия» и 81% от группы «крестьянские [фермерские] хозяйства»); а из перечня «первоочередных мер по поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей» *больше всего* респондентов поддержало пункты о необходимости перераспределения контролируемых государством финансовых потоков в пользу агропроизводства; эти пункты: предоставление льготных кредитов сельхозпроизводителям (82% и 83% респондентов соответственно) и льгот на оплату энергетических ресурсов, используемых в сфере производительного потребления (86% и 81% респондентов соответственно); и все это, если судить по смыслу наиболее желаемых «первоочередных мер», — в целях смягчения диспаритета сельскохозяйственных и промышленных цен, на тормозящее воздействие которого указали 87% респондентов от группы «сельскохозяйственные предприятия» и 72% — от группы «крестьянские (фермерские) хозяйства»[42].

Но, может быть, положительный показатель условной нормы прибыли за последние два года ушедшего столетия (см. табл. IV-4), как и факт значительного сокращения в эти же годы числа убыточных предприятий (см. выше), — «первые ласточки», знаменующие начало возрождения «организованного» сектора хозяйства агросферы в условиях формирующегося рынка?

[42] Российский статистический ежегодник 1999, с. 378, 379.

Раздел третий

ЦИКЛИЧЕСКАЯ НЕРАВНОМЕРНОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РОСТА

Введение

В настоящей части нашего исследования мы будем рассматривать процесс сельскохозяйственного роста с позиций теории «длинных волн», разработанной великим ученым России Н.Д. Кондратьевым.

Обращение к «циклическим» трудам Н.Д. Кондратьева ныне диктуется и особенностями самой эпохи, переживаемой обществом посткоммунистической России[1]. Радикальная ломка «старого порядка», на путь которой страна вступила в последнее десятилетие XX века, «от себя» вызвала императивную потребность в соответствующем научном инструментарии, позволяющем адекватно осмысливать и оценивать переворот, свершающийся в экономическом быте России, при этом оценивать его в сравнительных исторических рамках общемировых процессов развития. Теория «длинных волн» Н.Д. Кондратьева — один из движителей такого научного познания.

Понятие «циклической волны» по Н.Д. Кондратьеву обладает рядом характеристик, фиксирующих специфический тип видения экономического процесса.

---

[1] Одна из лучших библиографических работ по исследованиям в области «больших циклов» и, в частности, по циклической теории Н.Д. Кондратьева принадлежит перу Полетаева А.В. и Савельевой И.М.; см.: *Они же.* Концепция «длинных волн» в историко-социальных исследованиях [Историографический обзор], в: *Рабочий класс и современный мир*. 1988, N 5, с.219–227. Из широкого спектра проблем циклической динамики, исследованных этими авторами, в контексте настоящей работы привлекают внимание такие: историческое время зарождения самого феномена «большой цикл» (по Н.Д. Кондратьеву); переход доиндустриальной «аграрной» волны в индустриальную («промышленную») «кондратьевскую» волну. См.: *Полетаев А.В., Савельева И.М*. Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования). М.: «Наука», 1993, гл. II. Обстоятельный разбор различных проблем циклически-волновой динамики, «смежных» по отношению к рассматриваемым в настоящей книге, см. также в работах: *Пантин В.И.* Циклы и ритмы истории. Рязань: «Аракс», 1996. —158 стр. (феномен циклов в динамике международного рынка); *Он же.* Циклы и волны модернизации как феномен социального развития. М.: «Московский философский фонд», 1997. — 191 с. (см., в частности, аналитические оценки познавательной значимости теории циклов Н.Д. Кондратьева, с. 42–59); *Изюмов А.И., Попов В.В*. К вопросу о «длинных волнах» в американской экономике, в: *США. Экономика. Политика. Идеология*. 1988, № 4, с.3–12; *Никитин С.* Теории «длинных волн» и научно–технический прогресс, в: *Мировая экономика и международные отношения*. 1986, № 8, с.101–110.

«Мысль о том, что динамика экономической жизни при капиталистическом строе общества имеет не простой и линейный, а сложный и циклический характер, в настоящее время можно считать общепризнанной», — писал Н.Д. Кондратьев в 1925 г.[2]. Как показал последующий исторический опыт мирового развития, экономический рост отличается не равномерной, а неравномерной интенсивностью на различных отрезках исторического времени при любом общественном строе. Вместе с тем при определяющем воздействии на динамику роста в XX веке (особенно со второй его половины) общемировых процессов индивидуальные черты социально–экономической и политической жизни каждой отдельно взятой страны накладывают свои особые отпечатки на отдельные фазы цикла, их интенсивность и конечные результаты. Неравномерный процесс циклического развития с чередующимися подъемами и спадами его интенсивности в границах данного исторического времени (об этом — ниже) принято называть «кондратьевской (циклической) волной» (графически она изображается в виде синусоидальной кривой).

Иначе говоря, «циклически–волновое» видение по Н.Д. Кондратьеву процесса экономического роста позволяет представить последний как непрерывный во времени, целостный поток, выявлять в долгосрочной ретроспективе его «взлеты» и «обвалы», обусловленные как факторами глобального порядка, то есть действующими на общемировом пространстве (такими, как войны, экономические кризисы, социальные революции, перевороты в технологическом способе производства и др.), так и факторами сугубо внутренней жизни; эта теория открывает широкие возможности осуществлять сравнительный анализ народных хозяйств различных стран для выявления как универсально общих, так и особенных черт их развития и тем самым вносит существенный вклад в разработку оценки экономического процесса на переломных рубежах его течения в историческом времени.

Более того, теория Н.Д. Кондратьева, как полагают авторы, успешно может быть использована не только при анализе макроэкономического процесса роста, но и при исследовании динамики отдельных, особых объектов экономической деятельности людей, естественно с поправками на те специфические обстоятельства, которые сопутствуют функционированию этих объектов. *Хозяйство агросферы* является одним из таких — наиболее сложных и интересных для изучения — объектов.

И еще: как показывает опыт, на «гребне моды» теоретические конструкции «циклических волн» со временем, подобно днищу корабля после долгого плавания, обрастают «ракушечником» многооб-

---

[2] См.: *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры, в: *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. М.: «Экономика», 1993, с.24.

разных интерпретаций, иногда поражающих даже самое богатое воображение. Что до авторов, в настоящей работе они стремились неукоснительно следовать методике Н.Д. Кондратьева, который первым разработал математически выверенную логику выделения в потоке исторического времени законченного цикла, причем порой на фоне кажущегося стабильным экономического роста.

При подготовке настоящего раздела авторы использовали материалы опубликованной в 1997 г. брошюры[3]. По сравнению с этой работой в нынешний текст внесены существенные изменения и дополнения. Во-первых, была увеличена выборка стран, аграрные секторы которых являлись объектом исследования циклически–волновой динамики (прежний ареал стран, представленный Россией, США, Японией, Индией, Узбекистаном, расширился за счет Пакистана и Казахстана). Во-вторых, мы сочли необходимым раздвинуть исторические границы исследования, включив в него анализ первого «большого цикла конъюнктуры» XX века, в результате в фокусе исследования оказался более чем вековой исторический период — с 80-х годов XIX в. до 2000 г. В-третьих, была расширена проблематика исследования циклических волн, для этой цели были введены дополнительные показатели, позволившие, помимо прочего, заметно полнее исследовать само понятие «циклическая волна». Так, помимо продуктивности и производительности труда, измеряемых величиной продукта (в натуральном выражении), произведенного на единицу используемых ресурсов (земли) или на единицу затрат труда, в анализ были включены показатели товарности хозяйства, измеряемые пропорциями выхода произведенного продукта в товарной форме как в натуральном (физическом), так и в стоимостном выражении, а также долговременные ряды стоимостных показателей валовой продукции в сопоставимых ценах, произведенной на единицу площади (эти ряды позволили показать на протяженном отрезке исторического времени ход и исход соревновательной динамики аграрных секторов бывш. СССР/России и США в XX веке). Расчеты «кондратьевских» волн проводились на базе более современных компьютерных программ, что позволило скорректировать тренды и уточнить некоторые характеристики циклически–волновой динамики по отдельным странам. Отметим также, что построение «кондратьевских волн» в столь широком временном диапазоне потребовало несколько изменить методику расчета циклических волн; так, в необходимых случаях был использован метод «разорванного» тренда, позволивший существенно точнее представить конфигурацию циклической волны.

---

[3] *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* «Большие циклы» в агросфере. XX век. М.: «Институт востоковедения» РАН, 1997, 64 с.

Глава V

ВТОРОЙ «БОЛЬШОЙ ЦИКЛ» XX ВЕКА В АГРОСФЕРЕ

1. *Методика исследования «больших циклов» в хозяйстве агросферы*

Методика Н.Д. Кондратьева, разработанная им для анализа «больших циклов конъюнктуры» капиталистического хозяйства, основана на изучении колебаний реального темпа роста вокруг усредненных (трендовых) его значений на данном отрезке исторического времени. Другими словами, анализируя каждый особый ряд натуральных погодовых показателей, ученый рассчитывал тренд, а затем исследовал отклонения (дисперсию) значений реального ряда от расчетных (трендовых) значений. В большинстве случаев при установлении временных границ «больших циклов» он сглаживал «выбросы» в этих отклонениях по скользящей средней за девятилетний период, чтобы избежать, помимо прочего, влияния «малых» и «средних» циклов[1]. Если отклонения имели положительные значения, на волне фиксировалась положительная фаза, и, наоборот, при отрицательных значениях отклонений волна входила в отрицательную фазу. Н.Д. Кондратьев трактовал это явление следующим образом: при увеличении темпа роста исследуемых показателей выше трендовых значений имеет место повышательная тенденция

[1] В этом вопросе Н.Д. Кондратьев учел выводы известного русского статистика В.Г. Михайловского, установившего 8-летнюю периодичность в долговременной колебательной динамике урожаев в России, в пределах таких периодов урожайные годы чередовались с неурожайными по определенному алгоритму (см. Тезисы доклада В.Г. Михайловского «Урожаи ржи в России 1801–1914 гг.», в: *Бюллетень ЦСУ РСФСР*. 1921, № 50, с. 2, 4). Именно данные «короткие» циклы Н.Д. Кондратьев исключил из своего анализа путем сглаживания результатов расчетов по скользящей средней за 9-летний период. Подробнее об исследованиях В.Г. Михайловского см.: *Семенов М.* К вопросу о закономерности колебаний урожаев, в: *Вестник статистики*. 1922. Кн.XI, с. 57–96; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. М.: «Наука», 1974, с.31–34; *Вайнштейн Альб. Л.* Эволюция урожайности зерновых хлебов в России до войны и перспективы ее развития в будущем, в: *Он же*. Избранные труды в двух книгах. Книга I. Советская экономика: 20-е годы. М.: «Наука», 2000, с. 284.

(или фаза) в экономической активности, а при падении темпа роста ниже трендовых значений можно говорить о понижательной тенденции (фазе) в ней.

Крупным открытием Н.Д. Кондратьева было принятие трендовой линии динамики исследуемых показателей за нулевую отметку, вокруг которой и исследуются колебательные движения. Тем самым ученый исключил из анализа экономического процесса собственно скорость экономического роста, оставив для изучения только *изменяющуюся неравномерность* его темпов в историческом времени. Образно говоря, Н.Д. Кондратьеву удалось как бы материализовать улыбку Чеширского кота, напрочь устранив его телесную субстанцию.

Вместе с тем методика Н.Д. Кондратьева предполагает параллельное использование и традиционных способов анализа, в частности, исследование динамических рядов натуральных показателей (таковые, имеющие отношение к теме этой работы, в кратком виде приводятся в табл. V-1 и V-2). Только такой двуединый подход позволяет дать полноценную оценку содержательной части «большого цикла».

Заранее оговорим, что анализ «больших циклов конъюнктуры» мы предпримем, используя преимущественно графическое изображение динамики некоторых важнейших параметров (см. ниже) экономического роста. Ибо именно такие изображения позволяют при соответствующей обработке исходного статистического материала получить ту информацию о циклах, которая может быть упущена при анализе цифровых данных.

В связи с этим в работе предлагаются два типа графиков. На графиках первого типа (отмеченных индексами «а» и «б») отражена динамика натуральных значений исследуемых показателей, изменяющихся в историческом времени. Построенные на основе сплошных рядов натуральных данных, эти графики показывают реальный экономический процесс, который можно «осязать», не прибегая ни к каким «ухищрениям». На графиках второго типа (отмеченных индексом «в») изображены «кондратьевские волны».

При построении графиков «кондратьевских волн» на базе графиков динамики натуральных значений исследуемых показателей (как того требует методика, разработанная Н.Д. Кондратьевым) происходит смещение системы координат. Так, если графики натуральных значений представлены в привычной нам системе координат, где на оси абсцисс фиксируется историческое время, а на оси ординат — абсолютные значения исследуемого показателя, то при построении графика «кондратьевских волн» трендовая линия (она фиксируется на графиках первого типа) отображается в ось абсцисс

(на графике «кондратьевских волн»); на эту ось в свою очередь проецируются временные точки, а на оси ординат отмечаются относительные величины, являющиеся отклонениями точек реального ряда динамики индексов от расчетных значений трендовой линии. Причем трендовая линия может не только иметь вид прямой, но и представлять собой параболу, или фиксировать экспоненциальную зависимость; тогда преобразование системы координат будет носить нелинейный характер.

Таким образом, графики «кондратьевских волн» представляют собой систему относительных кривых, где только временные диапазоны сопоставимы с временными отрезками реального экономического процесса, и поэтому они могут согласовываться с соответствующими отрезками кривых на графиках первого типа. По поведению кривых на временной оси мы и можем выявлять границы «больших циклов», сами же по себе значения амплитуд «кондратьевских волн» являются относительными величинами и могут свидетельствовать о степени неравномерности процесса экономического роста в данной конкретной стране лишь в рамках условных оценок — «больше», «меньше».

Рассматриваемые в совокупности, графики обоих типов, позволяют запечатлеть целостный экономический процесс как бы в двух его ипостасях: во-первых, со стороны его цикличности и неравномерности его хода в историческом времени и, во-вторых, со стороны реальных изменений в уровне развития исследуемого объекта в период цикла. (В разных странах, как будет показано ниже, могут наблюдаться совпадающие или близкие временные границы «больших циклов», совпадающая или близкая по степени циклическая активность, по реальному же уровню эволюции аграрного сектора как в исходный, так и в завершающий периоды цикла, фиксируемому динамикой экономических параметров, те же страны могут различаться принципиально[2].)

Трудность анализа циклических изменений в столь сложной системе, как хозяйство агросферы, обусловлена не только характером экономической природы объекта (в больших группах стран он представлен огромным множеством производящих единиц), но и особой чувствительностью к природным факторам экономической деятельности людей (включая экологические факторы человеческо-

[2] Например, собственно «волновое» видение экономического процесса совсем не поможет нам оценить ситуацию по существу «хождения по кругу», имевшую место на протяжении трех с половиной десятилетий в хлопковом хозяйстве Узбекистана, когда выход продукта (хлопка-сырца) на час трудовых затрат изменялся в диапазоне значений, характерных для традиционного хозяйства, 1,8–3,2 кг (подробнее см. табл.V-1).

го бытия). Более того, циклическая неравномерность развития хозяйства агросферы (то есть временное чередование повышательной и понижательной фаз цикла) должна быть оценена и в контексте изменений, происходящих в более широком мире и оказывающих непосредственное воздействие на изменения в сельском хозяйстве. Особо мы хотели бы выделить влияние, оказываемое на последнее в исследуемую историческую эпоху достижениями научно-технического прогресса, с одной стороны, и факторами политического насилия (внеэкономического принуждения), нарушающими естественное течение процесса изменений, детерминируемого собственно экономическими законами, с другой.

Поэтому, хотя циклические изменения в хозяйстве агросферы в конечном итоге обусловлены макроэкономическими циклическими изменениями и по времени, с возможным «запаздывающим» лагом, связаны с последними, «большой цикл» развития данного хозяйства отличается определенной *автономией* и имеет свои специфические особенности и свои *временные границы*.

Мы исходим из того, что в исторической динамике хозяйства агросферы может быть выявлена, если использовать методику Н.Д. Кондратьева, *двухфазовая* волна большого цикла длиной примерно 50 лет, а в ряде случаев в силу обстоятельств, подлежащих специальной оценке (на некоторые из них будет указано ниже), и большей или меньшей длины. Мы основываемся также на мысли Н.Д. Кондратьева о том, что «большой цикл конъюнктуры» открывается его повышательной фазой.

На представленных графиках мы четко видим общую особенность циклически–волновой динамики XX века, характерную для всех отобранных нами стран. На них нашла отражение достаточно длительная повышательная фаза первого «большого цикла конъюнктуры» с экстремумами по странам, относящимися к первому – началу четвертого десятилетиям XX века; понижательная фаза, завершившаяся к середине столетия: она приходится по странам, как правило (но не исключительно), на период 20–40-х годов (об особенностях первого «большого цикла» XX века мы расскажем подробно в следующей главе); обозначена повышательная фаза второго «большого цикла», начало которой фиксируется (с «запаздывающим» лагом для бывших колониальных и зависимых стран) концом 40-х — первой половиной 50-х годов, а пик фазовой активности выпадает на различные временные отрезки, относящиеся к периоду от середины 70-х до середины 80-х годов; и, наконец, выявляются с разной интенсивностью по странам выраженные признаки понижательной фазы этого цикла (см. графические рисунки V-1—V-13 под индексом «в»). Главное, на что мы сейчас должны

обратить внимание, следующее: вся совокупность данных, собранных по национальным (т.е. независимым друг от друга) источникам, свидетельствует о *временном единообразии* повышательной фазы второго «большого цикла» XX века. (Расхождения, отмечающиеся по странам, объясняются конкретными обстоятельствами, о которых будет рассказано в ходе дальнейшего изложения материала.)

Уточним один существенный момент: при анализе в рамках кондратьевской методики динамических изменений в определенных хозяйственных объектах (например, в «застойном», в частности, традиционном хозяйстве) мы наблюдаем длительные периоды, в течение которых линия волны движется параллельно тренду — либо на отрицательном ее отрезке, либо на положительном; то есть развитие объекта с одними и теми же темпами может графически фиксироваться и как отрицательный отрезок волны (расположенный ниже нулевой линии), и как положительный (расположенный выше нулевой линии). Такое равномерное (с нулевым значением) изменение мы называем типом «линейного» развития (выражающего динамику стадии «плато»), крайние временные точки отрезка которого соединяют между собой обе фазы в той или иной их последовательности — прямой (повышательная и понижательная) или обратной; такой тип развития фиксируется практически при не изменяющихся или едва колеблющихся значениях исследуемых показателей («стагнационных колебаниях») (см. рис. V-2, V-3, V-7, V-9, V-17 под индексом «в»). Можно сказать и иначе. В графической линии данный тип развития отображается воспроизведением на протяжении N-ого времени соответствующих точек экстремума (положительного или отрицательного, в зависимости от исходной фазы).

Важнейший вопрос, который возникает в связи с использованием «циклически–волновой» методики анализа, состоит в отборе параметров, изменение значений которых максимально надежно свидетельствовало бы о характере изменений в изучаемом объекте на стороне производства. Для целей настоящей работы мы отобрали три, как думается, наиболее важных («результирующих») параметра: из них два относятся к типу «технологических» (они, кстати говоря, представляют «оппонирующие» приоритетные факторы–признаки, различающие оба указанные выше ТСП)[3] и один — социально-экономический.

---

[3] Выше (см. гл. I, §1) мы характеризовали различия между исторически сложившимися земледельческими ТСП. Здесь же мы отметим лишь разграничительный критерий, использование которого поможет нам впоследствии оценить качественные различия в волновой динамике аграрных секторов различных групп стран: этот критерий основывается на том, что в реальной жизни инвестиционный

К «технологическим» параметрам относится *урожайность*; в изменениях этого параметра отражается длительный исторический прогресс производительных сил человечества (в частности, общества рассматриваемой страны на данной ступени его развития); проявляется, помимо прочего, исторический опыт трансформации производственных отношений, воздействующих на экономический рост в народном хозяйстве в целом, и в хозяйстве агросферы, в частности. Данное обстоятельство особенно важно учитывать, когда рассматриваются циклические изменения в экономике сельского хозяйства при разных общественных системах. Урожайность — это результирующая составляющая фактора *продуктивности земледелия* (в дальнейшем — «ПЗ–фактор»). (Динамику урожайности отдельных земледельческих культур в долговременной ретроспективе по исследуемым в работе странам см. в табл. V-1). По значениям показателей волновой динамики именно урожайности определяются границы стандартного «большого цикла конъюнктуры» в агросфере в XX веке.

Второй используемый нами «технологический» параметр — *производительность труда* (она рассчитывалась в показателях величины выхода продукта *in natura* на единицу затраченного рабочего времени); в изменениях данного параметра отражается прогресс в экономии труда как целеполагающем факторе экономического роста. В них фиксируются, помимо прочего, сдвиги в технологической организации производительных сил. Наконец, безусловно, на характере изменений производительности труда сказывается господствующий в обществе тип производственных отношений. Производительность труда — это результирующая составляющая фактора *экономии труда* (в дальнейшем — «ПТ–фактор»).

Третий, социально-экономический, параметр — это *товарность хозяйства агросферы*; в работе она представлена либо удельным весом выхода товарного продукта ведущей земледельческой отрасли в рассматриваемой стране по отношению к объему производства данной отрасли, либо удельным весом стоимости товарного продукта сельского хозяйства по отношению к стоимости валовой сельскохозяйственной продукции в рассматриваемой стране. Этот параметр позволяет оценивать (с количественной сто-

---

пакет в сельском хозяйстве разделяется на инвестиции, «концентрирующиеся вокруг земли» (то есть предполагающие приоритетное развертывание потенциала природных факторов производства), и инвестиции, «концентрирующиеся вокруг труда» (то есть предполагающие экономию труда как центральную, стержневую установку производственной деятельности). (См.: *Singh Karam, Kaur Kulwinder*. Growth in Agricultural Production and Nature of Technological Change in Punjab Agriculture, in: *Agricultural Situation in India*. Vol.47. Delhi, 1992, No.5, c. 358).

роны) степень развития общественного разделения труда в условиях роста товарного хозяйства; соответственно, анализ его изменений вносит существенный вклад в понимание динамики товарно-денежных отношений в агросфере исследуемой страны.

При оценке поведения отмеченных «технологических» факторов роста в их графическом изображении нужно иметь в виду особенности их проявления. ПЗ–фактор обладает гораздо большей инерционностью, чем ПТ–фактор, ибо ПЗ–фактор предполагает более длительную аккумуляцию положительных достижений человеческого опыта и тем более — научного знания в развертывании производительного потенциала, связанного с возделыванием данной сельскохозяйственной культуры, относительно длительный охват этими достижениями производящих единиц (которых, как отмечалось, может быть великое множество), а в эпоху НТР он предполагает регулярное обновление технологий, отличающихся все большей наукоемкостью. Такие технологии в эпоху НТР имеют сравнительно непродолжительные сроки и физического и «морального износа»; более того, всякий революционизирующий тип сортов сельскохозяйственных культур требует и адекватной ему «пакетной» технологии, ибо только применение такой технологии при прочих равных условиях способно обеспечить наибольшую отдачу при возделывании «революционного» сорта. Поэтому развертывание потенциала ПЗ–фактора характеризуется *дискретностью*, неравномерностью проявления силы последнего в историческом времени, вследствие особенностей элементов, его конституирующих[4].

---

[4] Так, на протяжении уже не одного десятилетия в странах Южной Азии и Японии осуществляется разработка новых сортов зерновых и иных продовольственных культур, возделывание которых обеспечивало бы экономически окупаемую отдачу, в частности на суходольных землях. Тем не менее Министерство финансов Индии из года в год докладывало Парламенту страны о том, что из «трех основных факторов торможения» сельскохозяйственного роста «вторым» является «фактор отсутствия или фактического застоя в селекции новых сортов сельскохозяйственных культур, в особенности таких ключевых, как рис, пшеница, бобовые, масличные и овощные» (см.: Indian Economic Survey 1996-97. Delhi, 1997, с.156). Такую же «задержку» мы наблюдаем, например, в Японии: хотя еще в 50–70-х годах были выведены высокоурожайные сорта затопляемого риса, «большинство проблем над которыми работают (уже многие годы. — *Авт.*) японские селекционеры продолжают оставаться актуальными. В первую очередь это относится к созданию новых сортов риса, позволяющих решить такие задачи, как возможность механизированного возделывания культуры, ее ранней посадки, неполегаемости, ..., холодостойкости, ..., устойчивости к болезням... Традиционные методы селекции уже не дают того эффекта, который необходим для роста сельскохозяйственного производства». Большие надежды возлагаются на биотехнологию (см.: *Маркарьян*

Напротив, на современной стадии развития производительных сил развертывание потенциала ПТ–фактора в хозяйстве агросферы, хотя и имеет свои трудности (например, размер хозяйства), отличается в целом гораздо меньшим временным лагом (от рождения технологической идеи до ее массового внедрения), большей амплитудой степени интенсивности; предполагает более быстрое (и эффективное) освоение плодов работы механизма интернационального трансферта.

Одну особенность поступательного движения ПТ–фактора хотелось бы отметить специально. В зонах господства «землесберегающего» ТСП реализация потенциала ПТ–фактора в исследуемом нами «большом цикле» (который обозначился на рубеже 40–50-х годов) происходит по двум принципиально различным направлениям. В частности, распад традиционного хозяйства и становление в его ходе высокотоварного хозяйства, опирающегося на индустриальные средства труда (не обязательно — трудосберегающие), может происходить на первых стадиях современного экономического роста, как это показывает опыт многих стран, например, Азии, на базе почти исключительно ручного труда, а фактором, обеспечивающим рост производительности труда, служит лучшая, по сравнению с традиционной, организация системы ручного труда. Более того, сбережению труда при господстве системы ручного труда способствует, помимо прочего, переход к использованию более эффективных орудий ручного труда[5], а также внедрение в производственную практику современных химических средств, в частности, гербицидов, массовое использование которых, например, целиком устраняет необходимость столь трудоемкой операции, как прополка посевов сельскохозяйственных культур.

Другое направление — переход к использованию в земледелии механических трудосберегающих средств труда, что образует подлинную основу качественного преобразования производительной силы труда. (Уместно, однако, еще раз вспомнить здесь о том, что, как показывает исторический опыт развития хозяйства агросферы в зонах «землесберегающего» ТСП, предпринимавшиеся в ходе второго «большого цикла» мощные усилия по интенсифика-

---

С.Б. Научно–технический прогресс в сельском хозяйстве Японии. М.: «Наука», 1987, с. 32, 81, 84; а также см. данные о динамике урожайности риса в табл. V-1).

[5] Например, в Индонезии замена традиционного ножа «ани-ани» (такую замену мы наблюдаем в 50–70-х годах), применяемого на жатве риса, серпом позволила увеличить производительность труда на этой сельскохозяйственной операции не менее, чем в два раза (см.: *Collier W.L., Soentoro, Wiradi G., Makali*. Agricultural Technology and Institutional Change in Java, in: *Food Research Institute Studies*. Vol. XIV. Stanford, 1974. No.2, c.185).

ции роста производительности труда наталкивались на жесткое противодействие, порождаемое самими механизмами данного ТСП[6].)

При этом, что особенно важно, фазы изменений производительности труда и продуктивности земли далеко не всегда совпадают. И в этом несовпадении (оно ярко зафиксировано, например, на графиках по Японии) может быть заложена очень важная информация о типах реализации в XX веке обоих основных ТСП («землесберегающего» и «трудосберегающего»).

Что касается непосредственных расчетов «кондратьевских волн», статистическая методика, используемая авторами, выглядела следующим образом. Детерминантным показателем, по которому определялись типологические характеристики и фиксировались границы стандартного «*большого цикла конъюнктуры*» в агросфере был фактор продуктивности земледелия (или ПЗ–фактор). (Статистическим эквивалентом данного фактора, как уже было отмечено, выступала урожайность ведущей агрокультуры в рассматриваемой стране.) При этом авторы при построении графиков стремились включить в расчеты по возможности всю доступную им массу зафиксированных статистических наблюдений, которые можно было представить в виде непрерывных статистических рядов — за наиболее длительный исторический период. (В ряде случаев начало их относится ко времени, когда статистические службы исследуемых стран еще только приступили к отслеживанию статистической информации на регулярной основе.) Так, сплошной ряд значений показателя урожайности по семи рассматриваемым в работе странам охватывает период с конца XIX в. (по некоторым из них — с 70-х годов XIX столетия) до конца XX в. — до 2000 г. На графики V-1—V-13 (под индексом «а») наносились значения показателя урожайности (за исследуемый период) и по методу наименьших квадратов определялась трендовая линия. Отметим при этом: мы вынуждены были отказаться от исчисления *сплошной* (*непрерывной*) трендовой линии для *всего* рассматриваемого периода, охватываемого сплошным рядом статистических данных (как того требует методика Н.Д. Кондратьева), и часто следовали правилам методики разорванного тренда, при использовании которой две графические (трендовые) функции пересекаются в той или иной временной точке. Что давало нам возможность на одном графике — более чем вековой исторической протяженности — выявлять и ис-

---

[6] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН, 1999, гл. I, §3 («Япония», «Индия», «Узбекистан»).

следовать по странам, по меньшей мере, по два «больших цикла» в их агросферах (подробнее о причинах использования и методике подбора разорванного тренда см. гл. VI). Затем проводился расчет отклонений реальных значений урожайности от ее трендовых значений, значения таковых отклонений усреднялись по скользящей средней за 9-летний период и наносились сплошной линией на графики V-1—V-13 (под индексом «в»). Впоследствии кривая отклонений, имеющая синусоидальный вид и представляющая собой «кондратьевскую волну», для большей наглядности и снятия случайных колебаний сглаживалась посредством линейной фильтрации по 5-летней средней. По конфигурации этой линии определялись границы «больших циклов» XX века в агросфере.

В основу расчета волновой динамики «технологических» факторов роста мы положили исключительно ряды показателей, касающиеся отраслей растениеводства. При этом мы исходили из того, что по ведущим отраслям растениеводства национальными статистическими службами уже разработаны единообразные, поддающиеся межстрановым сравнениям, статистические ряды, охватывающие весьма длительный исторический период (в США — с 1866 г.; в Японии — с 1879 г.; в России — с 1883 г.; в Индии — с 1900 г.). Отрасли животноводства такой особенностью не обладают. Здесь статистические сведения на *регулярной* основе стали аккумулироваться такими службами во временной отрезок, относящийся к существенно более позднему периоду, при этом статистические ряды в ряде случаев имели значительные лакуны. Кроме того, в ряде стран (главным образом тех, которые относятся к зоне «землесберегающего» ТСП) животноводство существенно уступает растениеводству по стоимости производимой продукции. Так, с середины 70-х годов до конца 80-х (или начала 90-х) удельный вес продукции животноводства в совокупной массе сельскохозяйственной продукции составлял: в Японии — 1/4; Индии — от 1/5 до 1/4; в Узбекистане — менее 1/3 (в сопоставимых ценах). В США же этот показатель достигал — до начала XXI в. — 1/2; в России (в сопоставимых ценах) — даже 3/5; в Казахстане (70-е годы) — менее 3/5 (цены сопоставимые). В 90-е годы эти соотношения в странах, образовавшихся в результате распада СССР, претерпели некоторые изменения (на этот процесс оказала влияние, помимо прочего, ломка прежней структуры внутренних цен). Во второй половине 90-х годов данный показатель составлял в Узбекистане и России от 2/5 до 1/2, в Казахстане (цены сопоставимые) — около 1/3[7].

[7] Составлено по данным национальных статистических изданий.

Авторы, однако, полагают, что предложенные «технологические» параметры в целом достаточно точно отражают волновую динамику сельскохозяйственного роста. В этом, в частности, мы убедимся в следующей главе, при сопоставлении многолетних изменений показателей аграрного сектора Японии — динамики урожайности риса и динамики чистого сельскохозяйственного продукта (см. рис. VI-1 и VI-2).

Целью данной главы было, однако, не только выявление границ второго в XX веке «большого цикла», но и сопоставление конфигураций волн продуктивности и производительности труда в земледелии, т.е. ПЗ–фактора и ПТ–фактора, с одной стороны, и выявления характера и особенностей зависимости между производством в сельском хозяйстве и его товарностью (путем сопоставления статистических значений ПЗ–фактора и значений удельного веса товарного выхода сельскохозяйственного продукта — как валового, так и отраслевого), с другой. Статистические данные по показателю производительности труда в сельском хозяйстве шести рассматриваемых стран были нам доступны с 1920–1930-х (в некоторых случаях — с 1950-х) годов до конца 1980-х — середины 1990-х. На графиках V-1—V-13 (под индексом «б») авторы представили динамику производительности труда, которая фиксировалась значениями показателя выхода (производства) продукта ведущей сельскохозяйственной культуры в расчете на час затрат труда) с интервалом в 5 лет, причем для России и США эти значения были усреднены по пятилетиям; в отношении же других стран по данному показателю авторы располагали данными лишь за отдельные годы. На графики V-1—V-13 (под индексом «в») пунктирной линией наносились отклонения реальных значений ПТ–фактора от трендовых, усредненные за два пятилетия, т.е. изображалась линия волновой динамики. (Сравнительные характеристики ПЗ– и ПТ–факторов представлены также в табл. V-1.)

Здесь следует сделать два замечания. Во-первых, на графиках V-1—V-13 (под индексом «в») при сравнении волновой динамики ПЗ– и ПТ–факторов присутствуют отрезки волновой динамики ПЗ–фактора, по времени относящиеся к первому «большому циклу» XX века, а волны ПТ–фактора — ко второму циклу. Это объясняется тем, что, с одной стороны, статистические данные по ПТ–фактору весьма скудно представлены даже в национальных статистических источниках, не говоря уже о международных, а с другой — графический отрезок волны ПЗ–фактора, относящийся к первому «большому циклу», часто позволяет *визуально* лучше проанализировать и оценить возможные фазовые сдвиги в экстремумах

волн ПЗ– и ПТ–факторов, отражающие наступление второго «большого цикла».

Во-вторых, обозначенные на одном и том же графике, изменения ПЗ–фактора, с одной стороны, и ПТ–фактора, с другой, несколько различаются (см. рис. V-1—V-13 под индексом «в»): ПТ–фактор представлен данными с пятилетним шагом, в противоположность ПЗ–фактору, значения которого представлены погодовыми данными. Однако на выводы сравнительного анализа этот «диссонанс» не оказывает сколько-нибудь существенного влияния по той причине, что погодовые колебания ПТ–фактора отмечаются в существенно меньших диапазонах, чем колебания ПЗ–фактора, испытывающего мощное влияние погодных условий. Однако выявление границ стандартного «большого цикла конъюнктуры» XX века можно было осуществить только на основе исследования погодовой динамики ПЗ–фактора, так как методика Н.Д. Кондратьева, примененная к статистическому ряду с пятилетним шагом, не позволяет зафиксировать границы цикла с точностью до одного–двух лет (то же касается определения экстремумов фаз цикла) — при работе с таким пятилетним интервалом точность измерения составляет примерно 5 лет. Следует также отметить, что начальные и конечные отрезки синусоидальных графиков могут только приблизительно отражать действительный характер циклических колебаний на этих отрезках, из-за большой чувствительности трендовых аппроксимаций к изменениям протяженности статистического ряда. Авторы, однако, считают, что несмотря на указанные недостатки использованный здесь метод сравнения динамик ПЗ– и ПТ–факторов позволяет в рамках поставленных исследовательских задач создать достаточно хорошую базу для последующего анализа.

Статистические значения показателя товарности, более редкие в статистических наблюдениях, мы стремились представить рядами всех доступных нам данных — в основном с 1910-х годов до конца 1990-х годов XX века: для России по зерновым культурам — с середины XIX века до конца XX века; для Индии — с 1930-х годов до начала 1990-х годов. Были также использованы еще более редкие данные по общей товарности сельского хозяйства (доступными для нас оказались их ряды — со значительными лакунами — по США и России — с 10-х годов XX века до конца 90-х и по Японии — с конца 50-х годов до конца 90-х). Эти ряды данных зафиксированы на графиках V-15—V-22 (под индексом «а») (также см. табл. V-2). Особая ценность этой группы данных видится в том, что их динамика показывает изменения объемов товарного продукта в его *стоимостном* выражении, и при этом объект изменений охва-

тывает все экономическое пространство агросферы. Конфигурации «кондратьевских волн», рассчитанных по показателю товарности, представлены на графиках V-15—V-22 (под индексом «в»). Причем волновая динамика удельного веса товарного продукта определенной отрасли сельского хозяйства анализировалась и сопоставлялась с рассчитанными ранее волнами ПЗ–фактора, а циклические изменения удельного веса товарного продукта всего сельского хозяйства рассматриваемой страны — с изменениями валовой (или чистой) сельскохозяйственной продукции данной страны, рассчитанной на гектар обрабатываемой площади.

2. *Особенности циклически–волновой динамики хозяйства агросферы по странам. Продуктивность земледелия, производительность труда*

Страны зоны «землесберегающих» технологий.

В настоящей работе представлены три страны с исходным *«землесберегающим» ТСП* (Япония, Индия, Узбекистан), но классическую («чистую») модель «больших циклов конъюнктуры» в хозяйстве агросферы при господстве данного ТСП мы наблюдаем в XX веке только в ***Японии***.

Первая половина XX столетия отмечена в Японии крайне незначительными изменениями результирующих параметров воспроизводства в сельском хозяйстве (см. рис. V-1(а) и V-1(б)). Активный переход на рельсы *современного* экономического роста начался в агросфере страны лишь во второй половине XX века. При этом волновая динамика рассматриваемого сектора хозяйства убедительно свидетельствует, что преобразования по ПЗ–фактору при «землесберегающем» ТСП получают приоритет в циклическом времени по отношению к преобразованиям в рамках ПТ–фактора.

Действительно, если мы рассмотрим динамику рисопроизводящего хозяйства (см. рис. V-1(в)), мы можем легко обнаружить, что нижней точки в понижательной волне ПТ–фактор достигает лишь *через десять лет* после окончания предшествующего цикла (1900-е – рубеж 40–50-х годов), зафиксированного точкой максимального спада активности цикла по ПЗ–фактору. Соответственно таким же временным интервалом обозначен и временной лаг в повышательной волне ПТ–фактора в новом «большом цикле» (начавшемся на переломе 40–50-х годов).

Таблица V-1

Динамика урожайности и производительности труда в хозяйстве агросферы при различных технологических способах производства, XX век*

Страны с господствующим «землесберегающим» ТСП в земледелии				Страны с господствующим «трудосберегающим» ТСП в земледелии			
Урожайность[1]		Отраслевая производительность труда, выход продукта		Урожайность[1]		Отраслевая производительность труда, выход продукта	
период	*ц/га*	период	*кг/час*	период	*ц/га*	период	*кг/час*
(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*
Япония. Рис (коричневый)[2]				**США**. Пшеница			
1910	26,2	1910	1,5	1910	9,5	1910–1914	26
1920	29,1	1920	2,1	1920	9,1	1920–1924	26
1930	28,3	1930	2,3	1930	9,7	1930–1934	34
1940	29,9	1940	2,3	1940	10,6	1935–1939	40
1950	32,0	1950	1,7	1950	11,2	1940–1944	59
1955	33,0	1955	2,1	1955	13,1	1945–1949	80
1960	38,2	1960	2,8	1960	16,7	1950–1954	101
1965	39,9	1965	3,1	1965	17,5	1955–1959	161
1970	43,1	1970	4,1	1970	21,0	1960–1964	227
1975	46,8	1975	6,4	1975	20,3	1965–1969	250
1980	45,8	1980	7,6	1980	22,7	1970–1974	303
1985	49,8	1985	9,8	1985	25,3	1975–1979	303
1990	48,8	1990	12,2	1990	24,2	1982–1986	389
1995	49,0	1995	13,5	1995	25,2	1990–1995	н.св.
2000	51,2	2000	15,8	2000	28,6	2000	н.св.
Япония. Пшеница				**США**. Кукуруза			
1910	13,5	1910	н. св.	1910	16,9	1910–1914	22
1920	15,2	1920	н. св.	1920	17,2	1920–1924	25
1930	17,6	1930	н.св.	1930	15,6	1930–1934	26
1940	18,5	1940	н.св.	1940	19,0	1935–1939	25
1945	13,3	1945	н.св.	1950	24,4	1940–1944	38
1950	18,5	1950	1,6	1955	26,7	1945–1949	51
1955	21,4	1955	2,1	1960	36,0	1950–1954	80
1960	24,6	1960	2,6	1965	44,5	1955–1959	137
1970	26,0	1970	4,7	1970	53,5	1960–1964	247
1975	26,9	1975	10,4	1975	53,7	1965–1969	385
1980	31,7	1980	21,6	1980	65,7	1970–1974	555
1985	33,4	1985	35,8	1985	68,4	1975–1979	666
1990	34,9	1990	46,9	1990	70,2	1982–1986	907
1995	32,8	1995	53,6	1995	76,2	1990–1995	н.св.
2000	35,7	2000	67,7	2000	84,7	2000	н.св.

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Индия (в целом)				**США**. Хлопок (в экв. волокна)			
Зерновые		Рис (очищенный)[3]					
1910/11	8,1	1910/11	н.св.	1910	2,1	1910–1914	0,8
1920/21	8,0	1920/21	н.св.	1920	1,8	1920–1924	0,7
1935/36	7,6	1933–1936	1,3	1930	1,9	1930–1934	0,9
1940/41	7,2	1940/41	н.св.	1940	2,7	1935–1939	1,1
1950/51	5,6	1950/51	н.св.	1950	3,1	1940–1944	1,2
1955/56	6,2	1955–1957	1,0	1955	4,2	1945–1949	1,5
1960/61	6,9	1958–1960	1,5	1960	5,1	1950–1954	2,1
1965/66	7,0	1968/69	1,1	1965	5,6	1955–1959	3,1
1970/71	8,3	1970/71	1,5	1970	5,2	1960–1964	4,8
1975/76	9,0	1972/73	1,3	1975	5,4	1965–1969	7,6
1980/81	10,0	1983/84	1,6	1980	5,6	1970–1974	12,1
1985/86	11,6	1984/85	1,7	1985	6,7	1975–1979	24,2
1990/91	13,8	1990/91	н. св.	1990	7,2	1982–1986	43,5
1995/96	15,4	1994/95	1,8	1995	7,2	1990–1995	н.св.
2000/01	16,5	2000/01	н. св.	2000	7,0	2000	н.св.
Индия (Пенджаб). Пшеница[4]				**СССР/Россия**. Зерновые			
1910/11	8,9	1910/11	н.св.	1913	7,4 (7,1)[5]	1901–1915	2,5
1920/21	8,7	1920/21	н.св.	1920	6,1 (5,5)	1920	н.св.
1930/31	8,3	1929/30	1,9[6]	1925	7,6 (7,0)	1922–1925	3,9[7]
1935/36	8,5	1935/36	1,5	1930	7,5 (7,2)	1933–1934	8,0[8]
1940/41	9,3	1939/40	2,1	1935	7,1	1937	12,5[9]
1945/46	8,4	1945/46	1,6	1940	7,0 (6,5)	1940	н.св.
1950/51	10,3	1950/51	1,9	1945	5,5 (5,0)	1945	н.св.
1955/56	10,3	1955/56	2,0	1950	7,5 (6,7)	1953	10,9[10]
1960/61	11,5	1960/61	1,9	1955	8,4 (8,0)	1956	11,2
1965/66	14,8	1963/64	1,8	1960	10,8 (10,4)	1960	22,0
1970/71	22,1	1969/70	4,4	1965	10,6 (10,2)	1965	32,0
1975/76	23,8	1972–1975	4,8	1970	13,4 (12,9)	1970	62,0
1980/81	28,3	1980–1983	7,1	1975	14,1 (13,3)	1975	72,0
1985/86	32,7	1984–1987	7,5	1980	14,0 (12,8)	1980	75,0
1990/91	37,1	1990/91	н.св.	1985	15,3 (14,4)	1985	89,0
1995/96	40,1	1995/96	10,8	1990	16,9 (16,1)	1990	95,0
1999/00	45,2	1999/00	н.св.	1995	(14,3)		
				2000	(13,1)[11]		

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
Узбекистан. Хлопок-сырец				**Казахстан**. Зерновые			
1913	12,7	1913	0,5	1913	5,2	1913	н.св.
1920	4,5	1920	н.св.	1922	3,8	1922	н.св.
1930	8,8	1930	н.св.	1930	5,8	1930	н.св.
1940	15,2	1940	1,0	1940	5,3	1940	н.св.
1945	11,1	1947	0,7	1945	4,1	1945	н.св.
1950	18,8	1950	1,3	1950	6,2	1950	н.св.
1960	20,9	1960	1,9	1955	7,0	1953	32,0
1970	25,8	1970	2,5	1960	7,9	1957	22,3
1980	28,3[12]	1980	3,2	1965	6,9	1965	30,3
1990	26,6	1990	3,0	1970	10,0	1970	99,0
1999	22,3	1999	н.св.	1975	8,4	1975	85,4
Узбекистан. Зерновые				1980	10,5	1979	125,0
1913	7,3	1913	н.св.	1985	9,5	1985	100,0
1927	8,3	1925	н.св.	1990	9,4	1990	100,0
1943	3,9	1930	н.св.	1995	7,6	1995	н.св.
1951	5,1	1940	н.св.	2000	9,2	2000	н.св.
1955	5,5	1956	5,0				
1960	6,4	1958	5,9				
1970	8,0	1970	8,7				
1980	19,7[7]	1980	16,8				
1990	18,5	1990	19,2				
2000	25,1	2000	н.св.				

* *Показатели, приведенные в таблице, и графики настоящей главы составлены по:* ***Урожайность:*** Таблица СП-1А и СП-1Б. ***Производительность труда:*** *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век. М.: ИВ РАН. 1999, Приложение №1 (табл. I-1, I-3, I-8, I-9, I-11, I-12), а также: The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry, Fisheries. Japan 1999~2000. Tokyo, 2002, с. 295; *Тихонов В.А*. Проблемы труда в сельском хозяйстве СССР (данные *Е.С. Карнауховой*), в: Сельское хозяйство Советского Союза. М.: «Колос», 1970, с. 172; Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата, 1968, с.105; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с.156; Народное хозяйство Казахстана в 1975 г. Статистический ежегодник. Алма-Ата, 1976, с.95; Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976, с.361; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с.221; Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Статистический сборник. Алма-Ата, 1980, с.87,123; Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с.321,322; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.138,442; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с.33,141.

[1] Показатели урожайности исчислены как средневзвешенные величины по пятилетиям, включающим обозначенный и по два смежных года (например, средневзвешенная урожайность за 1908–1912 гг. обозначена показателем 1910 г.), по-

казатель за 1999 г. выражает усредненную величину за 1998–1999 гг., а за 2000 г. — за 1998–2000 гг. Для Индии в расчет показателя урожайности за 1910/11 г. включаются данные за период с 1908/09 г. по 1912/13 г. и т.д.

[2] Рис в оболочке, т.е. освобожденный от шелухи.

[3] Показатели производительности труда относятся к штатам рисопроизводящей зоны Индии: Западная Бенгалия (1933–1936 гг., 1955–1957 гг., 1972/73 г., 1983/84 г., 1985/86 г.), Андхра Прадеш (1958–1960 гг., 1968/69 г.), Тамил Наду (1970/71 г.), Орисса (1994/95 г.).

[4] Показатели урожайности до 1943/44 г. касаются территории неразделенного штата Пенджаб, с 1944/45 г. — территории Пенджаба, как она сложилась после выделения из него в 1966 г. штата Хариана. Показатели отраслевой производительности труда относятся к территории Восточного Пенджаба (с 1929/30 г. по 1945/46 г.), штатов Пенджаб и Хариана (с 1950/51 г. по 1963/64 г.), дистрикта Фирозпур штата Пенджаб (1969/70 г.), штата Пенджаб (с 1972–1975 гг. и далее).

[5] В скобках данные, относящиеся к территории, формировавшей РСФСР, а с 1991 г. — территорию Российской Федерации. Показатель за 1913 г. — средняя величина за 1909–1913 гг.

[6] Можно привести такой факт для сравнительных оценок: на рубеже 90-х годов XIX века (1888/89–1892/93гг.) в пшеницепроизводящих дистриктах Западной Индии (входивших в тогдашнюю провинцию Бомбейское президентство) выход зерна пшеницы на час затрат труда колебался в пределах от 0,6 до 2,1 кг/час. (*Guha Sumit*. Labour Intensity in Indian Agriculture, 1880–1970, in: *Economic and Political Weekly*. Vol.25. 1990, No.52, с. A-191). Технические условия земледельческого труда, существовавшие в Пенджабе в ту пору, практически не отличались от тех, какими характеризовалось земледелие Бомбейского президентства.

[7] Индивидуальное (крестьянское) хозяйство СССР.

[8] Показатель исчислен как средневзвешенная величина по данным о производительности труда в колхозах СССР в 1933 г. и совхозах СССР в 1934 г.

[9] Показатель касается колхозов СССР.

[10] С 1953 г. показатели относятся к РСФСР, выражают средневзвешенную величину по колхозам и совхозам, с 1960 г. приведены средние значения за три смежных года.

[11] Статистические издания Госкомстата России, опубликованные в 2000 г. и позднее, приводят погодовые статистические данные об урожайности зерновых, начиная с 1995 г., в значениях величины продукта, полученного с одного гектара «убранной» площади (кроме того, Госкомстат оценил данный показатель и ретроспективно — с 1986 г.). При исчислениях по новой методике показатели урожайности зерновых составляют: в 1986–1990 гг. (в таблице —1990 г.) 16,5 ц/га; в 1993–1997 гг. (1995 г.) — 15,6 ц/га; в 1998–2001 гг. (2000 г.) — 15,5 ц/га (рассчитано по: Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001, с. 408).

[12] Статистические показатели за 1980 г. урожайности хлопка и зерновых в Узбекистане несколько изменены, так как в эти годы была особенно широко распространена фальсификация сельскохозяйственной отчетности, называемая «приписками», затронувшая, помимо других отраслей сельского хозяйства, производство хлопка и зерна (подробнее см. в табл. СП-1А примечания «Узбекистан»).

Но временной разрыв между экстремумами обеих волн в этой (повышательной) фазе уже сжимается — примерно до 5 лет (соответственно начало 70-х и последняя треть 70-х годов). После чего в агросфере Японии обнаруживается тенденция перехода от повышательной фазы второго «большого цикла» к понижательной его фазе.

Еще ярче асинхронность в изменениях фаз ПЗ– и ПТ–фактора проявляется в циклической динамике пшеницепроизводящего хозяйства (см. рис. V-2(в)); временная разница между начальными точками повышательной волны второго «большого цикла» достигает при сравнении изменений обоих факторов примерно тридцати лет (на рис. V-2(в) эти точки фиксируются серединой 40-х и серединой 70-х годов), а разница между точками положительных экстремумов этой волны сводится к промежутку времени, измеряющемуся примерно семью годами (середина 80-х — начало 90-х годов). (Нужно, однако, учесть, что определенный отрезок повышательной волны ПЗ–фактора приходится на восстановительный период, последовавший за окончанием Второй мировой войны; некоторое представление о его длительности можно получить по данным об изменениях урожайности пшеницы; см. табл. V-1.)

Несмотря на очевидные «провалы» в развитии ПТ–фактора в земледелии (об исключениях см. ниже) хозяйственные результаты завершившегося к началу XXI в. второго «большого цикла» оказались в Японии весьма впечатляющими. Упомянем о двух: повсеместно утвердился новый тип агрикультуры, базирующийся на современных высокоинтенсивных[8], причем — наукоемких, технологиях, а главным экономическим агентом в агросфере стало целиком ориентированное на рынок, свободное семейно-фермерское хозяйство, сменившее в качестве такого агента своего предшественника — хозяйство мелкотоварного типа, обремененное многообразными отношениями кабалы. (Это было отмечено в первой и второй главах.)

---

[8] О степени интенсификации хозяйства агросферы Японии можно судить, помимо прочего, по масштабам применения, например, минеральных удобрений: оно составляло 440 кг действующего вещества на гектар пашни к концу 80-х годов. (Для Японии это до сих пор — самый высокий показатель.)

ЯПОНИЯ: рисопроизводящее хозяйство

Рис. V-1(а)

Динамика урожайности риса, *100 кг/га*

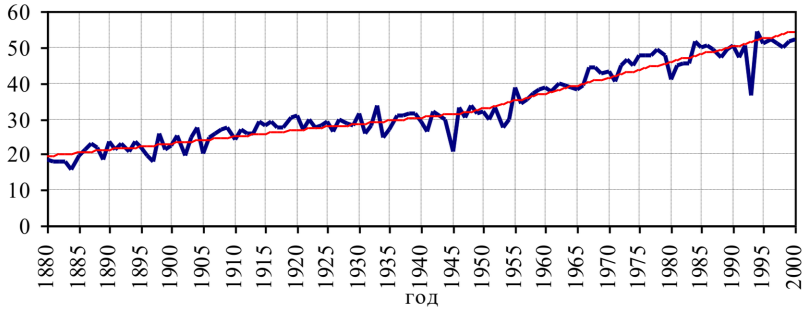


Рис. V-1(б)

Динамика производительности труда (рис), *кг/час*

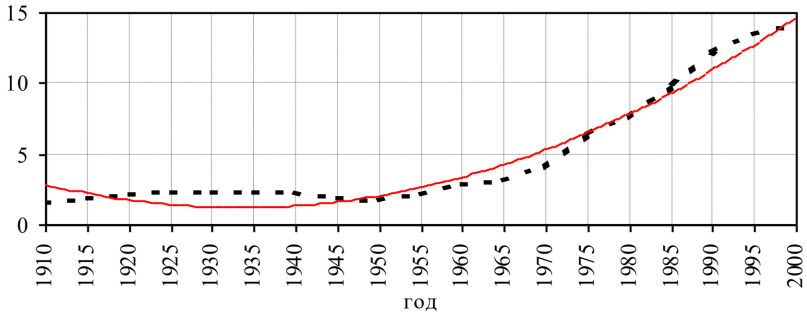
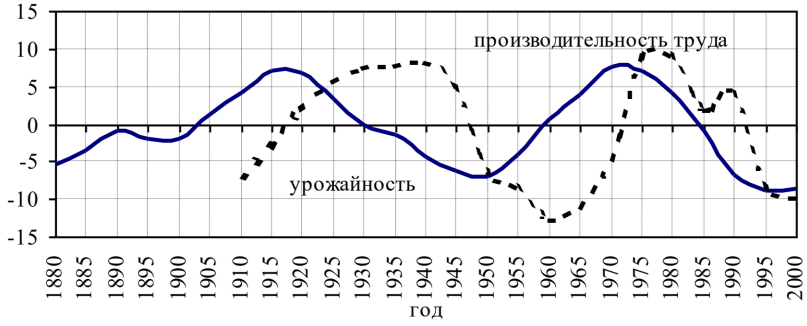


Рис. V-1(в)

Динамика урожайности риса и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века



ЯПОНИЯ: пшеницепроизводящее хозяйство

Рис.V-2(а)

Динамика урожайности пшеницы, *100 кг/га*

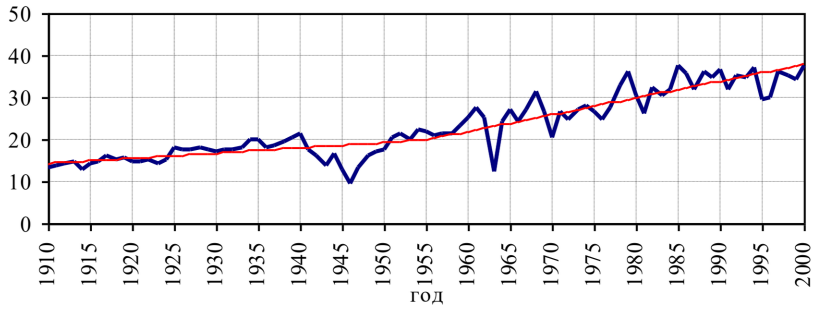


Рис. V-2(б)

Динамика производительности труда (пшеница), *кг/час*

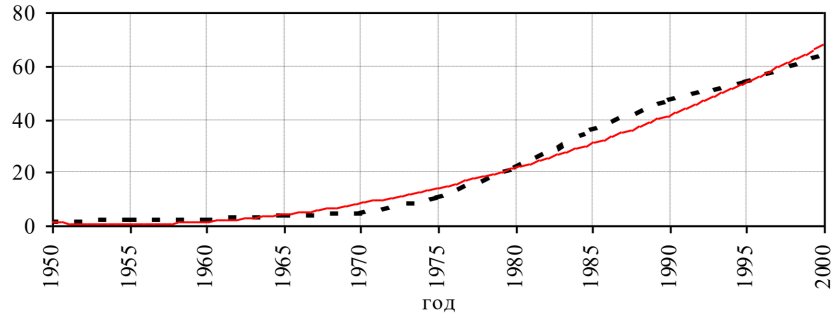
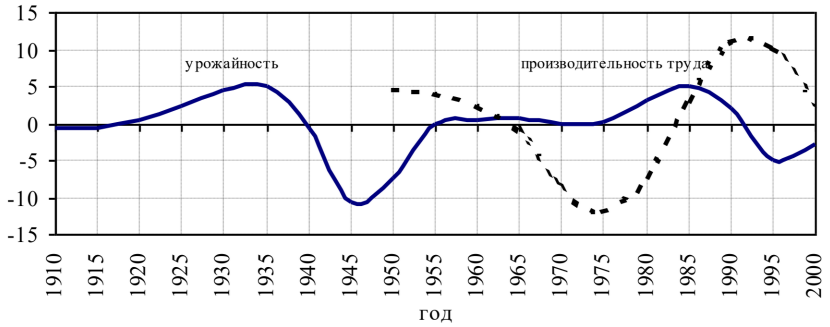


Рис. V-2(в)

Динамика урожайности пшеницы и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века



ИНДИЯ: сельское хозяйство

Рис. V-3(а)

Динамика урожайности зерновых культур, *100 кг/га*

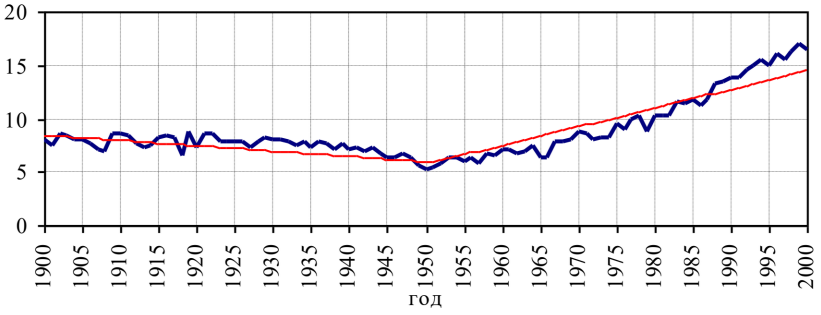


Рис. V-3(б)

Динамика инвестиционных затрат в сельском хозяйстве на гектар чистой посевной площади, *рупий/га (постоянные цены 1980 г.)*

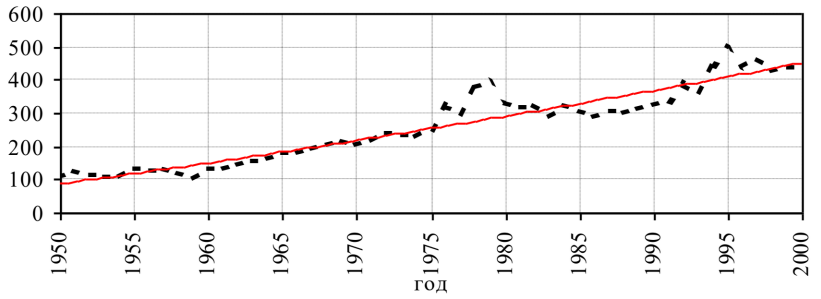
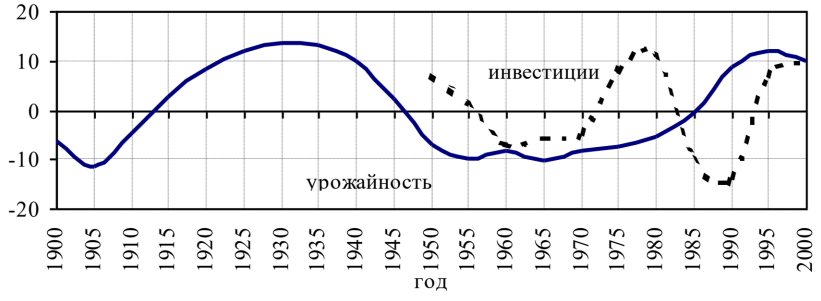


Рис. V-3(в)

Динамика урожайности зерновых культур и инвестиционных затрат
Первый и второй «большие циклы» XX века



ИНДИЯ: рисопроизводящее хозяйство

Рис. V-4(а)

Динамика урожайности риса, *100 кг/га*

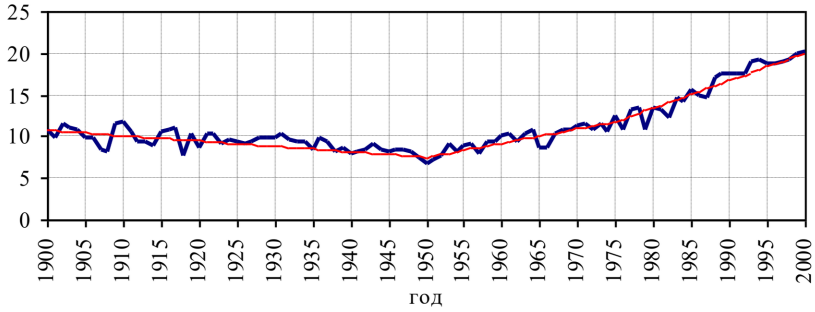


Рис. V-4(б)

Динамика производительности труда (рис), *кг/час*

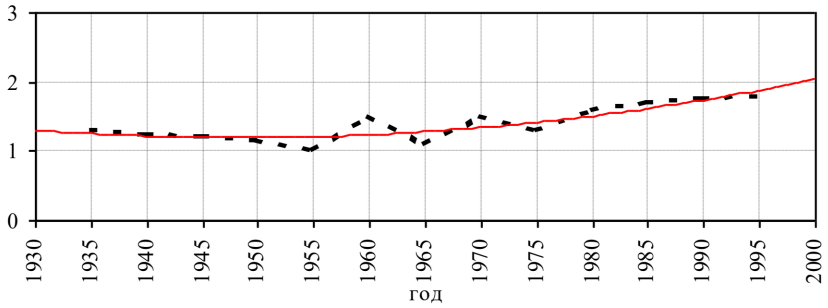
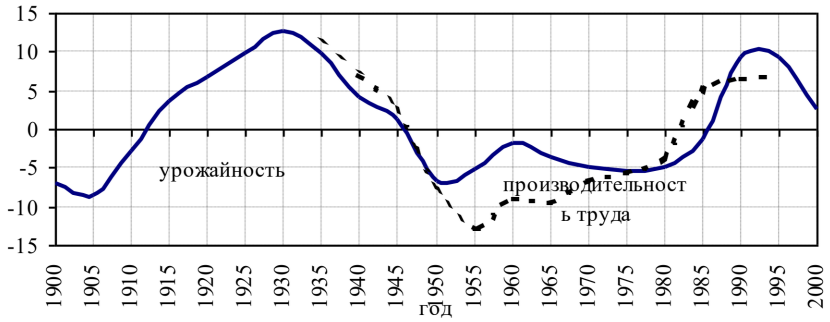


Рис. V-4(в)

Динамика урожайности риса и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века



ИНДИЯ (Пенджаб): пшеницепроизводящее хозяйство

Рис. V-5(а)

Динамика урожайности пшеницы, *100 кг/га*

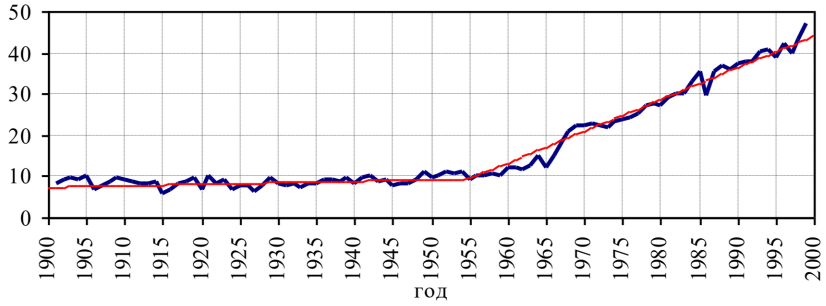


Рис. V-5(б)

Динамика производительности труда (пшеница), *кг/час*

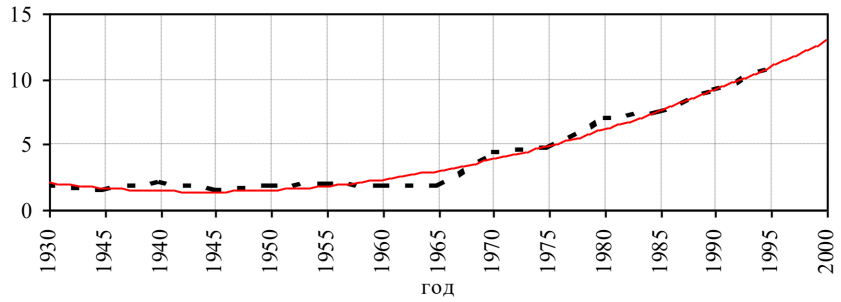
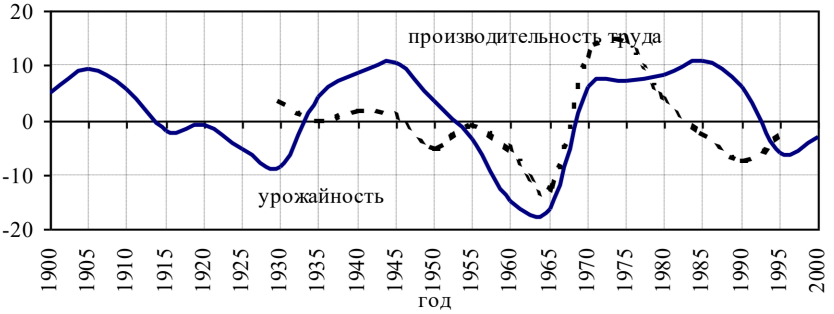


Рис. V-5(в)

Динамика урожайности пшеницы и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века



ПАКИСТАН: пшеницепроизводящее хозяйство

Рис. V-6(а)

Динамика урожайности пшеницы, *100 кг/га*

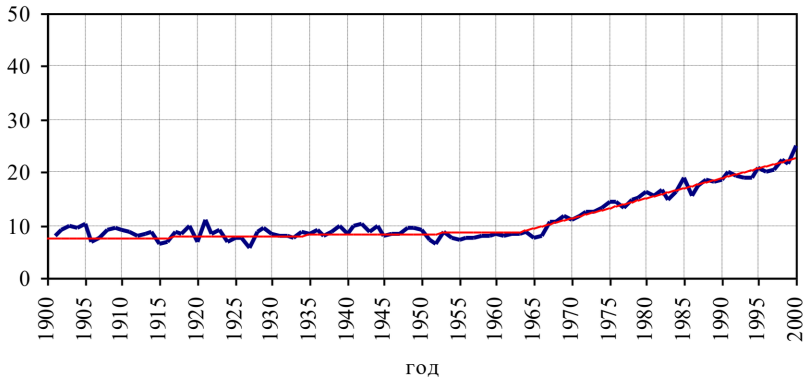
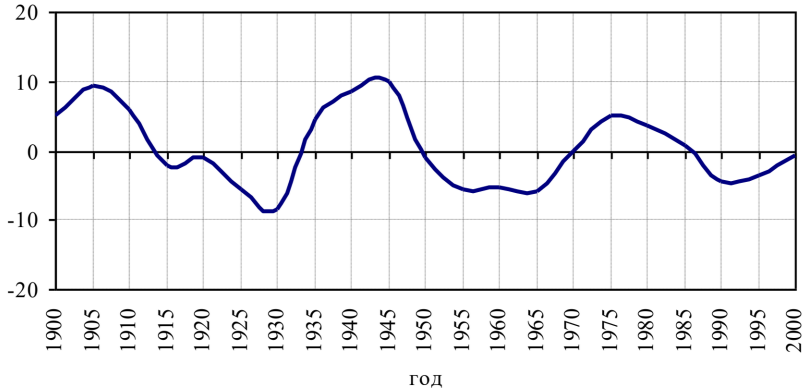


Рис. V-6(в)

Динамика урожайности пшеницы.
Первый и второй «большие циклы» XX века



УЗБЕКИСТАН: хлопкопроизводящее хозяйство

Рис. V-7(а)

Динамика урожайности хлопчатника, *100 кг/га*

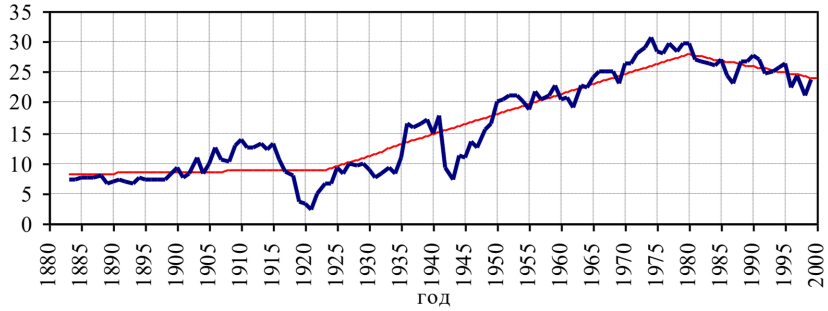


Рис. V-7(б)

Динамика производительности труда (хлопчатник), *кг/час*

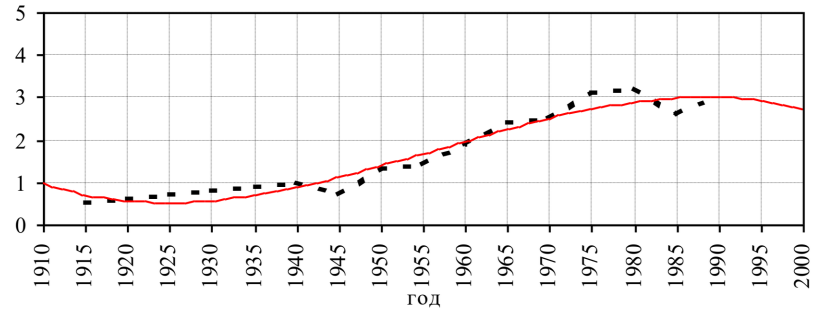
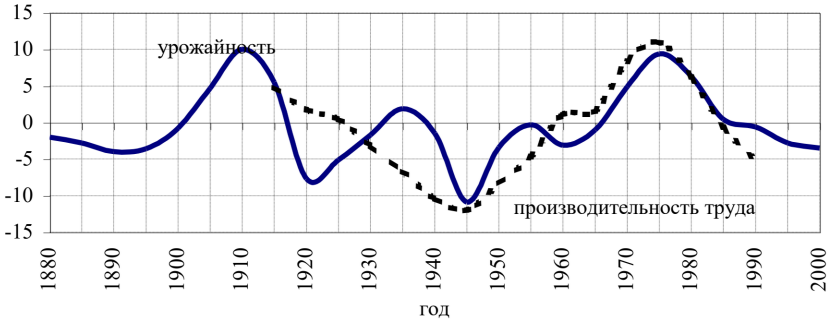


Рис. V-7(в)

Динамика урожайности хлопчатника и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века



УЗБЕКИСТАН: зернопроизводящее хозяйство

Рис. V-8(а)

Динамика урожайности зерновых культур, *100 кг/га*

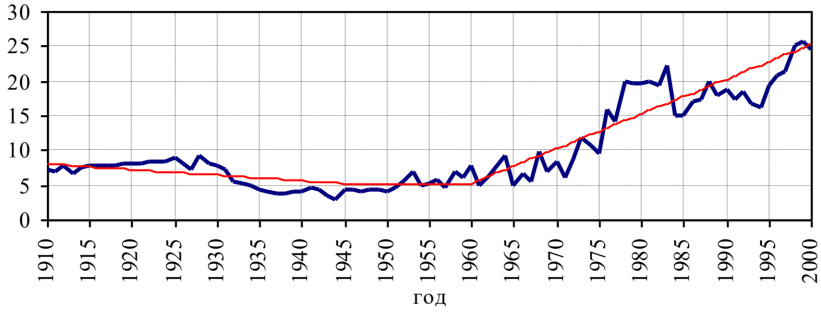


Рис. V-8(б)

Динамика производительности труда (зерновые), *кг/час*

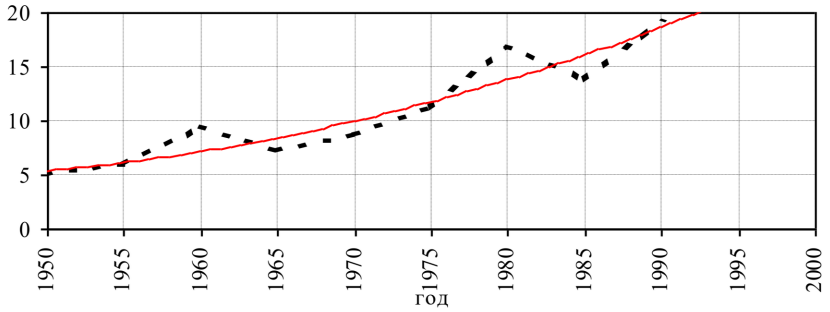
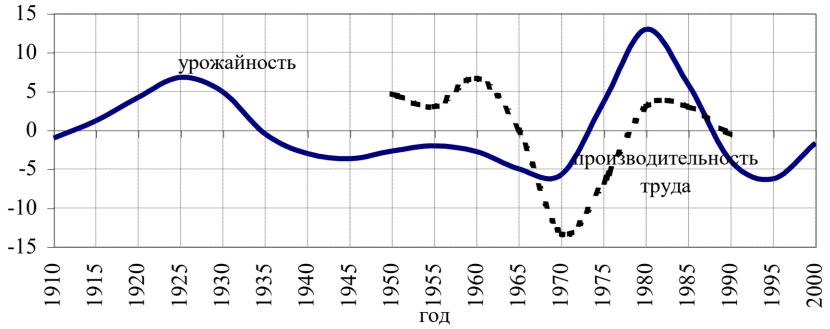


Рис. V-8(в)

Динамика урожайности зерновых культур и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века



С Ш А: пшеницепроизводящее хозяйство

Рис. V-9(а)

Динамика урожайности пшеницы, *100 кг/га*

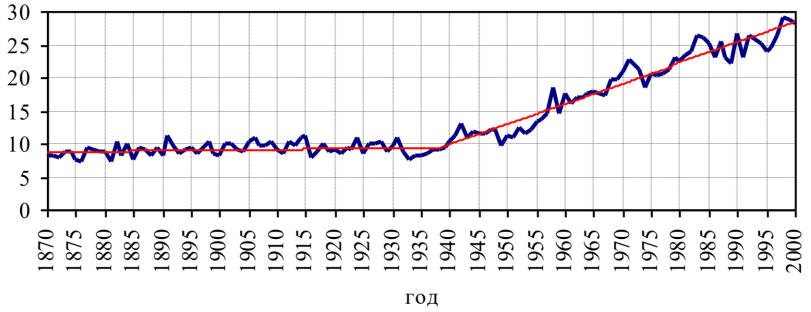


Рис. V-9(б)

Динамика производительности труда (пшеница), *кг/час*

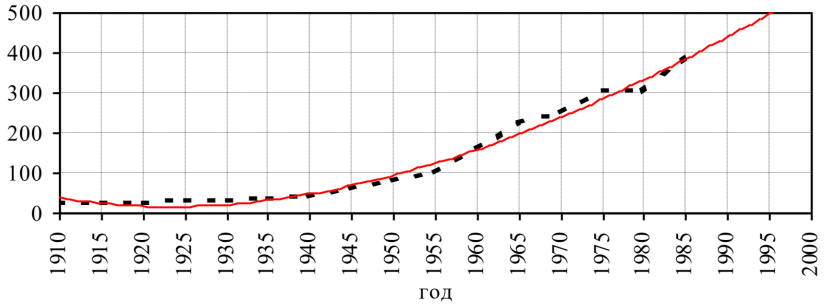


Рис. V-9(в)

Динамика урожайности пшеницы и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века

С Ш А: кукурузопроизводящее хозяйство

Рис. V-10(а)

Динамика урожайности кукурузы, *100 кг/га*

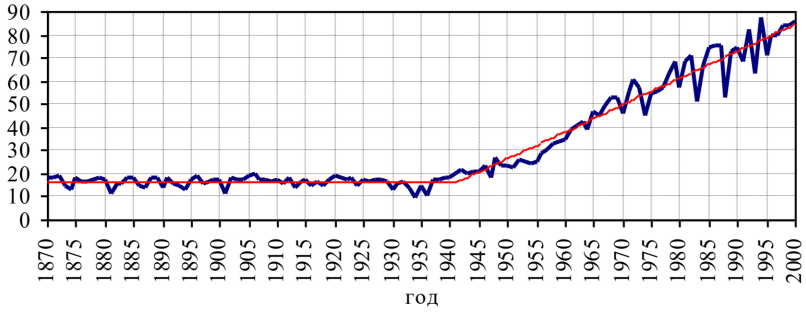


Рис. V-10(б)

Динамика производительности труда (кукуруза), *кг/час*

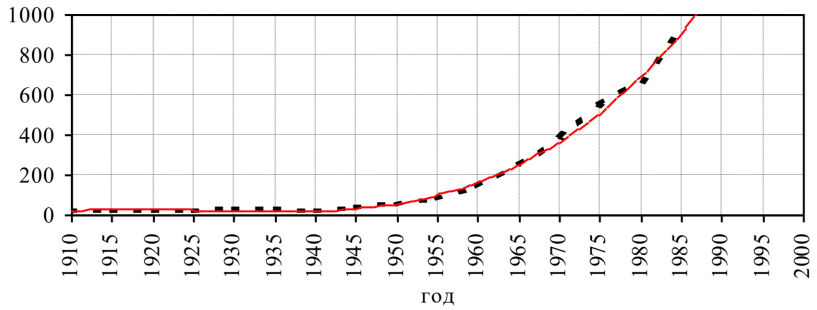


Рис. V-10(в)

Динамика урожайности кукурузы и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века

С Ш А: хлопкопроизводящее хозяйство

Рис. V-11(а)

Динамика урожайности хлопчатника (в экв. хлопка-волокна), *100 кг/га*

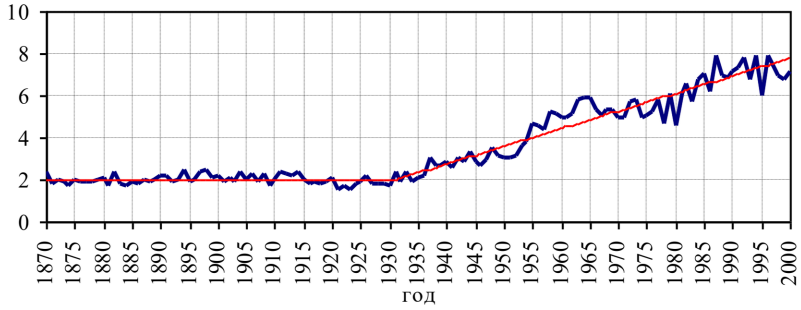


Рис. V-11(б)

Динамика производительности труда (хлопок-волокно), *кг/час*

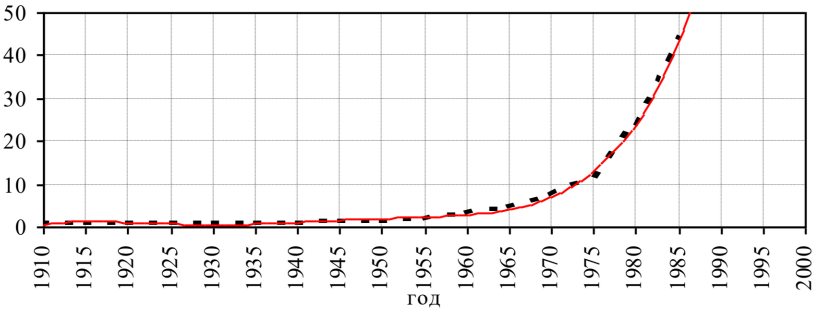
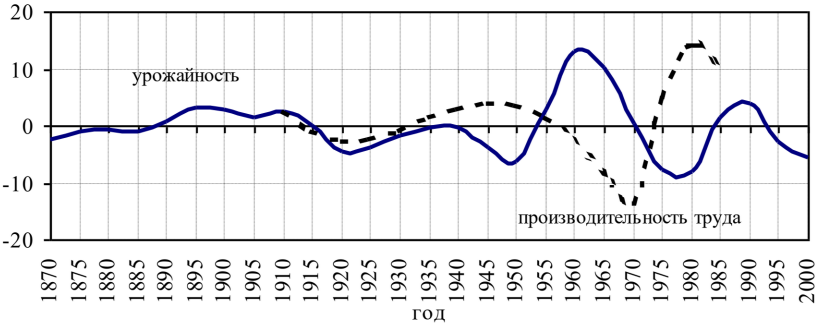


Рис. V-11(в)

Динамика урожайности хлопчатника (в экв. хлопка-волокна) и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века



РОССИЯ/СССР/РОССИЯ: зернопроизводящее хозяйство

Рис.V-12(а)

Динамика урожайности зерновых культур, *100 кг/га*

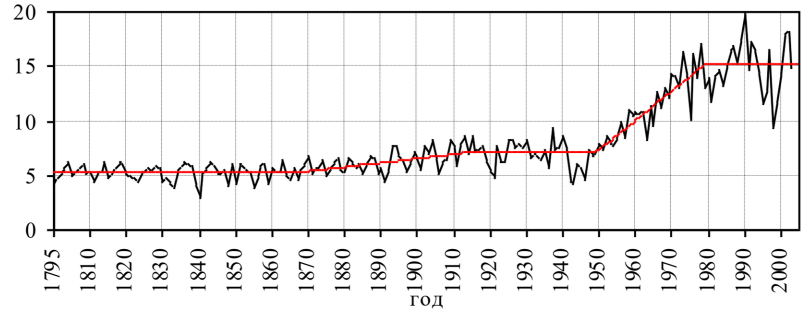


Рис. V-12(б)

Динамика производительности труда (зерновые), *кг/час*

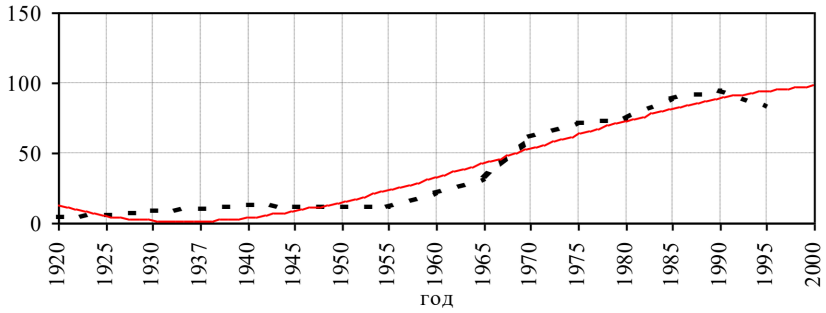
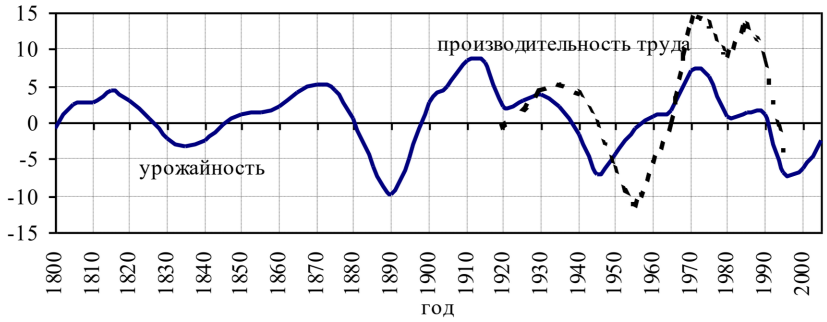


Рис. V-12(в)

Динамика урожайности зерновых культур и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века



КАЗАХСТАН: зернопроизводящее хозяйство

Рис. V-13(а)

Динамика урожайности зерновых культур, *100 кг/га*

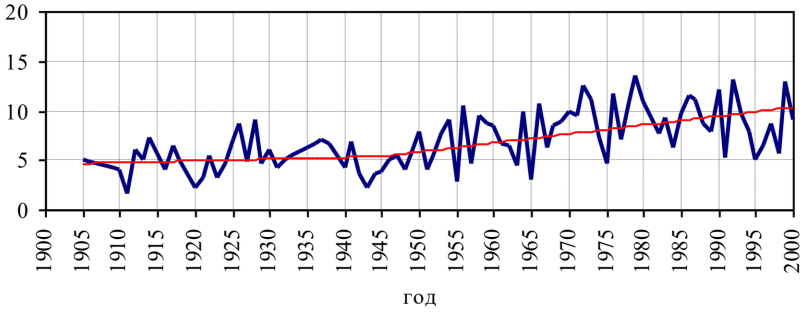


Рис. V-13(б)

Динамика производительности труда (зерновые), *кг/час*

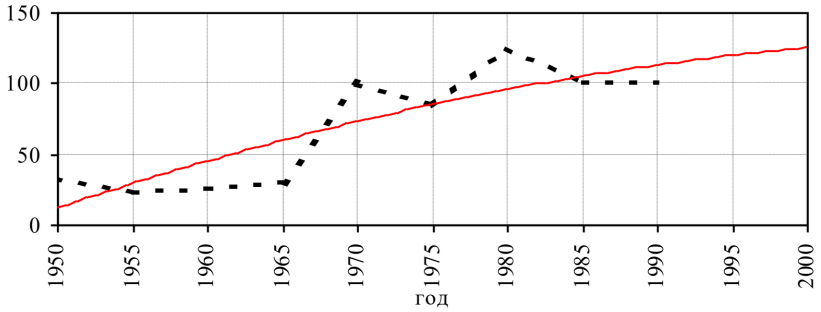


Рис. V-13(в)

Динамика урожайности зерновых культур и производительности труда
Первый и второй «большие циклы» XX века

К завершению повышательной фазы цикла хозяйство агросферы Японии по всем звеньям воспроизводственного процесса стало частью национальной экономики, *органически* в нее интегрированной.

И все-таки, при достаточно высоких значениях показателя урожайности — до 50 центнеров «коричневого» риса с гектара (40 ц в эквиваленте очищенного риса; см. табл. V-1) к началу 90-х годов, ресурс нынешних технологий в том, что касается ПЗ–фактора, представляется уже в значительной степени выработанным (в 90-х годах положительная динамика урожайности сократилась до минимальных значений — см. табл. V-1, «рис» — или даже прекратилась вовсе — см. табл. V-1, «пшеница»), а дальнейшее развитие прогресса в производительности труда заметно блокируется господством мельчайшего хозяйства (особенно показательно здесь рисопроизводящее хозяйство).

Феномен волновой динамики хозяйства японской агросферы, однако, по-своему — уникален. Пожалуй, только в этой стране мы наблюдаем на фоне исторического застоя ПТ–фактора (или, возможно, точнее — его минимальных положительных изменений, не нарушающих базисных характеристик «землесберегающего» ТСП) попытки (причем — пока успешные) целой крупной («молодой») отрасли сельского хозяйства (именно — пшеницепроизводящей) переключиться *на преобразования в русле «трудосберегающего»* ТСП. В самом деле, в ходе повышательной волны второго «большого цикла» в пшеницепроизводящем хозяйстве Японии были созданы условия (и в полной мере реализованы имеющиеся предпосылки, в виде, например, крупных земельных участков, занимаемых производящими пшеницу хозяйственными единицами), обеспечивающие бурный рост производительности труда (см. табл. V-1 и рис. V-2(б)).

Волновая динамика пшеницепроизводящего хозяйства в ее сопоставлении с таковой, характерной для хозяйства основной зерновой отрасли — рисопроизводящей, свидетельствует и о «правильности» (Н.Д. Кондратьев) правила межотраслевой неравномерности в активности сельскохозяйственного роста. Первое, завершив к середине 50-х годов послевоенный восстановительный период, лишь с начала 70-х годов включилось в второй «большой цикл», то есть фактически с опозданием на 15–20 лет (см. рис. V-2(б)). Тем не менее с первой же половины 70-х годов оно взяло бурный старт; и хотя повышательная фаза циклической активности в этом хозяйстве длилась не более 15 лет (как по ПЗ–, так и по ПТ–факторам), достигнутый преобразовательный эффект превзошел тот, который

обозначился в рисопроизводящем хозяйстве за более длительное время (ср. рис. V-1(в), V-2(в), а также данные табл. V-1).

* * *

Хозяйство агросферы ***Индии***, детерминируемое законами «землесберегающего» ТСП и основанное так же, как и хозяйство японской агросферы, на системе рыночных отношений, характеризуется несколько иной циклической динамикой (для оценки последней используются показатель изменений «основного капитала», выполняющего преимущественно функцию «обслуживания» ПЗ–фактора, и универсально принятый для всех рассматриваемых стран показатель изменений ПЗ–фактора). В Индии, по меньшей мере, зерновому хозяйству свойственно «запаздывающее» (по сравнению с общемировой, НТР–овской нормой) начало нового, второго «большого цикла». В самом деле, с начала 50-х годов и до середины 70-х зерновой сектор сельского хозяйства отличался весьма малой степенью интенсивности изменений по ПЗ–фактору (см. изменения урожайности зерновых на рис. V-3(а)). (Этот факт нашел также отражение в отрицательной «линейной» динамике изменений этого фактора до середины 70-х годов; см. рис. V-3(в).) Колебания урожайности в этот период пока в большой мере определялись условиями технологий, используемых в традиционном хозяйстве (последние, однако, с течением времени, как увидим ниже — гл. VI, §3 — претерпевали частичные улучшения). Такого рода процессы, хотя и с меньшим циклическим лагом (подробнее см. гл. VI, §3), в частности, обозначились — в 50-х–начале 60-х годов — и в «эталонном» штате «зеленой революции» — Пенджабе (именно он стал лидером технологических преобразований в сельском хозяйстве Индии; см. рис. V-5(а, б, в)).

Повышательная фаза второго «большого цикла» XX в. началась в Индии с наступлением «зеленой революции», которая стала осуществлять глубокий технологический (и под его воздействием — социально–экономический) переворот в хозяйстве агросферы. Особенностью этого переворота было (и остается) то, что, как мы знаем, в первую очередь и с большей интенсивностью он проявился в пшеницепроизводящей отрасли зернового хозяйства — с середины 60-х годов (см., в частности, рис. V-5(а,б,в)), рисопроизводящую же отрасль, обеспечивающую главную часть зерновых ресурсов страны, «зеленая революция» стала охватывать лишь с 70-х годов (см. рис. V-4(а,б,в)). Поэтому только к середине 80-х годов в зерновом хозяйстве Индии обозначилась как относительно устойчивое явление повышательная фаза циклической волны по ПЗ–фактору (см. рис. V-3(в)), обозначилась, однако, *на двадцать пять – трид-*

цать лет позднее, чем в странах Запада (представленных у нас США), Японии и России (об этом феномене мы расскажем в главе VI).

При анализе текущего индийского цикла сельскохозяйственного роста привлекают внимание следующие моменты. Активный процесс углубления разрыва между степенью интенсивности инвестиционного процесса (роста «основного капитала») и степенью интенсивности роста средней урожайности зерновых начинается в Индии со второй половины 60-х годов (см. рис. V-3(а)). Это означает, помимо прочего, что на производство каждой единицы продукции в зерновом хозяйстве отныне затрачивается все больше инвестиционных средств, производство становится все более «капиталоемким».

К периоду рубежа 60–70-х годов относится и начало повышательной фазы в движении «основного капитала»; напротив, начальный период таковой фазы в динамике продуктивности наступает лишь *с лагом более чем в десять лет* — в начале 80-х годов (см. рис. V-3(в)). Это десятилетие — весьма примечательный в экономическом плане период: именно в этот период стали активно внедряться в земледелие страны достижения НТР — высокоурожайные сорта растений и соответствующие им «пакетные» технологии производства («первая волна» «зеленой революции»); технические же условия для возделывания новых сортов формировались в первую очередь благодаря осуществлению крупных мелиоративных работ и в особенности благодаря развитию ирригационного потенциала, на который приходилась существенная часть инвестиционных затрат в земледелии (фактор «основного капитала»). Выдающийся макрохозяйственный итог развития аграрного сектора Индии в течение данного десятилетия состоял в том, что в Индии был начат переход самой отсталой, наиболее консервативной сферы народного хозяйства к *современной модели экономического роста*.

Но с начала 80-х годов по фактору «основного капитала» сельское хозяйство Индии, похоже, вошло в понижательную фазу цикла[9], которая застопорилась лишь к началу 90-х годов XX века (см. рис. V-3(в)). Экономическая реформа 90-х годов, очевидно, открыла определенные перспективы для перехода динамики «обслуживающего» фактора «основного капитала» в режим повышательной (или, возможно, — компенсационной) активности, суще-

[9] Так, в 80-х годах поползли вниз показатели ежегодных затрат инвестиционных средств в расчете на гектар посевной площади (они сократились на 6,4% за 1980–1990 годы; см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* «Большие циклы» в агросфере. XX век, с. 42, табл. 2).

ственно сократив временные границы периода спада. Вместе с тем к концу 80-х и особенно — в 90-х годах все острее стал ощущаться факт исчерпанности (по ПЗ–фактору) ресурса технологий, используемых в продовольственном секторе сельского хозяйства, в частности ресурса внедренных в массовое производство высокоурожайных сортов зерновых культур.

О надвигающемся кризисе технологической базы экономического роста в сельском хозяйстве Министерство финансов Индии свидетельствовало в своем докладе Парламенту страны: «Технологический прорыв в выведении урожайных сортов культур, который возвещал об эре зеленой революции в 70-х и даже 80-х годах, к сожалению, утратил темп. В последние годы мы больше не наблюдаем ощутимого прогресса в этой области, особенно это касается селекции зерновых и бобовых, а также садовых и огородных культур. Отсутствие сколько-нибудь значительных успехов в технологиях производства высокоурожайных сортов является, возможно, одной из главных причин медленного роста урожаев зерна в 90-х годах»[10]. «Также было установлено, что (в Пенджабе. — *Авт.*) параметры жизнедеятельности хозяйства в отличающихся высокой урожайностью районах приблизились (в 80-х годах. — *Авт.*) к тем, которые характеризуют предельные («потолочные») возможности производства, а это означает, что дальнейший рост в таких районах требует скорее внедрения новых технологий, чем внесения улучшений в ныне существующие»[11]. Приведенные оценки весьма созвучны картине динамики соответствующих статистических данных. Вот как выглядел экспоненциальный темп ежегодных приростов в урожайности зерновых (*в %*)[12]:

Годы	*Индия (все зерновые)*	*Пенджаб (пшеница)*
1971–1980	*2,2*	*2,7*
1981–1990	*3,1*	*2,7*
1991–1995	*2,1*	*2,0**
1996–2000	*1,2*	

* *1991–1999 гг.*

[10] Indian Economic Survey 1996-97, c. 146.

[11] *Singh Karam and Kaur Kulwinder*. Growth in Agricultural Production and Nature of Technological Change in Punjab Agriculture, c.358.

[12] Рассчитано по данным табл. СП-1.

Окажутся ли обозначившиеся в Индии 90-х годов признаки развития ПЗ–фактора в русле «плато» «преддверием» понижательной фазы цикла, или, напротив, новые достижения научно-технической революции (особенно на ее информационной стадии) успеют «во время» внедриться в земледелие, причем — в масштабах, позволяющих продлить активную фазу цикла или, по меньшей мере, предотвратить спад циклической активности (напомним — в Индии «запаздывающий» «большой цикл»), — покажет уже ближайшее будущее.

Особый интерес представляют параметры циклической динамики аграрного сектора Пенджаба. Начало повышательной фазы второго «большого цикла», зафиксированной в главной — пшеницепроизводящей — отрасли сельского хозяйства, относится в Пенджабе к середине 60-х годов, а пик максимальной активности по обоим факторам роста был достигнут в начале 70-х годов, на этом же пике повышательной волны последовал переход ПЗ–фактора в режим «линейной» динамики (до середины 80-х годов; см. рис. V-5(в)). В результате изменения в факторе продуктивности в пшеницепроизводящем хозяйстве Пенджаба оказались настолько значительны, что трендовая линия ее роста своей крутизной намного превзошла во второй половине XX столетия таковую линию, характерную для динамики изменений ПЗ–фактора в рисопроизводящем хозяйстве (ср. рис. V-3(а) и V-5(а)).

Впечатляет и еще один факт: в течение всей второй половины XX столетия производительность труда в главной отрасли зернового хозяйства Индии — рисосеянии, при всех достижениях «зеленой революции», сохранялась на уровне худших (по сути — экстремальных) норм традиционного хозяйства — в границах величин выхода продукта (риса) менее 2 кг в час (см табл. V-1 и рис. V-4(б)). Добавим к этому: те же явления мы наблюдаем и в отраслях производства технических культур. В наиболее крупной из этих отраслей — хлопкопроизводстве — выход хлопка-сырца на час затрат труда в течение *более чем векового периода*, с начала 90-х годов XIX века до середины 90-х годов XX века, поднялся от *менее чем 1 кг до примерно 2 кг* (а в некоторых хлопкопроизводящих районах и вовсе не изменился) (см. табл. П-11). В этом смысле динамика сельского хозяйства Индии являла «образцово-показательную» модель движения «землесберегающего» ТСП, ее классику. Из всех отраслей, пожалуй, лишь пшеницепроизводящая отрасль сельского хозяйства Индии показывала слабую повышательную активность роста производительности труда. Что в значительной степени объяснялось преобразованиями технологических факторов, влияющих на производительную силу труда, в Пенджабе (о достижениях дан-

ного штата на этом поприще см. табл. V-1 и рис. V-5(а)). Пенджаб отличает также то, что повышательная фаза в динамике производительности труда в его агросфере в своей исходной точке совпадает с начальной точкой повышательной фазы ПЗ–фактора (см. рис. V-5(в)). В этом совпадении, помимо прочего, проявлялось влияние научно-технического прогресса в сельском хозяйстве стран, основывающихся на рыночном типе отношений. Хотя нужно иметь в виду, что в начальный период повышательной фазы ПТ–фактор получил импульс к росту почти исключительно в результате лучшей организации системы ручного труда, а отнюдь не в результате применения трудосберегающих механических орудий. Тем не менее можно констатировать большую сжатость (по сравнению, например, с рисопроизводящей отраслью Японии) восходящих фаз волны производительности труда и продуктивности в Пенджабе. При этом, однако, как и в рисопроизводящем хозяйстве Японии, повышательная волна производительности труда во втором «большом цикле» довольно быстро была свернута. Именно *вторичность* технологических преобразований в области экономии труда в рамках «зеленой революции» характеризовала в Индии — на примере технологического лидера ее земледелия (штат Пенджаб) — общие параметры циклической волны, в отличие, например, от ее японского варианта, примечательного тем, что технологические трансформации происходили в агросфере Японии с большей постепенностью.

Динамику ПЗ–фактора в пшеницепроизводящем хозяйстве индийского штата Пенджаб весьма полезно оценить в сравнении с долгосрочными изменениями урожайности пшеницы в ***Пакистане***, в котором основная масса производства этой земледельческой культуры сосредоточивается в провинции Пенджаб.

По индийской части пенджабского субрегиона статистические данные по урожайности пшеницы охватывают всю территорию неразделенного (исторического) Пенджаба — с 1901/02 по 1943/44 гг., а затем — территории, сформировавшие штат Пенджаб после раздела Индии (1947 г.) (см. табл. СП-1А и рис. V-5(а)). Статистические ряды по урожайности пшеницы в Пакистане относятся к западным территориям неразделенного (исторического) Пенджаба с 1901/02 по 1946/47 гг., затем территории Западного Пакистана и, наконец, территории современного Пакистана — после выделения из него территорий, вошедших в состав Бангладеш (1971 г.) (см. рис. V-6(а)).

Сравнивая эти два графика, мы видим, что динамика урожайности пшеницы в соседних регионах, по меньшей мере до середины века, характеризовалась практически одними и теми же (может быть точнее — очень близкими друг к другу) значениями (см.

табл. СП-1А и рис. V-5(а) и V-6(а)), но с 1950-х годов интенсивность роста урожайности этой культуры в индийском Пенджабе стала все больше превосходить интенсивность роста урожайности пшеницы в Пакистане, а с середины 60-х годов — времени старта «зеленой революции» разрыв между национальными показателями начал углубляться особенно резко. Так, если в 1943/44 г. урожайность пшеницы в обеих частях исторического Пенджаба составляла 8,6 ц/га, то к 1959/60 г. этот показатель достиг 10,2 ц/га — в индийском штате Пенджаб и сохранился на прежнем уровне — 8,0 ц/га — в Пакистане, в 1999/2000 же году мы наблюдаем уже весьма значительное увеличение разрыва в показателях урожайности: последняя составляла 47,0 ц/га — в индийском Пенджабе и лишь 21,7 ц/га — в Пакистане (см. табл. СП-1А). Т.е. с начала «зеленой революции» межрегиональный (межстрановой) разрыв в величинах урожайности пшеницы вырос более чем в 10 раз.

Между тем циклически–волновая динамика в обеих странах во многом совпадает, за исключением того, что второй «большой цикл» XX века начался в индийском штате Пенджаб (как и в Индии в целом) примерно на пять лет раньше, чем в Пакистане, при этом экстремум повышательной фазы циклической волны в Пенджабе (Индия), приняв форму «линейного» развития, охватывал значительно более длительный временной отрезок (примерно пятнадцать лет), чем в Пакистане.

* * *

Узбекистан относится к типу стран, где «большие циклы» XX века детерминируются в гораздо большей степени, чем в странах с господством рыночных отношений, факторами не *экзогенного* (преимущественно экономического), а *эндогенного* (причем — внеэкономического) порядка. Речь идет об определяющем влиянии на весь ход циклического развития хозяйства агросферы *воли Власти*. Именно об этом говорит нам разительное несовпадение фаз динамики ПЗ–фактора (кроме кратковременного периода конца 70-х – начала 90-х годов) в конфигурации волн, характеризующих развитие хлопководческого хозяйства, с одной стороны, и зернового хозяйства, с другой (см. рис. V-7(в) и V-8(в)). В особенности обращает на себя внимание длительная отрицательная фаза циклических изменений в зерновом хозяйстве. Охватывающая период почти полувековой протяженности — с середины 20-х годов до начала 70-х — эта фаза включает как собственно понижательную волну предшествующего цикла (до начала 40-х; см. рис. V-7(в)), так и консервирующее ее результат «линейное» развитие до начала 70-х годов, то есть отрицательный экстремум протяженностью около тридцати

лет! Застойный экстремум сменился кратковременным (длительностью в одно десятилетие) скачкообразным взлетом повышательной волны нового цикла (см. рис. V-7(в)). Между тем в хлопководческом хозяйстве отрицательная фаза предшествующего цикла по ПЗ–фактору завершилась сразу же после окончания войны, и оно вступило в период достаточно продолжительной, но неравномерно проявлявшейся (около 30 лет — с середины 40-х годов до середины 70-х) повышательной фазы второго «большого цикла» XX в., отмеченной, однако, кратким спадом интенсивности в начале 60-х годов (см. рис. V-7(в)).

Применительно к исторической динамике хозяйств двух рассматриваемых отраслей аграрной экономики Узбекистана можно, следовательно, сказать, что на временном отрезке, измеряющемся почти тремя десятилетиями, имел место *противоход* волновых фаз в развитии хлопководческого хозяйства, с одной стороны, и зернового, с другой. В последнем повышательная фаза второго «большого цикла» наступила с *большим опозданием* по отношению к стандартному (общемировому) времени ее стартового периода. В реальной действительности это явление отражало политику кратократии[13], направленную на гипертрофированное развитие протежируемой (хлопковой) отрасли сельского хозяйства за счет ресурсов и путем фактического угнетения потенциала роста других отраслей, в особенности — зерновой (ср. рис. V-7(а) и V-8(а); см. также табл. V-1). Так, в период «линейного» развития в отрицательной фазе — в 40-х – начале 70-х годов — урожайность главной зерновой культуры Узбекистана — пшеницы, уже полностью вытесненной на худшие, суходольные земли, составляла 3–3,5 ц/га[14]! И все это происходило на фоне прогрессирующих экологических бедствий, переросших к 80-м годам в подлинную экологическую катастрофу в регионе. Лишь примерно с начала 70-х годов мы видим кратковременное совпадение волновых фаз в динамике ПЗ–фактора в хозяйстве обеих отраслей. (В хлопководческом хозяйстве повышательная фаза завершилась на пятилетие раньше, чем в зерновом.) Те же самые явления — сначала противоход, а потом кратковременное совпадение (повышательных) фаз — мы наблюдаем и в динамике ПТ–фактора в обоих отраслевых хозяйствах.

Основная часть технологических преобразований в зерновом хозяйстве Узбекистана падает на вторую половину 70-х годов (см. рис. V-8(а)). Именно в этот период Республике удалось частично возместить те потери, которые зерновая отрасль земледелия по-

---

[13] Об этом понятии см. гл. III, §2, в частности прим. 50.

[14] Подробнее см.: *Растянников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М.: ИВ РАН, 1996, с. 37.

несла за предыдущие пятьдесят лет отрицательной фазы развития. Более того, в зерновом хозяйстве обнаружился проблеск и в росте производительной силы труда — она составила по показателям выхода продукта (зерна) — 17–19 кг на час затрат труда в 80-х — начале 90-х годов (уровень России рубежа 50–60-х годов). (Хлопковое хозяйство Узбекистана к началу периода независимости так и не смогло выйти по этому показателю за границы параметров традиционного хозяйства. См. табл. V-1.)

Но кратковременное вхождение зернового хозяйства в режим «догоняющего» роста циклической активности (см. рис. V-8(в)) уже не могло спасти положения — устранить одну из острейших макроэкономических диспропорций в узбекистанском обществе, вызванную безудержной погоней кратократии за «белым золотом», — диспропорцию между общественной потребностью в продовольствии и объемом его производства на базе местного (республиканского) хозяйства. И это — при том, что норма душевого потребления продовольствия (особенно ценных продуктов питания) была в Узбекистане одной из самых низких в бывшем СССР.

Второе после Второй мировой войны возрождение зернового хозяйства началось в Узбекистане в 90-х годах, в течение второго пятилетия которых средняя урожайность зерновых поднялась до отметки 23,5 ц/га (1996–2000 гг.) (см. табл. СП-1А), что естественно нашло отражение и в волновой динамике ПЗ–фактора (см. рис. V-8(а) V-8(в)). Напротив, в хлопкопроизводящем хозяйстве ПЗ–фактор заметно утратил свою «агрессивность» и стал резко сокращать активность своего проявления, снизилась урожайность хлопчатника (см. рис. V-7(а) и V-7(в), а также табл. СП-1А). В агросфере Узбекистана к концу XX века произошла определенная «рокировка» приоритетов в отраслевом развитии, обозначился сдвиг в пользу более сбалансированного экономического роста в сельском хозяйстве.

Страны зоны «трудосберегающих» технологий.

Заметно иными чертами характеризуются «большие циклы конъюнктуры» в сельскохозяйственных системах, основанных на «трудосберегающем» ТСП. К таким системам относятся из рассматриваемых нами хозяйства агросферы США и России, а также Казахстана. Пожалуй, наиболее характерной особенностью волновой динамики в данной группе стран является то, что в повышательной фазе цикла восходящее развитие активности именно по ПТ–фактору играет роль ведущего движителя всего процесса технологических (а в странах с рыночной экономикой — и экономических) преобразований в хозяйстве агросферы. Волновая амплитуда

этого фактора экономического роста обычно (отнюдь — не всегда) отличается большим размахом, чем амплитуда ПЗ–фактора.

В ***США***, стране с классическими проявлениями «трудосберегающего» ТСП, повышательная фаза второго «большого цикла» сформировалась в области производительности труда в середине XX века (в хлопкопроизводящей отрасли — в его последней трети) (см. рис. V-9(в), V-10(в), V-11(в)). При этом, что характерно, амплитуда повышательной волны по ПТ–фактору превосходит здесь таковую в аграрных секторах (отраслях) зоны «землесберегающего» ТСП с застойной (полузастойной) производительностью труда (ср. рис. V-1(в), V-3(в), V-4(в) V-7(в)).

В США даже в ограничиваемой государством пшеницепроизводящей отрасли сельского хозяйства, временном «лидере» циклически–волновой динамики, повышательная фаза цикла по ПТ–фактору продолжалась без перерыва более чем полтора десятилетия (со второй половины 40-х до середины 60-х годов; см. рис. V-9(в)). В кукурузопроизводящей отрасли хозяйства повышательная фаза началась десятилетием позже (с середины 50-х годов) и также длилась примерно пятнадцать лет (см. рис. V-10(в)), а в «запоздавшем» в своем включении во второй цикл хлопководческом хозяйстве начальная активность повышательной фазы по ПТ–фактору (последняя обозначилась здесь лишь с начала 70-х годов; см. рис. V-11(в)) дала импульс к таким технологическим изменениям, преобразующий эффект которых в области производительной силы труда по своей масштабности и быстротечности не имел ничего подобного себе во всей послевоенной истории мирового хлопкового хозяйства (ср. межстрановые показатели производительности труда в табл. V-1 и СП-2).

Однако главным технологическим достижением, обозначившимся в период второго «большого цикла», был переход к *новой модели экономии труда и материалов в их натуральной форме — к ресурсосберегающей модели хозяйственного роста* (это мы отмечали в главе I), что позволило в значительной мере компенсировать замедление темпов (весьма высоких) роста эффективности ПТ–фактора (соответственно — экономии труда посредством сокращения затрат живого труда), наблюдаемое в последние два десятилетия (подробнее см. главу I, §3, раздел «США»).

Очевидно, что циклически–волновая динамика хозяйства агросферы США, так же, как и динамика аналогичного хозяйства в Японии, ярко отражает *межотраслевую неравномерность* хозяйственного роста, обусловленную влиянием рыночного механизма, при этом весьма впечатляюще выявляется отмеченная ранее закономерность: чем позднее та или иная отрасль сельского хозяйства

включается в процесс *современного* экономического роста (основывающегося на базе средств производства индустриального и информационного типов и предполагающие соответствующие данной форме роста целевые установки экономической деятельности), тем интенсивнее, более бурно в повышательной фазе «большого цикла» технологические преобразования в данной отрасли протекают. То есть отставшее в своем развитии отраслевое хозяйство в ходе повышательной фазы цикла стремительно «подтягивается» к рубежам развитости, занимаемым вырвавшимися вперед отраслевыми хозяйствами (ср. динамику ПТ–фактора на рис. V-9(б), V-10(б), V-11(б)). (Это — одна из наиболее характерных черт второго «большого цикла» XX в.)

Из рассматриваемых здесь «эталонных» отраслей земледелия США как раз кукурузопроизводящая и особенно хлопкопроизводящая отрасли убедительный тому пример; в экономике последней еще в 40-х годах (накануне окончания предшествующего «большого цикла») одним из важнейших экономических агентов было мелкое хозяйство издольщика — «кроппера», обремененного различными формами кабальных отношений. С завершением в ходе повышательной волны второго «большого цикла» революционизирующих преобразований в хлопкопроизводстве хозяйство агросферы США приобрело черты универсально *однородной* — и технологически, и экономически — фермерско–капиталистической системы.

Для сельского хозяйства США эпохи информационной революции характерен тип *ускоряющегося* во времени процесса технологических изменений, что находит отражение в конфигурации трендовых кривых (см. упомянутые графические рисунки). На фоне столь революционных преобразований в условиях, обеспечивающих рост производительности труда, заметно скромнее выглядят достижения и соответственно волна изменений, характеризующие динамику продуктивности земли, что как раз характерно для экономической динамики агросферы при «трудосберегающем» ТСП.

Обратим внимание на еще одну закономерность. Все три отраслевые волны второго «большого цикла» XX века, выражающие динамику ПЗ–фактора, начинаются примерно в одно и то же время — на рубеже 40–50-х годов (в диапазоне десятилетия), обозначая стандартную («нормативную») стартовую границу данного цикла. Отраслевые волны ПТ–фактора ведут себя иначе. Как следует из совокупности статистических материалов, при раннем (*до* начала цикла) вхождении отрасли в русло технологических преобразований, в особенности воздействующих на производительную силу труда, циклически–волновая активность ПТ фактора несколько *опережает* таковую активность ПЗ–фактора. По-видимому,

«нормативный» образ временного диссонанса такого типа в США являет волновая динамика пшеницепроизводящего хозяйства. Напротив, при включении отрасли в процесс массированных технологических преобразований, в особенности — экономящих труд, лишь с началом «большого цикла» (в нашем случае — это кукурузопроизводящее хозяйство) или с запаздыванием, уже в ходе движения цикла (хлопкопроизводящее хозяйство), активная фаза волны ПТ–фактора, *не ломая временных границ фаз цикла*, отстает либо, в иных случаях, совпадает с временными параметрами волны ПЗ–фактора (ср. данные табл. V-1 и рис. V-9, V-10, V-11 под индексом «в»).

* * *

В ***России*** так же, как и в Узбекистане, на циклически–волновую динамику аграрной экономики огромное влияние оказали внеэкономические эндогенные факторы. Практически весь период понижательной волны предшествующего (первого) «большого цикла» отмечен тяжелейшими для нашей страны (и ее аграрного сектора, в частности) историческими событиями. Временные вехи основных депрессоров активности роста — 10-е годы (первая мировая война и Октябрьский переворот 1917 г.); конец 10-х—начало 20-х годов (разрушения эпохи «военного коммунизма»); конец 20-х—середина 30-х годов (насильственная коллективизация и ее губительные для производства последствия); первая половина 40-х годов (огромные людские потери и гибель значительной части производственного потенциала агросферы как следствие войны германского фашизма против советского народа); и, наконец, «рукотворное» бедствие — достигшая невиданной остроты неэквивалентность обмена между сельским хозяйством и внесельскохозяйственными секторами народного хозяйства, которая воспроизводилась, поддерживаемая всей силой внеэкономического принуждения со стороны кратократии (см. главу IV). Все эти депрессоры наложили зловещий отпечаток на весь ход циклических изменений в первой половине XX века (см. рис. V-12(в) и данные табл. V-1), сыграв роль мультипликатора с отрицательным полем воздействия и в последующие десятилетия аграрно-экономической истории России.

В России, как и в США, второй «большой цикл» XX в. ведет отсчет от рубежа 40–50-х годов. Начало его повышательной фазы совпало с окончанием кратковременного периода компенсационного роста (послевоенная «пятилетка восстановления народного хозяйства СССР»), а с 1953 г., времени появления в России первых признаков частичных изменений в террористическом политическом режиме, названных «оттепелью», положительная циклическая динамика стала получать все новые импульсы; активность экономиче-

ской деятельности в этот период цикла, отраженная в его повышательной фазе, была подкреплена достижениями научно–технического прогресса, позволившими однажды (за период от конца 50-х годов до начала 70-х) заметно увеличить урожайность зерновых (см. табл. СП-1А, см. также рис. V-12[15] под индексами «а» и «б»), и, наконец, она мощно стимулировалась начавшейся в 60-х годах ускоренной механизацией хозяйства агросферы (см. табл. V-1).

Амплитуда волны ПТ–фактора обладает существенно большим размахом, чем таковая у волны ПЗ–фактора, что как раз типично для «трудосберегающего» ТСП. Более того, повышательная фаза волны производительности труда в сельском хозяйстве России охватывает почти три десятилетия (см. рис. V-12(в)).

Применительно к России можно выделить два крупных позитивных результата, достигнутых в период повышательной фазы второго «большого цикла» XX в.

К таким результатам относится, во-первых, радикальное преобразование ряда слагаемых ПТ–фактора, обеспечившее качественно новые, соответствующие характеру индустриальных производительных сил, условия роста производительности труда. Последняя в наиболее производительном секторе сельского хозяйства страны — зерновом — увеличивалась весьма быстро (с 60-х годов), достигнув к концу периода фазы — середина 80-х годов — довольно высокого показателя выхода продукта на единицу времени — почти 90 кг/час (см. табл. V-1). В эволюции агросферы России от мануфактурной ступени технологического способа производства к господству индустриального ТСП тем самым был сделан существенный шаг вперед. Но прогресс этот происходил на фоне провальных «достижений» в развитии ПЗ–фактора, значения которого в течение двух с половиной десятилетий (то есть и в годы за временными границами данной повышательной фазы) изменялись в режиме «буксования на месте» (см. конфигурацию преждевременно «состарившейся» волны изменений урожайности на рис. V-12(в); см. также табл. V-1).

Во-вторых, это — несомненные достижения в интеграционных экономических процессах. Насильственный слом системы по-

---

[15] На рисунках V-12 с 90-х годов XX века мы продлили графическое отображение динамики урожайности зерновых в СССР графическим отображением аналогичного показателя, рассчитанного для России. Это оказалось возможным сделать потому, что между динамиками колебаний урожайности зерновых в СССР в целом и урожайности таких культур в РСФСР на протяжении последних десятилетий существования СССР наблюдалось большое сходство (см. рис. 6 Приложения 6 в работе: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В*. Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 327, а также табл. СП-1А настоящей работы).

лунатурального (индивидуального) хозяйства произошел в России еще в период понижательной волны предшествующего «большого цикла». Его замена «социалистическим» аналогом крупного хозяйства, происшедшая в этот же период, не привела к сколько-нибудь значительным преобразованиям в производительной силе труда (не говоря уже о ПЗ–факторе); прямые затраты на единицу произведенного продукта даже в наиболее продвинутой отрасли сельского хозяйства России — зерновой в течение около двух десятков лет (начало 30-х—начало 50-х годов) выражались одной и той же величиной: на час прямых затрат труда производилось 8–11 кг зерна (см. табл. V-1), с учетом же управленческих затрат — на 45–50% меньше (см. гл.I, §2, «Россия»). Хозяйство стало «крупным» пока преимущественно по масштабам использования живого труда, принудительно организованного на условиях мануфактурного разделения труда (подробнее см. главу I). Интеграционные процессы в этот период были еще весьма слабо развиты. При этом опосредствовались они почти исключительно системой властных, «вертикальных», связей. Но с накоплением в агросфере России индустриальных средств труда, с вытеснением из деревни огромных контингентов рабочей силы (живого труда), отраслевой (внутрисекторский) воспроизводственный процесс оказался к концу повышательной фазы нового (второго) «большого цикла» глубоко интегрирован в макровоспроизводственный процесс[16] (однако при все еще сохранившем большую мощь властном посреднике–«интеграторе»). И это обстоятельство коренным образом изменило весь характер сельскохозяйственного роста в России.

* * *

Тип циклически–волновой динамики аграрного сектора России полезно оценить на фоне циклических изменений, происходивших в аграрном секторе ***Казахстана***.

---

[16] Как мы упоминали выше (см. главу III, §1), выдающийся российский статистик П.И. Попов, анализируя взаимоотношения сельского хозяйства и промышленности в 20-х годах, с горечью писал об автаркическом типе развития тогдашнего сельского хозяйства России, о «независимости» последнего от «города» и «городской» (цензовой) промышленности. С началом же экономической реформы 90-х годов XX века, когда стремительно разваливались хозяйственные связи, сложившиеся в большой стране, нараставшие нарушения механизма и установившихся пропорций обмена глубоко интегрированного в макроэкономическую систему сельского хозяйства стали мощнейшим тормозом для всего процесса экономического роста в агросфере, этом традиционно «слабейшем» звене народного хозяйства России.

По характеру соотношения двух основных исходных факторов земледельческого производства — рабочей силы и земли — Казахстан был ближе к России в ее современных территориальных границах, чем к плотно населенным сельскохозяйственным районам (в том числе союзно-республиканского статуса) бывш. СССР. Так, если аграрный сектор Узбекистана демонстрирует нам ход циклического развития крупного региона при «землесберегающем» ТСП в условиях резко усиливавшегося перенаселения, то волновая динамика аграрного сектора Казахстана рассказывает нам об особенностях проявления «больших циклов» при «трудосберегающем» ТСП в условиях гигантского преобладания фактора природных ресурсов, потенциально пригодных к освоению, над фактором рабочей силы.

Казахстан в конце первого десятилетия повышательной фазы второго «большого цикла» (с середины 50-х годов XX в.) стал интенсивно превращаться в существенно важный источник зерновых ресурсов, выполнявший в рамках бывшего СССР весьма ответственные функции — сельскохозяйственной (зерновой) житницы страны.

Подробнее о развитии сельского хозяйства Казахстана в советский и постсоветский период мы рассказываем в специальной статье, вынесенной в Приложение (см. Приложение 3), здесь же упомянем лишь, что если в последние годы сталинщины (1949–1953 гг.) на долю Казахстана приходилось 4,9% общего объема сбора зерновых в бывш. СССР, то в уже 1954–1958 гг., в результате стремительно происшедшего освоения крупнейших массивов целинных земель в этой бывшей республике бывш. СССР, данный показатель поднялся до 12,1%, а в 60-е годы (1961–1970 гг.) он составлял 11,8%[17].

Циклически–волновая динамика аграрного сектора Казахстана в XX в. по существу повторяет таковую динамику в России в советский и постсоветский период ее истории, причем как по ПЗ–фактору, так и по ПТ–фактору, с некоторыми, однако, исключениями. В частности, переворот в производительной силе труда и сопутствовавшая ему (перевороту) повышательная фаза второго «большого цикла» начались в Казахстане позднее, чем в России, а именно лишь с середины 60-х годов (ср. рис. V-12 и V-13 под индексом «б»), но завершилась повышательная динамика ПТ–фактора здесь на пять лет раньше, чем в России (ср. рис. V-12 и V-13 под индексом «в»). Хотя по абсолютным значениям показателя производи-

[17] Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с.226; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с.153.

тельности труда зерновое хозяйство Казахстана в период экстремума повышательной фазы существенно превзошло зерновое хозяйство России, добившись выхода продукции зерна на час затрат труда в размере 125 кг, т.е. почти на 1/3 больше (см. табл. V-1), чем на территории в границах современной России. Именно на преобразовании производительной силы труда концентрировала свое внимание кратократия бывш. СССР, стремясь большим применением механических средств труда компенсировать недостаток ресурсов живого труда в хозяйстве агросферы, но при этом пренебрегала адекватным развитием фактора продуктивности земледелия в Республике.

Так, в сельское хозяйство Казахстана в 1985 г. поставлялось минеральных удобрений в расчете на гектар пашни меньше в три раза по сравнению с Россией, в пять раз — по сравнению с Украиной, в девять раз — по сравнению с Узбекистаном и в одиннадцать раз меньше по сравнению с Белоруссией[18]. (В разы по данному показателю Казахстан уступал и всем другим союзным республикам.)

На протяжении большей части периода второго «большого цикла» аграрный сектор Казахстана образовывал в аграрном секторе бывш. СССР ареал самого механизированного, экстремально экстенсивного хозяйства, которое характеризовалось хищническим потреблением природных ресурсов, без последующего адекватного их восстановления. Такой тип ведения хозяйства накладывал свою печать на последствия «непредсказуемости» сурового континентального климата, усугубляя и без того крайне резкие колебания урожайности зерновых в советский (и постсоветский) период истории Казахстана (см. табл. СП-1А, ср. рис. V-12 и V-13 под индексом «а»).

* * *

В заключение кратко скажем о значимости в контексте изучения циклически–волновой динамики хозяйства агросферы оценок долговременных изменений ПТ–фактора.

Как явствует из приведенного анализа, динамика ПТ–фактора относится к категории определяющих качественных характеристик «большого цикла», переживаемого хозяйством агросферы той или иной страны (группы стран). О каких же качественных особенностях данная динамика свидетельствует, если иметь в виду второй «большой сельскохозяйственный цикл» XX века?

Мы располагаем материалами, позволяющими сопоставить характеристики долговременной динамики производительности труда в агросфере по двум группам «контрастных» стран,

[18] Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 14.

С Ш А, РОССИЯ, УЗБЕКИСТАН: сельское хозяйство

Рис. V-14(а)

Динамика производительности труда
(выход продукта на одного работника / час затрат труда)
Индексы: 1960=100

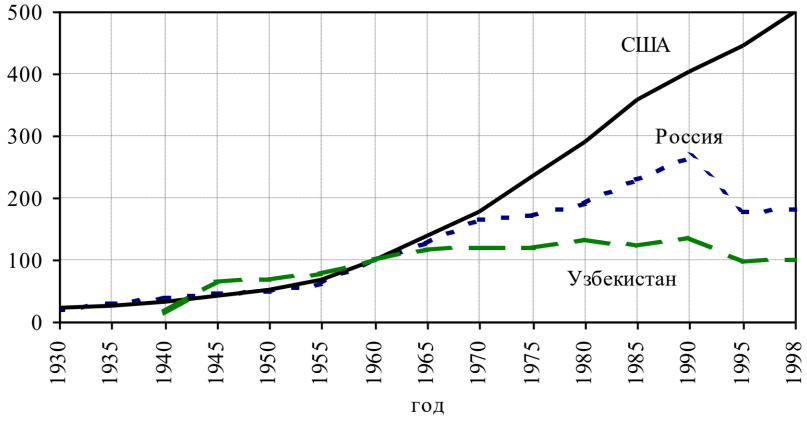
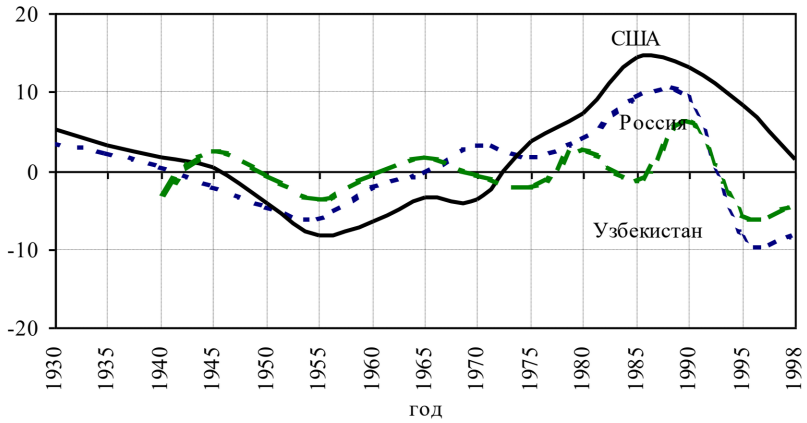


Рис. V-14(в)

Динамика производительности труда
(выход продукта на одного работника / час затрат труда)
Второй «большой цикл» XX века



различающимся исходными типами технологического способа производства, сложившегося в их агросферах, — «трудосберегающего», с одной стороны, и «землесберегающего», с другой (см. рис. V-14(а) и V-14(в))[19].

Согласно этим данным, аграрные секторы отобранных экстремально «контрастных» стран — США, России и Узбекистана — включились в повышательную фазу второго «большого цикла» по фактору производительности труда, исчисленной применительно к производству *всей валовой продукции* сельского хозяйства, практически одновременно — с середины 50-х годов, но по интенсивности экономического роста в этой фазе они существенно различались.

В группе стран с господствующим «трудосберегающим» ТСП мы наблюдаем такую картину. Если в ранний период повышательной фазы второго «большого цикла» (до начала 70-х годов) Россия еще могла «идти в ногу» с США по активности роста сельскохозяйственной производительности труда (см. рис. V-14(а), V-14(в)), то впоследствии она демонстрирует все большее отставание по данному показателю от мирового лидера сельскохозяйственного трудосбережения, разгоняющего темп роста ПТ–фактора; более того, в аграрном секторе России при усиливающемся отставании активности ПТ–фактора обнаруживается «рваный» ритм фазовой активности, ее временное падение (рубеж 70–80-х годов) (см. рис. V-14(в)): в эти годы страна входит в полосу жесткого структурного кризиса, обусловленного природой экономического порядка «реального социализма». В последующие же два де-

---

[19] На представленных графических рисунках V-14 (под индексами «а» и «в») даны отображения динамики производительности труда по показателям стоимости валовой сельскохозяйственной продукции (в сопоставимых ценах) в расчете на одного работника (для США — на час трудовых затрат). Графики построены на базе национальных статистических данных; использованы: по США — выпуски Statistical Abstract of the United States (Wash.: US Bureau of the Census) за соответствующие годы; по России и Узбекистану — публикации ЦСУ СССР и Госкомстата России, Госкомстата Узбекистана: Народное хозяйство РСФСР (России) за соответствующие годы; Народное хозяйство Узбекской ССР за 1987, 1988 годы; Сельское хозяйство СССР. Выпуски за 1960, 1971, 1988, 1991 годы. Показатели за 1995–1999 гг. оценены по соотношению индексов валовой сельскохозяйственной продукции (в сопоставимых ценах) и численности занятых в сельскохозяйственном производстве (рассчитано по: Экономика стран Содружества независимых государств в 1995 году (Статкомитет СНГ), в: *Вопросы статистики*. 1996, №4, с. 57; Основные экономические показатели стран Содружества независимых государств в 1996–1999 гг. (Статкомитет СНГ), в: *Вопросы статистики*. 2000, №4, с. 31,32; Содружество независимых государств в 1996 году. Статистический ежегодник. М., 1997, с. 380, 507; Содружество независимых государств в 1999 году. Статистический ежегодник. М., 2000, с. 414, 540).

сятилетия циклическая волна аграрного сектора России претерпела положительный всплеск в своей динамике — к концу 80-х годов; он был вызван главным образом интенсивным накачиванием сельского хозяйства субсидиями (об их масштабах см. главу IV, §3) (что, естественно, заметно изменило значение заложенного в основу исчисления волны показателя — отношения «валовая продукция/работник»), а затем, уже в 90-х годах, волна обрушилась — под воздействием мощных процессов дезорганизации производства в сельскохозяйственном секторе, процессов, которые сопровождались *сокращением абсолютных величин* производительности труда (см. рис. V-14(а)).

Аграрный сектор США также демонстрировал понижательную тенденцию волновой динамики по ПТ–фактору — с середины 80-х годов, но все еще при *росте* (и без того огромных) *абсолютных величин* производительности труда (см. рис. V-14(а)). Замедление темпа прироста производительности труда с конца 80-х годов, выразившееся в понижательной динамике циклической волны, свидетельствовало о появлении новых реалий технологического характера — о все большей исчерпанности запаса того технологического ресурса, который сообщил столь мощный импульс росту производительности труда в агросфере США в 80-х годах XX века.

Обратим внимание в связи с динамикой волны совокупной производительности труда в США и на такой факт: отраслевые (напомним — «растениеводческие») волны ПТ–фактора второго «большого цикла» XX века переходили от повышательной фазы в понижательную существенно раньше (особенно это касается волны пшеницепроизводящего хозяйства), чем наблюдаемая нами волна совокупной производительности труда (ср. рис. V-10, V-11, V-12 под индексом «в» и рис. V-14(в)). Технологические преобразования в животноводческом секторе сельского хозяйства США в период второго «большого цикла» оказались, очевидно, столь значительны, что мощь его повышательной фазы не только могла уравновесить понижательные фазы отраслей растениеводства, но и отодвинуть на одно–два десятилетия (!) — к концу 80-х годов наступление понижательной фазы по фактору совокупной производительности труда (ср. упомянутые выше графики).

Напротив, перенаселенная агросфера Узбекистана уже с середины 60-х годов, если судить по абсолютным значениям показателей ПТ–фактора, застыла на стадии «плато» (до конца 90-х годов!), едва лишь начав движение к новому качеству производительности труда (см. рис. V-14(а)), а при оценках в ракурсе изменений в волновой динамике ПТ–фактора демонстрирует на протяжении всего временного отрезка, выпадающего на период второго «большого

цикла» XX века, колеблющийся тип волновой активности вокруг осевой линии *абсолютного застоя, без выхода в повышательную фазу* данного цикла (см. рис. V-14(в))! Объяснение такому феномену, думается, нужно искать в том, что в этой бывшей республике бывшего СССР сформировался особый, блокирующий естественный рост, комплекс, при котором экономический порядок «реального социализма» наложился на механизм «землесберегающего» ТСП, функционирующего в условиях нарастающего избытка рабочей силы[20], образовав с «ловушками», свойственными этому ТСП, *органичный депрессор роста*. Именно этот депрессор в том, что касается осуществления таких базисных целей роста, как экономия труда, выступал как сила, консервирующая относительное отставание агросферы республики от все более изменявшихся в эпоху технологической революции общемировых стандартов производительности труда.

Вся совокупность приведенных данных о динамике производительности труда, таким образом, свидетельствует: за период второго «большого цикла» XX века разрыв по параметрам роста, относящимся к *эффективности сельскохозяйственного труда*, между странами зоны «трудосберегающего» ТСП, с одной стороны, и странами зоны «землесберегающего» ТСП, с другой, невероятно углубился, приобрел качественно новые черты. Этот разрыв ныне должен осмысливаться не как углубление количественных различий в рамках одного качества, а как формирование различий между *двумя стадиально различными ступенями процесса экономии труда*. Отсчет неравномерности сельскохозяйственного роста переместился в новое измерение[21].

3. Особенности циклически–волновой динамики хозяйства агросферы по странам (продолжение). Товарный (и псевдотоварный) продукт

Циклически–волновая динамика, описывающая изменения товарности хозяйства, заметно отличается от той, которая характеризует *стандартный* «*большой цикл конъюнктуры*» в агросфере. В иерархию определителей, воздействующих на волну товарности, входят, помимо устойчивых, подверженных относительно медленным изменениям, «мобильные» регулятивы, причем в числе боль-

---

[20] Подробнее см.: *Растянников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века, с. 49–54.

[21] Подробнее см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, «Заключение».

шем, чем это наблюдается в совокупности детерминант, влияющих на циклическую динамику, например, ПЗ– и ПТ–факторов роста (см. §2). Такие регулятивы, действуя на протяжении длительного исторического периода, вносят свои, порою — существенные, коррективы в тип циклической волны товарности в рамках «большого цикла».

В результате указанных причин волны товарности в их долговременной динамике могут не вполне совпадать с волнами выделенных нами «больших циклов».

Итак, при анализе волновой динамики товарности нужно, как мы полагаем, различать по меньшей мере три группы детерминант.

1. Одну из них составляют *естественные* (базисные) *условия экономического роста*, а именно *общественное разделение труда* — положительное или отрицательное. Эту детерминанту и, соответственно, формируемую ею волновую динамику товарности назовем условно «*экономической*». Само ее существование обусловлено фундаментальными изменениями в производительных силах и связанным с этими изменениями технологическим прогрессом (регрессом) общественного воспроизводства.

В частности, как мы видели ранее, весьма бурно данный регулятив, прокладывающий путь положительной динамике товарности, проявляется на индустриальной и постиндустриальной (информационной) стадиях роста, при которых отношения обмена, приобретая новые формы, захватывают все большие участки воспроизводственного процесса; но не менее бурно эта детерминанта обозначает себя в переломные эпохи в застрявших на пути индустриальных преобразований аграрных хозяйствах; здесь сложившиеся в ходе длительной эволюции формы товарного обмена могут трансформироваться в предшествующие — натуральные, псевдотоварные — формы обмена, проявляясь в деградирующих нормах товарности. Вообще «свертывание» общественного разделения труда в аграрном секторе, особенно на доиндустриальных стадиях роста, адекватно и немедленно отражается на уровнях товарности хозяйства (впечатляющий пример — эпоха НЭП в России; см. гл. III, §1).

2. Особое место в механизмах обмена занимают условия *рыночной конъюнктуры*, в частности *динамика цен*, непосредственно определяющая пропорции обмена. (Данная детерминанта, «вторичная» по своему генезису, поскольку само ее существование обусловлено общественным разделением труда, должна тем не менее быть выделена как отдельный фактор, оказывающий самостоятельное воздействие на пропорции обмена; он фиксирует баланс спроса и предложения, соотношение между ценами издержек производства и ценами реализации продукта и др.) Эту детерминанту и соответ-

ственно ее вклад в волновую динамику товарности мы будем называть «*рыночной*». Одна из особенностей волновой динамики товарного выхода сельскохозяйственного продукта состоит в том, что последняя может быть не связана непосредственно с достигнутым уровнем общественного разделения труда, отражая скорее — частично или в полной мере — динамику псевдотоварного продукта (как мы уже убедились ранее на примерах товарности аграрных секторов Японии, Индии и России).

3. Третья детерминанта — социально-политическая, выступающая как фактор *внеэкономического принуждения* непосредственного производителя в его индивидуальном или коллективном бытии. Данная детерминанта отражает степень подчинения «внешней» и/или «внутренней» воли непосредственного производителя носителю прерогатив противостоящей ему силы[22] (Власти и др.). Конкретно она находит выражение не только во внеэкономическом принуждении непосредственного производителя на базе отношений частной собственности, но и, как мы видели в гл. III, IV, в принуждении его кратократией (властью Власти), действующей от имени государства и иных создаваемых ею институтов принуждения («правящей партии» и др.); адекватное ее природе поле действия в прошлом — экономическое пространство стран бывшего «социалистического лагеря» (в первую очередь — Евразии). Данную детерминанту и обусловленный ею вклад в волновую динамику товарности в соответствии с Марксовым определением отношения, возникающего в результате подчинения воли производителя противостоящему ему субъекту подчинения, мы называем «*политической*»[23].

Анализ циклических волн товарности, конечно, может быть интересен сам по себе. Но поскольку речь идет об интерпретации волн товарности в контексте того, как их динамика соотносится с изменениями базисных факторов, определяющих движение выделенной нами стандартной циклической волны, волны товарности должны быть «привязаны» к последней и оценены в рамках ее движения. Вопрос в том, каким образом можно осуществить эту «привязь»?

Мы отобрали универсальный фактор, характеризующий «большой цикл» в его стандартных границах в аграрном секторе. Таким фактором, как и в прошлых наших исследованиях (см. §2),

---

[22] Подробнее см.: *Крылов В.В.* Воля и ее отчуждение как средство превращения работающего субъекта в «неорганическое условие производства» других людей, в: *Он же*. Теория формаций. М.: «Восточная литература» РАН, 1997, с. 50–56.

[23] Подробнее см.: Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: «Восточная литература» РАН, 1995, гл. IV [*В.Г. Растянников*].

является показатель величины сельскохозяйственного продукта, произведенного на единицу площади — в натуральной форме (он фиксируется урожайностью какой-либо ведущей культуры с гектара) или в денежной форме (в этом случае он фиксируется величиной валового продукта, произведенного на гектар, и обозначается «ВП/га» — см. гл. V, §5 — или величиной чистого продукта на гектар — «ЧП/га»). Ибо именно сопоставление циклически–волновой динамики товарности с динамикой величины продукта, произведенного на единицу площади, и позволяет соотнести с наибольшей результативностью волну товарности со стандартной циклической волной второго в XX в. «большого цикла» и установить значимые характеристики последнего.

Ниже мы используем следующие категории сельскохозяйственного продукта при сравнении его с показателями товарного продукта аграрных секторов исследуемых стран: ВП/га (СССР/Россия, США), ЧП/га (Япония); ПЗ–фактор, или урожайность (Япония, Индия, СССР/Россия, Казахстан).

Страны зоны «землесберегающих» технологий

По странам зоны «землесберегающего» технологического способа производства (ЗТСП) — Японии и Индии мы располагаем сведениями о динамике товарности зерновых культур, а по Японии, кроме того, — и данными о динамике пропорций чистого сельскохозяйственного продукта, реализуемого на рынке, за годы, относящиеся к периоду второго «большого цикла» XX века.

По ***Японии*** для сравнения динамики товарности и ПЗ–фактора мы использовали соответствующие показатели по до сих пор остающейся главной земледельческой культуре страны — рису. Это сравнение свидетельствует о синхронности циклически–волновой динамики обоих параметров; даже хотя начало повышательной фазы волны товарности отстало от начальной временной точки «фоновой» волны цикла (ПЗ–фактора) примерно на пять лет. При этом обе волны достигают экстремума примерно в одно и то же время — в первой половине 70-х годов (см. рис. V-15(в)).

Теми же характеристиками отличается и динамика изменений показателя стоимости чистого продукта на гектар обрабатываемой площади и динамика пропорций товарного продукта сельского хозяйства в целом; с той, однако, поправкой, что на завершающем участке понижательной фазы волны товарности мы наблюдаем аномальный выброс, охватывающий период начала 90-х годов. Экстремумы же обеих волн, как и в первом случае, совпадают во времени, охватывая рубеж 60–70-х годов (см. рис. V-16(в)).

Таблица V-2

Изменение товарности хозяйства агросферы при различных технологических способах производства, XX век*, %

Страны с господствующим «землесберегающим» ТСП в земледелии				Страны с господствующим «трудосберегающим» ТСП в земледелии			
Япония				США		Россия/СССР/ Россия	
вся продукция		рис		вся продукция		вся продукция	
период	товарность	период	товарность	период	товарность	период	товарность
		1911	39,0	1910	62,1	1909–1913	23,8
1958	70,6	1937	40,0	1915	60,3	1920/21	18,8
1960	75,2	1940	41,0	1919	63,3	1926/27	18,3
1962	77,9	1950	49,5	1924	65,6	1928–1932	30,0
1966	81,9	1957	55,5	1929	67,5	1933–1937	35,0
1970	85,3	1960	62,8	1939	66,4	1938–1940	41,0
1975	83,9	1965	67,0	1949	73,9	1949–1953	41,6
1980	81,2	1970	74,1	1959	77,1	1954–1958	44,7
1985	82,3	1975	80,8	1960	78,1	1959–1960	47,9
1990	84,5	1980	80,4	1970	88,2	1966–1970	56,0
1992	85,5	1985	84,7	1980	97,5	1980	61,0
1994	86,2	1990	85,8	1990	97,7	1986–1990	59,6
1996	86,6	1992	85,9	1995	99,7	1991–1995	55,0
1998	87,7			1999	99,6	1996–2000	41,7
Индия				Россия/СССР/ Россия		Казахстан	
рис		пшеница		зерновые		зерновые	
период	товарность	период	товарность	период	товарность	период	товарность
1936/37— 1938/39	40,5	1932/33– –1934/35	55,0	1840–1850	11,4	1916	32,4
				1871–1880	21,5	1920	21,1
1946/47— 1948/49	27,5	1955/56	32,7	1891–1900	20,8	1925	15,8
				1901–1906	25,3	1930	50,9
1954/55— 1956/57	31,4	1954/55– –1956/57	37,0	1909–1913	26,7	1940	50,9
				1923–1924	17,6	1945	52,9
1968/69	21,8	1966/67	19,8	1928–1932	25,8	1946–1950	50,9
1970/71	25,5	1970/71	29,8	1933–1937	40,3	1951–1955	45,2
1974/75	22,0	1971/72	33,2	1938–1940	43,6	1956–1960	59,3
1975/76	26,2	1975/76	30,5	1941–1945	47,4	1961–1965	48,7
1978/79	27,9	1979/80	31,4	1946–1950	49,6	1966–1970	58,8
1980/81	30,2	1980/81	31,9	1956–1960	44,4	1971–1975	54,9
1981/82	30,7	1981/82	25,7	1966–1970	43,3	1976–1980	58,8
1982/83	32,8	1985/86	28,2	1971–1975	40,8	1981–1985	58,4
1985/86	31,2	1990/91	29,5	1976–1980	43,7	1986–1990	48,4
1990/91	30,9	1991/92	27,8	1986–1990	43,3	1991–1995	43,5
1991/92	29,8			1991–1995	42,1	1996–1998	48,2
				1996–2000	49,0		

* *Составлено* по данным таблиц: СП-5, СП-7, СП-8, СП-9, СП-10, СП-11.

ЯПОНИЯ: рисопроизводящее хозяйство

Рис. V-15(а)

Динамика удельного веса товарного продукта, %

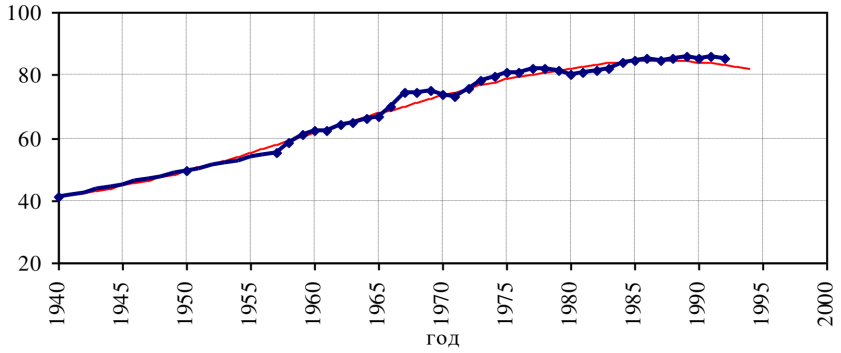
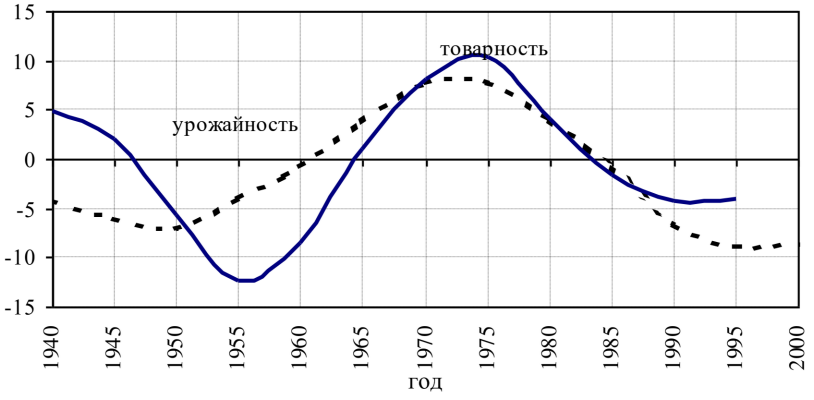


Рис. V-15(в)

Динамика удельного веса товарного продукта и урожайности риса
Второй «большой цикл» XX века



ЯПОНИЯ: сельское хозяйство

Рис. V-16(а)

Динамика удельного веса товарного продукта , %

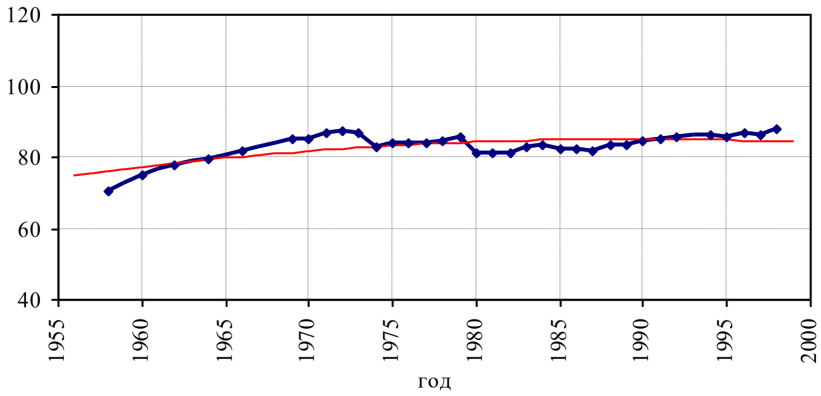
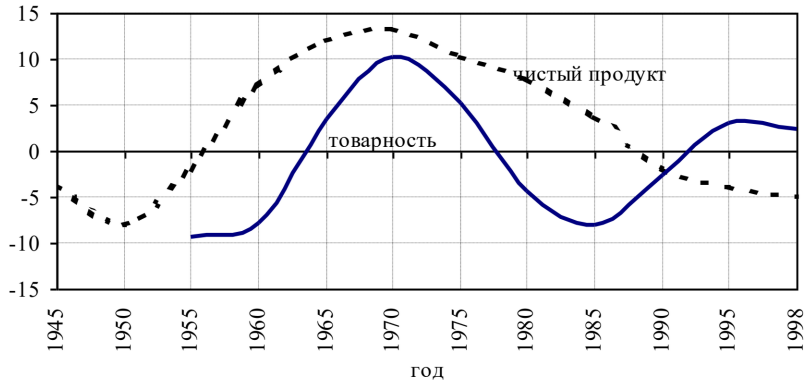


Рис. V-16(в)

Изменения в товарности сельского хозяйства и
чистой продукции на гектар обрабатываемой площади.
Второй «большой цикл» XX века



ИНДИЯ: рисопроизводящее хозяйство

Рис. V-17(а)

Динамика удельного веса товарного продукта, %

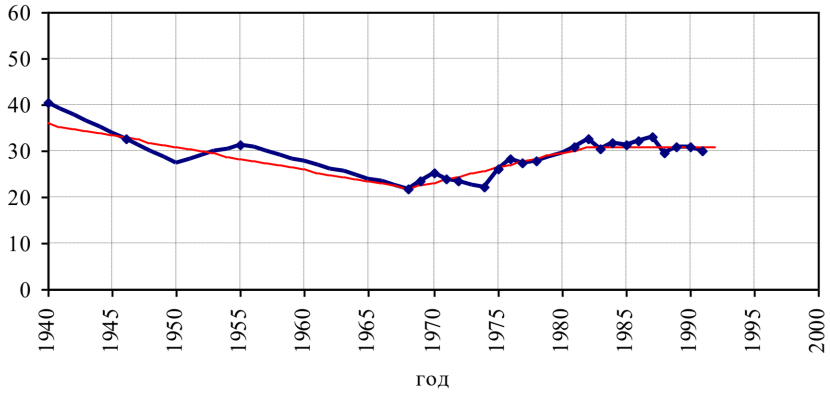
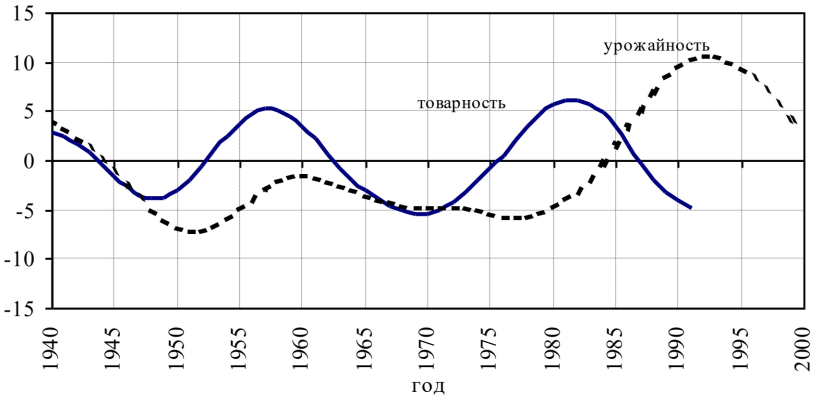


Рис. V-17(в)

Динамика удельного веса товарного продукта и урожайности риса
Второй «большой цикл» XX века



ИНДИЯ: пшеницепроизводящее хозяйство

Рис. V-18(а)

Динамика удельного веса товарного продукта, %

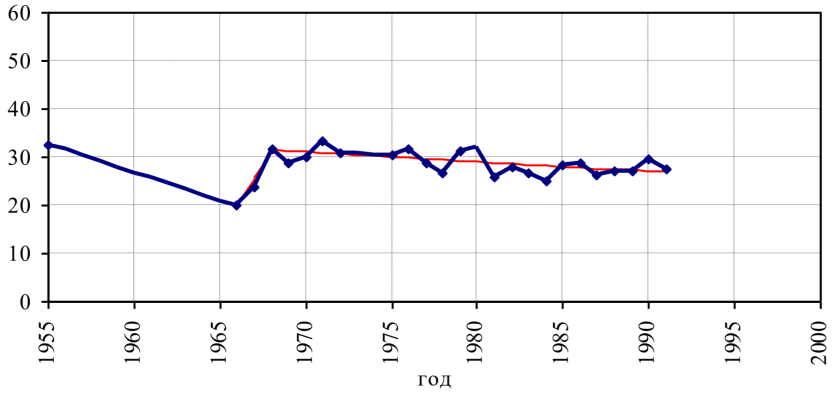
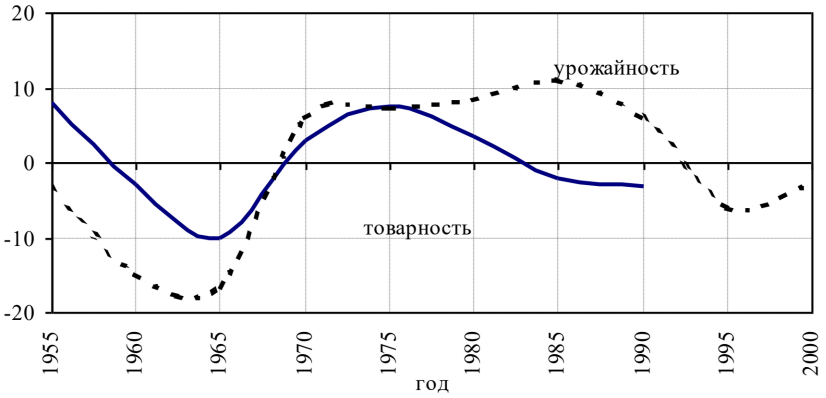


Рис. V-18(в)

Динамика удельного веса товарного продукта и урожайности пшеницы
Второй «большой цикл» XX века



С Ш А: сельское хозяйство

Рис. V-19(а)

Динамика удельного веса товарного продукта
в валовой продукции сельского хозяйства, %

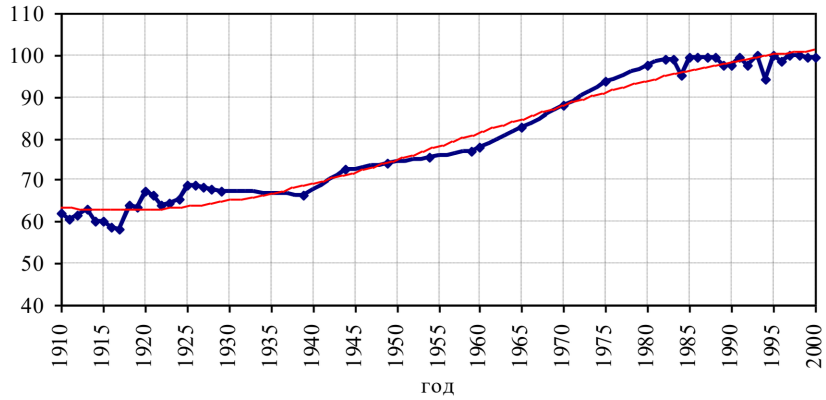


Рис. V-19(в)

Изменения в товарности сельского хозяйства
и валовой продукции на гектар уборочной площади.
Второй «большой цикл» XX века

РОССИЯ/СССР/РОССИЯ: зернопроизводящее хозяйство

Рис. V-20(а)

Динамика удельного веса товарного продукта, %

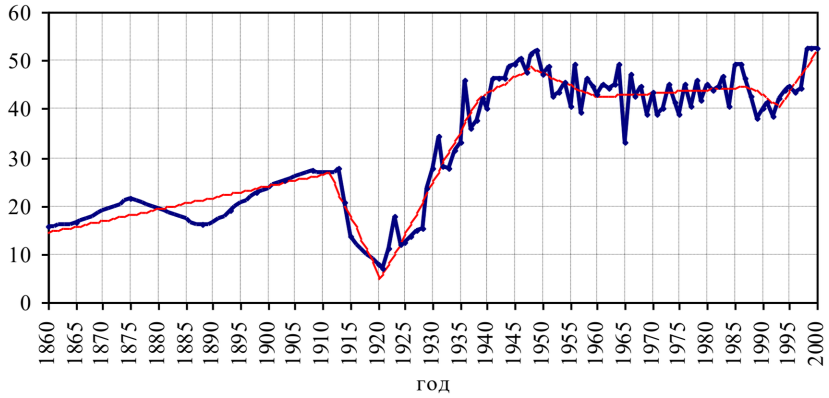
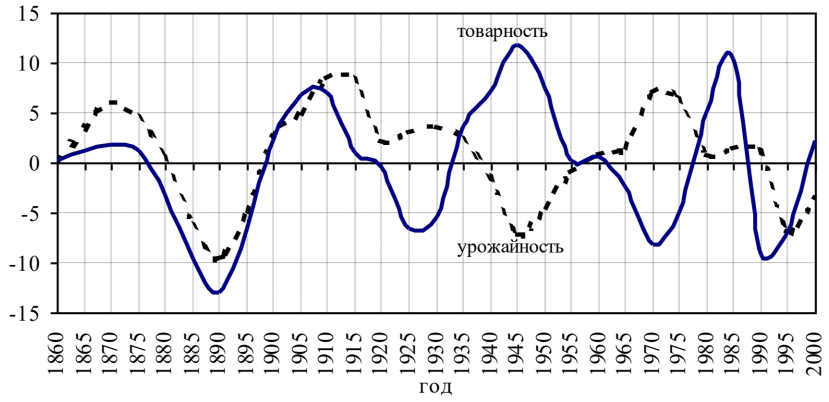


Рис. V-20(в)

Динамика удельного веса товарного продукта и урожайности зерновых
Первый и второй «большие циклы» XX века



РОССИЯ/СССР/РОССИЯ: сельское хозяйство

Рис. V-21(а)

Динамика удельного веса товарного продукта в валовой продукции сельского хозяйства, %

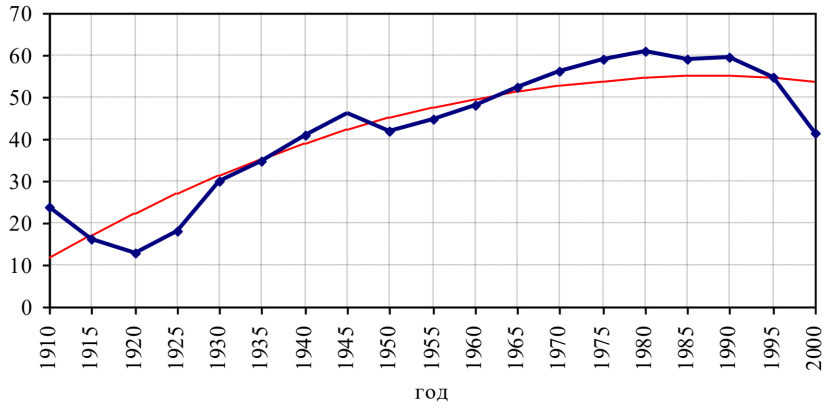
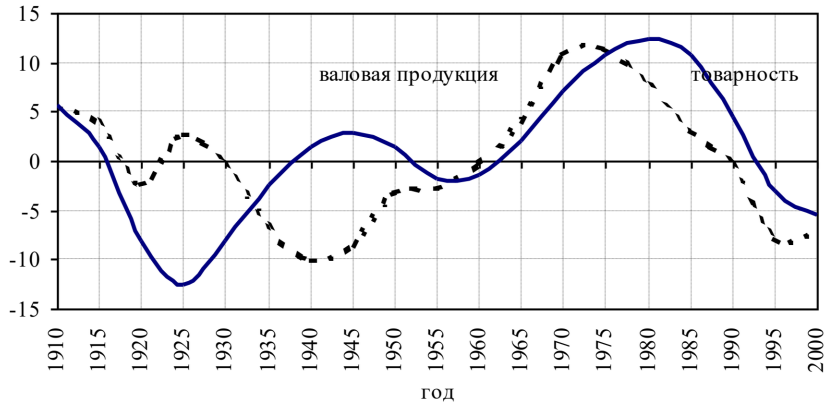


Рис. V-21(в)

Изменения в товарности сельского хозяйства и валовой продукции на гектар посевной площади
Второй «большой цикл» XX века



КАЗАХСТАН: зернопроизводящее хозяйство

Рис. V-22(а)

Динамика удельного веса заготовок (товарного выхода) зерна, %

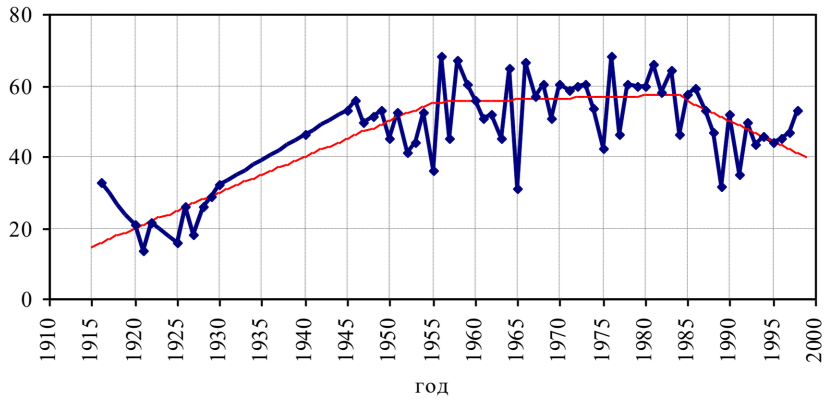
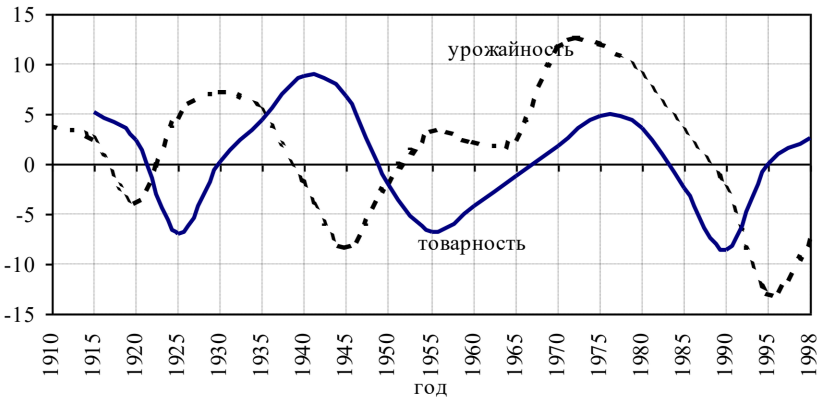


Рис. V-22(в)

Динамика удельного веса заготовок (товарного выхода) зерна
и урожайности зерновых
Второй «большой цикл» XX века



Упомянутая аномалия вызвана скорее переходом в 1989 г. статистического ведомства Японии на новую методику расчета позиций национальных счетов (в том числе стоимости чистого продукта), чем реальными изменениями в товарном выходе сельскохозяйственного продукта (товарности).

Повышательная фаза обеих волн товарности, как и «фоновых», рассмотренных в контексте этого раздела, волн производства продукта на единицу площади (урожайность и ЧП/га), отразила примечательный процесс. Именно в охватываемое ею историческое время происходило бурное по темпам завершение процесса формирования мелкого высокотоварного семейно-фермерского хозяйства в Японии, сопровождавшееся интенсивным наращиванием использования индустриальных средств труда. Фазовая интенсивность технологического переворота в сельском хозяйстве Японии, начало которого (переворота) относится к первой половине 50-х годов и результаты которого (как мы отмечали в гл. II, §2) проявились в крупных приростах продуктивности сельского хозяйства Японии[1], дала существенный импульс росту товарности производства.

Синхронность волн, как «фоновых», так и волн товарности, свидетельствует о *непрерывности* происходящего взаимодействия через сферу рынка различных звеньев воспроизводственного процесса. (Что вызвано, помимо прочего, эффективностью влияния государства на организацию распределительного звена в воспроизводственном процессе.)

Но стоит обратить внимание и на функциональную роль понижательной фазы обеих волн товарности. Что отображает динамика этой фазы? В ее процессе, очевидно, консервируется достигнутое состояние «плато» в реальной товарности сельскохозяйственного продукта, причем по обоим представленным показателям (товарность рисопроизводящего хозяйства, совокупная товарность сельского хозяйства), но в то же время она отражает и некоторые признаки стагнации абсолютных значений этих показателей в 90-х годах (см. табл. V-2 и рис. V-15(а) и рис. V-16(а)). Или, если сказать иначе, мелкое, семейно-фермерское хозяйство Японии достигло «потолка» в товаризации сельскохозяйственного сектора производства агросферы, при возможной тенденции ее (товаризации) интенсивности к ослаблению; именно это обстоятельство нашло отражение в понижательной фазе обеих волн товарности второго «большого цикла» XX века.

В целом показатели движения товарности, касающиеся сельского хозяйства Японии, свидетельствуют о полновесном включении

[1] Так, с 1950 г. по 1975 г. урожайность риса в Японии выросла с 32 ц/га до 47 ц/га (см. табл. V-1).

волн товарности в качестве органической составляющей в совокупность характеристик второго «большого цикла» в аграрном секторе Японии, причем свидетельствуют о классическом проявлении их динамики — совпадении (хотя при некоторых отклонениях) обеих фаз «большого цикла» и их экстремумов.

* * *

В отличие от аграрного сектора Японии волновая динамика товарности в аграрном секторе ***Индии*** не столь «послушна» движению волны «фонового» (определяющего цикл) параметра (в данном случае ПЗ–фактора); объяснение этому — в особом комплексе условий, в которых развивалось сельское хозяйство Индии в период ее независимого существования. По меньшей мере, с 40-х годов XX в. в агросфере страны можно выделить два исторически значимых этапа в «поведении» волн сельскохозяйственной товарности.

Достаточно очевидно, что на этапе традиционного (или — условно — мелкотоварного) бытия крестьянских хозяйств, т.е. до середины 60-х годов (пшеница) — рубежа 60–70-х годов (рис), волна товарности практически повторяет с небольшими временными отклонениями волну ПЗ–фактора (см. рис. V-17(в) и рис. V-18(в)). Такая синхронность во взаимодействии обеих волн (причем в их понижательной фазе) объяснялась тем, что в аграрном секторе Индии, параллельно с движением очередного цикла воспроизводства в хозяйстве, четко действовали механизмы, посредством которых на рынок отправлялся весь возможный для рыночной реализации сельскохозяйственный продукт (в индийской литературе его именовали, напомним, — «рыночный излишек» [*marketed surplus*]). Этот «излишек», как мы видели ранее (см. гл.II, §3), включал в себя не только товарный продукт, обусловленный воспроизводственными потребностями рыночного обмена, но и продукт, отнесенный индийскими исследователями к категории «излишка из нужды» (*distress surplus*), бесперебойным поставкам на рынок которого способствовала, помимо прочего, система внеэкономического воздействия на непосредственного производителя (т.е. «политический» фактор динамики товарности), — уже серьезно ущемленная, но еще далеко не уничтоженная земельной реформой и пока достаточно прочно удерживавшая свои позиции в этот период.

Какие новые моменты в волновую динамику товарности аграрного сектора внесла в Индии «зеленая революция»? В ходе «зеленой революции» взаимодействие производства и рынка вступило в качественно новую стадию — в сферу производительного потребления агросферы пошел продукт промышленных и специфических наукоемких отраслей народного хозяйства; весь механизм

воспроизводства в агросфере претерпел радикальные изменения. Соответственно изменился в зонах распространения «зеленой революции» и характер товарных потоков, охватывавших хозяйство агросферы, — устремлявшихся к рынку, с одной стороны, и от рынка к аграрному хозяйству — с другой. Эти потоки в тенденции образовывали «улицу» с двусторонним движением, при котором они как бы уравновешивали друг друга по параметру стоимостного наполнения, по степени интенсивности своего хода. В процессе сельскохозяйственного роста «зеленая революция» сыграла роль далеко не литературной «повивальной бабки», вызвав к жизни (хотя и со значительным отставанием от стандартного времени начала второго «большого цикла»[2]) повышательную фазу в циклически–волновой динамике и ПЗ–фактора, и товарности в аграрном секторе Индии. Что и нашло отражение в графиках, представленных на рис. V-17(в) и рис. V-18(в).

Обратим внимание на то, что технологическое перевооружение сельского хозяйства Индии, начавшееся в эпоху «зеленой революции» с середины 60-х годов — разновременно затронуло его различные отраслевые подразделения, в том числе рассматриваемые здесь пшеницепроизводящую и рисопроизводящую отрасли. Новые технологии, как упоминалось выше (см. гл.I, §3, «Индия»), были ориентированы в аграрном секторе Индии почти исключительно на повышение продуктивности хозяйства. Формировавшийся вслед за технологическими преобразованиями прирост сельскохозяйственного продукта (генерировавшийся мощными приростами урожайности) практически немедленно поступал на рынок — товарность бурно росла — параллельно росту урожайности.

Так, «зеленая революция», охватившая сначала пшеницепроизводящую отрасль сельского хозяйства, привела к взлету товарности пшеницы: «внешняя» товарность пшеницы всего за пять лет, с 1966/67 г. по 1971/72 г., поднялась с 20% до 33% (см. табл. V-2). «Зеленая революция» в рисопроизводстве, последовавшая через десять лет — с середины 70-х годов, также вызвала скачкообразный прирост товарности риса: последняя увеличилась с 22% в 1974/75 г. до 33% в 1982/83 г. (см. табл. V-2, а также рис. V-17(а), V-18(а)). Но последовал срыв…

Особенность циклически–волновой динамики товарности в сельском хозяйстве Индии заключалась в том, что в обеих отраслях (рисопроизводящей и пшеницепроизводящей) волны товарности пе-

[2] Подробнее о причинах отставания см. гл.VI.

решли в понижательную фазу *существенно раньше*, чем началась «стандартная» понижательная фаза, выраженная изменениями ПЗ–фактора. Например, в пшеницепроизводящем хозяйстве на 15 лет, а в рисопроизводящем — на 10 лет раньше (см. рис. V-17(в) и рис. V-18(в)).

Представляется, что в этих диссонансах отразилось мощно нараставшее с 60-х годов XX века влияние земельно-демографического комплекса (ЗДК), природа которого была рассмотрена нами ранее (см. гл. II, §3). Именно воздействие ЗДК привело волну товарности к преждевременному «старению», которое отразило закономерность сельскохозяйственной динамики в Индии к концу XX столетия: общественное разделение труда, сложившееся в ряде звеньев аграрной экономики, регрессирует в «аналитическое» (внутрихозяйственное) разделение труда, проявляющееся в относительном повышении удельного веса продукта (при его возможном абсолютном сокращении), потребленного *in natura* в рамках самого производящего хозяйства. Или, если сказать иначе, значительные сегменты аграрной экономики Индии в последние десятилетия XX века охватили мощные процессы натурализации, обусловленные прогрессирующим измельчанием земледельческого хозяйства страны (подробнее см. гл. II. §3).

Страны зоны «трудосберегающих» технологий

Страны зоны «трудосберегающих» технологий выявляют другие особенности динамики «больших циклов» в агросфере по сравнению со странами зоны «землесберегающих» технологий, соответственно, иначе выглядит и соотношение между обеими типами волн.

Так, на графике волновой динамики, относящейся к ***США*** (см. рис. V-19(в)), мы видим, что лаг между экстремумами волн ВП/га и товарности, как в понижательной, так и в повышательной фазе увеличивается в ходе исторического времени. Соответственно углубляется разрыв между одинаковыми фазами обеих волн.

В самом деле, мы наблюдаем, при небольших (несистемных) отклонениях, совпадение фаз обеих волн в мануфактурный период развития сельского хозяйства США — до середины 30-х годов. Но с этого времени волны уже начинают расходиться. Они заметно разошлись в период компенсационного роста (рубеж 30–40-х годов), но еще интенсивнее волна товарности стала отставать от волны продуктивности (ВП/га) в собственно индустриальный период сельскохозяйственного роста (с 50-х годов). Если в переходное десятилетие (1935–1945 гг.) лаг между ними составлял примерно пять–семь лет, то начальная временная точка повышательной фазы волны товарности в индустриальный период была отодвинута от начала повышательной

фазы ВП/га уже на десять лет (к 1960 г.), а экстремумы повышательных фаз обеих волн разошлись даже на пятнадцать лет. Этот лаг увеличился еще больше при переходе к постиндустриальному этапу сельскохозяйственного роста — он охватил период между началом 80-х и концом 90-х годов XX в. (см. рис. V-19(в)).

Можно, таким образом, выделить следующие закономерности в волновой динамике «больших циклов» в аграрном секторе США: 1) прогрессирующее нарастание временного разрыва между волнами ВП/га и товарности наблюдается в ходе экономического процесса на протяжении практически всего XX века; 2) обрушение волны ВП/га каждый раз происходит на этапе интенсивного технологического перевооружения сельского хозяйства США (таковы период 40-х годов и период 70-х годов). А обрушение волны товарности с 80-х годов произошло в период, когда уровень товарности сельского хозяйства США достиг почти 100%, т.е. с достижением аграрным сектором страны предельного уровня развития товарного производства (если измерять его пропорциями выхода сельскохозяйственного продукта для рыночного обмена; см. рис. V-19(а)[3] и табл. V-2). Указанные особенности, характерные для динамики сельскохозяйственного роста США, подкрепляются также фактами, свидетельствующими, что бурный взлет показателя ВП/га всегда начинался на исходе очередного этапа технологического перевооружения сельского хозяйства. Это рубеж 40–50-х годов и рубеж 70–80-х годов.

Увеличивавшийся лаг между волнами ВП/га и товарности объяснялся процессом накопления производственного ресурса, который впоследствии реализовывался в росте, причем в форме не мифического, а вполне реального «большого скачка», рыночной активности хозяйства, и, соответственно, в становлении повышательной фазы волны.

Действительно, каждое новое поколение сельскохозяйственных технологий, все более сложных и все более производительных, которые внедрялись в сельское хозяйство США на протяжении XX в., требовало относительно все большего времени для их полноценного освоения. И их производительный потенциал *адекватно* раскрывался в рыночной отдаче производства через более длительный срок, чем при внедрении технологий предшествующего поколения. Возможным объяснением причин удлинения сроков в достижении оптимума в товарных поставках сельскохозяйственного продукта на данной ступени экономического развития (что находит отражение в волновой динамике параметров аграрного сектора) является также то, что с переходом сельского хозяйства к использованию новых технологий неизбежно из-

[3] График динамики удельного веса товарного продукта (показанный на рис. V-19(а)) построен на базе рассчитанных авторами величин, приведенных в табл. СП-5, колонка 6 (подробнее о методах расчета товарной продукции в США см. главу II, § 1).

менялись и сопутствовавшие им формы организации производства и труда, *адекватное* приспособление которых к новым материально-вещественным производительным силам предполагало все более значительные затраты времени.

Таким образом, если рассматривать волну сельскохозяйственной товарности как органичный элемент циклически–волновой динамики XX в., в применении к аграрному сектору США ее можно определить как волну *догоняющего* типа (по отношению к стандартной — исчисляемой на основе изменений показателя величины сельскохозяйственного продукта, получаемого на единицу площади — волне «большого цикла»), обладающую той особенностью, что в ее динамике запечатлен феномен эффекта прогрессирующего лага.

Рассматриваемая в совокупности своих составляющих волновая динамика, отражающая экономический процесс в аграрном секторе США, показывает классический тип соотношения волн товарности и ВП/га *при рыночном хозяйстве в эпоху научно-технической революции (в том числе на ее информационной ступени) при «трудосберегающем» технологическом способе производства*, так же, как в Японии — при «землесберегающем» технологическом способе производства.

* * *

Страны с кратократической социальной организацией аграрного хозяйства демонстрируют в XX веке другую модель циклически–волновой динамики. Впечатляющий пример — ***Россия***, где после революционных потрясений рубежа 10–20-х годов решительно заявил о себе «политический» фактор влияния на динамику «больших циклов конъюнктуры».

Хотя динамика первого «большого цикла» XX века составит предмет следующей, шестой, главы, мы кратко, в необходимых пределах, упомянем о ее проявлениях во временном диапазоне, соприкасающемся с периодом второго «большого цикла» в аграрном секторе России. Данная информация представлена на рис. V-20 под индексами «а» и «в». Повышательная фаза волны урожайности, обнаружившаяся с конца 80-х годов XIX в., равно как и ее экстремум, приходившийся на 1913 г., весьма близко подходила или даже совпадала с волной зерновой товарности в ее повышательной фазе — экстремум последней приходился на 1908 г. (см. рис. V-20(в)), что свидетельствовало об уже установленной нами ранее закономерности, согласно которой в хозяйстве традиционного типа (и, более того, в хозяйстве, пребывающем на стадии мануфактурной организации труда) и, соответственно,

при господстве ручного труда и мизерном использовании труда материализованного — «основного капитала», *повышательная фаза волновой динамики товарности совпадает с аналогичной фазой циклического изменения урожайности*. То есть движение товарности здесь происходит *синхронно* с движением производства.

Если учесть приведенные ранее факты по Японии и Индии, можно сказать, что при условиях, указанных выше (традиционный тип производства с его ценностными установками, ориентированными на приоритет личного потребления, в особенности семейного продовольственного потребления[4]) данная закономерность представляет собой всеобщее, присущее всем странам, явление.

Но вот в дальнейшем движение волн отличается «странностями»: понижательная фаза волны урожайности растянулась более чем на три десятилетия — до середины 40-х годов, в то время как понижательная фаза волны товарности зернового хозяйства оказалась прерванной в конце 20-х годов — в результате политического насилия (коллективизации), ее вектор был развернут вспять по отношению к направлению волны урожайности, обозначив (аномальную) повышательную фазу волновой динамики товарности (см. рис. V-20(в)).

Такого рода противоход мы обнаруживаем и при сопоставлении волн совокупной товарности сельского хозяйства и стоимости валовой продукции, производившейся на единицу площади (см. рис. V-21(в)[5]).

Напомним, что кратковременный положительный взлет волны урожайности и ВП/га, наблюдаемый на графиках рис. V-20(в) и V-21(в), выпадающий на эпоху НЭПа, мы охарактеризовали ранее как период компенсационного роста, возмещавший потери сельского хозяйства от насилий эпохи гражданской войны и лихолетья военного коммунизма, при этом компенсационный рост, помимо прочего, усугубил глубину падения волны товарности, отразив событие реальной жизни: рост личного потребления за счет той части производимого в крестьянском хозяйстве продукта, которая ранее включалась в фонд товарного продукта и направлялась на рынок. Противостояние фаз обеих волн (компенсационной положительной для урожайности и ВП/га

---

[4] Данная проблема основательно изложена у А.В. Чаянова (см.: *Он же*. Организация крестьянского хозяйства, в: *Чаянов А.В*. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: «Экономика», 1989).

[5] При расчетах из стоимости валовой сельскохозяйственной продукции (СССР/Россия) за 1960–2000 гг. были изъяты сельскохозяйственные субсидии (подробнее см. гл. IV, §3, а также §5 настоящей главы).

и отрицательной для товарности) достигло максимума во второй половине 20-х годов, к закату НЭПа (см. рис. V-20(в)).

Именно от рубежа 20–30-х годов, как мы видели в гл.III, §2, в исторической России начался бурный, обеспечиваемый всеми инструментами государственного насилия, рост изъятий из хозяйства агросферы крестьянского продукта, реализуемого в товарной (точнее — псевдотоварной) форме за пределами этого хозяйства. Второй наблюдаемый нами исторический противоход в циклически–волновой динамике практически продолжался до второй половины 40-х годов, когда искусственно вызванная (коллективизационным насилием, сопровождавшимся скачкообразным ростом выкачки из деревни продукта, принимавшего товарную форму; см. табл. СП-9) повышательная фаза волновой динамики товарности достигла экстремума, *являя собой классический пример циклической аномалии* (см. рис. V-20(в) и рис. V-21(в)).

Здесь необходимо сделать одно пояснение. Авторы не располагали данными о товарном выходе всего сельскохозяйственного продукта в период Великой отечественной войны и первые послевоенные годы, необходимыми для построения графика волновой динамики совокупной товарности сельского хозяйства. Такие данные были предположены нами. При их исчислении авторы исходили из того, что прирост показателя совокупной товарности сельского хозяйства в военные и первые послевоенные годы составлял, при очень осторожной оценке, лишь половину того прироста, который имел место в зерновом хозяйстве в эти годы (47,4% — в 1941–1945 гг. и 49,7% — в 1946–1948 гг., против 40,0% — в 1938–1940 гг.; см. табл. СП-9); т.е. был равен 45.0% — в 1941–1945 гг. и 46,0% — в 1946–1948 гг. (см. рис. V-21(а); ср. показатель в табл. СП-10). Напомним, что в эти годы растениеводство (и в первую очередь зерновое производство) обеспечивало подавляющую часть стоимости валового продукта сельского хозяйства (на животноводство приходилась на рубеже 40–50-х годов примерно лишь третья часть последней; см. табл. III-5).

В зерновом хозяйстве, основной отрасли производства в агросфере, второй волновой противоход XX века продолжался и позднее (см. рис. V-20(в)). В то время как в аграрном секторе СССР обозначилось начало второго «большого цикла» (начало 50-х годов), повышательная фаза которого достигла экстремума в начале 70-х годов (см. динамику ПЗ–фактора [урожайности] на рис. V-20(в) и динамику ВП/га–фактора на рис. V-21(в)), в циклической динамике товарности зернового хозяйства, напротив, наступила понижательная фаза, достигшая максимальной точки своего падения также в начале 70-х годов.

Сопоставление волн товарности зернового хозяйства и товарности всего сельского хозяйства (см. рис. V-20(в) и рис. V-21(в)) показывает нам определенную волновую разноголосицу. Очередная повышательная фаза волны товарности зернового хозяйства началась лишь на рубеже 70-х годов, в то время как повышательная фаза волны совокупной товарности сельского хозяйства относится к середине 50-х годов, т.е. наступила почти на 20 лет раньше. Объясняется эта разноголосица тем, что волну совокупной товарности сельского хозяйства, по меньшей мере с середины 50-х годов, во все большей степени стала определять динамика животноводческих отраслей (см. табл. III-5), более стабильных по параметрам выхода конечного продукта и более привязанных к технологической (т.е. опять-таки к более стабильной) составляющей волновой динамики аграрного сектора СССР. Наметившийся еще в 60-х годах курс на интенсификацию сельского хозяйства в стране поддерживал стабильность положительных изменений этого фактора.

Обратим также внимание на то, что обе волны товарности (см. рис. V-20(в) и рис. V-21(в)) отличаются эффектом прогрессирующего лага — их экстремумы отдалены от экстремумов ПЗ–фактора и ВП/га–фактора примерно на целое десятилетие, а в рассматриваемой здесь циклической динамике зернового хозяйства на десятилетие оказались разделены и начальные точки повышательных фаз волны ПЗ–фактора и волны товарности (см. рис. V-20(в)), и, как и в аграрном секторе США, с отставанием развертывались волны товарности хозяйства (отрасли); за время этого лагового периода, как и в аграрном секторе США, происходило накопление ресурса для интенсификации товарного выхода сельскохозяйственного продукта, проявившееся в становлении повышательной фазы волны товарности второго «большого цикла».

Обрушение волны товарности (в противоположность стандартной циклической волне) (см. рис. V-20(в) и рис. V-21(в)) произошло в период нарастания в аграрной экономике СССР/России острого структурного кризиса 80-х годов, последствия которого не были изжиты и до конца 90-х годов.

Обратим внимание на одну деталь, с конца 90-х годов, в аграрном секторе уже независимой России мы наблюдаем «очередной» диссонанс — продолжающуюся долговременную тенденцию к падению абсолютных значений урожайности зерновых (она составляла в России 15,9 ц/га в 1986–1990 гг., 15,7 ц/га — в 1991–1995 гг., 15,1 ц/га — в 1996–2000 гг.) при заметном увеличении удельного веса товарности зернового хозяйства к концу XX столетия (см. табл. СП-9; рис. V-20(а)).

Похоже, сближение конфигураций обеих волн, характеризующих параметры второго «большого цикла», начинает универсально обнаруживаться в России, если судить по волновой динамике продуктивности отдельных (ведущих) отраслей сельского хозяйства (в данном случае — зерновой отрасли последнего), только со времени перехода страны к рыночной экономике — в 90-х годах. Иначе говоря, примерно лишь ч*ерез 80 лет циклически–волновая динамика в аграрном секторе России входит в нормальное русло*, восстанавливая закономерности, свойственные данному сектору в период до большевистского переворота 1917 г. (отметим, однако, что этот вывод — предварительный, реальных фактов для него накоплено еще недостаточно).

* * *

Образование мощного сектора крупных зерновых «фабрик», вывело ***Казахстан*** в период второго «большого цикла» XX века на лидирующие роли в производстве товарного зерна в бывш. СССР. (Фонд товарного зерна формировался в республике исключительно за счет тех масс зерна, которое заготавливало/закупало государство в крупных сельскохозяйственных предприятиях.) С начала 70-х годов по середину 80-х на долю сельского хозяйства республики приходилось около 20% общесоюзной массы зерна, поступавшей в «закрома государства», а совокупная доля товарного зерна, производившегося в Казахстане, в общесоюзной массе товарного зерна (с учетом объема зерна, заготовленного/закупленного государством в республике) составляла 18,3% (1976–1980 гг.) — 15,8% (1981–1985 гг.)[6]. Причем этот «периферийный» регион демонстрировал уровень зерновой товарности, намного превосходивший совокупный ее показатель по СССР (см. табл. V-2).

В 20-х, 30-х и 40-х годах XX века зерновому хозяйству Казахстана был свойствен тот же тип циклической волны товарности, который мы наблюдали в бывш. СССР в целом. Отмечались явления «противохода» волн (ср. рис. V-22(в) и V-20(в)), но с середины 50-х годов благодаря переустройству технического базиса и хозяйственной системы аграрного сектора Казахстана циклическая динамика товарности вошла в устойчивую, при том — относительно длительную, по-

[6] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с. 221, 229; Народное хозяйство СССР в 1985 г., с. 189,196; Сельское хозяйство СССР. 1988, с. 222.

вышательную фазу (второго «большого цикла»), которая существенно (не менее, чем на полтора десятилетия) опередила повышательную фазу общесоюзной волны товарности (ср. также точки экстремумов на рис. V-22(в) и V-20(в)).

Весьма любопытная деталь: аграрный сектор Казахстана в период большей части второго «большого цикла» избежал явлений волнового «противохода», наличие которых мы выявили для СССР/ России. Несомненно, здесь сыграла свою роль, понуждаемая внеэкономическими методами, экспортная ориентация зернового хозяйства Казахстана, отправлявшего свое «избыточное» зерно на общесоюзный рынок.

Понижательная фаза зерновой товарности в Казахстане, обозначавшаяся на рубеже 70–80-х годов, близка по времени к той, которая отмечена в 80-х годах в зерновом хозяйстве СССР/России; одно из объяснений этого совпадения, возможно, состоит в том, что структурный аграрный кризис, поразивший бывш. СССР в 80-х годах XX века, по-видимому, охватил входившие в него регионы в одно и то же время, т.е. сразу же приобрел черты всеобщего феномена.

Волновая динамика аграрного сектора Казахстана демонстрирует еще один феномен, представляющийся своего рода «аномалией», если судить о нем по меркам высокоиндустриализированного аграрного сектора, развивающегося по правилам «трудосберегающего» технологического способа производства, и при этом непрерывно корректирующего, в зависимости от окружающих — рыночного характера — обстоятельств, приоритеты специализации производства. Данная корректировка происходит на базе новейших, для каждого данного этапа развития, достижений научно-технического прогресса; в зоне распространения данного ТСП такие достижения активно использовались, как мы видели ранее, и в процессах преобразования ПЗ–фактора. (Именно такой тип аграрного сектора характерен для США.)

Упомянутый феномен — синхронность циклической динамики волн ПЗ–фактора и товарности при господстве «трудосберегающего» ТСП, наблюдаемая практически на протяжении всего второго «большого цикла» XX века (см. рис. 22(в)). Такая синхронность вызвана, по нашему представлению, во-первых, тем, что аграрный сектор Казахстана (и его зерновое хозяйство, в частности) испытывал мощное давление внеэкономических методов, практиковавшихся советской кратократией в ее отношениях с сельскохозяйственными производителями; и, во-вторых, тем, что неизменной оставалась основная специализация сельского хозяйства республики (мясное животноводство и зернопроизводство); по существу на протяжении всей второй половины XX века в товарном производстве растениеводства доминировала единственная отрасль — в лице экстремально экстенсивного зернового хозяйства, причем при почти не изменившейся, как можно

судить по долговременной динамике урожайности (см. табл. V-1), эффективности фактора продуктивности.

Можно сказать, что рассматриваемая сквозь призму параметров одного и того же — «трудосберегающего» — технологического способа производства, циклически–волновая динамика аграрного сектора Казахстана отражает нижнюю ступень технологической эволюции сельского хозяйства, на которой последняя как бы остановила свой ход во времени (см. табл. V-1), что и было зафиксировано временным «единством» составляющих циклической волны, в иллюстрируемом здесь случае — волн ПЗ–фактора и товарности (см. рис. V-22(в)); в то время как динамичный аграрный сектор США перемещается по параметрам ПЗ–фактора на все более высокие ступени, накапливая на каждой из них все больший объем разнообразных (наукоемких) технологических ресурсов, оборот которых сопряжен с *расширением временного диапазона* асинхронной активности особенных волн, формирующих целостную циклическую волну (в нашем случае, повторим, речь идет о волнах ПЗ–фактора и товарности; см. рис. V-19(в)). Если сказать иначе — каждая из составляющих волны «большого цикла» начинает проявлять себя здесь — условно — в «автономном» режиме, как бы по определенному, своему алгоритму.

Мы видим далее, что начальные точки повышательной фазы в новой поступательной волне товарности зернового хозяйства в Казахстане, как и в России, фиксируются началом 90-х годов, т.е. временем открытия аграрной экономики Казахстана для действия рыночных детерминант, при этом, как и в России, волна товарности даже обгоняет во времени волну ПЗ–фактора (ср. рис. V-20(в) и V-22(в)) — теперь уже не «план», а «рынок» определяет степень активности волны товарности.

* * *

В мире циклических реальностей волновая динамика товарности позволяет лучше и полнее оценивать характер сельскохозяйственного роста — сквозь призму изменения связей хозяйства агросферы с общественным разделением труда, рынком, макроэкономическими процессами, факторами политического влияния. Это обстоятельство вводит циклическую динамику изучаемого объекта (аграрного сектора и его составляющих) в *общественный континуум*. В ходе проведенного анализа мы выявили следующие характеристики циклически–волновой динамики, обусловленные воздействием «общественного фактора» экономического роста:

— взаимосвязи (временные зависимости) волновых динамик — ПЗ–фактора, с одной стороны, и товарности, с другой, существенно

различаются по странам с типологически разными земледельческими ТСП — «трудосберегающего» типа, с одной стороны, и «землесберегающего», с другой. Установлена закономерность: чем дальше продвигается аграрный сектор стран зоны «трудосберегающего» ТСП по пути освоения достижений технологической революции, тем больше углубляется временной разрыв между фазами стандартной циклической волны и соответствующими фазами волны товарности, и наоборот; чем более стабильным остается соотношение «природные ресурсы—человек», несмотря на введение в хозяйственный оборот все новых достижений технологической революции, тем большую синхронность мы наблюдаем в динамике волн обоих типов и/или даже их практическое совпадение (это относится к странам зоны «землесберегающего» ТСП);

— происходит угасание активной фазы волны товарности при усилении влияния на экономический процесс земельно-демографического комплекса;

— отмечается формирование циклических аномалий (фаз волнового «противохода») под влиянием факторов внеэкономического порядка.

В заключение хотелось бы обратить внимание на некоторые типологические признаки циклической волны.

Итак, циклическая волна — довольно сложный феномен, представленный спектром нескольких особенных волн, характеризующих функционально различные объекты агросферы. Мы представили здесь три составляющие циклической волны, из которой одна образует — условно — ее «осевую» (определяющую границы «большого цикла» и его фаз) разновидность (детерминанту) (напомним, это — динамика ПЗ–фактора), а две другие (изменения ПТ–фактора и товарности) являются «сопутствующими» составляющими, выявляющими отдельные качественные особенности изучаемого объекта (в нашем случае — сельское хозяйство в целом, его отдельные отрасли).

Волна «большого цикла», рассмотренная в совокупности своих страновых составляющих, есть свидетельство *локально-национальных* особенностей изменения данного сельскохозяйственного объекта — и в этом смысле каждая такая волна — уникальный феномен, свидетельствующий о неповторимых чертах его эволюции; и одновременно, она — *универсальный*, *общемировой* феномен, в пределах которого каждая такая национально-особенная циклическая волна является частным случаем проявления «большого цикла» как всеобщего феномена.

Что же в национально-особенных проявлениях «большого цикла» является универсальным (всеобщим)? Как показывают представленные материалы, рассмотренные в совокупности, это — опре-

деленный отрезок времени, который в соответствии с понятиями циклической теории Н.Д. Кондратьева мы характеризуем «циклическим временем», наличие двух различных фаз (повышательной и понижательной) в пределах цикла, экстремумов (точечных или протяженных), фиксируемых на данном отрезке исторического времени. Универсально общим является стартовое время повышательной фазы (речь здесь идет о стандартном [«основном»] цикле, в отличие от производных его [«основного» цикла] разновидностей, о которых речь пойдет в следующей главе).

И еще. У каждого «большого цикла» в его национально-особенном бытии — свой алгоритм движения всех волн, составляющих его спектр. Как свидетельствуют материалы, аграрный сектор США в период *второго* «большого цикла» показывает классический, отличающийся наибольшей четкостью линии динамики (наиболее выразительной «правильностью»; см. §5), вариант циклической волны практически по всем рассмотренным параметрам, свидетельствуя о том, что в период второго «большого цикла» XX века именно рыночная среда при регулирующей роли государства, устраняющей «эксцессы» рыночной стихии, способствует *естественному* проявлению циклической *неравномерности*, в противовес, например, кратократическому «рукоприкладству», искажавшему динамику естественной циклической волны (Россия), т.е. естественный ход общественно-экономической эволюции аграрного сектора, или, например, гнетущему влиянию на циклическую динамику земельно-демографического комплекса (Индия). И в этом смысле циклически–волновая динамика аграрного сектора США может выполнять функцию «точки отсчета» при сравнительном анализе вариантов циклической динамики аграрных секторов многих других стран. (Подтверждение этому мы найдем, в частности, при ознакомлении с материалом §5 настоящей главы.)

4. *Макроэкономические результаты второго «большого цикла» в хозяйстве агросферы. Взгляд «с птичьего полета»*

Наиболее впечатляющим и самым общим результатом повышательной фазы второго «большого цикла» прошедшего века, которая, по нашему представлению, началась примерно в конце 40-х – середине 50-х годов и завершилась по странам в начале 70-х – середине 80-х годов, является то, что достижения НТР, особенно интенсивно на ее информационной стадии, и современная промышленность стали определять не только в промышленно развитых, но и в развивающихся странах (в последних, однако, с определенными исключениями; см.

ниже) основные параметры факторов, обеспечивающих поступательный экономический рост в агросфере. Иначе говоря, на данном витке спирали мирового экономического процесса в развивавшемся на повышательной волне сельском хозяйстве произошло превращение науки в *реальную производительную силу в агросфере*. В результате существенно обогатились и стали качественно иными связи, посредством которых хозяйство агросферы обеих групп стран включается в общественное разделение труда.

В ходе повышательной волны цикла в одной группе стран (развивающихся) были заложены и упрочены основы принципиально новых технологических (и одновременно экономических) систем производства, *ориентированных в первую очередь на обеспечение максимального выхода сельскохозяйственного продукта*; впервые получили практическое (массовое) распространение «пакетные» технологии, определяемые стандартами НТР; существенно углубился процесс распада традиционного хозяйства; в другой группе стран (промышленно развитых) осуществлялся широкомасштабный переход от «грубых» индустриальных технологий, используемых в сельском хозяйстве, к высокоточным технологиям, при помощи научного знания разработанным и направленным на *достижение максимального экономического эффекта* по всем основным направлениям технологического прогресса в агросфере: развитию продуктивности природного фактора, производительности труда, ресурсосбережению (последнее стало давать ощутимый эффект лишь на изломе повышательной волны, на ее «пиковой» стадии; см. на рис. V-14(в) график ПТ–фактора в США).

Повышательная фаза второго «большого цикла» XX века примечательна и тем, что благодаря НТР развитие мировых интеграционных процессов, охвативших, помимо прочего, аграрные экономики стран мирового сообщества (за пределами зоны стран бывшего «социалистического лагеря», в частности — выделившихся из бывшего Советского Союза), получило сильнейший импульс.

Вместе с тем для повышательной фазы второго цикла характерно резкое усиление *неравномерности* развития аграрных секторов различных групп стран. Ко времени завершения фазы изучаемые страны оказались на разных горизонтах технологической трансформации этих секторов. Различия обнаруживаются прежде всего между странами с исходно разными технологическими способами производства. В самом деле, НТР стимулировала в инерционных аграрных системах всех стран с «землесберегающим» ТСП резкий (в некоторых

случаях — скачкообразный) рост продуктивности, значительную интенсификацию экономической отдачи природных факторов производства — в 60–70-х годах, причем внесла в процесс развития сельского хозяйства ранее отсталых стран данной группы то, что третьемироведы назвали в свое время «догоняющим» типом развития.

Но повышательная волна активности, которая должна была бы привести к быстрому росту производительности труда, едва поднявшись, разбилась в этих странах об утес, именуемый «встроенным депрессором» (Д.Торнер) «землесберегающего» ТСП. При этом максимальная степень интенсивности этой волны отмечается лишь к концу периода рассматриваемой повышательной фазы (см. табл. V-1). В результате аграрная экономика данной группы стран до сих пор так и не выбралась из оков аномального для современной стадии мировых производительных сил состояния — *непомерно большого влияния на экономический рост непроизводительного ручного труда*. (Частичным исключением из этого правила являются лишь отдельные отраслевые подразделения аграрных экономик, такие, как, например, пшеницепроизводящее хозяйство или молокопроизводство современного типа в Японии; об этом подробнее см. §2.)

Не будем, однако, упускать из виду того обстоятельства, что даже в зоне стран с исходным «землесберегающим» ТСП проблема экономии труда может заключать в себе существенно разные функциональные аспекты. Например, в Японии, где внесельскохозяйственные секторы экономики стремительно «вытаскивают» рабочую силу из сферы сельского хозяйства, многократно удорожая земледельческий труд, достижение прогресса в экономии сельскохозяйственного труда является в высшей степени актуальной задачей потому, что издержки производства в агросфере страны до сих пор остаются чрезмерно большими по сравнению с теми, которые диктуются требованиями мирового рынка (подробнее см. главу I, §2, «Япония»).

Напротив, для таких стран, как Индия или Узбекистан, с их огромными избыточными трудовыми ресурсами и дешевым трудом в агросфере, фактор трудосбережения как условие развития конкурентоспособной экономики на основе общемировых стандартов (каковые предполагают, помимо прочего, повышение оплаты труда), как бы актуален он ни был в обстановке интеграции («глобализации») народного хозяйства этих стран в мировую экономику, может быть успешно реализован лишь параллельно с решением острейшей социальной задачи — обеспечения производительной занятости для больших кон-

тингентов населения, проживающих за «чертой бедности», то есть на основе развития новых форм общественного разделения труда (в том числе — новых экономических типов производств), соответствующих требованиям данной специфической задачи. Добавим к этому: тенью технологического прогресса в его повышательной фазе оставалась в таких странах *чрезмерно высокая (к тому же — возрастающая) ресурсоемкость производства в сельском хозяйстве*.

В странах с исходным «трудосберегающим» ТСП в ходе повышательной волны второго «большого цикла» XX в. сформировались качественно новые механизмы *экономии труда и материальных ресурсов производства* (а также реализации потенциала продуктивности). В экономически наиболее развитых странах высокоточные *наукоемкие* технологии заняли место основного движителя сельскохозяйственного роста. Подлинный прорыв к новому качеству ТСП на повышательной волне цикла осуществили США, ставшие одним из лидеров технологических преобразований в странах зоны «трудосберегающего» ТСП. По меньшей мере, применительно к этой стране речь может идти о начавшемся становлении в ее сельском хозяйстве *системно–автоматизированного ресурсосберегающего технологического способа производства*[7], этой «высшей стадии» в эволюции исходного «трудосберегающего» ТСП; той стадии, при которой динамика технологической эффективности хозяйства смещается к режиму экспоненциального роста. К США «подтягиваются» и другие технологические лидеры. В Нидерландах, например, выход продукта в свиноводстве на час трудовых затрат увеличился за 1960–1983 гг. с 5,2 кг до 44,0 кг, а в Японии за то же время — с 1,2 кг до всего лишь 11,9 кг[8].

К группе стран рассматриваемого типа относится, как отмечалось, и Россия. По масштабам технологических преобразований последняя ко времени затухания повышательной волны цикла занимала место во «втором эшелоне» стран данной группы: она еще далеко не завершила индустриальные преобразования в своем сельском хозяйстве (подробнее см. главу I, §3, «Россия»). Более того, к концу периода данной фазы обнаружилось все большее отставание России даже по ПТ–фактору (не говоря уже о факторе ресурсосбережения) от уходящих вперед стран-лидеров технологического прогресса в агросфере (эту проблему мы подробно рассмотрим в §5 настоящей главы), хотя обнаружившаяся в 80-х годах понижательная волна цикла могла за-

---

[7] Подробнее о понятии «системно–автоматизированный технологический способ производства» см.: Научно–технический прогресс и материальное производство при социализме. [В.Г. Марахов, И.Ф. Кефели и др.]. Л., 1986, с. 7, 14, 15, 17 и др.

[8] См.: *Meer, C.L.J. van der., Yamada S.* Productivity and Income in Intensive Livestock Raising in Japan and the Netherlands in 1983/84. University of Groningen, 1989, c. 36.

медлить (или — законсервировать) скорость прогрессивных технологических изменений в их сельском хозяйстве.

В целом агросфера России второй половины XX века ярко продемонстрировала закономерность циклически–волнового развития: *не может бестоварная (псевдотоварная) экономическая система, где существеннейшей детерминантой экономического роста выступает кратократия, вызвать из самой себя такие импульсы к технологическим преобразованиям, которые оказываются возможными в экономической системе рыночного типа*.

Общемировой опыт волнового развития хозяйства агросферы в XX веке вполне надежно подтверждает наблюдение Н.Д. Кондратьева, выделившего в качестве «третьей эмпирической правильности» динамики «больших циклов» факт, что «*понижательные волны этих циклов сопровождаются депрессией сельского хозяйства*»[9]. При этом возникающие в периоды таких депрессий макрохозяйственные диспропорции зачастую проявляются в обострении продовольственной проблемы. Большую нехватку риса (до 20% от общей величины внутреннего производства) мы наблюдаем в Японии 30–40-х годов; СССР впервые импортировал зерно из-за рубежа для возмещения недостатка в его внутреннем потреблении во второй трети 60-х годов, в чем проявился «запоздалый» — с лагом в десять лет — эффект понижательной фазы предыдущего «большого цикла», обозначившей глубокую депрессию сельского хозяйства страны; в Индии в середине 60-х годов разразился последний в ее истории массовый голод, вызванный неблагоприятными природными условиями при использовании в сельском хозяйстве изживших себя технологий.

И, напротив, именно на повышательной волне цикла возникают средства для устранения последствий подобных макрохозяйственных диспропорций. Япония уже к началу 60-х годов полностью обеспечивала свои потребности в рисе (хотя даже к концу периода повышательной фазы так и не смогла добиться удовлетворения своих нужд в кормовом зерне и пшенице за счет национального производства). Индия добилась зернового самообеспечения в начале 80-х годов (хотя и при скудных нормах среднедушевого потребления).

По-видимому, меньших результатов на этом пути смогли добиться Россия и Узбекистан в бытность этих стран в составе СССР. То обстоятельство, что к концу 80-х годов (то есть по завершении повышательной фазы второго «большого цикла» XX в.) примерно треть(!) фонда товарного зерна формировалась в СССР за счет импортных по-

[9] *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры, в: *Кондратьев Н.Д.* Избранные сочинения. М.: «Экономика», 1993, с.56.

ставок[10], убедительно доказывает, что кризис «социалистической системы» сельского хозяйства оказался настолько глубоким, что активность хозяйственной деятельности на повышательной волне цикла была уже не в состоянии переломить кризисную ситуацию. Особенно быстро продовольственный комплекс шел под откос в Узбекистане. Так, если в середине 20-х годов зерновой импорт покрывал здесь примерно 25% всех потребностей местного населения в зерне, то к началу 90-х годов импортная доля в балансе зернового потребления в Республике возросла до 70%[11]. Одной из очевидных причин этого провала была чрезмерная монокультурная специализация земледелия Республики, ориентированная на обеспечение, невзирая ни на какие издержки, «хлопковой независимости» СССР. По словам бывшего Первого секретаря ЦК бывшей КП Узбекистана Р.Н. Нишанова, «мы считали и считаем хлопководство не «бременем», а воистину(!) и своей национальной гордостью, и своим интернациональным долгом» [12].

Лишь в период независимости, с начала 90-х годов, Узбекистан приступил к созданию отраслевой структуры своего сельского хозяйства, соответствующей интересам национального экономического развития, сокращая, помимо прочего, производство хлопчатника и увеличивая производство зерновых, при этом — при существенном росте их урожайности (см. табл. СП-1А).

С середины 80-х – начала 90-х годов (а в ряде случаев — и ранее) во всех рассматриваемых странах (кроме, возможно, «запаздывающей» Индии), практически по всем отраслям хозяйства *отчетливо просматривается формирование понижательной фазы второго «большого цикла»* с ее консервирующей результаты предшествующей повышательной волны потенцией. Эти же явления фиксируются и исторической динамикой показателей производительности труда, рассмотренной нами ранее (см. рис. V-14 под индексом «а» и «в»). В контексте происходящих в сегодняшнем мире социально–экономических и политических процессов эта понижательная фаза по странам обусловливается различными причинами (или, если сказать точнее, в рамках всего спектра обстоятельств, вызывающих фазу спада, роль основного депрессора исторически выпадает на особую их группу).

В странах с рыночной экономикой определяющее влияние на формирование понижательной фазы в агросфере оказывал к концу XX

---

[10] Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с.653 и др.

[11] Подробнее см.: *Растянников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века, с. 39,99.

[12] Цит. по: *Известия*. 21.04.1988.

века факт нараставшего исчерпания мощи технологического ресурса положительного роста. Производство в сельском хозяйстве в такие периоды остро нуждается в новых сортах культур (активные работы по их выведению уже длительное время ведутся, как отмечалось, например, в Индии, Японии), в разработке новых технологических процессов (в частности, «пакетных» технологий), в адаптационной инфраструктуре, способствующей их массовому распространению. И такое накопление нового ресурса роста, как известно из мировой практики, активно происходит практически повсеместно в циклически развивающемся хозяйстве агросферы.

В частности, набирает силу и уже начинает все больше раскрывать себя в сельскохозяйственной практике потенциал ресурса, в создании которого научный фактор занимает качественно новое (по сравнению с реалиями повышательной фазы текущего цикла) место; речь идет в первую очередь о таких его составляющих, как генетика и разрабатываемые на основе ее прогресса биотехнологии. Лидирующая роль в освоении достижений этой «второй (информационной) волны» НТР в сельском хозяйстве пока принадлежит преимущественно группе развитых стран с рыночной экономикой. Заметное продвижение по этому пути демонстрируют и некоторые развивающиеся страны с рыночной экономикой, например, Индия[38a].

Напротив, в странах, характеризовавшихся многодесятилетним господством бестоварной (псевдотоварной) экономики, таких, как Россия, Узбекистан и Казахстан, в которых только с 90-х годов стали формироваться условия *для естественного типа экономического роста* в агросфере, характер и интенсивность понижательной фазы циклической волны, в значительной степени обусловливались последствиями того структурного кризиса, который развился к концу «социалистической эпохи» (и особенно остро стал проявляться в 80-х годах) под влиянием экономических деформаций, порожденных советской кратократией как *агентом производственных отношений*. В результате тот значительный технологический потенциал, который был создан в сельском хозяйстве этих стран до распада СССР, так и не был до конца реализован, но он и не мог быть реализован в условиях «реального социализма»[13]. Иначе говоря, понижательная волна второго

[38a] См., например: *Swaminathan M.S*. Genetic Diversity and the Indian Seed Industry. New Delhi: Rajiv Gandi Foundation, 1994 (Paper №4).

[13] В хозяйстве агросферы России, например, «первые ласточки» надвигавшейся понижательной фазы второго «большого цикла» появились еще в середине 70-х годов, когда, помимо прочего, активность роста по ПТ–фактору стала, как было показано ранее, все более отставать от таковой в сельском хозяйстве США (см. рис. V-14 под индексом «а» и «в»). (Подробнее см. §5 настоящей главы.)

«большого цикла» наступила в России, Узбекистане и Казахстане *раньше*, чем это диктовалось обстоятельствами технологического порядка. В этом и заключается *фундаментальное качество*, имманентное циклически–волновому развитию бестоварной (псевдотоварной) аграрной экономики: *фактор производственных отношений* (выступающих в форме отношений *кратократии* — «власти власти» и производителя) *как депрессор циклической активности получает «приоритет» во временных рамках цикла по отношению к фактору «технологической недостаточности»* (см. также §5 настоящей главы).

Интенсивность понижательной фазы второго «большого цикла» катализировалась и специфическими трудностями перехода бестоварной экономики к рыночному хозяйству. Из всего многообразия факторов, оказывающих негативное влияние на процесс экономического роста на постсоветском пространстве, хотелось бы обратить внимание на следующие два.

Во-первых, на дезорганизацию хозяйственных форм, связанную в первую очередь со слабоэффективными попытками преобразования системы общественного хозяйства (подробнее см. §5 главы III); в результате возникла ситуация, когда, если несколько перефразировать слова К. Маркса, село потеряло старый мир и не обрело нового. Во-вторых, в пореформенную эпоху как в России, так и в Узбекистане и Казахстане стала стремительно уменьшаться роль научно–технического комплекса в общественном воспроизводстве (об этом весьма ярко свидетельствуют показатели динамики стоимости научно–технических работ, выполненных в этих странах в 1990–1999 годах, (*в % к ВВП*)[14]:

	1990	*1991*	*1992*	*1993*	*1994*	*1995*	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*
Россия	*3,0*	*1,9*	*0,9*	*0,9*	*1,0*	*0,8*	*1,0*	*1,1*	*1,1*	*1,2*
Узбекистан[1]	*0,9*	*1,0*	*0,9*	*0,6*	*0,8*	*0,4*	*0,4*	*0,3*	*н. св.*	*н. св.*
Казахстан	*0,7*	*0,6*	*0,3*	*0,4*	*0,3*	*0,3*	*0,4*	*0,2*	*0,2*	*0,2*

[1] По Узбекистану приводится показатель доли ВВП, приходящейся на «науку и научное обслуживание».

[14] Содружество независимых государств в 1996 г. Статистический ежегодник. М., 1997, с. 284, 422, 511. Содружество независимых государств в 1999 г., с. 310, 458, 545.

И это — один из наиболее разочаровывающих результатов деформаций переходного периода в странах, возникших на территории бывшего СССР.

Как показывают приведенные графические рисунки, на многих из них в пределах временных отрезков, относящихся к 90-м годам XX века, фиксируется становление положительной волновой динамики. Временная синхронность появления по странам положительных значений исследуемых волн, возможно, свидетельствует о замаячившем на горизонте исторического времени новом «большом цикле» — *первом «большом цикле» XXI века*[15].

При всей важности выдающегося открытия Н.Д. Кондратьева, обосновавшего теорию «больших циклов конъюнктуры», нужно упомянуть об одной неточности в ее выводах (эта неточность, очевидно, вынужденная, — от слишком короткого времени, отведенного Историей великому ученому для оценки масштабности своей теории, до его гибели от репрессий сталинского режима). По заключению Н.Д. Кондратьева, «мы исследовали проявление больших циклов на данных капиталистической системы хозяйства. И у нас нет данных (по состоянию на середину 20-х годов. — *Авт.*) утверждать, что циклические колебания того же характера свойственны некапиталистической системе хозяйства»[16]. Мы, наблюдатели начала XXI века, вновь и вновь убеждаемся в том, что циклические колебания в рамках волн «больших циклов» столь же ярко, хотя нередко в глубоко деформированном виде, проявляли себя и в динамике одной из «некапиталистических» — «социалистической» системы хозяйства, свидетельствуя об *общемировой значимости, универсальности* теории «больших циклов» Н.Д. Кондратьева как инструмента познания социально–экономического процесса в его долгосрочной исторической перспективе.

---

[15] Не будем, конечно, «себя надеждой льстить», в полной мере оценить положительный зигзаг «длинной волны», охватывающий 90-ые годы, представляется преждевременным, в силу ограниченности как временного периода наблюдаемого явления, так и необходимого для его исследования документального (статистического) материала, накопленного к настоящему времени.

[16] *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры, с.69.

5. *Макроэкономические результаты второго «большого цикла» в хозяйстве агросферы (продолжение). Соревновательная динамика аграрных секторов США и СССР/России: итоги к началу XXI века*

Сделанные в предыдущем разделе заключения, возможно, полезно было бы подкрепить, насколько это позволяют статистические данные, выводами, вытекающими из сравнительного анализа одних и тех же параметров динамики сельскохозяйственного роста в рыночной экономике, с одной стороны, и во внерыночном хозяйстве — с другой. Такой анализ представляет тем больший интерес, что, как известно, одним из излюбленных источников идеологических манипуляций у коммунистических «инженеров человеческих душ» на протяжении многих десятилетий, еще со времен статистических «опытов» Сталина и унаследовавшего его «соревновательный» «порыв» Н.С. Хрущева, было сопоставление производственных достижений народных хозяйств стран «мира социализма», вначале — только СССР, и стран «мира капитализма», в первую очередь их «эталонной» страны — США, включая достижения этих стран на ниве сельскохозяйственного роста.

Для такого рода сравнений использовался широкий арсенал статистических данных и методов, практиковавшихся ЦСУ СССР. В том, что касалось сельского хозяйства, соревновательный слоган — «догнать и перегнать Америку» (т.е. США) — касался как объема, так и эффективности производства сельскохозяйственной продукции, что, естественно, находило широкое отражение в статистических изданиях того времени.

Напомним, что слоган соревновательной «гонки» «догнать и перегнать» как мощный таран идеологического воздействия на широкие народные массы был выдвинут кратократией еще в 1930 г., на XVI съезде ВКП(б), который открыл путь для последующего коммунистического мифотворчества в области международных экономических сопоставлений. Этот постулат, «символ веры», формулировался большевиками следующим образом: «*на основе коллективизации, развития машинно-тракторных станций и организации совхозов партия сможет начать осуществлять лозунг "догнать и перегнать" капиталистические страны мира не только в отношении промышленности*, где преимущества крупного хозяйства уже давно вскрылись с огромной силой, *но и в области сельского хозяйства*…»[17].

[17] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч.II. М., 1953, с. 598.

Поэтому анализ *реального* хода процесса соревнования в его долговременной ретроспективе позволил бы высветить в новом ракурсе — в контексте соревнования «мира социализма» с «миром капитализма» — важнейшие исторические этапы экономической динамики в бывшем СССР (в данном случае — в его аграрном секторе), оценить на фоне высших мировых достижений сельскохозяйственного роста в постиндустриальную эпоху тот путь, который проходит агросфера современной России. Помимо прочего, особый интерес для нас представляет также историческое время перелома, когда соревновательный потенциал агросферы СССР был полностью исчерпан, а мираж поставленной цели стал все быстрее отодвигаться в Историю, предположительно долженствующую быть в будущем. Или, если сказать другими словами, речь идет о том историческом этапе (довольно длительном по своей временной протяженности), на котором траектории сельскохозяйственной динамики СССР (России) и США стали радикально (при том — во все более усиливавшемся темпе) расходиться.

В качестве показателей, позволяющих провести сравнения соревновательной динамики обеих стран, мы использовали имевшиеся в нашем распоряжении данные о производстве валовой сельскохозяйственной продукции (*farm output*) на гектар уборочной (США) и посевной (СССР/Россия) площади, исчисленные в постоянных ценах 1972 г. (для США) и в сопоставимых ценах 1965 г. (для СССР/России). (В дальнейшем мы будем обозначать этот параметр аббревиатурой ВП/га.) Примечателен данный показатель, помимо прочего, тем, что он отражает соотношения всех отраслевых производств (как растениеводства, так и животноводства), существующих в сельском хозяйстве в тот или иной исторический период. В этом смысле данный показатель — универсальный индикатор процесса сельскохозяйственного роста, в нем учитывается вся гамма количественных (стоимостных) различий между объемами производства отдельных отраслей сельского хозяйства. Нам удалось составить сплошной ряд значений данного показателя для СССР/России с 1920 г. по 2000 г., а для США — с 1944 г. по 1999 г. За предыдущие периоды мы располагали набором данных за отдельные годы или пятилетние периоды (см. табл. СП-3).

Модель сельскохозяйственного роста в США представляет собой, как мы упоминали неоднократно ранее, классический («эталонный») тип экономической динамики в условиях рыночного хозяйства. От него мы и будем отталкиваться в своих оценках. Для США свойственна четко выраженная *двухфазовая* модель сельскохозяйственного роста (не путать с фазами циклической волны, исследованной Н.Д. Кондратьевым!).

Таблица V-3

США, Россия/СССР/Россия: сравнительная динамика изменений стоимости валовой сельскохозяйственной продукции на гектар, 1880–2000 гг. *

США[1] (цены 1972 г.)		СССР/Россия [1] (цены 1965 г.)	
Период / год	Валовая продукция на гектар уборочной площади, *ам. долл.*	Период / год	Валовая продукция на гектар посевной площади, *руб.*
1880	216		
1890	197	1909–1913	227
1900	201	1913	231
1910–1914	200	1917	214
1920	195	1920-1921	159
1920–1924	203	1922–1924	217
1925	224	1925–1929	259
1929	220	1930	223
1930–1934	218	1931–1935	203
1935	220		
1939	282	1936–1940	227
1940–1944	283	1941–1945	191
1945–1949	280	1946–1950	272
1950	317		
1950–1954	331	1951–1955	254
1955–1959	381	1956–1960	299
1960–1964	452	1961–1965	300
1965–1969	496	1966–1970	361
1970–1974	532	1971–1975	379
1975–1979	512	1976–1980	385
1980–1984	532	1981–1985	377
1985–1989	623	1986–1990	370
1990–1994	679	1991–1995	334
1995–1999	731	1996–2000	341
		2000	382

* *Составлено по:* Табл. СП-3.

[1] Включая косвенные налоги (США). За вычетом субсидий (СССР/Россия) (1960–2000 гг.). (Об исчислении валового сельскохозяйственного продукта в обеих странах подробнее см. гл. III.)

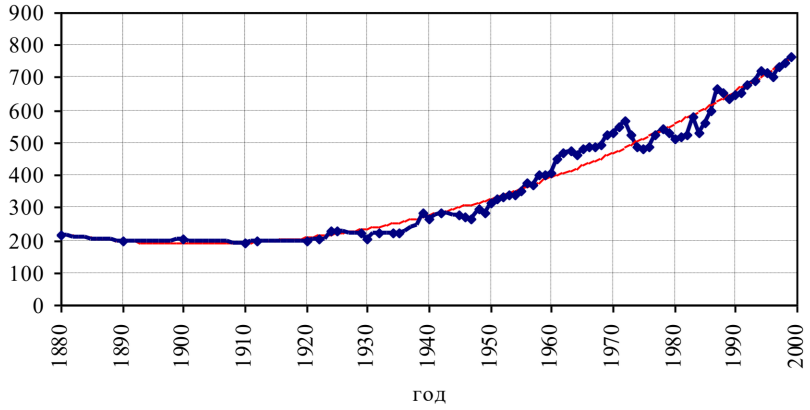
Как свидетельствует статистический ряд значений показателя ВП/га (см. табл. V-3, и более подробно — табл. СП-3), на протяжении, по меньшей мере, 55 лет (1880–1935 гг.) сельскохозяйственная динамика в США характеризовалась поразительно малой амплитудой ко-

лебаний в том, что касалось объема производства на единицу площади, изменения последнего происходили в рамках, определяемых параметрами «плато» (см. рис. V-23).

Действительно, дисперсия отклонений значений ВП/га от среднего значения за эти 55 лет составляла лишь 5,5%, при разбросе абсолютных величин ВП/га в пределах 195–224 долларов США (обладавших, напомним, одной и той же покупательной силой — 1972 г.). В этот период сельское хозяйство, пребывавшее еще на стадии мануфактуры, носило *исключительно* экстенсивный характер. При этом за рассматриваемый более чем полувековой период валовая продукция, производившаяся в сельском хозяйстве США, увеличилась вдвое, при, напомним, одних и тех же абсолютных значениях эффективности гектара (см. табл. СП-3).

Рис. V-23

США: валовая сельскохозяйственная продукция на гектар уборочной площади
(долл. США, цены 1972 г.)



Период 1935—начала 40-х годов можно рассматривать как переходный этап, при котором два различных по происхождению фактора влияния на сельскохозяйственный рост действовали в унисон, дополняя друг друга. На этом этапе слились воедино влияние компенсационного роста (рубеж 30–40-х годов), возмещавшего потери сельского хозяйства в период мирового экономического кризиса 1929–1934 годов, и влияние высокой конъюнктуры военных лет; оба эти фактора и обеспечили скачкообразный прирост в показателе производства валовой продукции на рубеже 30–40-х годов.

В период 40-х годов сельскохозяйственная динамика в США вновь характеризуется параметрами «плато» (см. табл. V-3). Но именно в этот период, особенно со второй половины десятилетия, началось радикальное технологическое перевооружение сельского хозяйства США на всем занимаемом им пространстве (подробнее см. гл.I, §3, «США»). В сельском хозяйстве была заложена мощная база для скачка в мир индустриальных производительных сил (первая волна индустриализации — «грубой»), каковой скачок означал не только широкомасштабный перевод аграрного сектора на использование механических орудий труда (механизация), но и начавшееся массированное применение средств, воздействующих на продуктивность сельского хозяйства. Оба потока индустриальных трансформаций охватили и последующие периоды: механизация особенно активно развивалась в первой половине 50-х годов, а положительная динамика фактора продуктивности, более плавная, особенно значительные плоды стала приносить в 60-х годах[18].

Результатом первой волны сельскохозяйственной индустриализации было резкое (скачкообразное) ускорение сельскохозяйственного роста, которое проявилось, в частности, в массивных приростах валовой сельскохозяйственной продукции. В течение полутора усредненных десятилетий (первая половина 50-х — вторая половина 60-х годов) показатель ВП/га увеличился почти на 50% (см. табл. V-3, а также рис. V-23).

Последовавший за всплеском роста 50–60-х годов период характеризовался признаками застоя: процесс сельскохозяйственного роста аграрной экономики США в очередной раз вышел на ступень «плато», которая, оцениваемая масштабами длительности исторического времени, охватывала период около десяти лет (1970–рубеж 70–80-х годов). В этот период, как мы упоминали ранее (см. гл. I, §3, «США»), осуществлялось новое технологическое перевооружение аграрного сектора США, стимулируемое энергетическим кризисом, революциями цен 70-х годов и общемировым экономическим кризисом начала 80-х годов.

Вторая индустриальная волна роста, в противоположность первой, основывавшейся на «грубых» индустриальных средствах труда, базировалась на экспансии наукоемких (в частности ресурсосбере-

---

[18] Отметим, в частности, что за 1940–1950 гг. использование минеральных удобрений в сельском хозяйстве США возросло с 8,6 млн.т (в действующем веществе) до 18,3 млн.т, а к 1970 г. — до 39,6 млн.т (Statistical Abstract of the United States 1965. Wash.: US Bureau of the Census, 1965, с.629; do.do. 1977, с. 683. Динамику данного показателя в расчете на гектар см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 210).

гающих) сельскохозяйственных технологий. Эта волна обеспечила новый бурный взлет в динамике экономического роста в агросфере. За период 1980-84—1995-99 гг.[19] прирост ВП/га составил 37,4% (см. табл. V-3). Отметим, однако, одну характерную особенность обоих индустриальных всплесков сельскохозяйственного роста. В последние пятилетия этих спуртовых периодов темп прироста ВП/га неизменно сокращался, что свидетельствовало о появлении признаков перехода хозяйства агросферы на ступень «плато».

Так, в последнем усредненном пятилетии первого периода (1960-64—1965-69 гг.) совокупный прирост ВП/га составлял 13,3% по отношению к начальной точке спурта первой индустриальной волны роста (1950-54 гг.) (против соответственно 15,1% и 21,4% во втором и третьем пятилетиях данного периода). А в последнем усредненном пятилетии второй индустриальной волны роста (1990-94—1995-99 гг.) — 9,8% по отношению к начальной точке спурта этой волны (1980-84 гг.) (против соответственно 17,1% и 10,5% во втором и третьем пятилетиях этого периода; см. табл. V-3).

Таким образом, для «ступенчатой» двухфазовой динамики сельскохозяйственного роста в США характерны:

а) фаза «плато», в течение которой осуществляется накопление технологического ресурса для скачка в процессе сельскохозяйственного роста (в собственно индустриальный период роста она становится существенно короче по времени);

б) фаза спурта (взлета) в динамике роста, в период этой фазы реализуется накопленный ресурс роста, заложенный на предшествующей ступени «плато»;

в) выход на новую ступень «плато» (т.е. в фазу накопления нового ресурса роста, обновления технологий сельскохозяйственного производства).

Подчеркнем еще раз, что в США периоды взлета в динамике роста каждый раз основываются на радикально обновленных, качественно новых сельскохозяйственных технологиях, знаменующих *смену экономических стадий роста в аграрном секторе*.

Вся история сельскохозяйственного роста в США от последних десятилетий XIX в. до конца XX в. есть убедительное свидетельство этой, если сказать словами Н.Д. Кондратьева, «правильности» (см. §4). Исторически первая фаза спурта сельскохозяйственного роста в XX в. характеризовалась сменой мануфактурной стадии роста стадией индустриальной («грубая» индустриализация); была заложена и утвердилась новая система материальных производительных сил в сельском хозяйстве, хотя и неравномерно развитая по факторам воспроизводственного процесса (в частности, внедрение механизмов,

[19] Здесь и далее так обозначается период между усредненными пятилетними значениями за 1980–1985 гг. и 1995–1999 гг.

сберегающих труд, развивалось вначале более интенсивно, чем внедрение средств, обеспечивающих рост продуктивности хозяйства).

Вторая в XX в. фаза взлета в динамике сельскохозяйственного роста, начало которой относится к первой половине 80-х годов, была сопряжена с массированным освоением наукоемких, экономичных технологий; в этой фазе наиболее значительные достижения обозначились в сельскохозяйственной продуктивности.

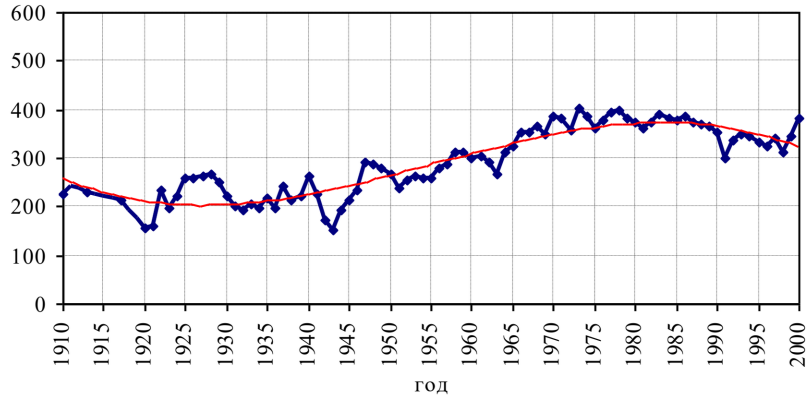
«Эталонная» сельскохозяйственная динамика в рыночном хозяйстве США со всеми ее взлетами и спадами, с метаморфозами экономических стадий роста, оцененная в долгосрочной временной ретроспективе, нашла достаточно точное отражение в историческом движении показателя ВП/га. Отметим также, что результаты анализа этой динамики (по изменениям ВП/га) вполне созвучны (а во многом — полностью соответствуют) результатам анализа тех исторических этапов сельскохозяйственного роста, которые были выявлены нами ранее, при характеристике (оценке) долговременных (по существу — вековых) изменений в эффективности сельскохозяйственной деятельности в США (см. гл.I, §3, «США»). И это обстоятельство, думается, подтверждает правомерность проведенного выделения исторических этапов сельскохозяйственного роста в США за XX столетие.

По России мы располагаем более коротким статистическим рядом значений показателя ВП/га (см. табл. V-3 и более подробно — табл. СП-3), но и он весьма впечатляющ. От американского аналога его динамику отличали «неправильность» смены фаз роста, что было вызвано, как мы отмечали ранее, действием факторов внеэкономического порядка. В силу масштабности исторических периодов, сопровождавшихся насильственным воздействием на аграрный сектор страны (это, как упоминалось, — три разрушительных войны, периоды революций и насилий эпохи «военного коммунизма», коллективизация) и заполнивших в общей сложности более 30 лет первой половины XX в., мануфактурная стадия бытия аграрного сектора затянулась в СССР/России надолго, охватив (вместе с этапом формирования «лоскутной» механизированной мануфактуры) период до начала 60-х годов (см. рис.V-24). Лишь в 60-х годах, особенно со второй их половины, аграрный сектор СССР/России вошел в фазу вялотекущих технологических трансформаций на базе внедрения в сельскохозяйственное воспроизводство индустриальных средств труда, обеспечивающих как экономию живого труда, так и рост продуктивности хозяйства.

Отметим при этом, что, как и аграрный сектор США, хозяйство агросферы России пережило свой период компенсационного роста, в ходе которого относительно полноценно был реализован — к концу 50-х — началу 60-х годов (всего через несколько лет после падения репрессивного режима Сталина) — потенциал мануфактурной стадии роста (что отразилось на значениях показателя ВП/га; см. табл. V-3), а это несомненно способствовало интенсификации — с середины 60-х годов — сельскохозяйственного роста на базе индустриальных технологий.

Рис. V-24

РОССИЯ/СССР/РОССИЯ: валовая сельскохозяйственная продукция (за вычетом сельскохозяйственных субсидий) на гектар посевной площади
(руб., цены 1965 г.)



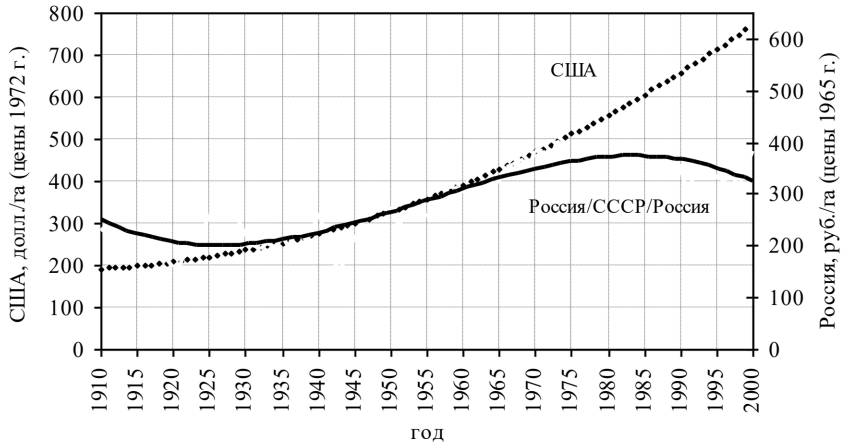
Процесс поступательного сельскохозяйственного роста, как можно судить по данным о динамике ВП/га (см. табл. V-3), продолжался — с замедлением — до середины 80-х годов, когда направление вектора сельскохозяйственной динамики изменилось кардинально — в сторону отрицательных значений (см. рис. V-24). Особенно интенсивно процесс деградации факторов сельскохозяйственного роста происходил в последнее десятилетие XX в., в период суверенного бытия России.

Таким образом, сравнительный анализ динамики ВП/га в обеих странах в XX в. показывает, что, хотя исходные условия экономического роста в аграрных секторах России и США были разные (особенно по ПТ-фактору) и несмотря на людские и материальные потери от трех войн и коллективизации, которые претерпела Россия в первой половине XX века, тренды сельскохозяйственного роста, в частности

с середины 30-х годов до середины 50-х, в обеих странах практически совпадали. Причем это совпадение на подавляющей части охваченных им временных отрезков трендов наблюдалось до начала второго «большого цикла» XX в. (см. табл. V-3, и рис. V-25).

Рис. V-25

США, РОССИЯ/СССР/РОССИЯ: тренды сельскохозяйственного роста по показателю производства валовой продукции на гектар



Парадоксально, но факт, отставание аграрного сектора России началось по показателю производства валовой продукции на гектар именно в период повышательной фазы этого цикла, в период, когда в аграрном секторе США *долговременный* темп сельскохозяйственного роста стал претерпевать процесс *ускорения*, входя в режим экспоненциальной динамики. Россия же, напротив, продемонстрировала в повышательную фазу цикла *замедление долговременного* темпа сельскохозяйственного роста. Перелом тренда в сторону отрицательных значений произошел в СССР в пору развертывания глубокого структурного аграрного кризиса. Это скольжение вниз, причем с возраставшей силой, продолжалось до конца XX в. (и, по-видимому, несколько затормозилось лишь на рубеже XX–XXI веков. Надолго ли?). И данное обстоятельство существенно ускорило расширение раствора «ножниц» страновых трендов в сельскохозяйственной динамике (см. рис.V-25).

Чтобы получить некоторое представление о глубине межстранового разрыва, образовавшегося к концу XX века, по показателям,

наиболее емко описывающим ход экономического соревнования в области сельского хозяйства, — ВП/га, ВП/занятый — приведем их абсолютные значения, выраженные в американских долларах, в постоянных ценах 1965 г. (для СССР/России) и 1972 г. (для США), с учетом паритета покупательной способности (ППС) валют, как последний сложился в СССР/России в 1965 г. (В этом году при обменном курсе рубля — 0,9 руб. за $1 отношение ППС/валютный курс было равно 1,159[20].) Для большей наглядности дополним эти показатели сведениями о численности занятых на единицу посевной (уборочной) площади. Предложенный набор данных позволяет сделать лишь весьма приблизительные сопоставления (в том, что касается стоимостных величин); они показывают нам следующую картину (см. табл. V-4).

Таблица V-4

Аграрные секторы США, СССР/России: итоги экономического соревнования, 1965–1999 гг.*

Год / Страна	США (цены 1972 г.)	СССР/Россия (цены 1965 г.)	Во сколько раз в США больше (+), меньше (–), чем в СССР/России
	ВП/га *(ам.долл., с учетом ППС валют)*		
1965	483	310	(+) 1,56
1996–1999 (ср.)	735	318	(+) 2,31
Изменение, %	(+) *52,2*	(+) *2,6*	
	ВП/занятый *(ам.долл., с учетом ППС валют)*		
1965	10277	2480	(+) 4,14
1996–1999 (ср.)	28209	3419	(+) 8,25
Изменение, %	(+) *174,5*	(+) *37,9*	
	Численность занятых на 100 га[1] (*человек*)		
1965	4,7	12,5	(–) 2,66
1996–1999 (ср.)	2,6	9,3	(–) 3,58
Изменение, %	(–) *44,7*	(–) *25,6*	

* *Составлено по*: Таблица СП-3; Основные макроэкономические показатели стран СНГ. Статистический сборник. М., 2000, с. 103,108; Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966, с. 87; Народное хозяйство СССР в 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972, с. 283; Российский

[20] Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966, с. 87. Подробнее об использовании категории «паритет покупательной способности валют» см. гл. III, § 4.

статистический ежегодник 2001. М., 2001, с. 141; Changes in Farm Production and Efficiency. A Summary Report 1970. Statistical Bulletin No.233. Wash.: US Department of Agriculture, 1970, с. 16; Statistical Abstract of the United States 1997. Wash.: US Bureau of the Census, 1997, с. 415; do.do. 1998, с.421; do.do. 1999, с. 428; do.do. 2001, с. 384 (см.: www.census.gov).

[1] Для США — уборочная площадь; для СССР/России — посевная площадь.

Приведенные данные вряд ли нуждаются в специальных комментариях. Отметим, однако, что с переходом аграрного сектора СССР/России к индустриальной интенсификации (середина 60-х годов) страна увеличила прирост валовой сельскохозяйственной продукции на гектар за тридцать с лишним лет — к концу XX века менее, чем на 3% и лишь несколько более, чем на 1/3 увеличила производительность труда в сельском хозяйстве. Таковы были главные итоги сельскохозяйственной индустриализации в СССР/России.

Увы, не СССР/Россия, вернувшаяся в результате более, чем полувекового соревнования «на круги своя» по масштабам производства валовой сельскохозяйственной продукции на единицу площади, а по уровню производительности труда отставшая от США более, чем в восемь раз (против четырех раз в исходный — середина 60-х годов — период), — а именно этот рыночный монстр мог воскликнуть на рубеже XXI века – «Вот оно, солнце Аустерлица!».

Впрочем, одно замечание сделать необходимо. В приведенной таблице (V-4) параметры аграрного сектора исторической России (бывш. СССР) сопоставляются с параметрами аграрного сектора современной России, территория которой, раньше образовывавшая РСФСР, составляла лишь одну, хотя и самую крупную, часть большой страны; при этом параметры аграрных секторов обеих стран сравниваются с соответствующими параметрами третьей страны (США). Эти сопоставления — вполне правомерны и корректны в том смысле, что здесь речь идет о межстрановых сравнениях, при этом объектом этих сравнений являются изменяющиеся в своих границах суверенные государства, одни и те же параметры экономических систем которых поддаются точным (статистическим) измерениям применительно к сравниваемым периодам исторического времени.

Тем не менее сравнение одних и тех же параметров, относящихся к современной России, с одной стороны, и к той части большой (исторической) России, из которой современная Россия была образо-

вана (РСФСР) — с другой, может также представлять научный интерес. Поэтому мы приводим эти данные отдельно (см. табл. V-5). Отметим, однако, что, так как 1965 год, выбранный (поскольку позволяли данные) в качестве исходной «точки отсчета» для сравнений, относился к числу самых неурожайных лет в течение всего десятилетия 60-х (при том, что неурожай с наибольшей силой поразил именно территории бывш. РСФСР), мы приводим для получения более точной картины усредненные данные по ВП/га также за период 1966–1969 гг., сопоставляя их с аналогичными данными за 1996–1999 гг.

Таблица V-5

Аграрный сектор РСФСР/России: изменения некоторых основных показателей роста, 1965–1999 гг.*

(*ам. долл., цены 1965 г., с учетом ППС валют*)

Год	ВП/га	Во сколько раз в США больше (+), меньше (–), чем в РСФСР, России
1965 г.	257	(+) 1,88
1966–1969 гг.	282	(+) 1,71
1996–1999 гг.	318	(+) 2,31
Изменение, %	(+) *23,7* (*12,8%*)[1]	
	ВП/занятый	
1965 г.	2542	(+) 4,04
1996–1999 гг.	3419	(+) 8,25
Изменение, %	(+) *34,5*	
	Численность занятых на 100 га (*человек*)	
1965 г.	10,1	(–) 2,15
1996–1999 гг.	9,3	(–) 3,58
Изменение, %	(–) *7,9*	

* *Составлено по*: Таблица V-4; Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966, с. 261,290; Народное хозяйство СССР в 1967 г. Статистический ежегодник. М., 1968, с. 492; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с. 12, 13, 135; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995, с. 11; Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1968, с.42; Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 71,76.

[1] Изменение по отношению к 1966–1969 гг.

Бывшая РСФСР в сравниваемый период отличалась *меньшими* масштабами производства валовой сельскохозяйственной продукции *на единицу площади*, с середины 60-х годов значение показателя ВП/га устойчиво со-

ставляло примерно 80% от общесоюзного уровня. Но вместе с тем эта бывшая советская республика характеризовалась более *высоким уровнем* механизации сельского хозяйства и, соответственно, *большим* объемом производства валовой сельскохозяйственной продукции *на одного занятого* и меньшим числом занятых на единицу площади. (В рамках бывшей исторической России хозяйство аграрного сектора, занимавшее территорию бывш. РСФСР, в существенно большей степени и более ярко воплощало тенденции «трудосберегающего» технологического способа производства.)

Очевидно, что различия, выявленные данными табл. V-5, не нарушают картины соревновательной динамики, показанной выше; эти данные скорее уточняют последнюю, позволяя перевести сопоставление межстрановых траекторий сельскохозяйственного роста в плоскость сравнений влияния на него *одного и того же* — «трудосберегающего» — технологического способа производства в «чистом» виде.

Фактически историческое соревнование двух систем в области сельскохозяйственного развития Советский Союз стал проигрывать в тот именно период — на рубеже 50–60-х годов, — когда лозунг «догнать и перегнать Америку» все больше обретал черты центрального пункта экономической политики государства в сельском хозяйстве[21], тот самый лозунг, который оказался мертворожденным с самого момента его провозглашения.

[21] Вспомним в связи с этим кукурузное прожектерство правящей элиты, погубившее поля России в бытность Н.С. Хрущева «первым лицом» советского государства. Еще сохранились от тех достопамятных времен как исторические реликты эпохи предметы «изобразительного искусства» — плакаты и др., призванные побуждать сельских тружеников устанавливать рекорды по части выращивания кукурузы (причем в малоприспособленных для нее климатических зонах), такого, например, содержания: «Товарищи колохозники! Получим по 300 ц зеленой массы [куку]рузы с 1 гектара. [Это даст] нам 570 тонн силоса. [Обес]печим 114 коров по 5 тонн на каждую». (Фрагмент забора на огороде бывшего колхозника; дом №18, деревня Задубье, Осташковский район, Тверская область. Август 2003 г.)

Глава VI

ПЕРВЫЙ «БОЛЬШОЙ ЦИКЛ» XX ВЕКА В АГРОСФЕРЕ

1. *Кратко об особенностях первого «большого цикла» и методике его исследования*

Первый «большой цикл» XX века охватывает период, с «аномальными» отклонениями, от конца XIX века до рубежа 40–50-х годов XX века. Он отличается от последующего (второго в XX веке) «большого цикла», универсально проявляющегося по странам, рядом особенностей. В истории мирового хозяйства это был период, когда циклически–волновая активность в форме «кондратьевских волн» в хозяйстве агросферы еще только складывалась; циклические общенациональные и отраслевые изменения характеризовались значительной разновременностью фаз подъема и — в меньшей степени — фаз спада.

Время, от которого начиналось движение повышательной фазы «большого цикла» в аграрных секторах колоний и зависимых стран существенно *запаздывало* по сравнению со временем, от которого вела отсчет аналогичная циклическая фаза в агросфере стран–метрополий. Такая разновременность, конечно, не отменяла закономерности циклически–волновой динамики в рамках «большого цикла», а, напротив, помогала объяснить существенные черты самого «большого цикла» как явления мирового порядка, охватывавшего период конца XIX— первой половины XX веков.

Мы наблюдаем также, что в период первого «большого цикла» даже в пределах одной и той же страны — это ясно видно при сравнении изменений в циклической динамике отдельных отраслей агросферы США — начальные фазы «большого цикла», свойственные различным сельскохозяйственным отраслям, также значительно дистанцируются одна от другой на временной оси.

Такие временные разрывы в пределах одного и того же явления — первого мирового «большого цикла» XX столетия — объясняются двумя группами причин.

Во-первых, технологический прогресс разновременно охватывал различные группы стран–игроков на мировой сельскохозяйствен-

ной авансцене. Это неизбежно позволяло странам, концентрировавшим научно–технический потенциал, это зародышевое подобие будущих систем НИОКР, вырываться вперед, и лишь затем к ним подтягивались другие страны (об этом мы подробно расскажем ниже). Естественно, что на освоение достижений технологического прогресса той ступени, которой достигли страны–метрополии, колониям и зависимым странам требовалось времени существенно больше — и вследствие, как правило, отсутствия у них собственной научно–технической базы роста, и вследствие необходимости прибегать к технологическому трансферту, на адаптацию результатов которого к социальным и природным условиям странам–реципиентам был нужен порою весьма протяженный период времени. (Как увидим ниже, такой временной лаг мог охватывать до двух десятилетий.) К тому же технологические усовершенствования внедрялись нередко в пласты еще по существу традиционной экономики.

Во-вторых, особенность сельскохозяйственной динамики той эпохи состояла в том, что рыночные детерминанты, активно влиявшие на сам технологический прогресс (точнее — на относительно массовое освоение его результатов, касавшихся хозяйства агросферы), действовали в высшей степени разновременно по различным отраслям, разновременно втягивавшимся в систему мирового рынка. Хлопковое хозяйство США нашло свою нишу на мировом рынке намного раньше, чем зерновое хозяйство, еще задолго до гражданской войны 60-х годов XIX века, в то время как зерновое хозяйство вышло на мировой рынок как активный его «игрок» лишь в последней трети XIX века. И это обстоятельство неизбежно должно было предопределить более раннюю временную «площадку» повышательной фазы в хлопковом хозяйстве, по сравнению с таковой в зерновом хозяйстве (особенно ярко отставание циклических фаз в последнем проявилось в кукурузопроизводящей отрасли сельского хозяйства США, что мы подробнее рассмотрим ниже).

На это обстоятельство особенно важно обратить внимание потому, что в странах, составивших «Центр» мировой капиталистической системы, национальная динамика рыночных условий, получавшая мощные импульсы со стороны мирового рынка, сильнейшим образом воздействовала на динамику отраслевого технологического прогресса.

Безусловно, при оценке циклически–волновой динамики хозяйства агросферы нужно учитывать степень зрелости экономической структуры общества, динамику производительных сил которого она отражает. В период пика повышательной фазы первого «большого цикла» XX века общество США уже пережило промышленный переворот и вступило в «рай» индустриальных отношений, не преобразо-

ванным на индустриальный лад остался только практически один крупный «анклав» — хозяйство агросферы (37% занятых в 1900–1909гг.). Постепенно продвигалась к переломному рубежу и Япония (53,6% занятых в сельском хозяйстве в 1920 г., в период экстремума повышательной фазы первого «большого цикла»). Но что касается других рассматриваемых нами стран, ситуация там была кардинально иная. В Индии в 1921 г. в сельском хозяйстве было занято 72,3% самодеятельного населения, а в России в 1926 г., на завершающем рубеже периода послереволюционного экономического «отката» (см. гл. I), — и вовсе 86,7%. Соответственно в промышленности было занято 11,2% самодеятельного населения — в Индии и 6,1% — в России[1].

В Узбекистане переписи населения конца XIX – первой половины XX столетия зафиксировали следующие изменения в соотношении городского и сельского населения[2]:

	1897 г.	*1913 г.*	*1926 г.*	*1939 г.*
Удельный вес населения, %				
городского	*18,8*	*24,5*	*22,2*	*23,1*
сельского	*81,2*	*75,5*	*77,8*	*76,9*

В этих странах индустриальный переворот в народном хозяйстве был еще впереди.

Упомянем об одном различии в подходе к исследованию первого и второго «больших циклов» XX века. Именно первый, а не второй, цикл позволяет отследить влияние рыночных цен на динамику цикла — либо непосредственно — через колебания цен, либо опосредствованно — через рыночный спрос на данный сельскохозяйственный продукт на мировом рынке, отражаемый в динамике его экспорта. Дело в том, что именно в период первого «большого цикла», как правило, цены, по которым реализуется продукция сельского хозяйства, еще не «замутнены» процессами вмешательства государства в ценообразовательный процесс, что мы наблюдаем практически во всех рассматриваемых нами странах в период второго «большого цикла» XX века. И такое вмешательство — закономерно, ибо технологические преобразования в сельском хозяйстве во второй половине XX века, сопряженные с массированным его переходом к интенсивным факторам роста, стали возможными лишь при активной ценовой

[1] Statistical Abstract of the Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1932/33. Tokyo. 1934, c.192; Long Term Economic Growth 1860–1965. A Statistical Compendium. Wash.: US Bureau of the Census, 1966, c.103.

[2] Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г. Ташкент. 1988, с.200; Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: «Наука», 1992, с.22.

политике государства, проявлявшейся в многообразных формах («цены поддержки» на свободном рынке; государственные закупочные цены; субсидии на потребляемые средства производства; государственная оплата расходов на потребляемые природные факторы труда; потребительские [продовольственные] цены, субсидируемые государством; субсидирование государством частного экспорта сельскохозяйственной продукции и т.д.).

Поэтому при первом «большом цикле» мы зачастую и обнаруживаем положительную корреляцию между технологическими факторами цикла (например, урожайностью) и ценами, генерируемыми пока еще свободным рынком (в том числе экспортным).

Несколько слов скажем о методике, использованной для расчетов первого «большого цикла» XX века в аграрном секторе. Для построения волн цикла, динамика показателей которого характеризуется незначительными (по сравнению с динамикой второго цикла) изменениями, мы использовали непрерывные статистические ряды погодовых значений урожайности основных сельскохозяйственных культур за достаточно длинный период (70-е годы XIX века — конец XX века), эти ряды охватывают период всего первого цикла, а в ряде случаев и завершающие этапы предыдущего цикла XIX века. Для проведения анализа «кондратьевской» волны первого «большого цикла» мы ограничились использованием лишь показателя урожайности. Это вызвано следующими обстоятельствами: с одной стороны, из всего набора существующих параметров, характеризующих аграрную экономику в данный исторический период, показатель урожайности наиболее ярко отражает технологические и экономические трансформации в ней (аграрной экономике) происходившие, а с другой стороны, *регулярных* статистических данных, фиксирующих параметры, по которым мы характеризовали экономический рост в сельском хозяйстве в период второго «большого цикла» (таких, как производительность труда, товарность), за ранний период, просто не существует. Подтверждением того, что динамика ПЗ–фактора весьма точно отражает характер циклической активности в целом, может служить такой, например, факт.

Рис. VI-1

ЯПОНИЯ: сельское хозяйство

Динамика урожайности риса и чистого продукта в расчете на гектар

Физические величины, 1880–2000 гг.

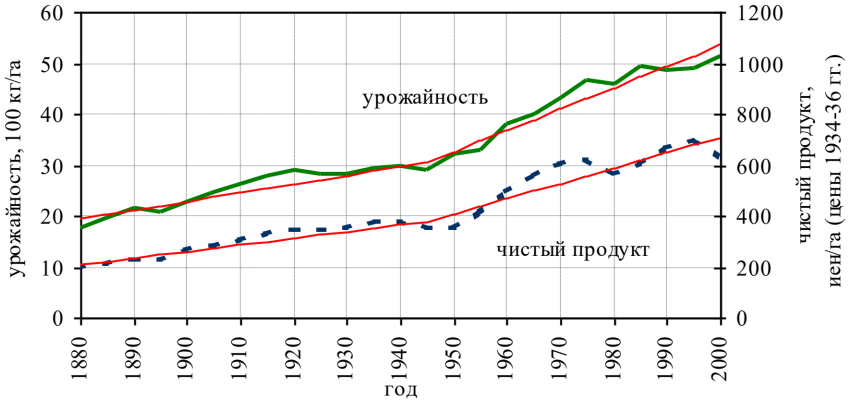
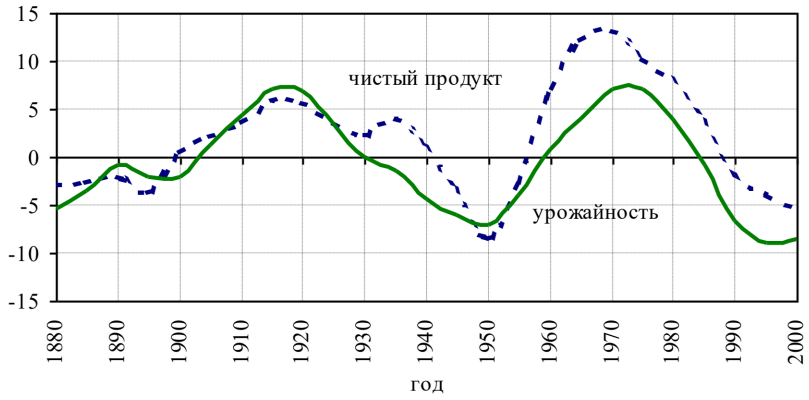


Рис. VI-2

ЯПОНИЯ: сельское хозяйство

Динамика урожайности риса и чистого продукта в расчете на гектар

Циклические изменения, 1880–2000 гг.



На приведенных ниже графиках изменений показателей японской агросферы (см. рис. VI-1 и рис. VI-2)[3], где «контрагентом» показателя ПЗ–фактора (в данном случае — урожайности) выступает показатель величины чистого сельскохозяйственного продукта на гектар возделываемой площади, между функциями изменений этих двух показателей (отражающих, с одной стороны, отраслевую динамику сельскохозяйственного продукта, а с другой — его общенациональную динамику) наблюдается почти полное совпадение. Коэффициент корреляции между этими двумя показателями, исчисленный за период 1880–1998 гг., R=0,995 при значимости по t–критерию более 99,5%.

Расчеты «кондратьевских» волн для первого «большого цикла», выпадающего на конец XIX в. — первую половину XX в., потребовали от авторов уточнения методики Н.Д. Кондратьева. Согласно этой методике, на протяжении всего исследуемого периода для оценки динамики изучаемого параметра подбирается одна неизменяемая линия тренда. Мы же, как и в предыдущей главе, использовали метод «разорванного тренда», именно при исследовании циклически–волновой динамики, присущей первому «большому циклу» XX века, выявляются все преимущества данного метода. Так, динамика урожайности, свойственная периоду первого «большого цикла» XX века, отображаемая рядом натуральных показателей, характеризуется весьма незначительными изменениями (по сравнению с изменениями урожайности периода второго «большого цикла»), и при построении единой трендовой линии во *всем* временном интервале таковые изменения просто не могут быть учтены. Методика «разорванного» тренда позволяет успешно решить эту задачу.

Проблема данной методики: как полнее и точнее «отделить овец от козлищ» — надежно вычленить из всего исследуемого периода таковой с «маломерными» изменениями изучаемого параметра (в нашем случае — урожайности). Уже простой визуальный анализ динамики урожайности на отрезке в 100–140 лет (см. графики главы V на рис. V-1–V-13 под индексами «а») показывает, что существуют временные точки (или короткие периоды), где характер движения данного параметра качественно изменяется (в этих точках либо может резко меняться скорость изменения параметра, либо отрицательная динамика его изменения может сменяться положительной). Это связано со сменой технологических режимов роста и может свидетель-

[3] Составлено по: *Hayami Yu., Yamada S, Akino M. et al*. The Agricultural Development of Japan. A Century's Perspective. Tokyo, 1991, с. 246 *[данные за 1880–1985 гг.]*; табл. I-4 настоящей работы *[данные за 1990–2000 гг.]* (динамика чистого продукта за период 1990–2000 гг. пересчитана нами в сопоставимые цены 1934–1936 гг. по методике, принятой в указанной работе Hayami Yu. et al.). Все данные для расчета урожайности почерпнуты из табл. СП-1А.

ствовать не только о чередовании фаз в рамках одного цикла, но и о начале нового «большого цикла». Особенно рельефно такой перелом выступает на графике, иллюстрирующем динамику урожайности риса в Индии за 100 лет (см. рис. V-4(а)). Здесь 1950 г. является переломным рубежом между понижающимся трендом в движения параметра, т.е. трендом, характеризующимся отрицательным темпом роста, и последующей положительной (возрастающей) динамикой. Мы предлагаем выявлять такие точки и подбирать трендовые линии, соответствующие различным историческим периодам роста.

Для определения *временных точек перелома* применялся следующий метод. На первом этапе, прибегнув к экспертному анализу, мы выделяли возможные 5-летние области, в рамках которых предположительно могла находиться точка перелома тренда. Таким образом, график натуральных величин как бы разбивался *на две части с одной общей 5-летней областью*, но так как исследовалось сразу несколько предполагаемых областей перелома, то и вариантов разбивок было несколько. Для каждого варианта разбивки на стороне каждой из двух частей графика рассчитывались (по методу наименьших квадратов) две пересекающиеся линии тренда. Критерием выбора нужного варианта разбивки были два необходимых условия: во-первых, точка пересечения тренда должна была находиться в 5-летней области перелома, ранее *предположенной* именно для данного варианта разбивки; и, во-вторых, стандартная ошибка отклонения пересекающихся трендов от реального ряда показателей для данного варианта (по сравнению с другими вариантами) должна была быть *минимальна*. Если выбранный вариант разбивки графика удовлетворял обоим перечисленным условиям, а также не противоречил первоначально сделанной экспертной оценке, касавшейся реальных возможностей смены режимов роста в выделенный исторический период, то мы рассматривали временную точку пересечения трендов как *точку перелома* в режиме технологического роста, а отрезки трендов как *наиболее точно* отражающие движение исследуемого параметра. Такая *точка перелома* могла совпадать с началом следующего цикла (в идеальном, с точки зрения волновой динамики, случае), а могла и не совпадать (если имели место существенные экономические деформации в развитии хозяйства агросферы, что мы наблюдаем, например, при графическом отображении динамики ПЗ–фактора в Индии: здесь тренд был «разорван» существенно — на целых 25 лет! — раньше, чем начался второй «большой цикл» XX века в основном секторе зернового хозяйства этой страны — рисопроизводстве; ср. рис. V-4(а), V-4(в)).

2. *Неравномерность циклически–волновой динамики в аграрном секторе в конце XIX – первой половине XX века. Страновые модели цикла в контексте динамики мирохозяйственных связей.*

Закономерности циклического (фазового) отставания по различным странам, в прошлом, в период первого цикла XX века, — колониальным и зависимым, конечно, проявляются по-разному, в зависимости от неизмеримого множества конкретных обстоятельств, так или иначе влияющих на ход «большого цикла». Один из впечатляющих примеров такой циклической аномалии первой половины XX века являет ***Индия*** в бытность ее колонией Великобритании (см. рис. VI-3 и VI-4). То, что условно можно назвать «неурочным» «большим циклом», мы наблюдаем в этот период, например, в пшеничном хозяйстве ***Пенджаба***, одном из основных, экономически ведущих, пшеницепроизводящих районов колониальной Индии (см. рис. VI-5 и VI-6).

Действительно, повышательная волна цикла началась в хозяйстве Пенджаба в глухой период мирового экономического кризиса, прошла период «депрессии особого рода» и достигла пика незадолго до окончания Второй мировой войны, после чего, получив, в частности, отрицательный импульс, вызванный разделом Индии на Индийский союз и Пакистан (1947 г.), уступила место понижательной волне, прошедшей нижнюю точку экстремума — в Пакистанской части Пенджаба — к середине 50-х годов XX века и еще десятилетие – до середины 60-х годов – катившейся по руслу «плато» (см. рис. VI-6); в то время как в более динамично развивавшемся Восточном (Индийском) Пенджабе отрицательная фаза цикла развивалась существенно медленнее и завершилась лишь к середине 60-х годов (см. рис. VI-5).

Как свидетельствуют многообразные данные по Пенджабу, экономический рост в агросфере провинции в период первого цикла XX века был отмечен двумя знаменательными процессами. С начала века Пенджаб превращается в крупного экспортера пшеницы на мировой рынок, отпуская на внешние рынки около трети валовых сборов этой культуры (см. табл. VI-1), при этом около четверти всей вывозимой из провинции массы пшеницы поступало в 1900/01–1920/21 гг. на внутренний рынок Индии[4].

[4] *Calvert H*. The Wealth and Welfare of the Punjab. Lahore, 1922, c.156

Таблица VI-1

Индия, Пакистан: пшеницепроизводящее хозяйство Пенджаба факторы динамики первого «большого цикла» XX века*

Год, период	Средства интенсификации		Сбор пшеницы на поливных землях[1], *удельный вес в ее валовом сборе*, %	Индекс цен на пшеницу в Пенджабе[1] *(1908/09 — 1917/18 гг.= 100)*[3]	Экспорт пшеницы из Пенджаба[2], *удельный вес в валовом сборе*[4], %	Рыночная (бесправная) издольная аренда[2], *удельный вес во всей обрабатываемой площади*, %
	площадь поливной земли[1], *удельный вес во всей обрабатываемой площади*, %	площадь, занятая под улучшенными сортами[2], *удельный вес во всей площади посевов пшеницы*, %				
1905/06	58,7		62,9[5]	70,9	32	41,5[6]
1910/11	59,6		69,2	91,4	27	
1915/16	60,6	0,3	80,2	97,6	29	42,6[7]
1920/21	63,3[8]	8,2	89,6	151,6	26	44,7[8]
1925/26	59,0	15,5	72,3	140,8		
1930/31	63,7	26,4	79,5	22,7(48,0)		
1935/36	61,1	37,4	75,8	66,2	12	
1936/37	60,1	42,8	74,0			
1940/41	61,4		76,7	80,6		49,2[9]
1945/46	62,1		79,8	264,4		
1947/48	64,2		79,0	317,0		

* *Подсчитано по:* The Board of Economic Inquiry. Punjab (Pakistan). Agricultural Statistics of the Punjab. 1901/02 to 1946/47. Publication No.97. Lahore, 1950, c.44,45,64; do.do. Supplement No.1 to publication No. 97. 1951, c.5; The Board of Economic Inquiry. Punjab. Agricultural Statistics of the Punjab. 1901/02 to 1935/36. Publication No.52. Lahore, 1937, c.23,61; do.do. *Myles W.H*. Sixty Years of Punjab Food prices. Publication No.7. Lahore, 1925, c.14,16; Report of the Marketing of Wheat in Punjab. Lahore, 1940, c.27; *Calvert H*. The Wealth and Welfare of the Punjab. Lahore, 1922, c.87,156; The Famine Inquiry Commission. Final Report. Madras, 1945, c.266,442.

[1] Западный Пенджаб (основной пшеницепроизводящий регион Пакистана).

[2] Неразделенный Пенджаб.

[3] Показатели рассчитаны как средняя величина по периодам: 1905/06 г. — за 1900/01–1905/06 гг.; 1910/11 г. — за 1906/07–1910/11 гг.; 1915/16 г. — за 1911/12–1915/16 гг.; 1920/21 г. — за 1916/17–1920/21 гг.; 1925/26 г. — за 1921/22–1925/26 гг.; 1930/31 г. — за 1926/27–1929/30 гг.; 1935/36 г. — за 1930/31–1935/36 гг.; 1940/41 г.

— за 1936/37–1940/41 гг.; 1945/46 г. — за 1941/42–1945/46 гг.; 1947/48 г. — за 1946/47 г. В скобках — показатель за 1930/31 г.

[4] Показатели рассчитаны как средняя величина по периодам: 1905/06 г. — за 1900/01–1905/06 гг.; 1910/11 г. — за 1906/07–1910/11 гг.; 1915/16 г. — за 1911/12–1915/16 гг.; 1920/21 г. — за 1916/17–1920/21 гг.; 1935/36 г. — за 1933/34–1934/35 гг.

[5] 1906/07 г.

[6] 1902/03 г.

[7] 1916/17 г.

[8] 1921/22 г.

[9] Средняя за 1937/38–1941/42 гг.

Динамика пшеничного производства стала напрямую определяться динамикой цены на зерно на мировом рынке; как отмечали современники, «цена на пшеницу на пенджабском “манди” (рынке) зависит не от местных условий, а от цены в Ливерпуле». Хотя «когда цена в Ливерпуле низка … то цена в Пенджабе снова определяется местными условиями»[5].

Таким образом, именно распространением неограниченного влияния мировых цен, детерминировавших зерновой экспорт, демонстрировала свою работу «повивальная бабка» интеграции, способствовавшая рождению нового качества в экономике Пенджаба — включенности ведущей отрасли его хозяйства в мировое (капиталистическое) хозяйство. Тем самым был открыт путь для действия общемировых закономерностей циклически–волновой динамики в аграрном секторе Пенджаба (см. рис. VI-5).

Между тем внутренние цены на пшеницу («местные условия»), подчиняясь движению внешних, претерпевали в первой половине XX века волнообразные, с огромными перепадами экстремумов восходящих и нисходящих волн, изменения (см. табл. VI-1). Падение удельного веса экспортируемой массы зерна в валовых его сборах стало происходить как раз тогда, когда цены на пшеницу достигли своего максимума, — в последнем пятилетии 10-х годов. С начала же 20-х годов эти цены покатились вниз и окончательно рухнули с первым ударом колокола мирового экономического кризиса 30-х годов (см. табл. VI-1).

[5] Там же, с. 12,144. О том, насколько ценовой фактор, генерируемый извне, «перековал» ментальность пенджабского общества, наблюдатель из той эпохи свидетельствует: «Цены на пшеницу — у всех на устах. Только о них и говорят, газеты посвящают им целые статьи, а политиканы используют их в качестве повода для нападок на правительство» (цит. по: *Calvert H*. The Wealth and Welfare of the Punjab, c.143).

Рис. VI-3

ИНДИЯ: динамика урожайности зерновых.
Первый цикл XX века

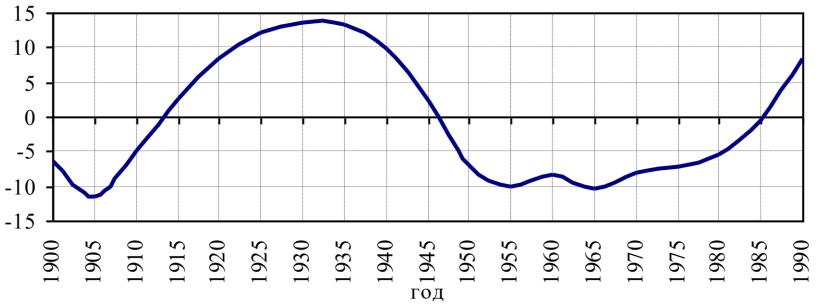


Рис. VI-4

ИНДИЯ: динамика урожайности риса.
Первый цикл XX века

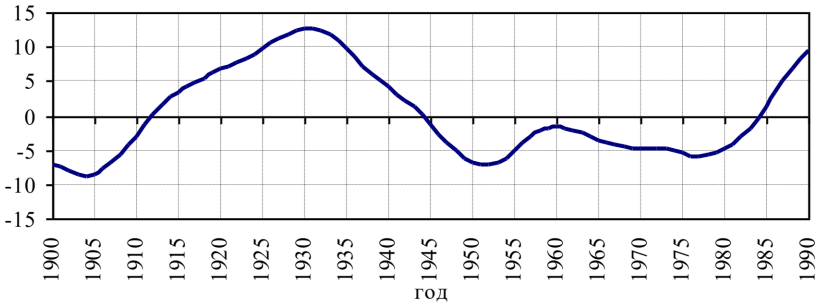


Рис. VI-5

ИНДИЯ (Пенджаб): динамика урожайности пшеницы.
Первый цикл XX века

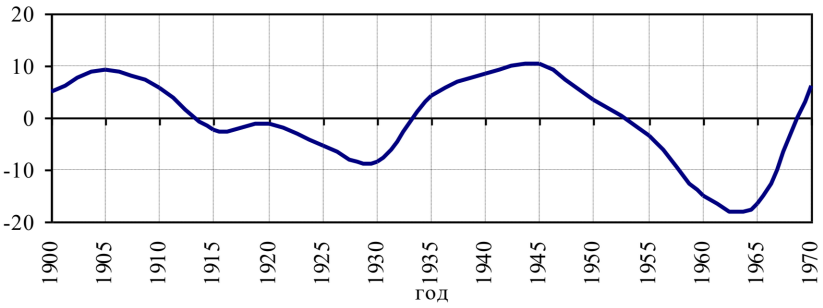


Рис. VI-6

ПАКИСТАН: динамика урожайности пшеницы.
Первый цикл XX века

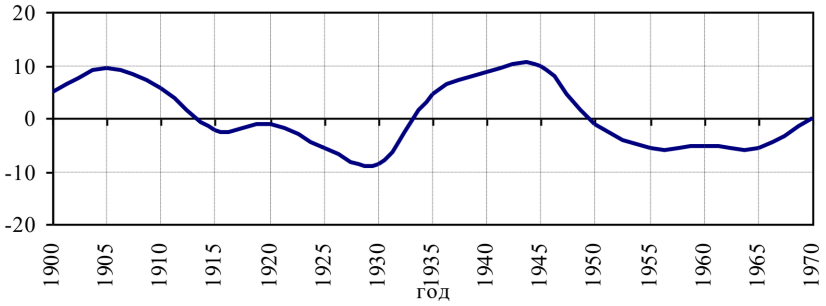


Рис. VI-7

ЯПОНИЯ: динамика урожайности риса.
Первый цикл XX века

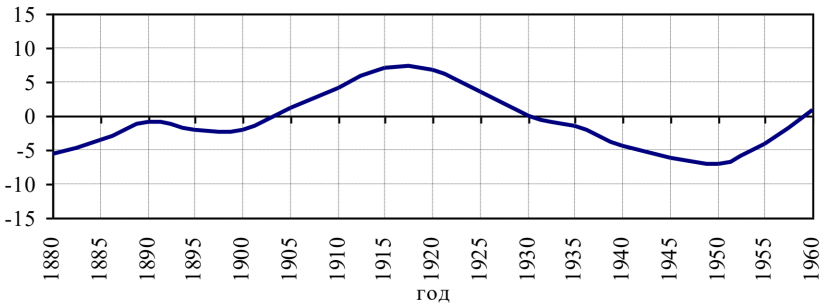


Рис. VI-8

УЗБЕКИСТАН: динамика урожайности хлопчатника.
Первый цикл XX века

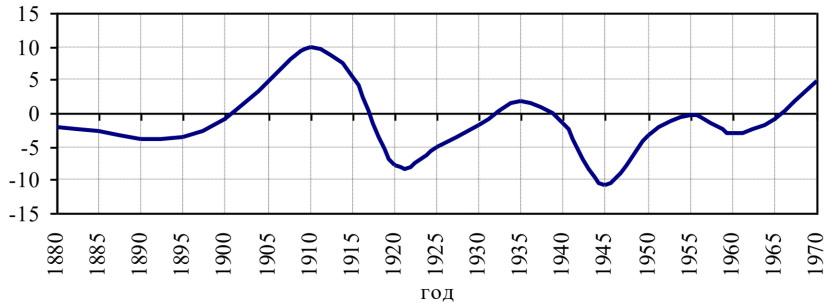


Рис. VI-9

УЗБЕКИСТАН: динамика урожайности зерновых.
Первый цикл XX века

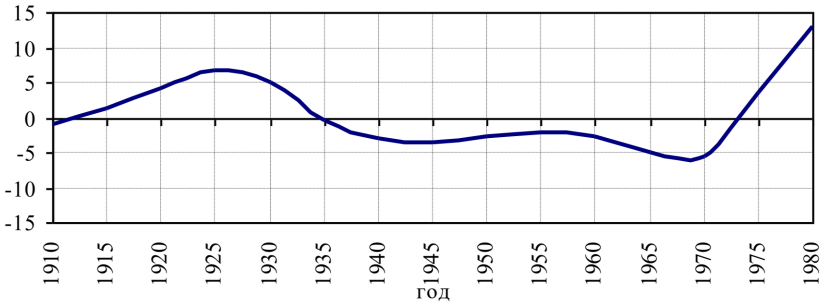


Рис. VI-10

С Ш А: динамика урожайности пшеницы.
Первый цикл XX века

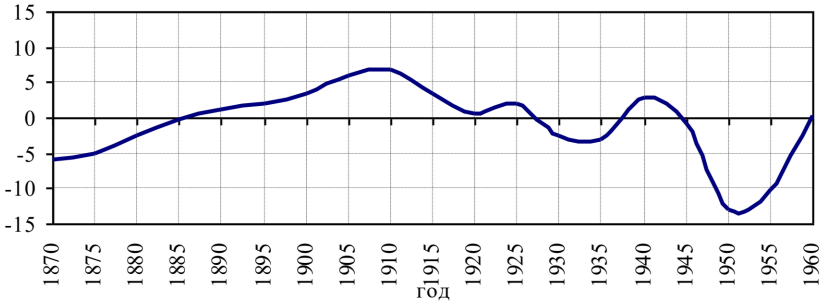


Рис. VI-11

С Ш А: динамика урожайности кукурузы.
Первый цикл XX века

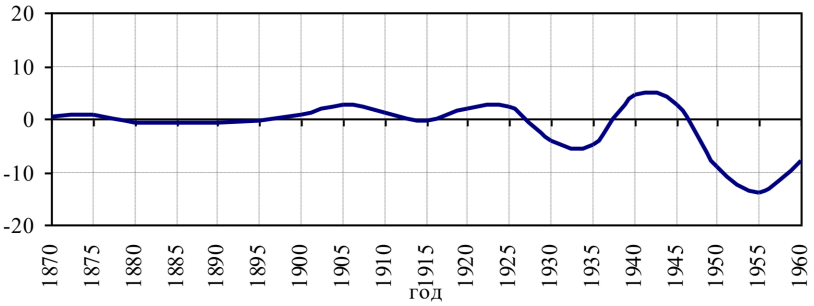


Рис. VI-12

С Ш А: динамика урожайности хлопчатника (в экв. хлопка-волокна)

Первый цикл XX века

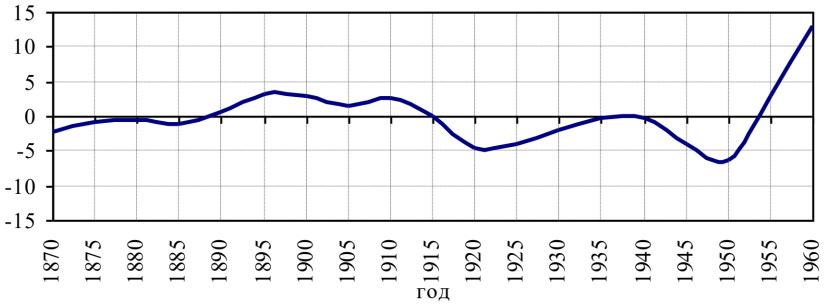
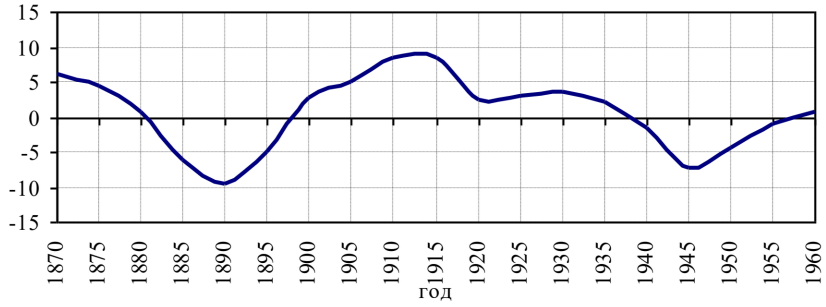


Рис. VI-13

РОССИЯ/СССР: Динамика урожайности зерновых

Первый цикл XX века



А что же происходило на стороне производства?

Жажда высоких доходов побуждала сельских хозяев хищнически использовать свой производственный потенциал, и последний, унаследованный от традиционных структур и адекватных им технологий, неизбежно должен был дать «трещину» в самом слабом своем звене: уже с середины 10-х годов обнаружилось истощение используемого в производстве биоресурса — стала сокращаться урожайность пшеницы, культуры, вызвавшей бум процветания, охвативший весьма значительные группы производящего продукт аграрного населения провинции. Деградация источника богатства — биопотенциала культуры пшеницы достигла максимума в середине 20-х годов; об этом

свидетельствуют следующие данные об изменениях урожайности пшеницы (*в ц/га по годам*)[6]:

1901–1905	*1908–1912*	*1915–1919*	*1923–1927*	*1930–1934*	*1938–1942*
9,3	*8,9*	*7,8*	*7,3*	*8,9*	*9,4*

Деградация культуры, возделывание которой выполняло роль «несущей конструкции» всей пенджабской экономики, — такова была подлинная причина, побудившая колониальные власти искать средства, чтобы переломить негативные тенденции роста и вытянуть воз столь обострившихся проблем сельского хозяйства Пенджаба. Таким средством представлялась модернизация биоресурсной базы сельскохозяйственного производства. И, действительно, улучшенные сорта пшеницы стали внедряться в земледельческую практику Пенджаба еще с середины 10-х годов, во второй половине 30-х ими засевалось уже свыше $^2/_5$ всей посевной площади, занятой под пшеницей (43% в 1936/37 г.) (см. табл. VI-1; рис. VI-5 и рис. VI-6).

Только благодаря массовому освоению нового, более урожайного, семенного материала пенджабские земледельцы сумели добиться на рубеже 30–40-х годов, в эту мрачную пору всемирной истории XX века, столь значительных (весьма скромных, однако, если судить по меркам второго «большого цикла» XX века) результатов — урожайности пшеницы в 9,4 ц/га: ведь другой основной ресурс повышения продуктивности — расширение площади поливных земель практически почти не претерпел изменений за весь рассматриваемый период (см. данные об удельном весе поливных земель в табл. VI-1). Но вот что примечательно: изменения погодовых значений удельного веса сбора пшеницы с поливных земель с достаточно большой степенью точности коррелирует с волновой динамикой цен на пшеницу в Пенджабе (см. табл. VI-1), что надежно свидетельствует об определяющем влиянии рынка (и его цен, в частности) на межотраслевое распределение производственных ресурсов внутри крестьянского хозяйства в период рассматриваемого «большого цикла».

Так, коэффициент корреляции между рядами обоих показателей за период 1905/06 – 1940/41 гг. (мы не можем принимать здесь в расчет последующие, военные годы, отличающиеся высоким темпом инфляционного роста зерновых цен) R=0,6, а его значимость по t–критерию (который характеризует вероятность такой зависимости) составляет 95%.

[6] Подробнее см. табл. СП-1А.

Чтобы в полной мере оценить прорыв к повышательной фазе цикла, который осуществило пенджабское земледелие на рубеже 20-х – 30-х годов, накопив для этого пока еще весьма скромный ресурс (в то время лишь 26% площади под пшеницей было засеяно семенами улучшенных сортов культуры), полезно рассмотреть некоторые важные аспекты социально–экономических условий, в которых данный прорыв происходил.

Безоглядная погоня пенджабских земледельцев за высокими доходами, стимулируемая зерновым экспортом, влекла за собой не только хищническое использование производственного потенциала, но и интенсивные процессы экспроприации крестьянской земли богатыми собственниками (крупными землевладельцами–ростовщиками и др.) и, соответственно, расширение ареала земледельческих хозяйств, основанных на арендованной земле; в динамичном «соревновании» приростных величин площади обрабатываемой земли, с одной стороны, и площади арендных земель, с другой, первая уступала «пальму первенства» последней: так, за период 1902/03 –1921/23 гг. площадь обрабатываемой земли в Пенджабе выросла на 10%, а площадь арендных земель — на 19% (соответствующие показатели для периода 1921/22 –1941/42 гг. составляют 5% и 16%). В результате за четыре десятилетия первой половины XX столетия удельный вес арендных земель в пенджабском землепользовании увеличился с 41% до 49% (см. табл. VI-1).

Все это означало, что за рассматриваемый период в Пенджабе существенно выросла прослойка арендаторов, ведущих хозяйство на земле, обремененной наиболее тяжелыми условиями рыночных аренд (издольные аренды «*батаи*»), а при таких арендах, как блистательно показал исторический опыт Пенджаба эпохи становления и развития рыночных отношений, если использовать здесь точную формулу А.В. Оболонского, личный интерес производителя отчужден от производства[7], и соответственно, у него (производителя) утрачивалось стремление к повышению эффективности своей хозяйственной деятельности на земле[8].

---

[7] *Оболонский А.В.* Драма российской политической истории: система против личности. М.: «Юрист», 1994, с.197 и др.

[8] «Один из крупных недостатков такой системы (издольной аренды. — *Авт.*) заключается в том, что при ней у арендаторов снижены стимулы к достижению эффективности (производства. — *Авт.*) и введению улучшений. Всеми результатами, получаемыми от применения улучшенных методов обработки земли, внедрения в производство отборного семенного материала и современного инвентаря, пользуются крестьяне — собственники земли. Арендаторы–издольщики же вечно стоят перед фактом, что выгоды от любых затрат, предпринимаемых с их стороны с целью улучшения технологии производства, служат тому, чтобы взвинтить доход лэндлорда, а не тому, чтобы увеличить их выручку. Здесь-то и кроется одна из причин, объясняющая почему прогресс в развитии производства в сельском хозяйстве происходит в этой стране столь замедленными темпами» (*Stewart H.R.* Some Aspects of *Batai* Cultivation

Вряд ли может вызвать сомнение факт, что столь мощный процесс усиления депрессоров роста потребовал накопления в агросфере Пенджаба существенно большего ресурса (чем тот, который был бы необходим в альтернативном случае), чтобы создать его «критическую массу», и тем самым, хотя и со значительным историческим опозданием, дать импульс началу повышательной фазы первого «большого цикла» (30-х – 60-х годов), причем, напомним, фазы, парадоксальным образом совместившейся с эпохой мирового экономического кризиса.

Впрочем, это был цикл, при котором его определяющая составляющая (продуктивность) отличалась ничтожными приростными величинами. На протяжении более чем шести(!) десятилетий, считая от начала XX века, продуктивность пшеничного хозяйства в Западном Пенджабе (с 1947 г. — в Западном Пакистане) в буквальном смысле слова «буксовала» на месте. Несколько лучше обстояло дело в Восточном (впоследствии — Индийском) Пенджабе (см. табл. СП-1А, а также рис. V-5(а) и рис. V-6(а)).

Следующие данные характеризуют динамику среднегодовых приростов продуктивности (урожайности) пшеницепроизводящего хозяйства в обеих частях Пенджаба в XX веке по периодам до и после «перелома» тренда временной функции (*в %*)[9]:

	Период / годы	*Среднегодовой прирост*	*Всего прирост за период*
Западный Пенджаб	*1901–1962*	*0,07*	*4,3*
	1963–2000	*2,6*	*170*
Восточный Пенджаб	*1901–1955*	*0,3*	*17*
	1956–1999	*3,5*	*340*

Смена повышательной фазы понижательной (с середины 40-х годов) знаменовала исчерпание потенциала новых технологий, обеспеченных накоплением технологического ресурса в предшествовавшие два – два с половиной десятилетия. О характере понижательной волны цикла, например, в западном Пенджабе (Западном Пакистане), красноречиво свидетельствуют данные, фиксирующие стагнационные колебания (то есть положение «плато») в урожайности пшеницы со второй половины 40-х годов до середины 60-х годов (см. табл. СП-

in the Lyallpur District of the Punjab. [The Board of Economic Inquiry. Punjab. Publication No.12.] Lahore, 1926, с.1,2).

[9] Подсчитано по данным табл. СП-1А.

1А). Урожайность последней в 7,6 ц/га, достигнутая в 1965 г., — таков был завершающий аккорд первого «большого цикла» XX века в Пакистане, аккорд, возвестивший одновременно и о бурном старте «зеленой революции», преобразовавшей циклическую динамику хозяйства агросферы страны в последней трети XX столетия.

Повышательная фаза первого «большого цикла» в рисопроизводящем хозяйстве Индии протекала в существенно иных условиях, чем повышательная фаза в пшеницепроизводящем хозяйстве (Пенджаба). Ее динамика явила феномен, точно описываемый присказкой — «вверх по лестнице, ведущей вниз». Ведь действительно, в течение всей первой половины XX века урожайность риса в Индии характеризовалась *отрицательным* (хотя и небольшим по величине — (–)0,55% за год) экспоненциальным темпом прироста. Процессы деградации поразили и другие зерновые культуры: за первую половину XX века динамика средневзвешенной урожайности зерновых (т.е. взятых в целом) отличалась отрицательными величинами (см. табл. СП-1А, рис. V-3(а), V-4(а)).

«Большой цикл» в рисопроизводящем хозяйстве Индии начался несколько раньше, чем в пшеничном хозяйстве Пенджаба — с 10-х годов XX века (см. рис. VI-4; ср. также рис. VI-3). Однако технически повышательная фаза в рисопроизводстве Индии была подкреплена заметно меньшим ресурсом роста: в 1938/39 г. во всей Индии того времени под улучшенными сортами риса было занято всего 6,2% всей площади рисовых полей (против 22,4% — под улучшенными сортами пшеницы)[10]. Закономерно поэтому, что понижательная фаза цикла (включая, однако, десятилетний — 1950–1960 гг. — компенсационный волновой подъем; см. рис. VI-4, а также табл. СП-1А) охватила почти пять десятилетий, считая от начала 30-х годов до конца 70-х. Надо ли говорить, что в рисопроизводящем хозяйстве Индии повышательная фаза циклической волны, развертывавшаяся по формуле «вверх по лестнице» и т.д., смогла лишь замедлить, но не устранить падение урожайности основной культуры сельского хозяйства страны.

Потенциал положительных изменений накапливался в отличающемся большой инерционностью рисопроизводящем хозяйстве независимой Индии столь медленно и вяло, что старт повышательной волны нового «большого цикла» задержался здесь более чем на целое десятилетие по сравнению с пакистанским, повышательная фаза которого уже на полтора десятилетия отставала от временной нормы, характерной для второго «большого цикла» XX века в промышленно развитых странах (подробнее см. гл. V, а также рис. VI-4 и VI-6).

---

[10] The Famine Inquiry Commission. Final report. Madras, 1945, c.152.

* * *

Характерный для первого «большого цикла» XX века фазовый лаг, который мы наблюдаем в тогда еще колониальных и зависимых странах (по меньшей мере, Азии) можно отследить, причем — непосредственно в рамках отношений «метрополия — колония», на примере бывшей ***Японской империи***. Метрополия (собственно Япония) включилась в первый «большой цикл» XX века еще в середине 90-х годов XIX века, с организацией первой в Японии государственной сельскохозяйственной станции, созданной для селекции высокоурожайных (по стандартам того времени) земледельческих культур.

Но почему столь большой интерес к рисопроизводству и, в частности, к его продуктивности возник в Японии уже в начальный период эпохи Мейдзи? Упоминавшиеся выше исследователи Хаями и Раттан отмечали: «Рост продуктивности в сельском хозяйстве, главном секторе экономики, необходим был не только для того, чтобы способствовать росту общественного благосостояния путем создания изобилия потребительской товарной массы, но и для того, чтобы финансировать индустриализацию и различные мероприятия политики модернизации»[11].

Следовательно, именно поэтому первостепенное место в процессе такой модернизации должно было занять в сельском хозяйстве преобразование фактора продуктивности (соответственно — повышение урожайности). О преобразовании производительной силы труда речи еще не было и быть в тот период не могло. Тем самым была определена основная стратегическая цель производства в земледелии — увеличение массы сельскохозяйственного продукта, прежде всего, его рисовой составляющей, посредством такого преобразования технологий, которое обеспечивало бы именно рост урожайности сельскохозяйственных культур.

В политике модернизации производственной базы сельского хозяйства выделялись следующие основные направления. Безусловно, одно из первых мест в этой политике занимали мероприятия по реорганизации и повышению эффективности ирригационной системы в Японии. Этот процесс стартовал в японском земледелии с начала XX века[12].

---

[11] *Hayami Yujiro* and *Ruttan Vernon W*. Agricultural Development: An International Perspective. L.: The John Hopkins Press, 1971, c.154.

[12] В 1900 г. мелиоративные работы (включая ирригационные и дренажные), повышавшие плодородие почвы, были проведены на 33 га земли, в 1920 г. такие работы охватили площадь 258,5 тыс. га (составлявшую 9% общей площади рисовых полей), а в 1938 г. — площадь 674,8 тыс. га (22%) (см.: *Matsuo Takane*. Rice and Rice Cultivation in Japan. Tokyo: The Institute of Asian Economic Affairs, 1961, c.86). Полив в начале века осуществлялся исключительно с использованием ручного труда, например, в 1908 г. при помощи механических ирригационных устройств орошалось всего

Другим направлением была селекционная работа, выполнение которой в значительной ее части выпало на долю государства, последнее еще в 90-х годах XIX века, как упоминалось, основало сеть сельскохозяйственных станций, сконцентрировавших все возделывавшиеся в Японии сорта рисовой культуры[13]. В 1913 г. было выведено и внедрено в земледельческую практику 20 новых сортов риса, полученных путем скрещивания лучших традиционных сортов риса.

Государственный контроль за всем ходом производства риса и, в частности, за селекцией новых сортов был активно продолжен и после завершения Первой мировой войны. Тогда же перед семеноводством Японии была поставлена цель — «подходящие сорта (риса. — *Авт.*) для подходящих земель».

Одновременно началось активное насыщение рисопроизводящего хозяйства искусственными удобрениями, в которых все большее место стали занимать минеральные удобрения. Наиболее интенсивный прирост использования удобрений всех видов произошел уже на излете повышательной волны первого цикла и в начальный период его понижательной волны. О темпе роста применения удобрений в сельском хозяйстве Японии свидетельствуют следующие данные:

	1903 г.	*1912 г.*	*1926 г.*	*1940 г.*
Всего, млн. т	*0,5*	*1,6*	*3,8*	*4,4*
В среднем за год в течение периода, тыс. т		*122*	*157*	*43*
В среднем за год в течение периода, %		*12,3*	*6,4*	*1,1*

Все эти мероприятия, в первую очередь, были направлены на реорганизацию стратегической отрасли японского сельского хозяйства — рисопроизводства. В результате повышательная фаза в хозяйстве агросферы Японии продолжалась в течение двух десятилетий, по истечении которых (условно 1920 г.) она сменилась длительной понижательной фазой (см. рис. VI-7).

Напротив, аграрное хозяйство японских колоний, ***Тайваня и Кореи***, втянулось в повышательную фазу экономического роста

0,15% общей площади рисовых полей (см.: Outlines of Agriculture in Japan. Tokyo: Department of Agriculture and Commerce, 1910, c.21).

[13] *Matsuo Takane*. Rice and Rice Cultivation in Japan , c.92.

именно с начала 20-х годов, когда в Японии эта фаза была уже завершена. Этому способствовала непосредственная помощь японского государства, направленная на преобразование технической базы сельского хозяйства в ее колониях. В результате в Империи сложилась поразительная «фазовая» разноголосица, ставшая «черной меткой» для первого «большого цикла» XX века, протекавшего в Империи.

Можно обратить внимание на следующие различия его проявления в рисопроизводстве, основной отрасли сельского хозяйства и метрополии (Японии) и ее колоний (Тайваня, Кореи) (см. табл. VI-2). В год, когда минеральные удобрения проникли в земледелие Тайваня, в Японии их относительная цена (по отношению к цене на зерно культуры, под которую они вносились) была много ниже, чем на Тайване (см. табл. VI-2). В Японии за цену, полученную за 1 кг риса, можно было в 1925 г. купить $^1/_3$ кг удобрений, в то время как на Тайване — лишь $^1/_5$ кг; более того, в метрополии относительная цена продолжала снижаться и в 1935 г. за цену 1 кг риса можно было купить уже 1 фунт (454 г) удобрений.

Этот сокращающийся ценовой разрыв активно способствовал наращиванию использования в земледелии Японии удобрений в расчете на гектар в течение всех рассматриваемых четырех с половиной десятилетий. Однако на рубеже 10-х – 20-х годов в рисопроизводстве Японии произошел обвал «выходных» параметров рисопроизводящего хозяйства: динамика урожайности на целых три десятилетия вошла в полосу стагнационных колебаний, отмеченных понижательной фазой первого «большого цикла» (см. табл. СП-1А, рис. VI-7). И это — несмотря на весьма значительный рост технологических улучшений в рисовом хозяйстве, включая сюда удельный вес площади, засеваемой улучшенными семенами, а также потребление удобрений (см. табл. VI-2).

Напротив, подъем рисопроизводящего хозяйства Тайваня (как и Кореи), наглядно проявившийся в динамичном улучшении его производственных характеристик, начался именно с начала 20-х годов, то есть с переходом к более значительному потреблению удобрений, расширению клина посевов, занятых под улучшенными сортами культуры риса, хотя и при весьма низком коэффициенте покупательной способности риса (см. табл. VI-2).

Таблица VI-2

Япония и Тайвань: изменения параметров рисопроизводящего хозяйства, 1895 – 1935 годы *.

№	Показатель	1895[1]	1905	1915	1920	1925	1930	1935
		Япония						
1	Отношение цены удобрений к цене риса [2, 3, 4]	7,0	5,2	4,4	3,5	3,0	3,0	2,2
2	Удельный вес площади, засеянной улучшенными сортами риса, в уборочной площади посевов риса, %	4	30	40	42	42	56	56
3	Количество внесенных удобрений [4], *кг/га*	13	24	49	63	79	96	104
4	Урожайность риса[3], *ц/га*	20,6	24,6	27,9	29,1	28,4	28,9	30,4[5]
		Тайвань						
1	Отношение цены удобрений к цене риса [2, 3, 4]					4,5	4,5	4,2
2	Удельный вес площади, засеянной улучшенными сортами риса, в уборочной площади посевов риса, %					13	23	46
3	Количество внесенных удобрений [4], *кг/га*				12	20	33	55
4	Урожайность риса[3], *ц/га*			14,7	14,7	16,3	17,5	19,7

* *Составлено по: Hayami Yu. and Ruttan V.M.* Agricultural Development: An International Perspective. Baltimore: John Hopkins Press, 1971, c. 202,203.

[1] Здесь и далее выделенный год означает пятилетие, в котором он занимает срединное положение; например, 1895 г. представляет пятилетие 1893–1897 гг. и т.д.

[2] Данное отношение — коэффициент покупательной способности единицы массы удобрений, выраженной в цене риса, он показывает то количество риса (например, тонн), какое можно купить на сумму, эквивалентную стоимости единицы (например, тонны) массы удобрений.

[3] Всюду имеется в виду рис, освобожденный от шелухи, но еще сохранивший оболочку («коричневый» рис).

[4] Удобрения оценены в эквиваленте $N+P_2O_5+K_2O$.

[5] Средняя урожайность риса в 1938–1942 гг. («1940» г.) составила 29,9 ц/га (см. табл.СП-1А).

Главным результатом этих положительных сдвигов с начала 20-х годов было то, что стали непрерывно улучшаться «выходные» параметры рисопроизводства — урожайность культуры, хотя последняя (урожайность) ко времени развязанных Японией войн еще далеко не достигла стандартов метрополии.

Совокупные издержки в рисопроизводстве в колониальном Тайване были столь низки, что тайваньские крестьяне-рисопроизводители, не обремененные высокими жизненными притязаниями и находившие для себя приемлемым довольствоваться хотя и скудным, но устойчивым денежным доходом от возделывания культуры риса для рынка, обладая при этом худшими технологическими условиями производства (по сравнению с теми, какие существовали в метрополии; см. табл. VI-2), могли успешно конкурировать на внутреннем рынке Японии с японскими рисопроизводителями. В результате в рисовом хозяйстве Японии адекватно повторилась ситуация, какую мы наблюдали в пшеницепроизводящем хозяйстве колониальной Индии (ее пенджабском регионе) в начале 20-х годов. (Напомним, «пшеничные» цены в начале 20-х годов, достигнув рекордного максимума, поползли вниз и обрушились в период мирового кризиса начала 30-х годов.) Так, по расчетам Хаями и Раттана, внутренние цены на рис увеличивались в Японии в среднем на 6,09% в год в 1890–1920 гг. (тогда, напомним, чистый импорт риса был минимальным, составляя лишь 5% от его валового производства в метрополии в 1915 г. и 10% — в 1920 г.[14]), и, напротив, сокращались на 2,05% в год в 1920–1935 гг. (ср.1933–1937 гг.). Результатом этих негативных рыночных тенденций было резкое замедление роста площадей под рисом во второй отмеченный период (0,16% в год в 1920–1935 гг., против 0,44% в год в 1890–1920 гг.) и урожайности риса (среднегодовые приросты последней снизились по периодам соответственно с 0,94% до 0,24%)[15]. Перефразируя С. Тобата (см. гл. I), можно было сказать, что рис определенно стал «нелюбимой» культурой японского «фермера».

Проявлялась эта тенденция рисовых цен к понижению через «медиума»–импорт Японией риса из ее колоний — Тайваня (остров, который японцы именовали Формоза) и еще больше — Кореи. В последнем для Японии предвоенном пятилетии, 1933–1937 гг., чистый импорт риса достиг уровня 20% от его средних валовых сборов в «стране восходящего солнца» — метрополии[16]. Изюминка заключалась здесь в том, что метрополия сама себе вырыла яму на рисовом

---

[14] *Hayami Yu.* and *Ruttan V. W.* Agricultural Development: An International Perspective, c.220.

[15] Там же, с.222.

[16] Там же, с.220.

поле: «быстрый рост производства риса на Тайване и в Корее объяснялся успешным переносом технологий японского рисового производства в эти два колониальных района»[17]. Фактически переносом технологий Япония способствовала экономическому упадку в своем рисопроизводящем хозяйстве, последствия которого (упадка)[18] были усугублены тем, что в связи с вступлением Японии в войну с 1938 г. метрополия «стала отвлекать ресурсы от целей развития в своих колониях» — поставщиков продовольственного зерна[19], и тем самым содействовала переводу их циклической волны в понижательную фазу.

Второй причиной перехода зернового хозяйства метрополии в понижательную фазу была исчерпанность технологического потенциала, достигнутого за предшествующие два с лишним десятилетия повышательной динамики (см. рис. VI-1)[20].

Для Тайваня, как и для Кореи, этот «эпизод» с открытием японского внутреннего рынка представлял собой конкретную форму их включения в континуум общемирового экономического процесса, и, соответственно, распространения его законов на динамику их циклического развития.

Не стоит, конечно, переоценивать технологические достижения в агросфере Японии в период первого «большого цикла» XX века. Как отмечают источники, даже в середине 50-х годов, примерной точки старта повышательной фазы второго цикла XX века, технологические преобразования затронули в основном рисопроизводящую отрасль хозяйства, «технические же улучшения, касающиеся производства других культур, все еще значительно отстают». Более того, «тех-

---

[17] Там же, с.219.

[18] Хаями и Раттан весьма точно охарактеризовали смысл происходивших противоречивых процессов. Поступления (дешевого) риса на внутренний рынок из колоний позволяли «удерживать зарплату в промышленности на низком уровне и тем самым усиливать конкурентные позиции промышленных товаров Японии на международном рынке». Но плоды столь «удобной» («выгодной») политики бумерангом вернулись в Японию: такая политика «угнетала внутреннюю цену (на рис. — *Авт.*) и вместе с ней возможности роста дохода фермеров и в результате вызвала серьезные социальные беспорядки в сельскохозяйственном секторе» (в 1918 г.) (*Hayami Yu.* and *Ruttan V. W.* Agricultural Development: An International Perspective, с.226,227). Колонии «мстили» своей метрополии.

[19] Там же, с. 53.

[20] «Предпринятый анализ показывает, что стагнация внутреннего производства риса и его продуктивности в Японии может быть надежно объяснена влиянием следующих двух основных факторов: исчерпанностью местного потенциала технологий и импортом риса из колоний» (см.: *Hayami Yu.* and *Ruttan V. W.* Agricultural Development: An International Perspective, с.226, прим.)

ническая отсталость процессов консервации и поддержания плодородия почвы, защиты растений от болезней и различных вредителей, отсталые приемы в использовании тягового скота и машин и т.д. — все это способствовало ослаблению конкурентоспособности культур, возделываемых на неорошаемых землях Японии не только на международном рынке, но также и на внутреннем»[21]. Конечно, как и в Пенджабе (Индия), интенсивность (и соответственно — результативность) экономического роста в период повышательной волны первого «большого цикла» в аграрном секторе Японии могла быть заметно выше, если бы не «натиск развивавшейся издольщины»: за период с 1883–1884 гг. по 1920 г. (год экстремума повышательной фазы первого «большого цикла») доля арендных земель в агросфере Японии возросла с 36,8% до 46,3% всей обрабатываемой площади, достигнув максимума в 1930 г. — 48,0%[22].

Другой особенностью первого «большого цикла» в аграрном секторе Японии является то, что некоторые механические орудия труда, которые уже стали внедряться в сферу производства (в послевоенные годы — до середины 50-х годов), главной своей функцией имели *не сбережение труда, а исключительно более полное раскрытие потенциала фактора продуктивности*, что в частности, обеспечивалось более глубокой и своевременной вспашкой. Поэтому использование рабочего скота развивалось параллельно с ростом использования источников механической энергии[23].

Как было отмечено выше (см. гл. I, §3, «Япония», гл. V, §2), межотраслевые различия в ходе второго цикла по существу поменяли свои знаки: рисопроизводящая отрасль к концу XX века оказалась одной из наиболее отсталых в сельском хозяйстве Японии.

* * *

Фазовый лаг в циклически–волновой динамике аграрной экономики в конце XIX – начале XX века отчетливо проявился в ***Туркестане***, тогдашнем «периферийном» районе России, специализиро-

---

[21] Agriculture in Japan. Tokyo: Japan FAO Association, 1958, c. 29, 30.

[22] Цит. по: *Попов В.А.* Формирование социально–экономической структуры японской деревни. М.: «Наука», 1987, с.19,20. Аналогичный процесс происходил и в японских колониях. В период экстремума повышательной фазы на Тайване (1934 г.) земледельцы — полные арендаторы составляли 38,1% общего числа лиц, ведущих земледельческое хозяйство; еще 30,3% арендаторов располагали теми или иными участками земли на правах собственности. Итого свыше двух третьих общего числа земледельцев были связаны с арендой земли (см.: Statistical Abstract of the Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1935/36. Tokyo, 1936, c. 182).

[23] Agriculture in Japan. 1958, c. 28.

вавшемся на производстве культуры хлопчатника (см. рис. VI-8). Действительно, при сравнении экстремумов повышательной фазы в хлопковом хозяйстве США и Узбекистана, тогда еще не выделившегося из Туркестанского края, мы наблюдаем разрыв протяженностью 10–15 лет между пиками обоих волн.

Характерной особенностью хозяйства Туркестана было то, что с бурным развитием хлопковой специализации в 80-х – 90-х годах Туркестан стал регионом с высокотоварным земледелием, который, в силу специфики доминировавшей культуры (устойчиво высокий рыночный спрос), более чутко реагировал на позывные мирового рынка (мировые цены на американский хлопок), чем более тяжелая и менее поворотливая колесница зернового производства индийских регионов, отличавшихся тогда высокой натуральностью их хозяйственных систем. Фактор внешней конкуренции (ее объектом был хлопок–волокно) в связи с бумом, вызванным бурным строительством хлопчатобумажных предприятий в коренной России, самым непосредственным образом сказывался на Туркестанском хлопководстве, причем тем сильнее, чем активнее действовала «дирижерская палочка» хлопкового импорта из США.

Действительно, в период 1908/09 – 1912/13 гг. ввоз из-за рубежа покрывал 43% всех потребностей российской промышленности в хлопковом волокне, при этом на американский хлопок приходилось 47,5% суммарной массы импортируемого хлопка. Как свидетельствовали российские аналитики того времени, «наш внутренний хлопковый рынок стоит в такой же почти тесной зависимости от американского урожая, как и западноевропейские перерабатывающие хлопок центры»[24].

Откликом на эту конкуренцию была попытка адаптировать лучшие привозные сорта хлопчатника (в том числе американские) к природным условиям Туркестана. Эти усилия, предполагавшие творческое освоение и массированную реализацию заимствованных технологий, увенчались крупным успехом (см. рис. VI-8)[25]. (Данные про-

---

[24] Народное хозяйство [России] в 1913 году. Петроград: Министерство финансов, 1914, с. 168,175.

[25] Один из исследователей, крупный специалист по хлопковому хозяйству того времени, сообщал: «В 1885 году американским хлопчатником было засеяно 300 десятин в окрестностях Ташкента, в 1900 году посевы его составляли 60% всех посевов хлопчатника, а в настоящее время (1908 г. — *Авт.*) туземный хлопок уже почти совершенно вытеснен американским, составляя в среднем менее 10% всего засеваемого хлопчатника. Одновременно с водворением американских сортов за последние 15–20 лет шло быстрыми шагами увеличение вообще посевов хлопчатника». Примечательный успех выпал на долю опытной хлопковой плантации под Ташкентом (ею заведовал ученый–натуралист А. Вилькенс), откуда по полям Туркестана «распространялись лучшие сорта материкового американского хлопчатника, давшие прекрасные результаты. Волокно не уступало и даже нередко было выше американского» (*Книзе А.И.* Хлопководство в России. СПб., 1908, с.10).

цессы происходили при активном участии российского государства, ибо последнее стремилось создать в Туркестане мощную хлопкопроизводящую отрасль хозяйства, которая была бы способна в конкурентной борьбе вытеснить с российского рынка американский хлопок.)

Именно этот факт нашел отражение в повышательной волновой динамике урожайности в конце XIX – первом десятилетии XX века (см. рис. VI-8). Иначе говоря, не столько внутренний фактор (межотраслевая конкуренция: зерно *versus* хлопок), сколько внешний фактор (цены мирового рынка на хлопок) предопределили как тип циклической динамики туркестанского хлопкового хозяйства в целом, так и отставание (впрочем, относительно незначительное) экстремума повышательной фазы совсем еще молодого хлопкового хозяйства Туркестана от экстремума повышательной фазы имевшего более чем вековую историю хлопкового хозяйства США.

* * *

Убедительный пример детерминантного влияния мирового рынка (как рынка более развитого по сравнению с его национальными составляющими) на циклически–волновую динамику хозяйства агросферы в период первого «большого цикла» XX века показывает ***США***, демонстрируя ярко выраженную *неравномерность вовлечения в циклическое движение* отдельных сельскохозяйственных отраслей. Наиболее глубоко интегрированной в систему мирового хозяйства исторически оказалась в США хлопкопроизводящая отрасль земледелия. В период повышательной фазы первого цикла (см. рис. VI-12) свыше $^{2}/_{3}$ всего хлопка в США производилось на экспорт (см. табл. VI-3). Более того, экстремум повышательной фазы захватил 15-летний период (то есть сформировал «стадию плато»), отмеченный необычайно высоким показателем удельного веса экспортируемой массы хлопка — 69% всех сборов в 1899–1908 гг. (см. табл. VI-3). Цены на американский хлопок на мировом рынке, как мы видим на примере Туркестана, оказывали сильнейшее воздействие на ценообразование на национальных хлопковых рынках, в частности, в России, наращивавшей импорт американского хлопка (на зарубежный хлопок, как мы видели, накануне Первой мировой войны приходилось свыше двух пятых всего потребления хлопкового волокна в России).

Устойчивый спрос на американский хлопок в конце XIX – начале XX века стимулировал фермеров улучшать культуру хлопчатника (см. рис. VI-12). Напротив, сокращение силы ПЗ–фактора в хлопкопроизводящем хозяйстве США совпало с постепенным снижением доли экспортного ресурса хлопка и все большего переключения хлопкового производства на удовлетворение потребностей национальной хлопчатобумажной промышленности (в чем нашел отраже-

ние, помимо прочего, процесс постепенного угасания хлопкового бума в других странах — импортерах хлопка). На протяжении более четырех десятилетий мы наблюдаем очень высокую степень корреляции между динамикой урожайности и удельным весом массы хлопкового волокна, отправляемой на экспорт. Так, за период 1889–1933 гг. коэффициент корреляции R=0,87 при вероятности такой зависимости, оцененной по t–критерию, более 95% (рассчитано по данным табл. СП-1А).

Таблица VI-3

США: динамика экспорта основных сельскохозяйственных культур в конце XIX – первой трети XX века *,
***удельный вес чистого экспорта культуры в ее валовом сборе*, %**

Культура \ Годы	1889–1898	1899–1908	1909–1918	1919–1928	1929–1933	1936–1940
Хлопок	67,7	68,9	63,3	49,6	54,3	40,4
Пшеница	29,1	23,3	21,3	24,1	10,4	6,6
Кукуруза	4,5	3,5	1,5	1,7	0,2	0,2

* *Подсчитано по:* Agricultural Statistics 1936. Wash.: US Department of Agriculture, 1936, c. 76,5,33; Statistical Abstract of the United States 1946. Wash.: US Bureau of the Census, 1946, c. 693; Statistical Abstract of the United States 1950, c. 610, 612, 626. (Чистый экспорт = экспорт минус импорт.)

Пшеницепроизводящая отрасль сельского хозяйства полновесно включилась в мировой рынок существенно позже, с 70–80-х годов XIX века (в конце 60-х годов на внешний рынок уходило 6–11% валового сбора пшеницы)[26]. При этом даже в пору своего экспортного бума пшеницепроизводящее хозяйство отпускало на мировой рынок менее 30%, а в начале XX века уже менее четверти своих зерновых сборов (см. табл. VI-3). В период первого «большого цикла» (см. рис. VI-10) корреляция ПЗ–фактора пшеницепроизводящего хозяйства США с динамикой экспортного потенциала оказалась существенно меньше, чем в «эталонном» хлопкопроизводящем хозяйстве. Это связано с тем, что на внешний рынок отпускались лишь излишки от той части товарной массы пшеницы, которая была необходима для внутреннего потребления. В результате коэффициент корреляции R составил всего лишь 0,43 (при значимости по t–критерию 50%<t<95%).

[26] Agricultural Statistics. 1936. Wash: US Department of Agriculture, 1936, c. 5.

Мировой аграрный кризис конца XIX века еще только формировал регуляторы циклической динамики пшеницепроизводящего хозяйства. Отсюда и меньшая степень циклической взаимосвязи между урожайностью и экспортным потенциалом. К тому же пшеницепроизводящее хозяйство имело в США исключительно экстенсивный характер.

Интереснейший феномен (в ракурсе циклически–волновой динамики) представляет кукурузопроизводящее хозяйство США в период от начала регулярной работы службы статистических наблюдений США (60-ые годы XIX века) до конца 30-х годов XX века. Как свидетельствует статистические данные об урожайности кукурузы с 1866 г. на протяжении 60 лет урожайность этой культуры характеризовалась стагнационными колебаниями (в графическом изображении они напоминают пилу), то есть изменениями вокруг некоей непрерывной линии с нулевым темпом роста (см. рис. V-10(а), табл. СП-1А). Поэтому и циклическая волна кукурузопроизводящего хозяйства, относящаяся к этому периоду, не отличалась какой-либо определенной выразительностью, и, по существу, отображала все те же случайные пилообразные колебания (см. рис. VI-11).

Такой тип динамики адекватно отражал то обстоятельство, что колебания урожайности определялись исключительно природными условиями производства, изменяющимися произвольно (случайно) от года к году, а производящее продукт хозяйство находилось в экстенсивной фазе роста. И что особенно примечательно, данное хозяйство практически не зависело от универсализирующего влияния мирового рынка (см. данные об удельном весе экспорта кукурузы из США с конца 80-х годов XIX века до начала 30-х годов XX века в табл. VI-3), и, к тому же, отличалось застойной производительной силой труда (с конца 30-х годов выход зерна кукурузы на час прямых затрат труда составлял 22–25 кг[27]).

Иначе говоря, кормовая отрасль еще не стала приоритетным объектом развития сельского хозяйства США. Государство предпринимало усилия к технологическим преобразованиям кукурузопроизводящего хозяйства в части, касающейся роста его продуктивности. Тем более, что все острее стали ощущаться экономические пределы возможностей дальнейшего экстенсивного развития хозяйства на основе технологий, обеспечивавших столь малый выход продукта на единицу используемых природных ресурсов. Как подметили Хаями и Раттан, «факты об урожайности кукурузы в течение первой трети XX века надежно подтверждают мысль английских классических эконо-

[27] Подробнее см. гл. I, §3, «США», а также табл. V-1.

мистов, согласно которой дополнительные «дозы» вложений земли и труда (в производство. — *Авт.*) приносят все меньший доход»[28].

В середине 20-х годов XX века в США стали проводиться работы по выведению и внедрению в сельское хозяйство первых гибридных сортов кукурузы, которые позволили резко увеличить среднюю урожайность культуры к началу 40-х годов[29] (см. табл. СП-1А). Технологически этот скачок в урожайности можно рассматривать определенной компенсацией кукурузопроизводящему хозяйству за те потери, которые оно понесло в результате сокращения и без того стабильно низкой урожайности культуры с начала 20-х годов. Экономически же данный скачок был «ответом» данного хозяйства на вызов, брошенный ему падением доходности от возделывания кукурузы, обусловленным застойным состоянием ПЗ–фактора на протяжении долгих десятилетий второй половины XIX — первой трети XX века. Отныне кукурузопроизводящее хозяйство стало включаться в общемировой циклический континуум, свидетельством чего является бурная динамика, характерная для его второго «большого цикла» XX века (см. гл. V).

* * *

В ***России*** мы наблюдаем высокую степень корреляции между повышательной волной первого «большого цикла» XX века и ростом экспорта зерна, то есть влиянием спроса на российское зерно на мировом рынке (см. табл. VI-4).

Всего лишь за полтора десятилетия, с 1896–1900 годов до последнего предвоенного пятилетия 1909–1913 гг., среднегодовые сборы зерновых в России резко увеличились — на 41%, еще больше вырос вывоз зерна за рубеж — на 52%, хотя удельный вес зернового экспорта в сборах зерновых уже с начала века сохранялся на одном уровне, обнаруживая некоторую тенденцию к понижению (внутренний рынок постепенно начинал отвоевывать позиции у мирового рынка).

Тем не менее доля зернового экспорта в общей массе товарного зерна, отпускавшегося российской деревней на рынок, была огромной, на нее приходилось в течение этих полутора десятилетий половина общей массы товарного зерна. Вся же масса товарного зерна составляла около $^1/_3$ валового производства зерна в России в этот период (если принять оценку Н.Д. Кондратьева, основывающуюся на учете перевозок зерна по транспортным артериям страны; см. табл. VI-4).

---

[28] *Hayami Yu.* and *Ruttan V. W.* Agricultural Development: An International Perspective, c.145.

[29] Там же, с.144–149.

Таблица VI-4

Россия/СССР: производство и вывоз зерна за рубеж, 1896–1930 гг. *

Показатель \ \ Годы	1896–1900	1901–1905	1906–1910	1909–1913	1909–1913 в % к 1896–1900	1911–1913	1928–1930
Сбор зерновых[1], *млн. т*	49,2	58,1	60,0	69,6	*141*	66,8	76,2
Вывоз зерна за рубеж[1],*млн.т*	7,3	9,4	9,5	11,1	*152*	11,0	1,7
удельный вес в сборе, %	*14,8*	*16,2*	*15,8*	*15,9*	*1,07*	*16,5*	*2,2*
Товарность зернового производства, *удельный вес объема перевозок зерна в его валовом сборе, %*	*30,7*	*30,6*	*34,0*	*33,3*	*108,5*		

* *Составлено и подсчитано по: Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л.: «Наука», 1978, с.69; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991, с.91,101; Народное хозяйство [России] в 1915 г. Петроград: Комиссариат финансов, 1918, с.33,67; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932, с. XXXIX, 390.

[1] Четыре главных хлеба (рожь, пшеница, овес, ячмень) — на них приходилось примерно 91% валовых сборов всех зерновых культур, включая крупяные культуры; в 1909–1913 гг. в России в границах СССР до 17 сент. 1939 г. — 93,2% (см.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924, с.131).

Столь высокая интеграция зернового производства России в систему мирохозяйственных связей определяющим образом влияла как на рост зернового производства в целом, так и на улучшение его качественных параметров. Так, за период с 1889–1893 гг. по 1909–1913 гг. урожайность зерновых в России выросла с 5,06 ц/га до 7,64 ц/га, или в полтора раза (см. табл. СП-1А и СП-1Б; рис. V-12(а)).

Напомним в связи с этим о довольно значительном по масштабам того времени импорте из-за рубежа современных (опять-таки по тогдашним стандартам) средств производства, в том числе сельскохозяйственных машин, удобрений и др. В России уже в начале XX века начиналось технологическое развитие зернового производства «вглубь». Иначе говоря, в отличие от «эталонной» экстенсивной отрасли зернового хозяйства США — кукурузопроизводящей (как мы видели, она росла в этот период исключительно на основе распашки все новых земель при использовании традиционных, неизменяющихся технологий) — в России зерновое хозяйство начинало претерпевать

процессы технологической трансформации, в нем повышалась культура земледелия, осваивались новые технологии.

Лидировали в этом процессе, как уже отмечалось (см. гл. I, §3, «Россия»), отнюдь не рядовые общинные крестьянские хозяйства, а владельческие хозяйства, крупные посевщики хлеба и другие состоятельные производители, экономический потенциал которых был полностью сметен в ходе аграрной революции, последовавшей за Октябрьским переворотом. Эта группа хозяйств, благодаря более высокой концентрации производства, могла отпускать на рынок относительно большую часть своего зерна, чем крестьянские хозяйства. В самом деле, в 1909–1913 гг. на долю данной состоятельной группы сельских товаропроизводителей приходилось 12,1% валового сбора зерновых, однако реализованное ими на рынке зерно составляло более пятой части его общей национальной массы — 21,6%[30] (см. гл. III, §5).

Итак, пик повышательной фазы первого «большого цикла» XX века в России пришелся на канун и первые годы Первой мировой войны (1913–1915 гг.), причем процесс нарастания активности хозяйственной деятельности до пика фазы за предшествующие два с половиной десятилетия происходил весьма интенсивно (см. рис. VI-13). Последовавшая за Октябрьским переворотом война кратократии против крестьянства («военный коммунизм» и другие акции) прервала относительно спокойный переход повышательной волны цикла в понижательную, резко обрушив волну. Положительное колебание циклической волны в период НЭПа до конца 20-х годов по существу отразило лишь результат компенсационного роста, возместившего частично тот ущерб в экономическом потенциале хозяйственного развития, который Россия понесла в период гражданской войны и «военного коммунизма». Первый «коммунистический» эксперимент, как известно, завершился крупнейшей национальной трагедией — массовым голодом и мором 1921 года и последовавшими на их почве невиданными разрушениями в народном хозяйстве России.

«Экономическая жизнь», орган Совета Труда и Обороны России, весьма информированный, свидетельствовала о масштабах «рукотворной» катастрофы: «В губерниях, пострадавших от неурожая, исчислялось … в 1921 г. 43 млн. человек, или почти в три раза больше, чем в 1891 г., при этом число особенно пострадавшего населения, не оправдавшего и семян, определяется в 13 млн. человек, тогда как ранее это число никогда не превышало $2^1/_2$ млн.

[30] *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991, с.99.

(1911 г.) /…/ В результате — прямая гибель населения от голода /…/ Скот должен был, конечно, безжалостно уничтожаться … уже к 1921 году количество скота сократилось не меньше, чем на 35%, к началу же 1922 г. мы должны ожидать в лучшем случае сохранения лишь $^1/_2$ сельскохозяйственного скота. Посевная площадь уменьшилась к 1921 г. на 35%, и к 1922 г. надо тоже ожидать сокращения по меньшей мере до половины»[31].

Компенсационные результаты, достигнутые в период НЭПа, на рубеже 20–30-х годов были сметены насильственной коллективизацией, подавившей личный интерес производителя к эффективной экономической деятельности в агросфере и уничтожившей экономические мотивы к введению улучшений в сфере производства. Обрушение циклической волны стало набирать обороты.

По существу все 30-ые годы прошли под знаком резкого спада интенсивности положительного проявления ПЗ–фактора в процессе сельскохозяйственного роста. Война против фашизма, сопровождавшаяся огромными разрушениями, низвергла циклическую волну до отрицательного пика ее движения. В итоге процесс спада циклической активности в период первого «большого цикла» XX века продолжался в России, даже с учетом частичного реабилитирующего влияния НЭП-овской «реставрации», на протяжении более трех десятилетий — до второй половины 40-х годов. Это и была завершающая «точка» первого «большого цикла» XX века в России.

Перелом циклической активности, который перекрыл сползание сельского хозяйства в пропасть, наметился на рубеже 40-х – 50-х годов, по завершении периода, получившего в истории СССР название «пятилетки восстановления». Но подлинный импульс повышательная фаза второго «большого цикла» XX века получила в СССР с началом технологических трансформаций в сельском хозяйстве в середине 60-х годов, известных как «эпоха интенсификации сельского хозяйства».

3. *Некоторые выводы из анализа волновой динамики первого «большого цикла» XX века*

Вновь обратимся к нашим графикам. При интерпретации отображений первого «большого цикла» XX века нужно учитывать то обстоятельство, что применяемые в земледелии технологии пока еще весьма стабильны, а происходящие в них изменения совершаются медленно и в сравнительно небольших объемах. И, напротив, как мы видели, второй цикл представляет собой в этом отношении прямо

[31] Народное хозяйство России за 1921 г. Берлин, 1922, с. 10,11.

противоположное явление. Более того, циклическая динамика урожайности в период первого цикла еще в огромной степени подчинена «капризам» Природы, обнаруживая большие погодовые («случайные») колебания, что и находит отражение в индийском, пакистанском, российском и американском вариантах первого «большого цикла» в аграрном секторе. Условно можно сказать, что само наличие (либо отсутствие) такого рода колебаний есть свидетельство степени технологической зрелости исследуемого объекта.

Широкий разброс на временной оси страновых вариантов циклических волн составляет важнейшую отличительную черту исследуемого «большого цикла». Такая «разноголосица» объясняется, помимо прочего, тем, что аграрные сферы рассматриваемых в нашей работе стран весьма разновременно включались в процесс хозяйственных связей, регулируемых преимущественно рыночными детерминантами вообще, универсальными детерминантами мирового рынка в особенности.

В динамике колебаний, свойственных первому «большому циклу», проявляется следующая закономерность. Чем более агросфера той или иной страны при осуществлении воспроизводственного процесса опирается *на собственные ресурсы*, особенно, если дело касается материально–вещественных средств производства, тем *большей автономностью отличается хозяйство такой агросферы*. Упоминавшееся выше исследование «Баланс народного хозяйства Союза ССР в 1923-24 году» показало, сколь далеко такого рода автономность в условиях господства полунатурального хозяйства может распространяться (см. гл. I и гл. III). Мы установили также, что динамика застойных колебаний (фиксирующая многодесятилетнее застойное «плато») в урожайности той или иной культуры и других факторах экономического роста (в частности — в производительности труда), когда такие колебания определяются исключительно случайными обстоятельствами (например, погодными условиями года), не может получить адекватной интерпретации в рамках теории «кондратьевских циклических волн» (именно об этом свидетельствует приведенный выше пример динамики кукурузопроизводящего хозяйства США в 60-х годах XIX века – 30-х годах XX века, применительно к которому (хозяйству) речь скорее может идти о многодесятилетнем «перигее» какой-то более длинной, чем «кондратьевская», волны).

Поэтому несовпадение циклических границ «больших циклов», фиксируемых применительно к промышленности (то есть экономическим объектам, регулируемым в своей деятельности законами рынка), с одной стороны, и применительно к агросферам различных стран, разновременно вступившим на путь рыночных отношений, с

другой, значительно *больше при первом цикле XX века, чем при втором*, для которого характерна большая универсализация циклических границ.

Таким образом, одно из основных правил, свойственных первому «большому циклу» XX века, состоит в том, что, как только данная страна выходит *на мировой рынок* (или, точнее, применительно к нашей теме — на мировой отраслевой рынок) со своим продуктом, данная национальная отрасль хозяйства начинает подчиняться *закономерностям циклически–волновой динамики в ее «кондратьевском» измерении*. Процесс такого подчинения на отраслевом уровне происходит в разное время. Можно сказать, что *первый «большой цикл» XX века связан с началом мировых интеграционных процессов*, которые именно в ходе второго цикла получили свое полное развитие. (Во всяком случае, понижательная фаза второго «большого цикла» почти универсальна практически по всем странам; см. гл. V.)

Из особенностей первого «большого цикла» следует выделить прежде всего факт *отставания циклической волны в бывших колониальных и зависимых странах* от аналогичной волны в промышленно развитых странах — метрополиях. Такое отставание, как свидетельствуют рассмотренные нами данные, распространялось даже на период, охватывавший целую фазовую волну. Временные границы фазового лага, о чем также было сказано, были обусловлены, с одной стороны, значительной протяженностью времени, необходимого для технологического трансферта — переноса усовершенствованных технологий возделывания тех или иных сельскохозяйственных культур из метрополии на почву колониальных и зависимых стран, а, с другой стороны, длительностью времени адаптации таких технологий, дающих импульс повышательной волне на стороне технологического потенциала, к специфическим условиям стран–реципиентов. То есть, говоря иначе, циклически–волновая динамика в хозяйстве агросферы в бывших колониях и зависимых странах, по меньшей мере в конце XIX – первой половине XX века, имела во многом *рефлекторную* природу. Основные характеристики этой динамики обусловливались влиянием процессов, генерировавшихся метрополией. Что, впрочем, не исключало того, что возникавший фазовый лаг, как мы могли наблюдать на примере «циклической разноголосицы» в пределах бывшей Японской империи, мог оказывать отрицательное (депрессивное) воздействие на динамику цикла в самой метрополии. Одна-

жды выпущенного из бутылки джина уже невозможно загнать обратно.

Тем впечатляюще выглядит «разброс» по временной оси экстремумов повышательной фазы первого «большого цикла» в различных странах и отраслях сельского хозяйства (см. табл. VI-5).

И тем не менее, думается, по приведенным выше материалам представляется возможным обозначить контуры примерных временных границ первого «большого цикла» XX века. Своей начальной временной границей он «упирается» в последнее десятилетие XIX века, иногда (как, например, «большой цикл» в хлопковом хозяйстве США) захватывает и предшествующее десятилетие, а завершается он «нормативно» к середине XX столетия, однако, при «аномалиях» — со значительным временным лагом по отдельным странам (скорее их отдельным, отсталым отраслям), в прошлом — колониальным, «прихватывая» полтора (пшеницепроизводящее хозяйство Пакистана) и даже два с половиной десятилетия (рисопроизводящее хозяйство Индии) от второй половины XX века.

Таблица VI-5

Экстремумы первого «большого цикла» XX века

Страна, регион	*Отрасль хозяйства по виду культуры*	*Период (годы) экстремума*	*Условная точка экстремума (год)*
		Опережающий цикл	
США	Хлопок	1895–1910	1897
		Нормативный цикл	
США	Пшеница	1905–1910	1906
Россия	Зерновые	1910–1915	1913
Япония	Рис	1915–1920	1920
		Запаздывающий цикл	
Узбекистан	Хлопок	1910–1915	1910
Индия	Рис	1930–1935	1932
Тайвань	Рис	1933–1937	1935
Пакистан	Пшеница	1940–1945	1942

Именно в период второго «большого цикла» XX столетия циклически–волновая динамика хозяйства агросферы различных стран мира приобретает *«квалификационные» характеристики всеобще–*

унифицированного явления мирового порядка. Действительно, как следует из материалов пятой главы, отклонения от утверждающегося «стандарта» цикла возникают в эпоху второго «большого цикла» XX века заметно реже, чем в эпоху первого; второй «большой цикл» характеризуется большим совпадением временных границ цикла (и его отдельных фаз) в силу роста универсализации хозяйственных, рыночных, информационных и иных связей между странами, оказывающих влияние на движение цикла.

Как отмечалось, определенную роль в динамике первого «большого цикла» XX века, особенно в странах зоны «землесберегающего» ТСП, играло развитие потенциала фактора продуктивности сельского хозяйства. В Японии этому фактору придавалось столь большое значение, что понижательную волну, проявившуюся в стагнации урожайности сельскохозяйственных культур с начала 20-х годов, исследователи связывали с провалами в научной разработке сельскохозяйственных технологий, ответственность за которую брало на себя государство, сосредоточивая этот процесс в государственном секторе, главном накопителе национального научного потенциала. Так, упоминавшиеся Хаями и Раттан подметили, что одну из основных причин «стагнации сельского хозяйства Японии в период между двумя войнами можно, по-видимому, объяснить накопившимся к этому времени отставанием в адаптации государственного комплекса научных исследований к изменениям в спросе и предложении на факторы производства и его продукта»[32]. Напротив, в Российском Туркестане, как мы видели, именно научный фактор технологических усовершенствований, спонсируемый государством, позволил ведущему сектору сельского хозяйства эффективно реализовать на заре XX века в положительной динамике роста устойчиво–благоприятную рыночную конъюнктуру того времени. Очевидно, таким образом, что государство уже на самом начальном этапе формирования первого «большого цикла» XX века становилось силой, все более активно воздействовавшей на его динамику.

---

[32] *Hayami Yu.* and *Ruttan V.W.* Agricultural Development: An International Perspective, с.162. И далее авторы ставят вопрос еще более жестко: «Также кажется очевидным, что неудачи в организации государственной службы сельскохозяйственных исследований могут привести к серьезным деформациям характера технологических изменений и использования ресурсов. Механические технологии гораздо более отзывчивы, чем биологические, на импульсы, побуждающие к изменениям, поскольку их механизм действует в частном секторе» (Там же, с.165).

В заключение отметим, что равновеликие, по меньшей мере, по временной протяженности с кондратьевскими, сельскохозяйственные «большие циклы» (оцениваемые долговременными изменениями урожайности сельскохозяйственных культур) можно отследить в агросфере и в более отдаленное историческое время. Так, вполне по временным меркам кондратьевских «длинных волн» сельское хозяйство России пережило в XIX–XX вв. четыре «больших цикла» с точками экстремумов: положительных — в 1815, 1870, 1913, 1973 гг. и отрицательных — в 1835, 1890, 1945, 1995 гг. (см. рис. V-12(в), а также табл. СП-1А и СП-1Б). И хотя такого рода *сельскохозяйственные* циклы могут рассматриваться, например, в рамках генерального подхода, используемого в интерпретации теории циклов Н.Д. Кондратьева И.Валлерстайном (см. «Послесловие»), как особый случай «больших (кондратьевских) циклов» в их общественно-глобальных проявлениях, развернутая оценка *сельскохозяйственных* «длинных волн» XIX века и более раннего времени еще ожидает своего исследователя.

Послесловие

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦИКЛ В ЦИКЛИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ В XX ВЕКЕ.

В ходе нашего исследования мы убедились, что циклически–волновая динамика хозяйственного объекта, исследуемая по методике «кондратьевских» циклов, применительно к хозяйству агросферы есть процесс становления и развития циклической волны по существу на протяжении всего XX века.

Оценивая «кондратьевскую» волну по долговременным изменениям факторов производства (в частности, продуктивности земли и производительности труда), мы установили, что включение в циклически–волновой процесс аграрных секторов различных стран в течение первого «большого цикла» XX века происходило весьма *неравномерно*. Данный феномен был выявлен, в частности, при сравнительном анализе первого «большого цикла» в бывших колониальных и зависимых странах (т.е. на периферии мирового капиталистического хозяйства), с одной стороны, и в странах — бывших метрополиях (т.е. в центре МКХ) — с другой. Первая группа стран демонстрировала запоздалое включение хозяйства агросферы (его отдельных сегментов, отраслей) в унифицирующие механизмы рынка, сначала национального, а впоследствии или одновременно — если движение хозяйства в сторону рынка с самого начала обеспечивалось развитием экспорториентированного сектора аграрной экономики — и мирового. Факт такого рода «отставания на такт» (если использовать здесь метафорический термин теории «зависимого развития») мы наблюдаем на протяжении всего исторического периода, охватывающего время первого «большого цикла» — от последних десятилетий XIX века до середины XX века. «Отголоски» таких временны́х лагов мы встречаем в отдельных странах и в период второго «большого цикла» XX века.

Мы установили далее, на уровне межстранового анализа, что повышательная фаза второго «большого цикла» XX века начинается *синхронно* в аграрных секторах, по меньшей мере, группы экономиче-

ски развитых стран, выражая универсализирующее влияние процессов мирового развития, мировых производительных сил. Речь идет здесь о влиянии не только фактора мирового рынка, но и такого феномена глобального порядка, как научно-техническая революция.

Именно в период второй половины XX века радикально стали меняться функции человеческого фактора в процессе производства. В ходе экономического роста человек стал выступать не только и все больше уже — не столько как носитель физической (мускульной) силы, эмпирических знаний и накопленных производственных навыков и опыта в сельскохозяйственной практике, а как творец всего технологического процесса производства в агросфере, в котором в качестве одной из его составляющих участвует Природа. Такого рода метаморфоза, начавшаяся еще в период первого «большого цикла», качественно новые черты стала приобретать во второй половине XX века, особенно на информационной стадии НТР[1]. Какие яркие примеры этого демонстрирует каждая из представленных в работе стран!

Важнейшим условием полноценной реализации человеческого фактора в эпоху НТР выступает регулирующая деятельность государства, способствующая, помимо прочего, развитию «субъективных, духовных факторов труда» и тем самым — раскрытию потенциала НТР[2].

Как же соотносятся рассмотренные нами выше сельскохозяйственные «большие циклы» с промышленными «большими циклами» по версии Н.Д. Кондратьева? Российские исследователи А.В. Полетаев и И.М. Савельева[3] выделили относительно длительный исторический период — с середины XIX в. до середины XX в. — автономного движения «кондратьевских» циклов — аграрных (т.е. описывающих циклически–волновую динамику экономической деятельности в сельском хозяйстве на его доиндустриальной стадии развития) и промышленных (которые стали формироваться со времени индустриальных преобразований в сфере промышленного производства[4]).

---

[1] Подробнее см.: *Колонтаев А.П.* НТР и машинная стадия производства в развивающихся странах, в: Научно-технический прогресс и развивающиеся страны. М., 1976, с. 68, 70, 71.

[2] Подробнее см.: *Крылов В.В.* Теория формаций. М.: «Восточная литература» РАН, 1997, с. 96–101, 122–124.

[3] См.: *Полетаев А.В., Савельева И.М.* Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования). М.: «Наука», 1993.

[4] Авторы придерживаются мнения, что промышленные циклы кондратьевского типа возникли в Англии в середине XVIII в.; их появление было синхронизиро-

Именно в середине XX века, точнее — между 1945–1950 гг., и произошла, по заключению этих исследователей, *синхронизация аграрного и промышленного циклов* как явлений общемирового порядка. Данный феномен, очевидно, можно объяснить тем, что в развитых капиталистических странах по завершении Второй мировой войны началось повсеместное и массовое перевооружение сельского хозяйства на промышленной основе (аграрная индустриализация). Сельскохозяйственный («аграрный») «большой цикл» просто стал частью промышленного, его особым проявлением.

В.А. Мельянцев обратил внимание на *одинаковый* характер смены по историческим периодам *векторов изменений* столь важного параметра роста, как темп прироста производства, в трех основных экономических секторах (включая аграрный и промышленный) по группе развитых капиталистических стран. Особенно примечательным в наблюдениях автора является то, что выделенные им периоды полностью (или почти полностью) *совпадают* с временными отрезками, фиксирующими на оси циклического времени понижательную фазу первого «большого цикла» XX века (1913–1950 гг.) и повышательную (1950–1973 гг.) и еще не завершившуюся понижательную (1973–1990 гг.) фазы «нормативного» второго «большого цикла» XX века. В.А. Мельянцев приводит в подкрепление своих наблюдений следующие данные (*среднегодовые темпы прироста производства по годам/периодам, в %)*[5]:

Сектор / год (период)	*1913–1950*	*1950–1990*		
		1950–1973	*1973–1990*	*за весь период*
Аграрный	*0,6*	*2,1*	*1,4*	*1,8*
Промышленность и строительство	*2,7*	*5,2*	*2,2*	*3,9*
Сфера услуг	*2,4*	*4,3*	*3,1*	*3,8*
Всего	*2,2*	*4,5*	*2,7*	*3,7*

вано с эпохой промышленного переворота, которая положила начало экономическому развитию нового типа и становлению современного — «кондратьевского» — «большого цикла» (см. там же, гл.2, §3).

[5] Все показатели — средневзвешенные, рассчитаны автором по следующим странам: Великобритания, Франция, Германия, Италия, США, Япония (см.: *Мельянцев В.А*. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Издательство Московского университета, 1996, с.159 – 161).

Отметим также: автор не только выявил *синхронность* изменений векторов темпов прироста производства по экономическим секторам хозяйства, но и показал *глубину разрыва между уровнями этих темпов* по фазам «больших циклов», охватывающих XX век.

Универсализирующее влияние общемировых факторов развития на национальные процессы сельскохозяйственного роста ныне начинает проявляться с все большей силой. Первый «большой цикл»XXI века, возможно, уже начинает свое шествие в столь разных объектах циклически–волновой динамики, как аграрные секторы США, Индии, Японии, показывающие, например, в пшеницепроизводящей отрасли земледелия зарождение в последние годы XX века восходящей волны (повышательной фазы) нового цикла (см. рис. V-2(в), V-5(в), V-9(в), V-18(в)). Те же явления мы наблюдаем и в зерновом хозяйстве стран, возникших в границах территории бывш. СССР (см. рис. V-8(в), V-12(в), V-13(в)).

«Кондратьевские» экономические циклы представляют собой, по-видимому, лишь особый феномен еще более крупных циклов, которые, вбирая и собственно экономический процесс, могут быть интерпретированы в рамках понятийной парадигмы циклической теории Кондратьева.

Одним из ярких представителей такого подхода является выдающийся американский социолог-теоретик Иммануэль Валлерстайн, который в своих исследованиях «пропустил» поток мирового исторического процесса и мировой экономической динамики XIX–XX вв. (и их более отдаленных во времени проявлений) сквозь призму видения их в циклически–волновом «окрасе»[6]. Именно с позиций такого подхода автор концептуализирует модель развития мировой социальной системы, охарактеризованную им как «капиталистическая мир-система» (т.е. система, которая сама по себе представляет целый мир). Ее пульсирующее, принимающее форму спирали движение в историческом времени он и исследует, и оценивает, по меньшей мере, за последние два века, в контексте циклической теории Н.Д. Кондратьева. При этом Валлерстайн исходит из принятого в мировой науке положения, что кондратьевские циклы протяженностью 50–60 лет каждый имеют по две фазы: фазу А («повышательная») и фазу Б («понижательная»). Фаза А второго «большого цикла» XX века приходится, по автору, на период 1945–1967/1973 гг. «В настоящее время (1995 г. — *Авт.*), по мнению Валлерстайна, мы находимся в конце фазы Б

[6] См., например: *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: УРСС, 2003.

очередного «кондратьевского» цикла, которая проходит с 1967–1973 гг.»[7]. Основываясь на анализе тенденций мирового развития в XX веке, его циклических «зигзагов», их причин и результатов, автор предпринимает попытку, весьма обоснованную, на наш взгляд, заглянуть в ближайшее будущее — первую четверть XXI века, на которую, по логике циклической теории Н.Д. Кондратьева и предположению И. Валлерстайна, выпадает фаза А очередного «кондратьевского» цикла[8, 9]; по завершении этого цикла, «в 2050 или 2075 г.», «мы не будем больше жить в условиях капиталистической мир-экономики. Вместо этого мы будем развиваться в рамках нового порядка или порядков, некой новой исторической системы или систем»[10].

[7] Там же, с. 24, 30.

[8] Подробнее о творчестве Валлерстайна см.: *Чешков М.А*. Мир как целостность (концепция И.Валлерстайна и его критики), в сб: Осмысливая мировой капитализм. М.: ИМЭМО, 1997, с. 10–55; Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: «Восточная литература» РАН, 1995, гл. I [*А.И. Фурсов*].

[9] Следуя духу произведений Валлерстайна, трудно удержаться от искушения провести такое сопоставление: Серебряный век поэзии в России практически полностью совпадает с повышательной фазой первого «большого цикла» XX века по версии Кондратьева (90-е годы XIX в. — 1913 г.).

[10] *Валлерстайн И*. После либерализма, с. 49.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. *Статистические таблицы*

Таблица СП-1А

Сведения об урожайности основных сельскохозяйственных культур по странам, 1870–2000 гг.*, *ц/га*

Год	Япония	Индия			Пакистан	США			Россия/ СССР	РСФСР/ Россия	Казахстан	Узбекистан		
	рис, промежуточная очистка, коричневый	все зерновые	рис, очищенный	Пенджаб: пшеница	пше-ница	пшеница	кукуруза	хлопок, в волокне	все зерновые	все зерновые	все зерновые	хлопок: сырец	хлопок: в волокне	все зерновые
(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*	*(10)*	*(11)*	*(12)*	*(13)*	*(14)*	*(15)*
1870						8,1	17,8	2,3				7,0		
1871						8,2	18,3	1,8						
1872						7,9	19,3	2,0						
1873						8,7	14,9	1,9						
1874						8,7	13,0	1,7						
1875						7,5	18,5	2,0						
1876						7,3	16,4	1,9						
1877						9,5	16,7	1,9						
1878						9,1	16,9	1,9						
1879	18,9					8,7	18,3	2,0						
1880	18,5					8,9	17,3	2,1				7,0		

Таблица СП-1А (продолжение)

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*	*(10)*	*(11)*	*(12)*	*(13)*	*(14)*	*(15)*
1881	17,7					7,4	11,7	1,7						
1882	17,7					10,1	15,4	2,3						
1883	17,8					8,3	15,2	1,8						
1884	15,8					9,9	17,8	1,7						
1885	19,8					7,7	17,9	1,9						
1886	21,6					9,5	15,1	1,8						
1887	23,0					8,9	13,7	2,0						
1888	21,8					8,1	18,3	1,9						
1889	18,4					9,4	18,5	2,0				6,7		
1890	23,8					8,2	13,9	2,2				6,8		
1891	21,0					11,1	18,6	2,2				7,1		
1892	22,9					9,5	15,5	1,9				7,0		
1893	20,5					8,3	14,9	2,0				6,7		
1894	23,4					9,1	12,7	2,4				7,5		
1895	21,9					9,3	17,6	1,9				7,1		
1896	19,8					8,6	18,8	2,0	6,5			7,2		
1897	18,1					9,4	15,9	2,3	5,4			7,1		
1898	25,7					10,2	16,8	2,5	6,3			7,2		
1899	21,4					8,4	17,6	2,1	7,1			8,4		
1900	22,4	8,0	10,7			8,2	17,6	2,2	6,6			9,1		
1901	25,1	7,6	9,7	8,1	8,1	10,1	11,4	1,9	5,5			7,6		
1902	19,9	8,5	11,5	9,0	9,0	10,0	17,9	2,1	7,7			8,2	2,7	
1903	24,9	8,3	11,0	9,8	9,8	9,2	16,9	1,9	7,0			10,9	3,6	
1904	27,5	8,1	10,9	9,3	9,3	8,7	17,7	2,4	8,2			8,1	2,7	
1905	20,2	8,0	9,9	10,3	10,3	10,2	19,4	2,0	6,4			9,9	3,3	

Таблица СП-1А (продолжение)

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*	*(10)*	*(11)*	*(12)*	*(13)*	*(14)*	*(15)*
1906	24,4	7,7	9,7	6,9	6,9	10,7	19,9	2,3	5,2		5,0	12,7	4,2	
1907	25,8	7,1	8,3	7,5	7,6	9,5	17,1	1,9	6,2			10,5	3,1	
1908	27,2	7,0	8,1	8,7	9,1	9,6	16,9	2,3	6,4			10,2	3,0	
1909	27,3	8,5	11,6	9,5	9,3	10,4	16,4	1,7	8,3		4,2	12,8	4,0	
1910	24,2	8,6	11,7	9,4	9,3	9,2	17,5	2,0	7,6	6,8	4,0	13,9	4,2	7,2
1911	26,6	8,5	10,6	8,7	8,6	8,3	15,3	2,4	5,8		1,6	12,7	3,9	6,9
1912	25,7	7,7	9,4	8,2	8,1	10,1	18,3	2,2	7,8	7,1	6,1	12,6	3,8	7,9
1913	25,5	7,2	9,4	8,2	8,2	9,7	14,2	2,1	8,7	8,0	5,1	13,0	3,8	6,5
1914	29,0	7,5	8,7	8,6	8,6	10,8	16,2	2,4	6,9	6,6	7,3	12,1	3,6	7,5
1915	28,1	8,2	10,5	6,1	6,3	11,2	17,6	2,0	8,6	7,7	5,7	13,3	4,0	7,7
1916	29,2	8,4	10,8	6,8	6,9	8,0	15,1	1,8	7,2	6,4	4,1	10,5	3,1	
1917	27,4	8,2	11,1	8,2	8,8	8,9	16,4	1,9	6,4	6,2	6,5	8,5	2,5	
1918	27,3	6,6	7,6	8,5	8,5	9,9	15,0	1,8	6,0			8,1	2,3	
1919	30,2	8,8	10,3	9,6	9,7	8,7	17,1	1,8	6,2			3,7	1,0	
1920	31,1	7,3	8,6	6,6	6,8	9,1	19,0	2,1	5,7	4,6	2,3	3,2	0,9	
1921	27,1	8,6	10,2	10,4	10,8	8,5	17,8	1,5	5,0	4,2	3,2	2,4	0,7	
1922	29,9	8,6	10,3	8,4	8,4	9,3	16,9	1,7	7,7	7,0	5,4	5,0	1,5	
1923	27,2	7,9	9,0	9,2	9,0	8,9	17,8	1,5	7,3	5,4	3,2	6,7	1,9	
1924	28,2	7,8	9,5	6,7	6,7	10,7	14,4	1,8	6,2	6,2	4,7	6,6	2,0	
1925	29,1	7,8	9,3	7,8	7,5	8,6	17,7	1,9	8,6	8,1	7,1	9,1		8,9
1926	26,6	7,8	9,2	7,9	7,6	9,9	16,2	2,2	8,4	8,2	8,7	8,2		8,0
1927	29,6	7,4	9,3	6,5	5,6	9,9	17,1	1,8	7,6	7,2	4,9	9,8		7,3
1928	28,6	7,9	9,7	7,7	8,5	10,3	17,0	1,8	7,9	8,1	9,0	9,6		9,3
1929	28,0	8,2	9,7	9,5	9,4	8,7	16,2	1,8	7,5	6,9	4,7	9,8		8,2
1930	31,2	8,1	9,9	8,4	8,4	9,5	12,8	1,7	8,5	7,8	6,1	8,9		7,7

Таблица СП-1А (продолжение)

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*	*(10)*	*(11)*	*(12)*	*(13)*	*(14)*	*(15)*
1931	25,7	8,0	10,2	7,6	8,0	11,0	15,3	2,4	6,7	6,5	4,3	7,5		7,3
1932	28,0	7,8	9,5	8,2	8,0	8,8	16,6	1,9	7,0	6,8	5,1	8,4		5,6
1933	33,7	7,5	9,3	7,2	7,6	7,5	14,2	2,3	6,7	6,3		9,1		
1934	24,7	7,8	9,3	8,5	8,6	8,1	9,9	1,9	6,5	7,0		8,2		
1935	27,1	7,3	8,3	8,2	8,5	8,2	15,1	2,1	7,3			10,8		
1936	30,7	7,9	9,7	9,1	8,9	8,6	10,2	2,2	5,7			16,4		
1937	30,7	7,7	9,3	9,4	8,0	9,1	17,6	3,0	9,3	9,4	7,1	16,0		3,7
1938	31,2	7,1	8,2	8,5	8,5	8,9	17,4	2,6	7,3			16,5		
1939	31,2	7,7	8,5	9,9	9,9	9,5	18,3	2,7	7,5			17,2		
1940	29,0	7,0	7,8	8,5	8,4	10,3	17,8	2,8	8,6	7,9	4,3	15,0		4,1
1941	26,2	7,3	8,2	9,7	10,0	11,3	19,5	2,6	7,3	6,6	6,8	17,7		4,5
1942	31,9	7,0	8,3	10,0	10,2	13,1	22,0	3,0	4,4	4,4	3,7	9,4		4,3
1943	30,6	7,3	9,1	8,6	8,6	11,0	20,2	2,8	4,2	3,8	2,3	7,1		3,4
1944	29,7	6,8	8,4	9,2	9,8	11,9	20,6	3,3	6,0	5,5	3,6	11,3		2,8
1945	20,5	6,3	8,1	7,9	8,0	11,4	20,5	2,8	5,6	5,0	3,9	10,9		4,3
1946	33,1	6,3	8,3	8,2	8,2	11,6	23,0	2,6	4,6	4,2	5,0	13,6		
1947	30,5	6,7	8,3	8,2	8,5	12,2	17,8	3,0	7,3	6,7	5,5	12,7		
1948	33,7	6,3	8,0	9,2	9,4	12,0	26,7	3,5	6,7	5,6	4,0	15,6		
1949	31,4	5,5	7,5	11,3	9,3	9,7	23,7	3,1	6,9	6,2	5,6	16,6		4,3
1950	32,0	5,2	6,7	9,8	9,1	11,1	23,6	3,0	7,9	7,2	7,9	20,1		3,9
1951	30,0	5,4	7,1	10,0	7,3	10,7	22,7	3,0	7,4	7,0	4,1	20,5		4,6
1952	33,0	5,8	7,6	11,1	6,3	12,3	25,5	3,1	8,6	7,6	5,5	21,0		5,6
1953	27,3	6,4	9,0	10,6	8,6	11,6	25,0	3,6	7,8	7,1	7,7	21,1		7,0
1954	29,9	6,3	8,2	11,0	7,5	12,2	23,9	3,8	7,7	7,8	9,1	20,0		5,0
1955	38,4	6,1	8,7	9,3	7,4	13,3	25,5	4,7	8,4	7,7	2,9	18,9		5,1

Таблица СП-1А (продолжение)

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*	*(10)*	*(11)*	*(12)*	*(13)*	*(14)*	*(15)*
1956	34,2	6,3	9,0	10,3	7,7	13,6	28,7	4,6	9,9	9,5	10,6	21,9		5,9
1957	35,4	5,9	7,9	10,2	7,7	14,7	30,3	4,3	8,4	8,0	4,6	20,4		4,6
1958	36,9	6,7	9,3	10,7	8,1	18,5	33,1	5,2	11,1	10,6	9,4	21,1		6,9
1959	38,0	6,6	9,4	10,2	8,0	14,6	33,3	5,2	10,4	9,8	8,6	22,9		6,0
1960	38,9	7,1	10,1	12,4	8,2	17,6	34,2	5,0	10,9	10,7	8,5	20,4	6,9	7,8
1961	37,6	7,1	10,3	12,3	8,2	16,1	38,9	4,9	10,7	9,9	6,6	20,7		5,0
1962	39,9	6,8	9,3	11,6	8,3	16,9	40,3	5,1	10,9	11,0	6,5	19,2		6,4
1963	39,3	6,9	10,3	12,6	8,3	16,9	42,4	5,8	8,3	8,3	4,4	22,7		7,8
1964	38,6	7,6	10,8	15,1	8,6	17,6	39,0	5,9	11,4	10,7	9,8	22,6		9,3
1965	38,1	6,3	8,6	12,4	7,6	17,8	46,5	5,9	9,5	9,0	3,1	24,2		5,0
1966	39,2	6,4	8,6	15,2	8,1	17,7	45,4	5,4	12,7	12,1	10,8	25,1		6,7
1967	44,3	7,8	10,3	18,6	10,7	17,3	49,1	5,0	11,2	11,0	6,3	25,2		5,4
1968	44,0	7,8	10,7	20,7	10,7	19,5	52,7	5,2	13,0	13,6	8,4	25,0		9,7
1969	42,8	8,1	10,7	22,2	11,7	19,7	52,5	5,4	12,2	11,3	8,8	23,1		7,0
1970	43,4	8,7	11,2	22,4	10,8	20,8	45,4	4,9	14,4	14,5	9,8	26,3	9,0	8,5
1971	40,4	8,6	11,4	22,9	11,9	22,8	55,3	4,9	14,2	13,5	9,4	26,4		6,2
1972	45,0	8,1	10,7	22,3	12,5	22,0	60,9	5,7	13,0	11,6	12,5	28,0		8,7
1973	46,3	8,3	11,5	22,0	12,5	21,3	57,2	5,8	16,3	15,6	11,2	29,2		11,8
1974	45,1	8,2	10,4	23,4	13,2	18,4	44,8	4,9	14,2	13,5	7,3	30,6		10,7
1975	47,6	9,4	12,3	23,7	14,2	20,6	54,1	5,1	10,1	9,4	4,7	28,3		9,6
1976	47,6	8,9	10,9	24,3	14,3	20,4	55,2	5,2	16,2	15,3	11,7	28,2		15,9
1979	47,9	8,8	10,7	27,9	15,3	23,0	68,7	6,1	13,1	11,2	13,6	29,6		19,6
1980	41,0	10,2	13,3	27,3	16,4	22,5	57,1	4,5	13,9	12,9	10,9	29,7	8,6	19,5
1981	45,0	10,3	13,1	29,3	15,6	23,2	68,3	6,1	11,7	9,8	9,3	27,1		20,0
1982	45,5	10,4	12,3	30,1	16,8	23,9	71,0	6,6	14,1	13,5	7,7	26,7		19,3

Таблица СП-1А (продолжение)

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*	*(9)*	*(10)*	*(11)*	*(12)*	*(13)*	*(14)*	*(15)*
1983	45,6	11,6	14,6	30,2	14,8	26,5	50,9	5,7	14,7	14,7	9,2	26,4		22,3
1984	51,3	11,5	14,2	32,9	16,1	26,1	67,0	6,7	13,3	12,3	6,2	26,2		15,1
1985	49,8	11,8	15,5	35,3	18,8	25,2	74,1	7,1	15,1	14,5	9,6	27,0	8,7	15,1
1986	50,6	11,3	14,7	29,7	15,6	23,1	74,9	6,2	16,6	15,9	11,5	24,3	7,9	16,9
1987	49,5	11,7	14,6	35,4	17,3	25,3	75,2	7,9	16,8	14,8	11,2	23,1	7,1	17,3
1988	47,1	13,3	16,9	36,7	18,6	22,9	53,1	6,9	15,3	14,2	8,6	26,6	8,6	19,8
1989	49,3	13,5	17,6	35,9	18,2	22,0	73,0	6,9	17,5	16,1	7,9	26,9	8,4	17,8
1990	50,6	13,8	17,4	37,2	18,4	26,6	74,4	7 1	19,9	18,5	12,2	27,6	8,7	18,8
1991	46,9	13,8	17,5	38,0	19,9	23,1	68,2	7,3	14,7	14,4	5,3	27,0	8,4	17,3
1992	50,2	14,6	17,4	37,7	19,5	26,4	82,5	7,8		17,2	13,2	24,8	7,6	18,6
1993	36,6	15,0	18,9	40,1	18,8	25,7	63,2	6,8		16,3	9,7	25,0	7,7	16,7
1994	54,2	15,5	19,1	40,9	18,9	25,3	87,0	7,9		14,4	7,9	25,6	8,2	16,2
1995	50,9	14,9	18,5	38,8	20,8	24,1	71,2	6,0		11,6	5,0	26,4	8,4	19,4
1996	52,3	16,1	18,8	42,4	20,2	24,4	79,8	7,9		12,9	6,5	22,6	7,2	20,9
1997	51,3	15,5	19,0	38,5	20,5	26,5	79,7	7,5		16,5	8,7	24,5	7,8	21,4
1998	49,8	16,3	19,3	43,3	22,4	29,0	84,1	7,0		9,4	5,6	21,0	6,7	25,1
1999	51,6	17,0	19,9	47,0	21,7	28,7	84,1	6,8		11,7	13,0	23,7	7,5	25,7
2000	52,2	16,4	20,1		24,9	28,2	86,0	7,1		14,4	9,1			24,4

**Составлено и рассчитано по*:

Япония. *Nakamura J.I.* Agricultural Production and the Economic Development of Japan 1873–1922. Princeton, 1966, c.228–230 *[данные за 1879–1925 гг.]*; The Statistical Abstract of the Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1932/33. Tokyo, 1934, c.2–7 *[данные за 1926–1931 гг.]*; The Statistical Abstract of the Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1935/36. Tokyo, 1936, c.2–9 *[данные за 1932–1935 гг.]*; *Takane Matsuo*. Rice and Rice Cultivation in Japan. Tokyo, 1961, c.7 *[данные за 1936–1939 гг.]*; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry, and Fisheries. Japan. Tokyo. Выпуски за 1960 (c.14), 1962 (c.14), 1965 (c.7), 1968 (c.15), 1971 (c.15), 1996 (c.21), 1998 (c.21) *[данные за 1940–1970 и 1995–1998 гг.]*; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan. Tokyo. Выпуски за: 1975~'76 (c.84), 1979~'80 (c.100), 1982~'83 (c.72),1986~'87 (c.80), 1988~'89 (c.66), 1991~'92 (c.74), 1993~'94 (c.100) *[данные за 1971–1992 гг.]*; Japan Statistical Yearbook 1997. Tokyo, 1997, c.235 *[данные за 1993–1994 гг.]*; Preliminary Statistical Report on Agriculture, Forestry, and Fisheries of Ministry of Agriculture, Forestry, Fisheries of Japan. 1999. (см.: www.maff.go.jp) *[данные за 1999 г.]*; The FAOSTAT Agriculture Database. 16.02.2002. (см.: www.fao.org) *[данные за 2000 г.]*.

Индия. **Рис**: *Sivasubramonian S.* Estimates of Gross Value of Output of Agriculture for Undivided India, 1900/01 to 1946/47, in: Papers on National Income and Allied Topics. Ed. by *V.K.R.V.Rao et al.* Bombay. Vol. I. 1960, c.245, Table 3, 4 *[данные за 1900/01–1910/11 гг.]*; Technological Possibilities of Agricultural Development in India. A Note by *W. Burns.* Lahore, 1944, c. i, Statement 1 *[данные за 1911/12– 1938/39 гг.]*; Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Rice in India. Delhi, 1955, c. 404,405,410,411,420 *[данные за 1939/40–1948/49 гг.]*; Agricultural Statistics at a Glance. New Delhi: Govt. of India, 1988, c.9 *[данные за 1949/50–1985/86 гг.]*; Agricultural Statistics at a Glance. New Delhi: Govt. of India, 2001, c.26 *[данные за 1986/87–2000/2001 гг.]*. **Зерновые** (семь культур): *Sivasubramonian S.* Estimates of Gross Value of Output of Agriculture for Undivided India, 1900/01 to 1946/47, in: Papers on National Income and Allied Topics. Ed. by *V.K.R.V.Rao et al.* Bombay. Vol. I. 1960, c.245, Table 3, 4 *[данные за 1900/01–1918/19 и 1942/43–1946/47 гг.]*; Technological Possibilities of Agricultural Development in India. A Note by *W. Burns.* Lahore, 1944, c. xiv, Statement 28 *[данные за 1919/20– 1941/42 гг.]*; *Menon V.S.* Agricultural Productivity in India, in: *Studies in Agricultural Economics*. Delhi: Ministry of Food and Agriculture. Vol. III. 1960, c.42,43 *[данные за 1947/48–1948/49 гг.]*; Agricultural Statistics at a Glance. New Delhi: Govt. of India, 1988, c.7 *[данные за 1949/50–1985/86 гг.]*; Agricultural Statistics at a Glance. New Delhi: Govt. of India, 2001, c.25 *[данные за 1986/87–2000/2001 гг.]*.

Индия: Пенджаб. The Board of Economic Inquiry. Punjab. Publication No.52. Part I. Agricultural Statistics of the Punjab, 1901-02 to 1935-36. Lahore, 1937, c.61; *Calvert H.* The Wealth and Welfare of the Punjab. Lahore, 1922, c. 156; The Board of Economic Inquiry. Punjab. Publication No.52. Part II. Lahore, 1945, c.14 *[данные за 1901/02–1943/44 гг.]*; *Menon V.S.* Agricultural Productivity in India, in: *Studies in Agricultural Economics*. Delhi. Vol. III. 1960, c.42,52 *[данные за 1944/45–1958/59 гг.]*; *Agricultural Situation in India*. 1960, Vol. 15, No.5, c.672 *[данные за 1959/60 гг.]*; Statistical Abstract of the Punjab. Chandigarh, 1968, c.51,66 *[данные за 1960/61–1967/68 гг.]*; Indian Agriculture in Brief. New Delhi: Ministry of Agriculture, 12th ed. 1973; 17th ed. 1979; 21st ed. 1987; Economic Survey. Delhi. Выпуски за: 1980-81, 1981-82, 1987-88, 1990-91, 1996-97; *Agricultural Situation in India*. Vol.47. 1992, No.5, c.318; Agricultural Statistics at a Glance. New

Delhi: Govt. of India, 1988, c.39 *[данные за 1968/69–1990/91 гг.]*; Punjab at a Glance (см: http://punjabgovt.nic.in) *[данные за 1991/92–1997/98 гг.]*; Agricultural Statistics at a Glance. New Delhi: Govt. of India, 2001, c.39 *[данные за 1998/99–1999/2000 гг.]*.

Пакистан. The Board of Economic Inquiry. Punjab. Publication No.52. Agricultural Statistics of the Punjab, 1901/02 to 1935/36. Lahore, 1937, c.61; *Calvert H*. The Wealth and Welfare of the Punjab. Lahore, 1922, c. 156 *[данные за 1901/02–1905/06 гг.]*; The Board of Economic Inquiry. Punjab (Pakistan). Publication No.97. Agricultural Statistics of the Punjab. Pakistan. 1901/02 to 1946/47. Lahore, 1950, c.64; do.do. Supplement No.1 to Publication No.97. 1951, c.5; do.do. Supplement No.2 to Publication No.97. 1952, c.4 *[данные за 1906/07–1946/47 гг.]*; Pakistan Statistical Yearbook 1968. Karachi: Govt. of Pakistan. Central Statistical Office, 1970, c.128,129 *[данные за 1947/48–1958/59 гг.]*; Economic Survey 1993-94. Islamabad: Govt. of Pakistan, 1994, c.38–40 *[данные за 1959/60–1993/94 гг.]*; FAO Production Yearbook 1996. Vol.50. Rome, 1997 *[данные за 1994/95–1996/97 гг.]*; The FAOSTAT Agriculture Database. 16.02.2002. (см.: www.fao.org) *[данные за 1997/98–2000/01 гг.]*

С Ш А. Agricultural Statistics 1910. Wash.: US Dept. of Agriculture, 1911, c.501; do.do. 1936, c.5, 6, 33, 75, 76 *[данные за 1870–1935 гг.]*; Statistical Abstract of the United States 1939. Wash: US Bureau of the Census., 1939, c.670; do.do. 1950, c.610, 612; do.do 1956, c.658, 660; do.do. 1958, c. 653, 654; do.do. 1962, c.651, 652; do.do. 1965, c.651, 652; do.do. 1968, c.619; do.do. 1977, c.700; do.do. 1980, c.714 *[данные за 1936–1976 гг.]*; do.do. 1985, c.659 *[данные за 1977–1982 гг.]*; Agricultural Statistics 1992. Wash.: US Dept. of Agriculture,1992, c.1,31; do.do. 1994, c.50; do.do. 1997, c. I–1, I–25, II–1; do.do. 1998 c. I-5, I-25, II-1 *[данные за 1983–1997 гг.];* Statistical Abstract of the United States 2001, c. 537, table 827 (см.: www.census.gov/statab) *[данные за 1998–2000 гг.]*.

Россия/СССР. *Финн–Енотаевский А.* Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб., 1911, с. 434 *[данные за 1896–1900 гг.]*; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991, с.89,90, 121,126 *[данные за 1901–1913 гг.]*; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924, с.128,129 *[данные за 1914–1916 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с.341 *[данные за 1917–1921 гг. и среднегодовой показатель за 1933–1937 гг.]*; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ СССР, 1924, с.80–81 *[данные за 1922 г.]*; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932, с.XXXVIII,171 *[данные за 1923–1930 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936, с.269,399 *[данные за 1931–1932 гг.]*; История советского крестьянства. М., 1987. Т.2, с.355; Т.3, с.80 *[данные за 1933–1935, 1937–1939 гг.]*; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с.93 *[данные за 1940–1945 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.13;14 *[данные за 1946–1987 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с.460 *[данные за 1988–1990 гг.]*; Содружество независимых государств в 1996 году. Статистический ежегодник. М., 1997, с.58 *[данные за 1991 г.]*.

Также использованы: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л.: «Наука», 1978, с.31; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под ред. П.И. Попова. [Репринтное воспроизведение издания 1926 года.] М., 1993, с.121; Народное хозяйство [России] в 1915 г. Петроград, 1918, с.31,32; Народ-

ное хозяйство России за 1921 г. Берлин, 1922, с.10; XVII Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1934 (Отчетный доклад *И.В. Сталина*), с.10,19; *Лященко П.М.* История народного хозяйства СССР. Т.2. М.,1950, с.639,640; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939, с.97; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с.27,29.

РСФСР/Россия. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ СССР, 1924, с.80–81 *[данные: средние за 1905–1914 и ежегодные за 1920–1923 гг.]*; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924, с.128,129 *[данные: средние за 1909–1913 и ежегодные за 1914–1917 гг.]*; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917–1927. М.: ЦСУ СССР, 1927, с.177 *[данные за 1924 г.]*; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929, с.220–221 *[данные за 1925–1927 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936, с.269 *[данные за 1928–1934 гг.]*; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939, с. 97 *[данные за 1937 г.]*; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с.96,110 *[данные за 1940–1945 гг.]*; Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. Статистический ежегодник. М., 1965, с.211 *[данные за 1946–1958 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с.214 *[данные за 1959–1960 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с.156 *[данные за 1961–1970 гг.]*; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976, с.210 *[данные за 1971–1974 гг.]*; Народное хозяйство РСФСР в 1979 г. Статистический ежегодник. М., 1980, с.144 *[данные за 1975–1979 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.133 *[данные за 1981–1985 гг.]*; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с.33 *[данные за 1980, 1986–1990 гг.]*; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995, с.68 *[данные за 1991–1994 гг.]*; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с.62 *[данные за 1995–2000 г.]*.

Также использованы: Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л., 1978, с.31; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991, с.89,90, 121,124,125,126; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под ред. П.И. Попова. [Репринтное воспроизведение издания 1926 года.] М., 1993, с.121; Народное хозяйство [России] в 1915 г. Петроград, 1918, с.31,32; Народное хозяйство России за 1921 г. Берлин, 1922, с.10; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932, с. XXXVIII, 171; XVII Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1934 (Отчетный доклад *И.В. Сталина*), с.10,19; *Лященко П.М.* История народного хозяйства СССР. Т.2. М.,1950, с.639,640; Народное хозяйство РСФСР в 1957 г. Статистический ежегодник. М., 1959, с. 126,128; Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник. М., 1974, с.395; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с.221; Народное хозяйство СССР в 1987 г. Статистический ежегодник. М., 1988, с.188.

Казахстан. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Петроград: Министерство земледелия, отдел сельской экономии и сельскохозяйственной статистики, 1917, с.56–57 *[средние данные за 1901–1910, 1909-1913 гг. и ежегодные данные за 1911–1913 гг.]*; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М.: ЦСУ СССР,

1924, с.130 *[данные за 1914–1917 гг.]*; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ СССР, 1924, с.80–81 *[данные за 1920–1923 гг.]*; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917–1927. М.: ЦСУ СССР, 1927, с.179 *[данные за 1924–1926 гг.]*; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929, с.220–221 *[данные за 1927–1928 гг.]*; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932, с.171 *[данные за 1929–1930 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936, с.269 *[данные за 1931–1932 гг.]*; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939, с.193–194 *[данные за 1937 г.]*; Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата. 1968, с.105 *[данные за 1940, 1945–1966 гг.]*; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с.96,110 *[данные за 1941–1945 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с.156 *[данные за 1967–1969 гг.]*; Народное хозяйство Казахстана в 1975 г. Статистический ежегодник. Алма-Ата, 1976, с.95 *[данные за 1970–1973 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976, с.361 *[данные за 1974–1975 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с.221 *[данные за 1976–1977 гг.]*; Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Статистический сборник. Алма-Ата, 1980, с.87 *[данные за 1978–1979 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.138 *[данные за 1980–1987 гг.]*; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с.33 *[данные за 1988–1990 гг.]*; Содружество независимых государств в 1998 году. Статистический ежегодник. М., 1999, с.307 *[данные за 1991–1998 г.]*; Содружество независимых государств в 1999 году. Статистический ежегодник. М., 2000, с.294 *[данные за 1999 г.]*; The FAOSTAT Agriculture Database. 16.02.2002. (см.: www.fao.org) *[данные за 2000 г.]*.

Узбекистан. **Хлопок**. Хлопководство в Узбекистане за 50 лет. Справочник. Ташкент, 1967, с.23–24 *[данные за 1870, 1880, 1936–1939, 1946–1965 гг.]*; *Демидов А.П.* Экономический очерк хлопководства, хлопкоторговли и хлопковой промышленности Туркестана. М., 1922, с.68 *[данные за 1889–1901 гг.]*; *Книзе А.И.* Хлопководство в России. СПб., 1908, с.10–11 *[данные за 1902 г.]*; Труды хлопкового комитета. СПб., 1907–1911. Т.1, с.70 *[данные за 1903–1906 гг.]*; *Юферов В.И.* Справочная книжка по хлопководству в СССР. М., 1925, с.154–155 *[данные за 1907–1921 гг.]*; *Он же.* Хлопководство в Туркестане. Л., 1925 *[данные за 1922–1924 гг.]*; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917–1927. М.: ЦСУ СССР, 1927, с.186 *[данные за 1925–1926 гг.]*; Технические культуры. Статистический справочник. М., 1936, вып.1, с.52–53 *[данные за 1927–1935 гг.]*; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический справочник. М., 1990, с.97,111 *[данные за 1940–1945 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с.196; Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник. М.: ЦСУ СССР, 1974, с.403; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с.224; Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981, с.232; Народное хозяйство СССР в 1984 г. Статистический ежегодник. М., 1985, с.249; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1987 г. Статистический ежегодник. Ташкент, 1988, с.89; Страны–члены СНГ в 1993 году. Статистический ежегодник. М., 1994, с.271 *[данные за 1965–1990 гг.]*; Содружество независимых государств в 1996 году. Статистический ежегодник. М., 1997, с.526 *[данные за 1991–1995 гг.]*; Содружество независимых государств в 1999 году, с.560 *[данные за 1996–1999 гг.]*.

Зерновые. Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Петроград: Министерство земледелия, отдел сельской

экономии и сельскохозяйственной статистики. 1917, с.58 *[данные за 1910–1915 гг.]*; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929, с.220–221 *[данные за 1925–1927 гг.]*; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932, с.176 *[данные за 1928–1930 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936, с.269 *[данные за 1931–1932 гг.]*; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939, с.185–186 *[данные за 1937 г.]*; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический справочник. М., 1990, с.96,110 *[данные за 1940–1945 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с.215 *[данные за 1953–1959 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с.156 *[данные за 1961–1970 гг.]*; Народное хозяйство СССР. Статистический ежегодник. М. Выпуски за 1961 г. (с.297), 1965 г. (с.313), 1967 г. (с.372), 1973 г. (с.395), 1978 г. (с.221), , 1981 г. (с.232), 1985 г. (с.210), 1987 г. (с.188), 1990 г. (с.471); Народное хозяйство Узбекской ССР. Ташкент. Выпуски за 1987 г. (с.174,175), 1988г. (с.219,298); Страны-члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с.458 *[данные за 1949–1952, 1960–1990 гг.]*; Содружество независимых государств в 1996 году. Статистический ежегодник. М., 1997, с.526; Содружество независимых государств в 1999 году, с.560 *[данные за 1991–1999 гг.]*; FAO DATABASE, in: www.fao.org (16.02.2002) *[данные за 2000 г.]*.

Также использованы: Шахназаров А. Хлопководство в Туркестане. СПб., [1897?], с.2; Народное хозяйство [России] в 1913 году. Петроград, 1914, с.171–172; Народное хозяйство [России] в 1914 году. Петроград, 1916, с.131; Народное хозяйство [России] в 1915 году. Петроград, 1918, с.136–140; Хлопковое дело в Узбекистане. Самарканд, 1927, с. 5–6; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929, с.260–261; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936, с.401; Социалистическое строительство Союза ССР (1933–1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939, с.185–186; Народное хозяйство Узбекской ССР в 1958 году. Статистический сборник. Ташкент, 1959, с.60–61; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с.232; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.151–152; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с.34–35.

* * *

Примечания (подробное описание методологии исчисления всех показателей настоящей таблицы см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Долгосрочные изменения в урожайности сельскохозяйственных культур: середина XIX — конец XX века (Опыт реконструкции непрерывных временных рядов статистических данных), в: *Вопросы статистики*. М., 1998, № 9, с. 31–45):

Япония: В таблице приведены значения показателя урожайности зерна в эквиваленте «*коричневого*» риса (в виде зерна в оболочке); удельный вес последнего составляет примерно 80% единицы веса *риса-падди* (т.е. неочищенного риса, или риса в шелухе). В разное время статистические службы Японии пользовались различными мерами при исчислении урожайности зерновых культур, например, до 20-х годов это *коку/тан*, с середины 20-х годов — *гектолитр/гектар*, в 50-х годах — опять возвращение к национальной системе мер — *коку/тё* (или *тан*), и только в 60-х годах XX века статистики начинают оперировать метрическими мерами. Перевод в метрическую систему мер осуществлялся из расчета, что 1 *коку* (мера объема) содержит 150 *кг* неочищенного риса, а 1 *гл* = 83,15 *кг*; 1 *тан* = 0,099 *га*, а 1 *тё* = 0,99 *га*.

Индия: Для Индии и Пакистана — стран, в которых временные границы сельскохозяйственного и календарного года не совпадают, данные, приведенные в таблице, отмечены начальным годом, например: данные, показанные в таблице за 1901 г., касаются значений урожайности за 1901/02 г. и т.д.

Данные, приведенные в настоящей таблице, относятся к территории неразделенной Индии — до 1946/47 г., причем за периоды 1911/12–1938/39 гг. (для риса) и 1919/20–1941/42 гг. (для всех зерновых культур) — к территории лишь Британской Индии. С 1947/48 г. показатель урожайности относится к территории Индии в ее современных границах.

До независимости и в первые годы независимости статистические службы Индии использовали английскую систему мер. В 1956 г. в Индии был принят закон о переходе на метрическую систему мер, которая должна была быть повсеместно введена к концу 1966 г. Весь ряд исходных статистических данных, используемых для исчисления погодовых значений урожайности зерновых (размер посевной площади, величина сборов) за период 1900/01–1948/49 гг., переведен из английской системы мер в метрическую (напомним, что 1 *длинная тонна* = 1016 *кг*; 1 *акр* = 0,4047 *гектара*). Показатели урожайности риса в Индии учитывались в категории *очищенного* риса, удельный вес которого составлял примерно 66% единицы веса *риса–падди*.

Пенджаб (Индия): По индийской части пенджабского субрегиона статистические данные по урожайности пшеницы охватывают всю территорию неразделенного (исторического) Пенджаба — с 1901/02 по 1943/44 гг., а затем — территории, сформировавшие штат Пенджаб после раздела Индии (1947 г.), с учетом последующих изменений его административных границ (включение в состав Пенджаба территорий Патиялы и Союза пенджабских княжеств — 1952 г.; исключение из состава Пенджаба территории штата Хариана, образовавшегося в 1966 г.).

Пакистан: Статистические ряды по урожайности пшеницы в Пакистане относятся к западным территориям неразделенного (исторического) Пенджаба с 1901/02 по 1946/47 гг., затем территории Западного Пакистана и, наконец, территории современного Пакистана — после выделения из него территорий, вошедших в состав Бангладеш (1971 г.)

До 1946/47 г. статистическими службами страны использовалась английская система мер в учетной деятельности в сельском хозяйстве: производство пшеницы измерялось в *длинных тоннах*, а площадь в *акрах*. Весь ряд с 1901/02 по 1946/47 гг. был переведен в метрическую систему из расчета, что 1 *длинная тонна* = 1016 *кг*, а 1 *акр* = 0,4047 *га*. С 1947/48 г. в качестве основной единицы меры веса при измерении урожайности сельскохозяйственных культур был принят традиционный индийский *стандартный маунд* (1 *ст. маунд* = 37,324 *кг*), хотя за английским *акром* было сохранено его место учетной меры площади. В 70-х годах Пакистан перешел на метрическую систему мер, освоению которой сопутствовал ретроспективный пересчет временных рядов данных, необходимых для исчисления значений урожайности. Метрическими значениями последней авторы располагали по состоянию от 1959/60 г.

США: Сельскохозяйственные статистические службы США на протяжении всего периода своего существования оперируют английскими (с некоторыми вариациями) единицами мер. Показатели урожайности сельскохозяйственных культур мы переводили в метрическую систему мер из расчета, что 1 *бушель* вмещает 25,4 *кг* кукурузы, 27,2 *кг* пшеницы; для измерения урожайности хлопчатника в США приняты английский *фунт* (0,4536 *кг*) и *акр* (0,4047 *га*), причем сборы этой культуры учитываются всегда раздельно по составляющим первичного продукта — в реальном весе массы

полученного хлопковолокна и массы хлопковых семян; урожайность культуры — только в эквиваленте массы волокна.

Россия/СССР: Приводятся показатели урожайности зерновых, характерные для исторической России; учитываются следующие территории: с 1896 г. до 1900 г. 50 губерний (а с 1901 г. до 1913 г. — 47 губерний) Европейской России; в 1914–1921 гг. — территории исторической России в границах СССР до 1939 г.; в 1922–1991 гг. — территории СССР в границах исследуемых лет.

При переводе старых русских мер в метрическую систему использовались следующие соотношения: 1 *пуд* = 16,4 *кг*, 1 *десятина* = 1,092 *га*. В метрической системе мер показатели сельскохозяйственной статистики стали публиковаться ЦСУ СССР с 1930-х годов.

За периоды 1933–1935 гг. и 1937–1939 гг. М.А. Вылцаном по годовым отчетам колхозов был составлен ряд значений урожайности, исчисленной на основе величины *амбарных* валовых сборов зерна (История советского крестьянства. М., 1987. Т.2, с. 355; Т.3, с. 80), эти данные и представлены в настоящей таблице. Показатель за 1936 г. был реконструирован из среднего значения показателя за пятилетие 1933–1937 гг. (Народное хозяйство СССР в 1961 году, с. 341) и погодовых значений показателя за 1933, 1934, 1935, 1937 гг.

В 1959 г. при исчислении сборов и урожайности зерновых ЦСУ СССР была введена категория *амбарного урожая*, которая применялась при оценках производства сельскохозяйственных культур до 1965 г., а с 1985 г. данные показатели стали выражаться в единицах *веса после доработки*. Ретроспективное сравнение показателей сборов зерновых в *весе после доработки* и *просто* сборов (имеется в виде *до доработки*), проведенное на материалах 80-х годов, позволило выявить коэффициент (равный 7,4%), показывающий, на сколько значения урожайности, представленной в первой категории, были меньше оной, представленной во второй категории. Данный коэффициент был распространен на весь период 1966–1984 гг., на протяжении которого был осуществлен пересчет значений *просто* урожайности в показатели урожайности, исчисленные в *весе после доработки*.

РСФСР/Россия: Все значения касаются территории РСФСР в границах после 1922 г., а с 1991 г. — территории Российской Федерации.

Показатель за 1910 г. соответствует среднему значению урожайности зерновых за 1905–1914 гг., а данные за 1912 г. — за 1909–1913 гг. В обоих случаях отрицательное отклонение величины урожайности, характерной для той части территории исторической России, которая впоследствии (с 1922 г.) составила РСФСР, от таковой в России/СССР, составило 6,6%.

За 1933, 1934, 1937 гг. приведены показатели *видовой* урожайности, оценки *амбарной урожайности* по РСФСР за этот период сделаны не были. Урожайность зерновых за 1966–1984 гг. была пересчитана на урожайность *в весе после доработки*, аналогично тому, как это было сделано применительно к России/СССР, а именно с уменьшением величины каждого погодового показателя на 7,4%.

Статистические публикации Госкомстата России за 2000 г. и последующие годы, приводят статистический ряд показателей урожайности зерновых в значениях величины продукта, полученного с одного гектара «убранной» площади. Такие данные, однако, ограничиваются лишь последними пятнадцатью годами XX века, выглядят они следующим образом (*в ц/га по годам*) (см: Российский статистический ежегодник. 2001, с. 408):

1986–1990	*1991*	*1992*	*1993*	*1994*	*1995*	*1996*	*1997*	*1998*	*1999*	*2000*
16,5	*15,1*	*18,0*	*17,1*	*15,3*	*13,1*	*14,9*	*17,8*	*12,9*	*14,4*	*15,6*

Однако в настоящей таблице в целях сравнимости погодовых значений показателя за долговременный период показаны значения урожайности зерновых в расчете на гектар *посевной* площади, как это было в предыдущих изданиях статистического ведомства СССР, России.

Казахстан: Весь статистический ряд урожайности зерновых по Казахстану составлен по данным официальной статистики (Министерства земледелия России — до 1913 г., ЦСУ СССР, ЦСУ Казахской ССР — до 1991 г., а с 1991 г. — Агентства Республики Казахстан по статистике). Наибольшие затруднения состояли в том, чтобы наиболее полно учесть урожайность зерновых до момента образования Казахской ССР — в тех районах, которые впоследствии вошли в состав этой республики бывш. СССР. Данные об урожайности зерновых с 1906 г. по 1913 г. базируются на данных Министерства земледелия России и касаются четырех Степных областей (Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской) и всех продовольственных и кормовых культур (всего семи культур). Причем показатель за 1906 г. отражает среднегодовую величину за 1901–1910 гг., а показатели за 1909 и 1910 гг. рассчитаны исходя из среднегодового значения урожайности зерновых за 1909–1913 гг., равного 4,2 *ц/га*, и погодовых значений за 1911, 1912, 1913 гг. Данные за 1914–1917 гг. взяты из статистических публикаций ЦСУ СССР 1924 года и касаются аналогичного региона (четырех Степных областей) и того же набора зерновых хлебов. Показатели за 1920–1923 гг. относятся к Киргизской АССР, в которую были включены территории, составившие впоследствии территорию Казахской ССР, показатели за 1924–1926 гг. — Казакской АССР и Киргизской АССР, а показатели за 1927–1932 гг. — Казакской АССР, учтенное количество зерновых культур — прежнее (все те же семь хлебов). За период с 1937 г. по 1990 г. приведенные данные касаются Казахской ССР, а с 1991 г. Республики Казахстан. Значения урожайности зерновых за 1988–2000 гг. показаны в *весе после доработки*.

Узбекистан: Представленный ряд данных составлен из показателей, относящихся к разным по временным периодам территориальным ареалам хлопкопроизводства. Для периода 1889–1901 гг. использованы официальные данные по Ферганской области Туркестанского края (область производила до 1917 г. значительно более половины всего российского хлопка); за период 1902–1924 гг. мы сочли наиболее достоверными данные, собранные Главным хлопковым комитетом России, которые касаются всего Туркестанского края. Все последующие показатели (1925–1996 гг.) характеризуют динамику урожайности хлопчатника в Узбекистане в его современных границах. Переводы старых русских мер в метрическую систему осуществлялись по соотношениям, принятым для России/СССР.

Статистические показатели урожайности хлопка и зерновых в Узбекистане за конец 1970-х—1980-е годы несколько изменены; в эти годы была особенно широко распространена фальсификация сельскохозяйственной отчетности, называемая «приписками», затронувшая, помимо других отраслей сельского хозяйства, производство хлопка и зерна (см.: *Сафаров Р.* Светлый образ, в: *Экономика и статистика*. Ташкент, 1993, № 11–12, с. 61; *Растянников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 1996, с.131; *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Сельскохозяйственная динамика. XX век, с. 324). Размеры только официально выявленных «приписок» по сборам хлопка составляли 6,4% по отношению к реально собранным урожаям в 1976–1980 гг. и 18,6% — в 1981–1983 гг.

(по продукции зерна такого рода оценки сделаны и опубликованы не были). Авторы распространили «нормативы» «приписочного» объема сборов хлопчатника на сборы зерновых, полагая, что полученные значения ближе к тем, которые отражают реальную урожайность зерновых, нежели те, которые были приведены в статистической отчетности ЦСУ СССР конца 80-х годов. Эти новые значения были приведены в данной таблице. Ниже приводится таблица обоих рядов показателей — фальсифицированных (I) и пересмотренных (оцененных заново): ЦСУ СССР — по хлопку (II); и авторами настоящей работы — по зерновым (II):

Культура		*1976*	*1977*	*1978*	*1979*	*1980*	*1981*	*1982*	*1983*
хлопок–сырец	*I*	*30,0*	*31,6*	*30,2*	*31,5*	*33,2*	*32,2*	*31,7*	*31,4*
	II	*28,2*	*29,7*	*28,4*	*29,6*	*29,7*	*27,1*	*26,7*	*26,4*
зерновые	*I*	*16,9*	*14,9*	*21,2*	*20,9*	*20,7*	*23,8*	*22,9*	*26,5*
	II	*15,9*	*14,0*	*19,9*	*19,6*	*19,5*	*20,0*	*19,3*	*22,3*

Таблица СП-1Б

Россия: урожайность зерновых хлебов в 1795–1915 гг.*

Год	Урожайность, выраженная в *самстолько*	Вес *сама,* *кг/га*	Урожайность, выраженная в *ц/га*	Год	Урожайность, выраженная в *самстолько*	Вес *сама,* *кг/га*	Урожайность, выраженная в *ц/га*	Год	Урожайность, выраженная в *самстолько*	Вес *сама,* *кг/га*	Урожайность, выраженная в *ц/га*
(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(1)*	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(1)*	*(2)*	*(3)*	*(4)*
1795	2,70[1]	*154,7*	4,2	1826	3,67	*152,5*	5,6	1852	3,83	*151,1*	5,8
1801	3,04	*155,5*	4,7	1827	3,61	*152,4*	5,5	1853	3,61	*151,0*	5,5
1802	3,40	*155,4*	5,3	1828	3,90	*152,3*	5,9	1854	3,51	*150,8*	5,3
1803	3,65	*155,3*	5,7	1829	3,75	*152,2*	5,7	1855	2,60	*150,7*	3,9
1804	4,04	*155,2*	6,3	1830	2,91	*152,0*	4,4	1856	3,26	*150,6*	4,9
1805	3,20	*155,1*	5,0	1831	3,20	*151,9*	4,9	1857	3,95	*150,5*	5,9
1806	3,47	*154,9*	5,4	1832	2,80	*151,8*	4,3	1858	4,08	*150,4*	6,1
1807	3,73	*154,8*	5,8	1833	2,38	*151,7*	3,9	1859	2,87	*150,2*	4,3
1808	3,89	*154,7*	6,0	1834	3,62	*151,6*	5,5	1860	3,78	*150,1*	5,7
1809	3,33	*154,6*	5,1	1835	3,92	*151,4*	5,9	1861	3,51	*150,0*	5,3
1810	3,40	*154,5*	5,3	1836	4,10	*151,3*	6,2	1862	3,57	*149,9*	5,4
1811	2,85	*154,3*	4,4	1837	3,98	*151,2*	6,0	1863	4,26	*149,7*	6,4
1812	3,40	*154,2*	5,2	1838	3,93	*151,1*	5,9	1864	3,28	*149,6*	4,9
1813	3,43	*154,1*	5,3	1839	2,67	*151,0*	4,0	1865	3,01	*149,5*	4,5
1814	4,00	*154,0*	6,2	1840	1,82[2]	*150,8*	3,0	1866	3,84	*149,4*	5,7
1815	3,10	*153,8*	4,8	1841	3,40	*152,4*	5,2	1867	3,10	*149,3*	4,6
1816	3,40	*153,7*	5,2	1842	3,73[2]	*152,3*	5,7	1868	3,75	*149,1*	5,6
1817	3,70	*153,6*	5,7	1843	4,07[2]	*152,2*	6,2	1869	4,06	*149,0*	6,0
1818	4,10	*153,5*	6,3	1844	3,81	*152,1*	5,8	1870	4,59	*148,9*	6,8
1819	4,00	*153,4*	6,1	1845	3,42	*151,9*	5,2	1871	3,52	*146,7*	5,2
1820	3,40	*153,2*	5,2	1846	3,38	*151,8*	5,1	1872	3,88	*146,7*	5,7
1821	3,25	*153,1*	5,0	1847	3,60	*151,7*	5,5	1873	3,94	*146,6*	5,8
1822	3,10	*153,0*	4,7	1848	2,72	*151,6*	4,1	1874	4,34	*146,5*	6,4
1823	2,90	*152,9*	4,4	1849	4,03	*151,5*	6,1	1875	3,38	*146,4*	4,9
1824	3,50	*152,8*	5,3	1850	2,84	*151,3*	4,3	1876	3,85	*146,4*	5,6
1825	3,50	*152,6*	5,3	1851	4,00	*151,2*	6,0	1877	4,26	*146,3*	6,2

Продолжение таблицы СП-1Б

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*
1878	4,49	*146,2*	6,6
1879	3,78	*146,1*	5,5
1880	3,65	*146,1*	5,3
1881	4,73	*141,3*	6,7
1882	4,31	*141,3*	6,1
1883	4,04	*141,3*	5,7
1884	4,30	*141,0*	6,1
1885	3,65	*140,7*	5,1
1886	4,28	*140,3*	6,0
1887	4,87	*140,0*	6,8
1888	4,69	*139,7*	6,6
1889	3,65	*139,4*	5,1
1890	4,14	*139,1*	5,8

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*
1891	3,26	*137,8*	4,5
1892	4,00	*137,5*	5,5
1893	5,63	*137,2*	7,7
1894	5,68	*136,8*	7,8
1895	5,04	*136,5*	6,9
1896	5,04	*136,1*	6,8
1897	4,12	*135,8*	5,5
1898	4,76	*135,4*	6,4
1899	5,40	*135,1*	7,2
1900	5,01	*134,8*	6,7
1901	4,08	*132,5*	5,4
1902	5,77	*132,5*	7,7
1903	5,20	*132,5*	6,9

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*
1904	6,13	*132,5*	8,1
1905	4,86	*132,6*	6,4
1906	4,05	*131,4*	5,3
1907	4,83	*131,4*	6,3
1908	5,04	*131,5*	6,6
1909	6,33	*129,3*	8,2
1910	5,87	*129,5*	7,6
1911	4,17	*129,6*	5,5
1912	6,24	*128,8*	8,0
1913	6,75	*129,9*	8,8
1914	5,06	*129,5*	6,6
1915	6,70[2]	*129,0*	8,6

* *Составлено и подсчитано по*: **Колонка 2** — *Михайловский В.Г.* Тезисы доклада «Урожаи в России 1801–1914 гг.», в: *Бюллетень ЦСУ*. 1921, №50, с. 4, табл. 1. **Колонка 4** получена путем перемножения значений колонок 2 и 3, с последующим делением полученных результатов на 100 — для перевода мер урожайности из *кг/га* в *ц/га*.

[1] *Подсчитано по: Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, с. 444–453. Расчет осуществлен по 22 губерниям Европейской России.

[2] Оценки М.И. Семенова, см.: *Семенов М.И.* К вопросу о закономерности колебаний урожаев, в: *Вестник статистики*. 1922. Кн. XI, № 5–8, с. 74, 90–91.

Примечание: При определении посевов и сборов зерновых в России, по меньшей мере, до начала 80-х годов XIX в. использовались исключительно меры объема высеянного или, соответственно, убранного зерна, выраженные в *четвертях*. Что же касается урожайности, то для ее измерения использовалась категория *сам-столько*. *Сам* представляет собой отношение объема собранного урожая зерновых культур к объему высеянных семян. Для перевода показателей урожайности, выраженной в *сам-столько*, в современную систему мер — *кг/га,* авторы вводят категорию *вес сама*. *Вес сама* есть количество продукта (выраженного в *кг/га*), соответствующее урожайности *сам-1*. Здесь приводится итоговая таблица, фиксирующая показатели урожайности в двух измерениях. (Подробнее о разработке методики измерения урожайности зерновых в XIX в. см.: *Растянников В.Г., Дерюгина И.В.* Об урожайности хлебов в России: 1795–2002 годы, в *Вопросы статистики*. М., 2004, №5, с. 47–65.)

Таблица СП-2

Индия: динамика урожайности и производительности труда в хлопководстве, конец XIX – конец XX вв. *

Штат и дистрикт	Год / период обследования	Тип используемых земель	Характеристики хлопководческого хозяйства	
			урожайность хлопчатника, 100 кг/га	производство хлопка-сырца, кг/час
(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*
Махараштра:				
Насик	1892/93	неполивные	3,5	0,6
Район: нет св.	1983/84	нет св.	4,0	0,7
	1994/95	нет св.	7,3	0,8
Гуджарат:				
Броч	1890/91	то же	4,9	1,0
Сурат	1933–1936	нет св.	нет св.	0,6
	1966/67–1968/69	неполивные	7,4	0,5
Район: нет св.	1983/84	нет св.	9,0	0,9
Тамил Наду:				
Коимбатор	1933–1936	нет св.	нет св.	0,5
Коимбатор и Салем	1956/57	поливные	6,0	0,4
		неполивные	4,0	0,7
Коимбатор	1970/71	поливные	11,8	0,7
Район: нет св.	1994/95	нет св.	14,4	0,9
Мадхья Прадеш:				
Акола и Амраоти	1955/56–1956/57	неполивные	5,6	1,1
Пенджаб:				
Амритсар и Фирозпур	1953/54–1956/57	поливные	5,8[2]	0,9[2]
		то же	4,8[3]	0,7[3]
Фирозпур	1968/69–1969/70	то же	11,1[2]	1,7[2]
		то же	8,4[3]	1,3[3]
Район: нет св.	1983/84	нет св.	5,0	0,7
	1994/95	нет св.	11,9	1,7
Андхра Прадеш:				
Нагарджунасагар[1]	1982/83	поливные	19,9	1,9
		неполивные	13,9	2,3

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*
Карнатака:				
Район: нет св.	1983/84	нет св.	15,0	1,6
Раджастан:				
Ганганагар	1980/81–1983/84	частично поливные	9,5[2]	2,0[2]
		то же	9,2[3]	1,9[3]

* *Составлено и подсчитано по: Guha Sumit*. Labour Intensity in Indian Agriculture, 1880-1970. Some Findings, in: *Economic and Political Weekly*. Bombay. Vol. 25. 1990 No.52 (Насик, Броч, Сурат, Коимбатор — 90-е годы XIX в., 30-е годы XX в.). Publications by Ministry of Agriculture, India: Studies in the Economics of Farm Management in I.A.D.C. Region of Surat and Bulsar, Gujarat. Combined Report for the Years 1966-67 to 1968-69; do.do. Madhya Pradesh. Combined Report for the years 1955-56 and 1956-57; Studies in the Economics of Farm Management in Madras. Report for the year 1956-57; do.do. Coimbatore District (Tamil Nadu). Report for the Year 1970-71; do.do. Punjab. Combined Report 1954-55—1956-57; do.do. The Firozepore District (Punjab). Report for the year 1969-70; Studies in the Economics of Farm Management on the Problems of Increasing Production of Gram in Ganganagar District (Rajasthan). Combined Report 1981-84; Economics of Farm Management in the Command Area of Nagarjunasagar Irrigation Project, Andhra Pradesh, 1982-83, in: *Agricultural Situation in India.* New Delhi, Vol. 40. 1985, No.6; *Kurian N.J.* Employment Potential in Rural India, in: *Economic and Political Weekly*. Bombay. Vol. 25. 1990, No.52, с. 182 (Махараштра, Гуджарат, Пенджаб — 80-е годы XX в.); Report of the Commission for Agricultural Cost and Prices for Crops Sown in 1997-98 Season. New Delhi: Ministry of Agriculture, 1998, с. 176.

[1] Районы ирригационного проекта в округах Гунтур и Налгонда.
[2] Длинноволокнистый («американский») хлопок.
[3] Хлопок местных сортов.

Таблица СП-3

США, Россия/СССР/Россия: стоимость валовой сельскохозяйственной продукции, 1880–2000 гг. *

США (цены 1972 г.)				СССР/Россия (цены 1965 г.)			
Период/ год	Валовая сельскохозяйственная продукция, *млрд. долл.*	Уборочная площадь, *млн. га*	Валовая продукция на гектар уборочной площади, *долл./га*	Пери-од/ год	Валовая сельскохозяйственная продукция, *млрд. руб.*	Посевная площадь, *млн. га*	Валовая продукция на гектар посевной площади, *руб./га*
(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*	*(7)*	*(8)*
1880	15,5	72,0	216				
1890	18,5	94,3	197				
1900	24,1	119,4	201				
1910	25,1	130,3	192	1909–1913	22,5	99,1	227
1910-1914	26,1	130,3	200	1913	24,3	105,0	231
1919	26,7			1917	21,4	100,1	214
1920	28,5	146,5	195	1920	16,3	103,7	157
1921	25,6			1921	14,6	90,3	162
1922	28,2			1922	18,2	77,7	234
1923	29,7			1923	20,9	91,7	228
1924	31,2	139,4	224	1924	21,9	98,1	223
1920–1924	28,6	140,8	203	1925	27,2	104,3	261
1925	31,2	139,2	224	1926	28,7	110,3	260
1926	32,6			1927	29,4	112,4	262
1927	31,2			1928	30,1	113,0	266
1928	32,6			1929	29,4	118,0	249
1929	31,7	143,7	220	1930	28,4	127,2	223
1930	29,9	145,3	206	1931	27,7	136,3	203
1931	32,6			1932	26,0	134,4	193
1932	30,5			1933	24,5	129,7	189
1933	31,1			1934	25,8	131,4	196
1934	26,4	119,6	221	1935	28,9	132,8	218

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
1930–1934	30,1	138,0	218	1936	26,5	133,8	198
1935	29,9	136,0	220	1937	32,6	135,2	241
1939	36,2	128,3	282	1938	29,2	136,9	213
1940–1944	39,1	138,0	283	1939	29,4	133,7	220
1940	34,8	129,9	268	1940	39,6	150,4	263
1941	38,1			1941	24,6	108,1	228
1942	42,6			1942	15,0	87,7	171
1943	41,3			1943	14,2	94,1	151
1944	41,6	141,6	294	1944	21,4	109,9	195
1945	39,6	142,9	277	1945	24,1	113,6	212
1946	41,0	142,1	288	1946	26,8	114,0	235
1947	37,6	141,3	266	1947	34,5	119,0	290
1948	42,2	142,6	296	1948	38,4	133,7	287
1949	40,8	144,1	283	1949	39,3	139,7	281
1950	43,1	136,0	317	1950	39,3	146,3	269
1951	44,6	136,0	328	1951	36,6	153,0	239
1952	46,1	138,0	334	1952	39,8	155,7	256
1953	46,6	138,0	338	1953	41,0	157,2	261
1954	46,6	137,2	340	1954	43,1	166,1	259
1955	47,5	134,8	352	1955	47,8	185,8	257
1956	48,6	128,3	379	1956	54,3	194,8	279
1957	47,6	127,9	372	1957	55,4	193,7	286
1958	51,1	127,9	400	1958	61,4	195,6	314
1959	51,6	128,3	402	1959	61,7	196,3	314
1960	52,2	128,3	407	1960	61,1	203,0	301
1961	53,6	119,8	448	1961	62,6	204,6	306
1962	54,1	116,1	466	1962	63,3	216,0	293
1963	55,9	117,8	474	1963	58,3	218,5	267
1964	54,8	118,2	464	1964	66,6	212,8	313
1965	57,1	118,2	483	1965	67,6	209,1	323
1966	57,0	116,6	489	1966	72,8	206,8	352
1967	59,6	122,6	486	1967	73,3	206,8	354
1968	60,0	121,0	496	1968	75,9	207,0	367
1969	61,7	117,4	526	1969	72,7	208,6	349
1970	63,0	118,6	531	1970	79,5	206,7	385
1971	65,0	118,6	548	1971	79,6	207,3	384
1972	67,0	118,6	565	1972	75,5	210,7	358
1973	68,5	129,9	527	1973	86,7	215,0	403
1974	65,4	133,6	490	1974	83,7	216,0	387

(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)
1975	65,9	136,4	483	1975	78,6	217,7	361
1976	66,6	136,8	487	1976	82,7	217,9	379
1977	70,1	134,4	522	1977	85,4	217,7	392
1978	71,0	131,5	540	1978	86,8	218,2	398
1979	72,4	136,4	531	1979	83,3	217,8	382
1980	70,4	138,4	509	1980	80,9	217,3	372
1981	74,1	143,3	517	1981	78,1	214,9	364
1982	73,9	141,6	522	1982	80,3	214,3	375
1983	69,3	119,0	582	1983	83,2	213,0	391
1984	72,3	136,4	530	1984	81,0	212,6	381
1985	75,9	135,2	562	1985	79,2	210,3	377
1986	76,1	127,9	595	1986	81,4	210,3	387
1987	79,1	118,6	667	1987	78,9	211,5	373
1988	76,2	116,1	656	1988	78,2	211,5	370
1989	78,6	123,8	634	1989	77,1	209,8	368
1990	81,5	125,5	650	1990	73,1	208,0	352
1991	80,9	123,8	653	1991	34,8	115,5	301
1992	85,4	126,3	677	1992	38,7	114,6	338
1993	83,3	120,2	693	1993	39,2	111,8	351
1994	90,8	125,5	724	1994	36,4	105,3	346
1995	87,2	122,2	713	1995	34,0	102,5	332
1996	89,0	127,1	701	1996	32,5	99,6	326
1997	95,0	129,9	731	1997	33,0	96,6	342
1998	95,4	127,5	748	1998	28,7	91,7	313
1999	97,6	127,9	763	1999	30,3	88,3	344
2000		126,3		2000	32,6	85,4	382

* *Составлено и подсчитано по*: ***США***: Changes in Farm Production and Efficiency. A Summary Report 1970. Statistical Bulletin No.233. Wash.: US Department of Agriculture, 1970, c. 6, 17; Statistical Abstract of the United States 1932. Wash.: US Bureau of the Census, 1932, c. 601; do.do. 1936 c. 605; do.do. 1947, c. 592; do.do. 1948, c. 601; do.do. 1950, c. 607; do.do. 1956, c. 651; do.do. 1965, c. 649; do.do. 1968, c. 613; do.do. 1977, c. 685,698; do.do. 1980, c. 695,697,713; do.do. 1991, c. 653,664; do.do.1992, c. 650; do.do. 1993, c. 658,668; do.do. 1997, c. 670; do.do. 2001 Agricultural Statistics 1992. Wash.: US Dept. of Agriculture, 1993, c. 369; Long Term Economic Growth. 1860–1965. A Statistical Compendium. ES4–No.1. Wash.: Bureau of the Census, 1966, c. 168–169 (Dates from Office of Business, Economics, Dept. of Commerce) *[данные за 1934, 1939, 1941–1944, 1946–1949 гг.]*;
СССР/Россия: Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972, с. 216,219 *[данные за 1909–1913,1913,1917,1920–1922,1926–1970 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 79,127 *[данные за 1923–1925 гг.]*; *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840—1924 гг., в: Сельское хозяйство на путях восстановления. Под ред. Л. Крицмана, П. Попова, Я. Яковлева. М., 1925, с. 42 *[данные за 1923/24 г.]*; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929, с.288 *[данные за 1925/26–1926/27 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936, с. 193,194,238 *[данные за 1928–1934 гг.]*; 20 лет советской власти. М., 1937, с. 50,51 *[данные за 1913,1935,1937 гг.];* Социалистическое строительство Союза ССР (1933–

1938 гг.). Статистический сборник. М.–Л., 1939, с. 84,95 *[данные за 1929,1933,1937гг.];* Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с. 83,99 *[данные за 1941–1945 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. М., 1966, с. 260,284 *[данные за 1940–1965 гг. в ценах 1958 г.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 8,25 *[данные за 1971–1987 гг.]*; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с. 10,30 *[данные за 1988–1990 гг.]*; Российский статистический ежегодник 2001. М., 2001, с. 396,406 *[данные за 1991–1999 гг.];* Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с.19,32,109 *[данные за 2000–2001 гг.]*. *См. также:* Народное хозяйство России за 1921 г. Берлин: «Прогресс», 1922, с.10; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., с. 154; Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1956, с 112; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с. 216; Народное хозяйство СССР в 1985 г. М., 1986, с. 206; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 112.

Примечания: ***США***: Стоимость валовой сельскохозяйственной продукции (*farm output*) рассчитывалась по индексу за периоды: 1880–1928, 1931–1932, 1951–1954, 1956–1959, 1961–1962 гг. За периоды 1934, 1939, 1941–1944, 1946–1949 гг. стоимость валовой продукции была оценена по известным значениям продукта, произведенного на фермах США (*farm product*). Перевод стоимости валовой продукции, представленной в постоянных ценах 1958 г., в постоянные цены 1972 г. осуществлялся по соотношению 1: 1,33; из цен 1987 г. в цены 1972 — по соотношению 1: 0,52, а из цен 1997 г. в цены 1972 г. — по соотношению 1: 0,40. Уборочная площадь за 1946 г. исчислена по темпу сокращения уборочных площадей в период 1945–1947 гг.

СССР/Россия: Все значения показателей стоимости валовой сельскохозяйственной продукции и посевной площади, приведенные за те или иные годы, касались территории СССР или России в тех границах, которые существовали в именно в эти годы, кроме 1913 г., по которому были использованы оценки, касающиеся территории СССР в границах до 1939 г. Стоимость валовой сельскохозяйственной продукции рассчитывалась по индексу за периоды: 1917–1939 гг. Перевод стоимости валовой продукции, представленной в постоянных ценах 1926/27 г., в сопоставимые (читай — постоянные) цены 1965 г. был осуществлен по соотношению 1: 2, а из цен 1983 г. в цены 1965 г. — по соотношению 1,938 : 1. Показатели стоимости валовой сельскохозяйственной продукции России за 1991–2001 гг. рассчитаны по индексам физического объема валовой продукции сельского хозяйства, так как в связи с сильнейшей инфляцией середины 90-х годов Госкомстатом России не сделаны оценки данного показателя в сопоставимых ценах. За базовую точку расчетов взят был показатель 1990 г. по РСФСР, выраженный в сопоставимых ценах 1983 г. (см. Страны-члены СНГ. 1992. Статистический ежегодник. М., 1992, с. 339) и переведенный в цены 1965 г. по указанному соотношению. С 1960–2001 г. показаны данные за вычетом субсидий, исчисленных как процент к стоимости валовой сельскохозяйственной продукции (см.: Стратегия реформ в продовольственном и аграрном секторах экономики бывшего СССР. Программа мероприятий на переходный период [Всемирный банк. Департамент III, Региональное управление Европы и Средней Азии]. Вашингтон, 1993, с. 252; Народное хозяйство СССР в 1961 г., с. 159,293; Народное хозяйство СССР в 1967 г., с. 326; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с.428; Сельское хозяйство в России 2002, с. 19, 32,109. Подробнее см. гл. III).

Таблица СП-4

Структура издержек производства в сельском хозяйстве США, 1929 – 2000 гг. *, %
(по данным официальной статистики)

Вид издержек / затрат	1929	1940	1945	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Все издержки / затраты	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**	**100**
Затраты на оплату живого труда[1]	**52,8**	**48,2**	**51,4**	**41,1**	**36,1**	**27,3**	**27,0**	**24,6**	**19,4**	**14,0**	**16,3**	**22,3**	**22,6**	**23,6**
Производственные затраты[2]	**47,2**	**51,8**	**48,6**	**58,9**	**63,9**	**72,7**	**73,0**	**75,4**	**80,6**	**86,0**	**83,7**	**77,7**	**77,4**	**76,4**
в том числе:														
Из продукта сельского хозяйства:	*8,3*	*15,5*	*19,1*	*20,6*	*19,8*	*24,7*	*22,7*	*24,9*	*23,1*	*24,0*	*19,8*	*21,8*	*20,3*	*20,6*
семенной материал	–	1,8	2,0	1,9	1,9	1,6	1,8	1,7	2,7	2,2	2,2	2,5	2,7	3,2
корма[3]	8,3	9,0	12,5	11,6	12,8	15,3	13,8	15,1	14,7	14,5	11,4	11,3	11,6	10,6
скот	–	4,7	4,6	7,1	5,1	7,8	7,1	8,1	5,7	7,3	6,2	8,1	6,1	6,8
Из продукта промышленности (химической и энергетической отраслей):	*2,7*	*3,8*	*4,0*	*5,0*	*6,2*	*6,6*	*7,8*	*10,4*	*14,5*	*15,5*	*13,7*	*12,2*	*12,8*	*12,4*
удобрения	2,4	2,8	3,0	3,5	4,2	4,1	4,8	4,5	7,4	6,6	5,1	4,5	4,9	4,3
пестициды и другие средства защиты	–	–	–	–	–	–	–	1,9	2,1	2,4	2,9	3,0	3,7	3,7
горючие материалы[4]	0,4	1,0	1,0	1,5	2,0	2,5	3,0	3,4	4,2	5,5	4,4	3,3	4,2	4,4
электроэнергия	–	–	–	–	–	–	–	0,6	0,8	1,0	1,3	1,3	–	–
Основной капитал:	*14,4*	*16,3*	*13,5*	*20,1*	*23,8*	*25,5*	*22,0*	*21,2*	*23,6*	*19,8*	*17,4*	*14,9*	*13,9*	*13,6*
амортизация	8,2	7,2	6,1	9,7	12,4	13,2	12,4	12,7	14,6	14,9	13,1	10,1	9,3	8,9
текущий ремонт и содержание средств производства[5]	6,2	9,1	7,4	10,4	11,4	12,3	9,6	8,5	9,0	4,9	4,3	4,8	4,6	4,7

Вид издержек / затрат	1929	1940	1945	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000
Работы и услуги по контрактам[6]	*1,3*	*8,0*	*4,5*	*5,5*	*6,8*	*8,1*	*11,3*	*6,7*	*6,2*	*8,7*	*12,1*	*12,5*	*15,7*	*15,1*
Выплаты процентов	*5,1*							*3,3*	*4,0*	*11,1*	*12,5*	*7,4*	*6,1*	*6,1*
Прочие затраты (включая платежи по земельной ренте и налогам)	*15,4*	*8,2*	*7,5*	*7,7*	*7,3*	*7,8*	*9,2*	*8,9*	*9,2*	*6,9*	*8,2*	*8,9*	*8,6*	*8,6*

* *Составлено и подсчитано по*: Statistical Abstract of the United States 1939. Wash.: US Bureau of the Census. 1939, c.631, 632, 633, 642; do.do. 1946, c.609; do.do. 1947, c.592; do.do. 1948, c.619; do.do. 1960, c.632; do.do. 1968, c. 226, 606; do.do. 1977, c. 399; do.do. 1980, c. 406, 699; do.do. 1993, c. 652,; do.do. 2002, c. 521, 526, 531, 400 (см.: www.census.gov)

[1] Показатель включает оплату всего живого труда (наемного и семейного). Подробнее об исчислении оплаты семейного труда см. табл. I-1, прим. 1.

[2] Затраты на наемный труд (*contract, hired labor expenses*) изъяты из данного раздела и включены в раздел «затраты на оплату живого труда».

[3] Учтены только покупные корма.

[4] В показатель за 1929г. и 1995–2000 гг. входят также расходы на электроэнергию.

[5] Текущий ремонт и содержание хозяйственных строений, машин и механизмов.

[6] Данная статья до 1970 г. обозначает «прочие расходы»: так, в 1929 г. в ней учитываются расходы на семенной материал, страхование, джинирование хлопка, приобретение подсобных материалов и различные текущие расходы; с 1940 по 1966 гг. данные расходы (за вычетом затрат на семенной материал) объединены с затратами на электроэнергию, пестициды и выплату процентов на заемный капитал; а с 1970 г. данный показатель включает расходы на аренду машин и их обслуживание (*custom work*), затраты на хранение и транспортировку продукции, а также различные текущие расходы по обслуживанию процесса производства.

Таблица СП-5

США: динамика показателей товарности сельского хозяйства в XX веке *,%

Год	Удельный вес покупных кормов:		Удельный вес стоимости потребленных кормов по отношению к стоимости продукции животноводства	Производственные расходы на закупки продукции сельскохозяйственного происхождения по отношению к выручке от продаж сельскохозяйственной продукции	Удельный вес выручки от продаж сельскохозяйственной продукции в валовом сельскохозяйственном продукте
	по отношению к стоимости продукции животноводства	в стоимости всех потребленных кормов			
(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*
1910		15,0	73,8+		62,1
1911		15,0	85,7+		60,6
1912		15,0	82,3+		61,4
1913		15,0	73,1+		63,2
1914		15,0	78,9+		60,1
1915		15,0	84,2+		60,3
1916		15,0	98,9+		58,9
1917		15,0	105,0+		58,2
1918		15,0	79,1+		63,9
1919	13,2+	15,0+	86,5+		63,3
1920		16,0	58,1+		67,1
1921		16,0	55,1+		66,2
1922		16,0	68,5+		64,1
1923		16,0	68,4+		64,6
1924	12,7+	16,0+	75,4+		65,6
1925		16,0	56,9+		68,9
1926		16,0	49,0+		68,6
1929	14,9+	19,5	76,0		67,5
1939	16,2+	21,0	77,1	18,8++	66,4
1944	21,7+	30,0	72,3	19,0++	72,4
1949	20,2+	30,0	67,3	20,4++	73,9
1954	23,2+	33,0	70,3	20,3++	75,7
1959	23,3+	35,0	69,4	24,0	77,1
1960	23,9+	35,0	68,0	22,1	78,1
1965	25,9+	43,0	60,0	23,6	82,6
1970	27,1+	55,0	50,0	26,3	88,2
1975	29,4+	73,0	40,0	22,5	93,7
1980	31,0+	94,0	33,0	24,9	97,5
1982	26,5+	100,0	26,5	22,0	99,2
1985	24,2+	100,0	24,2	21,5	99,4

(1)	*(2)*	*(3)*	*(4)*	*(5)*	*(6)*
1990	23,0+	100,0	23,0	22,9	97,7
1995	28,2+	100,0	28,2	21,5	99,7
1996	27,4+	100,0	27,4	21,2	98,4
1998	26,5+	100,0	26,5	21,5	99,7
1999	25,6+	100,0	25,6	22,3	99,6
2000	24,7+	100,0	24,7	23,9	99,7

***** *Составлено и подсчитано по*: Statistical Abstract of the United States 1928.Wash.: US Bureau of the Census, 1928, c.601,605; do. do. 1939, c.632; do. do. 1946, c.624; do. do. 1950, c.582; do. do. 1956, c.640,644; do. do. 1960, c.632; do. do 1968, c.601,611; do. do. 1972, c.596; do. do. 1980, c.699; do. do. 1990, c.647; do. do. 1997, c.671; do. do. 1998, c.672; do. do. 2000, c.669; do. do. 2002, c.521, (см.: www.census.gov).

\+ Данные со знаком «+» — оригинальные данные из статистических источников; данные без «+» в колонке (3) — экспертные оценки, в колонке (4) и (6) — результаты расчетов. При этом значения показателя колонки *(4)*, не отмеченные знаком «+», получены делением данных колонки (2) на данные колонки (3) и умножением на 100. О методике расчета показателей колонки 6 см. прим. 13.

++ 1939 г.— показатель за 1940 г.; 1944 г.— за 1945 г.; 1949 г.— за 1950 г.; 1954 г.— показатель за 1955 г.

Таблица СП-6

С Ш А: удельный вес выручки от продаж сельскохозяйственной продукции в валовом сельскохозяйственном (фермерском) доходе, 1910–2000 гг. *, %
(по данным официальной статистики)

год	вся товарная продукция	год	вся товарная продукция	год	вся товарная продукция
1910	83,1	1940	84,8	1970	98,4
1911	83,7	1941	89,3	1971	98,6
1912	84,1	1942	90,5	1972	98,7
1913	84,4	1943	90,8	1973	95,1
1914	83,9	1944	91,1	1974	98,6
1915	85,0	1945	89,9	1975	95,2
1916	85,5	1946	90,5	1976	98,6
1917	85,2	1947	90,6	1977	98,1
1918	86,2	1948	90,5	1978	98,4
1919	85,9	1949	90,8	1979	95,4
1920	84,0	1950	90,8	1980	99,1
1921	83,9	1951	92,4	1981	94,8
1922	84,7	1952	94,1	1982	99,2
1923	85,5	1953	94,2	1983	99,2
1924	86,3	1954	94,7	1984	95,3
1925	85,2	1955	93,0	1985	99,4
1926	85,5	1956	93,0	1986	99,3
1927	86,3	1957	94,3	1987	99,5
1928	86,7	1958	94,9	1988	99,5
1929	86,8	1959	95,3	1989	97,3
1930	84,6	1960	95,8	1990	97,7
1931	85,1	1961	96,7	1991	99,6
1932	82,1	1962	97,1	1992	97,3
1933	83,6	1963	95,4	1993	99,8
1934	85,9	1964	97,6	1994	94,4
1935	78,0	1965	95,6	1995	99,7
1936	85,1	1966	97,9	1996	98,4
1937	86,0	1967	98,1	1997	99,8
1938	86,2	1968	98,2	1998	99,7
1939	85,5	1969	98,4	2000	99,7

* *Составлено и подсчитано по:* Statistical Abstract of the United States 1946. Wash.: US Bureau of the Census, 1946, с.624 *[данные за 1910–1924,1939,1941–1944 гг.]*; do.do. 1939, с.639 *[данные за 1925–1938 гг.]*; do.do. 1968, с.613 *[данные за 1940,1945, 1963–1967 гг.]*; do.do. 1950, с.582 *[данные за 1946–1949 гг.]*; do.do. 1977, с.686 *[данные за 1950, 1955, 1972 гг.]*; do.do. 1956, с.640 *[данные за 1951–1954 гг.]*; do.do. 1960, с.632 *[данные за 1956–1959 гг.]*; do.do. 1980, с.699 *[данные за 1960,1965,1970,1973–1978 гг.]*; do.do.1965, с.632 *[данные за 1961–1962 гг.]*; do.do. 1972, с.596 *[данные за 1968–1969,1971 гг.]*; do.do. 1990, с. 647 *[данные за 1979 гг.]*; do.do. 1997, с.671 *[данные за 1980,1985,1987–1992 гг.]*; do.do. 1993, с.659 *[данные за 1981–1984,1986 гг.]*; do.do. 1998, с.672 *[данные за 1993–1996 гг.]*; do.do. 2002, с.521 *[данные за 1997–2000 гг.]* (см.: www.census.gov).

Таблица СП-7

Япония: удельный вес товарной продукции в (условно) валовом сельскохозяйственном продукте и в валовом сборе риса, 1911–1998 гг. *, %

год	вся товарная продукция	рис
1911		39,0
1937		40,0
1940		41,0
1950		49,5
1957		55,5
1958	70,6	58,1
1959		61,0
1960	75,2	62,8
1961		62,0
1962	77,9	64,0
1963		65,0
1964	79,4	66,0
1965		67,0
1966	81,9	69,9
1967		74,2
1968		74,2
1969	85,0	75,3
1970	85,3	74,1
1971	86,5	73,0
1972	87,3	76,0
1973	86,5	78,0
1974	83,0	79,3
1975	83,9	80,8
1976	83,7	81,0
1977	84,1	82,0
1978	84,7	82,0
1979	85,7	81,2
1980	81,2	80,4
1981	81,2	80,6
1982	81,4	81,4
1983	82,8	81,9
1984	83,1	83,9
1985	82,3	84,7
1986	82,3	85,3
1987	81,9	84,8
1988	83,3	85,1
1989	83,6	85,8
1990	84,5	85,8
1991	85,1	86,7
1992	85,5	85,9
1994	86,2	н.св.
1995	85,7	н.св.
1996	86,6	н.св.
1997	86,4	н.св.
1998	87,7	н.св.

***** *Составлено и подсчитано по*: ***Вся товарная продукция:*** Нихон ногё нэнкан [Японский сельскохозяйственный ежегодник] 1972. Токио, 1971 *[данные за 1958–1969 гг.]*; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1975~76. Tokyo, 1977, c.423 *[данные за 1970–1973 гг.]*; do.do. 1979~80, c.435 *[данные за 1974–1979 гг.]*; do.do. 1986~87, c.417 *[данные за 1980–1982 гг.]*; do.do. 1988~89, c.401 *[данные за 1983–1985 гг.]*; do.do. 1992~93, c.405 *[данные за 1986 г.]*; do.do. 1993~94, c.425 *[данные за 1987–1992 гг.]*; do.do. 1999~2000, c. 563 *[данные за 1994–1998 гг.]*. ***Рис:*** *Попов В.А.* Развитие капитализма в сельском хозяйстве Японии. М.: «Наука», 1970, с.90–93 *[данные за 1911,1937,1950 гг.]*; *Маркарьян С.Б.* Проблемы агропромышленной интеграции в Японии. М.: «Наука», 1982, с.266 *[данные за 1940 г.]*; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture and Forestry. Japan 1959. Tokyo, 1960, c.383 *[данные за 1957–1959 гг.]*; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1964. Tokyo, 1964, c.27 *[данные за 1960–1962 гг.]*; do.do. 1965, c.27 *[данные за 1963 г.]*; do.do. 1971, c.35 *[данные за 1964–1969 гг.]*; do.do. 1995, c. 15 *[данные за 1970,1975,1980, 1985,1990–1992 гг.]*; do.do. 1975, c. 39 *[данные за 1971–1973 гг.]*; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1975~76, c. 259 *[данные за 1974 г.]*; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1980, c. 7 *[данные за 1976–1978 гг.]*; do.do. 1982, c.9 *[данные за 1979 г.]*; do.do. 1985, c. 15 *[данные за 1981–1984 гг.]*; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1986~87, c. 257 *[данные за 1986 г.]*; Abstract of Statistics on Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1990, c. 15 *[данные за 1987, 1989 гг.]*; The Statistical Yearbook of Ministry of Agriculture, Forestry and Fisheries. Japan 1988~89, c.243 *[данные за 1988 г.]*.

Таблица СП-8

Индия: поступления зерна на оптовые сборные рынки, 30–90-е годы XX века *
(*удельный вес в валовом сборе, %*)

год	пшеница	рис	год	пшеница	рис
			1976/77	31,7	28,1
1932/33-1934/35	55,0[1]		1977/78	28,6	27,5
1936/37-1938/39		40,5[1]	1978/79	26,8	27,9
1946/47-1948/49		27,5[1]	1979/80	31,4	
1954/55		31,5[1]	1980/81	31,9	30,2
1955/56	32,7[1]		1981/82	25,7	30,7
1954/55-1956/57	37,0[1]	31,4[1]	1982/83	28,0	32,8
1966/67	19,8[2]		1983/84	26,7	30,3
1967/68	23,8		1984/85	24,9	31,6
1968/69	31,5	21,8[2]	1985/86	28,2	31,2
1969/70	28,6	23,4	1986/87	28,7	32,3
1970/71	29,8	25,5	1987/88	26,2	32,9
1971/72	33,2	23,9	1988/89	27,1	29,7
1972/73	31,0	23,6	1989/90	27,0	30,7
1973/74	65,1[1]		1990/91	29,5	30,9
1974/75		22,0	1991/92	27,8	29,8
1975/76	30,5	26,2	1997/98	61,4[3]	60,1[3]

* *Составлено и подсчитано по:* ***Пшеница*****:** Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Wheat in India. Delhi, 1937, c.16 *[данные за 1932/33–1934/35 гг.]*; Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Wheat in India. Marketing Series No.143 (Ministry of Food and Agriculture.) Nagpur. 1963, c.21*[данные за 1954/55–1956/57 г.]*; Indian Agriculture in Brief. 7th ed. Delhi, 1965, c.163*[данные за 1955/56 г.]*; *Agricultural Situation in India* (*ASI*). Vol.28, 1973, No.2, c.118 *[данные за 1966/67–1971/72 гг.];* Indian Agriculture in Brief. 12th ed., 1973, c.130 *[данные за 1969/70 г.]*; Bulletin on Food Statistics 1992 and 1993. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1996, c.50 *[данные за 1970/71, 1975/76, 1981/82–1991/92 гг.]*; *ASI*. Vol.28, 1973, No.4*[данные за 1972/73 г.]*; Marketable Surplus and Post–Harvest Losses of Wheat in India. Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1986, c.40 [*данные за 1973/74 г.*]; *ASI*. Vol.33. 1978, No.4, c.247 *[данные за 1976/77]*; *ASI*. Vol.34, 1980, No.11, c.817 *[данные за 1977/78 г.]; ASI*. Vol.36, 1982, No.12*[данные за 1978/79, 1979/80 гг.]*; Indian Agriculture in Brief. 20th ed., 1985, c.353 *[данные за 1980/81 г.]*; Agricultural Statistics at a Glance 2001. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 2001, c. 134 *[данные за 1997/98 г.]*. ***Рис*****:** Agricultural Marketing in India. Report on the Marketing of Rice in India. Marketing Series No.75. Calcutta. 1955, c.418–419 *[данные за 1936/37–1938/39 г., 1946/47–1948/49 г.]*; Indian Rice Statistics. New Delhi, 1956. c.1–4, 23 *[данные за 1954/55 г.]*; Indian Agriculture in Brief. 7th ed. Delhi, 1965, c.163 *[данные за 1956/57 г.]*; *ASI*. Vol.28, 1973, No.4 *[данные за 1968/69, 1969/70 гг.]*; Indian Agriculture in Brief. 13th ed., 1974, c.136 *[данные за 1970/71 г.]*; *ASI*. Vol.29, 1975, No.10 *[данные за 1971/72, 1972/73 гг.]*; *ASI*. Vol.33. 1978, No.1, c.35 *[данные за 1974/75]*; Bulletin on Food Statistics 1992 and 1993. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 1996, c.50 *[данные за 1975/76,1981/82–1991/92 гг.];* Indian Agri-

culture in Brief. 17th ed., 1978, c.149; *ASI*. Vol.35, 1981, No.10; *ASI*. Vol.37, 1982, No.9 *[данные за 1976/77–1978/79 гг.]*; Indian Agriculture in Brief. 23rd ed., 1990, c.393 *[данные за 1980/81 г.]*; Agricultural Statistics at a Glance 2001. New Delhi: Ministry of Agriculture. Government of India, 2001, c. 134 *[данные за 1997/98г.]*.

[1] Имеется в виду возможный (потенциальный) «рыночный излишек» (*marketable surplus*).

[2] Здесь и ниже (кроме показателя 1973/74 г.) — «рыночные поступления» (*market arrivals*).

[3] Данные показывают «*рекомендованный* рыночный излишек» (*marketable surplus recommended*), который был оценен Министерством сельского хозяйства Индии на основании его собственных обследований издержек производства сельскохозяйственных культур, которые (обследования) были проведены около 1997 г., и данных обследования, проведенного Национальным советом прикладных экономических исследований (NCAER) в 1988/89 г. К сожалению, Министерство не публикует сведения, как данный («рекомендованный») излишек соотносится с величиной *реальной* массы зерна, поступающей на рынок.

Таблица СП-9

Россия/СССР/Россия: удельный вес товарной продукции и государственных заготовок (и/или закупок) зерна в валовом сборе зерновых, 1840–2000 гг. *, %

период / год	заготовки[1]	товарность[2]	период / год	заготовки[1]	товарность[2]
(1)	*(2)*	*(3)*	*(1)*	*(2)*	*(3)*
1840–1850		11,4[3] (10,8)[4]	1938	35,8[18]	37,6[16]
1851–1860		15,7[3] (13,8)[4]	1939	40,2[18]	42,2[16]
1861–1870		16,4[3]	1940	38,1	40,1
1871–1880		21,5[3]	1941	43,5	46,3
1886–1890		16,1[5]	1942	42,1	46,5
1891–1895		19,2[5]	1943	41,8	46,3
1896–1900		22,4[5]	1944	44,0	48,7
1901–1906		25,3[5] (23,1)[6]	1945	42,4	49,1
1906–1910		27,3[5]	1946	44,2	50,4[19]
1909–1913		26,7[7]	1947	41,7	47,5[19]
1912–1913		24,7[3] (26,4)[4]	1948	44,9	51,2[19]
1913		27,8	1949	45,7	52,0[19]
1914/15	1,8	20,5[7]	1950	39,8	47,0
1915/16	8,1	13,5[7]	1951	42,7	48,7[19]
1916/17	12,6		1952	37,6	42,8[19]
1917/18	4,0		1953	37,7	43,4
1918/19	2,8		1954	40,4	45,7
1919/20	6,9		1955	35,6	40,4
1920/21	13,3		1956	43,3	49,1
1921/22	10,5	7,2[8]	1957	34,5	39,2
1922/23	12,3	15,3[9]	1958	42,0	46,3
1923/24		17,9[3] (17,2)[4]	1959	39,0	44,5
1924/25	10,5[10]	11,4[11] (12,2)[4]	1960	37,2	43,1
1925/26	11,9	12,7[3,12]	1961	39,8	44,9
1926/27	14,8	14,0[3,12]	1962	40,4	44,3
1927/28	15,0		1963	41,7	45,0
1928	14,7		1964	44,9	49,2
1929	22,4	23,5[13]	1965	30,0	32,9
1930	26,5	27,8[13]	1966	43,8	47,1
1931	32,9	34,5[13]	1967	38,7	42,7
1932	26,9	28,2[13]	1968	40,7	44,6
1933	25,9	27,7[14]	1969	34,2	38,9
1934	29,3	31,4[14]	1970	39,2	43,3
1935	30,8	33,0[14]	1971	35,4	38,9
1936	43,8[15]	46,0[16]	1972	35,7	40,0
1937	32,7	37,4[17]	1973	40,7	44,9

(1)	*(2)*	*(3)*		*(1)*	*(2)*	*(3)*
1974	37,5	41,3		1988	34,1	42,6[20]
1975	35,8	39,1		1989	30,0	38,1[20]
1976	41,1	45,3		1990	31,2	40,2[20]
1977	34,7	40,4		1991	26,5	41,5
1978	40,4	46,0		1992	24,4	38,3
1979	35,0	41,7		1993	28,5	42,2
1980	36,7	45,0		1994	14,9	44,0
1981	36,7	44,0		1995	15,5	44,6
1982	37,3	44,5		1996	12,7	43,3
1983	39,3	46,9		1997	12,1	44,1
1984	32,6	40,6		1998	6,5	52,7
1985	41,2	49,2		1999	9,3	52,6
1986	40,6	49,1[20]		2000	8,5	52,5
1987	37,8	46,5[20]		2001	5,6	50,9

* *Составлено и подсчитано по*:

***Заготовки*:** *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991, с.126,365 *[данные за 1914/15–1918/19 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с.341 *[данные за 1919/20–1921/22 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1922–1972 гг. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1972, с.228; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М.–Л., 1932, с. XXXIX *[данные за 1922/23 г.]*; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с.202 *[данные за 1924/25 г.]*; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929, с.294–295 *[данные за 1925/28–1927/28 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936, с.192 *[данные за 1928–1935 гг.]*; *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992 [Документ № 6 от 26.02.1949.], с.57 *[данные за 1936, 1938, 1939 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.10;15 *[данные за 1937, 1940, 1946–1987 гг.]*; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с.91,96 *[данные за 1941–1945 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1991, с.17 *[данные за 1988, 1989 гг.]*; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995, с.63,90 *[данные за 1990–1992 гг.]*; Сельское хозяйство в России 1998. Статистический сборник. М., 1998, с.56,94 *[данные за 1993–1997 гг.]*; Сельское хозяйство в России 2000. Статистический сборник. М., 2000, с. 100 *[данные за 1998–1999 гг.]*; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 93 *[данные за 2000–2001 гг.]*.

***Товарность*:** *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840—1924 гг., в: Сельское хозяйство на путях восстановления. Под ред. Л. Крицмана, П. Попова, Я. Яковлева. М., 1925, с. 37 *[данные за 1840–1850, 1850–1860, 1912–1913 гг.]*; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. М.: «Наука», 1974, с.214 *[данные за 1861–1870, 1871–1880 гг.]*; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. Т.2. М., 1950, с. 72, 137 *[данные за 1886–1890, 1891–1895, 1896–1900]*; *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: «Наука», 1991, с.126,130,322 *[данные за 1901–1905, 1906–1910, 1909–1913, 1913–1915 гг.]*; *Ларин Ю.* Вопросы крестьянского хозяйства. М.: «Московский рабочий», 1923, с.69,70 *[данные*

за 1921/22 г.]; *Литошенко Л.Н.* Крестьянский бюджет в 1922–23 году. Издание ЦСУ. М., 1923, в: История статистики. Выпуск 3. Бюджетные обследования 20-х годов. (Госкомстат СССР). М., 1991, с.170, Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924, с.415 *[данные за 1922/23 г.]*; Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ СССР, 1924, с.87 *[данные за 1923/24 г.]*; СССР в цифрах. Статистический сборник. М., 1958, с. 183, Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с.86 *[данные за 1924/25, 1937, 1940 гг.]*; Итоги десятилетия Советской власти в цифрах 1917–1927. М.: ЦСУ СССР, 1927, с.218 *[данные за 1925/26–1926/27 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936, с.192 *[данные за 1929–1935 гг.]*; *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992 [Документ № 6 от 26.02.1949.], с.57 *[данные за 1936, 1938, 1939 гг.]*; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990, с.88 *[данные за 1941–1945 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.10;15 *[данные за 1946–1949, 1951–1952, 1986–1987 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1964 г. Статистический ежегодник. М., 1965, с.253 *[данные за 1950 г.]*; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с.298,300 *[данные за 1953–1959 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с.50 *[данные за 1960–1970 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1973 г. Статистический ежегодник. М., 1974, с.354 *[данные за 1971–1973 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1975 г. Статистический ежегодник. М., 1976, *[данные за 1974 г.]*; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с.200 *[данные за 1975–1978 гг.]*; Народное хозяйство СССР в 1980 г. Статистический ежегодник. М., 1981, *[данные за 1979 г.]*; Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с.189 *[данные за 1980–1985 гг.]*; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1991, с.17 *[данные за 1988, 1989 гг.]*; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995, с.63,90 *[данные за 1990 г.]*; Сельское хозяйство в России 1998. Статистический сборник. М., 1998, с.96 *[данные за 1991–1994 гг.]*; Сельское хозяйство в России 2000. Статистический сборник. М., 2000, с.100,102 *[данные за 1995–1999 гг.]*; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 93 *[данные за 2000–2001 гг.]*.

[1] Показатель «заготовки» включает значения удельного веса зерна (в его валовом производстве), полученного государством посредством принудительного отчуждения зерна в натуре по «твердым» и иным заниженным ценам или вообще без всякой его оплаты, и доли зерна, закупленного государством у сельскохозяйственных производителей на свободном рынке. Вплоть до 1921/22 г. государство аккумулировало зерно посредством принудительных его отчуждений через механизмы продразверстки и натурального продовольственного налога, см. столбец «заготовки», в столбце же «товарность» приведены показатели только «добровольного рыночного отчуждения» зерна (включая внутридеревенский — денежный и бартерный — оборот последнего). Но с 1922/23г., когда был введен единый сельскохозяйственный налог (он взимался до 1924 г. частично в натуральной, частично в денежной форме, а с 1925 г. — только в денежной форме), показатели «заготовок» и «товарности» начинают частично перекрывать друг друга: так, все выплаты по «принудительному отчуждению», включая ту массу зерна, которая была реализована на рынке для выплаты сельскохозяйственного налога, формируют показатель «заготовок», но, с другой стороны, вся масса зерна, прошедшая через рыночный обмен, в том числе для оплаты того же сель-

скохозяйственного налога, оказалась включенной в показатель «товарности». Поэтому в период 1921/22 – 1927/28 годов значения показателя «заготовок» могут иногда быть выше или ниже значений показателя «товарности». Однако с 1929 г. учет зерна, реализованного за пределами деревни, унифицируется: показатель «заготовок» охватывает все зерно, сданное или проданное государству в лице его агентов («ссыпные пункты», МТС, «модернизированная» потребкооперация и др.), а категория «товарность» включает весь объем «заготовок» плюс масса зерна, проданная на внедеревенских рынках несельскохозяйственному населению.

[2] В таблице приведены показатели так называемой внедеревенской товарности за период с середины XIX в. до 1913 г. и 1923/24–1927/28 гг.; «добровольного рыночного отчуждения» зерна (включая его реализацию на внутридеревенском рынке) за период 1921/22–1922/23 гг., а с 1929 г. — всей внедеревенской товарности, когда в категорию «товарная зерновая продукция» стала включаться вся масса зерна, сданная и проданная государству и кооперации, а также проданная на внедеревенском рынке несельскохозяйственному населению. Таким образом, в товарную продукцию не включен внутридеревенский оборот зерна (подробнее см.: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 23, прим, с. 83, прим.).

[3] Расчет показателей осуществлен на основании данных хлебофуражного баланса сборов и потребления зерна за указанный период. В величину товарной массы зерна включена масса зерна, потребленная городским населением (в виде продуктов питания и кормов для скота), в армии, отправленная на экспорт и израсходованная в промышленности. Сумма этих величин, взятая в процентном отношении к валовому сбору, и составила показатель вышеуказанной товарности. Т.е. рассчитывалась только *внедеревенская товарность*. В 60–70-х годах XIX в. доля товарного зерна, потребленного вне деревни, по отношению ко всей товарной зерновой массе составляла около 70%, внутри же деревни потреблялось примерно 30% означенной массы (см. *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века, с.211). В начале XX века распределение товарного хлеба претерпело некоторые изменения. За пределы деревни в 1912–1913 гг. «выбрасывалось», по исчислению П.И. Попова, начальника ЦСУ СССР в 20-е годы, 78,5% совокупной массы товарного хлеба. А доля товарного хлеба, который «перемещался в порядке продаж от одних групп, производивших излишки, к группам населения, производивших недостаточное для потребления количество хлеба», составляла лишь 21,5%. В целом во внутридеревенский оборот поступало менее одной десятой (9,8%) общей массы зерна, потребляемой сельскими производителями. Общая же товарность зернового производства (которая определяется здесь отношением товарной массы зерна к его валовому сбору) составляла в 1912–1913 гг. 31,5% от величины последнего, при этом «внешняя» товарность достигала 24,7% (См.: *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840–1924 гг., с. 18,19,37). Дальнейшие изменения в соотношении обеих частей ресурсов товарного зерна отмечены в период НЭПа. По данным фундаментального «Баланса народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года», подготовленного под руководством П.И. Попова, на долю потребления внедеревенского населения (включая зерновой экспорт) в 1923/24 г. приходилось 56% общего объема товарного зерна, соответственно на внутридеревенское потребление падало 44% его массы (подсчитано по: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года, с. 129–133). Примерно в таких же пропорциях распределялся рыночный (реализованный за деньги) хлеб и в 1926/27 г. По данным В.П. Данилова (ссылающегося на расчеты хлебофуражного баланса, проведенные В.С.

Немчиновым), в этом году зерно, реализованное за деньги, составляло 28,8% его валового сбора, при этом город поглотил (включая экспорт) 53,3% этой доли, внутри деревни было потреблено 46,3% общего объема рыночного хлеба (см.: *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: «Наука», 1979, с. 177,178). Т.е. в 1926/27 году внедеревенская товарность зерна составляла, по указанным данным, 15,4% объема валового сбора зерна. Этот показатель весьма близок тому, который разработало ЦСУ СССР для рассматриваемого года (ср. данные табл. СП-9).

[4] В скобках приведены значения, исчисленные П.И. Поповым, причем удельный вес товарного хлеба рассчитан по отношению к *распределенной и действительно потребленной части зерна* (в расчеты не были включены переходящие остатки), в то время как основной ряд показателей представляет собой значения удельного веса товарного зерна по отношению к его *валовому сбору* (см.: *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840–1924 гг., с. 37).

[5] Для периода 1886–1910 гг. осуществлен пересчет товарности зерновых, исчисленной по показателям перевозок зерна по железным дорогам и водным путям сообщения, на ее показатели, исчисленные на основе данных баланса производства и потребления зерна (коэффициент пересчета определен посредством сравнительного анализа показателей, полученных Н.Д. Кондратьевым по этим двум методам за период 1909–1913 гг., и принят равным 1,247; см.: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, с. 101, 322).

[6] Показатель приводится П.И. Поповым со ссылкой на П.И. Лященко, который, по словам П.И. Попова, отмечал «условность своих исчислений», их «проблематичность» (см.: *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840–1924 гг., с. 18).

[7] Расчет осуществлен Н.Д. Кондратьевым по балансу производства и потребления четырех главных хлебов. В товарной массе зерна учтено зерно, потребленное населением городов и селений городского типа, промышленное потребление, баланс межгубернского ввоза-вывоза зерна (внутридеревенское потребление товарного хлеба не было принято во внимание) (см.: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции, с. 315, 322). Показатели для 1914 г. и 1915 г. пересчитаны по методу, который был использован ранее, при разработке значений на период 1886–1910 гг. (см. прим. 5). Коэффициент пересчета для 1914, 1915 гг. был равен 1,22 (исчислено по: *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов, с. 101, 126, 130, 322).

[8] Рассчитано по материалам бюджетных обследований крестьянских хозяйств в 1921/22 году и касается 7 губерний производящей полосы (см.: *Ларин Ю.* Вопросы крестьянского хозяйства, с.69,70). За основу расчетов были взяты приведенные Ю. Лариным следующие данные: совокупная товарность всех отраслей производства в крестьянском хозяйстве в 1921/22 г. составляла 15% от стоимости валовой сельскохозяйственной продукции, вклад зернопроизводящей отрасли в данный товарный продукт оценивался в размере 16,3%, а удельный вес этой отрасли в валовой сельскохозяйственной продукции был равен 34,1%. Из этих данных следует, что показатель доли «добровольного рыночного отчуждения» зерна в его валовом производстве равен 7,2%.

[9] Показатель рассчитан по материалам бюджетных обследований крестьянских хозяйств, проведенных в 1922/23 г., и касается 14 губерний производящей и потребляющей полос РСФСР (см.: *Литошенко Л.Н.* Крестьянский бюджет в 1922–23 году, с. 170; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы

ЦСУ, с. 415). В этом году совокупная товарность всех отраслей сельскохозяйственного производства в крестьянском хозяйстве в 1921/22 г. составляла 14,4% от стоимости валовой сельскохозяйственной продукции, вклад зернопроизводящей отрасли в данный товарный продукт оценивался в размере 39,2%, а удельный вес этой отрасли в валовой сельскохозяйственной продукции (оба натуральных показателя выражены в эквиваленте главного в то время зернового продукта — ржи) был равен 37,0%. Соответственно показатель доли «добровольного рыночного отчуждения» зерна в его валовом производстве составлял 15,3%.

[10] Показатель рассчитан исходя из среднегодового значения показателя за 1924–1928 гг. (см.: Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с.202), и погодовых его значений за 1925–1928 гг.

[11] Показатель рассчитан исходя из среднегодового значения показателя за 1923–1926 гг., равного 13,2% (см.: СССР в цифрах. Статистический сборник. М., 1958, с.183), и погодовых его значений за 1923,1925,1926 гг.

[12] В Сборнике статистических сведений «Сельское хозяйство СССР 1925–1928 гг.» приведены следующие данные по удельному весу товарного зерна: 1925/26 г. — 20,8%, 1926/27 г. — 20,7%, 1927/28 г. — 21,8% (см.: Сельское хозяйство СССР 1925–1928 гг. Статистический сборник. М., 1929, с. 294–295). Данные оценки включают, очевидно, все виды отчуждения зерна — как «принудительные» (принудительно сформированная часть государственных «заготовок» зерна), так и «добровольные рыночные». Соотнесенные же с внедеревенской товарностью, эти оценки существенно вырываются из ряда показателей, указанных в одобренных «свыше» изданиях. Поэтому они не были приняты «партией» большевиков. Так, В.С. Немчинов определяет внедеревенскую товарность хозяйства СССР на 1926/27 г. в 13,3% от величины валового сбора зерна (см. *Немчинов В.С.* Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М.: «Сельхозгиз», 1945, с.58,59). Впоследствии этот показатель вошел в «записку», представленную «товарищу Сталину» (см. табл. III-7), который цитировал эти данные в своей статье «На хлебном фронте» (1928 г.) (см.: *Сталин И.В*. Сочинения. Т.11. М., 1949, с. 85).

[13] Рассчитано по пропорции превышения среднегодовых значений удельного веса товарного зерна — 25,8% в 1928–1932 гг. (см.: Сельское хозяйство СССР.1960, с. 86) над удельным весом госзаготовок зерна — 24,6% (см.: Сельское хозяйство СССР. 1935, с. 192) в 1928–1932 гг., коэффициент превышения в этот период составлял 1,05.

[14] Рассчитано по пропорции превышения среднегодовых значений удельного веса товарного зерна — 40,3% (см.: Сельское хозяйство СССР. 1960, с. 86) над удельным весом госзаготовок зерна — 37,7% (рассчитано по данным настоящей таблицы) в 1933–1937 гг., коэффициент превышения в этот период составлял 1,07.

[15] Какие-либо данные за 1936 г., касающиеся сборов, урожайности, товарности, госзаготовок зерна в масштабах всего СССР, были закрыты и никогда не были опубликованы. Показатель за 1936 г. рассчитан по данным об оприходованной *колхозами* массе зерна и массе зерна, сданной и проданной государству, согласно годовым отчетам колхозов (см.: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953) , с.57 [Документ ЦГАНХ СССР]). На совхозное зерновое производство в это время приходилась незначительная доля — менее 8% совокупной площади под посевами зерновых, и внести существенный вклад в увеличение госзаготовок совхозы еще не могли. Если же для расчетов использовать официальные среднегодовые показатели госзаготовок зерна за 1933–1937 гг. (37,7%) и аналогичные данные за единичные — 1933, 1934,

1935, 1937 — годы (см. Сельское хозяйство СССР. Выпуски за: 1935 г., с.192; 1960 г., с.196; 1988 г., с.10,15), то расчетный показатель удельного веса госзаготовок зерна в 1936 г. достиг бы 69,8% объема его валового сбора, т.е. величины, которая является абсолютно нереальной, если учитывать необходимые нужды внутрихозяйственного потребления.

[16] Показатели оценены по пропорции превышения среднегодовых значений удельного веса товарного зерна над удельным весом госзаготовок зерна, как она сложилась к 1940 г., разница в этот период составляла 1,05.

[17] Используемые нами источники не содержат данных о пропорциях товарного зерна (включая госзаготовки), реализованного в 1937 г., но известно, что среднегодовой объем товарного зерна в 1937–1940 гг. был равен, по свидетельству ЦСУ СССР, 34,6 млн.т (см.: СССР в цифрах. 1958, с. 183), а 1938–1940 гг. — 34,0 млн.т (см.: Сельское хозяйство СССР. 1960, с.86). Значит, в 1937 г. масса товарного зерна составляла 36,4 млн.т. Валовое производство зерна в этом году оценивалось в 97,4 млн.т (см.: Сельское хозяйство СССР. 1988, с. 10), отсюда следует, что товарность зерновых в 1937 г. составляла 37,4%.

[18] Показатели за 1938–1939 гг. рассчитаны по данным об оприходованной *колхозами* массе зерна и массе зерна, сданной и проданной государству, согласно годовым отчетам колхозов (см.: *Попов В.П.* Крестьянство и государство (1945–1953) , с.57).

[19] Рассчитано по пропорции превышения удельного веса товарного зерна над удельным весом госзаготовок зерна. Этот коэффициент — 1,14 раза — получен при сравнении аналогичных рядов данных за 1941–1945, 1950, 1953 гг.

[20] Показатель исчислен тем же методом, какой был использован при разработке показателей на 40-е годы (см. прим. 19). При этом авторы исходили из того, что коэффициент превышения на 1986-1990 гг. имел тенденцию к увеличению; так, в 1976 –1980 гг. этот коэффициент равнялся 1,15, а в 1981–1985 гг. — 1,20. Мы предположили, что в среднем за период 1986 –1990 гг. он мог достигнуть величины 1,25, которая, однако, изменялась по годам, составляя: в 1986 г. — 1,21, в 1987 г. — 1,23, в 1988 г. — 1,25, в 1989 г. — 1,27, в 1990 г. — 1,29. В 1991 г. этот коэффициент, по расчетам на основе данных ЦСУ СССР, равнялся 1,55 (его резкий рост, очевидно, вызван начавшимся распадом системы государственного заказа в последний год существования СССР).

Таблица СП-10

Россия/СССР: удельный вес товарной продукции в валовой продукции сельского хозяйства, 1909–1990 гг. *, %

Период / год	Удельный вес товарной продукции[1]	Период / год	Удельный вес товарной продукции[1]
1909–1913	30,0[2] (40,0)[3]	1946–1948	46,0[6]
1920/21	13,8[4] (27,3)	1949–1953	41,6
1921/22	11,3[4] (19,1)	1954–1958	44,7
1922/23	14,1[4, 5] (19,3)	1959–1960	47,9
1923/24	16,1[2] (26,5)[3]	1961	46,9
1926/27	18,3[2]	1965	52,5 (45,1)[7]
1928–1932	30,0	1966–1970	56,0 (48,8)[7]
1933–1937	35,0	1980	61,0 (58,0)[7]
1938–1940	41,0	1985	58,9 (56,1)[7]
1941–1945	45,0[6]	1986–1990	59,6 (57,2)[7]
		1990	60,5 (57,4)[7]

* *Составлено и подсчитано по*: *Кондратьев Н.Д.* Особое мнение. Книга 2. М.: «Наука», 1993, с.188,349; Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924, с.418; *Литошенко Л.Н.* Крестьянский бюджет в 1922–23 году. Издание ЦСУ. М., 1923, в: История статистики. Выпуск 3. Бюджетные обследования 20-х годов. (Госкомстат СССР). М., 1991, с. 170; Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923-24 года. Под редакцией П.И. Попова. [Репринтное воспроизведение издания 1926 года.] М., 1993, с. 155, 173; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 24; Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с. 293, 296, ср. также с.297,795; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 44,52; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 160,428,429,466.

[1] В таблице показана так называемая внедеревенская товарность, при которой к товарной части произведенной продукции относится лишь масса продукта, сданная и проданная государству и кооперации, а также на рынке несельскохозяйственному населению. Не включен в товарную продукцию внутридеревенский оборот (подробнее см. Сельское хозяйство. Статистический сборник. М., 1960, с. 24,83, прим.). При исчислении товарной продукции из нее исключена продукция малотоварных отраслей, такая как солома, сено и др. Приведенные значения даны в источниках в сопоставимых ценах: за период 1909–1913 гг. — в ценах 1913 г.; за период 1926/27 г. и 1928–1932 гг. — в ценах 1926/27 г.; за период 1933–1940 г. — в ценах 1951 г.; за период 1949–1961 гг. — в ценах 1958 г.; за период 1965–1970 гг. — в ценах 1965 г.; за период 1980–1990 гг. — в ценах 1983 г. Значения показателя за 1980–1990 гг. обозначают удельный вес выплат за сельскохозяйственную продукцию, проданную государству, кооперативным и государственным торгующим организациям, в валовой продукции сельского хозяйства; категория продавцов включает все типы хозяйствующих агентов агросферы — колхозы, совхозы, другие сельскохозяйственные предприятия, хозяйства населения (личные подсобные и другие мельчайшие хозяйства). В конце 80-х годов (1985–1988 гг.) на данный вид сделок приходилось примерно 94% (при учете

доли продаж на колхозном рынке по фактическим ценам последнего) — 97,5% (при учете доли продаж на колхозном рынке, рассчитанной по универсальным государственным ценам) общего объема товарной продукции сельского хозяйства (подсчитано по: Торговля СССР. Статистический сборник. М., 1989, с. 84,85,314; Народное хозяйство СССР в 1990 г., с.466). Использованные при расчете стоимостные значения выплат, указанные в источнике в фактических ценах, пересчитаны нами по сопоставимым ценам (метод расчета см. в прим.5 к табл. IV-3).

[2] Данные за 1909–1913 гг. разработаны ЦСУ СССР (см.: Сельское хозяйство СССР. 1960, с. 24). Н.Д. Кондратьев со ссылкой на работу «Контрольные цифры» Госплана за 1926/27 г. приводит для периода 1909–1913 гг. иной показатель — 23,8%. Из этого же источника им заимствованы и цитируются в настоящей таблице данные за 1923/24 и 1926/27 гг. Согласно материалам бюджетных обследований крестьянских хозяйств (см.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ, с. 418), в период «до войны» (предположительно в период 1909–1913 гг.) «валовое добровольное отчуждение ценностей» (товарность) в крестьянском хозяйстве составляло по 7 губерниям производящей полосы 29,4%, по 7 губерниям потребляющей полосы — 26,2%, а средневзвешенная величина товарности (см. прим. 4) по 14 губерниям была равна 28,7%. Значение этого показателя весьма близко к данным, разработанным ЦСУ СССР и приведенным в настоящей таблице для периода 1909–1913 гг.

[3] В скобках приведена норма товарности с учетом внутридеревенского оборота. Для 1909–1913 гг. — оценки Н.Д. Кондратьева; для 1923/24 г. — расчет на основе «Баланса народного хозяйства Союза ССР» по «ценам производства» 1923/24 г. (т.е. ценам, полученным производителем, т.е. без торговых надбавок); общая величина товарности отраслей растениеводства составляла в этом году 20,1%, а животноводства — 41,9%, совокупная же товарность сельского хозяйства была равна 26,5%. Если из совокупного товарного продукта сельского хозяйства изъять часть, обращавшуюся внутри деревни, то внедеревенская товарность (потребление городского населения, армии и экспорт) составит в 1923/24 г. по всем отраслям сельского хозяйства примерно 18,2%, при этом предположено, что в город все отрасли растениеводства отпускали, как и зерновой сектор растениеводства, по 56% отраслевой товарной продукции каждая (см. прим.3 к табл. СП-9).

[4] Исчислено по материалам бюджетных обследований крестьянских хозяйств (см.: Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ, с. 418). Показатель обозначает удельный вес «валового добровольного отчуждения ценностей» (посредством продаж на рынке и бартерного обмена) в валовой продукции крестьянского хозяйства — в денежном выражении для 1920/21 г., 1921/22 г. и в эквиваленте цены ржи для 1922/23 г. В «Сборнике» данный показатель исчислен по материалам обследований хозяйств 7 губерний производящей и 7 губерний потребляющей полос тогдашней РСФСР, в таблице он представлен (расчет наш. — *Авт.*) как средневзвешенная величина по 14 губерниям обеих полос с учетом того, что число хозяйств в производящей полосе в 1923 г. составляло 7597,5 тыс., а в потребляющей — 4286,8 тыс. (см. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М.: ЦСУ СССР, 1924, с. 60,64). Известно, что помимо «добровольного отчуждения ценностей» из крестьянского хозяйства изымались и «ценности» в порядке «принудительного отчуждения» в пользу государства (продразверстка в 1920/21 г., продналог в 1921/22 г. и 1922/23 г.), удельный вес которых в 1920/21 г. был равен 13,5%, в 1921/22 г. — 7,9%, а в 1922/23 г. — 5,2%. В целом в 1920/21 г. совокупное отчуждение ценностей из крестьянского хозяйства составляло немногим более четверти (27,3%) стоимости его валовой сельскохозяйственной продукции; в 1921/22 г. — 19,1%; а в 1922/23 г. — 19,3%; эти данные приводятся в скобках за соответствующие годы.

[5] По данным, установленным на основе материалов бюджетных обследований крестьянских хозяйств по 14 губерниям производящей и потребляющей полос

РСФСР, проведенных Л.Н. Литошенко, этот показатель составил 14,4% (из расчетов данные о доходах от крестьянских промыслов и лесоводства исключены) (см.: *Литошенко Л.Н.* Крестьянский бюджет в 1922–23 году, с. 170).

[6] Это предположительные данные. При их исчислении авторы исходили, при очень осторожной оценке, из того, что прирост показателя совокупной товарности сельского хозяйства в военные и первые послевоенные годы составлял лишь половину того прироста, который имел место в зерновом хозяйстве в эти годы (47,4% — в 1941–1945 гг. и 49,7% — в 1946–1948 гг., против 40,0% — в 1938–1940 гг.; см. табл. СП-9). Напомним, что в эти годы растениеводство (и в первую очередь зерновое производство) обеспечивало подавляющую часть стоимости валового продукта сельского хозяйства (на животноводство приходилась на рубеже 40–50-х годов примерно лишь третья часть последней; см. табл. III-5).

[7] В скобках приведены показатели удельного веса выплат за сельскохозяйственную продукцию, проданную государству (государственные закупки). Расчеты осуществлены в сопоставимых ценах: 1965 года — за период 1965–1970 гг.; 1983 года — за период 1980–1990 гг. Метод пересчета значений выплат за проданную государству продукцию по сопоставимым ценам — тот же, что и при пересчете выплат за продукцию, проданную всем институционализированным агентам обращения (см. прим.1).

Таблица СП-11

Казахстан: удельный вес государственных заготовок зерна в валовом сборе зерновых, 1916–1998 гг. %

Год	Заготовки	Год	Заготовки	Год	Заготовки
1916	32,4	1956	67,9	1978	60,2
1920	21,1	1957	45,3	1979	59,9
1921	13,3	1958	67,3	1980	59,6
1922	21,3	1959	60,1	1981	66,1
1925	15,8	1960	55,8	1982	57,9
1926	15,8	1961	50,9	1983	64,1
1927	18,3	1962	51,7	1984	46,4
1928	26,0	1963	45,2	1985	57,3
1929	29,1	1964	64,7	1986	58,9
1930	32,0	1965	31,2	1987	53,2
1940	50,9	1966	66,5	1988	46,5
1945	52,9	1967	56,7	1989	31,4
1946	55,8	1968	60,1	1990	52,0
1947	49,7	1969	50,8	1991	35,1
1948	51,0	1970	60,1	1992	49,6
1949	52,9	1971	58,4	1993	43,3
1950	44,9	1972	60,0	1994	45,6
1951	52,3	1973	60,2	1995	44,1
1952	41,3	1974	53,4	1996	44,9
1953	43,9	1975	42,4	1997	46,9
1954	52,3	1976	68,1	1998	52,7
1955	36,1	1977	46,3		

Составлено и подсчитано по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР за пять лет работы ЦСУ: 1918–1923. М., 1924, с. 430, 431; Сельское хозяйство ССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М.: ЦСУ СССР, 1929, с. 294–295; Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. М., 1932, с.336–337; Народное хозяйство Казахской СССР в 1960 и 1961 гг. Статистический сборник. Алма-Ата, 1963, с. 82–83, 116–117; Народное хозяйство Казахстана. Статистический сборник. Алма-Ата, 1968, с.126–127, 148–149; Народное хозяйство Казахстана в 1975 г. Статистический ежегодник. Алма-Ата, 1976, с. 93, 103; Народное хозяйство Казахстана за 60 лет. Статистический сборник. Алма-Ата, 1980, с. 87, 92; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с. 54, 154; Народное хозяйство СССР в 1978 г. Статистический ежегодник. М., 1979, с. 221, 229; Народное хозяйство СССР в 1985 г. Статистический ежегодник. М., 1986, с. 196, 209; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 127, 219; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с. 32, 43; Содружество независимых государств в 1994 году. Статистический ежегодник. М., 1995, с. 226; Региональный статистический ежегодник Казахстана. 1995–1998. Статистический сборник. Алматы, 1999, с. 286, 295, 296.

Примечания: 1916–1922 гг. — данные по Акмолинской области; 1925–1930 гг. — данные по Казакской АССР; 1940–1990 гг. — данные по Казахской ССР; 1991–1998 гг. — данные по Республике Казахстан (реализация зерновых)

2. *Индия: земельная реформа (середина — конец XX века)*

Модель-идеал земельной реформы, равно как и образ аграрной структуры, долженствующей возникнуть как результат данной реформы, были разработаны Плановой комиссией Индии, организацией, ответственной, помимо прочего, за формулирование стратегии земельных преобразований, вскоре после достижения страной независимости. Именно образ этой, эгалитарной по содержанию, модели, созданной в начале 50-х — начале 60-х годов, определял «точку отсчета» в законотворческом процессе, связанном с принятием по штатам земельных законов (так никогда и не осуществленных в их главной — «распределительной» — части).

Комиссия исходила из того, что «будущее земельной собственности и земледельческого производства составляет, возможно, наиболее фундаментальную проблему национального развития. Тип экономической и социальной организации (общества — *Авт.*) в большой степени зависит от того, каким способом будет решена земельная проблема»[1]. Поэтому влияние предпринимаемых в связи с реформой мер «выходит далеко за пределы сельской экономики», и их нельзя оценивать как лишь простое средство «регулирования отношений между различными группами населения, зависящими от земли»[2].

Масштабы аграрных деформаций в Индии накануне реформ были огромны. Национальная комиссия по сельскому хозяйству (1976 г.) характеризовала постколониальное хозяйство аграрного сектора как «абсолютно стагнирующая экономика»[3]. Действительно, в течение первой половины XX века сельскохозяйственный рост в Индии составлял менее 100,5% в год[4]. А экспоненциальный среднегодовой прирост урожайности главной культуры — риса выражался отрицательной величиной — (-)0,55% (1900—1950 гг.). Даже через два с половиной десятилетия после обретения страной независимости, в 1973/74 г., за «чертой бедности» проживало, по оценке Плановой комиссии Индии, 54,1% сельского населения (по

---

[1] Progress of Land Reform. Delhi: Govt. of India. Planning Commission, 1963, c. 215.

[2] Там же, с. 231.

[3] Report of the National Commission on Agriculture. 1976. Part XV. Agrarian Reforms. New Delhi, [б.г.], с. 50.

[4] Там же.

оценке Международной организации труда по состоянию на 1971/72 г. — 74%).

Поэтому реформа имела две цели — экономическую и социальную. Первая, по определению Плановой комиссии, состояла в «устранении таких препятствий на пути роста сельскохозяйственного производства, которые вытекают из аграрной структуры, унаследованный от прошлого». Вторая цель, тесно связанная с первой, должна была быть достигнута, по замыслу Комиссии, «уничтожением всех элементов эксплуатации и социальной несправедливости в аграрной структуре, предоставлением защиты землепашцу и обеспечением равенства в статусе и возможностях всем группам сельского населения»[5].

Осуществляемые во имя достижения этих целей аграрные мероприятия должны были «привести к утверждению аграрной экономики, основывающейся преимущественно на крестьянской собственности»[6], ибо «подавляющее большинство земледельцев будет состоять из крестьян-собственников», которым помогают объединяться «на добровольных началах» в различные кооперативы сферы «обслуживания» (кредит, сбыт, снабжение), а «с согласия земледельцев — постепенно в производственные кооперативы»[7]. В результате «некоторые трудности, вытекающие из факта существования мелких и нерентабельных хозяйств, можно смягчить, а слабым в каждой общине можно будет оказать помощь в повышении жизненного уровня»[8].

Мыслилось, что в итоге в деревне возникает «новое социальное устройство», которое, укрепляя «свое органическое единство», «может развиваться на собственной, внутренней основе»[9]. Словом, реформа должна была привести к рождению некоего «общества социалистического образца»[10].

---

[5] Progress of Land Reform, c. 261.

[6] Там же, с. 232.

[7] Там же, с. 261.

[8] Там же, с. 262.

[9] Там же, с. 216.

[10] Несколько десятилетий спустя индийские исследователи С.Десаи и С.Алва, комментируя ход земельной реформы и «задним числом» обосновывая причины ее срыва (см. ниже), заметят: «В эпоху рыночных реформ (их первая веха отмечена началом 90-х годов. — *Авт.*) от земельных реформ во многом приходится отказываться, поскольку последние видятся составной частью старой социалистической идеологии, запускающей в ход механизм перераспределения ресурсов» (*Desai, Sonalde* and *Alva, Soumya*. Land Redistribution. A Population Stabilization Strategy?, in: *Economic and Political Weekly*. Bombay. Vol.33. 1998, No.10, c. 536).

Дать первоначальный импульс формированию этой модели, а затем поддержать весь процесс ее становления до момента, когда она окажется способной к «саморазвитию», может, конечно, лишь государство как сила, отличная от противостоящих особых интересов различных групп деревенского общества и возвышающаяся над ними. Подобная исходная позиция лежала в основе определения конкретных инструментов проведения «идеальной» аграрной политики (опора исключительно на административно-бюрократические методы выполнения законов; «вето» на участие в этом процессе каких-либо заинтересованных групп общества). Из представления о «всемогуществе» государства, якобы всегда способного навязать свою волю особым группам общества в соответствии с избранной целью, вытекало и полное игнорирование правящими слоями реальной социальной обстановки в деревне (не учитывалось соотношение сил противоборствующих социальных групп, потенциал их активности и т.д.). Деревня представлялась легко поддающимся «внешнему» воздействию объектом.

Реальный процесс реформы — от разработки и принятия легитимизирующих ее законов до социальных и экономических результатов ее осуществления — происходил заметно иначе, чем то «предписывалось» моделью—«идеалом». Каждый шаг реформы сопровождался ожесточенным классовым (групповым) противостоянием.

Одним из главных направлений аграрной политики в первое десятилетие после достижения Индией независимости было устранение систем иерархического землевладения (*заминдари, джагирдари, инамдари* и др.), которое охватывало в 1947–1948 гг., накануне принятия первых аграрных законов, 57% площади частновладельческих сельскохозяйственных земель на территории бывшей Британской Индии (и много больше — в индийских княжествах)[11]. Стоит отметить: владения «посредников» образовывали, по определению Плановой комиссии Индии, «существенный элемент власти в феодальной структуре»[12], позволявший последним, помимо прочего, принуждать зависимых производителей к уплате дополнительной дани в форме многообразных «незаконных» «поборов», «*бегара*» (безвозмездного труда на «личных» землях «большого человека») и др.

Сложившаяся в Индии структура земельной собственности и, как его именует Национальная комиссия по сельскому хозяйству (1976 г.), «паразитического класса» «посредников» — рентополучателей не имела аналогов в мире развивающихся стран. Каждая ее ячейка напоминала пирамиду: на самом верху ее расположился *заминдар*, а основание подпиралось массой непосредственных производителей — лиц, действительно обрабатывающих землю.

---

[11] Report of the National Commission on Agriculture. 1976, c. 49.
[12] Progress of Land Reform, c. 216.

Суб-владельцы, заполнявшие пространство между верхушкой и основанием «пирамиды», обладали ко времени принятия первых аграрных законов независимой Индии постоянными и отчуждаемыми владельческими правами (право наследования, продажи, заклада своих владений, твердая фиксация ставки рентных платежей, выплачиваемых нижестоящим «посредником» вышестоящему и др.)[13].

Такими же правами были наделены в районах «посреднического» землевладения и полноправные *райяты*, которые в соответствии с английским земельным правом именовались o*ccupancy tenants*, т.е. «арендаторами», обладавшими защищенными правами земельного держания. В иерархической структуре заминдарского землевладения это был последний, считая «сверху», массовый слой лиц, располагавший в период устранения *заминдари* юридически закрепленными правами на землю. Как экономические агенты агросферы такие «арендаторы» были «двоичны в лицах». Они могли быть и непосредственными производителями (труд и собственность соединены в одном лице), и эксплуататорами, использовавшими труд издольщиков и других бесправных арендаторов, а также сельскохозяйственных рабочих (труд и собственность разъединены).

В некоторых случаях ниже *райятов* могла находиться прослойка *суб-райятов*, которые, хотя и были по закону признаны «арендаторами», но обладали слабо защищенными юридическими правами аренды; они держали свои арендные земли от *райятов*.

«Пирамида» была подвижна: она росла, причем — не только «сверху», но и «снизу». Наиболее обычным путем роста иерархической лестницы дольщиков земельной ренты была скупка владельческих прав *райятов* и любых других лиц, обладавших статусом «арендатора» (например, признанных по закону *суб-райятов*), ростовщика-

---

[13] Вот как описывает (со ссылкой на один из налоговых документов колониальных властей) индийский исследователь Р. Мукерджи самый простой вариант пирамидальной структуры *заминдарского* поместья в Бенгалии, самом типичном районе *заминдарского* землевладения в Индии. *Заминдар* (или по терминологии автора, — «предпоследний» владелец; «последний» — «верховный собственник» — колониальное государство), имеющий поместье в 2000 акров, сдает его в регулируемое законом держание четырем *талукдарам*, каждый из которых получает по 500 акров. *Талукдары* в свою очередь создают по пяти подчиненных владений (*осат-тулука*) по 100 акров каждое. Держатели последних вновь дробят их — так возникают новые зависимые владения (*хаола*) размерами по 25 акров каждое, а общее число *хаоладаров* составляет 80. Каждый из *хаоладаров* пересдает свое владение в подчиненное держание двум новым суб-владельцам (*ним-хаоладары*). А уже ниже этих последних, каждый из которых располагает 12,5 акрами земли, разместились 320 *райятов* (см. *Mukerjee, Radhakamal*. Land Problems of India. London, 1933, c. 111).

ми и прочими собственниками денежных капиталов, а бывшие владельцы юридически признанных «арендных» держаний низводились до положения бесправных издольщиков и других категорий земледельцев, не располагавших никакими «арендными» правами. Так возводились в Индии «бастионы» издольщины и другой не регулируемой законом аренды. Таким образом, *экспроприация крестьянства в Индии при системе заминдари* происходила вовсе не в форме лишения его земли как *объекта хозяйственной деятельности*, а в форме *низведения* землепользователей, обладавших реальными правами защищенного «арендного» держания, к *статусу все менее защищенного «арендатора», вплоть до позиции, имеющей «нулевое» значение, т.е. до статуса «арендатора по своей воле»* («*tenant-at-will*»); процесс такого «нисходящего» движения земельных прав крестьян-арендаторов открывал путь к взвинчиванию *величины (массы) земельной ренты*, которую присваивала корпорация землевладельцев — «посредников».

В итоге полуторасотлетнего развития аграрных отношений в колониальный период в Индии сложились районы (например, округ Бакаргандж, Бенгалия), где между *заминдаром*, стоявшим наверху, и крестьянами, непосредственно обрабатывавшими землю, расположилось до 50 слоев паразитарных рентополучателей, деливших между собой взимаемую с крестьян земельную ренту[14].

В результате ликвидации иерархического землевладения, завершившейся к началу 60-х годов, 20 миллионов арендаторов (лиц, имеющих законом признанный статус «арендатора») вступили *в непосредственные отношения с государством*. «Феодальная власть» *заминдаров* и иных суб-владельцев над статусными арендаторами и в более широком смысле — в деревне в целом была устранена. И это было важнейшим достижением реформы. Национальная комиссия по сельскому хозяйству имела веские основания заключить: «Обуздание

[14] Сложность рентных отношений и тесное переплетение владельческих прав этих паразитарных рентополучателей широко известны. Например, какой-нибудь суб-владелец в поместье *А* может иметь владельческие права какого-либо суб-владельца в поместье *Б*, права райята в поместье *В* и т.д. и т.п. В этом отношении весьма характерно показание одного из свидетелей Королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии (1928 г.). «Я могу сидеть в Калькутте, — утверждал он, — и быть владельцем пая какого-либо поместья. Стоимость пая 1–2 или 3 анна (1 анна = 1/16 рупии), и мне неинтересно знать, улучшается ли это поместье. Я хочу из него извлечь деньги. Это просто система извлечения ренты. Люди идут в суд и покупают там с аукциона поместья. Они не знают, где оно находится. Это только пай в 1 анна... Это просто значит, что вы имеете право на столько-то рупий или анна из всей собранной ренты» (Материалы Королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии. Т.1. М., 1935, с. 123).

и ограничение феодальной и полуфеодальной земельной собственности на больших территориях страны... знаменовало крупный шаг вперед на пути закладки фундамента для развития современного коммерциализированного сельского хозяйства в Индии»[15].

Но «вся королевская рать» экс-суб-владельцев с экс-заминдаром во главе *полностью сохранила свои «личные», «усадебные» земли* (земли категории «*сир*», «*хас*», «*кхудкашт*»): последние были *целиком изъяты из-под действия законов об устранении «посредников»*; они станут объектом правового наступления государства лишь спустя одно—два десятилетия, с 60-х — начала 70-х годов.

Устраняемым «посредникам» выплачивался выкуп, частично наличными деньгами, но главным образом государственными процентными платежными обязательствами, погашаемыми в рассрочку в течение многих (в некоторых штатах — до 40) лет. Выкуп был установлен в размере 6,7 млрд. рупий, Национальная комиссия по сельскому хозяйству оценила его как «чрезмерно высокий».

Чтобы предотвратить затяжные судебные разбирательства по поводу юридической правомочности законов об устранении «посреднических» владений, необходимо было внести специальную поправку к статье 31 Конституции Индии, что и было сделано в 1951 г.[16]. (Конституция, как известно, не может быть опротестована в суде любой инстанции.)

Устранение «статусного лендлордизма» обнажило острейшие проблемы *аренды* в индийской деревне, вывело их решение в разряд *первоочередных задач* аграрной реформы. Ведь даже к началу 70-х годов из общей массы арендаторов, включая их многочисленные отряды, вступившие в прямые отношения с государством в бывших районах *заминдари*, лишь 16% приобрели права собственности (или близкие к ним по действенности права владения) на свои земельные держания. А главная масса арендаторов — 82% их общего официально установленного числа — относилась к категории лиц «с необеспеченными арендными правами»[17], арендовавших землю, как правило, на основе устных договоров с землевладельцами.

Данная группа производителей занимала в пореформенную эпоху достаточно весомое место среди других прослоек и групп земледельческого населения Индии. По данным Национальных выборочных обследований, в 1960/61 г. доля лиц, ведущих хозяйство и прибегающих к аренде земли (это все лица преимущественно «с необеспеченными правами аренды»), составляла 23,5% общего числа учтенных земледельцев (cultivators) страны, или 11,9 млн. человек, в 1970/71 г.

---

[15] Там же, с. 50.
[16] Progress of Land Reform, с. 216–217.
[17] Report of the National Commission on Agriculture. 1976, с. 36.

— 24,7% (14,1 млн.), в 1981/82 г. — 15,2% (10,8 млн.), в 1991/92 г. — 11%, или 10,3 млн.[18].

Приоритет в реформе системы арендных отношений был отдан следующим двум преобразовательным акциям:

1) осуществлению мер, обеспечивавших «гарантию владения» (арендованной землей); эту цель предполагалось достигнуть посредством наделения арендующих производителей «устойчивыми», прочными (по определению Плановой комиссии от конца 60-х годов — «постоянными») правами аренды; последние и должны были «гарантировать» арендаторам защиту от произвола землевладельцев (см. ниже); более того, легитимным субъектам арендного права одновременно должны были быть представлены права *выкупа* земли в собственность;

2) повсеместному введению стабильных, законом установленных ставок арендной платы при резком (примерно вдвое и даже втрое) их снижении (с 40–60% цены или массы — как при издольщине — валового урожая до 20–25% ее).

Реальности деревенской жизни существенно сдерживали (при некоторых исключениях; см. ниже), трансформировали силу действенности законодательных установлений официальных властей. Вот некоторые факты из области динамики арендных отношений.

Площадь земли под учтенной арендой изменялась в пореформенной Индии, по данным Национальных выборочных обследований, следующим образом[19]:

	1953/54	*1960/61*	*1970/71*	*1981/82*	*1991/92*
Удельный вес во всей хозяйственной площади, %	*20,34*	*10,70*	*10,57*	*7,18*	*8,52*
Млн. га	*27,5*	*14,3*	*13,3*	*8,5*	*10,7*

Итак, мы наблюдаем, по меньшей мере, за первые три десятилетия, четко выраженную тенденцию к сокращению площади земли под арендой. И эта тенденция действительно имела место, но только применительно к *учитываемой, «видимой» аренде*. В исторической динамике приведенных показателей, при всех их неизбежных отклонениях от истинных, нашли отражение *структурообразующие* процессы в сфере земельных отношений.

---

[18] Цит. по: *Sarvekshana.* Journal of the National Sample Survey Organization. (Ministry of Planning. Govt. of India.) Vol. 12. 1988, No.1, c. 29; Vol.20. 1997, No.3, c. 17.

[19] См.: там же.

В 50-х годах крупные (и не только крупные) землевладельцы (*заминдары* и прочие бывшие «посредники» — рентополучатели, сохранившие «личное» землевладение в виде земель класса «*сир*», «*хас*» и пр., в районах *заминдари*, аналогичные группы землевладельцев в районах *райятвари*), сдававшие свои земли в аренду, активно боролись за присвоение *наибольшей массы ренты*. Это предопределило беспрецедентный по размаху сгон крестьян—арендаторов с земли, обладавших потенциальной возможностью получить защищенные арендные права и в результате выплачивать арендную плату *меньших размеров*; «освобожденные» же от арендаторов площади земли провозглашались «личной запашкой» («*кхудкашт*»), хотя в главной массе своей переводились в разряд «скрытой» аренды, *как бы несуществующей вовсе*[20], но гарантировавшей присвоение *наиболее высокой массы ренты*.

Этим целям адекватно соответствовала издольщина, которая получила сильный импульс к росту. (Все дело в том, что издольщиков, в том числе ведущих хозяйство полностью «на собственный счет», землевладельцы—арендодатели обычно представляли своими «партнерами», якобы несущими «совместно» с ними все тяготы производственных расходов в ведении хозяйства. В отсутствие легитимного механизма регистрации аренд, фиксировавшей статус производителя, такая система «доказательств» срабатывала безотказно.)

Насыщенная акциями особой жестокости эпоха 50–60-х годов нашла отражение, помимо прочего, в оценках официальных документов. Национальная комиссия по сельскому хозяйству Индии свидетельствовала: «В действительности крестовый поход ради чистки земли от занимающих ее арендаторов был начат лэндлордами с целью расширить до каких только возможно размеров земли категории «*сир*», «*кхудкашт*» и другие так называемые «лично обрабатываемые» земли. Сгон арендаторов с земли происходил с таким ожесточением, что вся прежняя система отношений между лэндлордами и арендато-

[20] Ранние земельные законы, принятые по штатам, предусматривали выделение в пределах крупных землевладений так называемых «возвращаемых» земель (вначале даже в размере трех «семейных владений»!) — специально для организации собственного предпринимательского хозяйства землевладельцев (этим обосновывался «законный» сгон арендаторов с земли); на остальной же части земельных площадей, обрабатываемых арендаторами, по букве закона должен был возникнуть и утвердиться институт «защищенной» аренды. Словом, законодатели хотели как лучше, а получился ... бумеранг, весьма болезненно ударивший как раз по претендентам на амплуа «защищенного» арендатора.

рами по поводу аренды развалилась, и *потребовались годы, чтобы сформировалась новая система* /.../ Отличающиеся поразительной дефективностью земельные кадастры, преобладание устных соглашений по поводу аренды, отсутствие практики выдачи расписок по факту получения рентных платежей, непризнание издольщиков в качестве арендаторов по закону и многообразные карательные санкции, предусмотренные в законах об аренде, — все это было использовано лэндлордами, чтобы *обеспечить сгон арендаторов любых категорий* /…/ Бесчисленные случаи сгона имели место в процессе «возвращения» лэндлордами земли»[21]. Отсюда — столь значительное падение доли площади учтенных арендных земель в 50-х и — частично — в 60-х годах[22].

Напротив, в 70-х годах, под прямым влиянием «зеленой революции», открывшей эпоху перехода хозяйства агросферы Индии к *современной* модели экономического роста, крупные землевладельцы осуществляли *реальную* чистку земли от арендующих ее крестьян (в том числе в сфере «скрытой», «неформальной» аренды), а «освобожденные» таким путем площади занимали под собственные предпринимательские хозяйства. На 70-ые годы приходится «вторая волна» массовых сгонов крестьян с земли, и, соответственно, новое падение площади учтенных аренд.

Данный процесс затронул прежде всего сферу издольной аренды, а «легитимизировали» его арендные законы ряда крупных штатов, принятые в конце 60-х — начале 70-х годов; эти законы провели четкую грань между категорией «издольная аренда» и «личная запашка» землевладельца. Тем самым издольщина, будучи выявлена, становилась объектом применения норм арендного законодательства и, соответственно, источником страха земельных собственников — арендодателей перед нависавшими угрозами ограничения их прав собственности на землю. В результате за период 1970/71–1981/82 гг. площадь под выявленной издольной арендой сократилась с 6 млн. га до 3,5 млн. га и стабилизировалась на этом уровне в течение всего последующего десятилетия — до начала 90-х годов[23].

Тем не менее тенденция к переводу земель, сданных в аренду, в разряд «неформальных» («подпольных») аренд наблюдалась, по характеристике индийских исследователей, в определенных районах и в 80-х годах. Как отмечал Г. Партхасаратхи (март 1991 г.), в «районах с

---

[21] Report of the National Commission on Agriculture. 1976, c. 56.

[22] Fourth Five Year Plan 1969-74 (Draft). Delhi: Govt. of India. Planning Commission, 1969, c. 134.

[23] *Sarvekshana.* Vol. 20. 1997, No.3, c. 33.

высокой концентрацией аренд издольщина не только занимает значительное место, но и продолжает расти»[24].

В результате на протяжении всего рассматриваемого периода издольщина оставалась главной формой арендного землепользования. По данным Национальных выборочных обследований, в 1960/61–1961/62 гг. доля площади под издольной арендой составляла 39,2% всей арендованной площади, в 1971/72 г. — 47,9%, а в 1981/82 г. — 41,9%, (еще 2,8% приходилось на издольщину в сочетании с другими видами арендной платы)[25].

Другим каналом «свертывания» в этот период «видимой» аренды была легитимизация определенных групп арендаторов (земледельцев *bona fide* по закону) с последующим (затянувшимся на многие годы) выкупом ими своих арендных прав в собственность[26].

Труднопреодолимые барьеры стояли и на пути осуществления арендного законодательства в части, касающейся введения «справедливой ренты» для арендаторов. Уже ранние официальные документы свидетельствовали: «Там, где существует давление на землю, а социальные и экономические позиции деревенского арендатора слабы, ему становится трудно найти защиту у закона... Таким образом, через многие каналы, несмотря на законодательство, чаша весов склоняется в

---

[24] *Parthasarathy G.* Lease Market, Poverty Alleviation and Policy Option, in: *Economic and Political Weekly*. Vol. 26. 1991, No.13, c. A-35.

[25] *Sarvekshana.* Vol. 12. 1988, No.1, c. 35.

[26] Законодательство об устранении «посредников» предусматривало предоставление прав собственности группе признанных законом арендаторов — с особо защищенными правами на землю; другие группы зарегистрированных арендаторов могли *выкупить* такие права, выплатив сумму в размере 6–15 и более кратной величины *земельного налога*. До завершения выкупных платежей такие арендаторы в ряде штатов должны были выплачивать государству арендную плату за пользование землей по ставкам фиксированной ренты, установленной для них прежним законодательством (впрочем, впоследствии рента данного вида подвергалась все большему обесценению в результате инфляционных тенденций) (подробнее см. *Котовский Г.Г.* Аграрные реформы в Индии. М., 1959, гл. II, III; *Растянников В.Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973, гл. IV, V). Процесс выкупа арендных земель в собственность шел, однако, весьма вяло. По свидетельству авторов четвертого пятилетнего плана (1969–1974), в течение двух десятилетий (1950–1970) 3,5 млн. бывших незащищенных арендаторов и издольщиков приобретали в собственность за выкуп (полностью тогда еще не выплаченный) около 3,3 млн. гектаров земли (Fourth Five Year Plan 1969–74. Delhi: Govt. of India. Planning Commission, 1970, c. 176), что составляло примерно 2,8% земельной площади, находившейся в частном владении в сельской Индии в 1970/71 г. (подсчитано по: *Sarvekshana.* Vol.11. 1987, No.2, c.7) А к началу 80-х годов эти показатели поднялись соответственно до 3,7 млн. га (арендаторы) и 3,7 млн. га (Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Draft Study on the Role of People's Organizations in Agrarian Reform. Regional Workshop on Innovative Rural Organizations. Bangkok, 1983, c. 28), или 3,1% общей величины площади частновладельческих земель в индийской деревне в 1982 г. (подсчитано по: *Sarvekshana.* Vol.11. 1987, No.2, c.7).

сторону сохранения существующих условий аренды»[27]. Массированное же распространение «подпольной» издольщины, происходившее в последующие десятилетия, хоронило надежды на введение «справедливой ренты» как принятой нормы платы за производительное использование земли. Даже к началу 90-х годов стандартная ставка арендной платы «черного рынка» (т.е. в ареалах не регламентируемой законом аренды) по-прежнему составляла 50% валового урожая[28], какой она была еще в колониальный период.

И все-таки аграрная история Индии эпохи независимости знает, по меньшей мере, два массовых, регионального уровня, примера, когда сила помещичьего принуждения вынуждена была отступить, и нормы арендных законов восторжествовали.

Аграрный закон Кералы, принятый в 1969 г., был первым законом, где была использована принципиально новая презумпция арендного права. Арендатору не нужно было здесь документально доказывать, что он является арендатором, для того чтобы получить гарантированные права аренды. По закону 1969 г. «согласие землевладельца (на признание арендующего землепользователя арендатором. — *B.P.*) предполагается, если земля в действительности обрабатывается». Тем самым все непризнанные ранее субарендаторы и издольщики «автоматически становились арендаторами», т.е. юридическими лицами, получавшими реальную возможность воспользоваться правами, предоставленными законом[29].

Аграрный закон Кералы выделялся на фоне земельного законодательства Индии также тем, что он полностью разрывал всякие отношения между землевладельцем и его арендатором: первый лишался права взимать арендную плату с последнего, это право переходило к государству; более того, земледельцы—арендаторы могли добровольно выкупить занимаемую ими землю в собственность, при этом именно государство было обязано выплачивать землевладельцу выкуп за отчуждаемую землю. Арендаторы же вносили выкупные платежи непосредственно государству, последние составляли 16-кратную «справедливую ренту», которая в свою очередь не должна была превышать 1/2 контрактной (рыночной) арендной платы, т.е. 25% стоимости валового урожая[30].

Не менее впечатляющи достижения «Операции “барга”»[31], осуществленной в штате Западная Бенгалия в 1978–1981 гг. В истории

---

[27] Progress of Land Reform, c. 263.

[28] См.: *Parthasarathy G.* Lease Market, Poverty Alleviation and Policy Option, c. A-36.

[29] *Jakob K.T.* Tiller Gets Land in Kerala. New Delhi, 1970, c. 4,5.

[30] См. там же, с. 12–14.

[31] Первоначально — термин (бенгальский яз.), означающий тип издольной аренды, при которой производитель выплачивает лэндлорду в форме арендной платы

аграрной реформы в Индии это был единственный случай, когда власти целого региона (в лице делегированных для этой цели особых чиновников) *совместно с группами коллективного действия деревни, представленными коллективами непосредственно заинтересованных крестьян—издольщиков,* прямо на полях проводили идентификацию последних и официально регистрировали их в качестве *арендаторов по закону*. При этом «все бремя доказательств, что данное лицо не является *баргадаром*, падало на земельного собственника»[32]. «Операция "барга"» позволила в течение всего трех лет идентифицировать (и, соответственно, обеспечить легитимными арендными правами) свыше 60% издольщиков штата (более 1,2 млн. из 2 млн.), которые отныне стали выплачивать лишь законную («справедливую») ставку арендной платы — в размере 25% валового урожая вместо прежней — 50%. Как подчеркивалось в отчете ЭСКАТО, «в рамках строгих параметров законоположений и под бдительным оком судов, благодаря лишь разрешению и поддержке коллективных действий издольщиков, в течение всего трех лет удалось добиться того, что терпело крах в течение предшествующих трех десятилетий (т.е. до 1981 г. — *Авт.*)»[33].

Создание института прочно защищенной законом аренды, даже хотя таковая занимает весьма ограниченное пространство аграрного сектора, было одним из важных итогов земельной реформы в Индии за вторую половину прошедшего, XX-го, столетия. Характерной чертой данного института является то, что нынешние арендаторы по закону — это, как правило, непосредственные производители (включая сюда и их предпринимательские группы), значительной части которых предоставлены формально-юридические возможности эволюционировать (как правило, на условиях выплаты выкупа за землю) до статуса земельного собственника.

По данным Министерства сельского развития Правительства Индии, к 2002 году защиту своих земельных прав получили 12,42 млн. арендаторов — на площади 6,33 млн. гектаров. К таким арендаторам была отнесена часть лиц, которым по законам об устранении землевладения типа *заминдари* были предоставлены фактические права собственности (владения) на землю; легитимные арендаторы, наделенные законодательными установлениями правом выкупа земли в

половину валового урожая; широко принят в Индии; ныне означает издольную аренду вообще. Соответственно «баргадар» — издольщик.

[32] *Bandyopadhyay D.* Land Reforms in West Bengal, in: *IFDA Dossier 24*. Geneva. July/August 1981, c. 46,47.

[33] Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. Draft Study on the Role of People's Organizations in Agrarian Reform, c. 29,30; см. также: *Bandyopadhyay D*. Land Reform in West Bengal, in: *Economic and Political Weekly*. 2000, May 27–June 2 (см.: www.epw.org.in).

собственность (в данную категорию арендаторов входили также те их группы, которые по законам об аренде выкупали или уже выкупили землю в собственность, в частности, упомянутые в прим.26); арендаторы, приобретшие устойчивые (законом закрепленные) права аренды, что сделало невозможным их сгон с земли по произволу; наконец, арендаторы, чьи земли приобретало в соответствии с арендным законодательством государство, которое уже «от себя» передавало эти земли в долгосрочную аренду (до 30 лет) прежним арендаторам[34]. Подавляющая часть арендаторов—бенефициариев состояла, однако, из мельчайших крестьян: в среднем на каждого такого бенефициария приходилось 0,51 га земли, т.е. примерно вдвое меньше, чем у тех групп крестьян—арендаторов, которые выкупали землю в собственность на ранних этапах аграрного законодательства (до 70-х годов XX в.) (см. прим. 26). Хотя, по-видимому, применение законодательных установлений претерпело в последние десятилетия определенные процессы демократизации (по меньшей мере, в части, касающейся легитимизации аренды и прочно защищенных арендных прав), реальные достижения арендного законодательства за прошедшую половину столетия оказались сравнительно незначительными. Площадь арендованных земель, над которой распростер свою защитную длань закон, составляла к началу XXI века только 23% от площади арендных земель времен наибольшего распространения «видимой» аренды в аграрном секторе Индии (1953/54 г.), а удельный вес таких земель во всей хозяйственной земельной площади (*operational land area*) сельской Индии достигал примерно лишь 5% (1991/92 г.)[35].

В 80–90-х годах в системе арендных отношений в Индии происходят довольно существенные изменения. Во-первых, как мы видели, вырос удельный вес земельной площади под учитываемой арендой, увеличилась и сама арендованная площадь — на четверть за десятилетие (см. выше). Во-вторых, заметно расширилось пространство, занимаемое денежными (в том числе контрактными — в штатах с наиболее развитым земледелием) арендами, которые заметно потеснили издольщину (по меньшей мере «видимую»): за десятилетие 1981/82–1991/92 гг. удельный вес первых в арендном землепользовании увеличился с 11% до 19%, а удельный вес издольщины сократил-

[34] Government of India. Ministry of Rural Development. Dept. of Land Resources (Land Reforms Division). 2002 (см.: www.dolr.nic.in/land_reforms).

[35] Рассчитано по: там же; *Sarvekshana.* Vol. 12. 1988, No.1, c. 29; *Sarvekshana.* Vol.20. 1997, No.3, c. 33

ся с 44,7% до 34,4%. В-третьих, скачкообразно выросла доля арендованной земли в землепользовании «крупных» хозяйств (с земельной площадью более 10 га) — с 5,3% до 11,4% за десятилетие[36]. Все это — очевидные свидетельства эскалации в 80–90-х годах процессов коммерциализации определенных групп «крупных» хозяйств аграрного сектора страны. Или, если сказать словами известного экономиста-аграрника Индии В.С. Вьяса, «в крупных районах страны благодаря главным образом земельным реформам возник слой средних крестьян, приобретающих черты капиталистических фермеров» (март 2001 г.)[37].

Оборотной стороной этого прогресса является массовое распространение института аренды, «повернутой вспять» (*reverse tenancy*). Так в Индии характеризуют тип аренды, когда крупные хозяйства, уже обеспеченные собственной землей, расширяют и дальше свое землепользование, арендуя земли мелких и мельчайших собственников земли. 48-е Национальное выборочное обследование (1991/92 г.) выделяет в качестве «самой удивительной особенности аренды в сельской Индии» то, что «непомерно большая доля площади арендных земель сосредоточивается у весьма малой части хозяйств». Действительно, всего 1,3% хозяйств (с землепользованием более 10 гектаров) овладели 20,9% общей величины площади арендных земель; еще 6,1% хозяйств (с землепользованием 4–10 гектаров) располагают 22% площади арендных земель. По оценке ряда индийских исследователей (в частности, В.М. Рао), экспансия института аренды, «повернутой вспять», в районах с развитым земледелием прямо «указывает на возможность расширения и в будущем землепользования крупных арендаторских хозяйств за счет аренды земли»[38].

Таким образом, исторически земельная реформа в Индии (по меньшей мере, в части, касающейся арендных отношений) как бы накладывалась на экономический процесс, создавая благоприятные условия для хозяйственного роста в секторе сельскохозяйственных производителей, обладающих экономическими ресурсами и социальной и политической силой (властью принуждать). В течение первых трех десятилетий эпохи независимости крупные (по индийским стандартам) земельные собственники, формировавшие реально или — чаще, особенно на ранних этапах — лишь в потенции прослойку лиц, ведущих собственное хозяйство, «осваивали» личное землевладение, сохраненное у них в рамках действовавшего аграрного законодательства, сгоняя крестьян — мельчайших и мелких арендаторов с земли и расчищая тем самым пространство для создания (или расширения)

[36] *Sarvekshana.* Vol. 20. 1997, No.3, с. 32,29.
[37] Цит. по: *Sarvekshana.* Vol. 12. 1988, No.1, с. 29.
[38] Цит. по: *Sarvekshana.* Vol. 20. 1997, No.3, с. 28,20,43.

собственного хозяйства (либо низводили этих арендующих крестьян посредством использования механизмов «скрытой» аренды до той степени бесправия, при которой последующий их сгон с целью реальной «чистки» земли был уже не поддающейся никаким легитимным опровержениям акцией).

В последующие же два десятилетия (80–90-е годы XX в.) крупные собственники земли, ведущие свое хозяйство, особенно в развитых земледельческих районах, завершив в основном хозяйственное «освоение» собственного землевладения, переходили, причем в массовых масштабах, к «освоению» — посредством аренды — чужого землевладения — мельчайшего и мелкого собственнического крестьянства, тем самым вытесняя его с земли. Фактор (низкой) арендной платы, регулируемой законами об аренде, наряду с традиционными механизмами, такими, как кредитование мелкого земельного собственника по ростовщическим (т.е. высоким) ставкам (под залог его земли), весьма способствовали этому процессу. Суть происходившей метаморфозы в земельных отношениях Индии теперь состояла, таким образом, в том, что мелкая и мельчайшая земельная собственность все больше изменяла свою ролевую функцию в хозяйственном организме деревни: из непосредственного источника продовольственного обеспечения маргинального и мелкого крестьянства, ведущего собственное хозяйство, она превращалась в источник коммерческого (и предпринимательского) обогащения, но в «чужих» руках — съемщиков земли в аренду. (Как отзвук на новые тенденции в области земельных отношений на рубеже XX–XXI веков в Индии постепенно формируется общественное мнение о необходимости, по выражению В.С. Вьяса, «следующей фазы земельной реформы»; земельные законы этой «фазы» наряду с либерализацией арендных отношений, которая означает снятие ряда ограничений при сдаче земли в аренду, устранение жесткостей в установлении ставок арендной платы (что предполагает их соответствие требованиям земельного рынка), — должны вместе с тем предусматривать, по определению В.С. Вьяса, более высокую степень защиты прав и интересов мельчайших и мелких собственников как сдатчиков земли в аренду[39].)

И, конечно, существенно важным мероприятием земельной реформы были разработка и повсеместное принятие в первой половине 70-х годов законов о *земельном максимуме* («потолке» площади земельного владения) и попытки его осуществления. Процесс введения земельного максимума, растянувшийся на три десятилетия, составил сердцевину второго этапа земельной реформы в Индии. (Уместно отметить здесь, что на принятие законов о земельном максимуме и их реализацию в штатах, где они уже были приняты, законодателей подвигли

[39] *Vyas V.S.* Agriculture: Second Round of Economic Reforms, in: *Economic and Political Weekly*. 2001, March 10 (см.: www.epw.org.in).

массовые факты роста к концу 60-х годов социальной напряженности в деревне, обусловленной крушением надежд многочисленных отрядов крестьянского населения на изменение своего положения методами действующего аграрного законодательства[40].)

«Потолок» земельного владения, которое может находиться в собственности нуклеарной семьи, составил по штатам от 4 до 7,3 гектаров поливных земель с постоянным и устойчивым (круглогодичным) орошением или эквивалентной по ценности этому эталону площади земель более низкого качества (верхняя граница вилки «потолка» площади богарных земель могла достигать 18–22 га и даже более).

Законодательство о максимуме покушалось на святая святых земельного собственника, и уже сам процесс его принятия вызвал ожесточенное противодействие крупных землевладельцев. В Индии начался беспрецедентный по размаху и интенсивности процесс «укрытия» крупных землевладений (посредством дробления титула земельной собственности и распределения его «кусочков» между многочисленными «родственниками» и другими подставными лицами, включая в иных случаях поколениями трудившихся на полях землевладельца сельскохозяйственных рабочих). *Децентрализация крупной земельной собственности* в масштабах, не виданных за всю полуторавековую историю земельной реформы в Индии, была, пожалуй, *самым значительным результатом действия законодательства о земельном максимуме* (такой децентрализации способствовали также активные продажи земли крупными собственниками на свободном рынке).

Но фактические результаты в области действительного перераспределения земли по законам о земельном максимуме в пользу безземельных и малоземельных слоев деревни (включая сельскохозяйственных рабочих) оказались плачевными. Гора поистине родила мышь! В самом деле, если использовать показатель площади только крупных (по индийским стандартам) землевладений —20,25 га и более на владельца, как он был установлен на 1953/54 г., когда крупные собственники еще не успели распределить свою землю среди подставных лиц, то на сентябрь 2001 года примерный итог перераспределительного процесса в рамках законов о «потолке» владения выгля-

[40] 12 декабря 1969 г. Министерство внутренних дел докладывало Парламенту Индии: «Проблему (нарастающего аграрного недовольства. — *Авт.*)... нужно решать на широком фронте, эффективно и с большим воображением. Провалы в этой области могут привести к развитию ситуации, при которой разочарованные элементы будут вынуждены создать собственные организации, и чрезмерные напряжения, возникшие внутри “сложной молекулы”, каковой является деревня Индии, разрядятся взрывом» (цит. по: Зарубежный Восток и современность. Т.2. М., 1980, с. 150, прим.).

дел, по данным Министерства сельского развития Правительства Индии, следующим образом[41]:

	Удельный вес в крупном землевладении[1],%
Площадь декларированных (земельными собственниками) «излишков» земли	13,7
Площадь земли, переданная государству	12,1
Площадь земли, распределенная среди лиц, имеющих право на получение земли по законам о «потолке» владения	10,0

[1] *Вся площадь землевладений размером 20,25 га и более составляла в 1953/54 г., по данным 8-го Национального выборочного обследования, 21696,8 тыс. га, или 17,54% всей земельной площади, находившейся в собственности частных лиц в сельской Индии.*

При сделанном выше допущении (т.е. если ограничению подлежали бы лишь самые крупные землевладения — размером 20,25 га на семью и более и учесть распределенную площадь земли) осуществление законов о «потолке» земельного владения позволило бы к началу XXI века обеспечить землей (по 0,39 га на семью) 5,9% общей численности семей, ведущих собственное хозяйство. Если же эффективность введения земельного максимума измерять величиной отчужденной и распределенной по законам о «потолке» земельного владения земельной площади, то увидим такую картину: по состоянию на сентябрь 2001 г. среди семей земледельцев, ведущих собственное хозяйство, должна была бы быть распределена площадь земли, равная 1,6% всей хозяйственной площади (operational land area) страны в 1953/54 г. и 1,7% — в 1991/92 г.[42].

В контексте сказанного представляет интерес оценка действенности закона о «потолке» владения в самом крупном штате Индии — Уттар Прадеше, закон об устранении *заминдари* которого, по свидетельству некоторых индийских аграрников (А.К. Сингх), «рассматривается одной из наиболее прогрессивных мер земельных реформ, проведенных в Индии»[43]. К 90-м годам по закону о земельном максимуме в штате «могла бы быть перераспределена земельная пло-

[41] *Sarvekshana.* Vol.11. 1987, No.2, c. 7,9; Government of India. Ministry of Rural Development. Dept. of Land Resources (Land Reforms Division). 2002, c.3 (см.: www.dolr.nic.in/land_reforms).

[42] Рассчитано по: *Sarvekshana.* Vol. 12. 1988, No.1, c. 29; *Sarvekshana.* Vol.20. 1997, No.3, c. 17; Government of India. Ministry of Rural Development. Dept. of Land Resources (Land Reforms Division). 2002, c.3 (см.: www.dolr.nic.in/land_reforms).

[43] *Haque T., Parthasarathy G.* Land Reform and Rural Development, in: *Economic and Political Weekly*. Vol. 27. 1992, No.8, c. 396.

щадь, составляющая едва 0,5% всей хозяйственной (operational) площади штата». Как же отчужденная у крупных землевладельцев земля соотносится с площадью землепользования крупного хозяйства, т.е. располагающего 20,25 га и более на семью «оператора»? От величины совокупного землепользования данной группы (если таковую оценивать по данным на 1953/54 г., т.е. еще до начала периода дробления принадлежащей крупным «операторам» земельной площади) она составляла 15%; если же к группе крупных хозяев отнести и тех, кто располагает хозяйственной площадью от 12,15 га до 20,25 га на хозяйство, данный показатель понизится до 5,6%[44]. Отсюда вытекает, по словам индийских исследователей Т.Хака и Г.Партхасаратхи, логичный вывод (февраль 1992 г.): «Общий размер площади земли, охваченной программой перераспределения земли, слишком мал для того, чтобы оказать сколько-нибудь заметное влияние на структуру земельных владений в штате»[45].

Законы о «потолке» владений — это вовсе не реальное действо во имя «социальной справедливости» в агросфере. Это скорее — дамоклов меч, побуждающий крупного землевладельца переходить к *реальной* обработке принадлежащей ему земли «своими силами», к обзаведению собственным хозяйством. И в этом — их вторая главная функция.

Продолжающаяся уже пять десятилетий земельная реформа вызвала заметные изменения в аграрной структуре Индии. Одним из ее наиболее существенных итогов была *демократизация* системы земельных отношений, происшедшая в результате значительного расширения слоя *легитимных субъектов владельческого права на землю* — как собственников земли, так и арендаторов с устойчивым, прочно защищенным законом арендным держанием; при этом укрепили (улучшили) свои земельные права (в том числе — за выкуп) как *производители—эксплуататоры* чужого труда, так и *непосредственные производители* деревни (из числа арендующего землю крестьянства). В результате преобразования земельных отношений *заминдари* была создана *универсально однородная система прав собственности на землю* по всей Индии, при которой земельные собственники различаются между собой лишь размерами земельных участков, которыми они владеют на правах полной (или частично ограниченной в некоторых штатах) собственности.

---

[44] Подсчитано по: там же; *Sarvekshana.* Vol. 12. 1988, No.1, c. S-14.

[45] *Haque T., Parthasarathy G.* Land Reform and Rural Development, c. 396.

Пореформенная эпоха, по оценке индийских исследователей (в частности Х.Р. Шармы), отмечена «вопиющим неравенством»[46] в распределении земли. Хотя после устранения иерархического землевладения степень концентрации земельной собственности на верхнем полюсе деревни несколько снизилась (в том числе в результате массовых нарушений земельных законов), она продолжает оставаться чрезмерно высокой. Удельный вес земли, сосредоточенной у верхних 5% землевладельцев, составлял в 1953/54 г. 42,7% общей площади частных землевладений в Индии, в 1961/62 г. — 38,6%, в 1971/72 г. — 37,7%, в 1982 г. — 37,5% [47].

Вместе с тем господствующий класс заблокировал осуществление перераспределения земли в пользу безземельного и малоземельного населения деревни (в рамках законодательства о "потолке" земельных владений), отбросил значительные его отряды к худшим формам рентных отношений («подпольная» издольщина). Тем самым был сохранен и слой *потенциальных агентов современного экономического роста*, именно — слой зажиточных земельных собственников, располагавших значительным (по индийским стандартам) личным землевладением. Или, говоря иначе, проблема "социальной справедливости" в Индии в той ее части, которая предопределялась перераспределением земельной собственности, была решена в пользу макроэкономической целесообразности. Именно провал в осуществлении законов о земельном максимуме имел в виду бывший вице-президент Индии, обосновывая взгляд, что земельные реформы в стране «остановились на полпути», что «хотя даже во времена достижения независимости уже было понятно, что земельные реформы — необходимы, стране не удалось провести эти базисные реформы»[48].

В сфере земельных отношений происходил и другой знаменательный, острого социального звучания, процесс: *постепенное сокращение доступа малоземельного и безземельного крестьянства к земле по каналам арендной системы*. С развитием коммерческого земледелия (особенно под влиянием «зеленой революции) на рынке аренд все более активно стали выступать так называемые «средние фермеры» — предприниматели, оттесняя с рынка аренд традиционные группы арендаторов из нуждающейся бедноты[49].

---

[46] *Sharma H. R.* Distribution of Landholdings in Rural India, 1953-54 to 1981-82. Implication for Land Reforms, in: *Economic and Political Weekly*. Vol. 29. 1994, No.39, c. A-124.

[47] Там же, с. A-120.

[48] Цит. по: *The Economic Times*. Mumbai. 04.01.1995.

[49] *Растянников В.Г.* Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии, гл. IV, VII, VIII; *Parthasarathy G.* Lease Market, Poverty Alleviation and Policy Option, с. A-33 – A-36.

Наконец, земельные реформы в Индии убедительно доказали, что при *легитимном порядке* земельных преобразований, каким отличается эта страна, императивно необходимы *земельные кадастры*, обеспечивающие основания для *правовых* решений, предусмотренных земельным законодательством. Поэтому понятием «настоящая революция» можно оценивать происходящую ныне компьютеризацию земельных записей, предусматривающую, помимо прочего, предоставление (конечно же — за особую плату) их валидированных копий владельцам земельных прав. Этот переворот, начавшийся практически одновременно во всех основных штатах Индии в конце 80-х годов (с 1988/89 г.), к началу XXI века вступил в завершающую фазу[50]. Констатируя этот большой значимости факт, не будем вместе с тем забывать: именно прорыву научно-технического сообщества Индии в сферу высоких информационных технологий обязан аграрный сектор страны тем, что наконец-то он получил «техническое» обеспечение для преодоления на легитимных основаниях «вороха» тех социально-экономических проблем, которые оставила ему в наследство эпоха аграрно-традиционалистской Индии.

Успех земельных реформ при *легитимном порядке их проведения*, как показывает опыт Индии, определяется в конечном итоге тем, насколько прочен сплав *политической воли* власть предержащих и *правомочных коллективных* (массовых) *действий лиц, выигрывающих от проведения таких реформ*[51].

---

[50] Government of India. Ministry of Rural Development. Dept. of Land Resources (Land Reforms Division). 2002 (см.: www.dolr.nic.in/land_reforms).

[51] При *легитимном порядке* земельных преобразований политическая воля власти — критический момент эффективности земельных реформ. Вот одно из авторитетных свидетельств о значимости фактора «политическая воля». После массовых провалов в области осуществления законодательства об аренде и земельном максимуме Оперативная группа по аграрным реформам Плановой комиссии Индии констатировала (1976 г.): «При решительно и недвусмысленно выраженной политической воле все прочие привходящие обстоятельства и трудности могли бы быть преодолены; в отсутствие же такой воли даже небольшие препятствия превращаются в непроходимые завалы на пути индийских земельных реформ. Если учесть характер политической власти, то вполне естественен факт, что необходимая политическая воля не объявится» (цит. по: Report of the National Commission on Agriculture. 1976, с. 87–88).

3. *Аграрный сектор Казахстана: трудности роста в переходной экономике к началу XXI века*[*]

По общему мнению, государства, возникшие на развалинах бывшего СССР, относятся к типу стран с переходной (транзитивной) экономикой. Если сказать кратко — последняя представляет собой хозяйство, находящееся на стадии перехода от одной (внерыночной) экономической системы к другой (рыночной); общие закономерности данной стадии выражаются формулой: «старое хозяйство разрушено — новое еще только укладывается». Именно такую стадию переживает аграрный сектор современного Казахстана.

В бытность свою в составе СССР Казахстан занимал особое место в межреспубликанском разделении труда. Это был регион, располагавший значительным избытком (по отношению к внутренним нуждам) сельскохозяйственных ресурсов. Зависимость сельского хозяйства Казахстана от внешнего для него хозяйственного комплекса привела в период независимости к тому, что экономические пертурбации, происходившие вовне, самым непосредственным образом (нередко — весьма болезненно) затрагивали сельское хозяйство страны. Иначе говоря, сложившееся межреспубликанское разделение труда, в которое был вовлечен аграрный сектор Казахстана, как показали тенденции экономического развития 90-х годов, создало дополнительные трудности на пути продвижения Республики к новому экономическому облику сельского хозяйства. На эти трудности накладывались и накладываются многообразные противоречия, формирующиеся в ходе быстро протекающих процессов смены крупного (бывшего общественного, коллективного) хозяйства формами мелкого (индивидуального) хозяйства в качестве основного агента сельскохозяйственного роста.

Эти два макроэкономических обстоятельства, помимо других, задают алгоритм модели сельскохозяйственного роста, определяют объекты для разработки соответствующей государственной политики.

Новые реалии сельскохозяйственного роста

К числу крупнейших экономических метаморфоз, переживаемых Казахстаном, нужно отнести кардинальное изменение *функцио-*

---

[*] Впервые было опубликовано в: *Вопросы статистики*. М. 2000, № 9, с.71–79.

нальной роли сельского хозяйства в народном хозяйстве страны в целом.

Аграрный сектор Казахстана развивался с 50–60-х годов, времени освоения огромных площадей целинных земель, как житница большой страны, обеспечивавшая многие дефицитные районы бывшего СССР важнейшими продовольственными ресурсами, прежде всего зерном и, в меньшей степени, мясом.

Менее чем за полтора десятилетия объем производства зерновых в Казахстане вырос почти в 4 раза — с 3,9 млн.т в 1949–1953 гг. до 15,2 млн.т в 1954–1961 гг., а доля Республики в общесоюзных сборах зерновых поднялась с 4,9% до уже весомых 13,1% (в 1981–1990 гг. этот показатель составлял 12,1%)[1].

В рамках новой своей функции зерновая отрасль хозяйства формировалась в Казахстане как крупное производство, отличавшееся — в сравнении с другими регионами бывшего СССР — самым высоким уровнем товарности. Например, только на долю государственных закупок зерна, поглощавших подавляющую часть (до $^{9}/_{10}$ и более) товарного выхода зерна, в Казахстане устойчиво приходилось *почти три пятых* валового урожая зерновых, например, 58,4% в 1954–1961 гг., 56,6% в 1981–1990 гг. (против 40,7% в 1949–1953 гг.); в то время как на территории СССР в целом они составляли в те же годы 39–37%, или $^{2}/_{3}$ уровня, обеспечиваемого зерновым хозяйством Казахстана, и даже менее $^{2}/_{3}$ [2].

Аграрное хозяйство республики развивалось по законам «трудосберегающего» технологического способа производства (ТСП), при этом его зерновой сектор обладал всем набором классических признаков последнего[3]. Громадные пространства, доступные для сельскохозяйственного освоения, позволяли внедрять, потенциально — с большой экономической эффективностью, капиталоемкие механические средства труда, способствуя тем самым выдвижению *в качестве приоритетного фактора роста в зерновом хозяйстве Казахстана достижение максимально высокой производительности труда*; нехватка рабочей силы (эта нехватка возмещалась организованным властями массовым перемещением в Республику населения из центральных

---

[1] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 году. Статистический ежегодник. М., 1962, с.374; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991, с.32.

[2] Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 году, с.374,375; Сельское хозяйство [СССР]. 1991, с.32,43.

[3] Подробнее о проявлениях ТСП данного типа см.: *Растянников В., Дерюгина И.* «Кондратьевские волны» в исследовании процесса экономического роста в агросфере, в: *Вопросы статистики*. М., 1997, №11, с. 19–29.

районов страны, в частности, городов)[4] для осуществления масштабных проектов освоения целинных земель создавала мощный дополнительный стимул к экономии труда посредством механизации земледельческих операций. В результате зерновое хозяйство Казахстана достигло самой высокой в СССР производительности труда: в 1990 г. выход зерна на 1 час прямых затрат труда достигал здесь 100 кг; сравниться с такой производительностью мог только сектор зернового производства РСФСР (России)[5].

Напротив, потенциал такого фактора роста, как продуктивность, адекватным выражением которого является показатель урожайности сельскохозяйственных культур, претерпел за вторую половину XX-го века существенно меньше изменений, причем — намного меньше, чем в бывшем СССР в целом или, например, в России. Ниже-следующие данные о динамике урожайности зерновых наглядно свидетельствуют об этом (в *ц/га*)[6]:

Страны / Годы	1949-1955	1956-1960	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985	1986-1990	1991-1995	1996-1999
1. Казахстан	6,1	8,4	6,1	8,3	8,5	10,2	7,9	10,0	8,2	8,5
2. Россия	7,2	9,7	9,8	12,2	12,7	13,7	13,0	15,9	14,8	12,6
3. *1:2*	*0,84*	*0,87*	*0,62*	*0,66*	*0,67*	*0,74*	*0,60*	*0,63*	*0,55*	*0,67*

Как явствует из приведенных данных, обвальное отставание продуктивности земледелия Казахстана от ее российского аналога выпало как раз на тот период, когда союзная кратократия стала предпринимать первые серьезные попытки перевести процесс сельскохозяйственного роста в его интенсивную фазу (60-ые годы); в России изменение характера роста (за счет включения в его процесс составляющей фактора продуктивности) обозначилось заметно отчетливее и

---

[4] О том, какой интенсивностью отличался данный процесс, свидетельствуют материалы Всесоюзных переписей населения того времени. Так, только за период 1959–1970 гг. численность населения в Казахстане увеличилась с 9,3 млн. до 13,0 млн. человек, или в 1,4 раза, а вот, например, за период 1926–1939 гг. — лишь с 6,07 млн. до 6,09 млн., или в 1,003 раза.

[5] См.: Сельское хозяйство [СССР]. 1991, с.141.

[6] Составлено по: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с.214; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971, с.156; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.138; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1991, с.33; Содружество Независимых Государств в 1994 г. Статистический ежегодник. М., 1995, с. 226,345; Содружество Независимых Государств в 1998 г. Статистический ежегодник. М., 1999, с. 307,457; Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №6, с.130; Основные показатели агропромышленного комплекса Российской Федерации в 1999 году. М., 1999, с.34; *Растянников В., Дерюгина И.* Долгосрочные изменения в урожайности сельскохозяйственных культур: середина XIX–конец XX века, в: *Вопросы статистики*. М., 1998, №9, с.32–34.

исторически существенно раньше, чем в Казахстане, где прогресс в преобразовании характера роста оказался слишком слабым и неустойчивым. По существу в течение полувека зерновое хозяйство Казахстана переживало *исторически чрезмерно затянувшуюся стадию экстенсивного развития, причем в ее худших стагнирующих параметрах* (при всех колебаниях урожайности зерновых по периодам последняя характеризовалась в республике набором устойчиво низких ее значений).

Из приведенных данных видно также, что в последнее десятилетие XX века (то есть в годы независимости) в зерновом хозяйстве Казахстана обнаруживается тенденция к ухудшению и без того неудовлетворительных качественных параметров потенциала роста, относящихся к фактору продуктивности. (По сути дела была разрушена и материально–техническая база, обеспечивающая рост производительности труда в сельском хозяйстве; о чем будет сказано ниже.)

Таблица 1

Казахстан: динамика производства и экспорта основных продуктов сельского хозяйства (зерновых и мяса) *, млн.т

Показатель \ годы	1985-1987	1988-1990	1991-1993	1994-1996	1997-1999
Производство зерновых	25,1	22,8	21,1	12,4	11,0
Чистый экспорт зерновых	12,7[2]	7,8[2]	2,2	3,4	3,2
Производство мяса	1,3	1,5	1,3	1,0	0,6
Чистый экспорт мяса	0,25[2]	0,3[2]	0,1	0,04	(-)0,025[3]

* *Составлено и подсчитано по*: Страны–члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с. 44,220,224–226; Экономика Содружества Независимых Государств. Краткий справочник. М., 1993, с. 64–77; Содружество Независимых Государств в 1994 г. Статистический ежегодник. М., 1995, с. 50,52,65–69,225–228; Содружество Независимых Государств в 1998 г. Статистический ежегодник. М., 1999, с. 55,58,68–71; Содружество Независимых Государств в 1999 г. Краткий справочник предварительных статистических итогов. М., 2000, с. 127,132,138; Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №6, с. 131,144–147; Межгосударственный обмен продукцией производственно–технического назначения и потребительскими товарами. Статистический сборник. М., 1993, с.34; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 479,503,514; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 127,282,338; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1991, с. 32,43,103; Сельское, лесное и рыбное хозяйство стран Содружества Независимых Государств. Статистический сборник. М., 1997, с.125,131,132,139, 141.

[2] Поставки в общесоюзный фонд.
[3] Средняя за 1998-1999 гг.

Велика ли была доля производившегося в Казахстане зерна, отчуждавшегося в общесоюзный зерновой фонд и вывозившегося за пределы республики? Такие данные, никогда не публиковавшиеся до

времени распада СССР, могут быть достаточно надежно оценены по ретроспективным статистическим рядам, составленным Статкомитетом СНГ. Как показывают расчеты, в середине 80-х годов (1985–1987 гг.) Казахстан отправлял в другие районы СССР свыше половины (51%) своих зерновых сборов и даже около трети (32,7%) — в конце 80-х годов (1988–1990 гг.), период стремительно усиливавшейся эрозии межреспубликанских хозяйственных связей.

С середины же 80-х годов зерновое производство в Казахстане стало постепенно сокращаться, но в середине 90-х годов произошел обвал: всего за три года сборы зерновых снизились более чем на $^{2}/_{5}$. В результате к концу 90-х годов валовое производство зерновых в Республике упало в 2,3 раза (см. табл. 1).

Одной из важнейших («технических») причин столь значительного сокращения урожаев зерновых (как и других культур) явилось разрушение материальной базы сельскохозяйственного производства. Маховик этого процесса стал раскручиваться еще в последние годы «социалистического» бытия Республики. О масштабах и интенсивности разрушения материально–технической базы роста в период независимости свидетельствуют следующие данные. В 1990 г. Казахстан произвел 41,1 тыс. тракторов (против 54,6 тыс. в 1985 г.), а экспортировал в другие регионы бывшего СССР 23,5 тыс.; тракторы нужной номенклатуры Казахстан ввозил, в 1990 г. — 23,0 тыс. штук. В 1999 г. производство тракторов составляло в Казахстане 0,6 тыс. единиц (то есть менее 1,5% от уровня 1990 г.), экспорт —0,8 тыс., а импорт — лишь 0,25 тыс. штук[7]. Таким образом, сельское хозяйство Казахстана к исходу XX столетия, как видно, *практически полностью лишилось всех источников обновления и возмещения своей стремительно изнашивающейся земледельческой техники*[8].

Удручающая ситуация сложилась и в области применения средств интенсификации земледельческого хозяйства. В 1999 г. в Казахстане на гектар посевной площади вносилось в среднем 0,7 кг ми-

---

[7] Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с.334; Содружество Независимых Государств в 1998 г., с.117; Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №8, с.69,77.

[8] Касаясь процессов спада производства в растениеводстве, статистическая служба Казахстана отмечала: «Основными причинами такого положения является неразвитость материально-технической базы и недостаток финансовых средств у агроформирований... Так, в 1999 году в обследованных сельхозпредприятиях республики из-за недостатка запасных частей и средств на их приобретение не были своевременно отремонтированы более трети тракторов, грузовых автомобилей и тракторных прицепов, четверть — тракторных плугов, культиваторов и сеялок. Плохо обстояли дела с обеспечением хозяйств всех регионов республики дизельным топливом, бензином и минеральными удобрениями.» (Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №6, с.130).

неральных удобрений (в эквиваленте действующего вещества), или 3,7% от уровня 1990 г. (18,9 кг). Общий же объем используемых минеральных удобрений в 1999 г. составлял лишь 1,6% от уровня 1990 г., а удобрено такими удобрениями было менее 1% посевной площади (1997–1998 гг.)[9]. В результате все количественные и качественные характеристики основного вещественного средства сельскохозяйственного производства — земли кардинально изменились. Бесстрастная статистика фиксирует факт выпадения из обработки *более половины площадей, использующихся под посевы* (56,6% в 1999 г. по сравнению с показателем 1990 г.)[10], *резкое ухудшение плодородия обрабатываемых земель*[11].

Столь масштабная деградация материально–технической базы тяжело ударила по макровоспроизводственным связям сельскохозяйственной экономики Республики.

Существенные изменения претерпел в 90-х годах вектор специализации зернового хозяйства Казахстана. Конечно, Республика продолжает в полном объеме удовлетворять внутренние нужды в пищевом зерне за счет национального производства: на эти цели расходовалось 2,5–4 млн.т зерна в год[12]. Но поставки зерна на экспорт были резко сокращены (до сравнительно стабильных 2–3 млн.т) (см. диаграмму 1); тем не менее за девять лет (1991–1999 гг.) они поглотили примерно пятую часть валовых сборов зерновых (см. табл.1)

---

[9] Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №6, с.129; Статистический пресс–бюллетень. Агентство Республики Казахстан по статистике. Алматы, 1999, №4, с.108; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1991, с. 31; Статистический ежегодник Казахстана. 1999. Алматы, 1999, с.234.

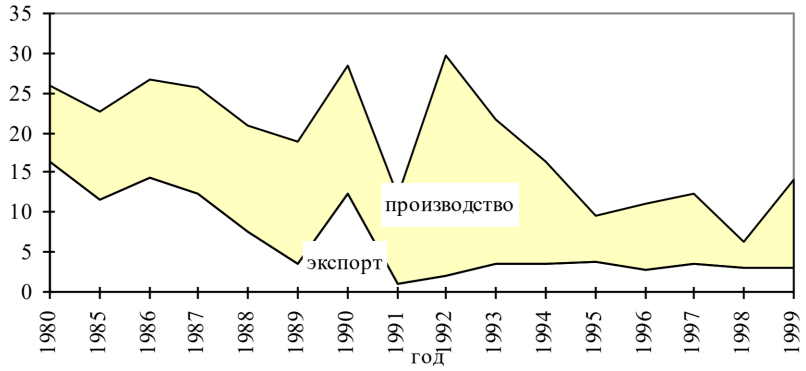
[10] См.: Сельское хозяйство [СССР]. 1991, с. 31; Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №6, с.129.

[11] Агентство Республики Казахстан по статистике констатировало: «Наряду с уменьшением сельскохозяйственных угодий ухудшается их качество. Так, в настоящее время три четверти обрабатываемых земель бедны гумусом и наблюдается его постоянное снижение, так как с урожаем выносится больше элементов питания, чем вносится в почву с удобрениями. По данным службы химизации пашня в последние годы теряет в 240 раз больше питательных веществ, чем получает за счет внесения минеральных удобрений. В то же время ситуация с применением минеральных удобрений продолжает ухудшаться /.../ Значительное уменьшение урожайности сельскохозяйственных культур за годы реформ произошло, в основном, из-за неудовлетворительного состояния дел в республике по применению сельхозпроизводителями минеральных и органических удобрений. Без положительного решения данной проблемы в ближайшие годы повышение эффективности аграрного сектора обеспечить будет невозможно». (Статистический пресс–бюллетень. Агентство Республики Казахстан по статистике. Алматы, 1999, №4, с. 107,109).

[12] См.: Статистический ежегодник Казахстана. 1999. Алматы, 1999, с. 248.

Диаграмма 1

Казахстан: производство и чистый экспорт (в 1980-1991 гг. поставки в общесоюзный фонд) зерновых, млн.т



Иначе говоря, зерновое хозяйство Казахстана все более утрачивало экспортную направленность и все более превращалось в сектор народного хозяйства, работающий по преимуществу на продовольственное обеспечение населения Республики. Но в реализации этой цели обнаружились, особенно чувствительно к концу 90-х годов, свои трудности.

Ахиллесовой пятой зернового производства теперь оказалась его кормовая составляющая. Например, всего лишь за три года (1995–1998 гг.) производство зерна на корма сократилось с 3,9 млн.т в год до 0,6 млн.т, или более чем в шесть раз[13]. Объема национального производства кормового зерна стало недостаточно, чтобы поддерживать производство мяса на дореформенном уровне (например, на уровне рубежа 80-х–90-х годов).

Как поставщик мяса для других районов бывшего СССР Казахстан в 80-ые годы отправлял в общесоюзный фонд пятую часть (а в иные годы и больше) общего объема производства мяса (в убойном весе). Но с начала 90-х годов последовало резкое сокращение вывоза мяса из Казахстана, а в конце 90-х годов (1998–1999 гг.) весьма высокий для стран СНГ (такой же, как в России, и несколько меньший, чем в Беларуси) уровень потребления мяса мог поддерживаться в Казахстане лишь при помощи импорта этого продукта из стран дальнего зарубежья (4,9% от уровня внутреннего потребления в 1998 г., 2,5%

[13] Там же, с. 247.

— в 1999 г.)[14]. (В России этот показатель составлял в те же годы соответственно 29,3% и 25,4%.[15])

Очевидно, что сектор мясного животноводства Казахстана стал обслуживать исключительно внутринациональные нужды в мясной продукции, но, что важно отметить, при заметно снизившемся (как и во всех странах СНГ) уровне душевого потребления мяса (с 73 кг на душу в год в 1990 г. до 45–50 кг в конце 90-х годов).

Итак, распад бывшего СССР, сопровождавшийся массированным разрушением сложившегося межреспубликанского разделения труда и обслуживавших его кооперационных связей, привел к выталкиванию аграрного сектора Казахстана из бывшего общесоюзного хозяйственного комплекса, в который он был уже глубоко интегрирован. Тем самым создавались принципиально новые экономические рамки бытия аграрного сектора Республики, объективно ориентировавшие его (пока!) на удовлетворение по преимуществу внутренних нужд в продовольственных ресурсах, причем при существенно ухудшающихся параметрах экономического роста и продовольственного потребления.

Диспаритет цен и его влияние на сельскохозяйственный рост

В значительной степени все эти драматические сдвиги в сфере сельскохозяйственного производства — прямое следствие разрушительных процессов, вызванных непреодолимой эрозией экономической системы, выступавшей под маской «социализма». Об одном из них, важнейшем, на наш взгляд, и пойдет речь ниже.

Социализм «советского образца» предполагал, как известно, существование на протяжении десятилетий хорошо отлаженных механизмов неэквивалентного обмена между сельским хозяйством, с одной стороны, и другими секторами народного хозяйства, с другой. Более того, «социалистическая» кратократия устами своего статистического ведомства открыто, без какого-либо стеснения, провозглашала, что сельское хозяйство как самостоятельный сектор (отрасль) народного хозяйства *не должно и не может располагать всей той «вновь созданной стоимостью», которую оно производит*, ибо (применительно к аграрному сектору) «уровень цен не всегда отражает общественно необходимые затраты труда на производство продук-

[14] Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №8, с.76; Содружество Независимых Государств в 1999 г. Краткий справочник предварительных статистических итогов. М., 2000, с. 138.

[15] Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №8, с.79; Содружество Независимых Государств в 1999 г., с. 138.

ции(!). Часть национального дохода, созданного в сельском хозяйстве, реализуется в форме налога с оборота и прибыли в пищевой промышленности и других отраслях материального производства, включаемых в АПК, а также в легкой промышленности»[16]. Вот так: производит продукт одна отрасль (сельское хозяйство), а существенную часть его распределяют в совсем другом секторе (секторах) экономики, куда эту часть, безвозмездно отчужденную методами ценового принуждения, для целей данного распределения предварительно и перемещают; здесь же присваивают и прибыль, произведенную в отрасли–доноре!

Не избежал этой участи и Казахстан, особенно его сектор животноводческого хозяйства. Всеобщий кризис «социалистической» системы хозяйства, наиболее остро проявившийся в 80-х годах, породил новые импульсы, нагнетавшие нерентабельность производства в сельском хозяйстве. Последовавшие к концу 80-х годов, уже в период «перестройки», пожарные меры, в том числе такие, как увеличение государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, смогли ослабить масштабы сложившегося диспаритета сельскохозяйственных и промышленных цен. В результате в структуре ВВП Казахстана произошла удивительная метаморфоза: промышленный и сельскохозяйственный секторы по показателям своей стоимостной значимости в течение всего пяти лет поменялись местами. Доля сельского хозяйства в 1990 г. (42%) в два раза превысила долю промышленности (21%)! (См. диаграмму 2.) Произошло это не только потому, что «бог послал» хорошие дожди в этом году, но и потому, что благодаря повысившимся ценам доля сельскохозяйственного продукта стала оцениваться в соотношении с долями продукта других секторов существенно выше, чем это было раньше.

Но благами более выгодного (окупаемого) для сельского хозяйства ценообразования последнее пользовалось недолго.

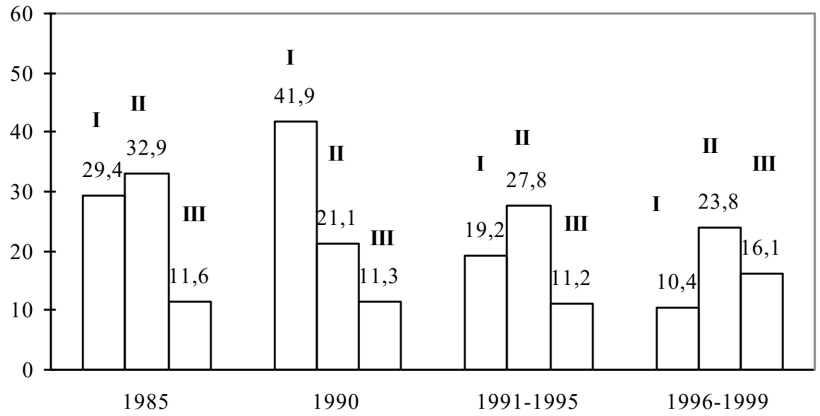
Обозначившийся в начале 90-х годов переход Казахстана к рыночным отношениям отличался двумя особенностями. Во-первых, это был переход к нерегулируемому, стихийному («дикому») рынку, и, во-вторых, даже такой переход не был равномерным по различным секторам народного хозяйства; в сельском хозяйстве все еще сохра-

[16] Народное хозяйство СССР в 1987 г. Статистический ежегодник. М., 1988, с.14; см. также: Народное хозяйство СССР в 1990 г., с.11. (Здесь откровение насчет «уровня цен, не всегда отражающих, etc.», уже отсутствует.)

нялся госзаказ с его принудительным ценообразованием[17], наносивший сельскому хозяйству тем больший ущерб, чем сильнее развивалась неконтролируемая рыночная стихия, усугубляемая к тому же валом инфляции.

Диаграмма 2

Казахстан: доля продукта отдельных секторов народного хозяйства в произведенном ВВП *, %



* *Составлено и подсчитано по:* Страны–члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с.209,213,218; Содружество Независимых Государств в 1994 г. Статистический ежегодник. М., 1995, с.23,213; Содружество Независимых Государств в 1998 г. Статистический ежегодник. М., 1999, с. 288; Содружество Независимых Государств в 1999 г. Краткий справочник предварительных статистических итогов. М., 2000, с. 17; Основные макроэкономические показатели Содружества Независимых Государств 1991–1999. Статистический сборник. М., 2000, с. 16,53; Мир в цифрах 1992. Статистический сборник. М., 1992, с.10; Статистический ежегодник Казахстана. 1999. Алматы, 1999, с. 163.

I — Сельское хозяйство; **II** — Промышленность; **III** — Торговля.

Это обстоятельство предопределило резкое отставание роста номинальных цен на продукт сельского хозяйства по отношению к росту цен в промышленности и других секторах народного хозяйства Республики[18]. Своего пика диспаритет цен в Казахстане достиг к 1994 г. (см. график 1). (Такие же процессы в это же время переживали и другие государства СНГ, в частности, Россия.)

---

[17] Подробнее см.: *Калиев Г.А.* Приватизация на селе: основные недостатки ее реализации в Республике Казахстан, в: Аграрная экономика и политика: история и современность. М., 1996, с.115.

[18] См. там же, с.116.

Сохранение госзаказа в пока еще преобладавшем секторе функционально общественного хозяйства (секторе «сельскохозяйственных предприятий») в его различных новых юридических формах в условиях отпуска цен в других отраслях народного хозяйства привело к обесценению сельскохозяйственной части ВВП и, соответственно, к резкому понижению стоимостного наполнения доли сельскохозяйственного продукта в ВВП.

График 1

Казахстан: динамика диспаритета цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности *

* *Составлено и подсчитано по:* Содружество Независимых Государств в 1994 г. Статистический ежегодник. М., 1995, с. 26,215; Содружество Независимых Государств в 1998 г. Статистический ежегодник. М., 1999, с. 23,24,292; Содружество Независимых Государств в 1999 г. Краткий справочник предварительных статистических итогов. М., 2000, с. 24,26; Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №6, с. 148; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 162; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1991, с. 24;.

Наиболее интенсивный темп снижения этой доли приходится (как и в других государствах СНГ) на период инфляционной волны первой половины 90-х годов. Фактический отпуск цен в 1995 г. в сельском хозяйстве, связанный с отменой системы госзаказа, приглушил нарастание вала диспаритета сельскохозяйственных и промышленных цен, законсервировал его в границах, сложившихся в первой половине 90-х годов; иначе говоря, переход сельского хозяйства к стихийно-рыночным ценам *не привел к сокращению межотраслевого ценового разрыва*. Скорее наоборот — последний стал глубже, чем

это было в последние годы советского периода истории Казахстана. К финалу 90-х годов даже произошло очередное сокращение доли сельскохозяйственного продукта в ВВП (с 12% в 1995 г. до 10% в 1999 г.).

В результате вновь стали набирать силу процессы роста убыточности производства в сельском хозяйстве. Например, уровень отрицательной рентабельности[19] в секторе «сельскохозяйственных предприятий» Казахстана в 1993–1998 гг. изменялся следующим образом[20]:

1993 г.	*1994 г.*	*1995 г.*	*1996 г.*	*1997 г.*	*1998 г.*
-1,7	*-7,0*	*-23,5*	*-20,4*	*-20,9*	*-25,7*

Число же убыточных предприятий с 1995 г. устойчиво удерживается в пределах 72–78%[21].

О масштабах возникшей неэквивалентности межсекторного обмена, вызванной ростом ценового разрыва, можно судить по тому, что за годы независимости объем сельскохозяйственного производства в Казахстане сократился, как и в России, примерно на две пятых, в то время как промышленное производство уменьшилось в обеих странах наполовину. Вот как выглядят соответствующие данные Статкомитета СНГ (см. табл. 2).

Но соотношения удельных весов сельскохозяйственного продукта, с одной стороны, и промышленного, с другой, изменялись в совсем ином режиме. Доля сельского хозяйства в ВВП Казахстана уменьшилась за десятилетие *в четыре раза* (см. диаграмму 2), а доля промышленности даже немного возросла (при этом на протяжении рассматриваемого периода удельный вес занятых в сельском хозяйстве отличался стабильной величиной, составляя по годам 22–25%). Таким образом, за прошедшее десятилетие *только за счет изменения ценовых пропорций сельскохозяйственный продукт Казахстана обесценился по отношению к продукту других отраслей примерно в 2,4*

---

[19] Рентабельность — все еще широко используемый термин «социалистической политэкономии» — показатель эффективности производства, выражается отношением величины полученной прибыли к стоимости основных и оборотных средств, потребленных в процессе производства.

[20] Цит. по: *Есиркепов Т.А.* Животноводство Казахстана в условиях перехода к рынку, в.: Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития. Материалы международной конференции. Алматы, 12–13 января 1999 г. М., 1999, с.227; Статистический ежегодник Казахстана. 1999, с.227.

[21] Статистический ежегодник Казахстана. 1999, с.227.

раза, в то время как стоимость промышленного продукта — также по отношению к стоимости продукта других отраслей — увеличилась в 2,3 раза. Диспаритет цен, столь грубо угнетающий сельскохозяйственный сектор, стал крупнейшим тормозом на пути его экономического роста.

Таблица 2

Казахстан: индексы объема произведенной продукции (1990=100)

Показатель	1991–1993 гг.	1994–1996 гг.	1997–1999 гг.
	Сельское хозяйство		
Казахстан	105	71	60
Россия	88	68	59
	Промышленность		
Казахстан	85	50	50
Россия	77	50	48

* *Составлено и подсчитано по:* Страны–члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с. 218; Содружество Независимых Государств в 1994 г. Статистический ежегодник. М., 1995, с. 24; Содружество Независимых Государств в 1998 г. Статистический ежегодник. М., 1999, с. 27; Содружество Независимых Государств в 1999 г. Краткий справочник предварительных статистических итогов. М., 2000, с. 23,25; Основные макроэкономические показатели Содружества Независимых Государств 1991–1999. Статистический сборник. М., 2000, с. 19,20; Статистика СНГ. Статистический бюллетень. М., 2000, №6, с. 124,129; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991, с. 357,459; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с.27; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1991, с. 13.

Есть большой соблазн объяснить причину физического сокращения сельскохозяйственного продукта в Казахстане именно приватизацией и «несвоевременным» устранением госзаказа. Думается, однако, что сохранение госзаказа с его принудительным ценообразованием в условиях становления с 1992 г. стихийного («дикого»), нерегулируемого рынка и было той причиной, которая угнетала положительную динамику валового сельскохозяйственного продукта; при этом, конечно, следует иметь в виду и такие причины, как разрушение материально–технической базы производства, отсутствие комплексности в проведении экономических реформ на первом этапе (на это обращали внимание многие исследователи)[22]. И в этом отношении

[22] См. например: *Воробьев И., Кендюх И.* Формирование равновесного продовольственного рынка в Северном Казахстане, в: *Международный сельскохозяйственный журнал*. М., 1997, №2, с. 34–35; *Калиев Г.А.* Приватизация на селе: основные недостатки ее реализации в Республике Казахстан, с. 115,117.

происшедший отпуск сельскохозяйственных цен как раз и предотвратил (точнее — существенно замедлил) дальнейшее относительное обесценение сельскохозяйственного продукта (см. график 1), заметно снизил темп его физического сокращения (см. табл.2).

Как отмечалось, проблема диспаритета цен, от которой столь мучительно страдает «слабейшая сторона» — сельское хозяйство, ведет свое происхождение в Казахстане от «социалистической» системы хозяйствования. Последняя, однако, жестоко «наказала» и «сильнейшую сторону» межотраслевого обмена — промышленность, сформировав систему неприемлемых при рыночном хозяйстве, чрезмерно раздутых издержек производства. Так, платежеспособный спрос на минеральные удобрения — из-за относительно высоких цен на них — «внутри республики отсутствует». Попытки же экспортировать эти технические средства в страны СНГ или Китай не могут быть реализованы, ибо «вследствие высоких производственных затрат казахстанские минеральные удобрения становятся неконкурентоспособными на внешних рынках»[23].

Парадокс возникшей ситуации состоит в том, что в Казахстане промышленность минеральных удобрений, если исходить из размеров имеющихся производственных мощностей, «способна обеспечить сельское хозяйство минеральными удобрениями»; дело за «малым» — снижением издержек, высота которых *экономически* блокирует такие возможности[24]. Упадок целых отраслей народного хозяйства, поставляющих средства производства для аграрного сектора — такова цена преодоления последствий «социалистического» хозяйствования на пути недостаточно регулируемого перехода экономик новых независимых государств к рыночным отношениям.

Из сказанного выше следует, что проблема восстановления или, по меньшей мере, резкого снижения диспаритета цен между сельским хозяйством, с одной стороны, и промышленностью и други-

---

[23] Статистический пресс–бюллетень. 1999, №4, с.107. По оценке на 1 апреля 1999 г., цены на производимые в Казахстане минеральные удобрения превышали цены на их российские аналоги в 2–2,5 раза (там же).

[24] См. там же. Непосильными для сельскохозяйственных производителей Казахстана являются и цены на ряд других средств производства. Особенно нагляден пример цен на горюче–смазочные материалы. Источники отмечают, что их высота, например, воспрепятствовала вывозке органических удобрений (навоза) на поля; в результате за последние девять лет унавоженная площадь сократилась в 127 раз — до 5,4 тыс.га, а ее доля в посевной площади «сельскохозяйственных предприятий» до 0,05% (Статистический пресс–бюллетень. 1999, №4, с.109). Между тем несмотря на повышение нефтяных цен в Казахстане — в 2,7 раза за 1998–1999 гг. — происшедшее вслед за подъемом мировых цен на нефть, первые составляли лишь около половины уровня последних, и это обстоятельство стимулировало экспорт нефти и продуктов ее переработки из Казахстана (см.: Статистика СНГ. Статистический бюллетень. 2000, №6, с.149), отторгая от доступа к ним как раз сельскохозяйственных производителей Республики, которые в них нуждались.

ми секторами народного хозяйства, с другой, является насущной потребностью казахстанской экономики. Именно политика «взаимокомпенсирующих межотраслевых ценовых пропорций», предполагающая, помимо прочего, последовательное сокращение издержек производства на средства производства, используемые в сельском хозяйстве, могла бы открыть путь к восстановлению рентабельности сельскохозяйственного производства и, соответственно, поступательной динамике сельскохозяйственного роста. Тем более, что в связи с развитием рынка, пока еще слабо регулируемого, весьма значительная часть стоимости, создаваемой как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, стала концентрироваться в сфере товарного обращения: всего за четыре года доля торговли в ВВП Казахстана подскочила более чем в 1,4 раза (см. диаграмму 2). Выполнять столь ответственную миссию, как регулирование пропорций рыночного межотраслевого (межсекторного) обмена, конечно, под силу только государству.

Изменение хозяйственных форм

Крупнейшие сдвиги пережила и продолжает переживать социальная организация аграрного сектора Республики. Наибольшие изменения претерпел сектор бывшего общественного хозяйства (бывшие совхозы и колхозы, ныне именуемые в статистических изданиях «сельскохозяйственными предприятиями»), еще совсем недавно занимавший главенствующие позиции в производстве сельскохозяйственной продукции (74% в 1986–1990 гг.). В середине 90-х годов его доля подобно шагреневой коже ужалась до величины, немного превышавшей половину общего объема производства (55% в 1994-1996 гг.), а к концу 90-х и вовсе сократилась до немногим более трети (37% в 1997–1998 гг.) (см. диаграмму 3).

Стремительно разваливается материально-техническая база сектора. Машинный парк буквально исчезает с полей сельскохозяйственных предприятий; о массовости этого явления свидетельствуют следующие данные (в *тыс. штук*)[25]:

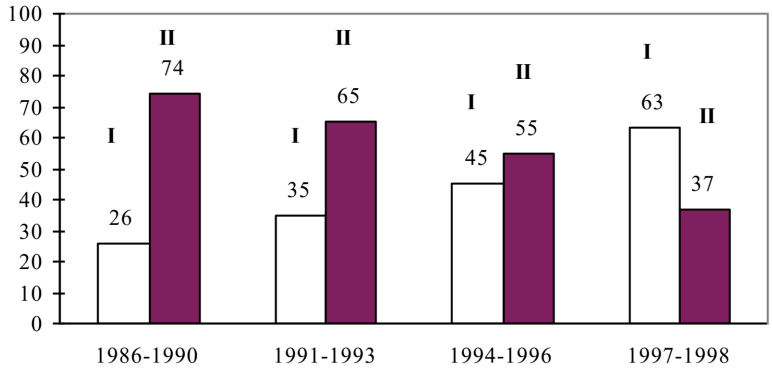
	1995 г.	1998 г.	*1998 г. в % к 1995*
Тракторы	170,5	64,2	*37,7*
Тракторные плуги	39,5	15,0	*38,0*
Тракторные сеялки	131,3	52,0	*39,6*
Тракторные культиваторы	34,8	12,6	*36,2*
Зерноуборочные комбайны	61,9	24,9	*40,2*
Тракторные сенокосилки	21,5	6,0	*27,9*

[25] Статистический ежегодник Казахстана. 1999, с.233,234.

И судя по всему, процесс распада сектора общественного хозяйства еще далеко не завершен.

Диаграмма 3

Казахстан: вклад личного и общественного хозяйства в производство сельскохозяйственной продукции *, %



*

Составлено и подсчитано по: Страны–члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с. 218; Содружество Независимых Государств в 1994 г. Статистический ежегодник. М., 1995, с. 218; Содружество Независимых Государств в 1998 г. Статистический ежегодник. М., 1999, с. 296; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с. 6.

I — Личное хозяйство; **II** — Общественное хозяйство.

Существует много причин столь резкого сокращения производственного потенциала некогда самого крупного в бывшем СССР хозяйства. Среди них — разрыв межреспубликанских хозяйственных связей; длительные задержки (до полугода и даже более) возмещения стоимости отправленного на продажу товарного сельскохозяйственного продукта[26]; обесценение этого продукта в результате инфляции, вызывающее утрату мотивации к эффективному труду, в то время как производственные затраты из-за диспаритета цен оказываются непомерно высокими. Свою лепту в упадок сектора бывшего общественного хозяйства внесла, как отмечалось, и существовавшая до середины 90-х годов система госзаказа, сопряженная с большими потерями для хозяйства. Сильный удар этому сектору нанес и «бартерный

[26] Подробнее см.: *Калиев Г.А.* Приватизация на селе: основные недостатки ее реализации в Республике Казахстан, с. 117.

бум»[27], отторгавший экономику сектора от принятия рыночных правил игры. Именно этот сектор хозяйства испытал всю тяжесть диспаритета цен и его результата — неэквивалентного обмена, давшего мощный импульс усилению нерентабельности производства в этом секторе.

Таблица 3

Казахстан: динамика производства продукции сельского хозяйства в личном хозяйстве *

Показатель	1985-1987	1988-1990	1991-1993	1994-1996	1997-1998
Производство зерна:					
всего, млн.т			0,4	0,6	2,0
% валовых сборов			1,7	5,2	23
Производство мяса:					
всего, млн.т	0,4	0,5	0,6	0,65	0,55
% валового производства	32	35	44	66	82

* *Составлено и подсчитано по*: Страны–члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с. 224–226; Содружество Независимых Государств в 1994 г. Статистический ежегодник. М., 1995, с. 225–228; Содружество Независимых Государств в 1998 г. Статистический ежегодник. М., 1999, с. 296,308; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 474; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1991, с. 68,69; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с.38,42; Статистический ежегодник Казахстана. 1999. Алматы, 1999, с. 236, 243.

На фоне таких негативных тенденций в секторе бывшего общественного хозяйства все более заметной становится роль личного хозяйства («личного подсобного» хозяйства и «крестьянского», или «фермерского», хозяйства) в развитии производственного потенциала агросферы. В конце 90-х годов (1998 г.) последнее концентрировало 23,7% площади сельскохозяйственных угодий[28], но производило около $^2/_3$ сельскохозяйственного продукта (см. диаграмму 3). После отпуска зерновых цен в середине 90-х годов личное хозяйство (в основном «крестьянское» — 23,4% площади сельскохозяйственных угодий в 1998 г.) «приняло эстафету» в производстве зерна, сосредоточив к концу 90-х годов примерно четверть валовых сборов зерновых (см. табл. 3).

Происходит такая передислокация экономического потенциала потому, что порог окупаемости производства в «крестьянском» хозяйстве, опирающемся в значительной степени на собственные ресур-

[27] См. там же.

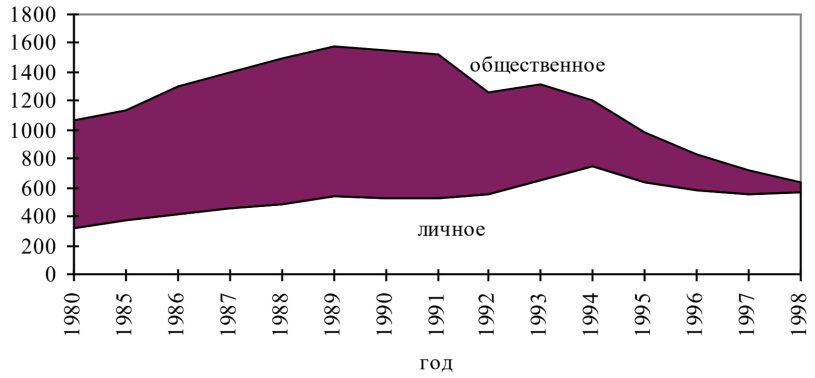
[28] Статистический ежегодник Казахстана. 1999, с.225.

сы (а также ресурсы бывшего общественного сектора)[29], существенно ниже, чем в крупном (коллективном общественном или капиталистическом) хозяйстве. (Напомним: эту закономерность блестяще доказал еще А.В. Чаянов на практике деятельности крестьянского хозяйства в дореволюционной России[30].)

Но в более убыточном животноводстве личное хозяйство, испытывая острейшую нехватку важнейшего компонента производства — кормов, пока оказывается способным лишь законсервировать накопленный к началу периода независимости свой производственный потенциал (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4

Казахстан: производство мяса в общественном и личном хозяйстве*, тыс.т



* *Составлено и подсчитано по:* Страны–члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с. 224–226; Содружество Независимых Государств в 1994 г. Статистический ежегодник. М., 1995, с. 225–228; Содружество Независимых Государств в 1998 г. Статистический ежегодник. М., 1999, с. 296,308; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988, с. 474; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1991, с. 68,69; Сельскохозяйственное производство в личных подсобных хозяйствах населения. Статистический сборник. М., 1991, с. 38,42; Статистический ежегодник Казахстана. 1999. Алматы, 1999, с. 236, 243.

Одно из проявлений «отката» в нынешней эволюции аграрного сектора Казахстана — резкое *возрастание роли натурального компонента в экономических отношениях*. Этот антирыночный процесс развивается по двум основным направлениям.

---

[29] Можно, в частности, высказать в связи с этим предположение: часть исчезнувшей с полей предприятий крупной сельскохозяйственной техники, по-видимому, оказалась на подворье «фермерских» хозяйств.

[30] *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства, в: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.: «Экономика», 1989, с.194–442.

Во-первых, дезорганизация народного хозяйства, обусловленная ломкой старых экономических форм хозяйства при неадекватном становлении новых, вызвала к жизни такое болезненное явление, как нарушение сложившихся механизмов денежного обращения, эрозия функции денег как средства платежа. В качестве последнего аграрная экономика выдвинула альтернативный, признанный сельским обществом, продукт — скот, который стал заменять деньги, конечно, с губительными последствиями для животноводства[31]. Значительное место в бартерных отношениях в агросфере занимают и другие виды земледельческого продукта, например, зерновые[32].

Во-вторых, рост экономического потенциала личного хозяйства, особенно «личного подсобного хозяйства», происходящий, как мы видели, за счет хозяйства «крупного» (отличающегося, как правило, более высокой товарностью), означает и рост объема натуральных отношений — ведь значительная часть натурального дохода в личном хозяйстве при его «эталонном» функционировании покрывает именно заработную плату работника, его ведущего[33]. При рыночной системе экономики ускоряющаяся товаризация личного хозяйства на основе его укрепления — насущнейшая задача.

Тем острее для личного хозяйства ныне стоит проблема его включения в более широкие экономические связи и в широкий рынок — посредством развертывания процессов его вертикальной интегра-

---

[31] «Основными причинами сокращения поголовья явилось то, что большое количество скота использовалось и продолжает использоваться в качестве платежного средства в погашении задолженности бюджету за выполняемые работы, оказанные услуги, приобретение ГСМ, техники, стройматериалов» (*Отаров К.М., Сатигулов С.Ш.* Состояние и перспективы развития животноводства в республике Казахстан, в: Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития, с.44).

[32] Подробнее см.: *Воробьев И., Кендюх И.* Формирование равновесного продовольственного рынка в Северном Казахстане, с. 36.

[33] Об одном из экономических типов производителей, возникающих в результате распада системы общественного хозяйства в Казахстане, группа авторов свидетельствует: «Опасение вызывает окрестьянивание или даже пауперизация значительного числа бывших совхозников и колхозников. Вместо того чтобы стать производителями, ориентированными на рынок, владельцами небольших, но эффективных хозяйств фермерского типа, эти люди в лучшем варианте могут оказаться в роли крестьян, ведущих некапиталистическое натуральное хозяйство, а в худшем варианте могут утратить средства даже для этого» (*Томас Д., Хазанов А., Шапиро К.* Скотоводство в Центральной Азии в переходный период: обзор программы и исследовательские планы, в: Современное состояние скотоводства и животноводства в Казахстане и перспективы их развития, с.35).

ции[34] (к слову сказать, теоретически глубоко исследованной А.В. Чаяновым на примере кооперативного строительства в российской деревне до начала ее всеобщей коллективизации[35]).

Таким образом, аграрный сектор современного Казахстана переживает острейший структурный кризис, связанный с изменениями основ социально–экономического порядка на земле. Этот кризис сопровождается катастрофическими по своим масштабам разрушениями экономического потенциала, созданного еще в эпоху «социализма». Вместе с тем, при всех громадных издержках, хозяйство агросферы постепенно приобретает новый социальный облик и новые экономические функции, утрачивая при этом крупные, не соответствующие рыночной экономике подразделения, функционирование которых предполагает отсутствие мотивации к экономии труда, расточительные издержки, рост убыточности производства; в чем, помимо прочего, находят адекватное отражение их остаточные «социалистические» корни.

Как показывает исторический опыт эволюции переходных систем хозяйства, опыт аграрной экономики Казахстана, в частности, по сравнению с тружениками сектора общественного хозяйства в его «социалистической» оболочке крестьянин — самостоятельный владелец хозяйства обладает неизмеримо большими возможностями реализовывать *личный интерес в производственной деятельности на земле*. Именно эта разность возможностей образует «вечный двигатель», приводящий в движение процессы крушения общественного хозяйства и становления на его обломках хозяйства частного (в Казахстане — в его крестьянско–фермерском обличии) в качестве главного экономического агента агросферы, опирающегося на рыночные детерминанты роста.

Аграрный сектор современного Казахстана *императивно нуждается в сильной, адекватной разрушениям экономического потенциала, сельскохозяйственной политике*. Эта политика, «политика спасения», неизбежно должна носить *комплексный характер*. Осуществлять такую политику — предназначение государства с его возможностями и средствами *комплексного регулирования* экономического процесса, оно, единственное, способно обеспечить условия и

---

[34] Различные формы такой интеграции, приемлемые в условиях аграрного сектора Казахстана, ныне все активнее начинают обсуждаться на страницах научных изданий. См., например: *Журкович Д.* Формирование финансовых агропромышленных систем в условиях Казахстана, в: Научная основа разработки и реализации региональных программ стабилизации и развития АПК. Новосибирск, 1998, с.67; *Воробьев И., Кендюх И.* Формирование равновесного продовольственного рынка в Северном Казахстане, с. 34.

[35] См., например: *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: «Наука», 1991.

механизмы для преодоления возникшего кризиса и перехода сельского хозяйства к стабильному поступательному росту.

Postscriptum (от июня 2004 года)

Хотя и с большим историческим опозданием, правящие группы Казахстана приступили к широкой реорганизации аграрной системы страны, закладке адекватных требованиям рыночного хозяйства условий экономического роста в селе/ауле. Начало этому, рассчитанному на далекую перспективу, процессу положено принятой в 2002 г. Государственной агропродовольственной программой, намеченной к реализации на 2003–2005 годы. По существу концептуализируется принципиально *новая модель аграрного сектора*.

Цели Программы — амбициозны. Для их достижения она предусматривает ряд взаимосвязанных практических действий — по следующим направлениям.

1. В Программе объявлено о создании в агросфере *«очагов роста»*, т.е. намечается развивать сельское хозяйство (по меньшей мере на начальных этапах) в рамках той концепции, которую реализовали на практике 30–40 лет назад многие страны Южной и Юго-Восточной Азии, осуществив «зеленую революцию» (см. гл. I, §3, «Индия»). Одновременно предусматривается решение крупных социальных задач. Так, предпринимаются даже попытки провести столь болезненные акции, как переселение значительных масс людей из районов, характеризуемых в Программе как «депрессивные», отличающиеся также и «депрессивной экономикой», в районы «благополучные», с лучшими экологическими условиями. Именно на такие районы, при ограниченности инвестиционных ресурсов, должна ориентироваться инвестиционная политика, принимающая ярко выраженный избирательный характер. И именно в таких районах ожидается оптимальная отдача инвестиционных (а также текущих производственных) затрат в агросфере[36].

2. Творцы новой стратегии аграрного развития намереваются осуществить глубокую *модернизацию производственно-технической базы сельского хозяйства*.

Загубленный и растасканный (из общественного хозяйства) в 90-х годах основной капитал намечается компенсировать за счет продукции национального сектора сельскохозяйственного машиностроения; по словам Министра сельского хозяйства, «этот потенциал уже работает на Программу»[37]. Радикальные изменения претерпевает эко-

---

[36] *Аграрный Казахстан.* 07.02.2003; 26.07.2002.

[37] *Аграрный Казахстан.* 07.02.2003.

номический механизм использования сельскохозяйственной техники. Если раньше последняя была распылена (на правах собственности), как и в России, по отдельным хозяйствам, то теперь в селе/ауле активно развивается более экономичный механизм *лизинга* сельскохозяйственного оборудования и машин, который уже «доказал свою жизнеспособность».

Для расширения и лучшей организации использования сельскохозяйственной техники на условиях лизинга в селе/ауле намечается создать сеть машинно-тракторных станций и сервис-центров, при этом государственные МТС «будут работать с участием частных лиц». Но как только МТС заработают в полную силу, государство будет освобождаться от своей собственности, продавая свою долю частникам[38]; иначе говоря, в условиях рыночной экономики государство намеревается выполнять в организации новой производственной базы на селе лишь функции своеобразного подрядчика, запускающего механизм в активную работу.

Рост применения средств интенсификации в сельском хозяйстве выглядит заметно скромнее. В 2002 г. товаропроизводителями было использовано в среднем лишь по 0,9 кг коммерческих минеральных удобрений на гектар пашни, причем государство на 40% субсидировало их реальную стоимость. На 2003 г. этот показатель намечалось увеличить до 2 кг/га, а в 2004 г. — до 10 кг/га («для нынешнего уровня интенсификации сельского хозяйства … это оптимальная цифра»)[39], против, напомним, 18,9 кг/га в 1990 г. (см. выше).

3. Программа предусматривает развертывание новых форм общественного разделения труда, связанного с движением производящегося в стране сельскохозяйственного продукта, создание *интегрированных цепочек перерабатывающих производств*. Тем самым предполагается достигнуть одновременно две цели: во-первых, заложить основы для развития отраслей, обеспечивающих, при сравнительно невысоких затратах, *эффективное наращивание вновь созданной стоимости* в важнейшем народнохозяйственном комплексе; а, во-вторых, способствовать *освобождению страны от зависимости от продовольственного импорта*, тем более, что *укрепление продовольственной безопасности* страны провозглашено важнейшей целью Программы.

Даже в начале XXI века аграрное хозяйство Казахстана по преимуществу выполняло функцию «голого» поставщика сельскохо-

[38] *Аграрный Казахстан*. 26.07.2002
[39] Там же.

зяйственного сырья. По свидетельству Премьер-министра правительства РК, к началу 2003 г. в Казахстане перерабатывалось только 11% произведенного молока, 10 — мяса, 14 — урожая зерновых и 48% — масличных культур. Импорт обеспечивал 60% потребляемого в стране сливочного масла, до 80% сухого и концентрированного молока и т.д.[40].

4. Принципиально новая роль в формирующейся новой системе производства отводится *государству* и его институтам. Покончить с практикой «социализма», все еще находящей себе прибежище в деятельности государства на селе, объявлено одной из значимых целей аграрных трансформаций. Так, по словам Президента РК, «мы не можем и не будем возрождать былую практику иждивенчества и государственного патернализма … поддержка аула (села) не должна и не будет заключаться в повальном субсидировании и безвозвратном финансировании всего и вся»[41]. Теперь, как свидетельствует Министр сельского хозяйства РК, «государственная поддержка … выразится в создании благоприятных экономических условий для плодотворного труда»[42]. Более того, в деятельности государства в аграрном секторе повсеместно утверждается принцип *избирательности*, причем — двоякой. С одной стороны, «государственная поддержка должна быть селективно направлена только на те *территории*, которые перспективны для жизнедеятельности человека и *развития рынка* (курсив наш. — *Авт.*)», а с другой, «программы субсидирования и кредитования *сельских товаропроизводителей* рассчитаны на тех, кто способен эффективно и умело трудиться, используя передовой опыт, знания и навыки (курсив наш. — *Авт.*)»[43].

На осуществление Программы государство выделяет на три года довольно крупные (для Казахстана) суммы — около одного миллиарда ам. долларов (в исчислении по обменному курсу на июнь 2002 г. — 950 млн. ам. долларов), которые проектируется реализовать по следующим направлениям: финансирование (субсидирование) производства элитных семян, развития племенного дела, сертификации семенного материала (т.е. намечается по возможности в большей степени использовать достижения биотехнологической революции); финансирование (субсидирование) реализации на селе технических средств интенсификации сельского хозяйства (минеральных удоб-

[40] *Аграрный Казахстан*. 14.02.2003; 26.07.2002.
[41] Цит. по: *Аграрный Казахстан*. 26.07.2002.
[42] Цит. по: *Аграрный Казахстан*. 17.01.2003.
[43] Цит. по: *Аграрный Казахстан*. 07.02.2003.

рений, протравителей, гербицидов, услуг по доставке на поля поливной воды); финансирование затрат на борьбу с особо опасными болезнями животных и растений; кредитование посевных и уборочных работ, создание альтернативных систем кредитования (в том числе совместных кредитных кооперативов — сельских товаропроизводителей, с одной стороны, и государства, с другой); укрепление машинно-тракторного парка (вплоть до организации предприятий по производству запасных частей); наконец, осуществление закупочных операций с зерном, кредитование и субсидирование перерабатывающих предприятий и др.[44].

5. Задача построения рыночной экономики, провозглашенная в агропродовольственной программе, в условиях нарастающего влияния «внешних» факторов экономического процесса, в частности мирового рынка, во весь рост выдвигает перед правящими кругами страны проблему *конкурентоспособности* продукции агропродовольственного комплекса. Повышение конкурентоспособности входит в число «основных приоритетов» Программы, причем не только потому, что феномен конкурентоспособности образует подлинный критерий эффективности хозяйственной деятельности, своего рода «лакмусовую бумажку», характеризующую степень рыночного развития, оцениваемого по «внутренним» меркам аграрного сектора страны, но и потому, что Казахстан стремится создать мощное конкурентоспособное экспорториентированное аграрное хозяйство, используя свои обильные природные ресурсы. Острота проблемы конкурентоспособности аграрной продукции страны состоит, помимо прочего, в том, что Казахстан относится к числу стран, где исторически издержки производства «не считали» и, тем более, не проверяли их рациональность методами рыночного механизма (в частности, в «социалистическую» эпоху, пережитую Казахстаном, отторжение его аграрного хозяйства от действительного рынка было целенаправленным и всеобъемлющим). Даже сейчас, в начале XXI века, по оценке вице-министра сельского хозяйства РК, «отсутствие достоверной информации о затратах на производство (сельскохозяйственной. — *Авт.*) продукции… представляет большую проблему в оценке конкурентоспособности и ее роста»[45]. Между тем внутренний рынок Казахстана отличает засилье импортной продовольственной продукции, доля которой «остается высокой». Более того, как показывает сегодняшний опыт, «по всем продуктам (сельскохозяйственным. — *Авт.*) казахстанские товаропроизводители проигрывают ценовую конкуренцию», в том числе России, главному экспортеру продовольствия в Казахстан (60% импорта страны), и тем более — США (ценовой разрыв по единственному импортируемому

[44] *Аграрный Казахстан*. 17.01.2003.
[45] *Аграрный Казахстан*. 21.02.2003.

Казахстаном из США продукту — мясу птицы составляет 1,5–3 раза)[46].

Решать эту острейшую проблему экономического роста в рыночном хозяйстве, в преддверии вступления Казахстана в ВТО, намечается с помощью серии взаимосвязанных мер. К числу последних относится резкое наращивание потенциала *перерабатывающих отраслей промышленности*. При этом именно государство, а не частный производитель, возлагает на себя (пока) все бремя издержек по *сокращению издержек* производства в агропромышленном комплексе, ориентированном на выпуск товарного продукта. Для этого, как и в сфере сельского хозяйства, существенно расширяется (за счет средств государственного бюджета) практика лизинга оборудования на предприятиях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, с предоставлением последним специальных кредитов по льготным ставкам с рассрочкой платежей по ним (тем самым удешевляется для производителей используемый ими основной капитал, расходы по которому составляют заметную часть издержек); кредиты по льготной ставке предоставляются и на пополнение оборотного капитала таких предприятий. Стимулирование конкурентоспособности отечественной перерабатывающей промышленности предполагается усилить и посредством такого механизма, как «приведение технических и технологических стандартов производства и контроля качества продукции в соответствие с международными требованиями». Наконец, остро ставится и вопрос об усилении притока государственных субсидий в агропродовольственный комплекс, тем более что, по оценке казахстанских специалистов, уровень субсидирования АПК Казахстана несопоставим с таковым в развитых зарубежных странах, особенно в странах ЕС[47]. Как видно, решать задачу повышения конкурентоспособности агропромышленного комплекса Казахстана намечается (или — по ряду аспектов ее — предполагается) исключительно посредством работы *распределительного механизма* государства. До фундаментального источника сокращения издержек — *сбережения труда* (и, соответственно, роста его производительности), причем в пределах, отвечающих «нормативным» требованиям мирового рынка, в орбиту которого Казахстан стремится органично включиться, стране предстоит еще пройти неблизкий путь. Но именно на этом пути формируются базисные (устойчивые) условия, обеспечивающие и поддерживающие вожделенную конкурентоспособность.

6. Существенные изменения намечается произвести в составе экономических агентов в селе/ауле. Принятый в 2002 г. «Земельный

---

[46] Там же.

[47] См. *Аграрный Казахстан*. 21.02.2003 (по материалам статьи вице-министра сельского хозяйства РК); см. также: *Аграрный Казахстан*. 26.07.2002; 07.02.2003; 14.02.2003.

кодекс» вводит частную собственность на земли сельскохозяйственного назначения (хотя и с определенными ограничениями); систему долгосрочной аренды (до 49 лет) с правом выкупа арендатором земли в собственность. При этом основную ставку правящая элита делает на *крупное и очень крупное фермерское хозяйство*, выдвигая в качестве одного из «основных приоритетов» агропродовольственной программы «формирование эффективной системы агробизнеса»[48]. В начале 2003 г. фермеры Казахстана производили уже 25% валовой продукции сельского хозяйства[49]. Экспансия фермерской экономики, как видно, оказалась в Казахстане более значительной, чем в России (см. гл. III, §5).

Предельные (максимальные) размеры земельного участка, который может находиться на праве собственности у гражданина Казахстана (на иностранцев это правило не распространяется) для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, — огромны; в Акмолинской и Алматинской областях они достигают 9,4 тыс. га, в Кызылординской и Карагандинской — 15 тыс. га, а в Западно-Казахстанской и Актюбинской — даже 24–25 тыс. га и т.д.[50]. По свидетельствам наблюдателей, «в недавнем прошлом право на землепользование люди продавали друг другу за бутылку спиртного. Сейчас же «кран прикручивается, на землю приходят люди, которым удочка дороже, чем рыба». В этом суть перемен, происходящих на лугах, пашнях и пастбищах (Казахстана. — *Авт.*)»[51].

Наконец, несколько слов о характере рынка сельскохозяйственной продукции в Казахстане. Этот рынок, по свидетельству авторитетных представителей государства, — фрагментарный, отличающийся высокой степенью монополизма, его примечательная черта — «развитие «паразитирующей» сети посредников», распространенная практика «ценовых сговоров» (совсем как в России; см. гл. III, §5). «Восстановление *единого рынка сельскохозяйственной продукции* (курсив наш. — *Авт.*)» с его конкурентными ценами — важнейшая цель новой сельскохозяйственной политики[52].

Такова, вкратце, возможная новая модель аграрного хозяйства Казахстана, в результате утверждения которой предполагается и надежно обеспечивать продовольственную безопасность страны, и устойчиво развивать производственный потенциал сельского хозяйства в русле рыночных реалий.

---

[48] *Аграрный Казахстан*. 26.07.2002.
[49] *Аграрный Казахстан*. 07.02.2003.
[50] *Аграрный Казахстан*. 07.11.2003.
[51] *Аграрный Казахстан*. 28.11.2003.
[52] *Аграрный Казахстан*. 14.02.2003 (по материалам выступления Премьер-министра РК).

SUMMARY

Patterns of Agricultural Growth Through the XXth Century

India, Japan, USA Russia, Uzbekistan, Kazakhstan

This work is of a kind of a pioneer study whereby a new vision on economic process in farm economy is suggested for a period from the end of the XIXth century to the beginning of the XXIst one. The economic growth in six typologically different agrarian sectors (of India, Japan, USA, Russia, Uzbekistan, Kazakhstan) are in the focus of the authors' attention. Some estimations from Pakistan realities are used as well to clarify the peculiar aspects of agricultural growth.

The present study is divided into three major interrelated parts. In the beginning we get to estimate briefly the types and the course of the long-term changes in the techno-economic structure of agriculture by the countries concerned. These were appraised, firstly, by predominant ratio of the initial factors of production in agriculture (i.e. live labour and land), and, secondly, by the long-run changes in the structure of production costs. (The relevant statistical data are cited at length.) Taken together, the results of both estimates served to establish and characterize the transition processes through specific socio-economic stages of agricultural development flow in the XXth century retrospection (i.e. traditional stage; pre-industrial manufacture-kind farming; industrial stage of production; science-intensive farming, as a manifestation of growing realities of information stage). Such an approach helped to interpret the notion «modern economic growth» within the framework of comparable analysis, with reference to the agricultural sector of national economy especially.

Another part is concentrated on developing market qualities inherent in the agrarian sectors concerned. How these were changed during the XXth Century? Two aspects of prime importance are singled out by the authors. The first one is the intra - and intersectorial processes of social division of labour and, correspondingly, the commodity production in agriculture that develops due to this processes. Keeping in view the long-term series of statistical data, of 50 to 150 years of duration, the authors conceptualize the typological models of agriculture-based commodity production. Thus, there appears the model of a «standard»-type development, for which the agrarian sector of USA serves a vivid example; then, the model of a «hotbed» commodity-type farming which is manifested adequately in Japanese agricultural system; the phenomenon of «fading» market-oriented

farming is represented by the vast areas of Indian agricultural economy, which suffer from increasing population pressure on the land as an object of economic activity.

The second aspect is what is the historical role and long-term consequences of the influence of extra-economic compulsion system for market mechanisms to form. Here the authors cite extensively the historical experience of the Russian (Soviet) agrarian sector development at a protracted retrospection, since 1917 year. They argue of how the «socialistic» pattern of Soviet-type economy gave a rise to the farm system distinguished with a rooted practice of mismatch exchange through both, intra- and intersectorial, forms to the detriment of agriculture and its workers; agricultural costs which, instead of reducing, tended to increase, with farmers' returns changing in the opposite direction; a non-viable economy, which took positions of domination in Russian (Soviet) agriculture since the 80th of the XXth century, etc.

The reader's attention is sure to be attracted with the comprehensive analysis of social and economical relationship between the collective farm system of the Soviet times, on the one hand, and the power phenomenon as a dominant governing force in a non-market (or pseudo-market) economy, on the other. Bottle-necks of agricultural growth in post-soviet Russia are brought to light too.

One more field of the present research is the unevenness of agricultural growth that is viewed through a protracted period of historical time. Kondratiev's methodology for studying the «big cycles», each of 50 to 60 years of length, is used to explore the phenomenon of uneven agricultural growth in the six countries under consideration. Moreover, Kondratiev's methodology is adapted by the authors specially to appreciate the «long waves» activity in agriculture.

The authors identify two «big cycles» in farm economy dynamics, the first one that lasted since the 80th or 90th of the XIXth century to the mid–XXth century, and the second one that started at the mid–XXth century and continued to the end of the 1990th. The study discusses the specific qualities of both cycles, by country-to-country approach; moreover, the qualities generated by globe-based processes, on the one hand, and by national particulars, on the other, are singled out. The first «big cycle» is, *inter alia*, distinguished with the time–lagging involvement of farm economy of a number of countries into the commanding mechanisms of the world market. Thus a «reflex–type cycle», as it is called by the authors, appeared that was universally typical of the agrarian sectors' dynamics in the former colonial and dependent countries up to the mid–XXth century. (The aftermath of this «anomaly» can be traced within the time limits of the second «big cycle» of the XXth century as well.)

The dependence of the cyclical waves on the fluctuations of the free market forces is more vividly expressed for the first «big cycle», than for the second one; the latter progressed in agriculture in market economies, accompanied by the active state regulation policies which evidently reduced exigencies of the elementary market situation. Moreover, as for the recent (second) «big cycle», a special reference is made to many–sided influence of the scientific and technological revolution, in particular on its information stage, on the cyclical wave dynamics, with the effect that cycle phases (either of expansion or of contraction or even both) are liable to modifications within the cycle time limits.

The structure of cyclical wave is appraised at a long-term retrospection by factors of land productivity, efficiency of labour, capital formation (India) and developmental stage of commodity production in agriculture. Agricultural «big cycle» is considered a part of the world-wide social «big cycle» (by I. Wallerstein's view in particular).

The authors argue of why and in what way the competitive races, imposed on the Soviet agricultural sector by communist political forces, with the farfetched aim, i.e. to achieve the landmarks of the USA farm sector, were doomed to failure long before the USSR decline.

The study is provided with rich statistical data drawn almost exclusively from the original national sources. Worked out in an analytical manner and extended for the full range of a century (and even for a more prolonged period of time in some cases), these are earmarked to illustrate the changing comparable parameters of the six agricultural growth models taken both by groups or one by one. In this sense the statistical series found in the book are valuable in its own right. The processes under study are extensively mapped in graphic form.

Contents

FROM THE AUTHORS

P a r t o n e

TECHNO-ECONOMIC MODELS OF AGRICULTURAL GROWTH THROUGH THE XXth CENTURY

Chapter I. ECONOMIC GROWTH IN AGRICULTURE AS REFLECTED IN THE MIRROR OF PRODUCTION COSTS DYNAMICS

1. *Modern economic growth: its two initial models in agriculture*

2. *A short survey of the national statistical data concerning the costs of production in agriculture*

3. *Modern economic growth in agriculture. A country-wise analysis*

The countries with market economy

USA

Japan

India

The countries with non-market economy (and transitional economy since the 1990th)

Russia

Uzbekistan

A short conclusion. On the distinctions in techno-economic models of agricultural growth vis-à-vis the distinctions in efficiency of production

P a r t t w o

MARKET, PSEUDO-MARKET AND AGRICULTURAL GROWTH

Chapter II. THE MODELS OF DEVELOPING COMMODITY PRODUCTION IN THE AGRARIAN SECTOR. THE XXth CENTURY. COUNTRIES WITH MARKET ECONOMY: USA, JAPAN, INDIA

1. *USA. The classical ("standard") market-based form of economic relationship in agrosphere*

2. *Japan. A "hotbed" market for the small agricultural producer*

3. *India. A "fading" market-oriented production in the agrarian sector*

Resume. Common and peculiar features in the market-based models of production in the agrarian sector

Chapter III.THE MODELS OF DEVELOPING COMMODITY PRODUCTION IN THE AGRARIAN SECTOR. THE XXth CENTURY (continued). THE MARKET TENDENCIES IN AGRICULTURE *versus* POWER: RUSSIA

1. *Marginalization of agricultural farming and the long-run consequences resulted thereupon (the1910s to the1920s)*
2. *The Power and the "kolkhozes" (collective farms)*
3. *Trends in the proportions of the agricultural produce procured and purchased by the government and of that sold at the market (the1930s to the1980s)*
4. *The market tides in the post-soviet agricultural economy of the1990s*
5. *Century-old changes in the strength of economic agents in agriculture*

Endogenous economic agents

Exogenous economic agents

Some particular additions to the characteristics for the newly rising socio-economic systems in agriculture

Chapter IV. THE BUILT-IN DEPRESSORS IN AGRICULTURAL GROWTH UNDER THE "KRATOKRATIA" REGIME: RUSSIA

1. *Prologue: the formation of a non-market mechanism of mismatch exchange (the border of the 1920s –1930s).*
2. *From the reign of mismatch exchange to the "normalized" appropriation of the "kolkhoz" product*
3. *The rising costs and subsidies in agriculture, or how to hide one's head under sand (the1960s to the beginning of the1990s)*
4. *"Socialistic" paradoxes in agricultural growth*
5. *Agrarian economy on the way to the market: vulnerable points of growth by the beginning of the XXIst century*

Part three

CYCLICAL UNEVENNESS OF AGRICULTURAL GROWTH

Introduction

Chapter V. THE SECOND "BIG CYCLE" OF THE XXth CENTURY IN FARM ECONOMY

1. *The methodology for research of the "big cycles" in farm economy*
2. *The country-wise patterns of cyclical dynamics in farm economy. Agricultural productivity, efficiency of labour*

The Countries with domination of “land-saving” technologies
Japan
India
Uzbekistan.
The Countries with domination of “labour-saving” technologies
USA
Russia
Kazakhstan

3. *The country-wise patterns of cyclical dynamics in farm economy (continued). Commodity and pseudo-commodity product*

4. *Macroeconomic effects of the Second “big cycle” in farm economy. A “bird’s-eye” view*

5. *Macroeconomic effects of the Second “big cycle” in farm economy. (continued). The races of the Former USSR farm economy for the USA agricultural landmarks: the results by the beginning of the XXIst century*

Chapter VI. THE FIRST “BIG CYCLE” OF THE XXth CENTURY IN FARM ECONOMY

1. *Peculiar features of the First “big cycle” and the methods of its analysis. A short outline.*

2. *The unevenness of cyclical dynamics in farm economy at the end of the XIXth to the middle of the XXth century. The country-wise patterns of cyclical wave in the context of changing world economy conditions.*

3. *The concluding remarks from the analysis into the dynamics of the First “big cycle”*

Postscript. AGRICULTURAL CYCLE AS A PHENOMENON OF THE CYCLICAL WORLD-WISE DYNAMICS IN THE XXth CENTURY

APPENDIX

1. *Statistical tables*

2. *India: Land reforms in the second half of the XXth century*

3. *Agrarian Kazakhstan: the thorny path of growth in the transitional economy as on the end of the XXth century*

SUMMARY

Научное издание

Растянников Виктор Георгиевич
Дерюгина Ирина Владимировна

МОДЕЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО РОСТА в XX веке Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Публикуется
в авторской редакции

Компьютерная верстка,
оформление *И.В. Дерюгина*

Сдано в набор 30.04.04. Подписано к печати 24.05.04.
Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Усл. п.л. 40,0.
Уч.-изд. л. 43,2. Тираж 400 экз. Заказ № 57.

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28 апреля 2001г.
Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12.
Научно-издательский отдел
Заведующий отделом *Ю.В. Чудодеев.*

ООО «Пандора–1»
107143, Москва Б–143, Открытое шоссе, 28